P 112/208

D 112
208

Р 112/208

М. ДУБИНСКІЙ
(М. Полтавскій).

ЖЕНЩИНА

ВЪ ЖИЗНИ ВЕЛИКИХЪ

и

ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Ehret die Frauen, sie flechten und weben
Himlische Rosen ins irdische Leben.
Шиллеръ.

РОССІЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

Иллюстрированное приложеніе

къ „ВѢСТНИКУ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ 1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, № 16.
1900.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
18112-95

Вмѣсто предисловія.

Не знаю, кто сказалъ, что женщина—все. Можетъ быть, это преувеличеніе. Но вѣдь въ самомъ дѣлѣ женщина какъ будто все. Можно себѣ представить благоустроенную семью безъ дѣтей, безъ родни, безъ знакомыхъ, но возможна ли она безъ женщины? Она царитъ у домашняго очага, законодательствуетъ въ обществѣ и нерѣдко держитъ въ своихъ рукахъ таинственныя пружины, которыми приводятся въ движеніе цѣлыя государства. Женщина вездѣ. Лишенная правъ, не имѣя законной возможности соперничать съ мужчиною въ наиболѣе существенныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, она гордо поднимаетъ голову надъ кропотливой возней своего тирана, и тотъ, кто считаетъ себя ея повелителемъ, покорно пресмыкается у ея ногъ, не замѣчая даже своего стыда и униженія. Разверните книгу прошлаго, вспомните исторію народовъ и царствъ. Гдѣ не играла она самовластной роли, эта униженная и оскорбленная, не обладавшая даже священнѣйшимъ изъ благъ—свободою идти туда, куда влечетъ ее свободный умъ? Мы знаемъ людей, которые не преклоняли гордой головы передъ сильными міра, въ то же время безропотно творя волю слабаго созданія, вся сила котораго въ его слабости. Самсонъ и Далила—не легенда, а символъ. Это—олицетвореніе двухъ половинъ человѣческаго рода, изъ которыхъ одна дѣйствуетъ мощью своего физическаго существа, а другая мощью своего внутренняго обаянія. Не женщина ли украсила жизнь перваго человѣка и не она ли отняла у него все, что составляло его силу, красу и величіе? Съ самаго начала бытія стала она около него, но не для того, чтобы быть его спутникомъ, а чтобы властвовать надъ нимъ, подчинить его своему игу и увлечь въ своемъ паденіи. И мужчина самъ наложилъ на себя принесенныя ею цѣпи и безъ спора уступилъ ей первородство, не получивъ взамѣнъ даже жалкой чашки чечевичной похлебки...

Не всѣ раздѣляли это мнѣніе. Вольтеръ готовъ былъ отдать двухъ женъ тому, кто возьметъ у него третью. Конфуцій прогналъ свою жену, такъ какъ она мѣшала его занятіямъ. Говорятъ, что одинъ философъ древности три года не поднималъ глазъ, опасаясь, какъ бы они не остановились на женщинѣ. Мусульманскіе мудрецы, опираясь на Коранъ и опытъ, вынесенный изъ жизни, считаютъ женщину низшимъ существомъ и совѣтуютъ мужьямъ, желающимъ пользоваться семейнымъ счастьемъ: «Если ты находишься въ крайне затруднительномъ положеніи и не знаешь, что дѣлать, собери друзей своихъ, угости ихъ, изложи имъ все дѣло и поступи, какъ они тебѣ посовѣтуютъ. Если нѣтъ у тебя друзей, посовѣтуйся съ первымъ встрѣчнымъ и исполни его

совѣтъ. Но если около тебя нѣтъ ни друзей, ни мужчины, съ которымъ ты могъ бы посовѣтоваться, тогда изложи обстоятельно все дѣло женѣ, попроси ея совѣта, выслушай терпѣливо все, что она тебѣ скажетъ, и сдѣлай совершенно наоборотъ». И у насъ во времена Домостроя—да и тогда ли только?—женщина считалась дополнительнымъ существомъ, чѣмъ-то вродѣ домашней мебели. Ученые изслѣдовали ея мозгъ и нашли, что она самой природой предназначена къ тому, чтобы играть подчиненную роль подъ властительною ферулою мужчины. Но можетъ ли все это измѣнить общее положеніе? Женщина—все не только въ положительномъ, но и въ отрицательномъ смыслѣ. Выйдите на улицу. Если навстрѣчу идетъ пожилой господинъ съ спокойнымъ лицомъ и медлительными движеніями, не говорите, что онъ богатъ, что у него прочное положеніе въ обществѣ, что ему нечего волноваться, такъ какъ завтрашній день не принесетъ ему ни огорченій, ни заботъ. Нѣтъ, женщина создала ему спокойствіе. Она навѣяла на него думу о мирномъ бытіи подъ мирными небесами. Если это не жена, то дочь, если не дочь, то подруга. Наоборотъ, если мужчина, котораго вы встрѣтили, растрепанъ, измятъ, развинченъ,—о, смѣло поднимите указательный палецъ и воскликните: «Вотъ слѣды женскаго вліянія.» Можетъ быть, въ жизни этого человѣка женщина никогда не играла роли, но въ такомъ случаѣ «все», которое представляетъ собою женщина, и будетъ заключаться въ отсутствіи женскаго элемента. Сколько погибло мужчинъ только потому, что на ихъ жизненномъ пути не встрѣтилось женщины, которая иногда любитъ, иногда ненавидитъ—это все равно,—но которая всегда придаетъ жизни упругость, силу и движеніе! Благодаря ей, родились поэты, потому что развѣ слышали бы мы трели соловья, если бы недалеко отъ него не сидѣла на вѣткѣ другая птичка, для которой весь его восторгъ и пѣснопѣніе? Прозаики-беллетристы не создавали бы романовъ: гдѣ встрѣтили бы они больше всего вниманія, какъ не среди женщинъ, составляющихъ ядро въ кругу почитателей его таланта? Есть писатели для дѣтей, для юношества, для лицъ извѣстнаго сословія или класса, но нѣтъ писателей для женщинъ, потому что романъ, написанный для женщинъ, написанъ для всѣхъ. А художники? Не одна ли только женская красота являлась для нихъ путеводной звѣздой въ океанѣ чувствъ, съ которыми они погружаются въ бездонное море искусства? Можно смѣло сказать, что если бы не было женщины, не было бы поэзіи, литературы, живописи, скульптуры, музыки, не было бы красокъ, звуковъ, словъ,—ничего бы не было.

Можно было бы наполнить цѣлые томы одними только восторженными отзывами и славословіями, которыми выдающіеся представители культуры наградили прекрасную половину человѣческаго рода. Гёте, который любилъ многихъ женщинъ и самъ былъ любимъ ими, говорилъ: «Женщина—вѣнецъ творенія». Шиллеръ возвелъ поклоненіе женщинѣ въ особый культъ, восклицая въ минуты высокаго душевнаго подъема: «Чтите женщинъ, онѣ вплетаютъ небесныя розы въ земную жизнь». Кальдеронъ ставилъ женщину необычайно высоко. «Женщина,—говорилъ онъ,—небо, но небо это такъ же далеко отъ мужчины, какъ земля отъ небеснаго свода». Вездѣ и повсюду выступаетъ на первый планъ благоговѣйное отношеніе къ женщинѣ, вездѣ ей курятъ ѳиміамъ и ставятъ жертвенники. Даже тѣ, которые относились къ ней отрица-

тельно, дѣлали это потому, что сознавали неотразимость ея власти. Они убѣгали отъ женщины, но она гналась за ними, какъ тѣнь, неслышная, неосязаемая, но неотступная. Монтэнь восклицалъ: «Если бы все шло по моему желанію, то я не женился бы даже на самой Мудрости, хотя бы она пламенѣла ко мнѣ огненной страстью. Но напрасна борьба, мужчина долженъ подчиниться». Тутъ дѣло идетъ о законномъ бракѣ, но для каждаго ясно, что бракъ только одна изъ многочисленныхъ формъ отношеній къ женщинѣ. Онѣ многочисленны, потому что многочисленны и разнообразны всѣ сферы духа и естества, въ которыхъ повелѣваетъ женщина. Не всегда она вплетаетъ небесныя розы въ земную жизнь мужчины; вмѣсто розъ иногда появляется и репейникъ, но радости бытія такъ многообразны, и мало ли поэтовъ смотрѣли на горечь отравы, которую подносили имъ женщины, какъ на небесный нектаръ?

Женщина не только кладетъ отпечатокъ на существо мужчины, она во многихъ случаяхъ составляетъ все его содержаніе. Можно сказать, что мужчина—сумма отношеній къ женщинѣ. Она даетъ ему жизнь — высшее благо, безъ котораго были бы немыслимы всякія другія блага, а когда жизнь уже есть, она является къ нему въ видѣ любимой матери, для которой нѣтъ ничего, чѣмъ бы она ни пожертвовала, когда дѣло идетъ о ея родномъ дѣтищѣ. Затѣмъ она приходитъ къ нему въ видѣ отдаленной мечты, блѣдной и неясной, озаряющей первые проблески его самосознанія, когда онъ находится еще на школьной скамьѣ, но увлекается уже мыслью въ лабиринтъ чувствъ. О, какъ радужны и невинны эти мечты, окутанныя дымкою запретности и тайны! А когда заря юности всходитъ въ его душѣ, украшая ее самыми причудливыми узорами и красками, она становится на его дорогѣ молодой очаровательной дѣвушкой и даритъ его нѣжнымъ поцѣлуемъ, первымъ поцѣлуемъ, магическое дѣйствіе котораго онъ тщетно искалъ бы въ поцѣлуѣ матери. Затѣмъ она сопровождаетъ его на жизненномъ пути въ видѣ жены, сестры, дочери, подруги. Она бережетъ его покой, подслушиваетъ его завѣтныя думы, охлаждаетъ излишній жаръ, ослабляетъ излишній холодъ. Гдѣ тотъ мужчина, который, пройдя сквозь горнило женскаго вліянія, не очистился бы сердцемъ и душой, если даже онъ пороченъ, и не захотѣлъ бы помириться съ міромъ, не захотѣлъ бы любить, молиться и вѣровать добру, какъ захотѣлъ лермонтовскій Демонъ послѣ встрѣчи съ Тамарой? И развѣ не этотъ процессъ духовнаго возрожденія подъ вліяніемъ женщины такъ ярко живописуетъ Пушкинъ, который также много любилъ на своемъ вѣку, въ маленькомъ, но удивительномъ по яркости и выпуклости стихотвореніи, кстати сказать, также посвященномъ женщинѣ [1])?

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты.

[1]) А. П. Кернъ.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.
Въ глуши, во мракѣ заточенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.
Душѣ настало пробужденье,
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
И сердце бьется въ упоеньи,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Есть прекрасная легенда. Я слышалъ ее еще юношею и не помню, какому народу она принадлежитъ; но она такъ ярко рисуетъ значеніе женщины въ жизни мужчины, что лучшую иллюстрацію для оттѣненія идеи въ самой наглядной формѣ трудно найти. Это было во времена сѣдой старины, когда Божество только-что создало землю, треножникъ своего величія, и человѣка, который могъ бы созерцать это величіе. Онъ не былъ Адамомъ, потому что легенда относится къ языческому народу, но онъ былъ одинокъ, какъ Адамъ, и блуждалъ по безцвѣтнымъ полямъ пустыннаго Эдема, равнодушный и унылый, напрасно отыскивая предметъ, который чѣмъ-нибудь приковалъ бы къ себѣ его глазъ или ухо. Все было пустынно и мертво. Вселенная только-что вышла изъ великой мастерской Божества и ничѣмъ не радовала его нетронутаго сердца. Долго блуждалъ человѣкъ и, наконецъ, взмолился:

— О, Всесильный, Ты далъ мнѣ глаза, чтобы видѣть, но все кругомъ такъ мертво и однообразно! Я усталъ смотрѣть на безжизненный просторъ полей, потому что въ немъ все сѣро и однообразно. Нѣтъ ни одной точки, на которой я могъ бы остановить опечаленные взоры.

Не успѣлъ онъ вымолвить послѣдняго слова, какъ около него показался незнакомый предметъ. То была роза. Ея нѣжные лепестки какъ бы сложились въ боязливую семью и съ легкимъ трепетомъ тянулись къ устамъ человѣка. И человѣкъ ожилъ. Онъ былъ счастливъ. Онъ обожалъ невиданный цвѣтокъ всею силою первобытнаго чувства. Цѣлые дни проводилъ онъ въ созерцаніи неожиданнаго гостя, и уста его безустанно шептали слова благодарности Божеству, величественно возсѣдавшему на своемъ треножникѣ.

Но недолго продолжалось это счастіе. Человѣкъ усталъ въ безпрерывномъ общеніи съ неземнымъ созданіемъ, которое было прекрасно, но ничѣмъ не могло отвѣтить ему на пылкое чувство. Ему нужно было существо, которое умѣло бы ласкать его слухъ, наполнять воздухъ звуками своего голоса. И онъ снова взмолился:

— О, Всесильный, Ты далъ мнѣ слухъ и создалъ во мнѣ потребность не только говорить, но и слышать, какъ говорятъ другіе. Неполно мое счастіе, Всесильный.

И опять совершилось чудо: не успѣлъ онъ промолвить послѣднее слово, какъ около него запорхала птичка. Послышалось веселое щебетаніе. Переливы неслышанныхъ раньше звуковъ задрожали въ воздухѣ жизнерадостными аккордами, вливая въ его сердце потоки новаго, не-

извѣданнаго чувства. Человѣкъ былъ опять счастливъ. Дивныя краски цвѣтка ласкали его зрѣніе, аккорды пѣсни очаровывали слухъ. Онъ былъ полонъ блаженства и его уста шептали слова любви и признательности.

Но прошло много лѣтъ, и человѣкъ снова взмолился:

— О, Всесильный, Ты далъ мнѣ жизнь и блага жизни, но не далъ существа, которое могло бы принять участіе въ моей радости. Ласка нужна мнѣ, Всесильный. Я усталъ въ созерцаніи безмолвной красоты цвѣтка и не радуетъ меня веселое чириканье птички, которая чуждается меня и улетаетъ, когда протяну къ ней руку.

И вдругъ—о, чудо!—не успѣлъ онъ вымолвить послѣдняго слова, какъ появилась собачка. Съ радостнымъ визгомъ и лаемъ подбѣжала она къ человѣку, вскочила къ нему на колѣни, бросилась на грудь и начала лизать его лицо и руки. Какой восторгъ! Какое упоеніе! Да, только этого милаго, добраго, преданнаго существа ему недоставало! Она не отходитъ отъ него ни на шагъ, бережетъ его сонъ, согрѣваетъ его любовнымъ жаромъ. Теперь у него все. Больше ему ничего не нужно, ничего...

Но Божество, возсѣдая на треножникѣ своего величія, землѣ, спокойнымъ окомъ созерцало радость перваго человѣка и думало о судьбѣ первенца, для котораго не настала еще минута полнаго счастія. Оно видѣло, что человѣкъ не доволенъ еще жизнью, что около него нѣтъ предмета, который могъ бы ему замѣнить всѣ прежніе, который цвѣлъ бы, какъ роза, чирикалъ бы, какъ птичка, и ласкался бы и былъ преданъ, какъ это маленькое доброе животное, никогда не отходящее отъ него ни на шагъ. Оно знало, что человѣку нуженъ еще разумный другъ и сознательный товарищъ и что до тѣхъ поръ, пока не будетъ у него этого товарища и друга, онъ будетъ попрежнему томиться и тосковать. И человѣкъ дѣйствительно взмолился вскорѣ.

— О, Всесильный, я всѣмъ доволенъ и благодаренъ за все. Но не преступенъ я, если сердце проситъ иного, лучшаго. Ты далъ мнѣ разумъ и волю, Ты вселилъ въ меня потребность стремиться и желать. Когда же успокоится мой тревожный умъ? Когда же самъ я скажу себѣ: «Довольно»?

И исполненнымъ мольбою взоромъ человѣкъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣло Божество на своемъ величественномъ треножникѣ. О, чудо, Божества больше не было! Оно унеслось въ безпредѣльныя пространства вселенной, а на Его мѣстѣ, вся въ цвѣтахъ радуги, озаренная небеснымъ сіяніемъ, свѣтлая, какъ улыбка младенца, и прекрасная, какъ мечта, сидѣла женщина.

Легенда прибавляетъ, что человѣкъ больше ничего не требовалъ...

М. Дубинскій.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

ПОЭТЫ.

I.

ГРЕЦІЯ.

Анакреонъ.—Архилохъ.—Алкей.—Пиндаръ.—Эврипидъ.

Поэтамъ — первое мѣсто. Поэты всегда высоко ставили культъ женщины. Они окружали ее ореоломъ, поднимали на высокій пьедесталъ, посвящали ей свои думы, для нея расточали пылъ души, ей въ жертву приносили лучшія мечты и надежды. Можно сказать, что поэзія родилась вмѣстѣ съ женщиною и въ то время, когда праматерь Ева вышла изъ Адамова ребра, Адамъ уже былъ поэтомъ.

Нечего говорить, что въ античномъ мірѣ поклоненіе женщинѣ было особенно сильно развито. Древній грекъ или римлянинъ умѣли лучше своихъ отдаленныхъ потомковъ созерцать красоту въ ея первоисточникѣ—женщинѣ. Всѣ эти многочисленныя произведенія искусства, завѣщанныя намъ сѣдой стариной, являются только яркимъ доказательствомъ мощи, которою пользовалась тогда женщина, и какъ бы воскрешаютъ передъ нами идеи и чувства далекаго прошлаго. Недаромъ древніе художники такъ усердно работали надъ воспроизведеніемъ красоты женскаго тѣла, недаромъ они считали высшей задачею искусства извлеченіе изъ мрамора божественныхъ формъ, которыми наградили женщинъ олимпійскіе боги, бывшіе также большими поклонниками женщины. Мы говоримъ «женщины» въ узкомъ смыслѣ этого слова, потому что древніе цѣнили въ женщинѣ не ея умъ, не добродѣтель, не общественные таланты, а красоту, иными словами—чисто физическую сторону ея существа. Чѣмъ это объясняется — извѣстно. Женщина была побочной величиною. Она играла роль въ семьѣ, но не какъ равноправный членъ ея, а какъ второстепенная единица, всѣ функціи которой заключались въ рожденіи дѣтей и уходѣ за хозяйствомъ. Какъ остроумно выражается Шерръ, говоря о спартанской женщинѣ: «Супружескія отношенія не шли дальше чисто животныхъ потребностей, и это потому, что бракъ, по закону Ликурга, обращался въ раціонально устроенный заводъ для

распложенія людей»[1]). Женщина пользовалась безусловнымъ поклоненіемъ мужчины, но тотъ же мужчина держалъ ее за тремя замками въ своемъ теремѣ, который не уступитъ нынѣшнимъ гаремамъ въ Турціи, держалъ, какъ драгоцѣнную вещь, которую прячутъ въ ящикъ и вынимаютъ только тогда, когда отправляются въ многолюдное собраніе. Впрочемъ, и въ многолюдныя собранія не выводилась древняя женщина, если не считать религіозныхъ церемоній.

Вполнѣ понятно поэтому, что въ обществѣ должны были играть большую роль гетеры. Замкнутая, подчиненная, почти рабская роль древне-греческой или римской женщины дѣлала ея существованіе незамѣтнымъ. Между тѣмъ потребность въ женскомъ обществѣ была очень велика, такъ какъ женщина, какъ сказано, являлась главной носительницей высшаго начала, передъ которымъ преклонялся грекъ или римлянинъ,—красоты въ ея высшей, законченной формѣ. Вотъ почему, говоря о древней женщинѣ, какъ о свободной представительницѣ общества, приходится имѣть въ виду только гетеру. Ей, этой легкомысленной, развратной, но прекрасной жрицѣ чувства, ей, продававшей свою любовь за деньги, но въ то же время умѣвшей вливать въ душу созерцателя ея красоты невыразимую радость и блаженство, — ставились статуи, воздвигались мавзолеи и курился ѳиміамъ не только въ переносномъ, но, и въ истинномъ смыслѣ слова, потому что существовали храмы посвященные любви и страсти. Даже такой идеалистъ, какъ Платонъ не возставалъ противъ внѣбрачныхъ отношеній между представителями обоего пола. Все, что было знатнаго и талантливаго, пресмыкалось во прахѣ передъ гетерами и несло къ ихъ ногамъ славу, талантъ, богатство. Даже правосудіе склоняло передъ ними свое знамя, и когда адвокатъ Фрины, не находя достаточно сильныхъ аргументовъ, чтобы повліять на ея судей, сорвалъ съ нея покровы,—суровые, грозные, безпощадные судьи смѣнили гнѣвъ на милость и вмѣсто обвинительнаго вынесли оправдательный приговоръ.

Анакреонъ и гетеры.

Оглядывая мысленно длинную галерею поэтовъ, завѣщавшихъ міру свои мечты и восторги, невольно останавливаешься на Анакреонѣ, этомъ древнѣйшемъ и пламеннѣйшемъ представителѣ науки страсти нѣжной, которую къ тому же онъ довелъ до послѣдняго слова. «Въ лицѣ Анакреона, — говоритъ профессоръ дублинскаго университета Дж. П. Магаффи, — мы видимъ утонченнѣйшаго придворнаго, поклонника вина и любви, человѣка, исчерпавшаго до дна всѣ человѣческія наслажденія и не знавшаго никакого горя, кромѣ появленія сѣдинъ на его головѣ и пренебреженія статныхъ юношей и красивыхъ дѣвушекъ къ начинавшейся его старости. Онъ не вмѣшивался въ политическія дѣла, не давалъ серьезныхъ наставленій по вопросамъ нравственности, стоялъ особнякомъ отъ всѣхъ высшихъ цѣлей и стремленій его времени; онъ былъ по преимуществу «вольнымъ пѣвцомъ незанятаго дня», «любимымъ поэтомъ роскошнаго и чувственнаго двора»[2]). Рѣзкіе нападки на Артемона были, кажется, вызваны эротической ревностью; гимны къ

[1]) І. Шерръ. «Историческія женщины», пер. Н. Есипова, стр. 8.
[2]) Поликрата Самосскаго.

Діонису не имѣли религіознаго характера, а просто являлись свѣтскими произведеніями. Это отсутствіе серьезности проникало въ самую глубь его натуры» [1]). Вотъ на кого оказывала сильное вліяніе женщина. Вотъ поэтъ, творческая дѣятельность котораго носитъ на себѣ яркій отпечатокъ огня, переполнявшаго его сердце. Нѣтъ ни одного поэта во всемірной литературѣ, который довелъ бы до такой полноты и законченности культъ женской красоты и сумѣлъ бы сохранить свое міросозерцаніе нетронутымъ до конца дней.

Славлю нѣжнаго Эрота:
Онъ сильнѣе всѣхъ боговъ;
Онъ царитъ въ вѣнцѣ, сплетенномъ
Изъ безчисленныхъ цвѣтовъ.
Смертныхъ мощный укротитель,
Онъ самихъ боговъ властитель [2]).

Нечего говорить, что въ своихъ стихотвореніяхъ онъ воспѣваетъ только гетеръ, господство которыхъ особенно усилилось въ царствованіе Пизистрата, захватившаго власть въ отсутствіе суроваго Солона и вмѣсто строгихъ нравовъ насадившаго Аѳины предметами искусства и легкими взглядами на жизнь. Называть имена женщинъ, которыхъ любилъ Анакреонъ, безполезно: ихъ было много—во-первыхъ, а во-вторыхъ, онъ, можетъ быть, врядъ ли отличалъ одну гетеру отъ другой и во всякомъ случаѣ мало печалился, если какая-либо изъ его возлюбленныхъ не обращала на него вниманія. Онъ самъ указалъ на свое легкомысленное перепархиваніе отъ одной женщины къ другой въ граціозномъ полу-шуточномъ стихотвореніи, озаглавленномъ: «Любовницамъ»:

Всѣ листья на деревьяхъ
Ты вѣрнымъ счетомъ знаешь,
И на морѣ широкомъ
Всѣ волны сосчитаешь—
Сочти жь моихъ любовницъ!
Въ Аѳинахъ для начатка
Ты запиши мнѣ двадцать
И полтора десятка.
Потомъ считай въ Коринѳѣ
По цѣлымъ легіонамъ:
Уступитъ вся Эллада
Въ красѣ коринѳскимъ женамъ.
Теперь сочти въ Лезбосѣ,
Въ Іоніи, въ Родосѣ,
И въ Каріи... пожалуй—
Двѣ тысячи... немного...
Что скажешь? Отвѣчай же:
Далеко до итога!
Нисирскимъ и канотскимъ
Не свелъ еще я счета...
Да въ Критѣ всеобильномъ,
По городамъ Эрота,
Гдѣ таинства уставилъ
Любви законодавецъ.
Сочти вдобавокъ къ прежнимъ,
Души моей красавицъ.

---

[1]) Дж. П. Магаффи. «Исторія классическаго періода греческой литературы», пер. А. Веселовской, стр. 179.

[2]) Пер. А. Мея, Сочиненія, т. 3.

Но какъ ихъ сосчитаешь —
Спрошу тебя заранѣ—
За Кадиксомъ, за Индомъ
И въ дальней Бактріанѣ? [1])

Одну только «бѣлокурую Эврипилу» Анакреонъ любилъ, повидимому, глубоко, такъ какъ написалъ бранное стихотвореніе по адресу соперника, называя его бродягою и разсказывая, что прежде онъ носилъ дырявый плащъ, истертую шапку и деревянныя подвѣски, таскался съ торговками и разгульными женщинами и позоромъ добывалъ себѣ хлѣбъ, а теперь онъ ѣздитъ въ колесницѣ и носитъ золотыя серьги и зонтикъ изъ слоновой кости [2]). Такая ругань въ устахъ столь чистаго эпикурейца, какъ Анакреонъ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о сильномъ чувствѣ.

Было бы, конечно, странно порицать Анакреона за жаръ души, растраченный въ пустынѣ, или, что то же, за пылкую страсть къ гетерамъ. Время было такое. Умный, краснорѣчивый Пизистратъ сумѣлъ уловить основную черту характера аѳинскаго народа и увлечь его жизнью, свободной отъ стѣснительныхъ узъ морально-политическаго кодекса, навязаннаго ему Солономъ. Недаромъ послѣдній такъ сильно негодовалъ, когда, вернувшись на родину, увидѣлъ, что всѣ труды его напрасны, что отъ великолѣпнаго зданія аѳинской гражданственности, выстроеннаго имъ искусной рукою, не осталось и камня на камнѣ. Онъ могъ излить горечь тоски своей въ стихотвореніи «Бѣдствія аѳинянъ», въ которомъ восклицалъ: «Аѳиняне, не приписывайте вашего бѣдствія богамъ: оно порождено вашимъ развратомъ, вы сами придали силу гнетущимъ васъ рукамъ!» [3]). Этимъ отчасти объясняется также и развращенность нравовъ, заставлявшая даже наиболѣе свѣтлыхъ людей своего времени искать наслажденій въ неестественныхъ порокахъ, которые, впрочемъ, и пороками тогда не считались, такъ какъ создали цѣлый контингентъ мужчинъ съ женоподобными лицами, открыто торговавшихъ своей красотою не хуже любой гетеры. Анакреонъ не былъ свободенъ отъ упрека въ этомъ отношеніи, и можно смѣло сказать, что, если женщина играла въ его жизни и поэзіи огромную роль, то не менѣе огромную роль играли также и мужчины. Какъ и гетеръ, ихъ было въ то время очень много, и Анакреонъ увѣковѣчилъ ихъ имена въ своихъ стихотвореніяхъ, принадлежащихъ къ перламъ его вдохновенія. Наиболѣе извѣстные изъ нихъ: Ваѳиллъ, Смердисъ, Клеобулъ, Симола. Читая пѣсни знаменитаго поэта, посвященныя этимъ лицамъ, невольно удивляешься искренности чувства и нѣжности настроенія, которое могло быть навѣяно только глубокой привязанностью. Вотъ, напримѣръ, маленькое стихотвореніе, озаглавленное: «Ваѳиллу».

Ляжемъ здѣсь, Ваѳиллъ, подъ тѣнью,
Подъ густыми деревами,
Посмотри, какъ съ нѣжныхъ вѣтокъ
Листья свѣсились кудрями.
Ключъ журчитъ и убѣждаетъ
Насладиться мягкимъ ложемъ.

---

[1]) Перев. Мея.

[2]) Г. Штоль. «Великіе греческіе писатели», перев. О. Морозова, стр. 104—105.

[3]) Замѣтки Мея объ Анакреонѣ, Сочиненія, т. 3, стр. 101.

Какъ такой пріютъ прохладный
Миновать съ тобой мы можемъ? [1])

Современники Анакреона не только не находили ничего возмутительнаго въ пѣснопѣніяхъ Анакреона, посвященныхъ красавцу-мужчинѣ, но поставили даже бронзовую статую Ваѳилла въ храмѣ Геры въ Самосѣ...

Мы пройдемъ мимо этихъ безобразныхъ сторонъ человѣческаго духа, объясняемыхъ только своеобразными взглядами на жизнь, и если упомянули о нихъ, то только потому, что корень ихъ кроется въ томъ же стремленіи къ идеальной красотѣ, воплощеніемъ которой являлась женщина. Ваѳиллъ или Клеобулъ уже не были мужчинами въ глазахъ Анакреона. Описывая ихъ въ своихъ граціозныхъ стихотвореніяхъ, онъ дѣлаетъ то же самое, что дѣлаютъ всякіе поэты при описаніи царицъ своего сердца, т. е. тщательно разсказываетъ, какіе у него глаза, шея, волосы, цвѣтъ лица, руки. И проявленія чувства были тѣ же. Страсть и нѣжность чередовались съ ревностью или охлажденіемъ. Особенно поучительно въ этомъ смыслѣ отношеніе Анакреона къ ѳракійскому мальчику Смердису. Тиранъ Поликратъ, разсказываетъ Штоль [2]), получилъ его въ подарокъ отъ ѳракійскихъ грековъ и питалъ къ нему большую привязанность. Анакреонъ также проникся къ нему нѣжнымъ чувствомъ. И вотъ между поэтомъ и тираномъ завязалась тонкая, но серьезная борьба: одинъ старался привлечь къ себѣ мальчика прекрасными пѣснями, другой—подарками. Озлобленный и ревнивый Поликратъ приказалъ остричь роскошныя кудри мальчика и обезобразилъ его. И Анакреонъ пишетъ по этому поводу прочувствованныя стихотворенія, въ которыхъ выражаетъ и сожалѣніе, и грусть.

Повторяемъ, только однимъ вліяніемъ времени можно объяснить эту странную аномалію, которую такъ мѣтко истолковалъ одинъ изъ лучшихъ иностранныхъ переводчиковъ Анакреона Денне-Баронъ, когда писалъ: «Но что сказать о пылкой привязанности поэта къ красавцу Клеобулу, къ нѣжному Мемсту, къ юному Ваѳиллу, этому идеалу всѣхъ совершенствъ? Мы можемъ сказать вотъ что: однѣ только цѣломудренныя музы, однѣ во всей Греціи, покраснѣли и опустили покрывала, когда на Олимпѣ, за трапезою Зевса, юный виночерпій Ганимедъ смѣнилъ дѣвственную Гебу»... [3])

Архилохъ и дочери Ликамба.

Не одинъ только Анакреонъ изъ древнихъ поэтовъ подчинялся чарамъ любви и не на одного только его поэтическое творчество вліяли женщины. Объ Архилохѣ, напримѣръ, этомъ яркомъ представителѣ элегіи, распространившейся изъ Іоніи по европейской Греціи (жилъ въ VII вѣкѣ до Р. Х.), народное преданіе разсказываетъ, что онъ влюбился въ младшую дочь одного паросца Ликамба, который сначала далъ было согласіе на бракъ его дочери съ поэтомъ, но потомъ взялъ свое обѣщаніе назадъ. По свидѣтельству Штоля [4]), Архилохъ, повидимому, страстно любилъ красивую дѣвушку «съ ароматными волосами, которая могла бы свести съ

[1]) Пер. Мея.
[2]) Штоль. «Великіе греческіе писатели», стр. 102.
[3]) Мей. «Замѣтки объ Анакреонѣ», т. 3, стр. 106.
[4]) Штоль. «Великіе греч писатели», стр. 59.

ума любого старика». Когда онъ видѣлъ, какъ она играла миртовой вѣткою и свѣжей розою и кудри ея волнами разсыпались по плечамъ, тогда «любовь вполнѣ овладѣвала имъ, такъ что онъ, полумертвый, чувствовалъ боль во всемъ тѣлѣ». Когда же отецъ ея, можетъ быть вслѣдствіе бѣдности молодого человѣка, а можетъ быть и вслѣдствіе его непріятнаго для многихъ образа мыслей, «нарушилъ великую клятву, данную за дружескимъ хлѣбомъ-солью», тогда оскорбленный поэтъ, «который ничего лучшаго не могъ сдѣлать, какъ отплатить зломъ тому, кто съ нимъ зло поступилъ», въ страшномъ гнѣвѣ началъ въ стихахъ своихъ осыпать Ликамба и его дочерей такими позорящими насмѣшками, что несчастныя со стыда и отчаянія всѣ повѣсились. Здѣсь мы видимъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ любви, которая подъ давленіемъ обстоятельствъ превращается въ сильную ненависть, не только отражаясь извѣстнымъ образомъ на характерѣ творческой дѣятельности поэта, но придавая ей совершенно другую окраску. Велико же должно было быть вліяніе любимой дѣвушки, если изъ мягкаго, свѣтлаго, элегическаго поэта Архилохъ сдѣлался неумолимымъ мстителемъ и карателемъ предмета собственной страсти.

Алкей и Сафо.

Можетъ быть, не столь трагическою, но во всякомъ случаѣ столь же неудачною была любовь другого греческаго поэта Алкея, современника Архилоха, къ Сафо. Богатый аристократъ, для котораго были открыты всѣ радости жизни, Алкей по натурѣ и роду поэтической дѣятельности очень напоминалъ Анакреона. Какъ и іонійскій пѣвецъ, который ничего другого не могъ пѣть, кромѣ любовныхъ чувствъ, и меланхолически восклицалъ, отуманенный винными парами:

Хочу я пѣть Атридовъ,
И Кадмовъ пѣть охота,
А Барбитонъ струнами
Поетъ мнѣ про Эрота [1]).

Такъ и Алкей воспѣвалъ Вакха и Афродиту, посвящая имъ большую часть своихъ поэтическихъ порывовъ, и, конечно, такая изящная, красивая и богато одаренная талантомъ дѣвушка, какъ Сафо, не могла не привлечь къ себѣ его вниманія и внушить серьезную страсть. Алкей и Сафо были несомнѣнно близки между собою, но близость эта не перешла за предѣлы добраго товарищества. Это видно изъ одного стихотворенія Алкея, въ которомъ, называя Сафо «пышноволосою, величественною, пріятно улыбающеюся», поэтъ говоритъ, что хотѣлъ бы признаться ей въ любви, но не можетъ. «Сказалъ бы я, но мнѣ стыдно». На это Сафо отвѣчала: «Если бы то, чего ты желаешь, было хорошо, если бы то, что ты хочешь сказать, было не позорно, то стыдъ не смутилъ бы тебя и ты свободно высказалъ бы всѣ свои желанія» [2]).

Пиндаръ и Коринна.

Переходя отъ изнѣженнаго, преданнаго наслажденіямъ Алкея къ величавому Пиндару (родился въ 522 г. до Р. Х.), приходится отмѣтить, что въ области женскаго вліянія нѣтъ разницы между легкомысліемъ и солидностью мужчины. Любви всѣ

[1]) Пер. Мея.
[2]) Штоль. «Великіе греческіе писатели», стр. 83.

возрасты покорны. Серьезный, задумчивый, глубокорелигіозный, онъ не ускользнулъ отъ женскихъ чаръ, хотя вліяніе это выразилось, насколько извѣстно, только въ постоянномъ антагонизмѣ съ поэтессою Коринною [1]). Встрѣтился онъ съ нею въ своемъ родномъ городѣ Беотіи (въ Θивахъ), послѣ того какъ, научившись стихотворному искусству и пріобрѣтя достаточно познаній въ Аѳинахъ, онъ вернулся туда двадцатилѣтнимъ юношею, чтобы всецѣло отдаться своимъ поэтическимъ наклонностямъ. Первоначально отношенія между поэтомъ и Коринною были дружескія. Поэтесса даже играла роль наставницы по отношенію къ Пиндару и часто, черпая изъ миѳовъ темы для вдохновенія, упрекала поэта за то, что онъ относится совершенно индифферентно къ этому неизсякаемому источнику возвышенныхъ думъ и поэтическаго настроенія. Пиндаръ послушался и написалъ гимнъ, въ которомъ привелъ все извѣстное ему изъ области миѳологіи. Коринна разсмѣялась, когда ея поэтическій ученикъ и пріятель поднесъ ей свое стихотвореніе, и воскликнула: «Надо сѣять горстью, а не цѣлымъ мѣшкомъ!». Очень можетъ быть, что Пиндаръ послушался. Объ этомъ исторія умалчиваетъ, точно также какъ она умалчиваетъ о дальнѣйшихъ отношеніяхъ его къ своей наставницѣ и подругѣ. Можно только догадываться, что окончились они далеко не благополучно. По крайней мѣрѣ, имѣются свѣдѣнія, что между Пиндаромъ и Коринною происходили однѣ лишь ссоры. Такъ, извѣстно, что она порицала Пиндара за пользованіе формами другихъ діалектовъ и нежеланіе писать на чистомъ родномъ языкѣ. Такъ какъ беотійцамъ было, конечно, пріятнѣе читать произведенія на собственномъ языкѣ, то на поэтическихъ состязаніяхъ пальма первенства предоставлялась Коринѣ. Пять разъ она одерживала надъ нимъ побѣду. Пиндаръ злился, негодовалъ, приписывалъ успѣхи не ея таланту, а красотѣ, и въ концѣ концовъ прозвалъ даже свиньею. Штоль старается снять съ величаваго Пиндара упрекъ въ употребленіи такихъ непозволительныхъ въ порядочномъ обществѣ словъ указаніемъ на то, что слово «свинья» не имѣло тогда того ругательнаго значенія, какое принадлежитъ ему теперь; но сомнительно, чтобы свинья когда-либо пользовалась почетомъ.

Эврипидъ и Хирилла.

Обобщалъ ли Пиндаръ свое чувство къ Коринѣ, иными словами, сдѣлался ли онъ женоненавистникомъ или, по крайней мѣрѣ, хулителемъ слабаго пола, неизвѣстно, но другой великій поэтъ древности, Эврипидъ, имъ сдѣлался. Благодаря неблагопріятнымъ условіямъ семейной обстановки, жизнь его сдѣлалась даже сплошной драмою. Одинъ изъ величайшихъ представителей древней трагедіи, относительно котораго Θукидидъ отозвался, что могилою ему служитъ вся Греція, а отечествомъ Аѳины и вся Эллада, пользовался большимъ почетомъ, какъ поэтъ и гражданинъ, но былъ очень несчастливъ у себя дома. Обладая угрюмымъ, молчаливымъ характеромъ, онъ любилъ уединеніе, чуждался веселья и, конечно, не ему

---

[1]) Д ж. П. М а г а ф ф и. «Исторія классическаго періода греческой литературы», пер. А. Веселовской, стр. 193 и 207. Рядомъ съ Коринною Пиндару пришлось еще сталкиваться съ другой поэтессою—Миртиссою, о которой, однако, извѣстно очень мало.

было плѣнять сердца прекрасныхъ современницъ. Этимъ, можетъ быть, и объясняется то, что первая жена его, Хирилла, стала ему измѣнять. Онъ развелся съ нею, несмотря на то, что у него были отъ этой жены два сына. Судя по всему, это была легкомысленная женщина, не брезгавшая даже рабомъ Эврипида. Измѣна любимой женщины не могла не повліять на міровоззрѣніе великаго поэта, и онъ выразилъ свои горькія чувства въ драмѣ «Ипполитъ», въ которой сильно нападаетъ на женщинъ и устами своего героя высказываетъ такія мысли: «О, Зевсъ, ты омрачилъ счастіе людей тѣмъ, что произвелъ на свѣтъ женщину! Если бы ты хотѣлъ поддержать человѣческій родъ, то долженъ былъ бы устроить такъ, чтобы мы не были обязаны женщинамъ своей жизнью. Мы, смертные, могли бы приносить въ твои храмы мѣдь или желѣзо, или дорогое золото и взамѣнъ получать дѣтей изъ рукъ божества, каждый сообразно съ своимъ приношеніемъ; и эти дѣти выростали бы въ домѣ отца свободно, никогда не видя и не зная женщинъ. Ибо ясно, что женщина—величайшее бѣдствіе»[1]).

Съ тѣхъ поръ Эврипидъ не переставалъ обнаруживать свои враждебныя чувства при каждомъ удобномъ или неудобномъ случаѣ. Даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Финикіянки», въ которыхъ злобному чувству къ женщинамъ отведено меньше всего мѣста, встрѣчаются колкія замѣчанія по адресу женщинъ вродѣ слѣдующаго:

Не попадай къ подругамъ на языкъ,
Вѣдь женщины всегда прибавить рады,
И ихъ уста злорѣчія полны,
Когда онѣ одна другую судятъ[2]).

Впрочемъ, горе не исправило Эврипида. Онъ развелся съ легкомысленной женой, но только для того, чтобы жениться на другой. Такова власть женщины. Къ сожалѣнію, и вторая жена не оказалась на высотѣ своего призванія: она сбѣжала. Эврипидъ могъ послѣ этого дать полную свободу своему горькому чувству, и дѣйствительно, въ своихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ онъ громитъ женщину всѣми бичами своего огромнаго таланта. Сохранился разсказъ, по которому женщины, раздраженныя дурными отзывами Эврипида, напали на него однажды во время празднества и даже хотѣли убить, но пощадили послѣ того, какъ онъ далъ обѣщаніе больше никогда не отзываться дурно о женщинахъ. Штоль считаетъ этотъ разсказъ вымышленнымъ, полагая, что онъ былъ навѣянъ комедіею Аристофана «Женщины на праздникѣ Θесмофорій», въ которой съ свойственнымъ Аристофану юморомъ передается, какъ женщины, собравшись на праздникъ Θесмофорій, гдѣ между ними царствуетъ полное согласіе, устраиваютъ судъ надъ поэтомъ, чтобы приговорить его къ смертной казни; какъ Эврипидъ, опасаясь за свою участь, ищетъ кого-нибудь изъ мужчинъ, который, одѣвшись въ женское платье, принялъ бы участіе въ собраніи женщинъ и защищалъ бы тамъ поэта; какъ эту роль беретъ на себя тесть Эврипида; какъ его узнаютъ и привязываютъ къ столбу, чтобы судить за незаконное вторженіе въ женское общество; какъ Эврипидъ бросается въ храмъ и вымаливаетъ себѣ прощеніе обѣщаніемъ больше никогда не поносить

[1]) Штоль. «Вел. греч. пис.», стр. 213.
[2]) Переводъ И. Анненскаго. «Міръ Божій», № 4, 1888 г., стр. 11.

женщинъ. Но вѣдь и самъ Аристофанъ могъ написать свою комедію на основаніи дѣйствительнаго факта. По крайней мѣрѣ, такой фактъ не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, если принять во вниманіе нравы времени, огромное значеніе, которымъ пользовались женщины, и выходящее изъ ряда вонъ женоненавистничество виднѣйшаго представителя упадка греческой трагедіи.

Впослѣдствіи, черезъ много вѣковъ, Эврипидъ нашелъ себѣ повтореніе въ лицѣ одного изъ представителей скандинавской литературы—Стриндберга. Какъ и Эврипидъ, Стриндбергъ ненавидѣлъ женщинъ, былъ два раза женатъ и впослѣдствіи отрекся отъ своихъ первоначальныхъ чувствъ. Новое доказательство того, что исторія очень мало измѣнила въ отношеніяхъ между мужчиною и женщиною и что женщина дѣйствительно составляетъ въ настоящее время все, какъ это было назадъ тому два тысячелѣтія...

II.

РИМЪ.

Овидій.—Катуллъ.—Горацій.

Если бы мы говорили о римскихъ поэтахъ, какъ поэтахъ, то, конечно, прежде всего необходимо было бы провести параллель между ними и греческими поэтами. Тогда пришлось бы указать на разницу между характеромъ творческой дѣятельности тѣхъ и другихъ, указать на вліяніе времени, обстановки, житейскихъ условій, общаго показателя культуры. Но мы говоримъ о поэтахъ, какъ о людяхъ, какъ о носителяхъ извѣстныхъ страстей и влеченій, а въ этой области сглаживаются всякія различія и получаютъ буквальный смыслъ слова: нѣсть ни эллинъ, ни іудей. Римскіе поэты любили, страдали, наслаждались, разочаровывались такъ же, какъ и греческіе, какъ и всякіе другіе поэты, у которыхъ слишкомъ чувствительны нервы и впечатлѣнія бытія переживаются болѣе сильно и глубоко. Что дѣлать? Страсти всюду роковыя и отъ судебъ спасенья нѣтъ.

Овидій и Фабія.

На первомъ мѣстѣ приходится поставить Овидія. Онъ близокъ намъ. Его страданія въ жизни и живительная поэзія, поэзія перваго римскаго поэта, съ которымъ мы знакомимся на школьной скамьѣ, давно сроднили его съ нами. Къ тому же Овидій—тотъ именно поэтъ, о которомъ Пушкинъ говоритъ устами старика въ «Цыганахъ»:

Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудреное прозванье).
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной,
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на брегахъ Дуная.
Не обижая никого,

Людей разсказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ, и робокъ былъ, какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдный,
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье;
Онъ ждалъ, придетъ ли избавленье,
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая.
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости
И смертью—чуждой сей земли
Неуспокоенные гости.

Да, кости его дѣйствительно нуждались въ успокоеніи. Живя въ золотой вѣкъ римской литературы, окруженный славою талантливаго писателя, достигнувъ, наконецъ, высокаго служебнаго положенія, онъ долженъ былъ неожиданно не только разстаться съ городомъ, въ которомъ жилъ и былъ счастливъ, но и уѣхать еще въ далекую область, на край имперіи, въ нынѣшнюю Констанцу, которая въ то время была еще чужда культурѣ. Чѣмъ провинился Овидій—неизвѣстно. Говорятъ, что его стихотворенія повліяли развращающимъ образомъ на дочь и внучку императора Августа. Во всякомъ случаѣ любовный элементъ игралъ несомнѣнную роль въ изгнаніи Овидія, какъ и во всей его жизни, переполненной примѣрами любовнаго экстаза. Онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своей элегіи «Tristia», представляющей не что иное, какъ стихотворную автобіографію:

Сердцемъ я мягкимъ владѣлъ и стрѣламъ Амура доступнымъ,
Поводъ ничтожный во мнѣ чувство любви возбуждалъ [1]).

«Чувственная любовь, которая у Тибулла прикрывается завѣсою стыдливости, а у Проперція является безъ покрова, какъ законное право мужчины,—говоритъ Веберъ,—принимаетъ характеръ сластолюбія у четвертаго великаго лирическаго поэта римлянъ, геніальнаго Публія Овидія Назона. Ни у кого изъ другихъ поэтовъ не отражаются такъ ясно, какъ у него, основныя черты начинающагося монархическаго времени, сладострастіе и легкомысліе образованнаго блестящаго общества, и никто изъ другихъ поэтовъ не отдавался съ такимъ открытымъ увлеченіемъ, какъ онъ, сластолюбію этой эпохи изящества [2])». Ничего, поэтому, нѣтъ удивительнаго въ томъ, что Овидій сдѣлался жертвою своей чувственности. Достаточно сказать,

[1]) Пер. М. Шелгунова.
[2]) Георгъ Веберъ. «Всеобщая исторія», пер. Андреева, стр. 68.

что онъ три раза былъ женатъ. Въ первый разъ онъ женился въ раннемъ возрастѣ на дѣвушкѣ знатнаго рода. Сдѣлалъ онъ это, однако, не по собственному желанію, а по требованію отца, который думалъ этимъ путемъ вырвать сына изъ среды беззаботной молодежи, прожигавшей жизнь въ бездѣльѣ и культѣ любви. Отецъ ошибся. Овидій не разстался съ прежними привычками и, будучи женатъ, находился въ связи съ женщиною, которую воспѣвалъ въ своихъ стихотвореніяхъ подъ именемъ Коринны. Въ своей автобіографіи, впрочемъ, онъ обвиняетъ не себя, а жену.

Чуть ли не мальчикомъ мнѣ недостойную женщину дали
Въ жены, но съ нею мой бракъ кратокъ, по счастію, былъ.

Овидій развелся съ женою и женился вторично, но и второй бракъ былъ неудаченъ. Почему—неизвѣстно. Овидій не считаетъ ея виновной передъ собою, слѣдовательно, причину нужно искать въ легкомысленности самого поэта, тѣмъ болѣе что о разводѣ хлопоталъ уже не онъ, а родители жены, хотя отъ Овидія у нея было двое дѣтей. Въ пользу этого предположенія говоритъ также и то, что, разставшись со второй женой, поэтъ предался разгулу, проводя жизнь въ обществѣ той же развращенной молодежи, среди которой занималъ почетное мѣсто еще до женитьбы. Наконецъ, онъ женился въ третій разъ, и съ этой минуты жизнь его перемѣнилась. О прежнемъ разгулѣ не было и помину, и это нужно отнести всецѣло насчетъ его жены Фабіи, которая была превосходной женщиной и преданной подругой, не измѣнившей ему до конца жизни. Принадлежа къ знатному роду, она сблизила его со дворомъ. Любя поэзію, она благопріятно вліяла на его творческій геній и не мало гордилась его славою. До выхода за Овидія она уже была замужемъ и имѣла даже взрослую дочь, что, вѣроятно, также играло немалую роль въ ея отношеніяхъ къ мужу. Овидій говоритъ о ней съ умиленіемъ при перечисленіи своихъ женъ:

Третья, со мной неразлучно прожившая долгіе годы,
Ссыльнаго даже женой не отказалася быть.

И затѣмъ, описывая сцену прощанія съ женою передъ разлукою, впадаетъ въ нѣжно-слащавый тонъ, свидѣтельствующій о глубокой привязанности.

Рыданьемъ мольбу прерывая,
Голосомъ, полнымъ тоски, страстно молилась жена
Предъ алтаремъ, лобызая устами дрожащими пепелъ,
Простоволосая, ницъ пала на землю она.
И полилися моленья къ стоявшимъ предъ нею пенатамъ,
Но осужденнаго имъ было спасти не дано.

Когда же приблизился часъ разлуки, Фабія не выдержала и,—продолжаетъ Овидій:

Крѣпко обнявши руками изгнанника шею супруга,
Слезы изъ глазъ у меня рѣчью своей извлекла.
«Нѣтъ, не оставлю тебя, и были, и будемъ мы вмѣстѣ,—
Молвила,—съ ссыльнымъ пойдетъ ссыльной за нимъ и жена.
Мнѣ не закрыта дорога, съ тобой на чужбину я ѣду
И на изгнанника челнъ легкою ношей сойду.
Кесаря гнѣвъ изъ отчизны тебя изгоняетъ, меня же
Къ мужу любовь; пусть любовь кесаремъ будемъ моимъ».
Такъ умоляла она, какъ и раньше молила, и только

На убѣжденья мои сдалась насильно потомъ.
Точно покойникъ живой, я во вретищѣ изъ дому вышелъ,
Свой обезумѣвшій ликъ въ космахъ скрывая волосъ.
А жена посрединѣ покоевъ въ тоскѣ безысходной
Пала безъ чувства и тьмой очи одѣлись ея,
И съ волосами въ пыли, когда пришла въ себя снова
И съ холодной земли встала шатаясь опять,
Стала себя она горько оплакивать, сирыхъ пенатовъ,
Часто супруга звала, взятаго прочь навсегда,
И рыдала не меньше, какъ если бы дочери тѣло
Вмѣстѣ съ моимъ на костеръ клала могильный она,
Смерть призывала, чтобъ въ ней позабыть свои горькія муки,
И удержала ее въ жизни лишь къ мужу любовь.
О, живи и, быть можетъ, что ссылку далекую мужу,
Если такъ хочетъ судьба, помощь твоя облегчитъ.

Овидій умеръ въ изгнаніи, такъ и не дождавшись освобожденія. Жена не послѣдовала за нимъ, но только потому, что этого желалъ самъ поэтъ. Ему, вѣроятно, хотѣлось имѣть въ Римѣ человѣка, который охранялъ бы его имущество отъ враговъ, и Фабія вѣрно исполнила свою задачу, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Овидій:

Ты, какъ опора надежная, домъ мой спасла отъ паденія,
Что не погибъ я совсѣмъ, тѣмъ я обязанъ тебѣ:
Многіе счастьемъ разбитымъ моимъ поживиться желали,
Ты только сдѣлать могла, что я не нищъ и не нагъ.
Словно прожорливый волкъ, бичуемый голодомъ, жаждетъ
Кровью упиться никѣмъ не стерегомыхъ овецъ,
Или прожорливый коршунъ, вперивъ свои взоры на землю,
Высмотрѣть хочетъ себѣ трупъ, не прикрытый землей,
Такъ и одинъ человѣкъ, мнѣ въ несчастьи моемъ измѣнившій,
Жаждалъ достатковъ моихъ, но не позволила ты.
Съ помощью вѣрныхъ друзей моихъ прочь ты его устранила.
Въ силахъ ли выразить вамъ я благодарность, друзья?

Удивительный примѣръ Фабіи стоитъ почти одиноко въ жизни великихъ поэтовъ древности. Немногія женщины до нея и впослѣдствіи умѣли подняться на такую высоту самоотверженія и преданности. Но примѣръ ея заслуживаетъ вниманія еще потому, что Овидій не принадлежалъ къ числу мужей, которые могутъ приковать къ себѣ преданностью, вѣрностью, обходительностью. Уже одно то, что ему принадлежитъ поэма «Ars amandi» (Искусство любить)—названіе, которое такъ хорошо можно передать словами Пушкина «наука страсти нѣжной», свидѣтельствуетъ о томъ, что приковать такого человѣка къ семейному очагу было героическимъ подвигомъ. Въ этой поэмѣ перечислены средства, съ помощью которыхъ мужчина можетъ пріобрѣсти любовь женщины, а женщина—любовь мужчины,—произведеніе, которое, конечно, могъ написать человѣкъ, слишкомъ искусившійся въ проповѣдуемой имъ наукѣ, тѣмъ болѣе что порокъ вездѣ рисуется имъ въ самой соблазнительной формѣ. Овидію же принадлежитъ и другая поэма, составляющая дополненіе къ первой— «Remedia amoris», т. е. «Лекарства отъ любви», въ которой онъ учитъ, какъ избавиться отъ цѣпей Амура. Словомъ, это былъ человѣкъ, искавшій въ жизни однихъ только удовольствій, человѣкъ, для котораго наслажденія составляли все содержаніе бытія. Приручить такого человѣка и удержать на высотѣ, на которую онъ поднялся на крыльяхъ таланта, сдѣлать

это, повторяемъ,—подвигъ величайшаго героизма, и подвигъ этотъ совершила его жена Фабія.

Катуллъ и Лесбія.

Совершенно противоположный примѣръ отношенія женщины къ великому человѣку, съ которымъ она находилась въ связи, мы видимъ въ жизни другого знаменитаго римскаго поэта Валерія Катулла (87—54 до Р. Х.). Какъ и Овидій, онъ велъ разгульную жизнь, вращаясь въ кругу молодежи, которая все прощала, потому что сама все дѣлала. Его пѣсни дышатъ свѣжестью и безыскусственностью, которыя не увяли въ теченіе двухъ тысячелѣтій. «Для Катулла,—говоритъ его нѣмецкій переводчикъ Пресселъ,—предметъ поэзіи только то, что онъ чувствуетъ. Онъ пишетъ стихи подъ властью ненависти или любви, радости или печали, передаетъ исключительно настроенія своей души, хотя бы и мимолетныя. Потому отъ его стихотвореній вѣетъ свѣжестью, они произведенія минуты, не придуманныя, безыскусственныя. Изображаетъ ли онъ порывы чувственности словами, откровенными до неприличія, бичуетъ ли язвительными насмѣшками могущественныхъ людей, какъ, напримѣръ, Цезаря,—онъ всегда оригиналенъ. Въ немъ проявляются послѣднія силы умирающаго республиканскаго духа» [1]). И вотъ этому именно человѣку пришлось встрѣтиться съ женщиною, положившею глубокую печать не только на его литературныя произведенія, но и на весь складъ его жизни.

Штоль подробно излагаетъ исторію этой несчастной любви [2]). Лесбія была знатная римлянка. Римскіе поэты обыкновенно не называли въ своихъ пѣсняхъ дѣйствительнаго имени воспѣваемыхъ красавицъ, а сочиняли для этого подходящее имя. Такимъ-то образомъ и получилось, что настоящее имя возлюбленной Катулла было не Лесбія, а Клодія. Оно принадлежало сестрѣ извѣстнаго П. Клодія, преслѣдователя Цицерона, женщинѣ аристократическаго происхожденія, извѣстной не только красотой, но и безнравственной жизнью. Она безстыдно предавалась пламенной чувственности и своими чарами завлекла въ свои сѣти множество знатныхъ легкомысленныхъ юношей, хотя мужъ ея, весьма почтенный Кв. Метеллъ Целеръ, былъ еще живъ. Когда онъ внезапно умеръ во цвѣтѣ силъ, молва даже считала себя въ правѣ распространять страшное подозрѣніе, будто она ядомъ устранила неудобнаго человѣка съ своего пути. Обладая тонкимъ образованіемъ и знакомствомъ съ греческой поэзіею, дѣлая и сама попытки въ искусствѣ поэзіи, она обратила свое вниманіе преимущественно на талантливыхъ молодыхъ людей и не пренебрегала никакими средствами, между прочимъ и матеріальной поддержкой, чтобы удержать ихъ около себя. Далеко не нечувствительный къ женскимъ прелестямъ, Катуллъ также подпалъ ея обаянію, хотя былъ по крайней мѣрѣ на 7 лѣтъ моложе ея, и предался ей съ горячей страстностью, воображая, что онъ одинъ пользуется ея благосклонностью. Когда поэтъ сталъ бывать у нея, ихъ общимъ довѣреннымъ сдѣлался любимый воробей Лесбіи, которому поэтъ завидовалъ и смерть котораго воспѣлъ въ знаменитой

---

[1]) Веберъ. «Всеобщая исторія», стр. 66.
[2]) Г. Штоль. «Великіе римскіе писатели», изд. Бакста, стр. 247—256.

пѣснѣ, часто служившей предметомъ подражанія для древнихъ и новыхъ поэтовъ. Наконецъ, отношенія между поэтомъ и Лесбіею дошли до той границы, за которою больше ничего уже не остается желать. Опьяненный блаженствомъ, Катуллъ восклицаетъ:

Жить и любить давай, о Лесбія, со мной!
За толки стариковъ угрюмыхъ мы съ тобой
За всѣ ихъ не дадимъ одной монеты мѣдной!
Пускай восходитъ день и меркнетъ тѣнью блѣдной:
Для насъ, какъ краткій день зайдетъ за небосклонъ,
Настанетъ ночь одна и безконечный сонъ.
Сто разъ цѣлуй меня, и тысячу, и снова
Еще до тысячи, опять до ста другого,
До новой тысячи, до новыхъ сотъ опять.
Когда же много ихъ придется насчитать,
Смѣшаемъ счетъ тогда, чтобъ мы его не знали,
Чтобъ злые намъ съ тобой завидовать не стали,
Узнавъ, какъ много разъ тебя я цѣловалъ [1]).

Недолго, однако, продолжалось счастіе Катулла. Поэтъ въ одно прекрасное время узналъ, что любимая женщина, находясь съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, поддерживала такія же отношенія и съ другими. Катуллу осталось бросить Лесбію-Клодію, но, продолжая любить преступную женщину, онъ долго колебался. Наконецъ, онъ рѣшился порвать съ нею и рѣшеніе свое выразилъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Бѣднякъ Катуллъ, не будь ты болѣе шутомъ,
Коль видишь, что прошло, считай оно пропало.
Свѣтило солнышко тебѣ живымъ лучемъ,
Когда ты хаживалъ, какъ дѣва указала,
Любимая тобой тогда, какъ ни одна.
Какія игры тутъ бывали между вами:
Ты ихъ желалъ, отъ нихъ не прочь была она.
Живило солнышко и вправь тебя лучами.
Не хочетъ ужь она, ты тоже не хоти,
За убѣгающимъ ты не гонись, будь гордымъ,
Душою твердъ, сноси, волненья укроти.
Прощай же, дѣва, ты. Уже Катуллъ сталъ твердымъ.
Не станетъ онъ тебя отыскивать, молить;
Какъ не пойдетъ никто, такъ станешь ты унылой,
Преступная, увы! Придется тяжко жить!
Кто за тобой пойдетъ? Кому казаться милой?
Кого тебѣ любить? Кому назвать своей?
Кого поцѣловать? Кого куснуть больнѣй?
А ты, Катуллъ, терпи съ незыблемою силой. [2])

Но коварная Лесбія сумѣла удержать около себя Катулла и даже заставила любить опять попрежнему, опять считать себя счастливымъ въ ея присутствіи. И дѣйствительно, въ произведеніяхъ Катулла снова зацвѣла любовь. Къ несчастію, и этотъ возвратъ къ прежнимъ отношеніямъ не былъ продолжительнымъ: Лесбія опять измѣнила. И опять Катуллъ рѣшилъ ее покинуть, на этотъ разъ уже съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться. Въ стихотвореніяхъ, написанныхъ имъ въ эту пору, уже сквозитъ явное охлажденіе къ падшей женщинѣ, хотя и тутъ по временамъ страсть вспыхиваетъ въ немъ съ прежней силой.

---

[1]) Переводъ А. Фета.
[2]) Пер. его же.

Трудно отъ долгой любви внезапно тебѣ отрѣшиться.
Трудно, но должно тебѣ какъ-нибудь съ этимъ успѣть—
Въ этомъ спасенье одномъ и съ этимъ ты справиться долженъ;
Такъ поступи и теперь, можешь ли ты или нѣтъ.
Боги, ежели есть у васъ состраданье, коль помощь
Вы подавали инымъ даже и въ смерти самой,
То на меня оглянитесь, и если я въ жизни былъ чистымъ,
Вырвите эту чуму, эту погибель мою.
Горе мнѣ! Словно какое въ меня онѣмѣнье, прокравшись,
Всякую радость мою выгнало вонъ изъ груди.
Я не о томъ ужь прошу, чтобъ меня она тоже любила,
Или чтобъ быть, чѣмъ нельзя,—честной рѣшилась она:
Самъ о здоровьѣ молю, чтобъ сбросить болѣзнь мнѣ лихую.
Боги, я этого жду за благочестье свое.

Но Лесбія не падала духомъ. Она пустила въ ходъ всѣ чары своего преступнаго обаянія, чтобы привлечь къ себѣ отшатнувшагося Катулла. Самъ Катуллъ видимо колебался, продолжая любить порочную Лесбію, съ которою находился въ связи уже 3—4 года, и наконецъ, чтобы окончательно отъ нея освободиться, онъ весною 57 года до Р. Х. отправился въ провинцію Виѳанію. Впослѣдствіи, когда онъ вернулся въ Римъ, Лесбія сдѣлала новую попытку опять сойтись съ поэтомъ, но безъ успѣха. Катуллъ уже писалъ:

Прежней любви ей моей не дождаться,
Той, что убита ея же недугомъ,
Словно цвѣтокъ на окраинѣ поля,
Срѣзанный плугомъ.

Такимъ образомъ, сердечный романъ Катулла оказался неудачнымъ. Нечего говорить, что онъ сильно повліялъ на направленіе его поэтическаго творчества, до того сильно, что нѣкоторые критики дѣлятъ художническую дѣятельность Катуллы на три періода: до встрѣчи съ Лесбіею, во время связи съ нею и, наконецъ, послѣ разлуки. Въ произведеніяхъ, написанныхъ въ эти три періода, одинаково проглядываетъ крупный талантъ, но въ то время, когда стихотворенія второго періода дышатъ мягкой теплотой, изнѣженностью и искренностью, стихотворенія третьяго періода носятъ мрачный характеръ. Любовь Лесбіи окрасила творчество Катулла всѣми цвѣтами радуги, но она же накинула на него черный флёръ, отъ котораго поэтъ не освободился до самой смерти.

Горацій и гетеры.

Но вотъ поэтъ, относительно котораго можно сказать, что женщины составляли въ его жизни все или ничего,—Горацій. Онъ не былъ женатъ, а что касается его возлюбленныхъ, то ихъ до того много, что остановиться на какой-нибудь изъ нихъ, сказать, что та или другая занимала въ его сердцѣ больше мѣста въ сравненіи съ другими,—нѣтъ почти возможности. Онѣ всѣ были близки ему, онъ имъ всѣмъ пѣлъ восторженные гимны, и эротическая страсть, которою было проникнуто все его существо, какъ у настоящаго представителя вѣка Августа, мощнымъ потокомъ катится по всей его творческой дѣятельности, одинаково омывая, очищая, облагораживая всѣхъ легкомысленныхъ представительницъ прекраснаго пола, когда-либо приковывавшихъ къ себѣ его вниманіе.

Нужно ли говорить, что все это были гетеры? Въ то время, когда жилъ Горацій, женщина, какъ и въ Греціи во времена Анакреона, играла весьма жалкую роль или, вѣрнѣе, не играла никакой роли.

Одна только осталась у нея область, въ которой она владѣла и царила, какъ полноправная хозяйка,—область любви и чувственности. Матронѣ женѣ—мѣста здѣсь не было, а если ей удѣлялось иногда нѣсколько блестокъ игриваго чувства, то только въ томъ случаѣ, если она сама сходила съ пьедестала матери, чтобы унизиться до разгула гетеръ. Такимъ образомъ, понятіе женщина сливалось съ понятіемъ гетера, и если мы читаемъ въ произведеніяхъ древнихъ писателей славословія по адресу женщинъ, по временамъ самыя возвышенныя и безгрѣшныя, то должны всетаки помнить, что та, которой посвящались эти изліянія, никогда не была безгрѣшной.

Въ кругу этихъ именно падшихъ, но прекрасныхъ созданій черпалъ Горацій матеріалъ для вдохновенія. Былъ еще одинъ разрядъ падшихъ женщинъ, открыто торговавшихъ своими прелестями на улицахъ и у цирка, но онѣ не входили въ категорію гетеръ, которыя представляли нѣчто вродѣ отдѣльнаго класса и занимали въ обществѣ совершенно опредѣленное положеніе. Обыкновенно это были женщины рабскаго происхожденія, подготовлявшіяся съ дѣтства къ будущему позорному промыслу, который, какъ уже сказано, тогда позорнымъ не считался. Существовали даже особые спекулянты, занимавшіеся воспитаніемъ рабскихъ дѣвочекъ въ разсчетѣ на то, что онѣ со временемъ продажею своего тѣла окупятъ ихъ расходы [1]). Расходы были немалые, такъ какъ для того, чтобы прельщать развращенныхъ, но тонкихъ знатоковъ красоты того времени, гетерѣ нужно было стоять на высотѣ современной образованности. У нихъ были настоящіе салоны, и въ этихъ салонахъ собиралось все, что было свѣтлаго и знатнаго въ древнемъ Римѣ. «Въ славныя времена имперіи прелестница въ Римѣ жила барыней-щеголихой, держала слугъ, принимала гостей, давала обѣды и ужины, сіяла не только красотою, но и умомъ, граціей, образованностью, нерѣдко пѣла прекрасно и сочиняла миленькіе стихи, всегда могла поддержать занимательный разговоръ о литературѣ и искусствахъ. У нея собиралась вся модная аристократія. Нужно было имѣть счастье, чтобы быть ей представленнымъ, и обладать на это ясными правами—знатности, ума, славы или богатства. Нѣкоторыя изъ новѣйшихъ актрисъ, прославившихся умомъ, красотою, роскошью своего дома, пріятностью бесѣды, отборностью общества и непостоянствомъ сердца, отлично напоминаютъ собою этихъ древнихъ барышень. Поэты, артисты, консулы, трибуны, ораторы, сенаторы, эдилы, князья изъ рода цезарей ухаживали за знаменитѣйшими прелестницами, добиваясь ихъ милости и любви. У Пенелопы, со всей ея цѣломудренностью, конечно, никогда не было столько обожателей. По городу разгуливали онѣ въ щегольскихъ носилкахъ, замѣнявшихъ кареты, жили въ Эсквиліи, имѣли въ циркѣ и амфитеатрѣ свои ложи, принадлежавшія къ числу мѣстъ весьма порядочныхъ и благородныхъ, ходили въ храмъ приносить жертвы, какъ всѣ свободные люди, и пользовались даже правами римскаго гражданства, получая наслѣдства, и часто огромныя» [2]). Въ этихъ именно салонахъ и вращался Горацій.

---

[1]) Благовѣщенскій. «Горацій и его время». 2-е изданіе 1878 г., стр. 158.

[2]) «Гораціевы возлюбленныя». Библ. для чтенія, 1850 г., 99, стр. 103—104. Статья не подписана.

Изъ сказаннаго видно, что перечислять гетеръ, такъ или иначе приходившихъ въ соприкосновеніе съ Гораціемъ, было бы такимъ же неблагодарнымъ дѣломъ, какъ перечислять гетеръ, которыя находились въ связи съ Анакреономъ. Всѣ онѣ совершенно одинаковы, каковы бы ни были ихъ имена. И Фидилія, и Лида, и Барина, и Филлида, и многія другія, которымъ Горацій посвящалъ свои поэтическіе досуги, все это были женщины, выкроенныя на одинъ ладъ и занимавшія одно и то же положеніе въ обществѣ. Только по степени нѣжности, съ которою Горацій расточаетъ похвалы той или другой гетерѣ, можно судить о глубинѣ его привязанности къ ней. Этими легкомысленными женщинами, къ которымъ особенно благоволилъ римскій поэтъ, были, повидимому, Лидія и Барина. Вотъ удивительная по красотѣ и естественности чувства ода къ Лидіи, превосходно переведенная нашимъ поэтомъ [1]):

Горацій.

Доколѣ милымъ я еще тебѣ казался,
И бѣлыхъ плечъ твоихъ, любовію горя,
Никто изъ юношей рукою не касался,
Я жилъ блаженнѣе персидскаго царя.

Лидія.

Доколь любовь твоя къ другой не обратилась,
И Хлои Лидія милѣй тебѣ была,
Счастливымъ именемъ я Лидіи гордилась
И римской Иліи прославленнѣй жила.

Горацій.

Я Хлоѣ ужь теперь оракійской покорился,
Ея искусна пѣснь и сладокъ цитры звонъ;
Для ней и умереть бы я не устрашился,
Лишь былъ бы юный вѣкъ судьбами пощаженъ.

Лидія.

Горю я пламенемъ взаимности къ Калаю,
Тому, что Орнитомъ турійскимъ порожденъ;
И дважды за него я умереть желаю,
Лишь былъ бы юноша судьбами пощаженъ.

Горацій.

Что, если бы любовь, какъ въ счастливое время,
Ярмомъ незыблемымъ связала насъ теперь?
И русой Хлои я съ себя низвергнувъ бремя,
Забытой Лидіи отверзъ бы снова дверь?

Лидія.

Хоть красотою онъ полночныхъ звѣздъ свѣтлѣе,
Ты жь споришь въ легкости съ древесною корой,
И злого Адрія причудливѣй и злѣе—
Съ тобой хотѣла бъ жить и умереть съ тобой.

Что касается Барины, то она, судя по одамъ Горація, отличалась постояннымъ вѣроломствомъ и вѣтренностью, но зато и рѣдкой красотой. Онъ расточаетъ ей похвалы, но въ то же время клеймитъ ея измѣны и говоритъ, что ни за что не повѣритъ словамъ возлюбленной, развѣ только каждая ложь будетъ ей стоить безобразія въ видѣ

[1]) А. Фетомъ.

наказанія. Тогда, конечно, Барина была бы искренна; но до тѣхъ поръ онъ можетъ наслаждаться только ея чувственностью, но не любовью.

Послѣднею любовью Горація была, повидимому, гетера Филида, но при всемъ желаніи указать на отличительныя черты ея характера, нѣтъ возможности поставить ее въ сторонѣ отъ прочихъ гетеръ. Какъ и Лидія, она чувствуетъ крупинку страсти къ Горацію, но, какъ и та, она любитъ въ то же время другого, и оба эти различныя чувства какъ-то укладываются въ ея душѣ, не мѣшая другъ другу. Впрочемъ, и Горацію ничто не мѣшало любить въ одно и то же время многихъ Филидъ.

III.

Италія и Испанія.

Данте.—Петрарка.—Торквато Тассо.—Альфіери.—Леопарди.—Лопе де-Вега.

Данте и Беатриче.

Въ исторіи отношеній между женщинами и выдающимися представителями культуры врядъ ли можно найти столь яркій примѣръ пламенной и въ то же время идеальной и платонической любви, какую великій итальянскій поэтъ Данте питалъ къ предмету своего сердца—Беатриче. Трудно даже назвать это чувство любовью. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, взаимное тяготѣніе между представителями и представительницами обоихъ половъ выражалось въ разнообразнѣйшихъ формахъ. Люди разорялись, совершали растраты, разстраивали семейный миръ, убивали, лишали себя жизни, но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ любовь не достигала той силы напряженія, можно сказать, той выпуклости и упругости, которыя сквозятъ въ отношеніяхъ Данте къ дочери Фалько Портинари. Оттого-то долгое время не хотѣли даже вѣрить, что Беатриче дѣйствительное лицо, и думали, что она плодъ фантазіи, аллегорическое изображеніе идеальной женщины вообще, въ которой воплощены всѣ совершенства. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Данте ничего общаго не имѣлъ съ своей возлюбленной. Онъ почти не былъ съ нею знакомъ, хотя она и удостоила его поклономъ во время знаменитой встрѣчи, отразившейся на всемъ существѣ и поэтическомъ творчествѣ пламеннаго поэта. Такой любви дѣйствительно не знало еще ни одно сердце, бившееся въ груди великаго человѣка. Она—единственная. И сколько ни рыться въ исторіи людей, ознаменовавшихъ свою жизнь подвигами добра или генія, другого примѣра нѣтъ и никогда не будетъ.

Данте началъ любить еще въ дѣтствѣ, но вполнѣ понялъ свое чувство только спустя много лѣтъ, сдѣлавшись зрѣлымъ юношею. Это произошло неожиданно для прочаго міра, но не для великаго поэта, въ душѣ котораго нѣжное чувство, вспыхнувъ слабою искоркою, начало мало-по-малу разгораться сильнѣе и сильнѣе, ярче и ярче, пока, наконецъ, не превратилось въ огромное зарево душевнаго пожара. Въ своей «Новой (или обновленной, какъ нѣкоторые переводятъ) жизни» (Vita Nuova), этомъ благоуханномъ романѣ, въ которомъ Данте самъ разсказываетъ исторію своей любви, не оставлено ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ времени зарожденія его чувства. «Уже девять разъ,—пишетъ

онъ въ самомъ началѣ,—со дня моего рожденія небо съ его свѣтилами возвратилось на то же самое мѣсто, когда впервые предстала передъ моими очами доблестная жена моихъ мечтаній, которой многіе, не зная, какъ ее назвать, дали имя Беатриче. Она уже довольно прожила, чтобы въ этотъ промежутокъ времени звѣздное небо успѣло перенестись къ востоку на двѣнадцатую часть градуса, такъ что она явилась мнѣ въ началѣ своего девятаго года, тогда какъ я его уже оканчивалъ. Она явилась мнѣ одѣтою въ красноватый цвѣтъ, величественная и скромная; способъ, какимъ поясъ поддерживалъ ея одѣяніе, совершенно подходилъ къ ея ранней юности... Начиная съ этой минуты, любовь сдѣлалась властительницею моей души, которая тотчасъ и была ей обручена. И она взяла надо мною такую власть, что мое воображеніе дало ей на это силу, такъ что съ того времени я чувствовалъ себя принужденнымъ вполнѣ ей повиноваться» [1]). Полюбить въ девятилѣтнемъ возрастѣ восьмилѣтнюю дѣвушку—фактъ исключительный и подъ знойнымъ небомъ Италіи. Немудрено, что чувство это приняло со временемъ такіе колоссальные размѣры и стоитъ одинокимъ въ исторіи такихъ же чувствъ, внушенныхъ другимъ свѣточамъ мысли или искусства.

Съ тѣхъ поръ, какъ любовь проникла въ сердце поэта, онъ сталъ чувствовать неотступную потребность видѣться съ своею возлюбленною. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ являлся въ домъ очаровательной дѣвушки, но только для того, чтобы любоваться издали игрушкою природы. Ни однимъ словомъ не обмѣнялся онъ съ царицею своего сердца. Онъ даже голоса ея не слышалъ! Только тогда, когда поэту исполнилось семнадцать лѣтъ, дѣвушка удостоила его при случайной встрѣчѣ дружескимъ поклономъ. Этотъ поклонъ имѣлъ рѣшающее значеніе въ жизни и литературной дѣятельности знаменитаго поэта. Онъ стоитъ въ центрѣ всего его существованія и, можно сказать, составляетъ поворотный пунктъ во всемірной литературѣ. «Когда,—говоритъ Данте,—прошло уже много дней послѣ указаннаго явленія этой весьма благородной особы,—исполнилось уже девять лѣтъ,—случилось, что эта дивная жена явилась мнѣ одѣтою въ платье ослѣпительной бѣлизны; она стояла между двумя благородными женами нѣсколько старше ея. Когда она проходила по улицѣ, то повернула взоры къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, исполненный благоговѣйнаго страха, и вслѣдствіе вліянія ея невыразимой вѣжливости, за которую она имѣетъ теперь свою награду на небѣ, она мнѣ поклонилась; это произвело на меня такое дѣйствіе, что мнѣ казалось, будто я достигъ крайнихъ границъ блаженства. Часъ, въ который я получилъ такое пріятное привѣтствіе, былъ именно девятый часъ дня; и такъ какъ это было въ первый разъ, что ея слова донеслись до моихъ ушей, то я почувствовалъ такую сладость, что, какъ упоенный, бросился изъ толпы» [2]).

Кто была эта чудесная дѣвушка, одинъ поклонъ которой могъ осчастливить величайшаго изъ поэтовъ Италіи? Какое носилъ имя этотъ небесный ангелъ, встрѣча съ которымъ послужила для поэта началомъ новой жизни»? Самъ Данте не только не далъ отвѣта на этотъ вопросъ,

---

[1]) Данте-Алигіери. «Обновленная жизнь». Переводъ А. Ѳедорова, стр. 49—50.

[2]) Тамъ же, стр. 51.

но принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы никто не могъ на него отвѣтить. Даже окружавшія его лица не знали, кто была дѣвушка, овладѣвшая всѣмъ существомъ поэта, и только догадывались по волненію, которое онъ обнаруживалъ въ ея присутствіи. Въ своихъ произведеніяхъ онъ называетъ ее Беатриче (доставляющая блаженство) именно потому, что ея видъ, ея слово, ея привѣтъ вливали въ его душу безконечное блаженство, но не потому, что она дѣйствительно носила такое имя. Многіе біографы сомнѣвались, чтобы это была Беатриче. Одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ біографовъ его, Скартацини, прямо даже заявляетъ, что возлюбленная Данте «могла носить какое угодно имя, но только не Беатриче» [1]), и ссылаясь на многія мѣста изъ произведеній самого поэта, онъ доказываетъ

Встрѣча Данте съ Беатриче Портинари въ 1274 году.
Съ картины Рафаэля Сорби.

что кварталъ, въ которомъ жила Беатриче, былъ не тотъ, гдѣ жилъ Данте, что возлюбленная, о которой онъ говоритъ, должна была несомнѣнно отвѣтить ему любовью, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, иначе непонятна его сильная печаль послѣ ея смерти и еще болѣе непонятно, какъ могъ онъ сказать, что любовь вызываетъ взаимную любовь, между тѣмъ какъ житейскій опытъ учитъ какъ разъ противоположному [2]). Скартацини указываетъ еще на то, что Беатриче, какъ извѣстно, вышла замужъ за Сисмонди Барди, между тѣмъ какъ въ «Новой жизни» самъ Данте говоритъ, что она не покидала родительскаго дома, т. е. осталась дѣвушкой. Такимъ образомъ, настоящая Беатриче

[1]) S. Scartazzini. «Dante». Berlin, 1896, стр. 27.
[2]) У А. Ѳедорова («Адъ», V, 97—100) это мѣсто переведено такъ:

Мой другъ полюбилъ меня страстно,
Увлекшись моей красотой;
Любовь заразительна; тотчасъ
Она овладѣла и мной!

и та, которой великій поэтъ посвятилъ свое вдохновеніе,—разныя существа. Другой знатокъ Данте, итальянецъ Пересъ, связываетъ идею Беатриче съ католичествомъ, и, по его мнѣнію, образъ этотъ не реальное лицо, а блаженство непосредственнаго созерцанія, приближающаго насъ къ божеству, отъ котораго отдалила его одно время ложная философская наука, эта другая дама его мыслей [1]). Конечно, странно выражать стремленіе къ высшей сущности вещей въ произведеніи, посвященномъ любви; но для Среднихъ вѣковъ ничего страннаго въ этомъ не было, такъ какъ и Пѣсня пѣсней, представляющая романъ на чисто эротической подкладкѣ, истолковывалась какъ чисто религіозное произведеніе. Какъ бы то ни было, но вопросъ о томъ, существовала ли Беатриче на самомъ дѣлѣ, рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ: она существовала. Дочь Фалько Портинари, она родилась въ 1267 г., жила по сосѣдству съ Данте, въ 1287 году вышла замужъ, а въ 1290 г. умерла, вскорѣ послѣ отца, 23-хъ лѣтъ отъ роду. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что трудно предположить такую страстную, исполненную самыхъ пламенныхъ восторговъ любовь къ вымышленному существу. Мы знаемъ, правда, что нѣчто подобное бываетъ. Шиллеръ, напримѣръ, не одно стихотвореніе написалъ красавицѣ, существовавшей только въ его воображеніи. Поэты чувствуютъ слишкомъ глубоко. Они могутъ иногда принять вымыселъ за дѣйствительный фактъ. Но дойти до такой глубины чувства, до какой дошелъ Данте, нельзя, если предметъ страсти нарисованъ однимъ только пыломъ необузданной фантазіи.

Выше упомянуто, что Данте тщательно скрывалъ имя дѣвушки, поразившей его сердце. Когда однажды въ церкви онъ устремилъ восторженные взоры въ ту сторону, гдѣ была Беатриче, присутствовавшимъ, слѣдившимъ по линіи его зрѣнія, показалось, что онъ смотритъ на даму, находившуюся между нимъ и Беатриче. Это дало имъ поводъ заключить, что Данте влюбленъ въ эту даму. И что же? Данте не только не постарался разсѣять это заблужденіе, но, наоборотъ, ухватился за него, какъ за камень спасенія, и даже написалъ этой особѣ нѣсколько стихотвореній, лишь бы отклонить общее вниманіе отъ истиннаго предмета его любви. Обстоятельство это послужило причиною маленькой размолвки между Данте и его возлюбленною. Узнавъ, что поэтъ посвящаетъ свои стихотворныя изліянія другой дамѣ, Беатриче, въ цѣломудренной ревности, рѣшила отплатить легкомысленному юношѣ и при слѣдующей встрѣчѣ не отвѣтила на его поклонъ. Это заставило Данте сильно раскаяваться. Онъ рѣшилъ больше не испытывать своего сердца, но, увидѣвъ Беатриче черезъ нѣсколько дней на свадьбѣ одного гражданина, опять почувствовалъ сильное біеніе сердца и измѣнился въ лицѣ. Его окружили, надъ нимъ начали насмѣхаться, смѣялась сама Беатриче, что заставило его страдать еще больше. Свое горе онъ затѣмъ выплакалъ въ звучныхъ сонетахъ, исполненныхъ тихой грусти и жалобы.

Когда умеръ отецъ Беатриче, Данте сталъ думать о томъ, что и она сама можетъ скоро умереть. Этотъ странный фактъ многіе объясняли различно, но Скартацини вывелъ изъ него любопытное заключе-

---

[1]) А. Веселовскій. «Данте и символическая поэзія католичества», «В. Е.», 1866 г., № 4, стр. 207.

ніе: возлюбленная Данте была слабаго тѣлосложенія и болѣзненна[1]). Эта остроумная догадка объясняетъ многое. Беатриче прекрасная, но болѣзненная—,да, къ такой именно дѣвушкѣ можно проникнуться самой тонкой платонической любовью, такую дѣвушку можно въ дѣйствительности считать неземнымъ существомъ, томиться, радоваться, горевать и быть счастливымъ въ одно и то же время, потому что тамъ, гдѣ болѣзнь и смерть, не можетъ быть и мысли о низменныхъ чувствахъ, тамъ, гдѣ могильный мракъ, нѣтъ мѣста для брачнаго ложа... Предположеніе это тѣмъ болѣе основательно, что Беатриче дѣйствительно вскорѣ умерла, умерла въ расцвѣтѣ лѣтъ—двадцати трехъ лѣтъ отъ роду! Жизнь ея не оборвалась сразу и неожиданно, потому что Данте нигдѣ не говоритъ о болѣзни, поразившей его возлюбленную. Она просто таяла и сгорѣла, какъ свѣча.

Данте долго оплакивалъ возлюбленную. Онъ былъ неутѣшенъ и горе свое выразилъ въ превосходныхъ сонетахъ, утѣшаясь мыслью-что напишетъ произведеніе, въ которомъ выставитъ свою возлюблен, ную въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ никогда еще не была представлена ни одна женщина. И онъ написалъ «Божественную Комедію».

Было бы очень долго слѣдить за отношеніемъ поэта къ Беатриче послѣ ея смерти. Но нельзя не указать, что эта именно продолжительность чувства и, если можно такъ выразиться, непрерывность любовнаго экстаза являются самымъ замѣчательнымъ въ отношеніи поэта къ царицѣ его сердца. Иначе и не могло быть. Любовь—историческое наслѣдіе итальянскаго народа. По исторіи любви можно даже прослѣдить все его прошлое и проникнуть во всѣ тайники его культурнаго существованія. «Если бы кто вздумалъ написать исторію любви въ Италіи, тотъ рядомъ оживленныхъ картинъ вполнѣ опредѣлилъ бы характеристику ея каждаго историческаго періода»,—говоритъ профессоръ петербургскаго университета Пинто [2]). И дѣйствительно вся возмутительная дикая необузданность нравовъ и свирѣпость лангобардовъ VI вѣка воплощаются въ лицѣ Розмунды, которая любитъ жестокаго Альбоина, убійцу своего отца и дяди. Опьяненная страстью, она дѣлается его супругою и пьетъ за его здоровье изъ черепа отца, какъ изъ заздравнаго кубка. Еще одинъ вѣкъ—и нравы смягчаются. Любовь уже не дышетъ первобытной грубостью. Она становится защитницею красоты и, поддерживаемая оружіемъ, управляетъ общественнымъ мнѣніемъ. Еще позже—и чувство любви значительно облагораживается. Кроткая Эрменгарда, дочь короля Дезидеріо, выходитъ замужъ за Карла Великаго, который черезъ нѣкоторое время отвергаетъ ее и клевещетъ на нее самымъ недостойнымъ образомъ, но она ему все прощаетъ и продолжаетъ любить нѣжною, покорною любовью. Въ X вѣкѣ опять необузданныя страсти, но все же страсти, сильныя, упорныя, продолжительныя. Теодора и Маріція, двѣ развратницы, силою красоты и богатства управляютъ Италіею въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Безнравственность эпохи вполнѣ отражается въ образѣ жизни этихъ женщинъ, сообщниками которыхъ

---

[1]) J. Scartazzini. «Dante», стр. 34.

[2]) М. Пинто. «Историческіе очерки итальянской литературы», 1866 г. стр. 19 и слѣд.

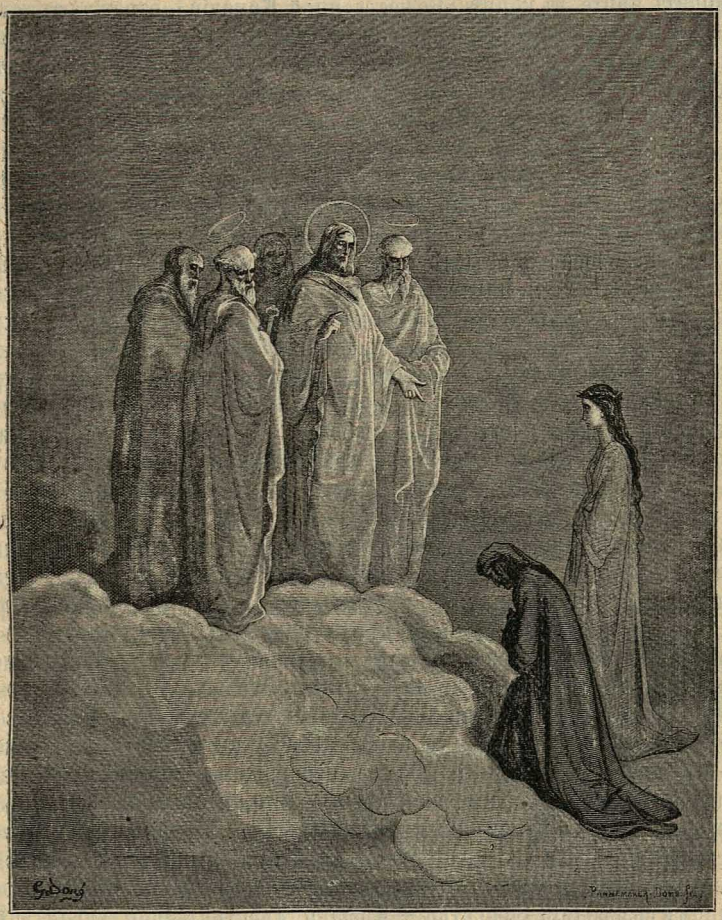
являлись маркизы и простые солдаты, епископы и церковные служители низшаго разряда, цари, конюхи и папы. Слѣдующій вѣкъ ознаменовался развращенностью духовенства, заставившею Григорія VII прибѣгнуть къ реформамъ. Затѣмъ нравы опять смягчились; отечество соединилось съ церковью. Любовь сдѣлалась спокойнѣе въ своемъ проявленіи. Тутъ-то и родилась любовь Данте къ Беатриче. Потомъ опять перемѣна: дикая страсть замѣняетъ спокойное проявленіе любовнаго чувства. Въ XV и XVI столѣтіяхъ она нерѣдко сопровождается убійствами и другими преступленіями. Извѣстенъ знаменитый пиръ Вероники Чибо, которая, умертвивъ соперницу, подала мужу блюдо, приготовленное изъ ея сердца, а затѣмъ въ видѣ десерта поднесла самую голову несчастной. Наконецъ, примѣръ Лукреціи Борджіа чего стоитъ, той именно Борджіа, которая, несмотря на троекратное замужество, была одновременно тайною женою своего отца и брата и въ концѣ концовъ отравила сына!

При такихъ пламенныхъ чувствахъ нисколько неудивительно, если Данте продолжалъ любить Беатриче и послѣ смерти, любить, можетъ быть, не столько какъ образъ, какъ идею, сколько какъ реальное существо, несомнѣнно существующее и за гробомъ. Недаромъ вся «Божественная Комедія» его представляетъ одинъ сплошной порывъ къ небесному существу, только на время посѣтившему землю и затѣмъ вернувшемуся на свою первоначальную родину—въ эмпиреи. Данте прошелъ адъ со всѣми его ужасами, прошелъ потому, что, лишившись путеводной нити послѣ смерти Беатриче, запутался въ тенетахъ жизни, но онъ прошелъ его для того, чтобы очутиться на горѣ чистилища и на ея вершинѣ встрѣтиться впервые послѣ долгой разлуки съ божественною женщиною, приковавшею его къ себѣ когда-то при жизни. И вотъ онъ, выйдя изъ ада и добравшись подземнымъ ходомъ до противоположной части земного шара, начинаетъ подниматься на гору земного рая. Онъ проходитъ всѣ круги, причемъ съ его чела ангелъ каждый разъ стираетъ одно изъ семи P (peccato—грѣхъ), и когда исчезаетъ послѣдняя буква, свидѣтельствующая о запятнанности его души земными страстями, передъ глазами его вдругъ появляется образъ дивнаго существа во всей красотѣ и величіи, чтобы вознести его въ воздушныя пространства, въ сферу звѣздъ, третій и послѣдній этапный пунктъ поэтическаго странствованія великаго флорентинца—рай.

Взглянувъ, я увидѣлъ; творенья
Небесныя эти бросать
Цвѣты уже тутъ перестали,
И тамъ Беатриче видать
Пришлось мнѣ, стоящей лицомъ ужь
Къ Той Птицѣ, и тутъ мнѣ она
Прекраснѣй еще показалась,
Чѣмъ въ жизни земной той была.
И чувство раскаянья мною
Настолько владѣло тогда,
Что мнѣ показалось, какъ будто
Божественна даже она!
И совѣсть настолько терзала
Меня, что безъ чувствъ я упалъ...[1])

[1]) «Чистилище». Пер. А. Ѳедорова, стр. 249—250.

Съ этой минуты собственно и начинается счастливая пора въ жизни Данте. Онъ обрѣлъ блаженство, потому что обрѣлъ Беатриче. Пройдя адъ, иными словами, пройдя земную жизнь съ ея грѣховными страстями, онъ добрался до чистилища—сознанія ничтожества этихъ страстей и стремленія къ полному освобожденію отъ нихъ, чтобы, очищенному и просвѣтленному, удостоиться, наконецъ, лицезрѣнія Беат-



Съ одной изъ иллюстрацій Гюстава Дорэ къ «Божественной Комедіи» Данте.

риче—идеала высшей жизни. Для нея онъ погрузился въ адъ желаній, для нея онъ прошелъ горнило очищенія, но она же подниметъ его въ лучезарное небо, къ далекимъ звѣздамъ, на которыхъ живутъ праведники и гдѣ царитъ само Божество. Въ этомъ вся идея великолѣпнаго произведенія Данте, но въ этомъ также и вся исторія его отношеній къ любимой женщинѣ. Данте любилъ и силой любви освободился отъ всѣхъ тревогъ и смрада жизни. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ

гётевскаго Фауста, который также любилъ, также стремился и также очистился любовью. Недаромъ оба поэта—и Данте, и Гёте—заканчиваютъ свои произведенія словами, оттѣняющими одну и ту же мысль, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія.

...Мои желанія и волю
Я отдалъ произволу той любви,
Которой солнце движется и звѣзды [1]).

—говоритъ Данте въ концѣ «Божественной Комедіи», отражая въ этихъ словахъ средневѣковое поклоненіе женщинѣ, но въ то же время обнаруживая всю силу собственнаго чувства и глубокую вѣру въ міровое значеніе этого чувства. А въ концѣ 2-ой части «Фауста» мистическій хоръ (chorus misticus) поетъ:

Das Ewig-Weibliche
Zieht uns hinan—

—вѣчно женственное, т. е. то, что составляетъ основной элементъ существа всякой женщины, увлекаетъ насъ въ высь, въ небеса, въ прямомъ или переносномъ смыслѣ этого слова, смотря по степени вѣры, присущей человѣку. У Данте вѣра была сильна и потому онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ, что любовь къ Беатриче вознесетъ его въ кристальное небо, которое онъ описалъ такими неувядаемыми красками. Оттого-то, прежде чѣмъ проникнуть въ сферу Божества, Данте встрѣчается съ апостолами: Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ, которые испытываютъ его въ вѣрѣ, надеждѣ и любви, но и тутъ рядомъ съ нимъ стоитъ Беатриче—олицетвореніе его нравственной поддержки даже въ столь трудномъ и прозаическомъ искусѣ, какъ богословскій.

А когда искусъ выдержанъ, поэтъ можетъ смѣло подняться въ высшія пространства для созерцанія божественности въ ея первоисточникѣ. На самомъ дѣлѣ, какъ мы знаемъ изъ «Божественной Комедіи», Беатриче и вознесла его въ высшіе предѣлы неба—рай начавшійся, впрочемъ, уже съ той минуты, когда Данте покинулъ гору чистилища и поднялся въ воздухъ, увлекаемый неземною улыбкою возлюбленной. Этотъ плавный, легкій, почти незамѣтный для самого Данте полетъ вслѣдъ за любимой женщиной, которая уноситъ его силою своей благодати все выше и выше, съ одной звѣзды на другую, изъ одного неба въ другое, и есть наглядное изображеніе очищающаго и возвышающаго значенія любви, т. е. именно того, что кратко, но глубоко выражено въ двухъ приведенныхъ строкахъ Гёте. Такая любовь должна непремѣнно привести къ полному блаженству, которое, по понятіямъ Данте и его современниковъ, могло заключаться только въ непосредственномъ созерцаніи Божества,—и поэтъ дѣйствительно увидѣлъ Божество и рядомъ съ нимъ Беатриче, которая внезапно покинула своего друга, чтобы очутиться на ступенькахъ престола Всевышняго. Любовь — не только возвышающее чувство, она часть самого Божества. Отсюда понятно, что оно на самомъ дѣлѣ «движетъ солнце и звѣзды».

Данте и Гемма.

Тоска по Беатриче, впрочемъ, не помѣшала Данте жениться. Это былъ второй и послѣдній романъ въ его жизни, если не считать любви къ нѣкоей Пьетрѣ, которой онъ написалъ четыре канцоны, дышащія юношеской страстью, на этотъ

[1]) Пер. Д. Минаева.

разъ уже чувственною [1]). Встрѣтился онъ съ своей будущей женою случайно: она предстала передъ нимъ однажды въ то время, когда онъ сидѣлъ опечаленный у окна. Съ этой минуты и завязалось ихъ знакомство. Данте чувствовалъ, что поддается преступному влеченію, преступному потому, что въ сердцѣ его должна полновластно царить только Беатриче, но онъ ничего не могъ сдѣлать и самъ разсказываетъ объ этомъ въ «Новой жизни»:

«Частое свиданіе съ этою донною довело до того, что мои глаза находили уже слишкомъ большое удовольствіе ее лицезрѣть. Вслѣдствіе этого я испытывалъ горе, я осуждалъ свою слабость и даже нѣсколько разъ проклиналъ суетность моихъ очей. Я имъ говорилъ въ глубинѣ моихъ мыслей: «Вы привыкли заставлять плакать всѣхъ тѣхъ, которые видѣли ваше грустное состояніе; теперь же кажется, что вы хотите ее забыть для вашей донны, которая на васъ смотритъ, но только потому, что славная жена (т. е. Беатриче), которую вы привыкли оплакивать, тяготитъ ее. Удерживайтесь, пока можете, потому что я буду часто напоминать вамъ мою жену; проклятые глаза, слезы не должны были никогда переставать течь изъ васъ, развѣ только послѣ вашей смерти [2])».

Данте пролилъ еще не мало слезъ по этому поводу, но все-таки женился. Звали его жену Джеммою. Это была дочь нѣкоего Монетто, одного изъ представителей могущественнаго дворянскаго рода Флоренціи—Донати. По словамъ Скартаццини, съ ея братомъ Форезе Данте велъ одно время довольно легкую жизнь, исполненную многихъ пикантностей. Джемма принесла Данте троихъ дѣтей и пережила его на нѣсколько лѣтъ. Какую роль играла она въ жизни мужа,—трудно сказать. Данте о ней не говоритъ ни слова ни въ одномъ изъ своихъ стихотвореній—обстоятельство, свидѣтельствующее, что нѣжныхъ чувствъ онъ къ ней не питалъ, а смотрѣлъ, какъ на обыкновенную подругу жизни, съ которою дѣлятъ заботы и радости, больше всего заботы. Вотъ все, что извѣстно о роли этой женщины въ жизни Данте. Конечно, странно, какъ это такая мѣщанская любовь могла уживаться рядомъ со столь возвышеннымъ чувствомъ, какъ страсть къ Беатриче; но это объясняется своеобразностью средневѣкового рыцарскаго культа женщинъ, занесеннаго трубадурами въ Италію изъ Прованса. Этотъ культъ женщинъ не имѣлъ ничего общаго съ бракомъ. «Трубадуръ,—говоритъ Вегеле со словъ Форіэля, который первый указалъ на это обстоятельство,—могъ воспѣвать какую угодно женщину, только не собственную жену; для него было безразлично, была ли замужемъ или нѣтъ та дама, служенію которой онъ себя посвящалъ, и нравилось ли ей или не нравилось это поклоненіе» [3]). Этимъ, между прочимъ, объясняется и то обстоятельство, что чувство Данте къ Беатриче нисколько не измѣнилось послѣ того, какъ она вышла замужъ. Онъ носилъ этотъ образъ въ душѣ незапятнаннымъ съ той минуты, какъ

---

[1]) М. Ватсонъ. «Данте, его жизнь и литературная дѣятельность», 1891., стр. 19. Сравни также Scartazzini: «Dante», 58—59.

[2]) «Обновленная жизнь», пер. А. Ѳедорова, стр. 116—117.

[3]) Францъ Вегеле. «Данте Алигіери, его жизнь и сочиненія», пер. А. Веселовскаго, 1881 г., стр. 17.

въ немъ пробудилось сознаніе, и могъ воскликнуть вмѣстѣ съ лермонтовскимъ Демономъ:

Въ моей душѣ съ начала міра
Твой образъ былъ запечатлѣнъ.
Передо мной носился онъ
Въ волнахъ туманнаго эѳира.

Петрарка и Лаура [1])

Отъ Данте до Петрарки всего лишь шагъ. И не только потому, что оба поэта принадлежатъ одному и тому же народу, что жили они почти въ одно и то же время, что ихъ связываютъ одинаковая любовь къ поэзіи, одинаковыя понятія, одинаковое участіе въ политическихъ событіяхъ, одинаковое изгнаніе, но еще и потому, что оба любили совершенно одинаково, оба щедро осыпали своихъ возлюбленныхъ цвѣтами вдохновенія и оба остались только платоническими рыцарями своего чувства, сердечныя влеченія которыхъ не заходили дальше мечты и сладкихъ вздоховъ. Наконецъ, какъ Беатриче Данте, такъ и Лаура Петрарки одинаково были замужемъ, что не мѣшало имъ остаться вѣчно дѣвственными въ глазахъ обоихъ поэтовъ. Дальше этого сходства, кажется, идти нельзя.

Кто была Лаура, оставшаяся въ исторіи литературы вѣчнымъ памятникомъ женской красоты и граціи? Долгое время думали, что и она представляетъ собою не что иное, какъ плодъ поэтическаго воображенія, подобно тому, какъ это произошло съ Беатриче. Для примѣра укажемъ хотя бы на Георга Фойхта, который, не отрицая того, что существовала какая-то Лаура, внушившая поэту минутное чувство, прямо заявляетъ, что со временемъ чувство это сдѣлалось отвлеченнымъ и Лаура превратилась въ образъ, къ которому онъ пріурочивалъ свои поэтическіе вымыслы. Одинъ изъ современниковъ и друзей Петрарки, Джакомо Колонна, превосходно знавшій поэта, не разъ говорилъ въ шутку, что Петрарка выдумалъ прекрасное имя Лауры только для того, чтобы оно могло его прославить и чтобы всѣ говорили о немъ. Находились также люди, которые утверждали, что поэтъ выбралъ это имя потому, что оно напоминаетъ о лаврахъ [2]). Все это, конечно, не заключало бы въ себѣ ничего невозможнаго, если бы въ стихахъ знаменитаго флорентинца не проглядывала истинная страсть—коварная предательница всякой любви къ реальной женщинѣ. Къ тому же, позднѣйшія изслѣдованія привели къ заключенію, что Лаура—живое лицо. Поэтъ въ первый разъ встрѣтился съ нею въ церкви въ Страстную Пятницу 1327 года и тотчасъ же страстно въ нее влюбился. Была ли она въ это время замужемъ? Одни говорятъ, что была, другіе это отрицаютъ. Врядъ ли, однако, можно думать, что Лаура могла внушить Петраркѣ такое сильное чувство, будучи женою и даже матерью нѣсколькихъ

---

[1]) A. Mezières. «Petrarque. Etude d'après de noveaux documents». Paris, 1895.—Enrico Sicardi. «Gli Amori extravaganti de Fraducesco Petrarca». Milano, 1900.—Георгъ Фойхтъ. «Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма».—Анджело де-Губернатисъ. «Франческо Петрарка и его юбилей» (В. Е., 1874 г., 9). Маколей. Полное собраніе сочиненій, изд. Тиблена 1882 г., т. 3.—Моритцъ Карьеръ. «Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества», пер. Корша, 1874, т. 3.

[2]) Лаура—то же, что лавръ.

дѣтей, какъ утверждаютъ третьи. Любовь къ замужнимъ женамъ, какъ мы увидимъ ниже, представляла во времена Петрарки вполнѣ обычное явленіе, но она врядъ ли могла сразу же проявиться въ такой возвышенной, почти неземной формѣ, если бы поэтъ увидѣлъ предметъ своего сердца въ то время, когда Лаура уже была тронута неизбѣжнымъ вліяніемъ ласкъ, хотя бы и освященныхъ бракомъ. Онъ, несомнѣнно, увидѣлъ ее дѣвушкою, и если продолжалъ любить впослѣдствіи, когда Лаура была матерью многочисленнаго семейства (по словамъ однихъ, у нея было девять, а по словамъ другихъ— даже одиннадцать дѣтей), то только потому, что чувство было слишкомъ глубокое и сроднилось съ его душою. Словомъ, повторилось то же самое, что мы видимъ на примѣрѣ Данте.

Встрѣча произошла въ Авиньонѣ, гдѣ поселился отецъ Петрарки послѣ его изгнанія изъ Флоренціи, и вскорѣ весь городъ узналъ, что Петрарка влюбленъ до безумія. Онъ не скрывалъ своего чувства (тогда поэты вообще не скрывали своихъ чувствъ и всенародно выносили ихъ на судъ публики). Наоборотъ, влюбленный молодой человѣкъ сталъ писать восторженные сонеты, въ которыхъ радовался, восторгался, плакалъ, жаловался въ такихъ поэтическихъ выраженіяхъ, что не обратить на нихъ вниманія нельзя было. Лаура, конечно, не осталась глуха къ его изліяніямъ. Ей очень льстило, что талантливый поэтъ могъ увлечься ею, но она была слишкомъ цѣломудренна для того, чтобы пользоваться своей властью надъ человѣкомъ, который никогда не долженъ былъ знать счастье раздѣленной любви, такъ какъ она была замужемъ. И вотъ началось то же самое, что произошло между Данте и Беатриче. Петрарка вздыхаетъ, онъ слѣдитъ за своей возлюбленной, подмѣчаетъ всѣ ея движенія, запечатлѣваетъ въ памяти каждое ея слово и съ устъ его въ то же время льются восторженные гимны, полные любви и отчаянія:

Ты, чья душа огнемъ любви озарена,—
Нѣтъ для тебя достойныхъ пѣснопѣній,
Ты вся изъ кротости небесной создана,
Ты отъ земныхъ свободна искушеній.
Ты пурпуръ розъ и снѣга бѣлизна,
Ты красоты и правды свѣтлый геній.
Какимъ блаженствомъ грудь моя полна,
Когда къ тебѣ въ порывѣ вдохновеній
Я возношусь... О, если бы я могъ
Тебя прославить въ звукахъ этихъ строкъ
На цѣлый міръ!.. Но тщетное желанье!..
Такъ пусть хоть тамъ, въ странѣ моей родной,
Гдѣ блещутъ выси Альпъ, гдѣ море бьетъ волной,
Твердятъ Лауры нѣжное названье [1]).

Нельзя сказать, чтобы чувства Петрарки были цѣломудренны. Какъ человѣкъ и идеалистъ, онъ стоялъ ниже Данте, и не мудрено, если его любовь, подогрѣтая пылкимъ темпераментомъ, вспыхнула вдругъ яркимъ огнемъ ничѣмъ неукротимой страсти. Впрочемъ, понятія того времени не исключали полнаго наслажденія любовью, не исключали даже въ томъ случаѣ, если женщина принадлежала другому. Любовь къ замужнимъ женщинамъ была даже предпочтительнѣе любви къ дѣвуш-

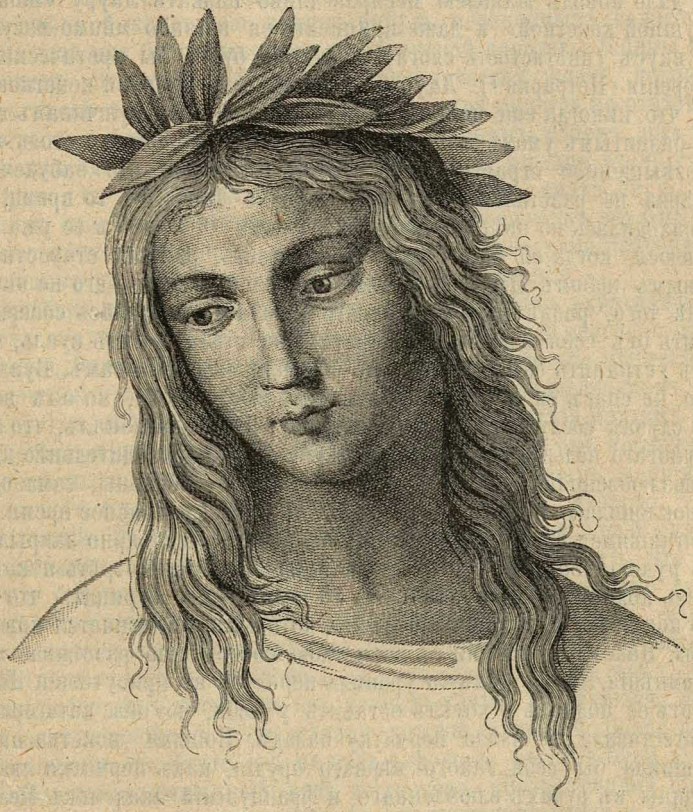
[1]) Переводъ В. П. Бурснина.

камъ и—что болѣе всего удивительно—мужья не только не возмущались настойчивыми ухаживаніями какого-нибудь поклонника его жены, но даже покровительствовали имъ, давали имъ возможность входить въ довольно близкія отношенія. И это весьма понятно: мужъ, открывавшій другимъ доступъ къ своей женѣ, открывалъ тѣмъ самымъ также и себѣ доступъ къ чужимъ женамъ... Сладострастно было средневѣковое общество и недаромъ оно именно создало безграничный культъ любви, доведя его до крайнихъ предѣловъ. Можно сказать, что рыцарь по отношенію къ женщинѣ игралъ почти такую же роль, какъ вассалъ по отношенію къ ленному владыкѣ. Когда послѣдній отходилъ ко сну, вассалъ долженъ былъ находиться въ его спальнѣ; когда женщина собиралась идти спать, рыцарь также отводилъ ее въ спальню. Это не скрывалось и считалось обыкновеннымъ дѣломъ. Конечно, рыцарь долженъ былъ быть скроменъ. Служеніе любви, какъ служеніе искусству, не требовало суеты, и, по понятіямъ того времени, рыцарь долженъ былъ безъ страха и волненія присутствовать при томъ, какъ повелительница его сердца скидываетъ съ себя платье, чулки, можетъ быть, мѣняетъ бѣлье и ложится въ постель. Это былъ послѣдній актъ, по окончаніи котораго рыцарю предписывалось удалиться, но онъ въ то же время являлся коварнымъ стимуломъ къ обходу неумолимаго предписанія, заставлявшаго покидать возлюбленную именно тогда, когда обладаніе ею было такъ близко и возможно. Вотъ почему впослѣдствіи установился новый обычай, дававшій женщинѣ возможность допускать въ свои объятія рыцаря на всю ночь, если онъ дастъ клятву не выходить за предѣлы дозволеннаго. Клятва, конечно, давалась, но не нарушалась ли она подъ вліяніемъ запретной близости и бурныхъ страстей? Объ этомъ знали только темныя завѣсы, какъ стражи, охранявшія уединенную постель средневѣковой женщины...

Лаура не принадлежала къ категоріи женщинъ, признававшихъ этотъ обычай. Да и культъ любви, проникнувшій въ Италію съ сѣвера, принялъ тамъ болѣе облагороженную форму, о которой мы упомянули выше, говоря о времени появленія «Божественной Комедіи» Данте. Можетъ быть, этимъ и объясняется непрерывность любовнаго экстаза Петрарки, удовлетворенная страсть котораго, конечно, не замедлила бы выразиться въ упадкѣ душевнаго напряженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ пониженіи творческаго полета. Тѣмъ же, по всей вѣроятности, объясняется и разнообразіе чувства самого поэта, чувства, охватившаго всю душу Петрарки, со всей ея сложной системою страстей, борьбы, разочарованій. Самъ Петрарка это превосходно выразилъ въ одномъ изъ своихъ сонетовъ: «Любовь меня подстрекаетъ и въ то же время удерживаетъ, придаетъ мнѣ бодрость и устрашаетъ, жжетъ и холодитъ меня, ласкаетъ и презираетъ, зоветъ и гонитъ, преисполняя иногда надеждою, иногда горемъ». И въ другомъ: «Я не нахожу мира и нѣтъ у меня ничего, что заставляло бы меня воевать. Я витаю выше небесъ и ползаю по землѣ, никого не прижимаю къ себѣ и держу весь міръ въ своихъ объятіяхъ. Я смотрю безъ глазъ. У меня нѣтъ языка, но я кричу. Я сгораю желаніемъ погибнуть и требую помощи. Я ненавижу себя самого и люблю другихъ».

Къ сожалѣнію, прошлое скрыло отъ насъ настоящій портретъ Лауры, такъ какъ портреты ея, хранящіеся въ Миланѣ и Флоренціи, и даже

знаменитый барельефъ дома Перудзи не могутъ считаться точнымъ изображеніемъ красавицы, которой суждено было получить безсмертіе въ сонетахъ Петрарки. Во всякомъ случаѣ, какъ эти мнимые или дѣйствительные портреты, такъ и изображенія Лауры на стѣнахъ итальянскихъ церквей, на миніатюрахъ рукописей, въ мраморѣ, приписываемомъ Симону Мемми, даютъ понятіе не столько о красавицѣ, сколько о хорошенькой женщинѣ съ симпатичными, но далеко не классически-



Лаура. Копія съ Рафаэля.

правильными чертами лица. Она быстро отцвѣла, чему, конечно, не мало содѣйствовало рожденіе нѣсколькихъ дѣтей, но Петрарка, какъ мы уже упомянули, встрѣтилъ ее въ расцвѣтѣ молодости, когда она дѣйствительно могла приковать къ себѣ сердца, даже и не столь пламенныя, какъ сердце флорентійскаго поэта. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и внезапность чувства Петрарки. До встрѣчи съ Лаурою онъ не признавалъ любви и даже издѣвался надъ нею, но, увидѣвъ въ церкви Лауру, тотчасъ поддался ея вліянію. Въ немъ происходитъ рѣзкая перемѣна. Поэтъ, считавшій себя свободнымъ отъ любовныхъ чаръ, вдругъ дѣлается безпокойнымъ. Онъ плачетъ, когда не видитъ предмета своей

страсти, а увидѣвъ, плачетъ еще сильнѣе, потому что робость не даетъ ему сказать, какою страстью обуревается его сердце. Ночь не приноситъ ему покоя. Онъ мечется въ постели и бредитъ. У него остается одно средство излить свои чувства—стихи, и онъ пишетъ пламенные панегирики женщинѣ, овладѣвшей его существомъ. Лаура, конечно, знаетъ о его страсти, но не даетъ ей разгораться сильно. Оставаясь вѣрною своему мужу, она, однако, не отталкиваетъ совершенно поэта и только сдерживаетъ его пламенные порывы. Можетъ быть, это именно и дало поводъ Маколею несправедливо назвать Лауру «пошлой и бездушной кокеткой» и даже приписать ея вліянію мнимо-извращенный вкусъ (цвѣтистость слога), портящій будто бы эротическія стихотворенія Петрарки [1]). Лаура не могла быть пошлой кокеткою, потому что никогда еще пошлыя кокетки не внушали мужчинамъ съ высоко-развитымъ умомъ и художническими потребностями столь чистой и возвышенной страсти, какъ страсть Петрарки. Не забудемъ, что Петрарка не разстался съ Лаурою, подобно Данте, въ то время, когда она находилась во цвѣтѣ красоты и прелести. Онъ зналъ ее уже состарѣвшеюся, когда ей было 35 лѣтъ—возрастъ, равный старости подъ знойнымъ небомъ Италіи, и тѣмъ не менѣе чувство его не ослабло. Кромѣ того, развѣ Лаура съ самаго начала не старалась совершенно удалить отъ себя влюбленнаго поэта? Она стала носить вуаль, желая этимъ устранить самый поводъ къ пламеннымъ порывамъ. Вуаль, конечно, не спасъ ея отъ любовныхъ натисковъ поэта, но онъ во всякомъ случаѣ сослужилъ хорошую службу: Петрарка понялъ, что ждать ему многаго нельзя. Впослѣдствіи Лаура стала снисходительнѣе къ своему возлюбленному: она начала отвѣчать на его поклоны, сама однажды поклонилась первая, а увидѣвъ въ одно прекрасное время поэта замечтавшимся въ ея присутствіи, она даже фамильярно закрыла ему лицо рукою. Во всемъ этомъ, конечно, можно усмотрѣть нѣкоторую степень кокетства, если захотѣть; но нельзя вѣдь отрицать, что и помимо кокетства есть много мотивовъ, которыми объясняется поведеніе Лауры. Наконецъ, исторія съ перчаткою совершенно разсѣиваетъ всякія сомнѣнія. Лаура какъ-то уронила перчатку въ присутствіи Петрарки; тотъ ее поднялъ и хотѣлъ оставить у себя, но она категорически запротестовала и взяла перчатку назадъ. Пошлая кокетка никогда не лишила бы себя такого вѣрнаго орудія, какъ перчатка любимой женщины въ рукахъ влюбленнаго, и французскій академикъ Мезьеръ, изучившій жизнь Петрарки на основаніи новыхъ документовъ, уже куда болѣе близокъ къ истинѣ, когда, не отрицая нѣкотораго кокетства въ Лаурѣ, говоритъ, что это было кокетство, присущее всякой женщинѣ, не исключая самой честной и благородной.

Былъ ли Петрарка безгрѣшенъ, подобно Данте? Мы видѣли уже, что цѣломудренность была ему чужда. Оттого-то возвышенность поэтическаго полета такъ часто замѣняется у него жгучестью обыкновенной страсти. Онъ самъ признается въ этомъ, восклицая въ своемъ посланіи къ потомству: «Я очень бы желалъ имѣть право сказать, что наслажденія любви были мнѣ всегда чужды, но не могу этого сдѣлать, такъ

[1]) Маколей. Полное собраніе сочиненій, изд. Тоблена, 1862 г., т. 3, стр. 380. (Разборъ важнѣйшихъ итальянскихъ писателей).

какъ мои слова были бы ложью, а потому скажу только, что, несмотря на свой темпераментъ, я въ глубинѣ души своей всегда относился съ ненавистью къ подобному униженію. По достиженіи же сорока-лѣтняго возраста я старался освободиться даже отъ воспоминаній подобнаго рода, хотя и тогда еще былъ полонъ огня и силы». Даже въ минуты самой пламенной любви къ Лаурѣ онъ не разъ поддавался влеченію своего сердца, и въ то самое время, какъ появлялись его канцоны, въ которыхъ поэтъ говорилъ, что красота Лауры ведетъ его къ небу и добродѣтели, самъ поэтъ утѣшалъ себя за недоступное ему счастье обладать любимой женщиною какимъ-нибудь незаконнымъ сожительствомъ на селѣ или благосклонностью безпутной королевы Іоанны Неаполитанской. Этому способствовала скитальческая жизнь, которую онъ велъ послѣ того, какъ убѣдился, что Лаура никогда не отвѣтитъ на его страсть взаимностью. Сжигаемый внутреннимъ огнемъ, онъ переходилъ изъ одного города въ другой, изъ одной деревни въ другую, и немудрено, что случайныя встрѣчи съ женщинами, менѣе Лауры дорожившими своей нравственной репутаціей, находили въ его горячей крови достаточный матеріалъ для превращенія невольника платонической любви въ усерднаго жреца грѣховныхъ наслажденій.

Позднѣйшіе изслѣдователи съ особеннымъ стараніемъ ухватились за эту слабую струну Петрарки и начали наигрывать на ней довольно пошлыя мелодіи. Оказалось, что пѣвецъ Лауры былъ не только цѣнителемъ и знатокомъ женской красоты, но сластолюбцемъ и развратникомъ. «У него были три возлюбленныя!» восклицалъ итальянскій критикъ Местока, несмотря на заявленіе самого Петрарки, что онъ посвящалъ свои сонеты только одной женщинѣ. «Онъ любилъ не трехъ женщинъ, а множество!» взывалъ другой итальянскій критикъ Чезарео. «Да это настоящій Донъ-Жуанъ!» гремѣлъ Вальпи, недовольный скромными выводами своихъ предшественниковъ. Нечего говорить, что всѣ эти потуги оказались совершенно безсильными при первомъ же дуновеніи серьезной критики, а послѣ изслѣдованія Энрико Сикарди, выпустившаго свое произведеніе почти на-дняхъ, отъ нихъ не осталось и слѣда. Петрарка не былъ ангеломъ (это доказывается тѣмъ, что у него были двое побочныхъ дѣтей), но онъ не былъ также и уличнымъ ловеласомъ, заглядывающимъ подъ шляпку каждой женщинѣ. Болѣе пылкій въ сравненіи съ Данте, онъ не могъ укрощать въ себѣ бури желаній, но столь же возвышенный, какъ и творецъ «Божественной Комедіи», онъ умѣлъ быстро отворачиваться отъ источника грѣха и возвращаться къ прежнему возвышенному, ничѣмъ не запятнанному культу женщины. Оттого-то онъ продолжалъ любить Лауру долгое время и послѣ того, какъ чума свела ее въ могилу. Грѣховность тѣла не мѣшала безгрѣшности мысли. Безъ преувеличенія можно сказать, что Петрарка былъ Адамомъ, сумѣвшимъ остаться въ раю и послѣ грѣхопаденія...

Торкъато Тассо и ферарскія принцессы [1]).

На одномъ изъ холмовъ Рима красуется великолѣпный соборъ Санъ-Онофріо. Каждый годъ 13 апрѣля тянутся туда жители вѣчнаго города съ цвѣтами и вѣнками въ рукахъ, тянутся цѣлыми толпами, старики и юноши, мужчины и

[1]) А. П. Милюковъ. «Исторія литературы древняго и новаго міра». Карьеръ. «Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества» (пер. Г. Корша), т. 4. М. Карелинъ. «Торквато Тассо и его вѣкъ» (П. В., 1883 г., 7—9).

женщины, чтобы еще разъ увидѣть памятникъ великаго поэта, творца «Освобожденнаго Іерусалима», мученика пѣсни и любви — Торквато Тассо.

Преданіе говоритъ, что Тассо никогда не улыбался. Этимъ объясняются его отношенія къ женщинамъ. Человѣкъ, который никогда не смѣется, можетъ внушать къ себѣ уваженіе, если онъ обладаетъ большими достоинствами, восторгъ и поклоненіе, если онъ геніаленъ, но онъ никогда не будетъ пользоваться искренней любовью женщины. Женщина сама—улыбка природы и сердце ея можетъ открыться только для того, на чьемъ лицѣ ей можно встрѣтить свое собственное отраженіе... Можетъ быть, оттого именно и былъ несчастенъ Торквато Тассо. Онъ слишкомъ рано пріобрѣлъ славу, слишкомъ рано увлекся культомъ собственнаго генія и сдѣлался нервнымъ, раздражительнымъ, больнымъ. Серьезность не покидала его нигдѣ, ни въ поэзіи, ни въ жизни. Всегда восторженный, патетическій, онъ умѣлъ пробуждать въ женщинахъ благоговѣйное настроеніе, но не былъ способенъ зажечь въ ихъ душахъ огонь искренней любви, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что жизнь его представляла сплошной рядъ душевныхъ мукъ и разочарованій, несмотря не общее восторженное отношеніе къ его произведеніямъ. Когда онъ изъ Падуи пріѣхалъ въ Феррару и занялъ мѣсто придворнаго поэта при дворѣ герцога Альфонса II, съ наибольшимъ восторгомъ отнеслись къ нему женщины. «Всѣ дамы желали съ нимъ познакомиться,—разсказываетъ его біографъ Чекки.—Принцессы Лукреція и Элеонора, сестры герцога, были въ восторгѣ отъ того, что представилась возможность бесѣдовать съ нимъ». Поклоненіе дамъ превышало все, что можно себѣ представить. Онѣ окружали его веселымъ роемъ, читали его стихотворенія, требовали сонетовъ. Онъ пишетъ стихотворенія молодымъ фрейлинамъ, входитъ съ ними въ близкія сношенія, гуляетъ въ садахъ, пожимаетъ имъ руки, но... не улыбается, и дамы чувствуютъ себя счастливыми, довольными, но... не влюбленными. Однажды онъ нечаянно прикоснулся къ плечу одной красавицы и извинился. Красавица, какъ разсказываетъ самъ Тассо, не только не оскорбилась, но сказала: «Вы оскорбили меня не тѣмъ, что протянули ко мнѣ руку, а тѣмъ, что отняли ее». Принцессы, сестры герцога, не отставали отъ другихъ и всячески старались завоевать его вниманіе. Тассо имѣлъ право входить къ нимъ въ комнаты во всякое время и, благодаря имъ, однимъ изъ первыхъ приглашался къ герцогскому столу. Онъ читалъ имъ свои стихотворенія, дѣлился мыслями относительно поэзіи, но голосъ его всегда сохранялъ величавую строгость поэта, которому суждено будетъ сдѣлаться классическимъ, и на лицѣ его никогда не играла улыбка. Принцессы увлекались его поэзіею и возвышенными взглядами на жизнь, но, разставаясь съ нимъ, совершенно забывали о человѣкѣ, умѣвшемъ пробуждать въ ихъ сердцахъ сладкія чувства. Для красавицъ феррарскаго двора существовалъ Тассо-поэтъ, но не существовало Тассо-человѣка.

Изъ двухъ принцессъ, сестеръ герцога, Элеоноры и Лукреціи, болѣе, повидимому, благоволила къ поэту Элеонора. Восторженно-набожная въ противоположность свѣтской и веселой Лукреціи, она болѣе ея поддалась вліянію Торквато Тассо, болѣе усердно слушала его разсказы, переписывалась съ нимъ и, несомнѣнно, питала болѣе искреннюю привязанность, но о какой-либо склонности къ поэту не могло быть и рѣчи.

Веселый дворъ Феррары былъ слишкомъ преданъ удовольствіямъ, женщины его слишкомъ понимали толкъ въ свѣтскомъ лоскѣ, чтобы Тассо могъ пользоваться не только поклоненіемъ, но и женской любовью. Къ тому же при дворѣ начались интриги противъ Тассо, вызванныя все тѣмъ же угрюмымъ, неуступчивымъ, непримиримымъ характеромъ поэта и, конечно, его огромнымъ успѣхомъ. Кто-то шепнулъ герцогу, чтобы онъ слѣдилъ за отношеніями Тассо къ его сестрѣ, и съ тѣхъ поръ герцогъ сталъ подозрителенъ, онъ охладѣлъ къ поэту и даже приказалъ вскрывать его письма. Былъ ли Тассо влюбленъ? Несомнѣнно, хотя, по мнѣнію нѣкоторыхъ его біографовъ, онъ питалъ одинаковое чувство къ обѣимъ сестрамъ. Но за то можно сказать съ увѣренностью, что принцесса его не любила, такъ какъ, когда юная красавица Лукреція Бендидія зажгла въ немъ сильное чувство, Элеонора покровительствовала этой страсти. Извѣстенъ, впрочемъ, случай, когда Элеонора какъ будто ревновала. Герцогиня Сантовале, пріѣхавъ въ Феррару, привлекла къ себѣ поэта, слава котораго давно уже обратила на него вниманіе красавицы. Тассо увлекся и сталъ посвящать ей пламенные сонеты. Это раздосадовало Элеонору и она удалила его отъ себя. Но отъ досады до любви еще очень далеко. Поклоненіе поэта льстило самолюбію принцессы и у нея было полное основаніе остаться недовольною, когда поэтъ сталъ посвящать свои поэтическіе восторги другой дамѣ. Не холоднымъ «прости» отвѣчаетъ женщина, если человѣкъ, котораго она любитъ, поворачивается къ ней спиной.

Какъ бы то ни было, но охлажденіе Элеоноры, за которымъ послѣдовало также охлажденіе ея сестры, герцога и всего двора, погрузило и безъ того мрачнаго поэта въ еще болѣе грустное настроеніе. Къ этому присоединилась необходимость разстаться съ придворной жизнью, къ которой Тассо сильно тяготѣлъ. Онъ уѣхалъ въ Сорренто, но сердцемъ продолжалъ жить въ Феррарѣ среди блестящихъ дамъ, изъ которыхъ ни одна не отвѣчала ему взаимностью, въ обществѣ любимыхъ принцессъ, для которыхъ существовала только его поэзія, но не онъ самъ. Это несчастіе въ любви отразилось на его поэзіи. Страданія и неудовлетворенная страсть сдѣлались любимой темой его вдохновенія. «Освобожденный Іерусалимъ» можетъ служить въ этомъ отношеніи яркимъ доказательствомъ. Сентиментальности тутъ нагромождены на сентиментальностяхъ. Олиндъ, напримѣръ, долго страдаетъ отъ безнадежной любви, такъ какъ его возлюбленная мечтала только о небѣ, и въ концѣ концовъ рѣшается на мученическую смерть съ нею, лишь бы быть вмѣстѣ съ предметомъ своего сердца. Рыцари его сплошь и рядомъ дѣйствуютъ, какъ юнцы, готовые клясться въ любви всякой дѣвочкѣ, съ которою они встрѣтились. Самъ Танкредъ не служитъ исключеніемъ Онъ почти еще не видѣлъ прекрасной язычницы Армиды, но уже пылаетъ къ ней страстью, уже тоскуетъ, уже изображаетъ на своемъ лицѣ печаль и меланхолію. Во время боя онъ опять встрѣчается съ нею, не узнаетъ подъ панцыремъ, наноситъ ей ударъ, но когда шлемъ съ нея сброшенъ и Армида предстаетъ передъ нимъ во всемъ блескѣ своей могучей красоты, сила его парализована. Онъ не способенъ бороться и самъ даже хочетъ снять съ себя броню, чтобы умереть отъ руки женщины, которую не успѣлъ даже хорошо разсмотрѣть. Тассо въ жизни также влюблялся въ первую встрѣчную женщину, не заботясь о ея внутреннемъ мірѣ, взглядахъ, обще-

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

ственномъ положеніи. Оттого-то и любовныя похожденія его были столь же неудачны, какъ и любовь его героя.

Печаленъ былъ конецъ Тассо. Его заключили въ тюрьму, гдѣ онъ пробылъ цѣлыхъ семь лѣтъ и окончательно разстроилъ и безъ того разстроенное здоровье. Произошло это вотъ какъ. Онъ вернулся въ Феррару, снова сблизился съ дворомъ, опять завоевалъ расположеніе принцессъ, но забылъ отрѣшиться отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и, главное, забылъ, что надо улыбаться, разговаривая съ женщинами. Говорятъ, онъ однажды вдругъ обнялъ Элеонору и поцѣловалъ. Это, конечно, произошло грубо, пошло, съ оттѣнкомъ некультурной разнузданности, которую такъ часто проявляютъ герои его безсмертной поэмы. Чаша была переполнена и герцогъ велѣлъ его уединить отъ свѣта, въ которомъ онъ былъ не на мѣстѣ. Тюрьма оказалась могилою не только для генія Тассо, но и для его любви. Когда его выпустили на свободу, все было кончено. Пѣвецъ «Освобожденнаго Іерусалима» уже больше не страдалъ, потому что не любилъ больше. Со струнъ его лиры еще срывались стройныя пѣсни, но въ нихъ уже не было прежней страсти и огня. Поэтъ, не улыбавшійся въ теченіе всей жизни, такъ и умеръ безъ улыбки на устахъ, недоумѣвая и томясь неразрѣшимымъ вопросомъ, за что не любили его женщины.

Джакомо Леопарди [1]).

Торквато Тассо началъ съ оптимизма и кончилъ пессимизмомъ. Леопарди началъ пессимизмомъ и остался ему вѣренъ до самой смерти.

У насъ мало знаютъ о Леопарди. Многіе навѣрно не слышали его имени. Это общая участь всякихъ представителей пессимизма, какъ доктрины, такъ какъ и Гартманъ, и даже Шопенгауеръ извѣстны намъ только по именамъ. Пессимизмъ никогда не былъ родственъ натурѣ русскаго интеллигентнаго общества и, если встрѣчалъ кое-гдѣ отголосокъ, то только какъ рѣзкій диссонансъ въ стройномъ созвучіи оптимистическихъ ученій. Оттого-то въ исторіи нашей общественности можно насчитать много гегельянцевъ, много сторонниковъ Фихте, Шеллинга, Канта, но нельзя указать ни одного истиннаго представителя пессимистической доктрины въ томъ видѣ, какъ начерталъ ее наиболѣе яркій выразитель этого ученія—Шопенгауеръ. Этимъ объясняется также и то обстоятельство, что Леопарди, котораго переводятъ и усердно читаютъ во Франціи, Англіи, Германіи, у насъ пользуется почти полной неизвѣстностью, такъ какъ изъ многочисленныхъ его произведеній на русскій языкъ переведены всего нѣсколько стихотвореній и часть діалоговъ, въ которыхъ Леопарди излагаетъ свои философско-моралистическіе взгляды.

Между тѣмъ итальянскій поэтъ представляетъ во многихъ отношеніяхъ не только интересную литературную величину, но и замѣчательную личность. Леопарди былъ пессимистомъ не только по доктринѣ, но и въ жизни. Въ исторіи пессимизма явленіе это довольно рѣдкое. Въ то время, когда Шопенгауеръ и въ особенности Гартманъ представляли собою здоровыя натуры, пользовавшіяся всѣми благами, Леопарди

---

[1]) Paul Heyse. Giacomo Leopardi. Berlin. 1878 г., т. 2.—В. Штейнъ. Графъ Джакомо Леопарди и его теорія infelicita. Спб., 1891.—В. Чуйко. Джакомо Леопарди. Критическій очеркъ (Набл., 1885 г., 3—4).

вѣчно боролся съ нуждою, болѣлъ, испытывалъ неудачи. Онъ былъ несчастенъ во всемъ — и въ отношеніяхъ къ отцу, отъ котораго всецѣло зависѣлъ, и въ отношеніяхъ къ прекрасному полу, которому былъ совершенно чуждъ. Въ этомъ отношеніи онъ сильно напоминаетъ своего соотечественника Торквато Тассо. Какъ и онъ, Леопарди принадлежалъ къ категоріи неудачниковъ-воздыхателей. Женщины отворачивались отъ него съ спокойнымъ сердцемъ, несмотря на то, что, въ противоположность Шопенгауеру, который, пресыщаясь женскими ласками, ненавидѣлъ и презиралъ женщинъ, Леопарди всегда питалъ къ нимъ нѣжныя чувства, всегда восхвалялъ ихъ, всегда старался найти путь къ ихъ сердцу. Одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ Леопарди на нѣмецкій языкъ, Поль Гейзе, объясняетъ даже его пессимизмъ именно тѣмъ, что онъ не зналъ женской любви. «Онъ два раза любилъ, какъ только можно любить въ Италіи, и умеръ дѣвственникомъ», сказалъ про него его другъ Раньери, и нѣжныя, полныя чарующей тоски стихотворенія Леопарди, посвященныя Сильвіи и Неринѣ, вполнѣ подтверждаютъ эти слова.

Кто были Сильвія и Нерина, сумѣвшія внушить слабому, болѣзненному, вѣчно тоскующему, вѣчно недовольному жизнью Леопарди такое сильное и искреннее чувство? Біографы доказали, что это не вымышленныя существа, являвшіяся только рамкою для его философско-поэтическихъ взглядовъ на женщину. Сильвія и Нерина были двѣ бѣдныя дѣвушки въ Реканати, носившія только другія имена. Одну звали Маріею Белардинелли, другую—Терезою Фатторини. Первая была дочерью кучера отца Леопарди, вторая—ткачихою. Всѣ отношенія итальянскаго поэта къ этимъ дѣвушкамъ сводятся только къ нѣсколькимъ словамъ, которыми онъ обмѣнялся съ ними, но это не мѣшало ему чувствовать къ нимъ сильную привязанность, связанную съ полной безнадежностью. Впослѣдствіи онъ выразилъ свои чувства въ большомъ стихотвореніи «Ricordanze», проникнутомъ отъ первой до послѣдней строки не только сознаніемъ тщеты всего окружающаго, но и безропотной меланхоліею неудачника любви.

«Уже въ первомъ возбужденіи моихъ радостей, печалей и желаній, наполнявшихъ юное сердце,—говоритъ онъ,—я не разъ призывалъ смерть; я долгіе часы проводилъ тамъ, на берегу источника, съ желаніемъ потопить въ немъ мои надежды и мое страданіе. Потомъ, ограниченный жизнью, постоянно угрожаемый неизвѣстнымъ недугомъ, я оплакивалъ мою прекрасную юность и цвѣтъ моихъ бѣдныхъ дней, такъ рано обезцвѣченныхъ. Часто въ поздніе часы, сидя на кровати, единственный свидѣтель своихъ слезъ, печально изливая мои стихи при блѣдномъ свѣтѣ лампы, я оплакивалъ среди безмолвія ночи мою жизнь, готовую потухнуть, и, чувствуя слабость, пѣлъ самому себѣ похоронную пѣснь.

«Кто безъ вздоха можетъ вспомнить васъ, о, первый расцвѣтъ юности, прелестные дни, непередаваемые, когда молодыя дѣвушки начинаютъ улыбаться восторженному юношѣ! Все тогда улыбается ему: зависть молчитъ, усыпленная еще или снисходительная; точно кажется, что міръ (о, чудо!) протягиваетъ ему руку помощи, извиняетъ его ошибки, празднуетъ вступленіе его въ жизнь, точно принимая его за господина и привѣтствуя его этимъ титуломъ. Кратковременные дни!

Они исчезли, подобно молніи. И какой человѣкъ можетъ обойтись безъ несчастій, когда онъ оставилъ уже за собою эту радостную пору, если это чудное время, если юность, увы, юность погибла?

«О, Нерина! Развѣ не слышу я, какъ эти мѣста мнѣ говорятъ о тебѣ? Думаешь ли ты, что твое воспоминаніе исчезло изъ моей памяти? Куда ушла ты, моя милая подруга, если здѣсь я нахожу лишь воспоминаніе о тебѣ? Она не видитъ тебя, эта родная земля; это окно, изъ котораго ты имѣла привычку говорить со мною и гдѣ печально свѣтитъ отблескъ звѣздъ,—оно пустынно. Гдѣ ты, если я не слышу твоего голоса, какъ прежде, когда, какъ бы далеко ни было, малѣйшій звукъ, сбѣгавшій съ твоихъ устъ, заставлялъ блѣднѣть мое лицо? Того времени уже нѣтъ. Дни твои уже прошли, моя любовь. Ты прошла. Другая теперь наступитъ и заселитъ эти благоухающіе холмы. Но ты прошла скоро! Твоя жизнь была точно сновидѣніе. Ты прожила ее, рѣзвясь. На челѣ твоемъ свѣтилась радость, во взорахъ твоихъ виднѣлось то довѣрчивое воображеніе, этотъ свѣтъ юности, въ ту минуту, когда судьба потушила ее и похоронила въ гробу. О, Нерина, въ сердцѣ моемъ все еще живетъ попрежнему моя любовь. Если по временамъ я отправляюсь на какой-либо праздникъ, въ какое-нибудь собраніе, я говорю себѣ: «О, Нерина, ты не одѣваешься уже на праздники и собранія: ты не ходишь на нихъ». Когда приходитъ май и влюбленные предлагаютъ молодымъ дѣвушкамъ зеленыя вѣтки и пѣсни, я говорю: «О, моя Нерина, для тебя нѣтъ уже ни весны, ни любви». При каждомъ ясномъ днѣ, при каждомъ цвѣтущемъ полѣ, которое я созерцаю, при каждомъ удовольствіи, которое я испытываю, я говорю: «У Нерины нѣтъ уже удовольствій: ни полей, ни неба она уже не видитъ». Увы, ты прошелъ, мой вѣчный вздохъ, ты прошелъ, и ко всѣмъ моимъ мечтамъ, ко всѣмъ моимъ нѣжнымъ чувствамъ и печальнымъ и дорогимъ движеніямъ моего сердца я всегда буду примѣшивать это горькое воспоминаніе» [1]).

Нерина, по всей вѣроятности, была одною изъ первыхъ привязанностей, если не первой любовью Леопарди. Какъ и все, что поражаетъ насъ въ юности, возлюбленная оставила въ душѣ поэта надолго, на всю жизнь отпечатокъ, который не могли изгладить позднѣйшія встрѣчи съ другими столь же дорогими его сердцу существами. Къ числу послѣднихъ относится, между прочимъ, его кузина, Гертруда Касси, пріѣхавшая въ Реканати, гдѣ жилъ поэтъ, на время. Онъ влюбился въ нее до того сильно, что едва не сошелъ съ ума, когда кузина уѣхала. Въ стихотвореніи «Il primo Amore» и другихъ онъ даетъ яркую картину своей любви. Чувство, охватившее его, было «зефиромъ, шелестящимъ листьями деревъ». Возлюбленная его уѣхала и онъ видѣлъ ее въ эту минуту, находясь за занавѣсками окна. Горькое сознаніе одиночества стѣснило его сердце. Онъ почувствовалъ себя сиротою, бросился на кровать, закрылъ глаза. Почему его любовь осталась смутнымъ, неудовлетвореннымъ, нераздѣленнымъ стремленіемъ? Онъ не сумѣлъ высказать ее, не сумѣлъ расположить къ себѣ возлюбленную, не сумѣлъ растрогать ее, вызвать улыбку на устахъ, обмѣняться поцѣлуемъ.

---

[1]) Переводъ Чуйко.

Люблю, люблю тебя! Сто разъ я повторяю:
Ты сердишься и хочешь ты бранить
Меня, что я любви моей совсѣмъ не знаю
Ни высказать, ни выразить, ни въ пѣснь излить,
И будто въ летаргіи не имѣю силу
Иной дать признакъ жизни, какъ сойти въ могилу [1]).

Леопарди, впрочемъ, утѣшился. Спустя нѣкоторое время онъ познакомился во Флоренціи съ принцессою Шарлоттою Бонапарте, дочерью бывшаго испанскаго короля и женою умершаго въ 1831 году старшаго брата Наполеона III. Ей именно онъ посвятилъ нѣсколько глубоко прочувствованныхъ стихотвореній, какъ «Aspasia» и «A se stesso», въ которыхъ воспѣлъ ея грацію и красоту и оплакалъ свою неудачу. Существуетъ, впрочемъ, мнѣніе, что стихотворенія эти посвящены не самой принцессѣ Шарлоттѣ, а одной флорентійской замужней аристократкѣ, съ которою Леопарди встрѣтился въ домѣ принцессы и которая ввела его въ заблужденіе своимъ ласковымъ отношеніемъ. Поэтъ уже думалъ, что любимъ, и объяснился, въ результатѣ чего оказалось, конечно, грустное разочарованіе.

Можно вполнѣ согласиться съ Полемъ Гейзе, что неудачи въ любви придали грустный колоритъ его мышленію и послужили главной причиной его пессимизма. «Я живу здѣсь безучастный и равнодушный ко всему,—пишетъ онъ брату въ 1822 году изъ Рима,—въ дамскомъ обществѣ не бываю вовсе, а безъ женщинъ никакія занятія, никакія житейскія обстоятельства не могутъ ни привязывать, ни удовлетворять». Ту же идею онъ проводитъ и въ другихъ письмахъ, объясняя повсюду свои неуспѣхи у женщинъ только своей некрасивой наружностью. «Я совершенно погубилъ себя,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,—семью годами безумнаго и отчаяннаго ученія въ такомъ возрастѣ, въ которомъ организму моему нужно было развиваться и крѣпнуть. Я погубилъ себя на всю жизнь, сдѣлалъ свою наружность жалкою и тѣмъ уничтожилъ ту важную часть человѣка, на которую люди обращаютъ столько вниманія, и притомъ не только толпа, но всякій, которому хочется, чтобы внутреннее дарованіе не было лишено внѣшняго украшенія, и который, найдя его ничѣмъ не украшеннымъ, приходитъ въ уныніе и, уступая закону природы, едва имѣетъ мужество любить того, у котораго нѣтъ ничего красиваго, кромѣ души». И, какъ бы развивая эту мысль, онъ восклицаетъ въ своемъ грустномъ, проникнутомъ нѣжной меланхоліею стихотвореніи «Послѣдняя пѣснь Сафо»: «Одной лишь только красотѣ дано небесами властвовать надъ человѣческимъ сердцемъ. Для героизма и пѣсенъ не цвѣтетъ вѣнокъ славы въ бѣдной, скромной хижинѣ».

Былъ ли правъ Леопарди? Конечно, не былъ. Красота мужчины не всегда служитъ необходимымъ условіемъ женскаго расположенія и мы не разъ еще встрѣтимся на протяженіи этой книги съ примѣрами мужчинъ, пользовавшихся любовью женщинъ, несмотря на свое уродство. Достаточно упомянуть пока хотя бы о томъ же Шопенгауерѣ, наружность котораго далеко не удовлетворяла требованіямъ изящнаго вкуса, но который тѣмъ не менѣе свободно пилъ изъ чаши любовныхъ наслажденій. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ справедливъ приговоръ Руджеро Бонги, который, объясняя причину вѣчныхъ неудачъ Леопарди въ области

[1]) Переводъ Огарева.

любви, замѣчаетъ: «Маленькій, слабый, рахитическій Леопарди не рѣшался думать, что его можетъ любить женщина, а увѣренность въ этомъ имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ то, что дѣйствительно ни одна женщина не любитъ. Ему было извѣстно, что онъ некрасивъ, и оплакивалъ это, какъ величайшее несчастіе, не будучи въ состояніи понять, что женщина узнаетъ въ некрасивомъ тѣлѣ красивую душу и любитъ ее».

Альфьери и графиня Альбани [1]).

Если въ исторіи всемірной литературы есть примѣръ рѣдкой по своему бурному и тревожному характеру связи между поэтомъ и женщиною, то это, конечно, связь Альфьери и графини Альбани. Съ другой стороны, трудно также указать болѣе яркій примѣръ непосредственнаго вліянія женщины на творчество поэта, пегасъ котораго всегда нуждается въ легкихъ ударахъ хлыста, чтобы уносить своего повелителя въ бездонныя пространства поэзіи.

Графиня Альбани была женой Карла-Эдуарда Стюарта, послѣдняго изъ рода Стюартовъ, до самой смерти остававшагося претендентомъ на англійскій престолъ. Вышла она за него замужъ при необычайныхъ условіяхъ. Карлъ-Эдуардъ былъ храбръ и неустрашимъ. Имѣя всего 25 лѣтъ отъ роду, онъ въ 1745 году высадился въ Шотландіи, во главѣ ничтожной группы приверженцевъ, и въ короткое время собралъ подъ свое знамя цѣлую армію, овладѣлъ Эдинбургомъ и нанесъ пораженіе войскамъ короля Георга, чѣмъ сразу пошатнулъ его престолъ. Вскорѣ, однако, ему было нанесено рѣшительное пораженіе и онъ бѣжалъ послѣ многихъ приключеній во Францію. Людовикъ XIV относился къ нему радушно, но Людовикъ XV согласился по Аахенскому договору изгнать его изъ своей страны. Съ этихъ поръ начались безконечныя скитанія англійскаго претендента, единственнымъ утѣшеніемъ котораго была вѣрная подруга, миссъ Клементина Уакиншоу. Онъ сошелся съ нею въ Шотландіи, послѣ чего она родила ему дочь, которая, однако, послужила впослѣдствіи предметомъ разлада между родителями. Въ одно прекрасное время миссъ Уакиншоу покинула Карла-Эдуарда и претендентъ на англійскій престолъ остался безъ главной поддержки. Такъ какъ друзья также начали покидать его одинъ за другимъ, то онъ съ горя началъ пьянствовать и въ скоромъ времени дошелъ до такого состоянія, что приверженцы Стюартовъ съ ужасомъ начали ждать времени, когда послѣдній представитель династіи сойдетъ въ могилу, положивъ конецъ ихъ надеждамъ на реставрацію. Тутъ-то неожиданно вмѣшалось въ дѣло французское правительство. Потерявъ надежду на то, чтобы Карлъ-Эдуардъ снова высадился въ Англіи или, по крайней мѣрѣ, держалъ ее въ страхѣ, оно рѣшило обезпечить Стюартамъ потомство, такъ какъ продолженіе этого рода и связанная съ нимъ возможность смутъ въ Англіи могла быть только на руку Англіи. Для этой цѣли Карлъ-Эдуардъ былъ вызванъ въ Парижъ, гдѣ ему предложили жениться на молодой княжнѣ Штольбергъ, взамѣнъ чего онъ будетъ получать 240.000 лив-

---

[1]) Геттнеръ. «Исторія всеобщей литературы,» т. 2.—Сенъ-Рене Тальяндье. «Графиня Альбани» (Историческіе очерки изъ современныхъ европейскихъ писателей, изд. Вольфа, 1861 года). — Веберъ. «Всеобщая исторія».

ровъ пенсіи. Само собой разумѣется, что жалкій, истощенный неумѣренной жизнью, потерявшій всякія надежды претендентъ, которому къ тому же было 51 годъ, согласился и въ 1772 году былъ совершонъ бракъ въ Парижѣ.

Княжна Штольбергъ и была графиня Альбани (титулъ «графъ Альбани» Карлъ-Эдуардъ сталъ носить спустя нѣкоторое время, когда, какъ мы сейчасъ увидимъ, всѣ попытки его быть признаннымъ кѣмъ-либо изъ европейскихъ коронованныхъ особъ въ качествѣ законнаго англійскаго короля не увѣнчались успѣхомъ). Это была очаровательная женщина. «Нѣмка по рожденію и имени,—говоритъ Сенъ-Ренэ-Тальяндье,—она была совершенная француженка по образу мыслей, и къ ея очаровательнымъ пріемамъ присоединялась еще необыкновенная живость ума. Ученая безъ педантизма, страстно любящая искусство, Луиза Штольбергъ, казалось, была рождена для того, чтобы быть граціозной владычицею умственной аристократіи своей эпохи въ самыхъ высшихъ слояхъ образованнаго общества». Близость такой женщины должна была благопріятно отразиться на безпутномъ Карлѣ-Эдуардѣ, и дѣйствительно, онъ сдѣлался совершенно инымъ человѣкомъ. Въ немъ проснулось прежнее достоинство и прежняя вѣра въ свое династическое будущее. Къ несчастію, ни папа Климентъ XIV, ни великій герцогъ Тосканскій, во владѣніяхъ котораго онъ поселился, не признавали его королемъ, и это заставило его снова погрузиться въ прежній мракъ отчаянія и опять отдаться вину, дававшему возможность забыть на время всѣ невзгоды жизни. Здоровье его пошатнулось, силы ослабѣли. Жена должна была почувствовать къ нему отвращеніе, тѣмъ болѣе что Карлъ-Эдуардъ жестоко обращался съ нею. Она долго томилась, ждала. Нуженъ былъ удобный случай, чтобы она рѣшилась порвать съ своимъ мужемъ, съ которымъ она не имѣла ничего общаго, не исключая даже возраста, и бѣжать изъ Флоренціи.

Въ это именно время пріѣхалъ во Флоренцію Альфьери, молодой тосканскій дворянинъ и будущая звѣзда итальянской поэзіи. Ему было всего 28 лѣтъ, и вполнѣ понятно, что пылкій, восторженный, жаждущій славы поэтъ не могъ пройти мимо великолѣпнаго цвѣтка, оказавшагося въ кучѣ мусора. Ротъ какъ онъ описываетъ впечатлѣніе, которое произвела на него графиня Альбани: «Только-что я кое-какъ устроился во Флоренціи, чтобы прожить тамъ одинъ мѣсяцъ, какъ одно новое обстоятельство удержало и, можно сказать, заперло меня тамъ на нѣсколько лѣтъ. Это обстоятельство заставило меня, для моего же счастія, оставить навсегда мою родину, и я, наконецъ, нашелъ въ золотыхъ цѣпяхъ, которыми самъ себя добровольно опуталъ, ту литературную свободу, безъ которой я никогда не сдѣлалъ бы ничего хорошаго... Въ прошлое лѣто, проведенное мною во Флоренціи, я часто и невольно встрѣчалъ даму прекрасной наружности и съ очень граціозными манерами. Иностранка была аристократическаго происхожденія, этого невозможно было не замѣтить, а еще невозможно было, разъ ее увидѣвъ, не плѣниться ею. Большая часть здѣшнихъ аристократовъ и всѣ сколько-нибудь значительные иностранцы были у нея приняты; но я, погруженный въ мои занятія и меланхолію, нелюдимъ и странный отъ природы, старался въ особенности избѣгать женщинъ, отличавшихся красотою и любезностью, и потому не хотѣлъ это лѣто быть ей представленнымъ.

Однако жь, мнѣ очень часто случалось встрѣчаться съ нею въ театрахъ и на гуляньѣ, и отъ этихъ встрѣчъ у меня осталось въ глазахъ и даже въ сердцѣ первое очень пріятное впечатлѣніе; темные и полные пріятнаго огня глаза и къ этому (что случается очень рѣдко) удивительной бѣлизны кожа и бѣлокурые волосы придавали ея красотѣ такой блескъ, что трудно было, увидѣвъ ее, не быть пораженнымъ и побѣжденнымъ. Ей было 25 лѣтъ. Съ ангельскимъ характеромъ она соединяла любовь къ словесности и искусствамъ; сверхъ того, она пользовалась большимъ состояніемъ, но, несмотря на все это, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, очень тяжелыхъ и грустныхъ, не была счастлива. Въ ней было слишкомъ много очарованія, чтобы не привести меня въ смущеніе... Такова была страсть, съ этого времени нечувствительно развившаяся и взявшая верхъ надъ всѣми моими привязанностями, надъ всѣми моими мыслями. Она угаснетъ только съ моею жизнью. Удостовѣрясь черезъ два мѣсяца, что это была именно та женщина, которой я искалъ, — потому что она не только не была помѣхою моей литературной славы, какъ обыкновенныя женщины, любовь моя не только не отрывала меня отъ полезныхъ занятій, не суживала, если можно такъ выразиться, моихъ идей; напротивъ, она подстрекала, ободряла меня и представляла собою примѣръ всего прекраснаго,—я узналъ и оцѣнилъ такое рѣдкое сокровище и тогда страстно отдался ей. И я не обманулся, ибо послѣ десяти лѣтъ, въ минуту, когда я пишу эти строки, когда, увы, для меня настало время горькихъ разочарованій, я болѣе и болѣе пылаю страстью къ ней, а между тѣмъ время уничтожило въ ней многія пустыя преимущества скоропреходящей красоты. Каждый день мое сердце возвышается, смягчается, улучшается съ нею, и я думаю и увѣренъ, что и ея сердце, опираясь на мое, почерпаетъ въ немъ новыя силы».

Творческая дѣятельность поэта забила ключомъ. Онъ пишетъ стихи, въ которыхъ изливаетъ свои чувства, или драмы, въ которыя вкладываетъ идеи любимой женщины. Чтобы имѣть возможность запечатлѣвать свое поэтическое вдохновеніе на бумагѣ, ему приходится даже отказаться отъ отечества—Пьемонта, такъ какъ по пьемонтскимъ законамъ писать внѣ предѣловъ родины безъ разрѣшенія цензоровъ запрещалось подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія. Жертва эта была искуплена большой продуктивностью, такъ какъ ко времени пребыванія Альфьери во Флоренціи, бокъ-о-бокъ съ графинею Альбани, онъ написалъ свои лучшія произведенія. Оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ — освободить несчастную женщину изъ суровыхъ тисковъ тирана. Но какъ этого было достигнуть? И вотъ составился заговоръ, въ которомъ принялъ участіе самъ великій герцогъ Тосканскій. Такъ какъ Карлъ-Эдуардъ не отпускалъ жены отъ себя ни на шагъ, а уѣзжая, буквально запиралъ ее на ключъ, то пришлось прибѣгнуть къ хитрости, выманить ее вмѣстѣ съ мужемъ однажды на прогулку и путемъ искусной интриги дать ей проскользнуть въ монастырь на глазахъ удивленнаго супруга. Карлъ-Эдуардъ хотѣлъ было послѣдовать за нею, но его не впустили. Онъ началъ сильно звонить, ему не отвѣчали. Наконецъ въ форточкѣ показалась игуменья и заявила, что графиня Альбани просила убѣжища въ монастырѣ и теперь находится подъ покровительствомъ ея величества великой герцогини. Конечно, Карлъ-Эдуардъ негодовалъ, просилъ, требовалъ, хлопоталъ... Все было напрасно. Мо-

лодая Альбани перестала быть женою англійскаго претендента, чтобы сдѣлаться подругою знаменитаго поэта.

Но, прежде чѣмъ сойтись окончательно, необходимо было обезопасить графиню отъ преслѣдованія разъяреннаго мужа и, если можно, добиться развода. Первое сдѣлать было нетрудно. Въ одинъ прекрасный день выѣхалъ изъ монастыря экипажъ, на козлахъ котораго сидѣлъ Альфьери, съ пистолетомъ въ рукѣ на всякій случай, рядомъ съ однимъ изъ своихъ друзей, принимавшимъ участіе въ заговорѣ. Въ экипажѣ была графиня, которая направлялась въ Римъ, гдѣ мужъ ничего уже не могъ ей сдѣлать. Нечего говорить, что вскорѣ туда пріѣхалъ и Альфьери, и для влюбленной парочки началась счастливая жизнь. Они не жили вмѣстѣ—этого не позволило бы общественное мнѣніе,—но онъ часто посѣщалъ свою возлюбленную, слишкомъ часто для того, чтобы вскорѣ не разнеслась молва объ отношеніяхъ между поэтомъ и молодою женщиною. Опасаясь преслѣдованія со стороны общества и боясь приговора папы, который не замедлилъ бы изгнать его изъ Рима, Альфьери покинулъ вѣчный городъ и началъ скитальческую жизнь, «рифмуя и плача». Это былъ длинный рядъ пытокъ для знаменитаго поэта, который могъ быть прекращенъ только разводомъ графини Альбани. Но разводъ уже далеко не представлялся легкимъ дѣломъ, и графиня такъ, вѣроятно, и осталась бы женою Карла-Эдуарда до его смерти, если бы въ Римъ не пріѣхалъ шведскій король Густавъ III, который, вмѣшавшись въ дѣло очаровательной женщины, добился развода на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ. 3 апрѣля 1784 года Карлъ-Эдуардъ подписалъ документъ о разводѣ.

Влюбленные оказались совершенно свободными и на крыльяхъ любви полетѣли въ Эльзасъ, гдѣ можно было пить радости жизни вдали отъ завистливыхъ взоровъ и пересудовъ общественнаго мнѣнія. Альфьери опять ожилъ душою. Во время разлуки съ возлюбленною его совершенно оставило вдохновеніе. Чтобы чѣмъ-нибудь наполнить время, онъ занялся лошадьми, къ которымъ успѣлъ пристраститься; но теперь къ нему вернулась прежняя страсть къ творчеству, и результатомъ этого явился новый рядъ произведеній, въ томъ числѣ такія трагедіи, какъ «Орестъ», «Виргинія», «Агамемнонъ», «Саулъ». Въ разгарѣ любовныхъ восторговъ имъ улыбнулось новое счастье: умеръ Карлъ-Эдуардъ, продолжавшій стоять смутной тѣнью между Альфьери и графинею Альбани. Это было послѣднее препятствіе. Съ этой минуты молодая женщина рѣшила больше не скрывать своей связи. Наоборотъ, поселившись вмѣстѣ съ возлюбленнымъ въ Парижѣ, она открыто провозгласила свою связь, гордилась ею, такъ какъ ясно сознавала, что геній Альфьери выросъ и окрѣпъ только благодаря ея вліянію. Она не хотѣла освятить свои отношенія къ нему бракомъ, потому что продолжала считать себя законной королевою Англіи, но зато вознаградила его такой любовью и преданностью, о которыхъ только мечтаютъ восторженные поэты, но которыхъ достигаютъ очень рѣдко. Она поддерживала въ немъ поэтическій жаръ, открыла салонъ, въ которомъ показывала своего возлюбленнаго сливкамъ французской и иностранной знати, «приготовляла, по остроумному выраженію Сенъ-Рене-Тальяндье, царство во владѣніяхъ поэзіи и, разсчитывая по своему сану на блестящія связи, хотѣла ими воспользоваться для славы человѣка, который могъ обез-

смертить ея имя». Альфьери дѣйствительно обезсмертилъ графиню въ своей автобіографіи, въ которой прославляетъ возлюбленную въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, а въ посвященіи къ «Миррѣ» онъ прямо восклицаетъ, обращаясь къ предмету своего сердца: «Въ тебѣ одной источникъ поэзіи и вдохновенія; жизнь моя началась только съ того дня, какъ слилась съ твоею жизнью».

Ужасы революціи вскорѣ заставили влюбленныхъ покинуть Парижъ. Но тутъ имъ едва не пришлось сдѣлаться жертвами тѣхъ, отъ которыхъ они убѣгали. Запасшись необходимыми паспортами, Альфьери выѣхалъ въ 1791 году вмѣстѣ съ графинею и прислугою изъ города. У заставы ихъ остановили пять національныхъ гвардейцевъ, которые, найдя паспорта въ порядкѣ, уже пропустили ихъ. Но вдругъ изъ сосѣдняго трактира выбѣжали нѣсколько человѣкъ и стали кричать: «Смерть аристократамъ! Въ ратушу ихъ! Они уѣзжаютъ изъ Парижа съ деньгами, чтобы заставить бѣдный народъ голодать!». Собралась толпа. Многіе начали требовать, чтобы аристократы были казнены. Только благодаря мужеству Альфьери, дѣло кончилось благополучно. Онъ бросился въ самую толпу и началъ кричать, держа въ рукахъ паспорта, что онъ не французъ, а итальянецъ, и непремѣнно проѣдетъ. Толпа оторопѣла, пораженная его смѣлостью, и Альфьери дѣйствительно проѣхалъ. А черезъ два дня, находясь уже внѣ Франціи, онъ узналъ, что на ихъ квартиру явились коммиссары, чтобы арестовать графиню Альбани, королеву Англіи, и, не найдя дома, конфисковали ея имущество.

Влюбленные поселились во Флоренціи, гдѣ и провели послѣ того десять лѣтъ во взаимномъ поклоненіи, любви, преданности. Графиня Альбани до конца дней Альфьери ухаживала за нимъ, гордилась имъ, поощряла его и окружала тою тонкою сѣтью заботливости и вниманія, въ которой человѣкъ, разъ попавъ, забываетъ все окружающее. Не замѣтилъ Альфьери и того, какъ его возлюбленная втихомолку сошлась съ художникомъ Фабромъ. Графиня Альбани очень любила живопись, а такъ какъ она любила также и Альфьери, то результатомъ этого явилось желаніе сблизить французскаго художника съ итальянскимъ поэтомъ. Она стала брать уроки у Фабра и подруга гордаго поэта, королева Англіи и бывшая жена послѣдняго изъ Стюартовъ, увлеклась свободнымъ мастеромъ кисти. Альфьери вскорѣ умеръ, такъ и не узнавъ, какого рода уроки давалъ молодой художникъ его очаровательной подругѣ...

Лопе де-Вега и Марта [1]).

Если любовь Альфьери была полна тревогъ и неожиданностей, то онъ могъ, по крайней мѣрѣ, утѣшиться мыслью, что она была первою и послѣднею любовью. Знаменитый итальянскій поэтъ, со дня рожденія котораго отдѣляетъ насъ полтора вѣка, никого не любилъ больше, кромѣ графини Альбани, и, конечно, этому именно обязанъ стройностью своего поэтическаго міросозерцанія, чуждаго рѣзкихъ перемѣнъ и зигзаговъ. Не то испан-

---

[1]) Тикноръ. «Исторія испанской литературы», т. 2, стр. 144 (пер. подъ редакціею Стороженка).—Карьеръ. «Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры», т. 4.—«Послѣдняя любовь Лопе де-Вега» (В. И. Л. 1897, 8).

скій поэтъ Лопе де-Вега. Когда вспоминаешь отдѣльные моменты его частной жизни и литературной дѣятельности, невольно напрашивается параллель между той и другою. Лопе де-Вега написалъ безконечное количество драмъ, повѣстей, эпическихъ и лирическихъ стихотвореній и въ то же время любилъ безконечное число женщинъ. И то, и другое сдѣлалось почти предметомъ легенды. Такъ, говоря о своей литературной дѣятельности, онъ однажды самъ признался, что написалъ больше ста комедій, потративъ на каждую изъ нихъ по 24 часа. Для театра Лопе де-Вега началъ писать около 1587 года (поэтъ родился въ 1562 году), и черезъ какія-нибудь шесть лѣтъ у него уже было 230 драматическихъ произведеній. Прошло еще три года и послѣднихъ уже оказалось 482, черезъ девять лѣтъ—800, еще черезъ нѣсколько лѣтъ — уже больше 1.000 и, наконецъ, общее количество его произведеній для театра достигло неслыханной цыфры—1.500. Его біографъ Монтальбанъ увѣряетъ, что число ихъ было еще больше—1.800. И это только однѣ драмы и комедіи; между тѣмъ у Лопе де-Вега имѣется еще безконечное количество другихъ произведеній эпическаго и лирическаго характера. До такой степени плодовитости не поднялся еще ни одинъ изъ писателей, кромѣ Лопе де-Вега, и немудрено, что современники относились къ поэту, какъ къ исключительному существу, одаренному почти сверхъестественною натурою.

То же самое нужно сказать о его любовныхъ похожденіяхъ, съ тою только разницею, что въ этой области, можетъ быть, поэтъ еще превзошелъ свою литературную плодовитость. Это былъ истинный Донъ-Жуанъ, оставшійся вѣрнымъ самому себѣ до самой смерти. «Любовь,—говоритъ его испанскій біографъ и критикъ Баррера.—была безусловной необходимостью для Лопе де-Вега. Она служила живительнымъ солнцемъ для его удивительно плодовитой фантазіи». Самъ поэтъ характеризуетъ свое отношеніе къ женщинамъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Поэтъ-знатокъ сказалъ: видали
Вы бленныхъ вы безумный рой,
Какъ вихремъ мчится онъ на балѣ,
Гдѣ время—музыкантъ лихой?
Не разумъ пляской управляетъ,
И смѣна танцевъ, смѣна дамъ
Дотолѣ не уймется тамъ,
Пока рогъ Времени играетъ.

Само собо разумѣется, что о любви въ томъ смыслѣ, какъ ее понималъ Данте или Петрарка, здѣсь не могло быть и рѣчи. Это была любовь страстнаго мужчины, одареннаго пламеннымъ темпераментомъ, любовь, постоянно требовавшая удовлетворенія и въ себѣ самой находившая матеріалъ для дальнѣйшихъ новыхъ заявленій. Его связи съ женщинами, какъ и литературная дѣятельность, начались очень рано. Когда поэту было тринадцать лѣтъ, онъ уже написалъ поэму, а когда ему исполнилось семнадцать, у него оказалось нѣсколько любовныхъ связей. Его первой любовью была замужняя женщина, по имени Доротея. Она отдалась всѣмъ сердцемъ пылкому молодому человѣку, который умѣлъ облекать свои чувства въ столь звонкіе стихи, отдалась ненадолго, такъ какъ у легкомысленнаго поэта вскорѣ завязалась интрига съ другой женщиной, Марфиссою. Марфисса была вдовой и плодомъ ея

любви явился сынъ, совершенно озадачившій Вега, который не думалъ о потомствѣ, когда сходился со смазливой вдовушкою. Грѣхъ можно было загладить женитьбою, но Лопе де-Вега предпочелъ удариться въ другія любовныя похожденія и среди вихря чувственныхъ удовольствій дѣйствительно женился—не на Марфиссѣ, конечно, а на Изабеллѣ де-Урбинѣ, дочери герольдмейстера при Филиппѣ II и Филиппѣ III, особѣ, пользовавшейся большимъ уваженіемъ въ высшемъ кругу общества и къ тому же обладавшей большимъ приданымъ. Нужно ли говорить, что женитьба не спасла его отъ жажды новыхъ развлеченій и удовольствій? Онъ продолжалъ свои прежнія похожденія и даже «воспитывалъ» у себя одну красавицу подъ именемъ Филиды. Жена была въ отчаяніи и часто устраивала ему сцены ревности, что причиняло поэту не мало горя, но онѣ не имѣли успѣха. Вега ухаживалъ за своей красавицей, продолжая въ то же время отрицать эту связь, хотя самъ же оправдывалъ ее въ своихъ стихотвореніяхъ. Такъ, въ одномъ романсѣ онъ говоритъ женѣ: «Пусть небеса осудятъ меня на вѣчные вздохи, если я не обожаю тебя и не питаю отвращенія къ Филидѣ»; но онъ въ то же время писалъ другой романсъ, посвященный «возлюбленной Филидѣ», и еще нѣсколько стихотвореній, прямо свидѣтельствующихъ о пламенной любви къ этой дѣвушкѣ.

Скорая смерть жены избавила Лопе де-Вега отъ семейныхъ несчастій и поэтъ снова бросился въ вихрь наслажденій, чему не мѣшали тяжкія тревоги и бѣдствія, наполнившія его жизнь послѣ кончины Изабеллы. Прежде всего онъ обратилъ свои взоры къ Филидѣ, для связи съ которой препятствій больше не было. Но, увы, она отъ него отвернулась. Причина неизвѣстна. Поэтъ пришелъ въ отчаяніе, что и выразилъ во многихъ стихотвореніяхъ, но вскорѣ утѣшился и, чтобы окончательно разсѣять свою грусть, поступилъ на военную службу, тѣмъ болѣе что время было воинственное—Филиппъ II отправлялъ свою Непобѣдимую Армаду къ берегамъ Англіи, чтобы однимъ ударомъ сокрушить могущество Елизаветы и водворить въ ея странѣ католичество. Лопе самъ разсказываетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, что равнодушіе красавицы заставило его взвалить свой мушкетъ на плечо, уѣхать въ Лиссабонъ, сѣсть на одинъ изъ кораблей Армады и, отправившись къ берегамъ Англіи, забить, какъ онъ выражается, зарядъ своего мушкета стихотвореніемъ, написаннымъ въ честь красавицы.

Путешествіе было несчастное. Армада погибла во время бури и Лопе де-Вега едва не поплатился жизнью. Къ этому присоединилась смерть его брата. Но поэтъ не измѣнилъ себѣ и, продолжая ухаживать за женщинами, увлекся одною изъ нихъ до такой степени, что женился на ней. Это была Хуана де-Гвардіо, особа изъ хорошей семьи, воспѣтая имъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Поэтъ въ это время достигъ уже 35 лѣтъ и, послѣ столькихъ бурь въ жизни, началъ было думать о тихомъ семейномъ счастіи, которымъ, повидимому, и пользовался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, такъ какъ описалъ его въ трогательныхъ выраженіяхъ. Но новые удары судьбы уже ждали его у порога. Умеръ его сынъ отъ этой жены, а вскорѣ умерла и она сама отъ родовъ, оставивъ младенца, дѣвочку Фелиціану. Велико было горе Вега, и онъ запечатлѣлъ его въ одной изъ поэмъ; но и оно не помѣшало поэту про-

должать прежнюю жизнь Донъ-Жуана, не помѣшало даже послѣ того, какъ Лопе де-Вега поступилъ на службу «святой» инквизиціи. Въ январѣ 1614 года онъ сдѣлался священникомъ, а въ мартѣ уже «освятилъ» свой духовный санъ въ Толедо, поселившись тамъ у одной актрисы, Іеронимы де-Бургосъ... Въ маѣ того же года онъ служилъ въ Мадридѣ первую обѣдню, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ покинулъ Мадридъ, «чтобы избавиться отъ сплетенъ одной позорной женщины». По всей вѣроятности, это была покинутая возлюбленная. Въ іюлѣ 1616 г. онъ отправился въ Валенсію къ своей возлюбленной актрисѣ, очевидно, упомянутой Іеронимѣ, а когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вернулся въ Мадридъ, его назначили «procurador fiscal» апостолической палаты въ архіепископствѣ Толедо. Казалось бы, тутъ о любовныхъ похожденіяхъ нельзя было и думать, тѣмъ болѣе, что возрастъ уже былъ не тотъ; но Лопе не унялся. Увѣренный, что на его «закатъ печальный еще блеснетъ любовь улыбкою прощальной», онъ внимательно слѣдилъ между двумя мессами за нѣжными представительницами прекраснаго пола, пуская въ ходъ всю силу своего таланта и обаяніе славы, которымъ тогда пользовался, чтобы захватить какую-нибудь изъ нихъ въ свои сѣти. Къ этому именно времени и относится его романъ съ Мартою де-Наваресъ-Сантохо, послужившій нѣкоторымъ образомъ лебединой пѣснею въ безконечномъ рядѣ эротическихъ похожденій знаменитаго поэта.

Встрѣтился онъ съ нею въ 1616 году. Это была замѣчательно красивая женщина, невысокаго роста, съ удивительно бѣлымъ лицомъ, вьющимися волосами, длинными рѣсницами и глубокими, какъ море, глазами цвѣта морской волны, веселая, граціозная, умная, любившая поэзію. Вега влюбился въ нее съ перваго взгляда, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, и, что болѣе всего удивительно, сама Марта полюбила поэта, окруженнаго ореоломъ неслыханной славы. Марта была замужемъ за грубымъ, алчнымъ, богатымъ крестьяниномъ Аялою, но это не было препятствіемъ, а, можетъ быть, даже сыграло не малую роль въ ея любви къ Лопе де-Вега, который былъ изященъ, ласковъ, а, главное, такъ умѣлъ закрадываться въ душу любимой женщины. Словомъ, между Вега и Мартою завязался романъ съ обманутымъ мужемъ въ качествѣ третьяго лица, что было далеко не трудно, такъ какъ мужъ часто отлучался на долгое время въ горы къ своимъ виноградникамъ. Отъ связи съ поэтомъ у Марты родилась дѣвочка, которую, однако, мужъ ея не поколебался признать своею. Такъ продолжалось нѣкоторое время. Когда мужъ уѣзжалъ, Лопе де-Вега являлся къ своей возлюбленной, а по его возвращеніи уступалъ ему мѣсто, терзаемый, конечно, ревностью и негодованіемъ. Но мужъ узналъ и въ одно прекрасное время засталъ влюбленныхъ на мѣстѣ преступленія. Лопе долженъ былъ бѣжать, а Марта подвергнулась побоямъ. Она стала хлопотать о разводѣ, что еще болѣе озлобило мужа, и онъ сталъ вымещать свой гнѣвъ на Лопе де-Вега, обвиняя его въ кражѣ или приставая на улицѣ къ его дочери. Скандалъ вышелъ большой, что отразилось, между прочимъ, и на литературной дѣятельности поэта. При дворѣ его стали порицать, въ театрѣ освистали одну его пьесу. Къ счастью, мужъ Марты вскорѣ умеръ послѣ того, какъ узналъ, что дѣло о разводѣ рѣшено въ пользу его жены. Лопе могъ опять считать себя на вершинѣ блаженства.

Но поэту въ это время уже было 56 лѣтъ. Страсть угасла въ его душѣ и онъ могъ любить свою Марту только одной платонической любовью. Къ тому же несчастія, преслѣдовавшія его всю жизнь, не отступали отъ него ни на шагъ. Его дочь Марчелла, не будучи въ состояніи перенести поведеніе отца, поступила въ монастырь, сынъ погибъ во время кораблекрушенія, а другая дочь, Антонина, тайно убѣжала съ однимъ придворнымъ. Наконецъ, сама Марта ослѣпла вслѣдствіе болѣзни глазъ и черезъ нѣкоторое время сошла съ ума. Такъ кончились любовныя похожденія великаго поэта.

II.

ГЕРМАНІЯ.

Гёте.—Шиллеръ.—Гейне.—Лессингъ.—Ленау.—Шлегель.—Клопштокъ.—Виландъ.

Гёте [1]). Гёте можетъ поистинѣ считаться баловнемъ счастія Ему все улыбалось. Начиная съ первыхъ дней вступленія на арену литературной дѣятельности и кончая годами творческаго заката, не было ни одного событія, которое могло бы вызвать тучку на безоблачное небо его жизни. Онъ въ юности пріобрѣлъ громкую поэтическую славу, въ тридцать лѣтъ сдѣлался министромъ. За нимъ ухаживали. Его снисходительнаго взгляда домогались, какъ милости. Даже появленіе его на свѣтъ сопровождалось необыкновеннымъ счастіемъ: онъ долженъ былъ задохнуться и спасся только благодаря рѣдкой случайности. Правда, въ одну грустную минуту своей старости онъ выразился: «Если свести къ одному итогу дѣйствительно счастливые и безоблачные дни всей моей жизни, то много-много, если составится четыре недѣли». Но, конечно, это была шутка. Поэтъ былъ счастливъ и можно смѣло сказать, что если бы Поликратъ жилъ послѣ олимпійца конца XVIII и начала XIX вѣковъ, то не бросалъ бы своего перстня въ воду, такъ какъ убѣдился бы, что несчастія вовсе не нужны, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ.

Былъ ли Гёте счастливъ также и въ отношеніяхъ къ женщинамъ? Съ внѣшней точки зрѣнія, да. Если не считать Лопе де-Вега, съ любовными похожденіями котораго мы познакомились выше, то германскому поэту придется отдать пальму первенства среди поэтовъ, пользовавшихся женскимъ расположеніемъ. Нужно было бы исписать цѣлую страницу, чтобы сдѣлать только одинъ перечень именъ, принадлежавшихъ многочисленнымъ владычицамъ его сердца. Большимъ успѣхамъ его, конечно, способствовали свойства самого поэта. Доб-

---

[1]) *K. Goedeke.* «Goethe» (Goethes Werke, erster Band. Stuttgart, 1887.—*Ludwig Geiger.* «Henriette von Lüttwitz. Eine vermeintliche Liebe Goethes». Dichter und Frauen). Berlin, 1899.—*Д. Льюисъ.* «Жизнь І. Вольфганга Гёте», пер. Невѣдомскаго.—*І. Шерръ.* «Гёте въ молодости и его поэтическія произведенія». Спб. 1876.—*Г. Брандесъ.* «Гёте и Шарлотта фонъ-Штейнъ», пер. В. М. С. (Р. М., 1892, 12).—*Его же.* «Главныя теченія литературы XIX вѣка», пер. Невѣдомскаго.—*А. Шаховъ.*—«Гёте и его время». Спб. 1891.—*П. Вейнбергъ.* «Паркъ Лили. Къ исторіи любовныхъ увлеченій Гёте». (С. В. 1890, 11).

рый, красивый, геніальный, онъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы влюблять въ себя всякую женщину. Къ тому же онъ былъ необычайно влюбчивъ и черта эта стала обнаруживаться въ немъ еще въ раннемъ возрастѣ. Все это въ совокупности дѣлало то, что у солнца германской поэзіи всегда появлялся спутникъ въ образѣ миловиднаго созданія, куда бы онъ ни пріѣзжалъ, въ какой бы кругъ незнакомыхъ людей онъ ни забирался. Гёте, можно сказать, всегда дышалъ женской атмосферой. Женщина была его идеаломъ, путеводной звѣздой, стихіей. Она слѣдовала за нимъ повсюду съ первыхъ дней до конца жизни. Это ли не счастіе?

Гёте и его мать.

Какая чудная галерея женскихъ головокъ открывается передъ глазами, когда мысленно перебираешь главные факты изъ жизни великаго поэта! На первомъ планѣ, конечно, стоитъ его мать. Въ исторіи великихъ людей можно насчитать еще только одинъ случай, когда величіе человѣка было въ такой степени связано съ вліяніемъ матери, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Гёте,—мать Гракховъ. Какъ и она, Екатерина-Елизавета Гёте была увѣрена, что изъ ребенка ея выйдетъ со временемъ нѣчто выдающееся, и, обладая мягкимъ, ровнымъ, но въ то же время и энергичнымъ характеромъ, она всю силу воли, весь свой тактъ и умъ употребляла на то, чтобы довести сына до желанной цѣли. Она вышла замужъ за человѣка, котораго не любила, и сдѣлалась матерью, когда ей было всего восемнадцать лѣтъ, но это не только ея не состарило, но, наоборотъ, сдѣлало молодою на всю жизнь. «Мы съ Вольфгангомъ всегда были близки другъ къ другу,—говаривала она,—потому что оба были молоды». Тихое, радостное настроеніе никогда не покидало ея. Если какое-либо обстоятельство могло повліять на ея спокойствіе, она заботливо устраняло его. Слугамъ она приказала никогда не сообщать ей печальныхъ новостей, а когда однажды Гёте заболѣлъ, никто не говорилъ съ ней объ этомъ, пока сынъ не выздоровѣлъ. «Я знала все,—говорила она впослѣдствіи,—но ничего не говорила, потому что всякій разговоръ о немъ только безполезно растравлялъ бы рану моего сердца; теперь же я готова говорить объ этомъ сколько угодно».

Слѣдующій случай изъ дѣтской жизни Гёте свидѣтельствуетъ о невозмутимомъ спокойствіи его матери, томъ именно спокойствіи, которое, перейдя къ сыну, было впослѣдствіи окрещено названіемъ «олимпійскаго». Маленькій Вольфгангъ забрался однажды въ помѣщеніе, гдѣ хранилась посуда, и началъ бросать ее на улицу, одобряемый веселымъ смѣхомъ товарищей, братьевъ Оксенштейновъ, жившихъ напротивъ. Посуды было перебито уже изрядное количество, когда вдругъ вошла мать. Какъ бережливая хозяйка, она пришла въ ужасъ, но это ей не помѣшало тотчасъ перейти въ умиленіе при видѣ дорогого сынка, весело смѣявшагося подъ тактъ разбиваемыхъ тарелокъ, мисокъ и тому подобныхъ принадлежностей кухонной утвари.

Вѣчная невозмутимость матери, связанная съ осмысленнымъ, разумнымъ отношеніемъ къ воспитанію сына, сдѣлала то, что и самъ Гёте унаслѣдовалъ всѣ качества матери, засвидѣтельствовавъ это впослѣдствіи въ слѣдующихъ стихахъ:

Отцу обязанъ ростомъ я,
Серьезной въ жизни цѣлью,

Отъ матушки—любовь моя
Къ разсказамъ и веселью. *)

Дѣйствительно, трудно сказать, кому больше была присуща любовь къ разсказыванію сказокъ—Гёте или его матери. Сказки доставляли ей самой наслажденіе. «Я,—говоритъ она,—никогда не уставала слушать. Воздухъ, огонь, землю, воду я представляла въ видѣ принцессъ, всѣмъ явленіямъ стихій придавала особый сказочный смыслъ и нерѣдко сама вѣрила вымысламъ болѣе даже, чѣмъ мои маленькіе слушатели. Разсказывая о путяхъ, ведущихъ отъ одной звѣзды къ другой, о нашемъ будущемъ переселеніи на звѣзды, о великихъ геніяхъ, съ которыми мы тамъ встрѣтимся, я ждала съ неменьшимъ нетерпѣніемъ часа разсказа, чѣмъ и сами дѣти; я не меньше ихъ интересовалось знать дальнѣйшій ходъ моей импровизаціи, и всякое приглашеніе, прерывавшее наши вечернія бесѣды, было для меня крайне непріятно. Когда я разсказывала, Вольфгангъ уставлялъ на меня свои черные глаза, и если судьба кого-либо изъ его любимцевъ не соотвѣтствовала его ожиданіямъ, онъ былъ недоволенъ, жилы напрягались у него на вискахъ и онъ глоталъ слезы. Часто прерывалъ онъ мои разсказы возгласами вродѣ слѣдующаго: «Но, маменька, вѣдь принцесса не выйдетъ замужъ за скверная портного, если даже онъ и убьетъ великана». Когда, по случаю поздняго часа, я откладывала окончаніе разсказа до слѣдующаго вечера, то была увѣрена, что въ этотъ промежутокъ онъ станетъ дѣлать разныя предположенія о томъ, что будетъ далѣе, и это сильно подстрекало дѣятельность моей фантазіи, и если продолженіе разсказа соотвѣтствовало его предположеніямъ, онъ весь вспыхивалъ и по одеждѣ видно было, какъ сильно билось въ это время юное сердце. Свои мысли о дальнѣйшей судьбѣ героевъ разсказа онъ повѣрялъ бабушкѣ, у которой былъ любимцемъ, а та передавала мнѣ, и я примѣняла продолженіе разсказа къ его мыслямъ, дипломатически скрывая отъ него, что ихъ знаю. Надо было видѣть, съ какимъ энтузіазмомъ слушалъ Вольфгангъ, какъ его глаза сіяли восторгомъ, когда предположенія его оправдывались!».

Но роль матери Гёте не ограничивалась одними положительными моментами. Она выражалась иногда и въ отрицательной дѣятельности—тамъ, гдѣ нужно было избавить будущаго поэта отъ чьего-либо дурного вліянія. Сказалось это особенно на отношеніяхъ къ отцу Вольфганга, человѣку суровому, узкому, педантичному, для котораго все сводилось къ сухой казенщинѣ, не исключая даже такого сложнаго и не поддающагося рутинѣ дѣла, какъ воспитаніе. Мать усердно ограждала сына отъ черстваго закала отца, ведя правильную борьбу съ нимъ не только прямыми, но и косвенными средствами. Извѣстенъ, напримѣръ, такой случай. Отецъ Гёте не признавалъ изъ отечественныхъ писателей никого, кромѣ такихъ «знаменитостей», какъ Галлеръ, Дроллингеръ, Хагедорнъ, Крамеръ и тому подобныхъ писателей, давно уже канувшихъ въ Лету. Больше же всего ненавидѣлъ онъ Клопштока съ его «Мессіадою», которая такъ сильно волновала уже въ то время умы въ Германіи, ненавидѣлъ главнымъ образомъ за нерѣомованные гекзаметры, составлявшіе для него предметъ ужаса. Мать Гёте, конечно, была иного

*) Пер. Холодковскаго.

мнѣнія о Клопштокѣ и, сама находясь подъ его вліяніемъ, позаботилась, чтобы запретная книга попала въ руки ея дѣтей, т. е. Гёте и его сестры Корнеліи. Нечего говорить, что Вольфгангъ сталъ съ увлеченіемъ всасывать въ себя запрещенную книгу и по цѣлымъ часамъ просиживалъ не разъ вмѣстѣ съ сестрою за чтеніемъ преступныхъ гекзаметровъ, подъ охраною бдительнаго ока маменьки. Часто они декламировали. Однажды братъ и сестра читали ту часть «Мессіады», въ которой сатана разговариваетъ съ Андромалехомъ. Молодые люди, раздѣливъ роли, начали декламировать, сначала тихо, потомъ, приходя въ экстазъ, все громче и громче, пока, наконецъ, дѣвушка, увлеченная патетическимъ мѣстомъ, не крикнула на всю комнату: «О, я совсѣмъ разбитъ!». Отецъ въ это время брился съ цырульникомъ въ сосѣдней комнатѣ, и крикъ этотъ до того испугалъ цырульника, что онъ вылилъ мыльницу на фуфайку суроваго совѣтника. Тотчасъ же было приступлено къ строжайшему слѣдствію, произведенъ обыскъ, запретная книга найдена и преступники изобличены. Гекзаметръ, конечно, былъ немедленно изгнанъ изъ отцовскаго дома, что, однако, не помѣшало любящей матери достать втихомолку другой экземпляръ.

Мать Гёте.

Вся мать Гёте въ слѣдующемъ ея разсказѣ, который передаетъ съ ея словъ пріятельница великаго поэта—Беттина:

—Въ одно ясное зимнее утро, когда у меня собрались гости,—разсказывала ей мать Гёте,—Вольфгангъ предложилъ намъ ѣхать на Майнъ, прибавивъ: «Ты, мама, вѣдь не видала катанія на конькахъ». Я надѣла свою кармазиновую шубку съ большимъ шлейфомъ, застегивавшуюся до низу золотыми пряжками, и мы поѣхали. Мой сынокъ тотчасъ принялся скользить, какъ стрѣла, между другими. Воздухъ подрумянилъ его щеки и пудра осыпалась съ его темныхъ волосъ. Когда ему попалась въ глаза моя кармазиновая шляпа, онъ подлетѣлъ къ каретѣ, весело смѣясь. «Ну, что тебѣ нужно?» спрашиваю я. «Вѣдь тебѣ въ каретѣ не холодно, мама, дай-ка мнѣ свою бархатную шубу».—«Ужь не намѣренъ ли ты надѣть ее?»—«Да, конечно, надѣну». Я сняла свою славную теплую шубу, а онъ надѣлъ ее и, накинувъ на руку шлейфъ, побѣжалъ на ледъ, какъ настоящій сынъ боговъ. Еслибъ ты

его видѣла, Беттина! Ничего не могло быть прекраснѣе! Отъ удовольствія я хлопала въ ладоши. Какъ теперь вижу его перебѣгающимъ изъ подъ одной арки моста къ другой, а вѣтеръ несетъ шлейфъ во всю длину его. Твоя мать была тогда на льду; ей-то онъ и хотѣлъ понравиться...

Въ Германіи до сихъ поръ благоговѣйно относятся къ памяти Екатерины Гёте, а въ родномъ ея городѣ Франкфуртѣ еще недавно, во время празднованія 150-лѣтія со дня рожденія великаго поэта, собирались ей поставить памятникъ. Не знаю, чѣмъ кончилась эта затѣя, но что Frau Aja, какъ ее называли, заслуживаетъ памятника, не сомнѣвается всякій, кто читалъ и любилъ Гёте и воспиталъ на немъ свое эстетическое чутье. Недаромъ одинъ энтузіастъ, поговоривъ съ нею, воскликнулъ: «Теперь я понимаю, почему Гёте сдѣлался великимъ человѣкомъ!».

Гёте и Гретхенъ.

Но вотъ кончилось вліяніе матери. Гёте сдѣлался юношею и пустился въ открытое море жизни. Тутъ-то на первыхъ порахъ, имѣя всего пятнадцать лѣтъ отъ роду, онъ опять столкнулся съ женщиною. Но какая разница въ чувствахъ! Тамъ—любовь и чистота, здѣсь—любовь и тайныя грѣховныя мысли, тайныя потому, что, несмотря на всѣ свои выдающіяся способности, дававшія великому олимпійцу возможность быть выше своихъ сверстниковъ на цѣлую голову, въ душѣ его не было еще тогда мѣста для открытыхъ чувственныхъ порывовъ. Въ немъ бродили уже страсти, но онѣ были только легкой зыбью на гладкой поверхности моря, которому суждено было сдѣлаться бурнымъ только въ будущемъ.

Кто была Гретхенъ, которую многіе считаютъ первой любовью поэта? Нѣкоторые біографы и комментаторы совершенно отрицаютъ ея существованіе, думая, что это былъ просто плодъ юнаго воображенія [1]). Конечно, есть нѣкоторая доля поэзіи въ подобномъ взглядѣ на жизнь. Гретхенъ—поэтическій образъ! Она преслѣдовала Гёте во дни юности, сопровождала его мечты въ зрѣломъ возрастѣ, служила ему музою на старости лѣтъ, воплотившись въ концѣ концовъ въ образѣ чарующей фаустовской Гретхенъ, лучшей и симпатичнѣйшей изъ гётевскихъ героинь, которую нѣмцы такъ охотно возводятъ въ національный типъ. Какъ видно, простора для предположеній здѣсь много. Но не лучше ли признать свидѣтельство самой матери Гёте, которая сама часто говорила о Гретхенъ, какъ о предметѣ первой любви ея сына, и въ особенности автобіографіи поэта, въ которой онъ самъ подробно распространяется объ этой любви? Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ самомъ фактѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Вотъ что разсказываетъ самъ Гёте. Ему пришлось какъ-то очутиться въ обществѣ веселыхъ молодыхъ людей, не брезговавшихъ, какъ оказалось впослѣдствіи, даже неблаговидными средствами, какъ поддѣлка векселей, для того, чтобы добыть суммы, необходимыя для кутежа. Между прочимъ, они доставляли ему заказы на стихи для разныхъ торжественныхъ случаевъ, какъ свадьбы, похороны и т. п., и вырученныя деньги прокучивали вмѣстѣ. На собраніяхъ этихъ-то молодыхъ людей Гёте и встрѣтился съ очаровательною блондинкою по имени Гретхенъ. Она была старше его на годъ или полтора и хотя принимала поклоненіе молодого

[1]) См., напр., предисловіе Гедеке въ «Goethes Werke», т. I, стр. XIV, или Шерра «Гёте въ молодости», стр. 39—40.

поэта, но не позволяла ему никакихъ фамильярностей. Такъ шло время. Однажды веселая компанія засидѣлась за полночь. Гёте не могъ вернуться домой, боясь отца, и остался среди товарищей, тѣмъ болѣе, что и Гретхенъ была тутъ же. Долго разговаривали молодые люди, но, наконецъ, стали засыпать одинъ за другимъ. Заснула и Гретхенъ, положивъ хорошенькую головку на плечо своего кавалера, который гордо и счастливо сидѣлъ, стараясь не двигаться, пока самъ не заснулъ. На слѣдующій день утромъ Гретхенъ была уже болѣе ласкова съ поэтомъ и даже нѣжно пожала ему руку. Казалось, сближеніе было обезпечено, какъ вдругъ полиція узнала о продѣлкахъ молодыхъ людей. Началось дознаніе, пошли допросы. Послѣдніе и разстроили все дѣло, такъ какъ Гретхенъ заявила на допросѣ, что дѣйствительно встрѣчалась съ Гёте и даже съ удовольствіемъ, но что она всегда смотрѣла на него, какъ на ребенка, и относилась къ нему, какъ сестра къ брату. Показаніе это оскорбило Вольфганга до глубины души. Онъ, несмотря на свои пятнадцать лѣтъ, считавшій себя взрослымъ, превращается вдругъ въ мальчика, на котораго смотрятъ сверху внизъ! Гёте плакалъ, сердился, негодовалъ и, конечно, прежде всего «вырвалъ» изъ своего сердца «женщину», такъ безпощадно осмѣявшую его лучшія «чувства»!

Впослѣдствіи онъ написалъ водевиль подъ названіемъ «Соучастники», въ основаніе котораго положены впечатлѣнія первой любви, — произведеніе дѣтское, слабое, неустойчивое, какъ и сама любовь, послужившая ему канвою.

Гёте и Кетхенъ.

Но какъ мимолетны увлеченія юности съ ея первыми снами и думами! Если бы Вольфгангу Гёте въ пору первой любви сказали, что скоро наступитъ пора, когда онъ забудетъ свою очаровательную Гретхенъ для другой дѣвушки, столь же прекрасной, но еще болѣе близкой его сердцу, онъ, конечно, счелъ бы это оскорбленіемъ. Между тѣмъ прошло всего два года и то, что казалось раньше невозможнымъ, сдѣлалось совершившимся фактомъ. Случилось это уже въ Лейпцигѣ, куда Гёте уѣхалъ, чтобы сдѣлаться студентомъ. Въ домѣ трактирщика Шёнкопфа собиралось за табль-д'отомъ общество молодыхъ людей, въ томъ числѣ и Гёте. Хозяинъ и хозяйка, очень милые люди, возсѣдали тутъ же, а ихъ очаровательная дочь хлопотала на кухнѣ и подавала гостямъ вино. Это и была Анна-Катерина или попросту Кетхенъ, которую Гёте, однако, въ своей «Wahrheit und Dichtung meines Lebens» называетъ попеременно то Анхенъ, то Аннетою. Ей было девятнадцать лѣтъ и о красотѣ ея можно составить понятіе по письму Горна, одного изъ друзей Гёте. «Представь себѣ дѣвушку,—пишетъ онъ,—хорошаго, но не очень высокаго роста, съ круглымъ, пріятнымъ, хотя не особенно красивымъ личикомъ, съ непринужденными, милыми, очаровательными манерами. Въ ней много простоты и ни капли кокетства. Притомъ она умна, хотя и не получила хорошаго воспитанія. Онъ ее очень любитъ и любитъ чистой любовью честнаго человѣка, хотя и знаетъ, что она никогда не можетъ быть его женою». Молодая дѣвушка не могла остаться равнодушною къ вздохамъ поэта, составившаго себѣ уже тогда громкое имя. Она отвѣчаетъ ему взаимностью и между молодыми людьми начинаютъ мало-по-малу устанавливаться тѣ отношенія, которыя характеризуютъ приближеніе болѣе тѣсной дружбы. Вдругъ съ Вольфгангомъ происходитъ перемѣна. Изъ любви ли, по

капризу ли своей подвижной, безпечной натуры онъ начинаетъ мучить возлюбленную ревностью. Поводовъ нѣтъ, но это его мало тревожитъ: онъ создаетъ поводы. Наконецъ, Кетхенъ надоѣли всѣ эти приступы ничѣмъ не оправдываемыхъ подозрѣній и она отшатнулась отъ него. Это послужило отрезвленіемъ для поэта, но было уже поздно. Кетхенъ больше не возвращалась къ Гёте. Какъ ни старался Гёте вернуть ея расположеніе, все было напрасно. Разрывъ оказался полнымъ. Только послѣ

Гёте у Кетхенъ Шёнкопфъ въ Лейпцигѣ.

этого Гёте почувствовалъ, какъ сильно любилъ эту дѣвушку. Неслыханныя душевныя муки заставили его даже искать забвенія въ винѣ и кутежахъ, чѣмъ онъ разстроилъ свое здоровье на долгое время. Чтобы возстановить силы, Гёте уѣхалъ домой во Франкфуртъ, но образъ очаровательной дѣвушки послѣдовалъ за нимъ и туда, тревожа его сонъ и не давая успокоиться наяву. Вдругъ онъ узнаетъ, что Кетхенъ выходитъ замужъ и притомъ за человѣка, котораго самъ же познакомилъ съ нею. Ударъ этотъ былъ слишкомъ тяжелъ. Гёте не могъ его перенести. Болѣзнь (легочное кровотеченіе), которая начала проходить, снова вернулась. Онъ пишетъ своей возлюбленной трогательныя письма, говоритъ, что уѣдетъ подальше отъ нея, постарается вырвать ее оконча-

тельно изъ сердца, что она даже не должна ему отвѣчать, но и въ благородномъ порывѣ самопожертвованія въ душѣ его пробуждается сожалѣніе о потерянномъ счастіи и перо чертитъ грустно-задушевныя строки: «Вы мое счастье! Вы единственная изъ женщинъ, которую я не могъ назвать другомъ, потому что это слово слишкомъ слабо въ сравненіи съ тѣмъ, что я чувствую».

Плодомъ любви Гёте къ Кетхенъ явилась пьеса «Хандра влюбленнаго» (Die Laune des Verliebten), въ герояхъ которой нетрудно узнать самого Гёте и Кетхенъ и которые проводятъ время въ безпрерывныхъ ссорахъ. Пьеса эта—первое драматическое произведеніе Вольфганга и значеніе ея тѣмъ болѣе велико, это она свидѣтельствуетъ о глубокомъ реализмѣ великаго человѣка, бравшаго сюжетами для своихъ произведеній событія изъ собственной жизни. Можно сказать, что все имъ написанное прошло предварительно черезъ фильтръ его собственной души, и въ этомъ отношеніи невольно хочется ему вѣрить, когда онъ говоритъ: «Всѣ мои произведенія—только отрывки великой исповѣди моей жизни».

Гёте и Люцинда.

Когда Гёте выздоровѣлъ, его отправили въ Страсбургъ для изученія юриспруденціи. Страсбургъ былъ городъ живой, веселый, и Гёте невольно увлекся общимъ настроеніемъ и... забылъ о Кетхенъ. Это—старая исторія. Сначала мы влюбляемся, затѣмъ восторгаемся, потомъ чувствуемъ себя несчастными, наконецъ забываемъ. «Вѣчно женственное» имѣетъ и вѣчныя свойства. Для Гёте процессъ забыванія прошлаго начался съ изученія танцевъ. Въ Страсбургѣ много танцовали, даже подъ открытымъ небомъ, и Гёте не могъ отстать отъ общаго увлеченія, не впадая въ противорѣчіе съ обществомъ, въ которомъ находился. Онъ началъ брать уроки у мѣстнаго танцмейстера, у котораго, къ несчастію, были двѣ дочери—Люцинда и Эмилія. Первый урокъ танцевъ рѣшилъ дѣло: Гёте полюбилъ Эмилію, а Люцинда полюбила Гёте. Такъ какъ Эмилія любила другого, то сблизиться съ нею Гёте не могъ. Это его очень огорчало. Между тѣмъ Люцинда, какъ истая француженка, не скрывала своего чувства и часто жаловалась Гёте, что ея сердцемъ принебрегаютъ. Случилась однажды въ домѣ гадальщица, и Люцинда предложила обратиться къ ней. Гадальщица дала плохое предсказаніе. Ея карты показывали, что Люцинда не пользуется любовью человѣка, къ которому она неравнодушна. Люцинда поблѣднѣла и гадальщица, догадавшись, въ чемъ дѣло, заговорила о какомъ-то письмѣ, чтобы поправить дѣло, но дѣвушка прервала ее словами: «Никакого письма я не получала, а если правда, что я люблю, то правда также, что я заслуживаю взаимности». Съ этими словами она расплакалась и убѣжала. Гёте вмѣстѣ съ Эмиліею бросились за нею, но она заперлась и никакія просьбы не заставили ее открыть двери.

Такъ какъ романъ, начавшійся при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не могъ кончиться ничѣмъ хорошимъ, то самое лучшее было прекратить его возможно скорѣе. Сдѣлала это Эмилія, предложивъ Гёте прекратить уроки танцевъ. Гёте сталъ оправдываться и доказывать, что онъ никогда не питалъ къ Люциндѣ расположенія, никогда не высказывалъ ей своихъ чувствъ, а, наоборотъ, восторгался одной Эмиліею. Оправданіе это послужило для него обвинительнымъ приговоромъ. Эмилія чистосердечно призналась ему, что любитъ другого, которому дала

даже слово, и что Гёте поступитъ благородно, если оставитъ ихъ домъ, такъ какъ и она начинаетъ привязываться къ нему все болѣе и болѣе, что можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Подчиняясь горькой необходимости, Гёте удалился, сопровождаемый до дверей любимою дѣвушкою, которая въ минуту прощанія прижалась къ нему и нѣжно поцѣловала. Вдругъ появляется Люцинда. Она услыхала разговоръ сестры и бросилась къ дверямъ съ крикомъ: «Не ты одна простишься съ нимъ!». Въ ту же минуту она схватила его въ объятія и, приложивъ голову къ его лицу, осталась такъ на нѣкоторое время. Когда Эмилія подошла къ ней, Люцинда оттолкнула ее и крикнула:

— Прочь! Не въ первый разъ ты отнимаешь у меня человѣка, который меня любитъ и котораго я любила. Я откровенна, чистосердечна, и каждый думаетъ, что сразу меня понялъ, и пренебрегаетъ мною, а ты хитра, коварна!

Люцинда пришла въ экстазъ и, обхвативъ голову Гёте руками, крикнула сестрѣ:

— Этотъ человѣкъ никогда не будетъ моимъ, но и твоимъ онъ никогда не будетъ. Трепещи моего проклятія! Да обрушится горе на ту, которая первая поцѣлуетъ его послѣ меня! Ну-съ, можешь теперь бросаться ему на шею! Посмѣй!

Несчастнаго Гёте спасли только ноги: онъ бросился въ бѣгство...

Гёте и Фридерика.

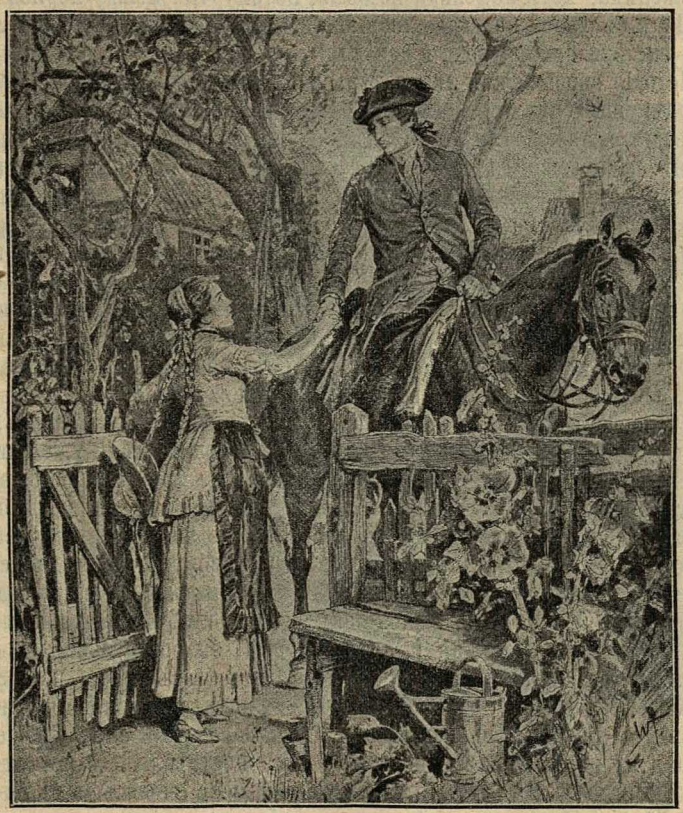
Гёте убѣжалъ изъ объятій Люцинды, чтобы попасть... въ объятія Фридерики.

Среди многочисленныхъ романовъ, пережитыхъ великимъ поэтомъ, его романъ съ дочерью зозенгеймскаго пастора Бріона, Фридерикою, заслуживаетъ особаго вниманія. Отъ него вѣетъ свѣжестью и чистотою. Чувствуется дыханіе оживляющаго мая, грезятся цвѣты, деревья, поля и посреди всего этого нѣжный отпрыскъ идиллической деревенской природы—сама шестнадцатилѣтняя, добрая, поэтическая Фридерика, бѣгавшая по этимъ полямъ, укрывавшаяся отъ жары подъ этими деревьями, оглашавшая воздухъ радостными пѣснями среди этихъ цвѣтовъ, которые она сама насадила.

Въ то время, когда Гёте познакомился съ Фридерикою, ему было всего двадцать лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ не можетъ быть еще рѣчи объ истинной, глубокой любви. Но зато какъ широка любовь въ эти года! Все небо и землю, весь міръ вмѣщаетъ въ себѣ сердце двадцатилѣтняго юноши, когда въ него попадетъ искра божественнаго огня, брошеннаго въ міръ еще въ первые дни міросданія. Такова именно была любовь Гёте къ Фридерикѣ. Онъ поѣхалъ въ Зозенгеймъ случайно, не предвидя, что тамъ встрѣтится съ дѣвушкою, которая наложитъ глубокій отпечатокъ на всю его жизнь; тѣмъ болѣе велико было его восхищеніе, когда въ скромной избенкѣ зозенгеймскаго пастора передъ нимъ предстала, сіяя цѣломудренною красотою, еще нетронутая жизнью, еще только шедшая навстрѣчу будущему, маленькая Фридерика. Она была въ коротенькой юбкѣ и черномъ фартукѣ; глаза блестѣли, слегка вздернутый носикъ какъ бы спрашивалъ, что это за пришелецъ, пріѣхавшій изъ шумнаго города въ ихъ тихую деревню, гдѣ все мирно и просто, гдѣ люди живутъ жизнью предковъ, отдѣленныхъ отъ нихъ цѣлыми тысячелѣтіями. И пришелецъ ей отвѣтилъ. Но что это былъ за отвѣтъ! Страсть лилась изъ его устъ, вдохновеніе сверкало въ его взорѣ.

Малютка оцѣпенѣла, она впилась глазами въ его великолѣпное лицо, она ловила жаднымъ слухомъ каждое его слово, старалась запомнить каждый его жестъ. Не мудрено: съ нею говорилъ Гёте!

Глубокою поэзіею вѣетъ со страницъ автобіографіи германскаго олимпійца, на которыхъ, уже старикомъ, онъ вспоминаетъ встрѣчу съ удивительною дѣвушкою въ домѣ зозенгеймскаго пастора. Гёте такъ ее любилъ тогда! Онъ не говорилъ ей объ этомъ, но развѣ не краснорѣчивѣе его словъ былъ молодой пылъ, клокотавшій во всемъ его существѣ въ то время,



Гёте и Фридерика.

когда онъ находился около Фридерики? Въ первый же день онъ былъ страстно влюбленъ и сердце его тревожно билось при мысли, что она, можетъ быть, уже любила, можетъ быть, даже уже помолвлена. Къ счастію, не оказалось ни того, ни другого. Фридерика, какъ весенній цвѣтокъ, только начинала жить и рвалась навстрѣчу къ тому, кто первый протянетъ къ ней руку...

На слѣдующій день все было кончено. Молодые люди гуляли вдвоемъ. Сколько словъ было сказано за эти краткія минуты прогулки! Потомъ они слушали проповѣдь пастора въ церкви. Слушали ли они ее на самомъ дѣлѣ? Не беззвучно ли замирали для нихъ въ простран-

ствѣ слова священника въ то время, когда ихъ глаза ловили другъ друга, а уста тянулись для поцѣлуя? А потомъ, днемъ, когда маленькое молодое общество у пастора устроило фанты, какъ искренно звенѣли въ воздухѣ ихъ молодые голоса и какъ жадно было прикосновеніе ихъ губъ, освященное игрою, но подогрѣтое внутреннимъ пламенемъ! И вдругъ тайный поцѣлуй, настоящій, не формальный, среди разгара игры, втайнѣ отъ молодыхъ подругъ и товарищей... А на слѣдующій день уже отъѣздъ во Франкфуртъ, отъѣздъ почти въ качествѣ жениха, хотя помолвки не было, потому что между первой встрѣчею Гёте съ своей возлюбленною и высшимъ моментомъ его любовнаго экстаза прошло всего два дня!

Исторія европейской литературы многимъ обязана бѣдной деревенской дѣвушкѣ, внушившей сильное чувство одному изъ величайшихъ ея представителей. Для Гёте послѣ встрѣчи съ Фридерикою міръ поистинѣ раскрылся для любви. Онъ пѣлъ, какъ «птица межъ вѣтвей вольна и солнцу рада», говоря собственными словами поэта. Значеніе этого было тѣмъ болѣе велико, что со времени грустной исторіи съ Кетхенъ онъ почти разстался съ своей музою. Фридерика оживила въ немъ стремленіе къ творчеству. Она сама явилась для него музою. И какъ знать, можетъ быть, не появись она на перекрестномъ пунктѣ двухъ полосъ душевной и умственной жизни великаго поэта, сколько перловъ красоты и вдохновенія не было бы извлечено изъ бездоннаго моря, клокотавшаго въ сердцѣ генія всемірной поэзіи.

Къ несчастію, конецъ романа съ Фридерикою не былъ похожъ на его начало. Гёте не смѣлъ жениться на ней, хотя фактически уже считался ея женихомъ. Дочь бѣднаго пастора не могла сдѣлаться женою сына именитаго фракфуртскаго гражданина, который никогда не далъ бы согласія на такой бракъ. Самъ Гёте невольно поддался дурному впечатлѣнію, когда семья пастора пріѣхала въ Страсбургъ. Если въ деревнѣ Фридерика казалась лѣснымъ цвѣткомъ или нимфою, то въ городѣ, гдѣ ей пришлось бы жить по выходѣ замужъ за Гёте, она напоминала простую крестьянку. Уѣзжая изъ Страсбурга, очаровательная дѣвушка увезла назадъ то чувство, которое Гёте привезъ съ собою изъ Зозенгейма въ Страсбургъ. Онъ продолжалъ ее любить, томился по ней, но ясно сознавалъ, что разлука неизбѣжна. Сознавала это и сама Фридерика, которая въ порывѣ самоотверженія сама постаралась облегчить ему тяжелую задачу. Ни единаго слова укоризны не сорвалось съ ея устъ, когда Гёте пріѣхалъ къ ней снова, чтобы проститься навсегда. Она старалась казаться бодрою, утѣшала его, говорила о неизбѣжности разлуки голосомъ, въ которомъ слышались твердая воля и рѣшимость. Однѣ только щеки ея были блѣдны, какъ полотно, и въ глазахъ стояли слезы...

Фридерика осталась вѣрна Гёте до могилы. Несмотря на многочисленныя предложенія, она ни за кого не вышла замужъ.

Гёте и Лотта.

На примѣрѣ Фридерики можно наглядно прослѣдить благотворное значеніе женщины въ жизни великаго человѣка какъ съ положительной, такъ и съ отрицательной точекъ зрѣнія, на которыя было указано въ предисловіи къ настоящей монографіи. Когда Гёте встрѣтился съ прелестной дѣвушкой, страсть къ литературѣ, уснувшая въ немъ, благодаря несчастному стеченію обстоятельствъ, снова

пробудилась; когда онъ разстался съ нею подъ вліяніемъ другихъ, столь же несчастно сложившихся обстоятельствъ, творческая дѣятельность его опять забила ключомъ. Счастіе и горе послужили для Гёте одинаковымъ источникомъ вдохновенія. И дѣйствительно, мы видимъ, что, разставшись съ Фридерикою и желая заглушить въ душѣ тяжелыя чувства, онъ усердно занялся работою, написалъ много произведеній, въ томъ числѣ «Геца», который произвелъ сильное впечатлѣніе и сразу поставилъ автора во главѣ тогдашняго теченія, извѣстнаго въ исторіи литературы подъ именемъ «бури и натиска». Тогда же онъ набросалъ планъ «Прометея» и «Фауста», обезсмертившаго его имя. Чтобы забыть образъ любимой дѣвушки, онъ углубился въ изученіе древности, что также отразилось на его произведеніяхъ. Словомъ, передъ нами яркій примѣръ благодѣтельнаго вліянія женщины, остающагося благодѣтельнымъ даже и тогда, когда отношенія къ ней служатъ только причиною страданій.

Шарлотта Буффъ (Лотта).

То же мы видимъ и на несчастной любви Гёте къ Шарлоттѣ Буффъ (или, какъ онъ ее просто называлъ, Лоттѣ), безъ которой не было бы одного изъ знаменитѣйшихъ произведеній Гёте —«Вертера». Онъ встрѣтился съ нею въ то время, когда она была невѣстою другого человѣка, нѣкоего Кестнера, встрѣтилъ и тотчасъ же полюбилъ, потому что ея 19 лѣтъ вмѣстѣ съ нѣжной красотой и веселымъ характеромъ не могли не приковать къ себѣ поэта, сердце котораго было всегда открыто для молодости и свѣжести. Въ «Вертерѣ», который, какъ мы сейчасъ увидимъ, является художественною исторіею этой любви, живо описана сцена встрѣчи съ Лоттою, сцена, которая впослѣдствіи была увѣковѣчена на полотнѣ Каульбахомъ. «Пройдя черезъ дворъ къ красивому зданію и взобравшись вверхъ по лѣстницѣ, я отворилъ дверь; моимъ глазамъ представилось самое восхитительное зрѣлище, когда-либо видѣнное мною. Въ первой комнатѣ шестеро дѣтей отъ одиннадцати до двухъ-лѣтняго возраста вертѣлось около красивой, средняго роста дѣвушки, одѣтой въ простенькое бѣлое платье съ розовыми бантами на груди и на рукавахъ. Она держала черный хлѣбъ и отрѣзывала порцію для каждаго изъ окружавшихъ ее малютокъ, сообразуясь съ возрастомъ и аппетитомъ каждаго, и подавала съ такою привѣтливостью». Это была

картина въ духѣ того сентиментальнаго времени (Гёте встрѣтился съ Лоттою 9 іюня 1772 года) съ его вычурностью, ходулями и сумасбродствами и, конечно, она не могла не врѣзаться глубоко въ душу поэта, раздѣлявшаго всѣ слабости этого времени.

Началась грустная пора въ жизни Гёте. Страстно влюбленный, сгорая желаніемъ сойтись ближе съ очаровательной дочерью совѣтника Буффа, онъ въ то же время сознаетъ, что не долженъ разрушать чужого счастія, основаннаго на согласіи двухъ душъ. Оставалось одно изъ двухъ: или нарушить это счастіе, или же заглушить въ себѣ яркимъ пламенемъ вспыхнувшее чувство. Но послѣдній путь былъ путемъ самоубійства. Жить безъ Лотты Гёте не могъ. Можетъ быть, если бы она была такъ же свободна, какъ Фридерика, онъ въ концѣ концовъ отшатнулся бы отъ нея; но препятствіе, которое онъ встрѣчалъ въ лицѣ жениха и самой Лотты, не думавшей, повидимому, отступать отъ даннаго ею слова, только разжигало его страсть и будило въ немъ мысль о необходимости покончить съ собою. Къ этой именно порѣ относится особый интересъ Гёте къ вопросу о самоубійствѣ. Онъ самъ былъ на волоскѣ отъ смерти, какъ это видно изъ его автобіографіи, въ которой Гёте разсказываетъ, что у него была въ то время большая коллекція оружія и въ томъ числѣ очень красивый кинжалъ. Ложась спать, онъ клалъ этотъ кинжалъ у постели и передъ тѣмъ, какъ потушить свѣчу, дѣлалъ опыты надъ собою, чтобы убѣдиться, сумѣетъ ли онъ его вонзить себѣ въ грудь. Опыты оканчивались неудачно, потому что, дитя своего времени, Гёте въ то же время носилъ въ груди закаленное сердце реалиста, умѣющаго оставаться имъ даже въ пору крайняго расцвѣта романтизма: Гёте не могъ запустить себѣ въ грудь кинжалъ даже на два дюйма.

Замѣчательная сторона отношеній Гёте къ Лоттѣ заключалась въ томъ, что онъ вовсе не скрывалъ отъ жениха своихъ отношеній къ ней и часто самъ женихъ не только не старался удалить его отъ невѣсты, но, наоборотъ, всячески сближалъ ихъ въ твердой увѣренности, что Гёте слишкомъ честенъ, а Лотта слишкомъ благородна для низменной роли любовниковъ за спиною жениха. Выйти изъ этого труднаго положенія можно было только путемъ отъѣзда, что Гёте и сдѣлалъ. Онъ не простился даже съ своею возлюбленною и ея женихомъ, послалъ имъ вмѣсто этого записку съ страстными изліяніями, вздохами и слезами и почти тотчасъ же рѣшивъ описать свои душевныя муки. Плодомъ этого и явился «Вертеръ». Гёте почти не прибавилъ ни единаго слова и, съ другой стороны, не упустилъ ничего изъ только-что пережитаго—обстоятельство, которое дало Кестнеру и Лоттѣ, успѣвшимъ къ выходу книги сдѣлаться мужемъ и женою, поводъ къ серьезному недовольству. Одинъ только посторонній элементъ ввелъ Гёте въ свой романъ—самоубійство Вертера, въ лицѣ котораго изобразилъ самого себя. Но и этотъ элементъ въ сущности не былъ лишнимъ. Не говоря уже о томъ, что онъ самъ, какъ мы видѣли, былъ близокъ къ самоубійству и даже считалъ себя иногда мертвецомъ, на глазахъ Гёте разыгрался случай съ такою же завязкою, какъ и въ его отношеніяхъ къ Лоттѣ, но съ трагическимъ концомъ. Дѣло шло о молодомъ въ талантливомъ Іерузалемѣ, другѣ Лессинга, издавшемъ его философскія статьи. Іерузалемъ влюбился въ чужую жену и, не будучи въ состояніи примирить мечту съ дѣйстви-

тельностью, лишилъ себя жизни выстрѣломъ изъ пистолета. Гёте ввелъ въ свой романъ этотъ моментъ, потому что самъ переживалъ такія же чувства, какъ Іерузалемъ, и, покидая любимую женщину навсегда, нѣкоторымъ образомъ совершилъ надъ собой моральное самоубійство. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ самъ Гёте.

Черезъ много-много лѣтъ судьбѣ угодно было еще разъ свести поэта съ Лоттою. Лотта уже была старушка, давно потерявшая мужа, а Гёте царилъ въ Веймарѣ, превратившись изъ пылкаго, подвижного молодого человѣка въ суроваго олимпійца, безстрастно озирающаго міръ съ высоты своего величія. Поэтъ принялъ у себя бывшую возлюбленную чинно, важно, какъ это онъ тогда дѣлалъ со всѣми, но съ несомнѣннымъ радушіемъ. Лотта хорошо сохранилась. Отпечатокъ красоты лежалъ на всей ея фигурѣ, глазахъ, щекахъ бывшей красавицы. Одинъ только былъ у нея недостатокъ: она трясла головой. Когда Лотта ушла. Гёте не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Въ ней еще многое осталось отъ прежней Лотты, но это трясеніе головой! И ее я такъ страстно могъ любить когда-то! И изъ-за нея я въ отчаяніи бѣгалъ въ костюмѣ Вертера! Непостижимо, непонятно...

Гёте и Герокъ.

«Вертеръ» навсегда останется связаннымъ съ именемъ Лотты точно такъ же, какъ останутся связанными съ именами разныхъ красавицъ всѣ эти мною перечисленныя произведенія Гёте, составляющія теперь достояніе культурнаго міра. Можно смѣло сказать, что каждая трагедія, или драма, или романъ, или даже каждое стихотвореніе великаго поэта представляетъ собою памятникъ не только его творческой дѣятельности, но и сердечныхъ слабостей. Чтобы не терять хронологической нити событій, остановимся прежде всего на трагедіи «Клавиго». Читая это произведеніе, въ которомъ описано истинное происшествіе съ Бомарше (писатель Клавиго отказался отъ женитьбы на сестрѣ Бомарше, за что послѣдній отомстилъ ему, добившись его удаленія отъ должности), не всякій знаетъ, что оно никогда не появилось бы на свѣтъ Божій, если бы не прекрасная Герокъ, одна изъ подругъ сестры Гёте. Въ веселомъ кружкѣ, въ которомъ тогда вращался молодой поэтъ, была выдумана игра въ мужья и жены, причемъ жены выбирались по жребію. Благодаря жребію, «женою» Гёте сдѣлалась молоденькая Герокъ. Однажды, когда Гете прочиталъ въ кружкѣ записку Бомарше, въ которой авторъ «Свадьбы Фигаро» описывалъ упомянутое событіе изъ своей жизни, Антуанетта сказала ему:

— Если бы я была твоею повелительницею, а не женою, то попросила бы тебя сдѣлать изъ этого мемуара театральную пьесу. Сюжетъ очень хорошій.

— Можно быть повелительницею и женою въ одно и то же время,— отвѣтилъ Гёте,—и чтобы доказать тебѣ, что это такъ, я обѣщаю написать въ теченіе недѣли театральную пьесу на этотъ сюжетъ и прочесть ее въ обществѣ.

Всѣ удивились смѣлости поэта, но онъ рѣшилъ исполнить обѣщаніе. «То, что въ подобной работѣ,—говоритъ Гёте,—называется изобрѣтеніемъ, было для меня дѣломъ одной минуты. Молча сопровождалъ я домой мою супругу. На вопросъ, почему я такъ молчаливъ, я отвѣ-

чалъ, что думаю о пьесѣ и уже наполовину обдумалъ; я хотѣлъ ей этимъ показать мою готовность сдѣлать ей пріятное. Въ отвѣтъ на это она крѣпко пожала мнѣ руку, и я поймалъ налету поцѣлуй».

— Ты не долженъ забывать своей роли!—воскликнула она.—Люди говорятъ, что супругу не идетъ быть нѣжнымъ.

— Пусть себѣ люди говорятъ, что хотятъ,—отвѣчалъ Гёте,—мы будемъ поступать по своему.

Гёте исполнилъ обѣщаніе: пьеса была написана къ сроку. Всѣ знаютъ трагедію, но знаютъ ли всѣ хорошенькую Антуанетту, которою она была навѣяна?

Гёте и Лили.

Зато имя Лили на устахъ у всякаго, кто читаетъ знаменитую элегію Гёте, носящую ея имя: «Паркъ Лили». Этой дѣвушкѣ, заслуживающей особеннаго вниманія въ виду того, что она была невѣстою Гёте и едва не сдѣлалась его женою, поэтъ посвятилъ много стихотвореній, изъ которыхъ назовемъ хотя бы: «Унынiе», «Блаженство унынія», «На морѣ», «Осеннее чувство», «Къ Линѣ», «Къ Белиндѣ» и т. д. Не мало поэтическихъ перловъ разсыпано въ этихъ стихотвореніяхъ, но ни въ одномъ изъ нихъ Гёте не достигъ той глубины чувства и своеобразной граціозности формы, которыя замѣчаются въ его «Lili's Park». Чтобы дать понятіе о нихъ, слѣдовало бы привести все стихотвореніе (оно, кстати, переведено Вейнбергомъ съ сохраненіемъ оригинальнаго характера подлинника—безъ размѣра, въ лирическомъ безпорядкѣ), но оно слишкомъ длинно. Укажемъ только, что поэтъ изображаетъ себя медвѣдемъ, намекая этимъ на нелюдимость, въ которой упрекали его друзья и пріятели. У Лили, по его словамъ, звѣринецъ съ чудеснѣйшими звѣрями, т. е. ухаживателями, и среди нихъ онъ—медвѣдь, неуклюжій, неповоротливый, но любящій, и она даритъ его своими ласками, отъ которыхъ кружится его медвѣжья голова... Если хотите, сравненіе довольно вѣрное. Лили или, вѣрнѣе, Елизавета Шёнеманъ, съ которою Гёте увидѣлся въ 1774 году, дѣйствительно не была парою живому, но задумчивому и высокопарящему поэту. Богатая, веселая, легкомысленная, жившая всегда въ роскоши, окруженная свѣтскими людьми, постоянно вращавшаяся въ высшемъ обществѣ и преданная всей душой его удовольствіямъ, она представляла нѣчто столь противоположное великому поэту, что даже ближайшіе друзья и пріятели не могли и думать о

Лили Шёнеманъ.

возможности брака между ними. Онъ самъ писалъ о себѣ въ это время одной знакомой: «Представьте себѣ, если можете: Гёте въ галунахъ, франтъ съ головы до ногъ, среди блеска свѣчъ и люстръ, въ шумномъ обществѣ, прикованный къ карточному столу парой прекрасныхъ глазъ, разсѣянно рыскающій по собраніямъ, концертамъ, баламъ, съ легкомысленной вѣтренностью волочащійся за привлекательной блондинкой,—таковъ теперешній карнавальный Гёте!».

Гёте познакомился съ Елизаветою Шёнеманъ въ концѣ 1774 года въ домѣ ея родителей во Франкфуртѣ. Когда онъ входилъ въ музыкальный залъ, шестнадцатилѣтняя Лили сидѣла за роялемъ и играла сонату. Когда она кончила, Гёте отрекомендовался ей и знакомство завязалось. «Мы взглянули другъ на друга,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи,—и, не хочу лгать, мнѣ показалось, что я почувствовалъ притягательную силу самаго пріятнаго свойства». Для пылкаго Гёте этой встрѣчи было достаточно, и онъ тотчасъ же написалъ стихотвореніе, въ которомъ излилъ свои чувства.

Сердце, сердце, что съ тобою?
Что стѣсняетъ такъ тебя?

Лили быстро привязала къ себѣ Гёте, этого неуклюжаго медвѣдя, какимъ онъ себя изобразилъ въ стихотвореніи «Паркъ Лили», и онъ былъ дѣйствительно счастливъ, когда она удостоивала его ласкою. Вотъ какъ онъ описываетъ чувства «медвѣдя», лежащаго «у ногъ красоты»:

Глядитъ она: «Вотъ-то чудище! Но смѣшной!»
И съ любопытствомъ занялася мной —
«Для лѣсного медвѣдя слишкомъ кротокъ ужь,
Для пуделя слишкомъ неуклюжъ...
Жирный какой, мохнатый,
Щетинистый, узловатый!».
Гладитъ она его ножкой по спинѣ —
Мнится ему, что онъ въ райской странѣ,
Заходили въ немъ всѣ чувства и души, и тѣла,
А ей до того никакого дѣла...
Цѣлую я ея башмачки,
Жую я у нихъ каблучки,
Настолько прилично и осторожно,
Насколько это медвѣдю возможно.
Тихонечко послѣ приподнимусь
И къ колѣнямъ ея чуть слышно прижмусь...
Когда ей самой пріятна забава эта,
Въ вольностяхъ такихъ нѣтъ мнѣ запрета.
Ласково у меня за ухомъ чешетъ
Или пинкомъ дружелюбнымъ потѣшитъ,—
И я мурлыкаю тронутый весь, умиленный,
Точно въ блаженствѣ новорожденный... *)

Кокетливой Лили нравился Гёте. Въ минуту увлеченія она разсказала ему исторію своей жизни, жаловалась на ея пустоту, говорила, что только хотѣла испытать свою власть надъ Гёте, но сама попалась въ сѣти. Молодые люди объяснились, и дѣло кончилось бы, вѣроятно, бракомъ, если бы не разница въ общественномъ положеніи, совершенно разъединявшемъ семьи стараго совѣтника Гёте и вдовы банкира Шенемана. Зная педантичность отца, Корнелія, сестра Гёте,

*) Пер. П. Вейнберга.

рѣшительно выступила противъ этого брака. Возставали и другіе. Но Гёте не слушалъ. Нѣкая дѣвица Дельфъ взяла на себя трудную задачу устроить дѣло. Однажды она сообщила влюбленнымъ, что родители согласились, и полуповелительнымъ голосомъ велѣла подать другъ другу руки. Гёте подошелъ къ Лили и протянулъ ей руку. Она медленно, но твердо подняла свою и положила въ его руку, послѣ чего оба «съ глубокимъ вздохомъ» бросились другъ другу въ объятія. Послѣ этого состоялось обрученіе. Но бракъ всетаки разстроился, такъ какъ согласіе родителей было только внѣшнее и подъ нимъ крылось глухое, непримиримое взаимное недовольство. Къ этому присоединилась еще поѣздка Гёте въ Швейцарію, которою друзья Лили воспользовались для того, чтобы увѣрить ее въ холодныхъ чувствахъ жениха. Въ концѣ концовъ пришлось преклониться предъ невозможностью примирить непримиримое: молодые люди разстались. Гёте, однако, долго еще тосковалъ по возлюбленной дѣвушкѣ. Онъ простаивалъ ночи подъ ея окномъ, завернувшись въ плащъ, и возвращался довольный, когда ему случалось увидать въ окнахъ ея тѣнь. Однажды въ одну такую ночь онъ услыхалъ, что она поетъ за фортепіано. Сердце его забилось. Онъ сталъ прислушиваться... да, она поетъ его пѣсню, которая была имъ написана еще во дни любви и въ которой онъ упрекаетъ возлюбленную за то, что она влечетъ его въ блестящій свѣтъ. Вдругъ она умолкла, встала изъ-за фортепіано и стала ходить по комнатѣ. А Гёте стоялъ подъ окномъ и млѣлъ, и трепеталъ, и томился...

Впослѣдствіи Лили вышла за страсбургскаго банкира, а Гёте, уѣзжая въ Италію, писалъ въ своей записной книжкѣ: «Лили, прощай! Во второй разъ, Лили! Разставаясь въ первый разъ, я еще надѣялся соединить нашу судьбу. Теперь же рѣшено: мы должны порознь разыграть наши роли. Я не боюсь ни за себя, ни за тебя. Такъ все это кажется перепутаннымъ. Прощай». А когда черезъ нѣсколько лѣтъ онъ посѣтилъ свою бывшую франкфуртскую невѣсту, прежнія чувства его къ ней совершенно умолкли и онъ пишетъ: «Я прошелъ къ Лили и засталъ прекрасную мартышку играющею съ семинедѣльною куклою. И здѣсь я былъ принятъ съ удивленіемъ и радушіемъ. Я нашелъ, что милое созданіе очень счастливо замужемъ. Ея мужъ, повидимому, честенъ, неглупъ и дѣленъ; онъ богатъ, имѣетъ прекрасный домъ, важный бюргерскій рангъ и т. п.—все, что ей нужно».

Крылатый Пегасъ не могъ идти въ одной запряжкѣ съ выѣздною лошадью.

Гёте и Шарлотта фонъ-Штейнъ.

До сихъ поръ мы встрѣчались только съ такими героинями сердечной жизни Гёте, которыя были очень молоды. Почти всѣ онѣ встрѣтились съ поэтомъ въ завѣтномъ возрастѣ шестнадцати лѣтъ и любовь ихъ вслѣдствіе этого носила характеръ перваго неопытнаго лепета только начинающей пробуждаться страсти. Не то Шарлотта фонъ-Штейнъ, съ которою Гёте познакомился въ 1775 году и полюбилъ до того сильно, что чувствъ его хватило на цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ. Ей было 33 года! Къ тому же она была замужемъ за оберштальмейстеромъ веймарскаго двора и ее окружали семеро дѣтей малъ-мала-меньше. Правда, она была очень образована, тактична, умна, но всетаки 33 года, мужъ, дѣти, и притомъ въ

то время, когда Гёте было всего 26 лѣтъ! Несомнѣнно тутъ должно было сыграть роль какое-нибудь исключительное обстоятельство—случайность, тоска, одиночество, беззавѣтное стремленіе забыть и забыться. Тосковалъ ли Гёте? Былъ ли онъ одинокъ въ маленькомъ, но веселомъ Веймарѣ, гдѣ онъ очутился послѣ родного Франкфурта и гдѣ новыя обязанности придворнаго сильно тяготили геній великаго человѣка, мѣшая свободному полету его фантазій? Передъ встрѣчею съ Шарлоттою Гёте несомнѣнно считалъ себя несчастнымъ. Ни одной еще удачной любви! Ни одного жизнерадостнаго воспоминанія въ прошломъ! Образы Кетхенъ, Фридерики, Лили, Люцинды—все это постоянно носилось передъ его большими глазами, открыто смотрѣвшими на Божій міръ, и умъ невольно диктовалъ грустныя строки, вложенныя потомъ въ уста Фауста:

Бѣглецъ я жалкій, мнѣ чужда отрада,
Пристанище мнѣ чуждо и покой *).

Шарлотта фонъ-Штейнъ.

И вотъ онъ встрѣчаетъ на своемъ жизненномъ пути уже немолодую, но прелестную, умную, восторженную женщину, которая прислушивается къ голосу его тайныхъ скорбей и льетъ на его душевныя раны бальзамъ женскаго обаянія и самоотверженности. Нужно-ли прибавлять, что онъ влюбился? Онъ влюбился еще до того, какъ познакомился съ нею. Наслушавшись отъ одного изъ своихъ знакомыхъ разсказовъ о ней, онъ не спалъ три ночи. Въ то же время и Шарлотта почувствовала къ нему влеченіе по однимъ разсказамъ. Наконецъ они встрѣчаются. Восторгъ взаимный. Она утѣшаетъ его, успокоиваетъ, даетъ надежды на возможность новаго счастія. Для пылкаго Гёте это больше, чѣмъ нужно. Онъ опять увлекается, опять любитъ, опять оживаетъ душою и въ порывѣ увлеченія пишетъ знаменитую «Ифигенію», въ которой описываетъ свое чувство въ неувядаемыхъ краскахъ—новое чувство стремленія въ Италію, подальше отъ холодной, душной Германіи, стремленія туда, «гдѣ цвѣтутъ лимоны», гдѣ можно обрѣсти истинное, ничѣмъ не смущаемое счастіе. Вѣдь и Ифигенія тосковала по Греціи. Она такъ же томилась, какъ и Гёте, такъ

*) Пер. Холодковскаго.

же рвалась изъ Скиѳскаго царства, какъ онъ изъ своего бездушнаго отечества—Германіи. Правда, Шарлотта была въ Германіи, а не въ Италіи, но она послужила для него только солнцемъ, которое, взойдя надъ грустною пустынею, освѣтило дорогу «dahin, wo die Zitrone blüht.»

Къ удивленію, приходится и здѣсь отмѣтить оригинальный фактъ, поражающій во всѣхъ вообще отношеніяхъ Гёте къ женщинамъ: его любовь къ Шарлоттѣ была платоническая. Они обмѣнивались страстными признаніями, писали другъ другу пламенныя письма во время разлуки, но никогда не заходили за черту дозволеннаго, хотя мужъ Шарлотты бывалъ дома всего разъ въ недѣлю. Впрочемъ, признать этотъ фактъ безусловно вѣрнымъ, какъ это дѣлаютъ нѣмецкіе біографы Гёте, нельзя, такъ какъ противъ него говоритъ весьма вѣское обстоятельство: когда Гёте сошелся съ Христиною Вульпіусъ, своей будущей женой, Шарлотта воспылала гнѣвомъ и, вытребовавъ назадъ свои письма, сожгла ихъ, а съ Гёте прекратила всякія сношенія. О томъ же свидѣтельствуетъ и злое, черствое, брюзгливое отношеніе къ нему со стороны возлюбленной, рѣшившейся даже на гнусный поступокъ—пасквиль въ формѣ драмы, въ которой Гёте описанъ въ самыхъ отвратительныхъ краскахъ. Какъ ни любила женщина, но разъ грань стыдливости не нарушена, измѣна можетъ вызвать въ ней негодованіе, ярость, презрѣніе, но не подлое желаніе сорвать съ своего возлюбленнаго чистый человѣческій образъ и надѣть на него маску душевной пустоты и безнравственности. По свидѣтельству Брандеса, подвергшаго довольно подробному анализу драму Шарлотты фонъ-Штейнъ, Гёте выставляется въ ней глупѣйшимъ хвастуномъ, грубымъ циникомъ, тщеславнымъ до смѣшного, вѣроломнымъ, лицемѣромъ, безбожнымъ предателемъ... Между тѣмъ путешественникъ и теперь еще можетъ встрѣтить въ Веймарѣ «Гартенгаузъ» съ надписью, сдѣланною въ честь Шарлотты и служащею до сихъ поръ памятникомъ часовъ любви, которые Гёте провелъ въ этомъ уединенномъ уголкѣ. Великій поэтъ самъ ухаживалъ за своимъ цвѣтникомъ, каждое утро посылая возлюбленной привѣтъ въ видѣ цвѣтовъ съ пламенными записками, самъ взращивалъ спаржу для того, чтобы она потомъ услаждала вкусъ Шарлотты. Самый садъ его находился всего въ двадцати минутахъ ходьбы отъ дома, въ которомъ жила Шарлотта. Этотъ домъ часто скрывалъ въ себѣ двухъ любящихъ существъ, наслаждавшихся счастіемъ безъ всякой помѣхи, потому что, какъ сказано, мужъ Шарлотты пріѣзжалъ только разъ въ недѣлю. Невольно возникаетъ сомнѣніе въ справедливости краснорѣчивыхъ разглагольствованій соотечественниковъ Гёте, въ глазахъ которыхъ сожительство съ чуженою женою ничего не можетъ прибавить къ славѣ великаго человѣка.

Гёте не навсегда разстался съ Шарлоттою и въ 1804 году, когда ему было 55 лѣтъ, а ей 61 годъ, навѣстилъ ее. Визитъ вышелъ не совсѣмъ удачнымъ. Шарлотта подписывалась тогда на газету «Прямодушный», главная цѣль которой заключалась въ томъ, чтобы подорвать уваженіе къ Гёте. По словамъ Брандеса, это было злобное въ своей враждѣ къ поэту и скудоумное изданіе, выступившее проповѣдникомъ морали и отрицателемъ искусства, и уже то обстоятельство, что Шарлотта читала его, служитъ достаточнымъ доказательствомъ высоты ея развитія и силы ея ненависти. Гёте просидѣлъ у нея два часа и какъ разъ во время его визита былъ принесенъ нумеръ газеты. Шарлотта пишетъ

объ этомъ сыну: «Я чувствую, что ему не по себѣ у меня, а наши взгляды до такой степени разошлись, что я, сама того не желая, ежеминутно заставляю его страдать. На бѣду мнѣ принесли нумеръ «Прямодушнаго». Тутъ и мнѣ досталось. Онъ не хотѣлъ и видѣть ее и я должна была прикрыть ее чѣмъ-нибудь».

Въ этихъ словахъ невольно сказалась старая боль любимой, но брошенной женщины.

Жена Гёте.

Но вотъ мы вступаемъ въ совершенно новую полосу жизни поэта. Онъ возмужалъ. Онъ разстался со слабостями юной мятущейся души и началъ думать о великомъ счастіи семейной жизни подъ кровомъ родного очага среди дѣтей и присныхъ. Въ сущности, это стремленіе было ему присуще, какъ всякому доброму нѣмцу, еще съ той поры, когда онъ вступилъ въ зрѣлый возрастъ. Всѣ эти Кетхенъ, Фридерики, Лили, Лотты—не что иное, какъ яркое доказательство его несомнѣнной привязанности къ семейной обстановкѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что онѣ стояли только верстами на столбовой дорогѣ къ его будущей женѣ Христинѣ Вульпіусъ...

Судьба, однако, сыграла злую шутку надъ Гёте. Его жена была простая женщина, всѣ достоинства которой заключались въ неистощимомъ здоровьѣ и мѣщанской красотѣ. Гёте сошелся съ нею случайно, и можно быть увѣреннымъ, что въ то время, когда онъ сорвалъ съ нея вѣнецъ цѣломудрія, у него даже и отдаленной мысли не было о женитьбѣ. Познакомился онъ съ нею въ іюлѣ 1878 года. Гёте прогуливался въ любимомъ паркѣ въ Веймарѣ. Вдругъ подошла къ нему молодая красивая дѣвушка и, сдѣлавъ нѣсколько реверансовъ, подала прошеніе. Гёте былъ тогда министромъ и Христина Вульпіусъ—это была она—просила доставить мѣсто ея брату *). Увидѣвъ простушку, которая такъ и дышала здоровьемъ и веселостью, слабый ко всему женскому Гёте тотчасъ же загорѣлся страстью. Просьба, конечно, была исполнена, и вмѣстѣ съ этимъ проложена дорога къ сердцу красотки. Христина долго не упорствовала, и между нею и веймарскимъ министромъ въ нѣсколько дней установились тѣ отношенія, которыхъ Гёте не достигъ послѣ долгихъ ухаживаній за прежними красавицами. Въ скоромъ времени у нея родился сынъ и она окончательно переѣхала въ домъ Гёте, гдѣ, за неимѣніемъ возможности быть его подругою по идеямъ, которыхъ она не понимала, сдѣлалась «хозяйкою» въ домѣ. Такъ продолжалось дѣло много—много лѣтъ и въ одинъ прекрасный день Гёте сдѣлалъ ее своею женою.

Можно себѣ представить, какой шумъ вызвала въ Веймарѣ вѣсть о

---

*) Братъ этотъ былъ знаменитый въ свое время авторъ «Ринальдо-Ринальдини»,—произведенія, которое цѣлое полстолѣтіе восхищало публику. Шерръ въ своей біографіи Шиллера разсказываетъ характерный анекдотъ объ этомъ оригинальномъ писателѣ. Шиллеръ писалъ письмо, когда вдругъ къ нему постучались въ дверь. На приглашеніе «войдите» въ комнату вошла маленькая и тощая фигурка, одѣтая въ бѣлый фракъ и желто-зеленый жилетъ.

— Я имѣю удовольствіе видѣть господина совѣтника Шиллера,—сказала она.—Я случайно узналъ, что вы здѣсь, и пожелалъ видѣть автора «Донъ-Карлоса»; вы, вѣроятно, не имѣете счастія меня знать,—меня зовутъ Вульпіусъ. Прошу извинить за безпокойство; теперь я доволенъ, что увидѣлъ васъ.

Съ этими словами онъ удалился.

томъ, что Гёте женился на Христинѣ Вульпіусъ. Это былъ безпримѣрный скандалъ. Величайшій поэтъ Германіи и какая-то грубая, простая женщина, не поколебавшаяся стать его любовницею послѣ перваго на-

Христина Гёте, рожденная Вульпіусъ, супруга великаго поэта.

мека, не устыдившаяся даже переѣхать къ нему въ домъ, чтобы торжественно засвидѣтельствовать свой позоръ передъ лицомъ всего свѣта, женщина, страдавшая къ тому же однимъ изъ отвратительнѣйшихъ пороковъ, постыдныхъ даже для мужчинъ, — пьянствомъ! Этотъ по-

рокъ былъ ею унаслѣдованъ отъ отца, который былъ горькій пьяница и пьянствомъ довелъ всю семью до нищеты. Онъ иногда пропивалъ даже свое платье. Что онъ не заботился о дѣтяхъ, понятно само собою. Когда они подросли, имъ пришлось оставить отца и самимъ заняться изысканіемъ средствъ къ существованію: сынъ занимался литературою, дочери дѣлали искусственные цвѣты, вышивали и т. п. Этотъ братъ, замѣтимъ между прочимъ, также унаслѣдовалъ порокъ отъ отца и умеръ отъ пьянства. Съ годами страсть къ вину все болѣе и болѣе захватывала Христину и это наложило грустную печать на семейную жизнь великаго олимпійца. Для того ли прошелъ онъ мимо очаровательной Кетхенъ, поэтической Фридерики, мимо увлекательной Лотты, воздушной Лили, мимо, наконецъ, неземного созданія, которое онъ встрѣтилъ въ Миланѣ послѣ того, какъ разстался съ Лили, и на которой едва не женился, чтобы очутиться въ объятіяхъ неотесанной Вульпіусъ, отъ которой несло еще вдобавокъ виномъ, какъ отъ открытой сорокаведерной бочки? Гоняясь за призракомъ семейнаго счастья по столбовой дорогѣ неукротимой страсти, онъ могъ, конечно, завернуть для отдыха въ какой-нибудь постоялый дворъ продажной любви, чтобы, проведя тамъ бурную ночь, на утро опять пуститься въ путь, звеня колокольчикомъ на дугѣ своего добраго Пегаса; но остаться въ корчмѣ навсегда, среди зловонныхъ паровъ сивухи и кабацкихъ ругательствъ дебелой деревенской Дульциней, нѣтъ, для этого нужно было какое-то особое издѣвательство рока, хохотавшаго именно надъ тѣмъ, что менѣе всего было достойно смѣха.

Біографы Гёте постарались внести мягкій свѣтъ въ отношенія великаго поэта къ женѣ. Они стали рыться въ документахъ и, конечно, нашли «доказательство» того, что Христина вовсе уже не была грубой, простой бабой, какъ ее рисовали, что хотя ей и была чужда способность дѣлить мысли и высокія стремленія поэта, но зато она обладала быстрымъ, живымъ умомъ, живымъ характеромъ, любящимъ сердцемъ, большой способностью къ домашнимъ обязанностямъ, была всегда весела, всегда обходительна, любила до чрезмѣрности удовольствія и, какъ свидѣтельствуютъ вдохновенныя ею произведенія, была дорога не столько уму, сколько сердцу поэта *). Но мнѣ кажется болѣе вѣрнымъ остроумное выраженіе Шерра, который, говоря о послѣднихъ любовныхъ восторгахъ Гёте къ Шарлоттѣ Штейнъ, называетъ Христину Вульпіусъ «прекрасно сформированнымъ фактомъ», восторжествовавшимъ надъ устарѣвшей и поблекшей идеею — Шарлоттою **). Послѣдняго, впрочемъ, не отрицаютъ и мягкіе біографы Гёте, которые, преклоняясь передъ величіемъ поэта, не могутъ допустить и мысли, чтобы онъ дѣлилъ столько лѣтъ семейной жизни съ существомъ низшаго порядка: не отрицая нѣкотораго образованія за Христиною, они особенно подчеркиваютъ то обстоятельство, что у нея были золотисто-каштановые волосы, веселые глаза, розовыя щеки, губы, вызывающія на поцѣлуй, граціозно округленный станъ, что она была наивна, весела и что Гёте нашелъ въ ней одно изъ тѣхъ вольныхъ, здоровыхъ дѣтей природы, которыхъ не обезобразило искусственное воспитаніе.

---

*) См. хотя бы трудъ Льюиса, посвященный Гёте, ч. 2, стр. 78.
**) І. Шерръ. «Гёте въ молодости», стр. 223.

Большой поклонникъ «вѣчно-женственнаго», Гете, можетъ быть, болѣе всего цѣнилъ въ женщинѣ именно ея чисто женскія качества, отдавая имъ предпочтеніе передъ умомъ, характеромъ и другими атрибутами чисто мужского свойства. Иначе чѣмъ объяснить то, что даже черезъ десять лѣтъ послѣ знакомства съ Христиною Гёте пишетъ письмо, въ которомъ, какъ страстный любовникъ, не успѣвшій еще отпить сколько-нибудь отъ чаши наслажденія, сожалѣетъ, что не взялъ съ собою въ дорогу ничего изъ ея вещей, хотя бы туфли, которая нѣсколько разсѣяла бы его одиночество? Благодаря той же слабости къ вѣчно женственному, онъ ей именно, этой простушкѣ Вульпіусъ, часто прикладывавшейся къ рюмочкѣ, посвятилъ лучшія изъ своихъ лири-

Августъ Гёте,
сынъ поэта.

Оттилія Гёте, его супруга,
принявшая послѣдній вздохъ великаго поэта.

ческихъ произведеній — «Римскія элегіи», стоящія совершенно одиноко въ исторіи европейской литературы по глубинѣ чувства, широтѣ мысли и благородной простотѣ выраженія. Одно не мѣшало другому. Умъ парилъ высоко, а сердце требовало земныхъ ласкъ, требовало простой семейной обстановки, теплаго обѣда, теплаго угла и смазливой хозяйки. Недаромъ онъ писалъ:

Oftmals hab'ich auch schon in ihenr Armen gedichtet
Und des Hexameters Mass leise mit fingernder Hand
Ihr auf dem Rücken gezählt... *)

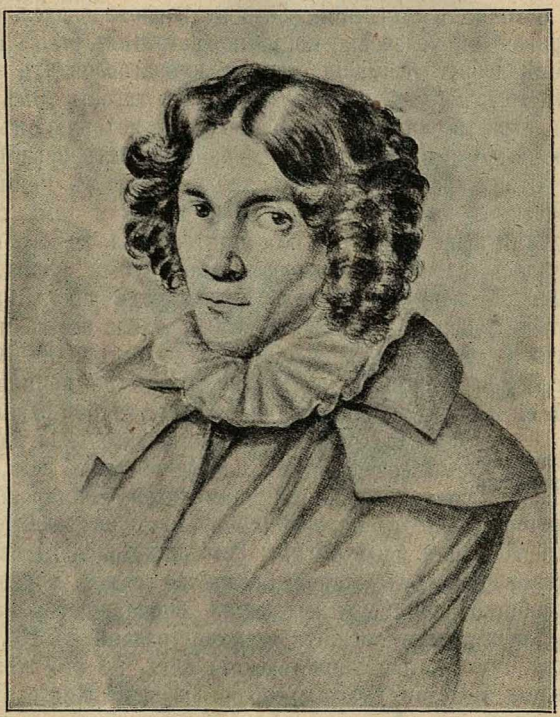
Говорятъ, Гёте женился на Христинѣ изъ благодарности. Когда войска Наполеона заняли Веймаръ, въ его домъ ворвались нѣсколько солдатъ и во время разгрома едва не убили его. Гёте спасся только благодаря мужеству и находчивости Христины, пустившей въ ходъ свои здоровенные кулаки, передъ которыми не могли устоять воины даже великаго императора. Чтобы показать ей, какъ онъ цѣнитъ ея само-

*) Часто я сочинялъ стихи, лежа въ ея объятіяхъ, и легко отбивалъ такъ гекзаметра указательнымъ пальцемъ на ея спинѣ.

отверженный поступокъ, онъ и сдѣлалъ ее женою послѣ пятнадцатилѣтней жизни внѣ брака, сдѣлалъ вопреки голосу веймарскаго общества, которое сторонилось отъ нея и избѣгало, какъ чумы. Но не лучше ли объяснить его поступокъ указаннымъ выше стремленіемъ къ прочной семейной жизни, хотя бы самаго буржуазнаго свойства? Не забудемъ, что возвышенность полета никогда не мѣшала генію быть въ жизни обыкновеннымъ человѣкомъ со всѣми его слабыми сторонами. Вѣдь и готическіе соборы, какъ бы уходящіе своими верхушками въ лазурныя небеса, построены на фундаментахъ изъ простого булыжника...

Гёте и Беттина.

Женитьба не спасла Гёте отъ сѣтей Амура. Онъ продолжалъ любить и быть любимымъ и на его «закатъ печальный», говоря словами Пушкина, любовь не разъ еще блестѣла «улыбкою прощальной». Одною изъ этихъ улыбокъ была Беттина. Странная женщина, впослѣдствіи жена фантастическаго романиста Арнима, не знавшая удержа своимъ необыкновеннымъ фантазіямъ, она, по выраженію Льюиса, была скорѣе демономъ, чѣмъ женщиною, но не безъ проблесковъ геніальности, придающихъ блескъ безсмысленной чепухѣ, и рѣшительно ускользаетъ отъ всякой критики. «Какъ скоро, — говоритъ онъ, — вы станете судить о ней серьезно, вамъ въ отвѣтъ пожмутъ плечеми и скажутъ: «Вѣдь это Брентано», полагая, что этою фразою все сказано. Въ Германіи даже сложилась пословица: «Гдѣ кончается безуміе другихъ, тамъ начинается безуміе Брентано».



Беттина фонъ-Арнимъ.

Эта-то особа, юная, пылкая, взбалмошная, причудливая, влюбилась въ поэта, еще не видя его, и начала засыпать его письмами съ выраженіемъ пламенныхъ восторговъ. Затѣмъ она пріѣзжаетъ вдругъ въ Веймаръ, бросается поэту въ объятія и, какъ она сама разсказы-

ваетъ, при первомъ же свиданіи засыпаетъ у него на груди. Послѣ этого она преслѣдуетъ его любовью, клятвами, ревностью, несмотря на то, что предмету ея страсти было уже пятьдесятъ восемь лѣтъ. И Гёте опять ожилъ. Благодаря отвратительной страсти Христины къ вину, семейная жизнь его была далека отъ счастливаго идеала. Бывали сцены, горькіе упреки; но желаніе поэта поставить жену на высоту семейной достопорядочности наталкивалось всегда на черствое упорство простолюдинки, у которой было много преданности мужу, но мало осмысленнаго отношенія къ жизни. Появленіе Беттины не могло не показаться поэту теплою струею въ холодѣ домашней обстановки и онъ невольно поддался ея очарованію. Къ сожалѣнію, и здѣсь поэта ждало разочарованіе: сумасбродныя выходки Беттины не давали покоя маститому поэту. Ея изъявленія любви были такъ бурны, настойчивы, дики, что должны были переполнить чашу и изъ источника радости превратиться въ источникъ отчаянія. Гёте не воспользовался ея невинностью въ первые дни увлеченія, когда не встрѣтилъ бы съ ея стороны ничего, кромѣ добраго согласія, и не мало благословлялъ за это судьбу впослѣдствіи, когда она сдѣлалась ему въ тягость. Онъ уставалъ. Ея бурная страсть нарушала гармонію духа, которую онъ воспиталъ въ себѣ годами труда и размышленія. Разрывъ былъ неизбѣженъ.

И онъ произошелъ. Пріѣхавъ вторично въ Веймаръ, она пошла съ Христиною на художественную выставку и тамъ сумасбродными выходками вывела жену поэта изъ терпѣнія. Между обѣими женщинами началась ссора, превратившаяся въ грубыя ругательства. Гете заступился за жену и отказалъ Беттинѣ отъ дому. Она не хотѣла подчиниться печальной необходимости и дѣлала все возможное, чтобы удержать за собою расположеніе Гёте, но успѣха не имѣла. Когда она въ третій разъ пріѣхала въ Веймаръ, онъ не принялъ ея, несмотря на всѣ ея мольбы. Романъ кончился очень грубой развязкой.

Запоздалыя страсти.

Мы пройдемъ мимо цѣлаго ряда любовныхъ похожденій, озарившихъ послѣдніе годы Гёте, и въ томъ числѣ его любовь къ знаменитой веймарской актрисѣ Коронѣ Шрётеръ, красота которой спорила съ ея талантомъ и съ которой, какъ говорили злые языки, Гёте находился въ связи. Великій поэтъ остался великимъ женолюбцемъ до самой могилы, чему особенно способствовала смерть его жены, скончавшейся послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ эпилептическихъ страданій въ 1816 году. Даже тогда, когда ему уже было шестьдесятъ лѣтъ, на его жизненномъ пути появилась молодая, свѣжая, горячо любящая Минна Герцлибъ, пріемышъ книгопродавца Фромана, дѣвушка, полюбившая старика-поэта всѣмъ пыломъ начинающейся молодой жизни и внушившая ему цѣлый рядъ сонетовъ и романъ «Сродство душъ», въ которомъ, какъ и во всѣхъ произведеніяхъ подобнаго рода, описаны его чувства и отношенія къ возлюбленной. Самъ Гёте говоритъ о своемъ произведеніи: «Въ этомъ романѣ высказалось сердце, болящее глубокою, страшною раною и въ то же время боящееся выздоровленіе, заживленія этой раны. Тутъ, какъ въ погребальной урнѣ, я схоронилъ съ глубокимъ волненіемъ многое грустное, много пережитое. 3 октября 1809 года я совсѣмъ сдалъ романъ съ рукъ, но не могъ при этомъ совершенно освободиться отъ чувствъ, его породившихъ». Страсть Минны и Гёте внушала большое

опасеніе друзьямъ молодой дѣвушки и поэта и они поспѣшили предупредить серьезныя послѣдствія, отправивъ дѣвушку въ пансіонъ, что дѣйствительно оказалось спасительнымъ средствомъ.

Но этимъ не кончились сердечныя тревоги Гёте. Черезъ пять лѣтъ, то есть когда поэту было шестьдесятъ пять лѣтъ, онъ встрѣтился съ очаровательною женою банкира Виллемера, Маріанною, и оба тотчасъ же полюбили другъ друга до того сильно, что, читая теперь, черезъ много лѣтъ, стихотворныя изліянія Гёте и такіе же отвѣты его возлюбленной, совершенно забываешь огромную разницу въ лѣтахъ обоихъ возлюбленныхъ. Такъ и кажется, что передъ нами два совершенно юныхъ существа, въ прошломъ которыхъ не записано еще ни одной страсти и которые спѣшатъ насладиться новооткрывшимся для нихъ счастіемъ возможно сильнѣе и полнѣе. Вотъ нѣкоторыя изъ стихотвореній Маріанны, посланныхъ Гёте во время разлуки (они приведены Брандесомъ въ статьѣ о Маріаннѣ Виллемеръ) и ярко свидѣтельствующихъ о ея страсти:

Корона Шрётеръ.

Doch dein mildes, sanftes Wehen,
Kühlt die wunden Augenlieder,
Ach, für Leid müsst ich vergehen,
Hofft ich nicht, wir sehn's uns wieder *).

Маріанна писала ему подъ особымъ шифромъ, который былъ извѣстенъ только Гёте. Поэтъ отвѣчалъ ей такимъ же образомъ, что, конечно, весьма важно для оцѣнки отношеній между возлюбленными. Одно изъ стихотвореній, посланныхъ Маріанною престарѣлому предмету своего сердца въ шифрованной формѣ, дышитъ необычайной страстью.

Dich zu eröffnen
Mein Herz verlangt mich.
Kraft hab ich keine,
Als ihn zu lieben
So recht im Stillen,
Was soll das werden?
Will ihn umarmen
Und kann es nicht **).

*) Твое мягкое, нѣжное дыханіе (въ стихотвореніи Маріанна обращается къ западному вѣтру) успокоиваетъ наболѣвшія вѣки. О, я умерла бы отъ страданія, если бы у меня не было надежды, что мы снова свидимся.

**) Сердце мое жаждетъ тебѣ открыться. Я ничего не въ состояніи дѣлать, какъ только любить его въ полной тишинѣ. Чѣмъ это кончится? Мнѣ хочется обнять его и я не могу этого сдѣлать.

Судьбѣ угодно было, чтобы влюбленные больше не увидѣлись, но они до самой смерти поэта, т. е. въ теченіе 17 лѣтъ, находились въ перепискѣ. За мѣсяцъ до своей смерти Гёте отослалъ ей ея письма и, конечно, ея стихотвореніе «Къ западному вѣтру», въ которомъ, между прочимъ, жена банкира Виллемера восклицала:

Sag ihm, aber sag's bescheiden,
Seine Liebe sei mein Leben *).

Отсылая своей возлюбленной ея стихотворенія и письма, Гёте, конечно, хотѣлъ скрыть отъ современниковъ и потомства любовь молодой женщины, не имѣвшей на нее права въ силу обѣта, который она дала мужу у алтаря церкви; но Гёте былъ слишкомъ великъ, чтобы тайна его сердца осталась дѣйствительной тайною, и западный вѣтеръ, къ которому Маріанна обращалась съ просьбою тихонько разсказать поэту о ея любви, разболталъ эту тайну на весь цивилизованный міръ. Невольно вспоминается строфа изъ прекраснаго стихотворенія одного изъ современныхъ нашихъ поэтовъ—Фофанова:

И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ пѣсни нѣжныя,
И распѣли ихъ вѣтры мятежные
Надъ водой, надъ землей, надъ утесами...

Послѣдняя любовь Гёте.

Современники Гёте, которымъ была извѣстна его сердечная слабость, знали, что онъ и въ могилу сойдетъ съ пѣснею любви на устахъ. И дѣйствительно, уже будучи семидесяти пяти лѣтъ отъ роду, онъ, какъ юноша, влюбился въ восемнадцатилѣтнюю Ульрику Левецовъ. Это была замѣчательная во многихъ отношеніяхъ любовь. Ничего нѣтъ удивительнаго, если старикъ влюбляется въ молодую дѣвушку; не удивительно также, если молодая дѣвушка рѣшается выйти за старика, прельщенная блестящею перспективою или поставленная въ невозможность поступить иначе. Но странно, почти невѣроятно, если юное существо, почти ребенокъ, влюбляется въ преклоннаго старика, у котораго нѣтъ самаго существеннаго элемента всякой любви—будущаго. Между тѣмъ Ульрика полюбила старика Гёте и притомъ искренней, пылкой любовью, не изсякшей въ ея душѣ до самой смерти, на протяженіи цѣлыхъ девяносто шести лѣтъ.

Эта любовь замѣчательна еще потому, что она почти до послѣднихъ дней девятнадцатаго столѣтія сохранила живую память о величайшемъ поэтѣ всѣхъ временъ и народовъ. Почти легендою дышатъ подробности, проникавшія иногда въ печать изъ уединеннаго замка въ Богеміи, пріютившаго въ своихъ стѣнахъ послѣдній предметъ любви Гете. Ульрика умерла въ 1898 году, донеся до могилы не умирающее воспоминаніе о геніальномъ человѣкѣ, который едва не сдѣлался ея мужемъ. Что думала она въ эти грустные годы старости (она умерла 96 лѣтъ отъ роду), мысленно уходя назадъ къ далекимъ, почти сказочнымъ временамъ, когда орелъ германской поэзіи остановилъ на ней свои большіе глаза, готовясь унести ее на старыхъ, но все еще сильныхъ крыльяхъ въ бездонное голубое небо? Она ни за кого не вышла замужъ, потому что, развѣ можно было найти человѣка, кото-

*) Скажи ему, но тихонько, что въ его любви моя жизнь.

рый былъ бы въ состояніи занять въ ея сердцѣ мѣсто, принадлежавшее когда-то Гёте? Онъ былъ старъ, но она помнила, что онъ все еще крѣпокъ. Корпусъ его былъ строенъ и прямъ, по лбу не протянулось ни одной морщины, на головѣ не было и признака плѣши, а глаза сверкали ослѣпительнымъ блескомъ красоты и силы. Ульрика помнила, что у нихъ уже все было условлено, что недоставало только формальнаго акта—женитьбы, но что пришли друзья и пріятели и возстали противъ этого «неестественнаго» брака, который въ глазахъ общества могъ бы показаться смѣшнымъ. Неестественный? Смѣшной? Но почему ея юное сердце такъ страстно пламенѣло тогда, охваченное нѣгой и блаженствомъ? Почему проходила она мимо сотенъ здоровыхъ и крѣпкихъ молодыхъ людей, сулившихъ ей много лѣтъ взаимнаго счастія, и остановила вниманіе на немъ, только на немъ, съ его орлиными, никогда не потухавшими глазами, съ его свѣтлой сѣдой головой?

Ульрика фонъ Левецовъ, † 13 ноября 1899 г.

Гёте стоило много усилій, чтобы преодолѣть свою любовь и покинуть Ульрику. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его удивительныя элегіи, посвященныя Ульрикѣ. Ему это было тѣмъ болѣе трудно, что великій герцогъ веймарскій Карлъ-Августъ, его другъ и покровитель, уже имѣлъ, невѣдомо для Гёте, разговоръ съ матерью Ульрики, обѣщая подарить ея дочери домъ и первое мѣсто въ веймарскомъ обществѣ, если она выйдетъ за Гёте. Мать послѣ этого говорила съ дочерью, которая, конечно, тотчасъ дала полное согласіе. Бракъ, однако, разстроился, потому что, съ точки зрѣнія пошлыхъ взглядовъ, бракъ между семидесятипятилѣтнимъ старикомъ и восемнадцатилѣтнею дѣвушкою былъ бы неестественнымъ бракомъ. Люди тогда не понимали, что не семидесятипятилѣтній старикъ хотѣлъ сдѣлать Ульрику своею женою. Это былъ Гёте, великій германскій олимпіецъ, который, какъ и боги древняго Олимпа, никогда не старѣлся, никогда не дряхлѣлъ, потому что самъ былъ богомъ...

Теперь, черезъ много лѣтъ послѣ смерти Гёте, невольно становишься втупикъ передъ необычайнымъ явленіемъ, представляемымъ Гёте. Почему его такъ любили женщины? Онъ былъ уменъ, но умъ не всегда аргументъ для женскаго сердца; онъ былъ красивъ, но красота также не всегда притягательная сила. Мнѣ кажется, лучше всего понялъ дѣло Генрихъ Гейне, когда, вспоминая свою встрѣчу съ нимъ, писалъ: «Въ Гёте мы находимъ во всей полнотѣ то соотвѣтствіе внѣш-

ности и духа, которое замѣчается во всѣхъ необыкновенныхъ людяхъ. Его внѣшній видъ былъ такъ же значителенъ, какъ и слова его твореній; образъ его былъ исполненъ гармоніи, ясенъ, благороденъ, и на немъ можно было изучать греческое искусство, какъ на античной модели. Этотъ гордый станъ никогда не сгибался въ христіанскомъ смиреніи червя; эти глаза не взирали грѣшно-боязливо, набожно или съ елейнымъ умиленіемъ: они были спокойны, какъ у какого-то божества. Твердый и смѣлый взглядъ вообще—признакъ боговъ. Поэтому если Агни, Варуна, Яма и Индра принимаютъ образъ Наля на свадьбѣ Дамаянти, она узнаетъ возлюбленнаго по подвижной игрѣ глазъ, такъ какъ очи боговъ всегда недвижимы. Этимъ свойствомъ обладали и глаза Наполеона; поэтому я увѣренъ, что онъ былъ богомъ. Взглядъ Гёте оставался такимъ же божественнымъ въ глубокой старости, какимъ онъ былъ въ юности. Время покрыло снѣгомъ его голову, но не могло согнуть ее. Онъ носилъ ее все такъ же гордо и высоко и, когда говорилъ, онъ словно росъ, а когда простиралъ руку, то казалось, будто онъ можетъ указывать звѣздамъ ихъ пути на небѣ. Высказывали замѣчаніе, будто ротъ его выражалъ эгоистическія наклонности; но и это черта, присущая вѣчнымъ богамъ, и именно отцу боговъ—великому Юпитеру, съ которымъ я уже сравнивалъ Гёте. Въ самомъ дѣлѣ, когда я былъ у него въ Веймарѣ, то, стоя передъ нимъ, невольно посматривалъ въ сторону, нѣтъ ли около него орла съ молніями. Чуть-чуть я не заговорилъ съ нимъ по-гречески, но, замѣтивъ, что онъ понимаетъ нѣмецкій, языкъ я разсказалъ ему по-нѣмецки, что сливы на дорогѣ отъ Іеннъ къ Веймару очень вкусны. Въ длинныя зимнія ночи я такъ часто передумывалъ, сколько возвышеннаго и глубокаго передамъ я Гёте, когда его увижу. И когда, наконецъ, я его увидѣлъ, то сказалъ ему, что саксонскія сливы очень вкусны. И Гёте улыбался. Онъ улыбался тѣми самыми устами, которыми нѣкогда лобызалъ Леду, Европу, Данаю, Семелу... Фредерика, Лили, Лотта, Ульрика—развѣ это не были тѣ же Семела, Европа, Леда, Даная?».

Гёте и Анжелика Каталани.

Не хотѣлось бы разстаться съ Гёте, не приведя анекдота, который обошелъ всю германскую печать во время недавняго празднованія 150-лѣтней годовщины со дня рожденія Гёте. Знаменитая итальянская пѣвица Анжелика Каталани, гремѣвшая въ началѣ текущаго столѣтія по всей Европѣ, благодаря удивительной колоратурѣ и силѣ голоса, не имѣла ни малѣйшаго понятія о литературѣ. Однажды ей пришлось сидѣть на обѣдѣ при веймарскомъ дворѣ рядомъ съ Гёте. Она не прочла ни единой строки изъ его произведеній и даже не знала, кто такой Гёте, но величественная наружность его и то уваженіе, съ которымъ относились къ нему за столомъ, невольно обратили ея вниманіе и она спросила сосѣда по другую руку, кто это сидитъ съ нею рядомъ.

— Сударыня,—отвѣтилъ ей сосѣдъ,—это знаменитый Гёте.

— Скажите, пожалуйста, на какомъ инструментѣ онъ играетъ?

— Онъ не музыкантъ, сударыня, а авторъ «Страданій Вертера».

— Ахъ, да, да,—отвѣчала Каталани,—вспоминаю!

И она обратилась къ Гёте:

— Вы не можете себѣ представить, какая я поклонница Вертера.

Гёте слегка поклонился въ знакъ благодарности.

— Никогда еще въ жизни,—продолжала веселая пѣвица,—ни одно произведеніе не заставляло меня такъ искренно смѣяться. Это—великолѣпный фарсъ.

— Виноватъ,—сказалъ удивленный поэтъ,—«Страданія Вертера»—фарсъ?

Гёте въ Веймарѣ, съ картины Каульбаха.

— Говорю же вамъ, что никогда еще не смѣялась такъ искренно, какъ тогда. И теперь еще мнѣ хочется смѣяться, когда вспомню.

Дѣло выяснилось. Оказалось, что Каталани видѣла на сценѣ одного парижскаго театра пародію на романъ «Страданія Вертера», въ которой сентиментальность гётевскихъ героевъ была выставлена въ смѣшномъ свѣтѣ. Гёте былъ очень огорченъ и весь вечеръ не могъ избавиться отъ дурного впечатлѣнія. Поистинѣ отъ великаго до смѣшного только одинъ шагъ.

Шиллеръ *). Въ исторіи литературы Гёте и Шиллеръ навсегда останутся близнецами. Они жили въ одно время, увлекались одними идеалами и стояли на одной высотѣ творческаго полета. Правда, дѣятельность того и другого представляла противоположные полюсы германскаго духа того времени, но въ этомъ именно и обнаружилось единство обоихъ поэтовъ. Какъ у древняго Януса, у литературы разрозненной Германіи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій были два лица: одно суровое и строгое, съ широко открытыми глазами, уходящими въ глубь земныхъ вещей, другое—свѣтлое и возвышенное, съ отуманеннымъ влагою взоромъ, устремленнымъ въ безконечное небо...

Въ одномъ только расходились Гёте и Шиллеръ: счастіе ихъ было неодинаковое. Въ то время какъ Гёте, этотъ баловень судьбы, пользовался всѣми благами жизни, довольный и счастливый, не зная тревогъ, не имѣя даже смутнаго понятія о томъ, что такое борьба за существованіе, Шиллеръ велъ жизнь жалкаго горемыки, нуждался, трепеталъ за завтрашній день, принужденъ былъ покинуть родину, гдѣ ему пришлось вести тяжелую жизнь неудачника, а когда, наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ и лишеній, онъ поднялся на безконечную высоту творческаго генія, ему предложили въ награду профессуру безъ жалованья! Поэтъ-идеалистъ имѣлъ полное право воскликнуть въ своемъ стихотвореніи «Счастье»:

Блаженъ, кто богами еще до рожденья любимый,
На сладостномъ лонѣ Киприды взлелѣянъ младенцемъ,
Кто очи отъ Феба, отъ Гермеса даръ убѣжденія принялъ,
А силы печать на чело отъ руки громовержца!
Великій божественный жребій счастливца постигнулъ;
Еще до начала сраженья побѣдой увѣнчанъ,
Любимецъ Хариты плѣняетъ, труда не пріемля.
Великимъ да будетъ, кто собственной силы созданье,
Душою превыше и тайныя Парки и рока;
Но счастье и граціи улыбка не силѣ подвластны **).

Тяжела и мелочна была обстановка, въ которой родился Шиллеръ. Тяжело и мелочно было время, въ которое ему пришлось впитать въ себя первыя впечатлѣнія бытія. Была грозная пора просвѣщеннаго абсолютизма, охватившаго тогда всю Европу, не исключая даже такихъ ничтожныхъ государствъ, какъ виртембергское герцогство, во главѣ котораго находился развращенный деспотъ съ ногъ до головы—Карлъ-Евгеній. Гнетъ былъ неслыханный. Благородные люди за одно неосторожное слово бросались въ тюрьмы, гдѣ оставались долгіе годы, не зная даже, въ чемъ они провинились. Люди цѣлыми партіями продавались въ Америку. При дворѣ царили блескъ и роскошь—грустная копія съ великолѣпнаго, но отживавшаго свой вѣкъ версальскаго двора. Могъ ли правильно развиться при такихъ условіяхъ благород-

*) Schillers sämmtliche Werke. Изд. Котта. 1867, т. I. — Dr. Adalbert von Hanstein. «Die Frauen in der Geschichte des deutschen Geisteslebens des 18 und 19 Jahrhunderts». Leipzig. 1900. Zweites Buch. — Іоганнъ Шерръ. «Шиллеръ и его время». М. 1875. Изд. кн. маг. Мамонтова. — Г. Геттнеръ. «Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка», т. III, пер. Барсова.

**) Пер. Жуковскаго.

ный поэтическій цвѣтокъ, случайно упавшій на эту каменистую почву? Между тѣмъ Шиллеру нужно было развиваться подъ непосредственнымъ вліяніемъ герцога. Онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ герцогу, долженъ былъ переносить тяжесть его деспотической ферулы, долженъ былъ унижаться, льстить, онъ, который вѣчно грезилъ о благородствѣ душъ, о возвышенномъ строѣ жизни, о братствѣ, равенствѣ, свободѣ, какъ чистыхъ идеяхъ, низведенныхъ, однако, до значенія реальнаго факта. Это было великое несчастіе не для одного Шиллера: оно было несчастіемъ для всемірной литературы, у которой насильно отрывали одного изъ первенцевъ, собиравшагося унестись и унести за собою весь міръ въ безмятежныя пространства идеала.

Нужно ли говорить, что такой поэтъ-несчастливецъ не могъ быть особенно счастливъ и въ отношеніяхъ къ женщинамъ? Какая противоположность въ этомъ отношеніи съ Гёте! Великій олимпіецъ германской письменности не зналъ, что у розы существуютъ шипы. Между нимъ и предметомъ его страсти никогда не возникало преградъ, кромѣ его собственной совѣсти, приказывавшей часто останавливаться именно тамъ, гдѣ остановка болѣе всего соотвѣтствовала требованію долга и добропорядочности. Какъ Цезарь, Гёте могъ относительно каждой красавицы, встрѣчавшейся ему на пути, сказать: «Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ». Куда могъ «приходить» злосчастный Шиллеръ, этотъ человѣкъ безъ родины, на которой онъ не испыталъ ничего, кромѣ жестокой борьбы и гоненій? Кого могъ онъ «видѣть» въ своемъ мрачномъ углу, гдѣ нужда свила себѣ теплое гнѣздо со всѣми ея прелестями—болѣзнями, тоской, отчаяніемъ? И кого, наконецъ, могъ «побѣждать» этотъ рыцарь идеала, вѣчно бесѣдовавшій со своей томной музой, у которой были блѣдные глаза и безкровныя щеки? Недаромъ грустной иронією и тайной завистью вѣетъ отъ немногихъ строкъ его «Идеаловъ», въ которыхъ поэтъ явно намекаетъ на Гёте:

И быстро жизни колесница
Стезею младости текла;
Ея воздушная станица
Веселыхъ призраковъ влекла:
Любовь съ прелестными дарами,
Съ алмазнымъ счастія ключомъ,
И слава съ звѣздными вѣнцами,
И съ яркимъ истины лучомъ *).

Лаура и Минна.

Несмотря, однако, на суровую обстановку, поэтъ, обладавшій тонкими нервами и впечатлительной душой, не могъ не чувствовать инстинктивнаго влеченія къ тому, что вѣчно прекрасно, потому что оно вѣчно женственно. Въ его душѣ невольно пробуждались смутныя чувства. Онъ грезилъ. И въ его воображеніи противъ его воли возникали дивные образы, проходили длинныя вереницы красавицъ съ божественными формами и наивными лицами. Онѣ носились веселымъ вихремъ передъ его умственными глазами, онѣ пѣли ему райскія пѣсни о блаженныхъ садахъ, гдѣ нѣтъ ни заботъ, ни нужды, ни горя, гдѣ вѣчной зеленью одѣлись деревья и по тѣнистымъ аллеямъ блуждаютъ счастливыя парочки, невидимыя для свѣта съ его черствой моралью и засушенными взглядами на жизнь.

*) Пер. Жуковскаго.

Къ этой именно порѣ въ жизни Шиллера и относятся всѣ удивительныя стихотворенія его, посвященныя Лаурѣ. Кто была эта Лаура? Долго рылись біографы надъ разысканіемъ таинственной красавицы, которой цивилизованное человѣчество обязано не вянущими цвѣтами поэзіи, и, наконецъ, пришли къ заключенію, что это была Лаура Петрарки, та именно Лаура, которая живетъ и до сихъ поръ въ памятникѣ, изваянномъ ей изъ великолѣпныхъ сонетовъ флорентинскимъ поэтомъ! Ей именно посвящалъ Шиллеръ свои юные восторги, съ нею, жившею до него за нѣсколько сотъ лѣтъ, дѣлилъ онъ грустные часы своего одиночества, въ часы безмолвной полночи или въ блѣдныхъ сумеркахъ чуть брезжущаго утра. Въ то время, когда Шиллеръ писалъ этотъ удивительный циклъ стихотвореній, посвященныхъ Лаурѣ, онъ жилъ въ меблированной комнатѣ у нѣкой Луизы-Доротеи Вишеръ, смазливой блондинки, вдовы одного капитана. Вишеръ любила кокетничать со своими жильцами и впослѣдствіи едва не бѣжала съ однимъ молодымъ студентомъ въ Вѣну. Очень можетъ быть, что образъ этой женщины не отходилъ отъ глазъ Шиллера, когда сердце его особенно настойчиво начинало требовать женскихъ ласкъ; но что она не была первообразомъ Лауры, считается несомнѣннымъ. Въ ней, этой фантастической Лаурѣ, можно сказать, слиты черты двухъ великихъ возлюбленныхъ, благодаря которымъ міровая литература обогатилась чудными перлами поэзіи,—Лауры и Беатриче. Вотъ, напримѣръ, часть одного изъ стихотвореній, посвященныхъ Лаурѣ («Фантазія Лаурѣ»):

Милая Лаура, назови ту силу,
Что такъ тѣло къ тѣлу трепетно влечетъ!
Назови, Лаура, то очарованье,
Что насильно сердце сердцу отдаетъ!
То она вкругъ солнца учитъ обращаться
Стройныя планеты вѣчной чередой,
И вокругъ владыки звѣзды тѣ кружатся,
Словно ребятишки вкругъ своей родной.
И впиваетъ жадно каждая планета
Золотистый дождикъ солнечныхъ лучей,
Пьетъ огонь и силу изъ сосуда свѣта,
Какъ изъ мозга члены жизненный елей.
Солнечную искру съ солнечною искрой
Сочеталъ любовно міровой законъ...
Не любовь ли движетъ сферы міровыя?
Не на ней ли остовъ міра утвержденъ? *)

Не напоминаютъ ли эти строфы заключительнаго аккорда «Божественной Комедіи», Который мы привели выше, въ главѣ о Данте? У великаго итальянскаго поэта любовь «движетъ солнце и звѣзды», у великаго нѣмецкаго поэта, пылавшаго идеальной страстью къ его возлюбленной, любовь также движетъ сферы міровыя **). Ясно, что чувство, выраженное въ этомъ стихотвореніи, только рефлективное. Подобно тому, какъ нищій, воображая себя въ минуты голода за празднично убраннымъ столомъ, дѣйствительно чувствуетъ удовольствіе отъ богатыхъ яствъ и напитковъ, нарисованныхъ его разстроен-

*) Пер. Н. Гербеля.
**) Въ подлинникѣ сходство еще болѣе замѣчательно:
Sphären in einander lenkt die Liebe.
Weltsysteme dauern nur durch sie.

нымъ воображеніемъ,—страдавшій отъ житейскаго голода Шиллеръ также переживалъ мысленно пламенную страсть, волновавшую когда-то родственныхъ ему по генію поэтовъ, также радовался ихъ радостями, страдалъ ихъ горемъ и также отливалъ въ звонкіе стихи свои выдуманныя, но реализированныя чувства...

Такою же точно фантастичностью отличается удивительная женская головка, обрисованная имъ въ другихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ Миннѣ. Одно время думали, что подъ Минною поэтъ разумѣлъ нѣкую Вильгельмину Андрею; но мысль эта была оставлена. Между тѣмъ стихотворенія, навѣянныя выдуманнымъ образомъ, такъ и дышатъ правдою. Въ нихъ чувствуется біеніе настоящей жизни и воображеніе невольно рисуетъ контуры прекрасной, но грѣшной женщины, когда юный, неопытный, ничего еще не видѣвшій, но все уже предчувствовавшій своимъ поэтическимъ откровеніемъ поэтъ шепчетъ въ порывѣ искренняго неголованія:

Странно мнѣ, непостижимо,
Минна ль милая идетъ?
Какъ, она проходитъ мимо
И меня не узнаетъ!
Съ свитой франтовъ выступаетъ
И тщеславія полна,
Гордо вѣеромъ играетъ...
Нѣтъ, да это не она,
Съ лѣтней шляпки перья вѣютъ—
Подаренный мой нарядъ.
Эти ленты, что алѣютъ,—
«Минна, стыдно!»—говорятъ.
И цвѣты на ней. Не я ли
Эти выростилъ цвѣты?
Прежде чѣмъ они завяли,
Измѣнила, Минна, ты *).

Бѣдный поэтъ! Онъ, у котораго не было почти хлѣба, который дни и ночи проводилъ въ тяжкомъ трудѣ, рисовалъ себя въ положеніи страстно влюбленнаго юноши, подносящаго цвѣты легкомысленной, но любимой дѣвушкѣ!

Франциска фонъ-Гогенгеймъ.

Была, впрочемъ, реальная женщина, которая оказала нѣкоторое вліяніе на Шиллера, если не прямо, то косвенно. Это—графиня Франциска фонъ-Гогенгеймъ, метресса виртембергскаго герцога Карла. Она была не столько красива, сколько граціозна и мила. Происходя изъ бѣдной дворянской фамиліи, она вышла за горбатаго, но богатаго барона Леутрумъ, которому, кромѣ горба, суждено было носить еще рога. Герцогъ увидѣлъ Франциску, когда ей было 22 года, и тотчасъ плѣнился ея красотою. Чтобы имѣть графиню поближе къ себѣ, онъ далъ ея мужу мѣсто при дворѣ, причемъ обязанности барона заключались въ томъ, что онъ долженъ былъ ѣхать впереди герцога въ то время, когда герцогъ отправлялся въ свой увеселительный дворецъ въ Лудвигсбургѣ вмѣстѣ съ его женою. Баронъ важно расхаживалъ по дворцовымъ комнатамъ, не понимая язвительныхъ насмѣшекъ и намековъ окружавшихъ лицъ, которымъ хорошо было извѣстно, что герцогъ теперь въ объятіяхъ Франциски. Если присутствіе горбатаго барона мѣшало, какой-

*) Пер. Бенедиктова.

нибудь придворный сообщалъ ему великую новость, что въ столицѣ появился удивительный звѣрь—горбатый верблюдъ, у котораго выросли вдругъ рога. Баронъ въ концѣ концовъ понялъ и безропотно сошелъ со сцены, предоставивъ женѣ полную свободу дѣйствій. Франциска оказалась прелестной женщиной. Она отучила герцога отъ его дикихъ деспотическихъ инстинктовъ, совершенно естественныхъ въ то время просвѣщеннаго абсолютизма, заставила его полюбить домашнюю жизнь, отрѣшиться отъ безпрерывной жажды наслажденій и въ концѣ концовъ, послѣ смерти герцогини, вступить съ нею въ бракъ. Когда Шиллеръ былъ въ военной академіи, которую герцогъ съ Франциской часто посѣщали, послѣдняя была еще метрессою; тѣмъ не менѣе на семнадцатилѣтняго юношу она произвела сильное впечатлѣніе. Оборотная сторона ея отношеній для него не существовала: онъ былъ слишкомъ юнъ, чтобы усмотрѣть въ ней противорѣчіе съ незыблемыми правилами обихода. Франциска была для него только женщиною, т. е. носительницею благородныхъ началъ, которыми фантазія его одарила всѣхъ представительницъ прекраснаго пола. Къ тому же она была знатная женщина, находившаяся у всѣхъ на виду и творившая добро вездѣ, гдѣ только можно было. Вполнѣ поэтому понятно, что Шиллеръ поспѣшилъ надѣлить ее всѣми похвальными чертами женщины, созданной его воображеніемъ, и ее, любовницу герцога, въ стихахъ, поднесенныхъ ей въ день рожденія, называть воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей!.. «Она, — восклицаетъ поэтъ, обращаясь къ Франціскѣ,—утѣшаетъ нуждающихся, одѣваетъ обнаженныхъ, утоляетъ жаждущихъ, питаетъ голодныхъ. Печальные дѣлаются веселыми при одномъ взглядѣ на нее, и смерть убѣгаетъ передъ нею боязливо съ ложа больного».

Франциска фонъ-Гогенгеймъ.

Это не было увлеченіемъ, минутной вспышкой. Шиллеръ сохранилъ память о Франціскѣ именно такою, какою она казалась ему въ молодые годы, о чемъ свидѣтельствуетъ его «Коварство и любовь», въ которой Франциска выведена подъ именемъ лэди Мильфордъ. Шиллеръ былъ влюбленъ въ Франциску, какъ и всѣ воспитанники академіи, влюбленъ безъ цѣли и смысла, самъ не сознавая своихъ чувствъ, подобно подсолнечнику, который невольно тянется къ солнцу, не зная и не будучи въ состояніи знать, что влечетъ его туда невѣдомая сила...

Шарлотта Вольцогенъ.

Франциска ничѣмъ не обнаружила своего вниманія къ поэту, и восторженное стихотвореніе его, вѣроятно, она положила въ одинъ ящикъ съ прочими произведеніями воспитан-

никовъ академіи, не разъ посвящавшихъ ей свои изліянія въ поэтической формѣ. Не то нужно сказать о шестнадцатилѣтней Вольцогенъ, дочери вдовы Генріетты Вольцогенъ, съ которою Шиллеръ находился въ близкихъ дружескихъ сношеніяхъ. У Генріетты была одна дочь и четверо сыновей. Послѣдніе всѣ воспитывались въ академіи. Хотя она не была особенно образована и не знала большого толка въ литературѣ, тѣмъ не менѣе первое крупное произведеніе Шиллера, «Разбойники», произвело на нее сильное впечатлѣніе, и она съ удовольствіемъ привѣтствовала друга своихъ сыновей. Когда герцогъ Карлъ запретилъ Шиллеру заниматься литературою и даже посадилъ его подъ арестъ, поэтъ, для котораго литература уже тогда была все, бѣжалъ, и однимъ изъ мѣстъ, гдѣ онъ укрывался первое время отъ преслѣдованій деспотическаго герцога, было имѣніе Генріетты Вольцогенъ въ Бауэрбахѣ. Тутъ-то онъ и сблизился съ ея дочерью. Отъ матери не укрылась любовь поэта и она постаралась положить ей конецъ съ самаго начала, такъ какъ положеніе Шиллера не могло быть залогомъ счастья ея дочери. Къ тому же, укрывая у себя бѣжавшаго поэта, она боялась дурныхъ послѣдствій для ея сыновей, на которыхъ злопамятный герцогъ могъ выместить свой гнѣвъ. По ея требованію, Шиллеръ долженъ былъ покинуть Бауэрбахъ. Это была большая ошибка, которая стоила поэту немалыхъ огорченій и, можетъ быть, сильно отразилась бы на дальнѣйшей его жизни и творческой дѣятельности, если бы г-жа Вольцогенъ не поняла вскорѣ своего безсердечнаго поступка по отношенію къ другу и не вернула его назадъ. Во время этого второго пребыванія въ Бауэрбахѣ Шиллеръ окончательно влюбился въ Шарлотту. Къ несчастью, съ бѣдностью и неопредѣленностью положенія поэта соединилась неудача на первыхъ порахъ серьезныхъ влеченій сердца: Шарлотта осталась совершенно равнодушной къ пылкому поэту, такъ какъ чувства ея принадлежали ученику академіи, съ которымъ она познакомилась въ Штутгартѣ. Съ другой стороны, и въ г-жѣ Вольцогенъ пробудилась прежняя боязнь насчетъ ея дочери и она опять предложила Шиллеру уѣхать. Скрѣпя сердце, поэтъ уѣхалъ въ Мангеймъ. Съ какимъ чувствомъ удалялся онъ изъ тихаго уголка, служившаго ему въ одно и то же время убѣжищемъ и раемъ, въ которомъ онъ, какъ Адамъ, впервые увидѣлъ женщину! Свою грусть онъ излилъ годъ спустя въ письмѣ къ матери своей возлюбленной. «Тихія радости семейной жизни,—писалъ онъ,—придали бы бодрости моимъ занятіямъ, очистили бы мою душу отъ дикихъ привычекъ. О, если бы я нашелъ дѣвушку, которая была бы дорога моему сердцу, или если бы я могъ назваться вашимъ сыномъ! Богата ваша Лотта не будетъ, но счастлива». Шиллеръ понималъ неосуществимость своего сватовства и тутъ же прибавилъ: «Мнѣ страшно за мою безумную надежду, но я надѣюсь, моя дорогая, что вы простите мнѣ мой глупый капризъ». Мать, конечно, была настолько тактична, что приняла изліяніе Шиллера за «капризъ», чѣмъ дѣло и кончилось. Впослѣдствіи, можетъ быть, она пожалѣла объ этомъ, такъ какъ дочь ея, о счастіи которой она такъ заботилась, удаляя отъ нея поэта, не была счастлива: ея романъ съ воспитанникомъ академіи не кончился ничѣмъ, а замужество съ совѣтникомъ Лиліенштейномъ стоило ей жизни, такъ какъ она умерла отъ первыхъ родовъ.

Шарлотта Кальбъ. Много лѣтъ прошло послѣ несчастной первой любви Шиллера. Поэтъ успѣлъ стать на ноги. Онъ обрѣлъ новое отечество, друзей, славу. Его поэтическая натура и вѣра въ идеалъ сохранили въ немъ прежнюю чистоту мысли и вѣру въ человѣчество. Шиллеръ уже былъ тогда авторомъ «Донъ Карлоса». Тутъ-то ему пришлось встрѣтиться съ замѣчательною дѣвушкою, оставившею рѣзкій слѣдъ на всей жизни и литературной дѣятельности великаго поэта.

Шарлотта Маршалькъ фонъ-Остгеймъ, по мужу Кальбъ, прожила бурную молодость. Правильнаго воспитанія она не получила, но недостатокъ этотъ искупался природнымъ умомъ и богатымъ воображеніемъ. Какъ разсказываетъ Шерръ, она еще до конфирмаціи успѣла познакомиться съ сочиненіями самаго разнообразнаго содержанія: Библія, Коранъ, Вольтеръ, Руссо, Шекспиръ, Клопштокъ, Виландъ служили ей «безбрежнымъ чтеніемъ»—выраженіе, которое впослѣдствіи примѣнилъ къ ней ея любимецъ Жанъ-Поль Рихтеръ. Если прибавить къ этому тяжелыя впечатлѣнія, вынесенныя юною Шарлоттою изъ семейной жизни, ея несчастный бракъ съ нелюбимымъ человѣкомъ, то нетрудно представить себѣ эту женщину, которая боролась между напряженнымъ героизмомъ и жаждою любви, между огнемъ и холодомъ и которую еще черезъ двѣнадцать лѣтъ Жанъ-Поль называлъ «женщиною съ всемогущимъ сердцемъ, титанидою», послужившей ему образцомъ для созданія Линды въ «Титанѣ». Въ молодыхъ годахъ Шарлотта если и не была красавицею, то обладала тѣмъ качествомъ, которое въ наше время называютъ пикантностью. Еще въ 1796 году Жанъ-Поль писалъ о ней: «У нея два великихъ достоинства: большіе глаза, какихъ я никогда не видалъ, и великая душа. Она такъ же хорошо говоритъ, какъ хорошо пишетъ Гердеръ въ своихъ письмахъ о гуманизмѣ. Она полна даже лицомъ, и если подниметъ свои почти постоянно опущенные глаза, то это походитъ на то, какъ луна то выглянетъ изъ облаковъ, то снова спрячется въ нихъ».

Шиллеръ жилъ тогда въ Мангеймѣ. Тамъ же онъ и сошелся съ Шарлоттою, пріѣхавшею туда съ мужемъ. «Титанида», конечно, не могла не обратить на себя вниманія страстнаго поэта, чувствительность котораго не была притуплена постояннымъ общеніемъ съ женщинами. Съ другой стороны, и сама Шарлотта не могла не поддаться вліянію поэтической личности Шиллера, о которомъ до конца своей жизни сохранила самое свѣтлое воспоминаніе. «Въ цвѣтѣ лѣтъ,—писала она впослѣдствіи,—все существо Шиллера отличалось богатымъ разнообразіемъ; его глаза блистали юношескимъ мужествомъ; гордая осанка, глубокая мысль, смѣлое и неожиданное сужденіе—все поражало въ немъ. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ и сочувствовалъ моимъ идеямъ. Нѣсколько времени оставался онъ у меня, потомъ взялъ шляпу и сказалъ: «Мнѣ пора въ театръ». Послѣ ужь я узнала, что въ этотъ вечеръ шла его пьеса «Коварство и любовь» и онъ просилъ актеровъ не упоминать имени «Кальбъ» (одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ этой пьесѣ). Вскорѣ онъ возвратился веселый; радость сверкала въ его глазахъ. Не стѣсняясь, говорилъ онъ откровенно, съ чувствомъ, съ сознаніемъ, мысль слѣдовала за мыслью, рѣчь его лилась свободно, какъ рѣчь пророка. Въ продолженіе разговора онъ увлекался, и это увлеченіе отличалось какою-то женственностью: его взоръ горѣлъ

страстью. Въ то время эта жизнь только-что расцвѣтала, теперь же она мертва». Словомъ, между поэтомъ и «титанидою» началась близость чувствъ, которая ведетъ къ любви и страсти.

Къ несчастію, а, можетъ быть, и къ счастію, въ душѣ Шиллера въ это время произошла страшная путаница. Долго скрываемая и заглушаемая ея потребность любить и быть любимымъ прорвалась неожиданно при первой же вспышкѣ серьезнаго чувства, какъ прорывается и затопляетъ берега рѣка при неожиданномъ удаленіи плотины. У Шиллера вдругъ оказалось нѣсколько предметовъ сердца, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія актриса, исполнявшая роль Амаліи въ «Разбойникахъ», и Маргарита Шванъ, образованная, красивая дѣвушка, любившая искусство и литературу. Особенно послѣдняя произвела на него сильное впечатлѣніе, до того сильное, что онъ даже рѣшилъ на ней жениться. Но жениться ему хотѣлось также и на Шарлоттѣ. Словомъ, получилось нѣчто невыразимо сложное, запутанное, которое, какъ Гордіевъ узелъ, можно было разрубить, но не распутать. И вотъ для того, чтобы разрубить узелъ своей душевной неурядицы, Шиллеръ уѣхалъ изъ Мангейма въ Лейпцигъ. Но передъ отъѣздомъ между отчаявшимся поэтомъ и Шарлоттою Кальбъ произошла удивительная сцена, характерная столько же для самихъ героевъ, сколько для всей эпохи бури и натиска.

Шарлотта фонъ-Кальбъ.

— Мое сердце,—воскликнулъ Шиллеръ, прощаясь съ Шарлоттою,—зажглось отъ вашего чистаго пламени, вы одушевили и успокоили меня. Родство нашихъ душъ указываетъ на высшую гармонію; я знаю только одно, что мы живемъ во цвѣтѣ юности, которая служитъ объясненіемъ нашихъ пламенныхъ сердецъ. Но я вѣрю, что ты не погасишь этого пламени. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ моя мысль покрылась мрачнымъ покровомъ, моя душа познала страданіе, но я услышалъ тебя, твоя мысль отвѣчала моей. Наши души, какъ огонь и потокъ, слились во-едино. Я полюбилъ тебя и былъ бы всегда твоимъ, если бы у меня достало мужества для этой любви. Но пускай мое сердце не знаетъ этой страсти, которая меня восхищаетъ и страшитъ.

Шарлотта отвѣтила:

— Съ тѣхъ поръ, какъ я узнала васъ, я начала требовать отъ жизни больше, чѣмъ прежде. Никогда прошедшее не представлялось

мнѣ такимъ ничтожнымъ. Вы хотите разорвать нашъ союзъ? Но знайте, что васъ послала мнѣ судьба и мнѣ больно разстаться съ тѣми свѣтлыми минутами, которыми она дарила насъ. О, еслибъ вы были свободны отъ земныхъ заботъ и не такъ стремились къ славѣ, разрушающей весь душевный міръ! Мнѣ тяжела разлука, но вы знакомы съ уединеніемъ, съ божественнымъ покоемъ. Надежда! Вѣра! Мы чувствуемъ оба, что кто называетъ душу своею, тотъ не разлучается никогда... Вы мнѣ говорите «ты» и я отвѣчаю вамъ «ты»! Правдѣ незнакомо слово «вы». Счастливые знаютъ только «ты», и пускай это «ты» будетъ печатью нашего вѣчнаго союза!

Сцена была томительная, и можно себѣ представить, съ какимъ облегченнымъ сердцемъ уѣхалъ Шиллеръ изъ Мангейма. По пріѣздѣ въ Лейпцигъ онъ тотчасъ написалъ отцу Маргариты Шванъ письмо, въ которомъ просилъ руки его дочери. Увы, неудача ждала поэта и здѣсь! Старикъ Шванъ считалъ положеніе поэта слишкомъ неопредѣленнымъ, чтобы согласиться на бракъ Шиллера съ его дочерью, и послалъ ему отказъ. Такъ Шиллеръ и остался между двумя берегами, отчаливъ отъ одного и не приставъ къ другому.

Впослѣдствіи, поселившись въ Веймарѣ—средоточіи тогдашней умственной аристократіи Германіи, Шиллеръ снова увидѣлся съ Шарлоттою и между ними завязались прежнія добрыя отношенія. Въ первомъ же письмѣ оттуда къ Кернеру поэтъ писалъ: «Шарлотта—великая, оригинальная душа, цѣлая наука для меня, способная вдохновить болѣе возвышенный умъ, чѣмъ мой. Съ каждымъ днемъ я нахожу въ ней новыя достоинства, которыя, какъ прекрасные виды громаднаго ландшафта, поражаютъ и восторгаютъ меня... Повидимому, здѣсь не мало толковъ обо мнѣ и Шарлоттѣ. Мы рѣшились не скрывать нашихъ отношеній и насъ стараются не стѣснять, когда мы желаемъ быть одни. Виландъ и Гердеръ уважаютъ Шарлотту». Уже изъ этого письма видно, что сближеніе въ Веймарѣ состоялось полное, но оно еще болѣе обнаруживается изъ слѣдующаго письма, въ которомъ поэтъ открыто признается въ совершившемся фактѣ: «О моихъ отношеніяхъ къ Шарлоттѣ начинаютъ громко поговаривать, но во всѣхъ этихъ разговорахъ нѣтъ и тѣни оскорбленія для насъ; даже сама герцогиня Амалія была настолько любезна, что пригласила насъ обоихъ къ себѣ. Причину этого приглашенія объяснилъ мнѣ Виландъ. Здѣсь на подобныя связи смотрятъ снисходительно и сама герцогиня не прочь имъ покровительствовать. Г-нъ Кальбъ (мужъ Шарлотты) писалъ мнѣ, что пріѣдетъ въ концѣ сентября; дружба его ко мнѣ не измѣнилась, несмотря на то, что онъ любитъ свою жену и знаетъ про наши отношенія. Но его самолюбіе можетъ пострадать отъ вмѣшательства постороннихъ людей въ это дѣло и услужливаго наушничества».

При такихъ условіяхъ самое лучшее было подумать о разводѣ Шарлотты. Влюбленные и начали говорить объ этомъ, но дѣло ограничилось только разговорами, что отразилось неблагопріятно на отношеніяхъ между ними. По крайней мѣрѣ, Шиллеръ вскорѣ написалъ другу, что чувствуетъ охлажденіе къ Шарлоттѣ, а черезъ нѣкоторое время отношенія между влюбленными дѣйствительно начали принимать оборотъ, естественнымъ послѣдствіемъ котораго является полный разрывъ. Шарлотта въ своихъ запискахъ объясняетъ это именно тѣмъ

что она не развелась съ мужемъ, но причина была другая или, вѣрнѣе, были двѣ причины: во-первыхъ, эксцентричная Шарлотта могла быть любовницею Шиллера, но не женою, а во-вторыхъ, у поэта въ это время начиналась новая связь, болѣе прочная и разумная, связь, основанная на истинной гармоніи душъ и кончившаяся бракомъ. Эта связь до того сильно овладѣла поэтомъ, что онъ не скрылъ ея даже отъ самой Шарлотты, чѣмъ, конечно, еще болѣе ухудшилъ отношенія. Во всякомъ случаѣ разрывъ произошелъ не полный, потому что бывшіе влюбленные поддерживали другъ съ другомъ переписку, безпрерывно обмѣниваясь увѣреніями въ вѣчной дружбѣ. Какъ женщина, Шарлотта перестала существовать для Шиллера и не воскресла даже тогда, когда умеръ ея мужъ, что устранило послѣднее препятствіе. Шиллеръ въ то время былъ слишкомъ занятъ мыслью о созданіи своего семейнаго благополучія, основаннаго на порядкѣ и спокойствіи, чтобы вернуться въ храмъ страсти, гдѣ не могло быть благополучія, потому что не могло быть спокойствія.

Шарлотта кончила жизнь очень печально: она лишилась всего состоянія и къ тому же ослѣпла. Тѣмъ не менѣе, до послѣднихъ дней она продолжала быть «титанидою». Уже въ глубокой старости она производила неотразимое впечатлѣніе своими черными глазами, величественной фигурой и пророческой рѣчью. Таково было время. Она умерла въ 1843 году восьмидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, до могилы сохранивъ воспоминанія о своемъ прошломъ, въ которомъ было такъ много бурь и такъ мало истиннаго счастія.

Марія-Генріета Арнимъ.

Передъ тѣмъ, однако, какъ вступить въ мирную пристань семейной жизни. Шиллеру предстояло еще пройти тяжелый нравственный искусъ въ видѣ добровольнаго отреченія отъ любимой дѣвушки, на пути къ которой стояло неодолимое препятствіе въ видѣ упорной матери.

Дѣло происходило зимою 1786 года. Увидѣвъ въ знакомомъ домѣ вдову саксонскаго офицера г-жу Арнимъ съ двумя дочерьми, Шиллеръ тотчасъ почувствовалъ влеченіе къ старшей изъ нихъ, Маріи-Генріетѣ, дѣвушкѣ, бросавшейся всѣмъ въ глаза своей красотой и изяществомъ манеръ. Шиллеръ познакомился съ нею и даже получилъ доступъ въ ея домъ, но встрѣтилъ въ лицѣ матери таинственнаго сфинкса, поведеніе котораго тщетно старался разгадать. Г-жа Арнимъ была очень любезна съ поэтомъ и даже сближала его съ дочерью, но въ то же время не только не подавала ему надежду на руку дочери, но всѣми силами производила давленіе на дочь, стараясь предупредить въ ней малѣйшую искру привязанности къ поэту. Впослѣдствіи дѣло выяснилось: г-жа Арнимъ не считала Шиллера подходящимъ для ея дочери мужемъ, но на любовь его, знаменитаго въ то время поэта, смотрѣла какъ на факторъ, который можетъ поднять престижъ дѣвушки въ глазахъ общества. Это былъ чисто дѣловой маневръ, котораго благородный поэтъ не хотѣлъ понять, но послѣдствіямъ котораго принужденъ былъ покориться. Онъ питалъ еще надежду смилостивить практическую женщину, тратилъ и время, и деньги, которыя въ его положеніи имѣли тройную цѣну, и, наконецъ, по совѣту друзей, уѣхалъ, чтобы разлукою съ любимой дѣвушкой заглушить свои наболѣвшія чувства. Шарлотта Кальбъ, изъ водово-

рота вліянія которой онъ не успѣлъ еще тогда высвободиться, явилась ему невольной помощницей. Впрочемъ, поэтъ вскорѣ забылъ свою мимолетную страсть, да и самое Шарлотту, чтобы съ открытой душою пойти навстрѣчу другой дѣвушкѣ, съ которою онъ былъ знакомъ давно, но прелесть которой сдѣлалась ему понятною только послѣ долгихъ и безплодныхъ поисковъ истинной женской любви и истиннаго счастья.

Жена Шиллера.

Еще на примѣрѣ Гёте мы видѣли, что возвышенность мысли часто идетъ объ руку съ простой буржуазной обстановкой. Что общаго имѣла Христина Вульпіусъ съ творческой дѣятельностью величайшаго изъ міровыхъ поэтовъ? И, тѣмъ не менѣе, ни одна страсть Гёте не отличалась такой устойчивостью и продолжительностью, какъ страсть его къ простушкѣ, умѣвшей готовить хорошіе обѣды, держать въ порядкѣ его письменный столъ, а при случаѣ пустить въ ходъ здоровые кулаки, чтобы спасти жизнь своему поэтическому, но не мускулистому мужу. То же отчасти, хотя и въ слабой формѣ, произошло и съ Шиллеромъ. Несмотря на свой крайній идеализмъ, онъ въ глубинѣ души былъ разсудительнымъ человѣкомъ и трезво смотрѣлъ на бракъ. «Въ союзѣ, заключенномъ на всю жизнь,—писалъ онъ Кернеру въ 1787 году,—не должна существовать страсть; если жена моя женщина необыкновенная, то она не дастъ мнѣ счастья или я не узнаю самого себя. Мнѣ нужно существо послушное, которое я могъ бы сдѣлать счастливымъ и которое освѣжило бы и обновило мою жизнь». Такою именно женою и могла сдѣлаться Шарлотта фонъ-Ленгефельдъ.

Жена Шиллера.

Познакомился съ нею Шиллеръ еще въ 1784 году, когда она вмѣстѣ со старшею сестрою, Каролиною, и матерью пріѣхала въ Мангеймъ. Первая встрѣча была до того кратковременна, что не могла оставить никакихъ слѣдовъ въ душѣ обоихъ молодыхъ людей. Полное знакомство завязалось только черезъ три года, когда поэтъ пріѣхалъ къ семьѣ Ленгефельдъ вмѣстѣ съ товарищемъ Вольцогеномъ, къ которому была неравнодушна старшая сестра, Каролина, и за котораго

вышла впослѣдствіи замужъ. Прекрасное, образованное и нравственное семейство произвело большое впечатлѣніе на Шиллера и онъ тотчасъ же рѣшилъ, что Шарлотта будетъ его женою. «Мнѣ, — писалъ онъ Кернеру,—необходимъ медіумъ, посредствомъ котораго я бы могъ наслаждаться другими радостями. Дружба, истина и красота еще сильнѣе подѣйствуютъ на меня, когда семейная спокойная жизнь осчастливитъ меня и согрѣетъ. До сихъ поръ я скитался по свѣту, чуждый всѣмъ; всѣ, къ кому я былъ привязанъ, имѣли существа, болѣе меня для нихъ дорогія, а этимъ я не могу удовлетвориться—я жажду спокойной семейной жизни».

Какъ отнеслась къ Шиллеру Шарлотта? Есть полное основаніе думать, что онъ не произвелъ на нее большого впечатлѣнія, такъ какъ она въ то время находилась еще подъ впечатлѣніемъ несчастной любви къ одному молодому человѣку, за котораго выйти замужъ ей нельзя было вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій. Это была тихая, милая дѣвушка, вполнѣ, вѣроятно, походившая на портретъ, нарисованный впослѣдствіи ея старшею сестрою: «У нея была прелестная фигура и пріятное лицо. Душевная доброта оживляла ея черты, а въ глазахъ свѣтились правда и невинность. Натура ея, воспріимчивая ко всему прекрасному и благородному, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, дышала гармоніею. Она умѣла отлично рисовать и глубоко понимала природу. При болѣе счастливыхъ условіяхъ она могла бы развить свой талантъ; свои возвышенныя чувства она изливала въ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ одно, написанное подъ вліяніемъ нѣжной страсти, не лишено граціи». Шиллеръ не навязывался дѣвушкѣ, въ которой не могъ не замѣтить нѣкоторой меланхоліи по поводу невозвратнаго прошлаго, но всетаки встрѣчался съ нею въ домѣ общей знакомой, а это повело къ тому, что между молодыми людьми завязалась дружба.

Опасна дружба между цвѣтущимъ юношею и переживающею свою первую весну дѣвушкою. Когда Шарлоттѣ пришлось уѣхать изъ Веймара, она дала ему альбомъ, чтобы онъ вписалъ въ него стихи, и просила пріѣхать къ нимъ лѣтомъ въ Рудольштадтъ. А черезъ нѣкоторое время, отвѣчая на письмо своего новаго друга, она писала ему простыя, но трогательныя слова: «Надежда видѣть васъ облегчаетъ мнѣ разлуку; пріѣзжайте скорѣе, будьте здоровы и думайте обо мнѣ. Я бы желала, чтобы это случалось чаще». Нечего говорить, что Шиллеръ исполнилъ свое обѣщаніе и пріѣхалъ въ Рудольштадтъ, гдѣ и поселился недалеко отъ дома любимой дѣвушки. Сколько свѣтлыхъ минутъ пережилъ въ эти дни горемыка Шиллеръ, для котораго, наконецъ, открывалась первая пристань любви послѣ долгихъ томительныхъ блужданій по взбаламученному морю страсти или напрасной погони за призракомъ счастія! Онъ видѣлся съ сестрами обыкновенно по вечерамъ, когда вмѣстѣ съ живительной прохладою въ душу прокрадывалось невольное сознаніе того, что жизнь создана для тишины и спокойствія, какъ и этотъ Рудольштадтъ съ его горами, рѣчкою и деревьями. «Когда мы,—разсказываетъ Каролина,—видѣли его, приближавшагося къ намъ, освѣщеннаго вечернею зарею, передъ нами раскрывалась какъ бы свѣтлая идеальная жизнь. Разговоръ Шиллера былъ серьезенъ, полонъ ума, въ немъ отражалась вся его открытая, чистая душа; слушая его, казалось, что какъ будто ходишь между

небесными звѣздаии и земными цвѣтами. Мы воображали себя счастливыми существами, отрѣшившимися отъ всѣхъ земныхъ узъ и въ свободной эѳирной стихіи наслаждающимися полнѣйшимъ блаженствомъ». Шиллеръ читалъ вмѣстѣ съ сестрами греческихъ поэтовъ, и Каролина объ этомъ пишетъ: «Шиллеръ читалъ намъ вечеромъ «Одиссею», и намъ казалось, что около насъ журчалъ новый жизненный источникъ». Сестры просили его перевести любимыя мѣста на нѣмецкій языкъ и Шиллеръ исполнилъ ихъ просьбу, начавъ съ Эврипида, родственнаго ему по поэтической восторженности. Слѣдствіемъ этого явилась его «Ифигенія въ Авлидѣ». Въ домѣ же сестеръ Ленгефельдъ Шиллеръ впервые познакомился съ Гёте, что считается однимъ изъ крупныхъ историческихъ моментовъ въ исторіи литературы. Словомъ, время, проведенное по сосѣдству съ будущею женою, было для Шиллера лучшими днями въ жизни.

Каролина Вольцогенъ.

Къ сожалѣнію, была минута, когда казалось, что сульба, преслѣдовавшая Шиллера въ теченіе всей жизни, совершитъ свое разрушительное дѣло и здѣсь: поэтъ влюбился въ старшую сестру — Каролину. Каролина во многихъ отношеніяхъ превосходила Лотту. Обладая пылкимъ темпераментомъ, она одной стороной характера приближалась къ «титанидѣ»—Шарлоттѣ Кальбъ, которую напоминала геніальностью натуры и страстью къ безпрерывной лихорадочной дѣятельности. Любовь поэта все вообще время носила двойственный характеръ, такъ какъ Шиллеръ не отдѣлялъ одной сестры отъ другой, выражая имъ обѣимъ свои чувства въ одинаковой формѣ. Вотъ, напримѣръ, его письмо отъ 10 сентября 1789 года: «О, моя дорогая Каролина! Моя дорогая Лотта! Все измѣнилось вокругъ меня съ тѣхъ поръ, какъ образъ вашъ сопровождаетъ каждый шагъ моей жизни. Какъ ореолъ, сіяетъ ваша любовь надо мною. Какимъ чуднымъ благоуханіемъ наполнила она для меня всю природу! Никогда еще мысль моя не была такъ смѣла и свободна, какъ теперь, потому что моя душа пріобрѣла сокровище и я не опасаюсь утратить его. Я теперь знаю, гдѣ мнѣ отыскать вѣр-

ный путь... Душа моя занята будущностью: наша жизнь началась, я пишу и чувствую, что вы со мною въ комнатѣ; ты, Каролина, сидишь за фертепіано, Лотта работаетъ подлѣ тебя, а въ зеркалѣ, висящемъ напротивъ меня, я вижу васъ обѣихъ. Я кладу перо, чтобы увѣриться по біенію вашего сердца, что вы подлѣ меня и ничто не можетъ разлучить насъ. Я просыпаюсь съ сознаніемъ, что вы здѣсь, и засыпаю съ сознаніемъ, что увижу васъ завтра. За блаженствомъ послѣдуетъ надежда на новое блаженство, за надеждою—осуществленіе, и такимъ образомъ промчится наша золотая жизнь».

Удивительно, что Лотта не ревновала: до того были чисты отношенія сестеръ къ Шиллеру, и если ее что-либо мучило, то мысль, что Каролина была бы лучше для него. Шиллеръ писалъ ей по этому поводу: «Если ты боишься, что перестанешь быть для меня тѣмъ, чѣмъ ты теперь, то это равносильно тому, если бы ты перестала меня любить. Твоя любовь составляетъ для тебя все. Величайшее счастіе нашей любви заключается въ ней самой; поэтому я для васъ никогда не утрачу значенія, какъ не утратите вы его въ моихъ глазахъ. Въ нашей любви нѣтъ ни боязни, ни недовѣрія; я радовался, живя между вами обѣими, я вѣрилъ, что моя привязанность къ одной не уменьшитъ ко мнѣ привязанности другой. Моей душѣ свѣтло и покойно между вами; ее, полную любви, привлекаетъ одинъ и тотъ же лучъ, одна и та же звѣзда. Каролина мнѣ ближе по возрасту и родственна мнѣ по чувствамъ и мыслямъ, но я ни въ какомъ случаѣ не желалъ бы, чтобы ты была другою. Чѣмъ Каролина превосходитъ тебя, тѣмъ я вознагражу тебя; твоя душа развернется подъ вліяніемъ моей любви и ты сдѣлаешься моимъ созданьемъ!». Ко всему этому нужно только прибавить, что дѣло кончилось благополучно не столько благодаря Шиллеру, сколько благодаря Каролинѣ, которая сама уступила поле борьбы сестрѣ, отказавшись отъ надеждъ на любимаго идеалиста и выйдя замужъ за нелюбимаго человѣка. Она понимала, что сестра ея будетъ лучшей женой для Шиллера, натура котораго требовала тихой созерцательности и меланхоліи, и принесла себя въ жертву.

Наконецъ, между молодыми людьми произошло объясненіе. Каролина разсказываетъ объ этомъ: «Объясненіе послѣдовало въ моментъ желанія облегчить сердце, навѣяннаго какимъ-то добрымъ геніемъ. Моя сестра призналась ему въ любви и обѣщала ему руку. Мы надѣялись, что добрая мать, спокойствіе которой было для насъ свято, будетъ не прочь отъ этого предложенія, хотя внѣшняя обстановка и возбудитъ въ ней раздумье. Но, чтобы не вводить ее въ безполезныя заботы, мы рѣшили держать дѣло въ тайнѣ до тѣхъ поръ, пока Шиллеру не будетъ назначено хотя бы маленькое содержаніе, которымъ бы онъ могъ упрочить свою жизнь въ Іенѣ». Для полнаго уразумѣнія этихъ словъ надо принять во вниманіе, что мать была противъ брака Лотты съ Шиллеромъ, у котораго не было никакихъ средствъ къ существованію, такъ какъ за свою профессуру въ университетѣ онъ не получалъ ничего. Счастье улыбнулось поэту: ему назначили жалованье въ... 200 талеровъ. Это была ничтожная сумма, но она всетаки представляла нѣчто, и бездомный поэтъ, скитавшійся долгіе годы на чужбинѣ, могъ, наконецъ, обзавестись собственнымъ угломъ. 20 февраля 1790 года Шиллеръ обвѣнчался съ Лоттою.

Для великаго поэта кончилась пора тревогъ и скитаній. Шарлотта вся отдалась мужу. Шиллеръ всегда чувствовалъ потребность имѣть около себя человѣка, который сколько-нибудь былъ бы чутокъ къ его идеямъ, и такимъ именно человѣкомъ оказалась его жена. Она подслушивала его малѣйшія желанія и водворила въ его душѣ то спокойствіе и равновѣсіе, которыя были такъ необходимы для его будущей великой поры поэтическаго расцвѣта. Когда онъ заболѣлъ грудью,—болѣзнь эта, какъ извѣстно, свела его въ могилу,—она не отходила отъ него ни на шагъ, стараясь поддерживать въ немъ душевную бодрость, а когда онъ умеръ, отдалась всѣмъ существомъ воспитанію дѣтей. Она умерла въ 1826 году, черезъ 21 годъ послѣ смерти мужа, въ объятіяхъ любимыхъ дѣтей, благословляемая родиною, которая ей, далеко не стоявшей на одномъ умственномъ уровнѣ съ мужемъ, ея благодѣтельному вліянію приписала большую часть произведеній, созданныхъ великимъ поэтомъ.

Генрихъ Гейне *).

Если кому-либо изъ величайшихъ поэтовъ міра можно было передъ смертью воскликнуть словами Фамусова: «Моя судьба ли не плачевна!», то это, конечно, Генриху Гейне. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть печальнѣе участи человѣка, который былъ пламеннымъ патріотомъ и прослылъ отщепенцемъ, ненавидящимъ свое отечество; который былъ мыслью прикованъ къ родному краю, а тѣломъ къ далекой чужбинѣ; который былъ евреемъ, несмотря на то, что онъ не любилъ еврейства; мечталъ о женщинахъ, исполненныхъ ума, энергіи, чувства, а жилъ съ гризеткою, подобранною на одномъ изъ парижскихъ бульваровъ, никогда не читавшею его произведеній и считавшею своимъ идеаломъ жизнь одалиски, лишенной труда, заботъ и думъ о будущемъ?

Вся вообще жизнь Гейне сложилась изъ противорѣчій. Писатель, владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, какъ никто послѣ Гёте, выросъ въ средѣ, въ которой говорили только по-французски, во французской части Рейнской области и послѣднія двадцать пять лѣтъ своей жизни принужденъ былъ провести во Франціи. Издѣваясь надъ романтизмомъ, онъ былъ самъ наполовину романтикомъ. Онъ всей душой тяготѣлъ къ мирной жизни подъ мирными небесами и велъ бурное существованіе въ постоянной борьбѣ съ своими политическими и литературными врагами, находясь въ самомъ очагѣ европейскихъ тревогъ—въ Парижѣ. Пѣвецъ униженныхъ и оскорбленныхъ, мечтая о счастливомъ времени, когда люди будутъ сидѣть за однимъ столомъ всеобщаго довольства, когда не будетъ ни плачущаго горя, ни равнодушной тоски, ни продажнаго патріотизма, онъ всю жизнь самъ горевалъ, самъ томился безысходной тоской, заглушая душевныя пытки раскатами язвительнаго смѣха, въ которомъ, однако, ясно чувствовались невидимыя міру слезы. Нако-

*) Heinrich Heines Sämtliche Werke mit Einleitungen von Wilhelm Bölsche.—*Baron von-Emlden*: «Heinrich Heines Familienleben». 1895.—*Adolph Kohut*: «Heinrich Heine und die Frauen». 1888.—«Воспоминаніе г-жи Жоберъ о Гейне» (И. В., 1881, 8).—*Бэрту*. «Десять лѣтъ жизни Гейне» (Загр. В. 1884, 12).—*Ведекиндъ*. «Студенческіе годы Гейне» (И. В. 1880, 7).—*Грэнье*. «Изъ литературныхъ воспоминаній I. Генрихъ Гейне». (Р. Б. 1893, 1).—*Пименова*. «Гейне въ семейной жизни» (М. Б., 1893, 2 .—*Л. Полонскій*. «Гейне въ Парижѣ» (В. Е., 1896, 9), 11.—*Его же*. «Генрихъ Гейне и его жизнь» (В. Е., 1868, 9).—«Старое и новое о Гейне» (В. И. Л., 1888, 1).

нецъ, когда онъ умеръ, о несчастномъ поэтѣ никто почти не вспомнилъ въ Германіи, еще недавно наполненной шумомъ его имени, а за печальной колесницей его шли нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ половина состояла изъ газетныхъ репортеровъ, обязанныхъ по долгу службы присутствовать на похоронахъ всякихъ вообще знаменитыхъ людей.

Противорѣчіе это, какъ мы сейчасъ увидимъ, проходило красной нитью также и по семейной жизни поэта: Гейне провелъ много лѣтъ съ женщиною, которая не только уступала ему по широтѣ умственнаго кругозора (на примѣрѣ Шиллера и Гёте мы выдѣли, что въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго), но вовсе не имѣла его, никогда не читала гейневскихъ произведеній и такъ таки до конца дней своихъ не могла понять, за что считаютъ ея мужа великимъ человѣкомъ. Даже мать и сестра не составляли исключенія; поэтъ, который въ своихъ язвительныхъ стихахъ не щадилъ никого, не исключая лучшихъ друзей и подругъ, и во всемъ находилъ удобную тему для язвительной насмѣшки, подходилъ къ матери или сестрѣ съ чувствомъ глубокаго уваженія, съ дѣтской боязнью, съ братской нѣжностью, съ любовью, граничившей съ обожаніемъ.

Мать Гейне.

Что Бетти Гейне, мать великаго поэта, имѣла благодѣтельное вліяніе на поэта—фактъ слишкомъ извѣстный, чтобы о немъ нужно было распространяться. Она принадлежала къ славному созвѣздію матерей, имена которыхъ отмѣчены исторіею, какъ свѣточи на жизненномъ пути вскормленныхъ ими великихъ людей. Получивъ превосходное воспитаніе, владѣя въ совершенствѣ французскимъ и англійскимъ языками, она съ самаго начала явилась превосходною руководительницею сына, который ей именно обязанъ раннимъ развитіемъ и любовью къ литературѣ. Свободная отъ предразсудковъ, она и сыну внушила свободолюбивый образъ мыслей, и это было ей тѣмъ болѣе легко, что она сама была на первыхъ порахъ его учительницею. Гейне былъ живой ребенокъ и ей стоило не мало труда держать его въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ добрыми нравами или приличіемъ. Извѣстенъ анекдотъ изъ дѣтскихъ лѣтъ Гейне. Мать поэта учила своихъ дѣтей, что, будучи въ гостяхъ, никогда не слѣдуетъ съѣдать всего, подаваемаго въ тарелкахъ, а непремѣнно нужно что-нибудь оставить. Это что-нибудь носило даже особое названіе: «приличіе». Точно также она слѣдила за тѣмъ, чтобы дѣти ея не набрасывались въ гостяхъ на сахаръ, подаваемый къ кофе, и чтобы и тутъ они оставляли кое-что, т. е. опять «приличіе». Однажды мать со всею семьею пила за городомъ кофе. Когда всѣ вышли изъ сада, семилѣтній братъ Гейне, Максимиліанъ, замѣтилъ, что въ чашкѣ остался большой кусокъ сахара. Думая, что его никто не видитъ, онъ быстро вынулъ его и положилъ въ ротъ. Но Генрихъ видѣлъ и въ сильнѣйшемъ страхѣ бросился къ матери со словами: «Мама, подумай, Максъ съѣлъ приличіе!». Максъ былъ наказанъ и потомъ уже никогда не лакомился «приличіемъ».

Мать Гейне была очень музыкальна и учила сына на скрипкѣ. Но Генрихъ не особенно любилъ это искусство, тѣмъ болѣе, что учителемъ его оказался человѣкъ далеко не добросовѣстный, чаще забавлявшій ученика своею игрою вмѣсто того, чтобы заставлять его самого играть. Зато правильно шло ученіе поэта, на которое мать обращала

особое вниманіе. Еще совсѣмъ молоденькою дѣвушкою она должна была читать отцу латинскія диссертаціи, причемъ приводила иногда его въ недоумѣніе своими вопросами. Немудрено, что, сдѣлавшись матерью, она все вниманіе обратила на развитіе умственныхъ способностей дѣтей. Она же замѣтила въ немъ любовь къ поэзіи и всячески старалась разжечь въ его душѣ божественную искру. Оттого-то впослѣдствіи, уже будучи великимъ поэтомъ, Гейне такъ часто возвращался въ минуты вдохновенія къ милому образу матери, посвящая ему лучшія минуты своихъ душевныхъ восторговъ и въ немъ отыскивая опору для примиренія съ невзгодами неустойчиваго страдальческаго существованія. Какою, напримѣръ, грустью и радостью въ одно и то же время вѣетъ отъ удивительнаго его стихотворенія «Въ Германіи», въ которомъ поэтъ описываетъ восторгъ матери при возвращеніи сына съ чужбины,—грустью по поводу печальной жизни и радостью по поводу встрѣчи съ родимою, однимъ своимъ присутствіемъ способной разогнать эту грусть.

Мы изъ Гарбурга въ Гамбургъ доѣхали въ часъ;
Былъ ужь вечеръ; привѣтливо-ярко
Улыбались мнѣ звѣзды, и было тогда
Мнѣ не холодно, но и не жарко.
И когда я пріѣхалъ къ мамашѣ, она
Испугалась, какъ только взглянула
На меня, и вскричала: „Дитя мое! Ахъ!“
И въ восторгѣ руками всплеснула.
„О, дитя мое, ты ли? Тринадцать вѣдь лѣтъ
Прожила я въ разлукѣ съ тобою!
Ужь навѣрно ты голоденъ? Хочется ѣсть?
Говори откровенно со мною!
У меня есть и рыба, и жареный гусь,
И прекрасные есть апельсины“.
— Дай и рыбу, и гуся, мама,
Хороши ли твои апельсины?—
И когда я съ большимъ аппетитомъ все ѣлъ,
Мать была весела и счастлива,
Предлагала вопросъ за вопросомъ—и всѣ
Они были весьма щекотливы:
„О, дитя мое милое, кто о тебѣ
На чужой-то сторонкѣ радѣетъ?
Хорошо ли хозяйство идетъ у жены?
Чай, заштопать чулокъ не умѣетъ!“
— Хороша твоя рыба, мама, но ее
Нужно кушать весьма осторожно;
Ты теперь не должна мнѣ мѣшать, а не то—
Подавиться вѣдь очень возможно.—
А когда я всю рыбу поѣлъ, принесенъ
Былъ мнѣ жареный гусь съ черносливомъ;
А мама, между тѣмъ, обратилась ко мнѣ
Вновь съ вопросомъ весьма щекотливымъ:
„Ну, дитя мое милое, гдѣ тебѣ здѣсь
Иль въ Парижѣ жилося привольнѣй?
Какъ, по твоему мнѣнью, которымъ, скажи,
Ты остался народомъ довольнѣй?“
— Вотъ нѣмецкіе гуси, мама, хороши,
А французы—тѣ ихъ начиняютъ
Несравненно искуснѣе насъ и къ тому жь—
Что за соусы къ нимъ сочиняютъ!—
Я откланялся гусю и отдалъ тогда
Своего уваженія дань я

Апельсинамъ—и сладки какъ были они!
Превзошли всѣ мои ожиданья.
Но мама мнѣ опять предложила вопросъ—
И совсѣмъ ужь, совсѣмъ ужь напрасно,
Потому что теперь о подобныхъ вещахъ
Говорить чрезвычайно опасно:
„Ну, дитя мое милое, каковы
Нынче стали твои убѣжденья?
Ты политику, видно, не бросилъ! Скажи,
Съ кѣмъ теперь твои сходятся мнѣнья?“
— Апельсины, мама, хороши, но у нихъ
Сѣмена отвратительно горьки.
Сладкій сокъ я сосу, но привыкнулъ всегда
Я къ сторонкѣ откладывать корки *).

Сестра Гейне.

Другимъ существомъ, внесшимъ свѣтъ и радость въ скорбную душу поэта, была сестра его Шарлотта Гейне. Это была вѣрная подруга его молодости. Съ нею онъ дѣлился первыми впечатлѣніями, ей ввѣрялъ свои тайны и читалъ стихотворные опыты—первый лепетъ будущаго великаго художника слова. Какъ любилъ ее поэтъ еще ребенкомъ, видно изъ слѣдующаго случая. Однажды рано утромъ, когда всѣ еще спали, Генрихъ и Шарлотта играли въ риѳмы. Шарлоттѣ эта игра была не по плечу и она ему сказала: «На риѳмы ты мастеръ, но я очень туга. Устроимъ лучше башню». Сказано—сдѣлано. Собраны были ящики и нагромождены одинъ на другой. Башня уже была вышиною въ десять футовъ, но дѣти продолжали работу. Вдругъ Шарлотта упала въ верхній ящикъ, разорвавъ себѣ при этомъ платье. Не будучи въ состояніи выкарабкаться, такъ какъ ящикъ былъ выше ея, она стала въ немъ возиться и едва не поплатилась жизнью, такъ какъ башня наклонилась и вотъ-вотъ грозила упасть. Генрихъ поднялъ отчаянный крикъ. Сбѣжались люди и не сразу могли понять, въ чемъ дѣло. Вдругъ изъ ящика раздается знакомый голосокъ: «Не бойся, я еще жива, но платье разорвала!». Когда бѣдняжку вынули изъ ящика, Гейне бросился ей на шею и долго не могъ придти въ себя отъ радости.

Поэтическія наклонности Гейне пробудились еще тогда, когда ему было десять лѣтъ, и этимъ онъ исключительно обязанъ сестрѣ. Она воспитывалась въ одномъ монастырѣ, т. е. ходила туда учиться. Школою завѣдывали монахини, но въ ней преподавали лучшіе учителя города (дѣло происходило въ Дюссельдорфѣ). Однажды учитель Б. разсказалъ своимъ ученицамъ исторію, которую онѣ должны были изложить своими словами дома. Долго билась дѣвочка, но не могла вспомнить содержаніе разсказа.

— Что случилось?—спросилъ ее братъ, увидѣвъ сестру со слезами на глазахъ.

Сестра разсказала.

— Успокойся,—отвѣтилъ Генрихъ.—Вспомни только, о чемъ шло дѣло, а ужь остальное предоставь мнѣ.

Черезъ часъ онъ принесъ сестрѣ тетрадь. Счастливая Шарлотта тотчасъ положила ее въ свою корзинку, даже не взглянувъ на исписанныя страницы, и на слѣдующій день торжественно понесла въ школу. Черезъ нѣсколько дней, когда учитель вернулся съ тетрадями

*) Пер. В. Костомарова.

ученицъ, Шарлотта сіяла отъ радости, увѣренная, что ее похвалятъ. Но учитель не только не похвалилъ, но строго спросилъ:

— Кто это писалъ?

— Я!—безъ запинки отвѣтила Лотта.

— Никакихъ выговоровъ или упрековъ я не сдѣлаю, скажи только, кто писалъ,—продолжалъ учитель.

Волей-неволей пришлось назвать автора. При этой сценѣ присутствовали два другихъ учителя и Б. прочиталъ имъ работу. Это была необыкновенная исторія съ привидѣніями, написанная такими мрачными красками, что дѣвочка, услыхавъ, каково ея «сочиненіе», начала плакать отъ страха. Ея примѣру послѣдовали другія ученицы. Учитель Б. посѣтилъ послѣ этого мать Гейне и поздравилъ ее съ талантливымъ сыномъ, который такъ легко написалъ превосходную вещь. Позвали мальчика, но онъ остался равнодушенъ къ похваламъ, считая свою работу простымъ дѣломъ. Учитель хотѣлъ оставить у себя рукопись, но ему дали копію. Эта рукопись тщательно сохранялась матерью и сестрою Гейне, но сгорѣла во время пожара. Мать потомъ со слезами на глазахъ разсказывала объ этомъ случаѣ, говоря, что ей не жаль брилліантовъ, жемчуга, старинныхъ кружевъ, серебра и другихъ драгоцѣнностей, погибшихъ въ огнѣ, но жаль рукописи сына.

Слава Гейне бросала свѣтъ также и на его сестру. Однажды, послѣ появленія «Путевыхъ картинъ»(въ 1826 г.), Шарлотта предприняла путешествіе по Германіи, и дочь ея съ гордостью разсказываетъ, какъ вездѣ и повсюду ей приходилось слышать разговоры о книгѣ Гейне. У Шарлотты было рекомендательное письмо къ министру финансовъ К. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, который принялъ ее съ большимъ почетомъ и представилъ семьѣ Ротшильда въ качествѣ «сестры Гейне». Однихъ этихъ двухъ словъ было достаточно, чтобы Шарлотту встрѣчали вездѣ радушно. Она сразу же сдѣлалась душою общества. Въ ея честь былъ даже данъ большой обѣдъ, причемъ гостямъ ее представили опять-таки въ качествѣ «сестры Гейне» безъ упоминанія ея настоящаго имени. На слѣдующій день собралось большое общество у Ротшильда. Шарлотта нѣсколько опоздала, такъ какъ ее задержали въ другомъ мѣстѣ, и когда она явилась, слуги поспѣшно бросились къ ней навстрѣчу, одинъ снялъ мантилью, другой—капотъ, а третій, не спрашивая ея имени, широко раскрылъ дверь въ залъ и громовымъ голосомъ произнесъ: «Сестра Гейне!»

Дружный взрывъ хохота былъ отвѣтомъ на эти слова. Можно себѣ представить неловкое положеніе Ротшильда. Шарлотта нашлась: она начала смѣяться вмѣстѣ съ гостями, и все сошло какъ нельзя лучше.

Впослѣдствіи, когда Гейне живымъ трупомъ томился на своей постели въ Парижѣ, Шарлотта не разъ услаждала своимъ присутствіемъ горькія минуты его восьмилѣтней агоніи.

«Маленькая Вероника».

Таковы были отношенія Гейне къ матери и сестрѣ, отношенія, находившіяся, какъ сказано, въ полномъ противорѣчіи съ его язвительнымъ умомъ, для котораго, казалось бы, не было ничего, что нельзя было бы осмѣять и отвергнуть. Такое же противорѣчіе бросается въ глаза и при обзорѣ его сердечныхъ влеченій, начавшихся, какъ у всѣхъ вообще поэтовъ, еще въ раннемъ возрастѣ. Такъ, уже первая любовь, о которой онъ до

послѣднихъ дней сохранилъ самое свѣтлое воспоминаніе, внесла только горе въ сердце поэта, всегда открытое для радостей жизни. Кто была «маленькая Вероника», о которой Гейне съ такой нѣжностью вспоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ, осталось тайною до сихъ поръ. Извѣстно только, что она, не расцвѣтши, отцвѣла въ утрѣ пасмурныхъ дней. Онъ увѣковѣчилъ ея память въ «Путевыхъ картинахъ» и другихъ сочиненіяхъ. «Вы врядъ ли сумѣете себѣ представить,—писалъ онъ,—какъ красиво выглядѣла маленькая Вероника въ маленькомъ гробу. Стоявшія кругомъ зажженныя свѣчи бросали мерцаніе на блѣдное улыбавшееся личико, на розы изъ краснаго шелка и шумѣвшую золотую мишуру, которыми были убраны головка и бѣлый маленькій саванъ. Благочестивая Урсула повела меня вечеромъ въ тихую комнату, и когда я увидѣлъ на столѣ маленькій трупъ со свѣчами и цвѣтами, мнѣ сначала показалось, что это красивый образъ изъ воска; но я сейчасъ же узналъ милое личико и со смѣхомъ сказалъ: « Почему маленькая Вероника такъ тиха?», а Урсула отвѣтила: «Такою дѣлаетъ смерть»... Какъ только благочестивая Урсула сказала: «Такою дѣлаетъ смерть», я началъ ходить взадъ и впередъ одинъ съ серьезнымъ лицомъ по большой картинной галереѣ. Картины мнѣ уже не нравились такъ, какъ раньше. Мнѣ казалось, что онѣ какъ будто поблѣднѣли».

Смерть любимой дѣвушки произвела глубокое впечатлѣніе на поэта, только вступавшаго въ юношескій возрастъ. Когда появилась его книга «Le Grand» (1827 г.), уже десять лѣтъ протекло со дня печальнаго событія, а душа его все еще окутывалась меланхолическимъ настроеніемъ при воспоминаніи «о маленькой Вероникѣ» и напрасно старался онъ заглушить эту «зубную боль въ сердцѣ» суровою ироніею надъ самимъ собою. «Горе, какъ червь, грызло мое сердце,—писалъ онъ позднѣе.—Я принесъ это горе съ собою на свѣтъ Божій. Оно лежало вмѣстѣ со мною въ колыбели, и когда мать меня качала, она качала также и его, и когда она меня убаюкивала, оно засыпало вмѣстѣ со мною и просыпалось, какъ только я открывалъ глаза. Когда я подросъ, подросло также и горе и сдѣлалось, наконецъ, совсѣмъ большимъ и разорвало мое... Но будемъ говорить о другихъ вещахъ, о вѣнчальномъ вѣнкѣ, маскарадахъ, о веселье и свадебныхъ радостяхъ—тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля».

Уже стоя одною ногою въ могилѣ, Гейне не разъ вспоминалъ поэтическій образъ дѣвушки, явившейся передъ его очарованными глазами на зарѣ юности, когда страсти еще спали, но сердце уже начинало требовать любви и ласки. Такъ, по словамъ Каролины Жоберъ, подруги Гейне, издавшей впослѣдствіи свои воспоминанія, великій поэтъ сказалъ ей однажды: «Когда мы взошли на гору, ребенокъ игралъ цвѣткомъ, который держалъ въ рукахъ. Это была вѣтка резеды. Вдругъ она поднесла его къ губамъ и передала мнѣ. Когда я черезъ годъ пріѣхалъ на каникулы, маленькая Вероника была уже мертва. И съ тѣхъ поръ, несмотря на всѣ колебанія моего сердца, воспоминаніе о ней во мнѣ живо. Почему? Какъ? Не странно ли это, не таинственно ли? Вспоминая по временамъ объ этомъ происшествіи, я испытываю горькое чувство, какъ при воспоминаніи о большомъ несчастіи».

Съ тѣхъ поръ резеда часто стала занимать мѣсто въ произведеніяхъ Гейне.

Гейне и гимназистка А.

Но если «маленькая Вероника» была резедою, то дюссельдорфская красавица А., съ которою Гейне встрѣтился еще въ то время, когда она училась въ гимназіи, была настоящею розою. Братъ поэта, Максимиліанъ Гейне, разсказываетъ любопытный случай, относящійся къ этой ранней страсти. Во время пребыванія поэта въ гимназіи ему однажды поручили прочесть стихотвореніе Шиллера «Пловецъ» на публичномъ актѣ. Тогда Гейне былъ влюбленъ въ гимназистку А., удивительно красивую, стройную дѣвушку съ длинными бѣлокурыми локонами. Залъ былъ биткомъ набитъ. Въ первомъ ряду креселъ сидѣлъ инспекторъ съ помощникомъ, а посреди нихъ стояло свободное позолоченное кресло, предназначенное для предсѣдателя апелляціоннаго суда, отца дѣвушки. Предсѣдатель пришелъ поздно, и такъ какъ мѣста для дочери не было, то ее усадили въ позолоченномъ креслѣ. Гейне тѣмъ временемъ вдохновенно декламировалъ стихи Шиллера. Дойдя до стиха: «И дочери милой король подмигнулъ», онъ случайно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ стояло позолоченное кресло, и увидѣлъ на немъ обожаемую дѣвушку. Онъ остановился. Три раза повторилъ онъ: «И дочери милой король подмигнулъ», но дальше не могъ пойти. Учителя начали ему подсказывать, но тщетно. Раскрывъ широко глаза, онъ неподвижно уставился въ неожиданное видѣніе и вдругъ упалъ въ обморокъ. Никто въ залѣ не зналъ причины. Родители подбѣжали. «Это, навѣрно, отъ жары», сказалъ имъ инспекторъ, и велѣлъ открыть окно. Вскорѣ и эта дѣвушка умерла, промчавшись мимолетной тѣнью передъ вдохновеннымъ, но отравленнымъ уже житейскими невзгодами взоромъ поэта.

Гейне и „Красная Зефхенъ“.

Мудрено ли, что послѣ двухъ неудачныхъ страстей, пережитыхъ какъ разъ въ самомъ началѣ расцвѣта сердечной жизни, Гейне сталъ погружаться въ тихую меланхолію и искать утѣшенія въ романтическихъ грезахъ, окрашенныхъ мрачными цвѣтами фантазіи? Чтеніе книгъ, въ которыхъ изображались страшныя картины или привидѣнія, сдѣлалось его любимымъ занятіемъ. Этотъ романтикъ, которому суждено было нанести смертельный ударъ романтизму, съ удовольствіемъ останавливался на мрачныхъ сторонахъ жизни, и чѣмъ суровѣе была исторія, тѣмъ больше интересовала она его. Въ эту именно пору жизни поэтъ влюбился въ дочь палача. Звалъ онъ ее «Красною Зефхенъ». Гейне великолѣпно описалъ свой маленькій романъ въ «Мемуарахъ». Ему было въ то время около 16 лѣтъ, ей столько же. Высокаго роста, съ тонкою таліею, она обладала парою темныхъ глазъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто они задали загадку и ждутъ отвѣта, въ то время какъ ротъ съ тонкими губами и бѣлыми, хотя нѣсколько длинными зубами какъ бы говорилъ: «Ты глупъ и никогда не разгадаешь». Волосы у нея были красные — не рыжіе, а именно красные, какъ кровь, и висѣли длинными локонами ниже плечъ, такъ что она могла ихъ завязать подъ подбородкомъ. Получалось впечатлѣніе, какъ будто ей перерѣзали горло и оттуда красными потоками льется багровая кровь. Гейне чувствовалъ къ этой дѣвушкѣ сильное влеченіе и признается, что она именно пробудила въ немъ любовь къ народной поэзіи, такъ какъ знала много народныхъ пѣсенъ и вообще вліяла благопріятно на развитіе его поэтическаго таланта. Вотъ почему написанныя имъ вскорѣ послѣ того «TraumBilder» носятъ такой мрачный колоритъ.

Среди многочисленныхъ пѣсенъ Іозефы (такъ звали дочь палача) была одна, въ которой были такіе стихи: «Отилія, моя милая Отилія, ты, конечно, не будешь послѣднею, скажи, хочешь ли ты висѣть на высокомъ деревѣ? Или ты хочешь плавать въ синемъ морѣ? Или хочешь цѣловать обнаженный мечъ, который судилъ Богъ?». На это Отилія отвѣчаетъ: «Не хочу висѣть на высокомъ деревѣ, не хочу плавать въ синемъ морѣ, хочу цѣловать обнаженный мечъ, который судилъ Богъ». Когда Іозефа однажды пѣла эту пѣсню и, подойдя къ послѣдней строфѣ, обнаружила внутреннее волненіе, Гейне былъ до того потрясенъ, что вдругъ расплакался, и, бросившись другъ другу въ объятія, они долго оставались такъ со слезами на глазахъ.

Гейне и дочь палача, проливающая горькія слезы въ его объятіяхъ! До такого диссонанса могъ дойти только одинъ авторъ «Книги пѣсенъ», вся жизнь котораго представляла одну сплошную цѣпь диссонансовъ и противорѣчій.

Рахиль фонъ-Фарнгагенъ и баронесса фонъ-Гогенгаузенъ.

Одинъ или почти одинъ разъ Гейне могъ считать себя не въ разладѣ съ окружавшею обстановкою; одинъ разъ ему можно было смѣло, не насилуя своей совѣсти, сказать, что онъ встрѣтилъ, наконецъ, женщину, которая достойна стать съ нимъ рядомъ; но эта женщина была для него скорѣе идеею, чѣмъ женщиною. Мы говоримъ о знаменитой Рахили фонъ-Фарнгагенъ, сыгравшей не малую роль въ исторіи германской цивилизаціи.

Рахиль фонъ-Фарнгагенъ.

О любви, о страсти тутъ не могло быть и рѣчи. Рахиль была замужемъ, любила мужа и область нѣжнаго, но преступнаго воздыхательства или хотя бы безгрѣшнаго флирта была ей совершенно чужда. Зато въ области благотворнаго вліянія на поэтическое творчество Гейне женщинѣ этой приходится отвести первое, если не единственное мѣсто. У нея былъ литературный салонъ. Въ этомъ салонѣ, гдѣ собирались лучшіе умы того времени, высоко стоялъ культъ Гёте, но и молодыя силы находили въ немъ толчекъ для дальнѣйшаго развитія своего таланта. Гейне былъ еще молодъ, когда впервые посѣтилъ салонъ геніальной женщины, и нисколько не удивительно, что онъ тотчасъ проникся благоговѣніемъ къ ней. «О чемъ только ни упоминала она въ теченіе часа бесѣды!—восклицаетъ о ней одинъ изъ ея современниковъ.—Все, что она говорила, носило характеръ афоризмовъ, было рѣшительно, огненно и не допускало никакихъ противорѣчій. У нея были оживленные жесты и быстрая рѣчь. Говорилось обо всемъ,

что волновало умы въ области искусства и литературы». Она именно вмѣстѣ съ мужемъ, извѣстнымъ писателемъ, ученымъ и дипломатомъ, обратила большое вниманіе на поэтическій талантъ, указывала на его недостатки, хвалила достоинства. Гейне часто говорилъ въ своихъ письмахъ, что никто не понимаетъ его такъ глубоко, какъ Рахиль. Послѣ отъѣзда изъ Берлина онъ находился въ оживленной перепискѣ съ нею, что для него служило неизсякаемымъ источникомъ удовольствія, какъ можно видѣть изъ одного его письма къ мужу Рахили: «Когда я читалъ ея письмо, мнѣ показалось, какъ будто я всталъ во снѣ, не просыпаясь, и началъ передъ зеркаломъ разговаривать самъ съ собою, причемъ по временамъ немного хвастался... Г-жѣ Фарнгагенъ мнѣ писать совсѣмъ нечего. Ей извѣстно все, что я могъ бы ей сказать, извѣстно, что я чувствую, думаю и чего не думаю».

Съ Рахилью Фарнгагенъ соединила еще поэта общая романтическая тоска по поводу того, что они родились въ еврействѣ, между тѣмъ какъ еврейство противорѣчило всему складу ихъ души и характеру. Онъ посвятилъ ей свое «Возвращеніе домой», появившееся первоначально въ «Путевыхъ картинахъ», и писалъ въ то время Фарнгагену, что этимъ посвященіемъ хотѣлъ выразить, что принадлежитъ ей: «Пусть на моемъ ошейникѣ стоитъ: «J'appartiens à madame Varnhagen». Когда она умерла, онъ рѣшилъ написать ея біографію, хотя и не исполнилъ своего намѣренія по разнымъ причинамъ. Полную дань уваженія Гейне отдалъ ея памяти въ предисловіи ко второму изданію его «Книги пѣсенъ», въ которомъ говоритъ: «Возвращеніе домой» посвящено покойной Фарнгагенъ фонъ-Энзе, и я долженъ похвалить себя за то, что первый публично почтилъ эту великую женщину. Со стороны Августа Фарнгагена было большимъ дѣломъ то, что онъ, отложивъ всякія сомнѣнія въ сторону, опубликовалъ письма, въ которыхъ обнаруживается вся личность Рахили. Книга эта вышла какъ разъ въ такое время, когда больше всего могла подѣйствовать, утѣшить и укрѣпить. Она вышла въ такое время, которое нуждалось въ утѣшеніи. Рахиль какъ будто знала, какое посмертное посланіе суждено ей сдѣлать. Она думала, конечно, что оно будетъ лучше, и ждала, но когда ожиданіе не прекращалось, она нетерпѣливо покачала головою и, посмотрѣвъ на Фарнгагена, умерла, чтобы тѣмъ скорѣе можно было воскреснуть. Она напоминаетъ мнѣ сказаніе о другой Рахили, которая вышла изъ гроба и, стоя на дорогѣ, плакала, когда дѣти ея шли въ рабство. Не могу безъ унынія вспомнить о любвеобильной подругѣ, которая всегда относилась ко мнѣ съ неутомимѣйшимъ участіемъ и часто не мало тревожилась обо мнѣ въ ту пору моей юношеской надменности, когда огонь истины меня скорѣе разжигалъ, чѣмъ озарялъ».

Къ характеру отношеній между Гейне и Рахилью подходили его отношенія къ баронессѣ Гогенгаузенъ. Ея вліяніе на поэта было тѣмъ болѣе велико, что она сама занимала мѣсто среди пишущей братіи и даже писала стихи. Между прочимъ, она познакомила Гейне съ произведеніями Байрона, тогда только впервые переведенными на нѣмецкій языкъ. Въ салонѣ Гогенгаузенъ, въ которомъ также собирались знаменитости того времени, его также сравнивали съ великимъ англійскимъ поэтомъ. Первое время это ему нравилось, къ тому же онъ всегда любилъ Байрона, какъ свидѣтельствуютъ сдѣланные имъ переводы нѣко-

торыхъ произведеній британскаго скептика и протестанта. Впослѣдствіи онъ окончательно порвалъ съ байроновскимъ направленіемъ, но сохранилъ къ произведеніямъ поэта то же чувство любви и удивленія, а къ баронессѣ благодарность за данный ею толчекъ къ ознакомленію съ ними. Почти до послѣднихъ дней онъ находился съ нею въ перепискѣ и она же посѣтила однажды его въ Парижѣ, когда ея другъ уже лежалъ прикованный къ постели и когда встрѣча съ желаннымъ другомъ могла служить временнымъ успокоеніемъ для его неизлечимыхъ ранъ.

Жена Гейне.

Мы пройдемъ мимо цѣлой галереи женскихъ головокъ, такъ или иначе останавливавшихъ на себѣ вниманіе Гейне во время его скорбныхъ блужданій по міру въ поискахъ за неизвѣданнымъ, но неуловимымъ душевнымъ спокойствіемъ. Однѣ изъ нихъ сами останавливались на его жизненномъ пути, сами посылали ему заискивающія улыбки, стараясь позаимствовать отъ него свѣта для своего никому неизвѣстнаго существованія; другихъ онъ останавливалъ самъ, поддаваясь невольно вліянію красоты, пламеннымъ поклонникомъ которой онъ остался до конца жизни и во имя которой, какъ извѣстно, незадолго до смерти велѣлъ отнести себя, разбитаго, неподвижнаго, почти умирающаго, въ Лувръ, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться божественной красотой Венеры Милосской. Какъ во всемъ, и здѣсь, несмотря на всю видимость успѣха, противорѣчіе между идеаломъ и дѣйствительностью вливало безпрерывно ядъ въ чувствительную душу поэта. Дамы посѣщали его безпрерывно, но онъ не всегда отдыхалъ сердцемъ въ ихъ присутствіи. Извѣстенъ слѣдующій анекдотъ, относящійся къ этой сторонѣ его жизни. Когда Морицъ Гартманъ, извѣстный любимецъ дамъ, привелъ къ Гейне какого-то друга, поэтъ ему уныло сказалъ:

Элиза фонъ-Гогенгаузенъ.

— Меня сегодня посѣтила уже одна дама, дорогой Гартманъ.

— Кому это пришло въ голову тебя тревожить?—спросилъ Гартманъ съ участіемъ.

— Единственной дамѣ, которая тебя еще не посѣтила,—отвѣтилъ Гейне.

— Кто же это?

— Муза, мой милый.

Полнымъ противорѣчіемъ между идейной и реальной жизнью

Гейне являются его отношенія къ Матильдѣ, сдѣлавшейся впослѣдствіи его женою. Эти отношенія были открыты друзьями поэта въ 1836 году, когда между нимъ и его возлюбленной произошла крупная ссора, едва не кончившаяся разрывомъ. Пылкій, увлекающійся Гейне не могъ скрыть своего душевнаго недуга и всѣмъ началъ разсказывать о своемъ горѣ. Друзья утѣшали его кто шуткою, кто серьезно; но поэтъ дѣйствительно страдалъ, что свидѣтельствовало объ искренной любви. Напрасно ему припоминали его же собственное стихотвореніе: «Мотылекъ не спрашиваетъ у розы: лобзалъ ли кто тебя? И роза не спрашиваетъ у мотылька: увивался ли ты около другой розы?». Поэтъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не произошло примиренія съ любимою дѣвушкою.

При такой пламенности чувства можно было бы думать, что женщина, его вызвавшая, обладала, кромѣ красоты, также и высокими умственными качествами. Увы, это была бы ошибка. Матильда была простая крестьянка, до того простая, что въ сравненіи съ нею Христина Вульпіусъ, возлюбленная, а затѣмъ жена Гёте, могла считаться образованнѣйшею женщиною. До пятнадцати лѣтъ она росла въ деревнѣ, а потомъ поѣхала въ Парижъ къ своей теткѣ, башмачницѣ, гдѣ ее и встрѣтилъ Гейне. Она была до того необразована, что даже не умѣла читать, и до того тупа, что во всю жизнь не могла научиться сколько-нибудь по-нѣмецки, чтобы прочитать произведенія своего мужа. Такъ она и умерла, не прочитавъ ни одного стихотворенія Гейне, хотя послѣднія переводились на французскій языкъ и выходили отдѣльными книгами.

Чтобы поднять умственный уровень дѣвушки, съ которою онъ вступилъ въ близкую связь, а затѣмъ женился, Гейне помѣстилъ ее въ пансіонъ для молодыхъ дѣвицъ, но и пансіонъ не привилъ ей любви къ знанію и ничему не научилъ. Она даже не знала, что такое поэтъ, и однажды въ простотѣ души сказала: «Говорятъ, что Henri умный человѣкъ и написалъ много чудныхъ книгъ, и я должна этому вѣрить наслово, хотя сама ничего не замѣчаю». Но если Матильда была невѣжественна, то обладала зато веселымъ характеромъ, истинно французской бойкостью, была добра, вѣрна и предана мужу до самозабвенія. По временамъ, правда, она показывала когти, такъ какъ была вспыльчива, за что Гейне и называлъ ее Везувіемъ; но вспышки проходили быстро, не оставивъ никакого слѣда. Шесть лѣтъ прожилъ съ нею Гейне внѣ брака и, наконецъ, женился. Г-жа Жоберъ, близко знавшая поэта, разсказываетъ, что Гейне выставлялъ свою женитьбу на Матильдѣ дѣломъ совѣсти: ему нужно было драться на дуэли и онъ долженъ былъ подумать о судьбѣ своей малютки. Дуэль была даже отложена для этой цѣли. «Гейне,—продолжаетъ Жоберъ,—разсказывалъ мнѣ эту исторію съ нѣкоторымъ смущеніемъ, которымъ замѣнилась его обычная развязность. Впрочемъ, гдѣ тотъ человѣкъ, который сообщалъ бы объ утратѣ своей свободы совершенно спокойно? Я не разспрашивала его о подробностяхъ, не выразила ни малѣйшаго удивленія и, смѣясь, спросила только позволенія сообщить объ этомъ событіи Россини, которому оно доставитъ большое удовольствіе.

«— Почему?—озабоченно спросилъ Гейне.

«— По духу товарищества, вѣроятно. Онъ любитъ, когда въ его полку прибываетъ знаменитыхъ людей.

«— Если такъ,—возразилъ Гейне, собравшись уже съ духомъ,—то вы можете прибавить, что, подобно ему, я являюсь теперь жертвою треволненій супружеской жизни. Если онъ будетъ писать музыку на эти темы, то я могу сочинить либретто. Скажите ему, что счастіе мое родилось подъ дуломъ пистолета».

Поэтъ отпраздновалъ свою свадьбу удивительнымъ образомъ: онъ пригласилъ только тѣхъ друзей, которые жили въ свободномъ бракѣ и которымъ хотѣлъ дать достойный примѣръ. Съ самымъ серьезнымъ видомъ умолялъ онъ ихъ жениться на своихъ возлюбленныхъ. Черезъ два дня онъ составилъ завѣщаніе, въ которомъ единственной своей наслѣдницей назначилъ Матильду.

Матильда Гейне, жена поэта.

Матильда Мира была хорошенькая брюнетка, довольно высокаго роста, съ блестящими глазами низкимъ лбомъ, обрамленнымъ черными волосами, нѣсколько большимъ ртомъ, бойкимъ и веселымъ характеромъ, настоящая парижская гризетка въ лучшемъ смыслѣ слова. Она была дѣтски-весела, наивно-страстна, болтлива, остроумна по своему. Всѣ эти качества сдѣлали то, что Гейне прожилъ съ нею двадцать лѣтъ, и трудно сказать, когда онъ чувствовалъ больше привязанности къ ней—въ первые ли дни знакомства или въ послѣдніе годы жизни, когда онъ, больной и разбитый, лежалъ неподвижною массою, какъ трупъ, въ которомъ удивительнымъ образомъ сохранились жизненныя искры. То, что она не имѣла понятія о его произведеніяхъ, не смущало поэта. Наоборотъ, обладая двойственною натурою, онъ въ этомъ именно усматривалъ хорошую сторону ея привязанности, такъ какъ она свидѣтельствовала, что Матильда любила его не какъ поэта, а какъ человѣка. Матильда дѣйствительно любила его какъ человѣка, любила, какъ она выражалась на своемъ простомъ, чуждомъ грамматикѣ языкѣ, «parce qu'il est bien». Однажды ей пришлось случайно прочесть (конечно, въ переводѣ) нѣсколько строкъ изъ любовнаго стихотворенія Гейне. Она поблѣднѣла и тотчасъ отложила книгу въ сторону, сказавъ, что не

можетъ читать такія вещи, въ которыхъ мужъ говоритъ о другихъ женщинахъ. Гейне посѣщалъ ее по воскресеньямъ въ пансіонѣ, и объ одномъ такомъ посѣщеніи Мейснеръ разсказываетъ: «Молодыя пансіонерки устроили маленькій балъ, и Гейне позвалъ меня посмотрѣть, какъ будетъ танцовать его petite femme. Она была больше всѣхъ воспитанницъ, но, къ восторгу своего мужа, танцовала съ совершенно дѣтскою граціею, точно небольшая дѣвочка. Какъ счастливъ былъ онъ въ то время, какъ безпеченъ въ волшебной сферѣ своей привязанности! Каждая ступень Матильды въ ея образованіи, особенно въ изученіи исторіи и географіи, давала ему поводъ къ веселымъ наблюденіямъ. Что она умѣла перечислять въ порядкѣ египетскихъ царей лучше, чѣмъ онъ, и сообщила ему неизвѣстный для него какой-то чудесный случай съ Лукреціею, это приводило его въ безграничный восторгъ». Черезъ восемь лѣтъ супружеской жизни (въ 1843 году) Гейне писалъ брату своему Максимиліану: «Моя жена—доброе, естественное, веселое дитя, причудливое, какъ только можетъ быть француженка, и она не позволяетъ мнѣ погружаться въ меланхолическія думы, къ которымъ я такъ склоненъ. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я люблю ее съ нѣжностью и страстностью, доходящими до баснословнаго. Въ это время я испыталъ много счастія, мученія и блаженства въ угрожающихъ дозахъ, болѣе, чѣмъ это нужно для моей чувствительной натуры».

Гейне хотѣлъ научить жену по-нѣмецки, но всѣ его старанія разбились о природную невоспріимчивость Матильды къ ученію. Только нѣсколько выраженій сумѣлъ онъ вбить ей въ голову. Особенно ее забавляли почему-то слова «meine Frau», и, узнавъ, что они означаютъ: «моя жена», она тономъ насмѣшки называла себя «meine Frau». Къ числу усвоенныхъ ею выраженій относится также и слѣдующее: «Guten Tag, mein Herr, nehmen sie Platz». Каждаго изъ соотечественниковъ Гейне, посѣщавшихъ поэта, она встрѣчала этими словами, послѣ чего съ громкимъ смѣхомъ выбѣгала изъ комнаты, что приводило въ немалое смущеніе посѣтителей.

Постоянное веселое настроеніе, какъ уже сказано, не мѣшало Матильдѣ быть вспыльчивою; но это именно и нравилось поэту. Характеръ его требовалъ ссоръ, движенія, и маленькія распри, которыми сплошь и рядомъ прерывалось однообразіе его семейной жизни, служили для него тѣмъ же, что гроза для выжженнаго солнцемъ поля. Въ тѣхъ случаяхъ, когда уже не было никакихъ поводовъ къ ссорамъ и Матильда была воплощеніемъ тишины и преданности мужу, Гейне начиналъ дразнить свою подругу и успокоивался только тогда, когда въ прекрасныхъ глазахъ Матильды появлялся давно знакомый ему огонекъ. Но раздраженная Матильда переходила уже въ наступленіе, и, чтобы усмирить строптиваго ребенка, поэтъ прибѣгалъ къ очень простому средству—обѣщанію принести какой-нибудь подарокъ. Матильда смягчалась, и въ семьѣ снова водворялся миръ, купленный парою серегъ или модною шалью.

Впрочемъ, не съ одною только Матильдою часто ссорился Гейне. У нея былъ попугай, доставлявшій ему не мало горя своими безсмысленными криками, и съ нимъ поэтъ велъ постоянную борьбу, конечно, въ отсутствіе Матильды, для которой непріятность, причиненная попугаю, была гораздо чувствительнѣе непріятности, причиненной

ей самой. Поэтъ такъ и называлъ обоихъ, т. е. жену и попугая, «мои двѣ птицы». Однажды Матильда встрѣтила его съ грустнымъ лицомъ и съ отчаяніемъ въ голосѣ заявила, что попугай умираетъ.

— Слава Богу!—отвѣтилъ Гейне по-нѣмецки, зная, что жена его не пойметъ.

Онъ, конечно, не рѣшился бы сказать то же самое на знакомомъ Матильдѣ языкѣ—французскомъ.

Какъ была Матильда привязана къ своему попугаю (его называли «Cocotte»), видно изъ слѣдующаго случая, который самъ Гейне разсказалъ Мейснеру: «Я вчера былъ въ большой тревогѣ. Жена моя въ 2 часа покончила съ туалетомъ и уѣхала, обѣщавъ вернуться къ четыремъ. Но вотъ половина пятаго, а она не является. Вотъ уже пять, ея нѣтъ. Бьетъ шесть, ея также нѣтъ. Вотъ половина седьмого, она не идетъ. Бьетъ восемь, тревога моя ростетъ. Неужели ей надоѣлъ больной человѣкъ и она сбѣжала съ какимъ-нибудь хитрымъ соблазнителемъ? Въ сильнѣйшей тоскѣ посылаю сидѣлку въ противоположную комнату съ просьбою спросить, тамъ ли еще попугай? Да, Кокотъ еще тамъ. Тутъ какъ бы камень у меня свалился съ сердца: безъ Кокотъ она ни за что не ушла бы».

Когда Гейне повезъ свою жену въ Гамбургъ, чтобы познакомить ее съ родственниками, попугай, конечно, принялъ почетное участіе въ ихъ путешествіи. «Въ прекрасный солнечный день,—писалъ по этому поводу племянникъ Гейне,—гаврскій пароходъ вошелъ въ гамбургскую гавань. Мы давно уже ждали на пристани прихода этого парохода, желая поскорѣе увидѣть жену Генриха—Матильду. Наконецъ, пароходъ остановился у пристани, и мы увидѣли дядю, пополнѣвшаго и на видъ совершенно здороваго, подъ руку съ какою-то дамою величественной наружности, но очень просто одѣтою въ дорожный костюмъ. Матильда была дѣйствительно очень красивая женщина, высокаго роста, быть можетъ, нѣсколько слишкомъ полная, но съ прелестнымъ личикомъ, обрамленнымъ каштановыми волосами. За полуоткрытыми ярко красными губами виднѣлись зубы ослѣпительной бѣлизны; глаза, большіе и выразительные, блестѣли въ минуты сильнаго возбужденія, въ чемъ мы не замедлили убѣдиться. Послѣ первыхъ привѣтствій, очень сердечныхъ съ обѣихъ сторонъ, мой отецъ повелъ Матильду къ каретѣ; когда она усѣлась, мой отецъ хотѣлъ ей передать какой-то ящикъ, составлявшій часть ея багажа, но въ этотъ самый моментъ почувствовалъ сильную боль въ пальцѣ отъ укушенія и, невольно отдернувъ руку, уронилъ ящикъ. Матильда пронзительно вскрикнула: въ ящикѣ находился ея любимый попугай, котораго она привезла съ собою изъ Парижа. «Боже мой,—воскликнула она раздраженнымъ голосомъ,—какая неосторожность! Бѣдный попугай столько страдалъ отъ морской болѣзни, а теперь его подвергаютъ еще страху!». Къ счастію, съ попугаемъ ничего не сдѣлалось, и Матильда, увидѣвъ это, тотчасъ успокоилась и лицо ея освѣтилось улыбкой. Гейне подошелъ и съ громкимъ смѣхомъ сказалъ: «Мой милый зять, вы чуть было не потеряли навсегда доброе расположеніе Матильды. А между тѣмъ я вѣдь васъ предупреждалъ, что пріѣду со всей семьею, т. е. съ женою и ея попугаемъ. Но вы не удостоили обратить вниманіе на этого маленькаго звѣря и онъ заставилъ васъ вспомнить о себѣ по своему, ущипнувъ васъ за палецъ».

Матильда произвела хорошее впечатлѣніе на родственниковъ мужа, не исключая и знаменитаго банкира-милліонера Соломона Гейне, съ которымъ поэтъ всегда ссорился и которому однажды бросилъ въ лицо слѣдующія слова, сказанныя добродушнымъ тономъ: «Собственно единственное достоинство ваше заключается въ томъ, что вы носите мое имя». Соломонъ Гейне не любилъ, чтобы при немъ говорили на какомъ-нибудь другомъ языкѣ, кромѣ нѣмецкаго *). Можно себѣ представить, какъ чувствовала себя въ домѣ этого человѣка Матильда, ни слова не понимавшая по-нѣмецки. Она молчала. Зато и выместила же она злобу на кисти винограда, выращенной въ теплицѣ банкира. Милліонеръ очень гордился своимъ виноградомъ и показывалъ его, какъ рѣдкость. Когда кисть, переходя отъ одного изъ гостей къ другому, попала въ руки Матильды, она спокойно ее съѣла. Вскорѣ банкиръ спохватился, гдѣ виноградъ. Никто не рѣшался сказать, какая участь постигла великолѣпную кисть, но Гейне нашелся и воскликнулъ:

— Знаете, дядя, исчезновеніе винограда—настоящее чудо. Но я долженъ вамъ сообщить, что совершилось еще большее чудо — его унесъ ангелъ.

Острота имѣла успѣхъ: банкиръ разсмѣялся и простилъ племянницѣ поступокъ; но племянница всетаки рѣшила больше не бывать въ домѣ банкира и, чтобы это не носило характера вызова, Гейне отправилъ ее, конечно, вмѣстѣ съ попугаемъ, въ Парижъ. Отъѣздъ любимой жены стоилъ ему многихъ душевныхъ мукъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его письмо: «Я,—писалъ онъ Матильдѣ,—постоянно думаю о тебѣ и только и дѣлаю, что вздыхаю. Головныя боли мои усилились, потому что сердце у меня неспокойно. Я не хочу болѣе разставаться съ тобою. Разлука ужасна! Я болѣе чѣмъ когда-либо чувствую, что ты всегда должна быть у меня передъ глазами... Не забывай, что я живу только для тебя! Моя возлюбленная, моя бѣдная овечка, моя единственная радость!»

Гейне былъ очень ревнивъ. Въ 1837 году онъ обѣдалъ съ женою въ одномъ ресторанѣ. Нѣсколько сидѣвшихъ тутъ же студентовъ стали пожирать ее глазами. Не будучи въ состояніи сдержать себя, Гейне вскочилъ съ мѣста и далъ пощечину первому изъ нихъ. Слѣдствіемъ этого былъ вызовъ, который, однако, окончился благополучно. Та же ревность заставила Гейне порвать дружбу съ старымъ товарищемъ Вейлемъ только потому, что поэтъ заподозрилъ въ немъ человѣка, слишкомъ ухаживавшаго за Матильдой.

О простотѣ характера Матильды можно судить по слѣдующему случаю, передаваемому Мейснеромъ. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ отправился къ Гейне. На звонокъ вышла, по его словамъ, «полная, довольно еще молодая женщина» и, бросивъ испытующій взглядъ на его старомодное пальто, сказала, что «monsieur Heine» нѣтъ дома. Мейснеръ выразилъ сожалѣніе, сказавъ, что принесъ письмо отъ Лаубе, но въ эту минуту вдругъ услыхалъ голосъ Гейне:

---

*) Впрочемъ, онъ и по-нѣмецки говорилъ плохо. Гейне въ шутку разсказывалъ про него, что на оффиціальныхъ обѣдахъ онъ ставилъ около себя двухъ слугъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ подсказывать ему дательный падежъ, а другой—винительный.

— Дома, дома!'

Когда Мейснеръ вошелъ, Гейне сказалъ, обращаясь къ женѣ:

— Да, та Ьісће, это—другъ изъ Германіи, привезшій мнѣ письмо отъ Лаубе.—Затѣмъ, обращаясь къ Мейснеру, замѣтилъ:—Госпожа Гейне не допускаетъ никакихъ нѣмцевъ ко мнѣ. Она ихъ узнаетъ съ перваго взгляда.

— Да, теіп Еіг (теіп Неіг),—сказала Матильда съ вынужденной улыбкой,—я сразу узнала, что вы—нѣмецъ.

— Почему?

— Ахъ, Боже мой, да по платью, по обуви...

«Я,—замѣчаетъ Мейснеръ,—бросилъ взглядъ на свое пальто, сапоги дрезденскаго производства и не могъ замѣтить въ нихъ ничего неприличнаго. Во всякомъ случаѣ, что-нибудь не стильное въ нихъ, вѣроятно, было; но напоминать объ этомъ было не особенно красиво».

Послѣ смерти Гейне Матильда была вѣрна его памяти такъ же, какъ была ему вѣрна при жизни. Она вела скромную жизнь. Развлеченіями ея были циркъ или бульварные театры, когда тамъ ставились веселыя пьесы. Кромѣ того, кухня доставляла ей также не малое удовольствіе, и если кто-нибудь былъ у нея въ гостяхъ, она непремѣнно заказывала какое-нибудь блюдо, которое особенно любилъ ея раиуге Неіпі, вѣря въ простотѣ души, что этимъ обнаруживаетъ уваженіе къ памяти поэта. Трогательно было слушать ея разсказы о покойномъ мужѣ. Съ особенной таинственностью сообщала она, что ей не разъ предлагали руку, но она отказывала, не желая забыть мужа и носить другое имя. Такую женщину долженъ былъ любить великій поэтъ, у котораго въ минуты грусти тотчасъ же становилось весело на душѣ, когда входила Матильда со своею обворожительно-дѣтскою улыбкою. Онъ писалъ:

Es kommt mein Weib, schön wie der Morgen,
Und lächelt fort die deutschen Sorgen *).

Любовь къ животнымъ она сохранила до послѣднихъ дней. Кромѣ попугая, у нея было около 60 канареекъ и 3 бѣлыхъ болонки. Когда все это начинало пищать и лаять, то оставаться въ комнатѣ было невозможно. Однажды племянникъ Гейне, не будучи въ состояніи переносить адскаго шума, хотѣлъ уйти. Матильда ему сказала:

— Смѣшно, вы не любите животныхъ, какъ и вашъ дядя!

Во время осады Парижа Матильда осталась въ осажденномъ городѣ. Позднѣе она жаловалась тому же Эмбдену, что должна была тогда заплатить 200 франковъ за курицу. Племянникъ удивился, на что Матильда отвѣтила:

— Что дѣлать, цѣна была такая!

Деньгамъ цѣны она вообще не знала. Это обстоятельство не разъ смущало Гейне, такъ какъ ему самому нѣкоторымъ образомъ приходилось вести хозяйство. Однажды онъ рѣшилъ помочь горю. «Если я буду относиться къ Матильдѣ, какъ къ ребенку, то она никогда не научится заботиться о себѣ самой. Мнѣ нужно постепенно пріучить ее къ тому, чтобы она соблюдала собственные интересы». Подъ впе-

*) Входитъ жена, прекрасная, какъ утро, и улыбкою разсѣиваетъ нѣмецкія заботы.

чатлѣніемъ этой мысли онъ далъ ей на сохраненіе много желѣзнодорожныхъ акцій. Какъ, однако, она ихъ сохранила! У нея нашлись друзья, которые подъ разными предлогами выманили всѣ деньги, а когда ничего не осталось, они прекратили съ нею всякія сношенія.

— Что бы было, если бы мужъ попросилъ васъ показать ему акціи?—спросили у нея однажды.

— Я бросилась бы въ воду.

Удивительно, что Матильда умерла въ годовщину смерти своего мужа, 17 февраля 1883 года, т. е. ровно черезъ 27 лѣтъ послѣ смерти Гейне. Она стояла у окна своей квартиры въ Пасси и вдругъ упала, чтобы никогда уже не встать. Матильда умерла отъ удара, вдругъ, въ одинъ моментъ, какъ бы и смертью своею свидѣтельствуя о противоположности между нею и мужемъ, агонія котораго продолжалась цѣлыхъ восемь лѣтъ.

Гейне и «Муха».

Въ тяжкіе для поэта дни неизлечимой болѣзни, которая, какъ только-что сказано, продолжалась восемь лѣтъ, въ его комнату влетѣла муха въ видѣ молодой очаровательной женщины и начала весело жужжать вокругъ его грустной постели. Это была Камилла Сельденъ, брюнетка, средняго роста, съ плутовскими глазами, маленькимъ ротикомъ, обнажавшимъ во время смѣха или разговора ослѣпительно бѣлые зубы. Руки и ноги были изящны и всѣ движенія ея дышали прелестью и граціею.

Несмотря на свой веселый нравъ, она пережила не мало горя. Выйдя рано замужъ за одного француза, она первые годы супружеской жизни провела въ Парижѣ. Но маленькая нѣмка вскорѣ сдѣлалась въ тягость легкомысленному французу, беззаботно проживавшему свое состояніе. Чтобы освободиться отъ жены, онъ придумалъ слѣдующій планъ. Онъ предложилъ ей поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Лондонъ, куда ему нужно было по дѣлу, а пріѣхавъ въ Лондонъ, просилъ посѣтить знакомую семью. Экипажъ ихъ остановился около одной хорошенькой виллы, гдѣ ихъ очень любезно принялъ какой-то старикъ. Едва, однако, Сельденъ вошла въ залъ, какъ мужъ ея исчезъ, а черезъ нѣсколько минутъ она узнала, что находится въ сумасшедшемъ домѣ. Несчастная женщина начала кричать и плакать, прося ее отпустить, но ей пригрозили суровыми мѣрами. Подъ вліяніемъ страха у нея отнялся языкъ и она не могла имъ пользоваться довольно долго. Только черезъ нѣсколько недѣль она оправилась и могла убѣдить врача, что совершенно здорова. Продолжать совмѣстную жизнь съ мужемъ было невозможно и, чтобы поддерживать существованіе, она стала давать уроки нѣмецкаго языка. Тутъ же она стала хлопотать о разводѣ, въ которомъ, конечно, ей отказать не могли.

Появленіе «Мухи» (Гейне назвалъ ее мухою, потому что насѣкомое это было изображено на печати, которую она прикладывала къ своимъ письмамъ) произвело на безнадежно больного Гейне, страдавшаго размягченіемъ спинного мозга, сильное впечатлѣніе. Ея веселый характеръ, ясный умъ, привлекательная наружность, звонкій голосокъ, большія способности и, конечно, любимый нѣмецкій языкъ, на которомъ она говорила превосходно, пробудили въ немъ старыя романтическія струны. Между обоими вскорѣ завязался своеобразный романъ, въ своемъ родѣ единственный, начавшійся въ первый же день ея по-

явленія. Гейне не могъ пробыть безъ нея и дня. Она сдѣлалась его секретаремъ, довѣреннымъ лицомъ и преданной подругой, съ которой можно было почти тотчасъ послѣ перваго знакомства перейти на «ты». Когда онъ уставалъ отъ продолжительнаго чтенія (читала, конечно, «Муха»), Гейне вытягивался во всю длину кровати и, лежа съ полузакрытыми глазами, просилъ ее положить въ его руку свою, которую онъ крѣпко сжималъ, какъ бы желая навсегда соединиться съ нею. Письма, которыя онъ писалъ ей въ тѣ дни, когда она не приходила, становились все нѣжнѣе и нѣжнѣе. Онъ называлъ ее «лотосомъ», «возлюбленной», «восхитительной кошечкой», цѣловалъ ея ножки одну за другою, выражалъ страстное желаніе ее увидать, такъ какъ она — послѣдній цвѣтокъ его печальной осени. Камилла была искренно къ нему привязана, искренно его любила, несмотря на то, что Гейне былъ уже трупомъ. Его тѣло лежало косной массой, руки безпомощно барахтались, языкъ не всегда служилъ, глаза почти не видѣли.

«Муха».

Матильда не ревновала. Первое время она относилась къ ней враждебно, называла прусскою шпіонкою, едва отвѣчала на ея поклонъ и энергически выступила противъ того, чтобы Камилла бывала у нихъ часто за столомъ. Для предупрежденія ссоръ Генриху приходилось выбирать для свиданія съ Камиллою дни, когда Матильда куда-нибудь уѣзжала. Но это чувство недружелюбія вскорѣ отступило на задній планъ. Матильда знала, что какъ ни пламенна привязанность разбитаго тѣломъ мужа къ Камиллѣ Сельденъ, любовь его волей-неволей должна всетаки остаться только платоническою...

Страшныя, почти нечеловѣческія страданія Гейне, впрочемъ, не мѣшали ему работать и изливать свои чувства къ Камиллѣ въ звонкихъ стихахъ, подобныхъ которымъ Германія не знала со дня кончины Гёте. Но что болѣе всего удивительно, это стоицизмъ духа, дававшій поэту возможность не только терпѣливо переносить страданія, но даже и шутить, смѣяться и язвить въ своихъ стихотвореніяхъ. Въ этомъ отношеніи къ нему подходятъ слова, сказанныя имъ о поэтѣ Штерне: «Онъ былъ роднымъ дѣтищемъ блѣдной трагической музы. Однажды въ припадкѣ суровой нѣжности она поцѣловала его юное сердце до того крѣпко, засасывая до того любовно, до того благоговѣйно, что изъ сердца потекла кровь и оно вдругъ поняло всѣ страда-

нія нашего міра и исполнилось безконечнаго сочувствія. Бѣдное юное сердце поэта! Но младшая дочь Мнемозины, розовая богиня шутки, быстро подскочила и, взявъ страдающаго ребенка на руки, старалась развеселить его смѣхомъ и пѣніемъ, дала ему игрушки—смѣшную маску и дурацкіе звонки, покровительственно поцѣловала его въ губки и поцѣлуемъ передала все свое легкомысліе, всю свою веселость, все свое дразнящее остроуміе. Съ тѣхъ поръ его сердце и губы оказались въ странномъ противорѣчіи: когда сердце у него порой волновалось трагически и ему хотѣлось высказать глубочайшія чувства кровью истекавшаго сердца, съ устъ, къ удивленію его самого, слетали забавнѣйшія смѣющіяся слова».

Трогательная сцена между Камиллою Сельденъ и Гейне произошла незадолго до его смерти. Она не приходила нѣкоторое время вслѣдствіе случайной размолвки, а когда, наконецъ, пришла, ей показалось, что онъ встрѣтилъ ее не такъ дружелюбно, какъ всегда, и она расплакалась.

«Вдругъ,—пишетъ она въ своихъ воспоминаніяхъ о Гейне,—какъ будто чувствуя мое горе, хотя лицо мое онъ видѣть не могъ, онъ позвалъ меня къ себѣ, и я должна была сѣсть на краю его постели. Слезы, которыя текли по моимъ блѣднымъ щекамъ, видимо его тронули.

«— Сними шляпку, чтобы я могъ тебя лучше видѣть,—сказалъ онъ.

«И ласковымъ жестомъ онъ указалъ на мою шляпку. Охваченная сильнымъ волненіемъ, я отбросила свою шляпку и стала на колѣни передъ его кроватью. Взволновало ли меня горькое воспоминаніе о пережитыхъ имъ страданіяхъ или оно было вызвано еще худшимъ предчувствіемъ приближавшагося несчастія? Словомъ, я напрасно старалась подавить свои слезы. Я больше не владѣла собою и думала, что умру отъ волненія. Ни одного слова мы не сказали другъ другу, но рука друга, лежавшая на моей головѣ, казалось, благословляла меня».

Итакъ, Гейне и дочь палача, цѣловавшая его съ мечомъ въ рукахъ, которымъ отецъ ея рѣзалъ головы; Гейне и французская крестьянка, которая не имѣла понятія о его произведеніяхъ, но съ которою ему пришлось дѣлить лучшіе годы; Гейне и «Муха», протягивавшіе другъ другу руки въ то время, когда онъ уже стоялъ въ могилѣ, а она только собиралась жить полной здоровой жизнью, — да, судьба великаго германскаго поэта была поистинѣ плачевна!

Лессингъ и Эрнестина Рейске.

Конецъ XVIII и начало XIX вѣковъ ознаменовались въ Германіи сильнымъ, хотя и своеобразнымъ движеніемъ въ области женскаго вопроса. Большой толчекъ въ этомъ отношеніи далъ еще Жанъ Жакъ Руссо. Великій волшебникъ мысли и чувства призывалъ къ опрощенію, говорилъ, что нужно вернуться къ природѣ, къ первому источнику всякаго счастья. Однако, въ раю, созданномъ прихотливой кистью художника-философа, для женщины мѣста не было. Для него женщина была скорѣе чувствующимъ, чѣмъ мыслящимъ существомъ. Мать и жена—вотъ, по мнѣнію Руссо, истинное призваніе женщины, въ границахъ котораго естественно укладывалась вся его воспитательная система. Объ ученыхъ женщинахъ, такимъ образомъ, тогда не могло быть и рѣчи. Позднѣе явился Песта-

лоцци и сдѣлалъ еще шагъ впередъ, выставивъ идеализированную крестьянскую дѣвушку высшимъ идеаломъ женщины. Вліяніе Руссо въ Германіи было тогда до того велико, что ученая или основательно образованная женщина сдѣлалась предметомъ общаго пренебреженія и насмѣшекъ. Даже такой просвѣщенный свѣтлый умъ, какъ Гердеръ, писалъ: «Я, можетъ быть, слишкомъ озлобленъ противъ ученой женщины, но чѣмъ я виноватъ? Вѣдь это отвращеніе, внушенное самою природою». А Гёте съ явнымъ умысломъ выставлялъ въ своемъ «Вертерѣ» противоположностью мало образованной, но идеальной Лоттѣ мало симпатичную дочь пастора, которая, какъ онъ язвительно разсказываетъ, «старается быть ученою, которая теряется въ изученіи канона».

Шарлотта Унцеръ, рожденная Циглеръ.

Отрицательное отношеніе къ ученымъ женщинамъ было до того сильно во второй половинѣ XVIII вѣка, что ему невольно поддались всѣ лучшіе умы того времени, не исключая самого Канта, который, идя по стопамъ Руссо, говорилъ о разницѣ между обоими полами и признавалъ разумъ женщины только какъ «прекрасное разумѣніе». Съ другой стороны, сами женщины чуждались образованности, и даже извѣстная Шарлотта Унцеръ, урожденная Циглеръ, издавшая нѣсколько популярно-научныхъ, весьма поверхностныхъ руководствъ для женщинъ, всѣми силами старалась освободиться отъ падавшаго на нее подозрѣнія въ учености. «Надѣюсь,—заявила она однажды съ негодованіемъ,—что никому даже и въ голову не придетъ, будто я понимаю по-гречески». Правда, идеалъ Руссо не исключалъ вообще женскаго образованія, но онъ требовалъ, чтобы послѣднее было направлено преимущественно на область чувства. Съ результатомъ этого направленія мы отчасти познакомились выше, когда говорили о «Вертерѣ». Сентиментальничаніе сдѣлалось преобладающимъ элементомъ въ отношеніяхъ между женщинами и мужчинами. Чтеніе чувствительныхъ романовъ еще болѣе усиливало этотъ продуктъ крайняго романтизма. Даже лучшія школы для дѣвицъ не давали другого противовѣса этому одностороннему взгляду на женщинъ, кромѣ здраво-практическихъ познаній, не выходившихъ за черту потребностей обыденной жизни.

Въ это именно время Лессингъ встрѣтился съ Эрнестиною Рейске. Она родилась въ 1730 году. Рано лишившись отца, суперинтенданта Мюллера, она еще четырнадцати лѣтъ принуждена была помогать ручной работой матери, на долю которой выпала тяжелая обязанность

поддерживать существованіе многочисленной семьи. Въ 1755 году она пріѣхала изъ родного города Гамбурга въ Лейпцигъ. Тамъ она познакомилась съ филологомъ Рейске, за котораго, послѣ долгихъ колебаній, уступая совѣтамъ старшаго брата, и вышла замужъ. Что Рейске не подходилъ къ своей женѣ, засвидѣтельствовалъ онъ самъ въ письмѣ къ своему будущему шурину, которому признавался, что «для живой женщины сношенія съ болѣзненнымъ человѣкомъ, привыкшимъ обращаться только съ книгами, не заключали въ себѣ ничего привлекательнаго». Единственно, чѣмъ онъ производилъ впечатлѣніе на жену, была его ученость, по поводу которой Гердеръ разъ сказалъ: «Этотъ Рейске сдѣлался мученикомъ своего арабскаго и греческаго усердія». Несмотря на то, что мужъ былъ старше Эрнестины на 20 лѣтъ, молодая женщина быстро свыклась съ положеніемъ и сдѣлалась помощницею своего ученаго мужа. Вскорѣ она дошла до того, что Рейске писалъ о ней: «Вступивъ въ мой домъ, она понимала только по-нѣмецки, но въ четыре года столько успѣла, что въ области французскаго, англійскаго, латинскаго и греческаго языковъ можетъ считаться ученой женщиной. Безъ нея я не могъ бы сравнить столько рукописей. Двѣ рукописи Демосѳена сравнила она одна».

Иными словами, Эрнестина сдѣлалась секретаремъ и помощницею своего мужа. Въ этомъ званіи она проводила мужа въ 1771 году въ Вольфенбюттель къ знаменитому обновителю германской литературы Лессингу, занимавшему должность библіотекаря. Встрѣча доставила много удовольствія молодой женщинѣ, которая давно уже сгорала нетерпѣніемъ познакомиться съ смѣлымъ реформаторомъ. Рейске писалъ тогда по этому поводу: «Она радуется, какъ ребенокъ». Хотя Лессингъ былъ въ то время нездоровъ, Эрнестина почувствовала къ нему истинную страсть, настолько, впрочемъ, платоническаго характера, что самъ Рейске могъ писать Лессингу: «Скажу вамъ на ухо, любезнѣйшій Лессингъ, что вы на очень хорошемъ счету у моей жены. Она сама вамъ признается, что любитъ васъ. Чего вамъ еще? Я не ревную. Здѣсь ревность неумѣстна». Лучшій патентъ на добродѣтель врядъ ли могъ быть выданъ молодой женщинѣ.

Что Лессингъ также чувствовалъ къ ней нѣкоторую склонность, не подлежитъ сомнѣнію; но его удерживало отъ сближенія съ нею то же чувство невольнаго недоброжелательства къ ученымъ женщинамъ. 19 августа 1774 года умеръ Рейске, и съ тѣхъ поръ у Эрнестины было только одно желаніе—сдѣлаться женою Лессинга. Обстоятельства какъ будто ей благопріятствовали: Лессингъ рѣшилъ написать біографію Рейске, что послужило причиною оживленной корреспонденціи между нимъ и молодою вдовою (письма эти были уничтожены обоими передъ смертью). Но и переписка, и біографія не помогли. 15 октября 1775 года она писала одному другу: «Я поистинѣ не создана для одиночества. Оно меня пугаетъ. Многіе мужчины предлагаютъ мнѣ руку и сердце; но только одного человѣка чтитъ мое сердце, только одного могу я любить и буду любить даже въ послѣднія минуты жизни. А этотъ человѣкъ между тѣмъ далекъ отъ меня и, можетъ быть, будетъ далекъ всегда». Она сказала правду: въ то время, когда Эрнестина вздыхала по Лессингѣ въ своемъ вдовьемъ одиночествѣ, писатель былъ дѣйствительно далеко (въ Италіи); но не разстояніе от-

дѣляло ихъ другъ отъ друга, а инстинктивное нерасположеніе знаменитаго критика, эстетика и драматурга къ синимъ чулкамъ. Въ концѣ концовъ она утѣшилась тѣмъ, что взяла къ себѣ въ домъ товарища своего умершаго племянника, Морица Эгиди, а затѣмъ уѣхала съ нимъ въ деревню, такъ какъ Морицъ зналъ сельское хозяйство. Тамъ она и провела остатокъ дней своихъ между литературными и домашними дѣлами.

Лессингъ и Элиза Реймарусъ.

Такой же грустный конецъ имѣли отношенія Лессинга къ другой ученой женщинѣ, которая любила его не меньше Эрнестины и всетаки не сдѣлалась его женою именно благодаря тому, что была ученая. Мы говоримъ объ Элизѣ Реймарусъ, о которой самъ Лессингъ говорилъ, что она сдѣлалась бы его женою, если бы онъ этого хотѣлъ. Ихъ сблизилъ общій интересъ къ литературѣ, но тотъ же интересъ и разъединилъ. Какъ ни близка была она ему по духу, какъ ни заманчива была перспектива сдѣлаться родственникомъ состоятельныхъ людей и къ тому же имѣть въ лицѣ жены не только подругу, но и помощницу, сердце поэта-ученаго не лежало къ философической дѣвушкѣ. Его тянуло къ идеалу Руссо. Онъ мечталъ о простой женщинѣ, не невѣжественной, конечно, но далекой отъ архивной пыли учености, которая такъ къ лицу мужчинѣ, но не всегда гармонируетъ съ истиннымъ женскимъ призваніемъ. Этою женщиною явилась Эва Кенигъ.

Эва Лессингъ.

Жена Лессинга.

Говорятъ, что Лессингъ полюбилъ Эву еще тогда, когда она была женою его друга Кенига, и что Эва также питала къ нему въ то время сильное влеченіе. Во всякомъ случаѣ нѣжное чувство къ поэту и критику не мѣшало молодой женщинѣ страстно любить мужа. Когда Кенигъ умеръ, на рукахъ Эвы осталось значительное наслѣдство. Наслѣдство это, однако, не имѣло ничего общаго съ наслѣдствомъ, которое Рейске оставилъ послѣ смерти своей ученой женѣ: въ то время какъ Эрнестина, похоронивъ мужа, занялась окончаніемъ начатаго имъ знаменитаго изданія греческихъ ораторовъ, его «Плутарха», «Діонисія Галикарнасскаго» и т. д., Эвѣ Кенигъ нужно было привести въ порядокъ фабрику шелковыхъ тканей, которою съ такимъ искусствомъ управлялъ ея покойный мужъ. Фабрика находилась въ Вѣнѣ. Эвѣ принадлежалъ еще магазинъ шелковыхъ тканей въ Гамбургѣ. Съ Лессингомъ, какъ сказано, она находилась въ добрыхъ отношеніяхъ и проѣздомъ часто посѣщала его въ

Вольфенбюттелѣ, причемъ отношенія между ними каждый разъ становились все болѣе и болѣе тѣсными. Въ письмахъ, которыми они обмѣнивались въ это время, уже проглядываетъ настоящее чувство. Лессингъ писалъ ей, что потерялъ отца. Она успокоивала его, указывая въ то же время на то, какъ плачевна ея судьба: ей не суждено было даже знать своего отца. Письма носили дружескій характеръ, но литературные вопросы никогда въ нихъ не затрогивались. Одинъ только разъ, когда Лессингъ послалъ ей «Эмилію Галотти», она отвѣтила ему въ восторженныхъ выраженіяхъ по поводу его произведенія: «Благодарю васъ, что вы такъ скоро прислали мнѣ эту вещь. Не могу вамъ выразить, съ какимъ удовольствіемъ прочла я ее въ первую же ночь, такъ какъ мнѣ хотѣлось немедленно передать ее Г. (Геблеру), чтобы въ первомъ же письмѣ прислать вамъ кое-какія свѣдѣнія». Въ этомъ письмѣ вся Эва. Основательная оцѣнка произведенія—не ея дѣло; но зато она умѣетъ практически дѣйствовать. Такая женщина была уже близка къ идеалу того времени, и Эва Кенигъ сдѣлалась женою Лессинга.

Лессингъ былъ счастливъ въ семейной жизни, чему способствовалъ прекрасный характеръ его жены. «Такой жены,—писалъ о ней историкъ Шпитлеръ,—мнѣ никогда уже не придется видѣть. Неученая доброта ея сердца, постоянно исполненнаго божественнымъ спокойствіемъ, которое она внушаетъ всѣмъ, имѣющимъ счастіе соприкасаться съ ними,—рѣдкое качество. Примѣръ этой великой достойной женщины безконечно возвысилъ мое понятіе о ея полѣ». Непосредственнаго вліянія на литературную дѣятельность Лессинга она не имѣла, но значительно содѣйствовала ей косвенно, благодаря бодрости, прямотѣ и безыскусственности своей натуры.

Лессингу, проведшему столько лѣтъ въ одиночествѣ и начинавшему уже чувствовать въ душѣ наклонность къ ипохондріи, улыбалось свѣтлое будущее, какъ вдругъ Эва умерла. Она умерла всего черезъ годъ послѣ того, какъ соединила свою судьбу съ его судьбою,—отъ родовъ. Поэты вообще не особенно счастливы въ отношеніяхъ къ женщинамъ, а если на долю кого-нибудь изъ нихъ выпадаетъ такое счастіе, то оно непродолжительно. Авторъ «Натана Мудраго» и «Лаокоона» принадлежалъ къ этой категоріи.

Фридрихъ Шлегель *).

Вмѣстѣ съ братьями Шлегелями мы погружаемся въ самый омутъ романтизма, этого страннаго, ничѣмъ необъяснимаго повѣтрія, которое, какъ корь, пережили всѣ народы, которое пережили и мы во времена Карамзина и Жуковскаго, но которое самое глубокое выраженіе нашло въ Германіи на рубежѣ прошлаго и нынѣшняго столѣтій. Удивительное это было время. Люди не хотѣли мириться съ настоящимъ. Окружающая обстановка была имъ въ тягость, какъ все, что носило на себѣ печать будничности, и такъ какъ избавиться отъ нея нельзя было, то они создали особый міръ, чуждый нашихъ законовъ, населенный людьми съ другими идеями, понятіями, чувствами. Этотъ міръ и поэзія сливались воедино.

---

[1]) *Брандесъ.* «Главныя теченія литературы XIX столѣтія», 1881 г. Пер. В. Невѣдомскаго.—*Шереръ.* «Исторія нѣмецкой литературы», ч 2.—*Р. Гаймъ.* «Романтическая школа». Пер. Невѣдомскаго.—*Геттнеръ* «Исторія всеобщей литературы XVIII в.», т. III.—*Коршъ.* «Всеобщая исторія литературы», т. 4.

Дѣйствительность окрашивалась въ самыя причудливыя краски. Долой обычныя отношенія между людьми, продиктованныя проповѣдниками узкой морали и сухого келейнаго представленія о бытіи! Мысль свободна, чувство само себѣ законъ и люди—цари, владѣнія которыхъ составляетъ вся вселенная...

Если бы нужно было охарактеризовать Фридриха Шлегеля (родился въ 1772, умеръ въ 1829 году), какъ одного изъ самыхъ яркихъ представителей и творцовъ романтическаго направленія въ литературѣ, то, кажется, слѣдовало бы привести слова орла изъ его стихотворенія «Гармонія жизни»:

Я съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ безъ страха
Парить къ безоблачнымъ странамъ,
Я презираю узы праха,
Я близокъ силою къ богамъ.
Я мчусь въ селеніе святое,
Когда слабѣетъ жизнь моя,
И, гордо разорвавъ земное,
Какъ фениксъ, возрождаюсь я *).

Шлегель дѣйствительно «возносился» къ богамъ, то есть отрывался отъ путъ повседневной жизни, чтобы жить въ мірѣ грезъ, исполненныхъ самыхъ причудливыхъ очертаній. Онъ презиралъ обыкновенныхъ людей, былъ атеистомъ, считалъ себя высшимъ существомъ. Нужно ли говорить, что въ области любви онъ отрицалъ всякія грани и, какъ истинный сынъ романтическаго періода, не только преслѣдовалъ свободу чувства, но и былъ самымъ послушнымъ адептомъ собственной проповѣди въ жизни? Время было такое: Шиллеръ вступалъ тогда въ любовную связь съ Шарлоттою Кальбъ, въ семействѣ которой помѣстилъ своего друга Гельдерлина, лишившагося мѣста вслѣдствіе любовной связи съ хозяйкою дома, которая, разставшись съ молодымъ поэтомъ, тотчасъ сдѣлалась любовницею Жанъ-Поля (жена Шлегеля называла ее въ шутку Jeanette-Pauline**). Шарлотта тогда писала своему новому любовнику: «Приманка соблазна! Прошу васъ, отложите въ сторону эти жалкія мелочи и не тревожьте вашего сердца и вашей совѣсти. За наши натуральныя влеченія и безъ того уже достаточно забрасываютъ насъ камнями. Я никогда не измѣню моего образа мыслей объ этомъ предметѣ. Я не понимаю этого рода добродѣтели и ради васъ не могу никого признать въ этомъ отношеніи безупречнымъ. Наша

*) Пер. А. Ротчева.

**) Вотъ удивительное стихотвореніе Шиллера (оно изуродовано и передѣлано въ обыкновенныхъ изданіяхъ, Брандесъ приводитъ его въ первоначальномъ видѣ), написанное подъ вліяніемъ любовной связи съ Шарлоттою Кальбъ: «Отчего эта дрожь, этотъ невыразимый страхъ, когда твоя рука ласково обнимаетъ меня? Не оттого ли, что клятва, которую нарушаютъ даже одни сердечныя волненія, наложила на тебя чужія оковы? Не оттого ли, что обычай, который законы считаютъ священнымъ, освятилъ тягостную ошибку случая? Нѣтъ, я безстрашно возстаю противъ союза, о которомъ сожалѣетъ краснѣющая отъ стыда природа. О, не дрожи, твоя клятва была клятвой грѣшницы: клятвопреступленіе есть благородный долгъ кающихся; сердце, которое ты отдала передъ алтаремъ, было мое; вѣдь небо не шутитъ съ человѣческими радостями». То же самое, какъ замѣчаетъ Геттнеръ, говоритъ Донъ-Карлосъ: «Права моей любви старше, чѣмъ формула передъ алтаремъ».

земная религія есть не что иное, какъ развитіе и сохраненіе силъ и задатковъ, полученныхъ нами вмѣстѣ съ жизнью. Живое существо не должно допускать никакого принужденія, но также и никакой покорности, которая не основана на справедливости. Предоставьте дѣлать, что хотятъ, тѣмъ, кто смѣлъ, силенъ и зрѣлъ и кто сознаетъ свою силу; но человѣчество и нашъ полъ бѣдны и жалки. Всѣ наши законы суть плоды самой жалкой бѣдности и нужды и только рѣдко плоды мудрости. Любовь же не нуждается ни въ какихъ законахъ». Такъ писала Шарлотта Кальбъ Шиллеру, такъ писалъ Шиллеръ Шарлоттѣ Кальбъ, такъ писалъ Виландъ своей возлюбленной Ларошъ, съ которою мы сейчасъ познакомимся; такъ, можетъ быть, писалъ и Гёте своей Христинѣ Вульпіусъ, съ которой прожилъ много лѣтъ, прежде чѣмъ назвать ее женою передъ лицомъ Бога. Недаромъ Жанъ-Поль, пріѣхавъ въ Веймаръ, средоточіе тогдашняго увлеченія романтизмомъ, а вмѣстѣ съ этимъ и превратныхъ понятій о свободной любви, воскликнулъ съ умиленіемъ: «Ахъ, здѣсь есть еще женщины! Здѣсь все революціонно, смѣло, и законныя жены ничего не значатъ» *).

Но если Гёте, Шиллеръ, Жанъ-Поль, Виландъ были сторонниками революціи въ области любовнаго чувства, то Ф. Шлегель былъ ея застрѣльщикомъ. Въ своихъ критическихъ статьяхъ и романахъ онъ не только высказывалъ свободные взгляды на роль женщины, но подвергалъ рѣзкой насмѣшкѣ положеніе, въ которое ставятъ ее общественные предразсудки. Онъ издѣвался надъ браками, въ которыхъ мужъ и жена живутъ, взаимно другъ друга презирая, браками, въ которыхъ мужъ цѣнитъ въ женѣ только ея полъ, а она въ немъ только его общественное положеніе, оба же они видятъ въ дѣтяхъ свое произведеніе и собственность. Это былъ истинный революціонеръ въ области женскаго вопроса. «Для него,—говоритъ Брандесъ,—дѣло шло о нравственной и умственной эмансипаціи женщинъ. Умъ и образованіе въ соединеніи съ одушевленіемъ были тѣ свойства, которыя въ его глазахъ дѣлали женщину достойною любви. Надъ общепринятымъ понятіемъ о женской натурѣ онъ смѣялся. Съ горечью говорилъ онъ о глупости и низости тѣхъ мужчинъ, которые требуютъ отъ женщины невинности и отсутствія образованія; этимъ только заставляютъ женщинъ притворяться, а притворство есть лишенное невинности притязаніе на невинность. По

*) Чтобы составить понятіе о сумасбродствахъ лучшихъ людей того времени, смѣшивавшихъ поэзію съ дѣйствительностью, достаточно упомянуть о любви поэта Гарденберга къ двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ Софіи фонъ-Кюнъ. Дѣвочка эта поражала своей дѣтской прелестью и развитымъ умомъ. Черезъ годъ послѣ того, какъ Гарденбергъ сдѣлался женихомъ Софіи, дѣвочка заболѣла, выздоровѣла, но потомъ заболѣла еще болѣе опасно. Ее повезли въ Іену для операціи. Гарденбергъ часто пріѣзжалъ въ Іену, гдѣ познакомился съ Ф. Шлегелемъ и Фихте, философіею котораго увлекся и вывелъ изъ нея заключеніе, что Софія не должна умереть, такъ какъ міръ и обстоятельства должны подчиняться человѣку. Но Софія не поправлялась, несмотря на всю глубину идеи, положенной въ основаніе философской системы Фихте. Софію перевезли въ деревню, гдѣ она умерла черезъ два дня послѣ того, какъ отпраздновала 15-ю годовщину. Гарденбергъ оказался, по его же словамъ, въ роли игрока, который все ставитъ на послѣднюю карту и видитъ, что карта побита. Одно время онъ хотѣлъ умереть силою своей воли, потомъ готовился къ самоубійству, но въ концѣ концовъ нашелъ утѣшеніе въ поэтическомъ творчествѣ.

его мнѣнію, настоящая невинность можетъ очень хорошо уживаться въ женщинѣ съ образованіемъ; что прекрасное и благородное свободомысліе будто бы приличествуетъ женщинамъ менѣе, чѣмъ мужчинамъ, это не болѣе, какъ одна изъ многочисленныхъ всѣми повторяемыхъ нелѣпостей, пущенныхъ въ ходъ Жанъ-Жакомъ Руссо. «Надѣтыя на женщину оковы рабства» суть язвы человѣчества. Шлегель говоритъ, что его высшая литературная цѣль заключается въ томъ, чтобы, по наивному его выраженію, «положить основаніе нравственности». За главный нравственный двигатель въ людяхъ онъ считаетъ оппозицію противъ положительнаго законодательства и противъ условныхъ правъ.

Шлегель и Доротея Мендельсонъ-Вейтъ.

Какъ ни странными кажутся теперь взгляды Шлегеля, не признававшіе никакихъ границъ для чувства, которому давался только стражъ въ видѣ образованной мысли, но еще болѣе странно то, что Шлегель, какъ сказано, осуществлялъ на дѣлѣ свои свободолюбивыя воззрѣнія. Это особенно ярко видно изъ его отношеній къ двумъ знаменитымъ женщинамъ того времени: Доротеѣ, дочери философа Моисея Мендельсона, и Каролинѣ, дочери извѣстнаго геттингенскаго богослова Михаэлиса. Когда Шлегель встрѣтился съ Доротеею, она уже была замужемъ за банкиромъ Вейтомъ, которому отдала руку по просьбѣ родителей, но къ которому не чувствовала никакой привязанности, такъ какъ вся жила въ мало родственной ея мужу области мысли и чувства. Живая, остроумная, широкообразованная, она принадлежала къ кружку геніальныхъ женщинъ, въ которомъ законодательствовала Рахиль фонъ-Фарнгагенъ. Она была старше поэта (ему было 25 лѣтъ, а Доротеѣ 32 года), не отличалась красотою, обладала рѣзкими чертами лица, какъ мужчина; но это не помѣшало ей приковать къ себѣ поэта сильнымъ умомъ и любовью къ искусству, поэзіи и философіи. Въ 1798 году она развелась съ мужемъ и уѣхала къ Шлегелю въ Іену. Нужно ли говорить, что о бракѣ и рѣчи не было, о бракѣ, который Шлегель назвалъ въ своихъ статьяхъ искусственнымъ, такъ какъ «государство, по своей испорченности, старается поддерживать его силою, уничтожая такимъ образомъ возможность заключенія настоящихъ браковъ» *). Сама Доротея, смотрѣвшая на бракъ, какъ на актъ печальной необходимости, первая возстала бы противъ этого. «Соединить по-мѣщански нашу судьбу,— писала она, — никогда не было нашимъ намѣреніемъ, несмотря на то, что я давно уже не считала возможнымъ, дабы что-либо могло разлучить насъ, кромѣ смерти. Однако, хотя мнѣ и противны всякія соображенія о томъ, что будетъ, я всетаки дѣйствовала бы согласно съ требованіями минуты и разбила бы самыя дорогія для меня идеи, если бы ненавистная мнѣ церемонія была единственнымъ средствомъ связать насъ навсегда».

Чтобы познакомиться съ отношеніями Шлегеля къ Доротеѣ и кстати составить полное понятіе объ ихъ умственной и душевной жизни, достаточно познакомиться съ романомъ Шлегеля «Луцинда», въ которомъ

*) Философъ Шлейермахеръ, другъ Шлегеля, очень интересовавшійся его отношеніями къ Доротеѣ, не раздѣлялъ этого взгляда, но находилъ вполнѣ естественнымъ бракъ вчетверомъ и говорилъ, что „могли бы состояться вполнѣ удовлетворительные браки, если бы взяли три или четыре пары и позволили всѣмъ обмѣняться мѣстами».

поэтъ вывелъ и себя, и свою возлюбленную. Этотъ романъ произвелъ большое впечатлѣніе и вызвалъ цѣлую бурю негодованія въ Германіи, такъ какъ высказанныя въ немъ мысли совершенно противорѣчили общественнымъ понятіямъ, созданнымъ цѣлымъ рядомъ вѣковъ. Достаточно сказать, что Шлегель выставляетъ въ немъ личность гетеръ идеаломъ высшаго развитія и общечеловѣческой образованности и объявляетъ борьбу устарѣлымъ взглядамъ. Онъ почти рабски вывелъ въ романѣ не только себя и Доротею, но и нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ, которые, какъ Шлейермахеръ, вполнѣ раздѣляли его воззрѣнія. Буря, вызванная этимъ романомъ, тѣмъ болѣе замѣчательна, что въ ней слышались удары грома и по адресу самого Шлегеля, и его возлюбленной, на отношенія между которыми дѣлались явные намеки въ рецензіяхъ и критическихъ статьяхъ, посвященныхъ роману. Доротея мужественно переносила эти намеки и нападки, выказывая избраннику своего сердца непоколебимую преданность и готовность на жертвы и не протестуя противъ причудъ, которыхъ у него было больше, чѣмъ у кого-либо. Она имъ гордилась и была счастлива, что могла посвятить свой романъ «Флорентинъ» возлюбленному. Конечно, и Шлегель платилъ ей тѣмъ же. Идея свободы половыхъ отношеній нашла себѣ полное осуществленіе.

Но понятно, что этимъ дѣло не могло ограничиться. Разъ бракъ—устарѣлый институтъ, разъ мужчины и женщины, между которыми существуетъ сродство душъ, имѣютъ право сходиться безъ всякихъ формальностей и даже цѣлыми группами, то отчего не начать жизнь втроемъ, вчетверомъ, жизнь, основанную на новыхъ началахъ, полную свободы, страсти и соблазна? Такую жизнь, вѣроятно, и вели любовники, когда въ ихъ домѣ поселился другой проповѣдникъ свободной любви—Фихте. Доротея пишетъ объ этомъ: «Мнѣ вообще такъ хорошо въ этомъ монастырѣ философовъ, какъ будто я никогда не знала ничего лучшаго. Только Фихте внушаетъ мнѣ какой-то страхъ; этому виною не онъ, а мои отношенія къ свѣту и къ Фридриху; я чего-то боюсь, но, можетъ быть, ошибаюсь. Писать больше не могу, потому что мои философы безпрестанно то вбѣгаютъ въ мою комнату, то уходятъ, такъ что у меня кружится голова». Жизнь вмѣстѣ такъ всѣмъ понравилась, что Шлегель, Доротея и Фихте рѣшили никогда не разлучаться. Фихте писалъ объ этомъ женѣ: «Если это удастся, то всѣ мы, то есть оба Шлегеля, Шеллингъ (его также предполагалось завербовать въ милую компанію) и я будемъ составлять одну семью, наймемъ большую квартиру, будемъ держать одну кухарку и т. д.». Дѣло, однако, не было доведено до конца, такъ какъ всѣ свободолюбивые планы философовъ-поэтовъ, смѣшивавшихъ жизнь съ вымысломъ, разбились о простой, но непреодолимый законъ той же жизни: жены братьевъ Шлегелей никакъ не ладили и не могли ужиться вмѣстѣ...

Шлегель и Каролина.

Еще болѣе рѣзко выразилось свободолюбивое отношеніе романтизма къ женщинамъ въ связи Шлегеля съ Каролиною. Она, какъ разсказываетъ Брандесъ, родилась въ 1763 году и вышла замужъ за доктора Бремера двадцати одного года. Шлегель познакомился съ нею во время своихъ учебныхъ занятій въ Геттингенѣ и влюбился въ нее; но она отклонила

его предложеніе вступить въ бракъ. Знакомство между ними было прервано и поддерживались только письменныя отношенія, когда Шлегель взялъ въ 1791 году мѣсто домашняго учителя въ Амстердамѣ, гдѣ у него завелись разныя любовныя интриги и, между прочимъ, одна серьезная связь, заставившая его позабыть о Каролинѣ. Тѣмъ временемъ она впуталась въ самыя странныя затрудненія. Въ 1792 г. она отправилась въ Майнцъ и жила въ домѣ Георга Форстера. Когда этотъ достойный удивленія и геніальный, но слишкомъ горячій человѣкъ, бывшій наставникомъ Гумбольдта и прославившійся какъ естествоиспытатель и писатель, втянулся въ революціонныя предпріятія и пытался распространить французскую свободу на берегахъ Рейна, Каролина ревностно раздѣляла его симпатіи и намѣренія и вела знакомство съ членами республиканскаго клуба въ Майнцѣ. Ее, хотя и несправедливо, подозрѣвали въ томъ, что она была въ сношеніяхъ съ непріятелемъ чрезъ посредство своего зятя Бремера. Когда нѣмецкія войска снова заняли Майнцъ, она была арестована и провела нѣсколько мѣсяцевъ въ тяжеломъ заключеніи, живя въ одной комнатѣ съ семью другими арестантами. Изъ тюрьмы она писала Шлегелю, прося его о помощи. Положеніе ея было еще болѣе непріятно и запутано, чѣмъ казалось. Вслѣдствіе отчаянія, что самыя горячія ея желанія не осуществились (она надѣялась, что мужественный и энергичный Таттеръ предложитъ ей свою руку), она бросилась на шею случайному обожателю-французу, и эти сношенія неизбѣжно скомпрометировали бы ее навсегда, если бы друзья не поспѣшили освободить ее изъ заключенія. Вильгельму Шлегелю и ея брату удалось, наконецъ, освободить Каролину, послѣ чего великодушный Вильгельмъ отдалъ ее, всѣми покинутую, подъ покровительство своего брата Фридриха. При такихъ-то неблагопріятныхъ для нея условіяхъ сблизился съ нею Шлегель. Онъ не былъ предрасположенъ въ ея пользу и даже былъ весьма недалекъ отъ того, чтобы чувствовать къ ней презрѣніе. Несмотря на это, онъ пишетъ: «Я, право, не ожидалъ найти въ ней простоту и дѣйствительно божественный умъ... Она произвела на меня очень сильное впечатлѣніе; я хотѣлъ было пріобрѣсти ея расположеніе и дружбу, но, замѣтивъ нѣкоторое участіе съ ея стороны ко мнѣ, я убѣдился, что простая попытка въ этомъ направленіи привела бы насъ къ тяжелой борьбѣ и что дружба между нами могла бы возникнуть только какъ поздній плодъ многихъ превратныхъ влеченій; съ этой минуты я отказался отъ всякихъ своекорыстныхъ притязаній. Я поставилъ себя въ самыя простыя безыскусственныя къ ней отношенія; я былъ почтителенъ къ ней, какъ сынъ, откровененъ, какъ братъ, простодушенъ, какъ ребенокъ, и невзыскателенъ, какъ другъ». Несмотря, однако, на это, Шлегель всетаки женился въ 1796 году на своей сильно скомпрометированной подругѣ.

Съ этой минуты началась раздольная жизнь для Каролины. Она оказалась въ центрѣ кружка, составлявшаго нѣкоторымъ образомъ главную квартиру романтизма. Гердеръ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Тикъ, Шлейермахеръ, Гарденбергъ и Гёте, сблизившійся тогда съ молодой школой, были ея близкими друзьями. Она чувствовала себя прекрасно въ кругу этихъ партизановъ мысли и, какъ язвительно

замѣчаетъ Брандесъ, завтракала съ Гёте, обѣдала у Фихте и не въ мѣру была неразлучна съ Шеллингомъ». Умная, веселая, талантливая, она принимала дѣятельное участіе въ стремленіяхъ романтической школы, литераторствовала, исправляла произведенія другихъ, печатала анонимныя рецензіи, то сама работая перомъ, то пуская въ ходъ свое вліяніе на окружавшихъ. Шиллеръ ее постоянно называлъ дама-Люциферъ. Когда у нея умерла геніальная пятнадцатилѣтняя дѣвочка (отъ перваго брака), горе ея было очень велико, но она вскорѣ утѣшилась, вступивъ въ любовную связь съ Шеллингомъ. Этому не мало способствовало охлажденіе между нею и Шлегелемъ, который даже жилъ въ другомъ городѣ, гдѣ съ большимъ усердіемъ отдавался осуществленію своихъ вольныхъ взглядовъ на отношенія между полами—сошелся съ сестрою Тика, Софьею Бенгарди, которая для этой цѣли даже развелась съ мужемъ, а потомъ старался жениться на дочери раціоналиста Паулуса. Когда сближеніе Шеллинга съ Каролиною оказалось слишкомъ уже тѣснымъ, Шлегель не поколебался освободить жену отъ узъ брака. «Мы,—писала Каролина,—расторгнули связь, на которую никогда иначе не смотрѣли, какъ на совершенно свободную». Но болѣе всего любопытно для характеристики романтиковъ это то, что Шлегель и Шеллингъ остались попрежнему друзьями и вели пріятельскую переписку. Сама Каролина обмѣнивалась дружескими письмами съ бывшимъ мужемъ, который въ одно прекрасное время нашелъ даже возможнымъ посѣтить парочку въ Мюнхенѣ вмѣстѣ съ г-жею Сталь...

Таковъ былъ романтизмъ и таковы были его главные представители въ Германіи.

*Виландъ и Софія Ларошъ *).*

Виландъ, творецъ «Оберона» и первый переводчикъ Шекспира на нѣмецкій языкъ, можетъ считаться отчасти только предшественникомъ романтиковъ; но и онъ раздѣлялъ всѣ слабости выдающихся представителей будущей романтической школы, хотя и въ значительно меньшей степени. Онъ принадлежитъ къ категоріи поэтовъ, которые не сразу стали на прямой путь творчества, долго блуждали, долго колебались и только сильному толчку извнѣ обязаны тѣмъ, что твердо пошли по извѣстной дорогѣ. Толчкомъ этимъ послужила для него встрѣча съ одною изъ типичнѣйшихъ женщинъ того времени—Софіею Ларошъ. Въ то время, когда Виландъ встрѣтился съ нею, онъ былъ влюбленъ въ другую, столь же эксцентричную по нашимъ понятіямъ, но совершенно естественную съ точки зрѣнія того времени, — Юлію Бондели, но это ему не помѣшало тотчасъ проникнуться новымъ чувствомъ, которое, однако, какимъ-то чудомъ совмѣщалось у него съ прежней страстью къ Юліи. Онъ даже нашелъ возможнымъ распространяться о своей любви къ Ларошъ въ письмахъ къ Юліи, за что, впрочемъ, поплатился расположеніемъ послѣдней. Ларошъ, никогда не заботившаяся о своей нравственности, долго не упорствовала и даже въ одно прекрасное время переселилась въ домъ Виланда. Съ этой именно

---

*) Wielands Werke. Cabinets Ausgabe. Cotha. — *Adalbert von-Hanstein.* «Die Frauen in der Geschichte des Deutschen Geistteslebens», т. II.

минуты, благодаря ея вліянію, въ Виландѣ и закончился процессъ поэтическаго броженія и онъ смѣло пошелъ по пути художническаго творчества.

Страсть Виланда и Софіи Ларошъ, лишенная устоевъ нравственной святости, вскорѣ погасла. Любовники разошлись, но остались друзьями, что составляетъ характерную черту въ отношеніяхъ романтиковъ къ женщинамъ. Якоби записалъ моментъ встрѣчи возлюбленныхъ спустя долгое время послѣ разлуки. Это очень интересный моментъ. «Вскорѣ,—пишетъ онъ,—услышали мы шумъ экипажа. Взглянувъ въ окно, мы увидѣли, что это онъ (т. е. Виландъ). Г-нъ Ларошъ бросился внизъ по лѣстницѣ къ нему навстрѣчу, я вслѣдъ за нимъ, и мы встрѣтили друга по ту сторону двери. Виландъ былъ взволнованъ. Въ то время, когда мы съ нимъ здоровались, сошла внизъ г-жа Ларошъ. Виландъ только-что съ нѣкоторымъ безпокойствомъ освѣдомился о ней, видимо сгорая нетерпѣніемъ ее увидѣть. Вдругъ онъ взглянулъ на нее, и я ясно видѣлъ, какъ онъ вздрогнулъ. Послѣ этого онъ повернулся въ сторону и, бросивъ шляпу на землю, кинулся къ Софіи. Все это сопровождалось такимъ необыкновеннымъ выраженіемъ во всемъ существѣ Виланда, что я былъ потрясенъ до глубины души. Софія пошла навстрѣчу другу своему съ раскрытыми объятіями; но онъ, вмѣсто того чтобы упасть въ ея объятія, схватилъ ея руки и, наклонившись, спряталъ въ нихъ лицо. Софія, съ небеснымъ выраженіемъ на лицѣ, наклонилась надъ нимъ и сказала голосомъ, которому неспособны подражать никакіе Клероны и Дюбуа: «Виландъ... Виландъ... о, да... вы... вы все тотъ же милый мой Виландъ!». Пробужденный этимъ трогательнымъ голосомъ, Виландъ нѣсколько выпрямился и, взглянувъ въ плачущіе глаза своей подруги, упалъ лицомъ къ ней на плечо. Никто изъ окружавшихъ ихъ лицъ не могъ удержаться отъ слезъ. У меня онѣ текли по щекамъ; я рыдалъ. Я былъ внѣ себя и до сихъ поръ не знаю, какъ кончилась эта сцена и какъ мы вмѣстѣ вошли въ залъ».

Софія Ларошъ, рожд. Гуттерманъ.

Любовникъ, плачущій на плечѣ своей бывшей возлюбленной въ присутствіи ея мужа, между тѣмъ какъ друзья обоихъ обливаются горькими слезами,—да, только романтизмъ съ его вычурностями, бреднями и оторванностью отъ почвы могъ выростить такое странное, дикое, неестественное явленіе.

Клопштокъ. Чтобы покончить съ германскими поэтами*), намъ остается сказать только два слова о Клопштокѣ, объ этомъ видномъ представителѣ германскаго классицизма, авторѣ «Мессіады», бывшемъ для нѣмецкой поэзіи тѣмъ же, чѣмъ сдѣлался впослѣдствіи Карамзинъ съ своею «Бѣдною Лизою» для нашей поэзіи. Онъ жилъ задолго до начала романтическаго направленія въ германской литературѣ (родился въ 1724, умеръ въ 1803 году), и поэтому отношенія его къ женщинамъ были чужды безшабашной распущенности, которую романтики хотѣли насильно вдвинуть въ рамки идеи. Характерны эти отношенія только тѣмъ, что даютъ понятіе о поэтѣ-неудачникѣ въ области страстнаго вздыхательства. Онъ много любилъ, но всѣ его любовныя похожденія оканчивались неблагополучно. Когда жена его умерла отъ родовъ, онъ влюбился въ Сидонію Дидрихъ, которая, отказавъ ему, вышла за капитана Кенига и также умерла отъ родовъ. Влюбчивый Клопштокъ искалъ утѣшенія въ любви Сеселіи Амброзіусъ, и нѣкоторое расположеніе, которое она оказывала ему, какъ будто давало ему надежду на то, что утѣшеніе будетъ найдено; но въ концѣ концовъ и оно оказалось обманчивымъ. Опечаленный, съ разбитымъ сердцемъ, онъ вдругъ встрѣтилъ живое участіе со стороны Іоганны Винтемъ, но она была замужемъ и давно уже сдѣлалась матерью четырехъ дѣтей. До глубокой старости прожилъ онъ въ безплодныхъ исканіяхъ, пока не умеръ мужъ Іоганны и онъ, наконецъ, могъ связать свою «судьбу» съ ея судьбою. Можетъ быть, именно этими постоянными неудачами и объясняется его мистическо-религіозное міросозерцаніе, нашедшее полное отраженіе въ его крупнѣйшемъ произведеніи—«Мессіадѣ». Неудачи въ любви, какъ и удачи, имѣютъ свои хорошія и дурныя стороны. Въ настоящемъ случаѣ онѣ имѣли только хорошія.

ФРАНЦІЯ.

Вольтеръ.—Расинъ.—Мюссэ.—Виньи.—Верленъ.

Вольтеръ. Ни одинъ поэтъ въ мірѣ не пользовался при жизни такимъ значеніемъ, какъ Вольтеръ. Это не была знаменитость, внушающая уваженіе потому, что она — знаменитость. Это былъ полубогъ. Передъ нимъ преклонялись, какъ передъ высшимъ существомъ; его слово имѣло больше вѣса, чѣмъ слова всѣхъ высокопоставленныхъ особъ, не исключая короля и министровъ; къ нему ѣздили на поклоненіе почитатели его таланта, какъ правовѣрные мусульмане къ святилищу Мекки. Если бы нужно было въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовать роль и значеніе Вольтера не только во Франціи, но и во всемъ культурномъ мірѣ конца прошлаго столѣтія, то лучше всего было бы привести письмо Фридриха II прусскаго, приглашавшаго его въ свои владѣнія: «Вы,—писалъ король,—подобны бѣлому слону, изъ-

*) Австрійскій поэтъ Ленау (Стреленау), упомянутый въ заголовкѣ этой главы, попалъ туда по недосмотру.

за обладаніе которымъ ведутъ войны персидскій шахъ и великій моголъ; тотъ, кто его получитъ въ концѣ концовъ, увеличиваетъ свои титулы указаніемъ на то, чѣмъ онъ владѣетъ. Когда вы пріѣдете сюда, вы увидите въ началѣ моихъ титуловъ слѣдующее: «Фридрихъ, Божьей милостью король прусскій, курфюрстъ бранденбургскій, владѣлецъ Вольтера».

Что при такихъ условіяхъ Вольтеръ пользовался большимъ расположеніемъ у женщинъ, понятно само собою. Этому нисколько не мѣшало его безобразіе, извѣстное всему міру. Первою женщиною, встрѣтившеюся ему на пути, была знаменитая куртизанка Нинонъ де-Ланкло. Однако, склонность, которую она питала къ поэту, не могла дурно отразиться на немъ, такъ какъ Вольтеру было въ то время всего десять лѣтъ, а ей восемнадцать. Она, вѣроятно, предчувствовала, что изъ мальчика выйдетъ знаменитый человѣкъ, и, когда ея послѣдній поклонникъ, извѣстный аббатъ Шатонефъ, крестный отецъ Вольтера, представилъ ей ребенка, она подарила ему 2.000 франковъ на пріобрѣтеніе книгъ, съ помощью которыхъ онъ могъ добиться знаменитости.

Первый успѣхъ въ области поэзіи улыбнулся Вольтеру также рано. Когда ему было семнадцать лѣтъ, онъ написалъ оду въ честь дофина и подарилъ ее старому отставному офицеру, который выдалъ ее при дворѣ за свою и за это въ награду получилъ пенсію. Имя настоящаго автора, впрочемъ, вскорѣ обнаружилось и молодой поэтъ сразу сдѣлался завсегдатаемъ высшаго свѣта. Онъ былъ ежедневно гостемъ въ кружкахъ герцога Вандомскаго и принца Конти, вслѣдствіе чего получилъ прозвище confident des princes. Къ этому времени онъ закончилъ свое образцовое произведеніе «Эдипъ», написанное по образцу трагедій Софокла. Къ его величайшему удивленію, однако, оно не было поставлено на сценѣ Французскаго Театра, такъ какъ въ немъ не оказалось требуемой уставомъ театра любовной сцены. Тогда онъ представилъ его въ академію, чтобы получить премію на конкурсѣ, но и премію получилъ авторъ какого-то посредственнаго произведенія. Оскорбленный, негодующій, молодой поэтъ (тогда его еще звали Аруэ; дворянское имя Вольтеръ онъ присвоилъ себѣ позднѣе) написалъ нѣсколько язвительныхъ стихотвореній противъ Французскаго Театра и академіи, но отмстилъ этимъ не столько имъ, сколько себѣ, такъ какъ принужденъ былъ бѣжать отъ грозившей ему тюрьмы. Убѣжище нашелъ онъ въ Гаагѣ у французскаго посланника, гдѣ, чтобы не умереть съ голода, занялся составленіемъ анонимныхъ эпиграммъ и анекдотовъ, въ которыхъ осмѣивались сильные міра сего. При этомъ помогала ему одна дама, нѣкая Дюнуйе, вмѣстѣ съ своей прекрасной дочерью. Вольтеръ влюбился въ эту дочь и, несмотря на свое безобразіе, встрѣтилъ съ ея стороны взаимность. Однако, жениться на ней ему не удалось: помѣшали родственники дѣвушки, которая вскорѣ послѣ того вышла замужъ за нѣкоего Винтерфельда. Не найдя уголка своему оскорбленному чувству и въ Гаагѣ, Вольтеръ вернулся въ Парижъ, гдѣ тотчасъ же его заподозрили въ составленіи язвительныхъ стихотвореній на умершаго короля и регента. Вслѣдствіе этого его посадили въ Бастилію, гдѣ онъ и оставался цѣлый годъ безъ чернилъ и бумаги. Несмотря на это, онъ написалъ тамъ свою знаменитую «Генріаду», вѣрнѣе, не написалъ, а заучилъ стихи наизусть. На бумагѣ увѣковѣчилъ онъ ее уже послѣ того, какъ его освободили изъ заключенія.

Когда онъ вышелъ изъ тюрьмы, друзья встрѣтили его съ восторгомъ. Самъ регентъ осыпалъ его знаками милости и на аудіенціи увѣрялъ, что будетъ отнынѣ заботиться, чтобы онъ былъ сытъ и имѣлъ порядочный уголъ. Вольтеръ отвѣтилъ съ улыбкою:

— Мнѣ будетъ очень пріятно, если ваше высочество дадите мнѣ пропитаніе; но что касается казенной квартиры, то нѣтъ ужь, увольте, если, конечно, она попрежнему будетъ въ Бастиліи.

Прежнія приглашенія въ великосвѣтскіе дома возобновились. Между прочимъ, онъ посѣтилъ дворецъ герцога Бетюнскаго, средоточіе тогдашней умственной и аристократической знати. Тамъ онъ познакомился съ ученѣйшею женщиною Франціи, г-жею Дасье, урожденною Лефебръ, которая перевела Гомера и писала книги на латинскомъ языкѣ, служившія дофину для ученія. Благодаря ей, вѣроятно, Вольтеръ проникся уваженіемъ къ ученымъ женщинамъ. Къ этому же времени относится его склонность къ баронессѣ де-Рюпельмондъ. Она предложила посѣтить ее въ Голландіи и онъ, конечно, поѣхалъ, слѣдствіемъ чего явилось стихотвореніе, въ которомъ онъ сравнивалъ ее съ Уранією—прообразомъ женскаго совершенства въ греческой миѳологіи. Онъ тогда еще не предчувствовалъ, что ему придется встрѣтиться съ другою Уранією, которая будетъ достойнѣе называться Уранією, съ маркизою дю-Шатлэ, прославленною имъ подъ звонкимъ именемъ «божественная Эмилія».

Вольтеръ и Адріенна Лекувреръ.

Впрочемъ, еще до знакомства съ маркизою дю-Шатлэ Вольтеръ встрѣтился съ двумя актрисами, съ которыми сблизился, а потомъ полюбилъ. Имя одной изъ нихъ осталось неизвѣстно потомству. Зато извѣстна сцена изъ жизни Вольтера, въ которой она приняла участіе. Онъ окончилъ тогда свою трагедію «Артемиза» и главную роль поручилъ красивой, но бездарной артисткѣ. При постановкѣ на сценѣ трагедія уже послѣ второго акта была освистана. Это привело знаменитаго уже въ то время поэта въ сильнѣйшій гнѣвъ. Онъ бросился на сцену Французскаго Театра и обратился къ публикѣ съ рѣчью, въ которой то умолялъ, то требовалъ пощадить хотя бы послѣдній актъ его произведенія. Его слова были встрѣчены громкимъ смѣхомъ и свистками, пока, наконецъ, часть публики не узнала, что передъ нею самъ авторъ «Эдипа». Свистки тотчасъ же уступили мѣсто рукоплесканіямъ и послѣдній актъ былъ спасенъ. Тѣмъ не менѣе Вольтеръ былъ слишкомъ оскорбленъ происшедшимъ и больше уже не ставилъ «Артемизы». Неуспѣхъ онъ приписалъ исключительно любимой, но лишенной таланта актрисѣ, а этого было достаточно, чтобы она потеряла въ его глазахъ прежнее обаяніе и сдѣлалась предметомъ отвращенія. Больше съ тѣхъ поръ онъ не встрѣчался съ нею.

Не такъ обстояло дѣло съ другою артисткою, которая была столько же талантлива, какъ и прекрасна, съ Адріенною Лекуврeръ. Привязанность поэта къ этой прелестной, но несчастной женщинѣ продолжалась долго, хотя и она не была лишена горькихъ случайностей, имѣвшихъ большое значеніе въ жизни Вольтера. Однажды происходило большое торжество у президента Демезона, богатаго покровителя бѣдныхъ знаменитостей. Дача его была великолѣпнымъ зданіемъ, выстроеннымъ тѣмъ Мансардомъ, который изобрѣлъ мансарды. На сценѣ въ этомъ домѣ должна была выступить Адріенна Лекуврeръ въ новой пьесѣ

Вольтера и приглашенія были разосланы отборнѣйшей части парижскаго общества. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали поднятія занавѣса, какъ вдругъ съ Вольтеромъ приключился припадокъ горячки. Врачи установили, что у него черная оспа, и въ одну минуту гости поднялись съ мѣстъ и бросились къ выходу. Никто не остался въ чудномъ зданіи Демезона, кромѣ Адріенны Лекуврёръ, которая самоотверженно ухаживала за больнымъ поэтомъ и поставила его на ноги. Дружба между Вольтеромъ и Адріенною перешла послѣ этого въ нѣжную любовь. Бѣдная, она не предчувствовала, что всего черезъ нѣсколько лѣтъ Вольтеръ заплатитъ ей такою же любовью, но только при ужасныхъ обстоятельствахъ, которыхъ она и представить себѣ не могла.

Останавливаться ли подробно на жизни Адріенны? Она не сложна и извѣстна всѣмъ. Артистка эта сдѣлалась знаменитою, больше благодаря своей трагической любви къ графу Морицу Саксонскому, чѣмъ благодаря своему таланту. Дѣло въ томъ, что легкомысленный сынъ короля, находясь въ связи съ артисткою, завязалъ также сношенія съ двумя другими дамами, и одна изъ нихъ отравила бѣдную Адріенну, пославъ ей пропитанный ядомъ букетъ (по другой версіи, она ей послала коробку конфектъ). Артистка умерла въ одиночествѣ, покинутая всѣми. Одинъ только Вольтеръ явился къ ней въ послѣднюю минуту, закрылъ ей глаза и присутствовалъ на ея похоронахъ. Артисты и артистки отлучались тогда отъ церкви и хоронить ихъ, какъ прочихъ смертныхъ, нельзя было. Безъ всякой церемоніи, безъ свѣчъ, ладана, даже безъ гроба, а просто закутанною въ холстъ, на подобіе пакета, знаменитая покойница была положена на наемныя дроги и погребена на берегу Сены. Вольтеръ былъ возмущенъ этимъ и написалъ апоѳеозъ, который остался прекраснѣйшимъ, истинно нерукотворнымъ памятникомъ Адріенны Лекуврёръ.

Вскорѣ послѣ этого Вольтеръ поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ присутствовалъ на торжественныхъ церковныхъ похоронахъ артистки Сиддонсъ, что дало ему поводъ сравнить Францію и Англію по степени толерантности. Величественные похороны Ньютона, гробъ котораго несли шесть герцоговъ и шесть графовъ, также произвели на него сильное впечатлѣніе. Онъ негодовалъ противъ французскаго правительства, которое не

признавало еще культа генія. Если бы только онъ могъ предчувствовать, что его собственные похороны будутъ еще болѣе блестящими, чѣмъ погребеніе Ньютона, то, конечно, у него не хватило бы столько негодованія противъ Франціи и ея правительства. Но онъ не зналъ и поэтому, вернувшись на родину, обрушился тамъ на власть имѣющихъ со всею силою могучей сатиры. Вполнѣ естественно, что ему опять пригрозили Бастиліею. И вотъ, чтобы избавиться отъ этой опасности, Вольтеръ уѣхалъ изъ Парижа и подъ ложнымъ именемъ поселился въ Руанѣ. Тамъ именно сошелся онъ съ маркизою дю-Шатлэ, которую, какъ сказано, онъ называлъ «божественною Эмиліею» и которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, имѣла огромное вліяніе на всю его дальнѣйшую жизнь и писательскую дѣятельность.

Вольтеръ и маркиза дю-Шатлэ.

Съ маркизою дю-Шатлэ Вольтеръ встрѣтился при исключительныхъ обстоятельствахъ. Находясь подъ вѣчнымъ страхомъ быть узнаннымъ и отправленнымъ въ Парижъ, гдѣ его уже ждала Бастилія, онъ никуда не выходилъ изъ дому, гдѣ велъ жизнь настоящаго отшельника. Однажды въ лунную ночь онъ всетаки рѣшился выйти на прогулку. Возвращаясь домой въ свою скромную квартиру, онъ замѣтилъ недалеко отъ нея нѣсколькихъ человѣкъ, которые, повидимому, кого-то поджидали. Они дѣлали угрожающіе жесты своими палками, и Вольтеръ невольно вспомнилъ случай изъ своей жизни, происшедшій съ нимъ въ Парижѣ и наполнившій его сердце ненавистью къ сливкамъ дворянства. Это была знаменитая выходка герцога Роганъ-Шабо, который приказалъ своимъ слугамъ поколотить Вольтера на улицѣ за то, что тотъ задѣлъ его въ памфлетѣ. Физически слабый поэтъ едва не умеръ тогда подъ ударами усердныхъ слугъ, и вполнѣ понятно, что, увидѣвъ теперь мужчинъ, вооруженныхъ палками, почувствовалъ, что душа его уходитъ въ пятки. Не рѣшаясь войти въ свою квартиру, онъ сталъ думать, куда бы бѣжать, какъ вдругъ новое зрѣлище привлекло его вниманіе. Стройная амазонка, съ развѣвающимися перьями на шляпѣ, ѣхала въ сопровожденіи кавалера и остановилась у дома, въ которомъ онъ жилъ. Ея появленіе испугало, повидимому, группу мужчинъ съ палками и они разошлись. Ободренный этимъ, Вольтеръ вышелъ изъ своего прикрытія и поклонился дамѣ, которую могъ считать своей спасительницей.

При волшебномъ сіяніи луны женщина эта могла показаться поэту поистинѣ божественною, и это первое впечатлѣніе глубоко врѣзалось въ его памяти навсегда. Она дѣйствительно явилась его спасительницею. Войдя къ нему, прекрасная незнакомка разсказала, что, узнавъ въ Парижѣ отъ друзей о его пребываніи въ Руанѣ, гдѣ ему постоянно грозитъ опасность быть открытымъ, она прискакала на конѣ въ Руанъ, чтобы предложить ему помѣщеніе въ своемъ замкѣ. Ея мужъ, которымъ оказался сопровождавшій ее кавалеръ, относился съ такимъ же уваженіемъ къ поэту и рѣшился ограждать его отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ со стороны правительства. Нечего говорить, что Вольтеръ съ радостью принялъ предложеніе и много лѣтъ провелъ въ ихъ замкѣ. Впослѣдствіи онъ проводилъ ихъ въ полуразрушенный замокъ Сирей, который при его содѣйствіи былъ опять превращенъ въ жилое помѣщеніе. Вольтеръ уже могъ въ это время оказать денежную поддержку, такъ какъ, благодаря подпискѣ на его «Генріаду» въ Англіи, а также

благодаря многочисленнымъ удачнымъ операціямъ, у него оказалась ежегодная рента въ 80.000, а по другой версіи—даже въ 150.000 ливровъ.

Пятнадцать лѣтъ провелъ онъ со своей подругой въ этомъ замкѣ, которому придалъ характеръ настоящаго волшебнаго уголка, и время это совпало съ высшимъ подъемомъ его творческой дѣятельности, такъ что вліяніе дю-Шатлэ можно считать благотворнымъ для всей его литературно-общественно-философской карьеры. Тамъ, въ уединенномъ уголкѣ, онъ могъ основательно обдумать впечатлѣнія, вынесенныя изъ свободной Англіи, и, претворивъ ихъ въ собственныя убѣжденія, выступить со всею силою мощнаго таланта противъ разъѣдающихъ золъ тогдашняго общественно-политическаго строя во Франціи. Онъ ополчился противъ тирановъ, хотя признавалъ Бога и короля, возстановилъ противъ себя цѣлую армію враговъ—королей, парламентскихъ совѣтниковъ, священниковъ, артистовъ, писателей. Его сочиненія не разъ сжигались публично рукою палача въ Парижѣ, Берлинѣ, Женевѣ. Гоненія не достигали цѣли, такъ какъ безпокойная натура его только окрылялась послѣ каждаго насильственнаго шага и въ своей безпощадной борьбѣ за людей и человѣчество онъ иногда казался даже противникамъ однимъ изъ священныхъ рыцарей, присланныхъ на землю для высокой миссіи служенія добру. «Да,—восклицаетъ Карлейль восторженно, говоря о Вольтерѣ,—этотъ человѣкъ пришелъ на землю не для того, чтобы прославить ваши сухія кучи и счастливыхъ пѣтуховъ, которые въ нихъ роются, а для того, чтобы метать молніи и въ одно прекрасное время произвести въ мірѣ пожаръ».

Маркиза дю-Шатлэ.

Таковъ былъ человѣкъ, съ которымъ Эмилія дю-Шатлэ отважилась заключить союзъ тѣсной дружбы. Несмотря на то, что она обладала крупными знаніями и по образованности стояла на высотѣ вѣка, въ ея міровоззрѣніи замѣчалась романтическая струя. «Она немножко пастушка, — сказалъ про нее однажды Вольтеръ, — правда, пастушка въ брилліантахъ, съ напудренными волосами и въ огромномъ кринолинѣ». Вольтеръ не могъ любить всею силою существа, но онъ, несомнѣнно, питалъ къ ней глубокую привязанность и этому, вѣроятно, нужно приписать то, что пятнадцать лѣтъ, проведенныя съ нею, были

временемъ расцвѣта его творчества. Послѣ разлуки съ нею онъ только одинъ разъ сумѣлъ подняться до прежней высоты вдохновенія—въ «Танкредѣ». Недаромъ онъ называлъ Сирей «земнымъ раемъ» и въ 1733 году писалъ: «Я больше не поѣду въ Парижъ, чтобы не подвергать себя бѣшенству зависти и суевѣрія. Я буду жить въ Сиреѣ или на своей свободной дачѣ. Вѣдь я вамъ всегда говорилъ: если бы отецъ, мой братъ или мой сынъ сдѣлался первымъ министромъ въ деспотическомъ государствѣ, я бы отъ нихъ отрекся на слѣдующій же день. Поэтому можете судить, какъ непріятно я себя здѣсь чувствую. Маркиза для меня больше, чѣмъ отецъ, братъ или сынъ. У меня только одно желаніе—жить затерянымъ въ горахъ Сирея». Вольтеръ и затерянъ! Маркиза хорошо понимала характеръ великаго поэта и, зная, что значитъ иллюзія въ жизни человѣка, писала въ статьѣ «О счастіи»: «Не надо разрушать блескъ, который иллюзія бросаетъ на большую часть вещей, а наоборотъ, ему нужно придать поэтическій оттѣнокъ».

Была ли красива Эмилія? Современники отзываются неблагопріятно о ея наружности. Маркиза Креки, кузина дю-Шатлэ, старается выставить ее совсѣмъ некрасивой женщиной. «Она,—разсказываетъ маркиза,—была крѣпкаго тѣлосложенія, лихо ѣздила верхомъ, охотно играла въ карты и пила крѣпкое вино. У нея были ужасныя ноги и страшныя руки. Кожа ея была груба, какъ терка. Словомъ, она представляла собою идеальнаго швейцарскаго гвардейца, и совершенно непонятно, какъ это она заставила Вольтера сказать себѣ столько любезныхъ словъ». Единственно, что можно сказать въ пользу ея наружности, это то, что она была очень стройна. По временамъ она со своими неподвижными глазами и длиннымъ лицомъ напоминала привидѣніе; но та же Эмилія, когда она мчалась на своемъ быстромъ конѣ по горамъ и долинамъ, казалась плодомъ поэтическаго воображенія. Она родилась въ 1706 году, получила серьезное научное образованіе, понимала по-латыни, знала геометрію и философію. «Каждый годъ,—замѣчаетъ одна язвительная современница,—она производила смотръ своимъ принципамъ изъ боязни, какъ бы они не ускользнули отъ нея». Съ большимъ удовольствіемъ занималась она естественными науками и перевела сочиненія Ньютона на французскій языкъ. Маркизъ дю-Шатлэ женился на ней, конечно, не изъ любви и не изъ жадности, такъ какъ Эмилія де-Бретейль была бѣдной дѣвушкой. Супруги жили такъ, какъ жили вообще во времена Регенства, когда признакомъ хорошаго тона считалось, чтобы мужъ находился въ одномъ мѣстѣ, а жена—въ другомъ. Онъ волочился за оперными артистками, она завладѣла сердцемъ герцога Ришелье. Всѣ эти грустныя исторіи были забыты, когда лѣтомъ 1733 года она сошлась съ Вольтеромъ и «остепенилась». Поэту было въ то время 39 лѣтъ, а маркизѣ 27.

Жизнь возлюбленныхъ въ Сиреѣ подробно описана современниками и современницами Вольтера. Покои въ замкѣ были обставлены съ волшебной роскошью. Мраморныя статуи, бронза, серебро, драгоцѣнные каменья,—все это приковывало къ себѣ вниманіе на каждомъ шагу. Особенно роскошно были обставлены комнаты самой «божественной Эмиліи», напоминавшія сказку изъ «Тысячи и одной ночи». Не мало сплетенъ передавалось о нихъ въ парижскомъ обществѣ, но что имъ было до этого за дѣло? Они работали усердно, каждый для себя, и въ

этомъ, повидимому, была цѣль ихъ существованія. Маркиза даже ночью рѣшала геометрическія задачи, а Вольтера приходилось иногда по 3—4 раза звать къ обѣду, о которомъ онъ совершенно забывалъ за письменнымъ столомъ. Потомъ, за шампанскимъ, жившій въ немъ демонъ превращался въ ту полусмѣшную, полузлую «обезьяну», которую видѣли въ немъ его враги. Онъ начиналъ разсказывать всякія исторіи, декламировалъ стихи, шумѣлъ, язвилъ, издѣвался и, какъ выразился одинъ его современникъ, «стоя одною ногою въ могилѣ, другою дѣлалъ въ воздухѣ веселыя движенія». Все время, однако, онъ оставался «королемъ Вольтеромъ». Камердинеръ стоялъ за его кресломъ во время обѣда, слуги подносили ему блюда и вина, «какъ пажи дворянамъ короля». По временамъ онъ только поворачивалъ свою некрасивую голову, чтобы сказать: «Позаботьтесь-ка о маркизѣ!». И такъ проходили всѣ вечера, пока какая-нибудь литературная ссора, какая-нибудь враждебная рецензія на его новую книгу не вызывала морщинъ на его лбу и еще больше на лбу маркизы. Въ этихъ случаяхъ обѣды возлюбленныхъ напоминали трапезы Полифема въ его мрачной, ярко-красной отъ огня очага берлогѣ. Только постепенно послѣ этого прояснялось небо надъ Сиреемъ, и въ замкѣ начиналось дикое веселье, невольно заставлявшее вспоминать шабаши вѣдьмъ.

Такъ шла жизнь въ Сиреѣ. Говоря вообще, тамъ было довольно скучно. Визитеры, для которыхъ божественная Эмилія могла бы пѣть своимъ «божественнымъ голосомъ», а Вольтеръ дѣлать пунши, наѣзжали рѣдко. Маркизъ дю-Шатлэ, иногда посѣщавшій замокъ любовника своей жены, по обыкновенію ворчалъ, былъ недоволенъ и скоро уѣзжалъ. Лавровые вѣнки также не всегда получались изъ Парижа. Часто случалось, что Вольтеръ и Эмилія подолгу оставались во дворцѣ одни. Однажды—это было въ 1734 году—однообразіе было нарушено неожиданнымъ обстоятельствомъ: Вольтеру сообщили, что его арестуютъ, и онъ бѣжалъ въ Голландію. Въ отчаяніи, Эмилія писала своему другу д'Аржантайлю: «Сто пятьдесятъ миль отдѣляютъ меня отъ вашего друга, и вотъ уже двѣнадцать дней, какъ я не получала никакихъ извѣстій о немъ. Прощеніе, прощеніе! Но мое положеніе ужасно! Еще двѣ недѣли тому назадъ я не могла безъ горя провести вдали отъ него два часа; затѣмъ я посылала ему записки изъ своей комнаты въ его комнату, а теперь мнѣ неизвѣстно, гдѣ онъ и что онъ дѣлаетъ, я не могу даже воспользоваться печальнымъ утѣшеніемъ, которое доставило бы мнѣ возможность раздѣлить его несчастіе!».

Несмотря на пламенную привязанность другъ къ другу, между возлюбленными бывали и ссоры, причина которыхъ заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что Эмилія слишкомъ любила естественныя науки, относясь индифферентно къ поэзіи и исторіи. Въ минуты недовольства она даже открыто говорила, что было бы гораздо лучше, если бы Вольтеръ вовсе не писалъ стиховъ. Его «Исторію Людовика XIV» она держала подъ замкомъ, а Тацита называла «старою прачкою». Все это вызывало пререканія между возлюбленными, и г-жа Графиньи, часто бывавшая въ Сиреѣ, разсказываетъ, что однажды въ ея присутствіи «тарелки летѣли черезъ столъ». Она забыла, летѣли ли также серебро и фарфоръ, но что тарелки летѣли, она отлично помнитъ. «Не гляди на меня такъ своими глазищами!» сказалъ разъ раздраженный поэтъ

своимъ хриплымъ басомъ маркизѣ, которая тутъ же схватила ножъ. Словомъ, сцены бывали серьезныя, но онѣ быстро прекращались и тотъ же Вольтеръ, который бросалъ въ возлюбленную тарелкою, посылалъ ей потомъ стихотворные комплименты вродѣ слѣдующаго:

Sans doute vous serez célèbre
Par ces grands calculs de l'algèbre,
Où votre esprit est absorbé.
J'oserai m'y livrer moi-même,
Mais hélas! A+plus D—moins B
N'est pas=égal à je vous aime! *)

Въ свою очередь и маркиза скоро забывала ссору и опять возвращалась къ прежнему чувству. Однажды она написала на стѣнѣ своего сада: «Одиночество—счастіе, когда можно имѣть хорошую книгу и великаго друга».

Такъ, вѣроятно, текла бы жизнь возлюбленныхъ и дальше, если бы Эмилія, несмотря на пламень своей любви, въ одно прекрасное время не оказалась самою банальною женщиною, отдающеюся первому мужчинѣ, который произвелъ на нее впечатлѣніе. Она измѣнила. Случилось это въ 1748 году, когда маркиза жила вмѣстѣ съ Вольтеромъ при дворѣ польскаго короля Станислава Лещинскаго, окружавшаго себя только геніальными людьми. Тамъ, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, она влюбилась въ сухого, холоднаго и ограниченнаго офицера Сенъ-Ламбера, влюбилась, вѣроятно, потому, что ей было 40, а ему только 30 лѣтъ. Связь эта продолжалась недолго, но причинила много горя Вольтеру. Узналъ онъ о ней случайно: войдя однажды къ маркизѣ, Вольтеръ засталъ ее на софѣ около Сенъ-Ламбера въ положеніи, исключавшемъ всякія сомнѣнія насчетъ ихъ настоящихъ отношеній. Послѣдовалъ очень оживленный разговоръ. Сенъ-Ламберъ былъ дерзокъ, Вольтеръ—возмущенъ. Онъ тотчасъ же рѣшилъ уѣхать и, вернувшись къ себѣ, приказалъ приготовить карету, но маркиза не дала ему исполнить свою угрозу. Злые языки говорятъ, что, войдя въ комнату разгнѣваннаго любовника, она спокойно сѣла въ ногахъ постели, на которой онъ лежалъ, и сказала:

— Будьте же благоразумны, другъ мой. Я знаю, вы всегда заботились о моемъ здоровьи: вы одобряли режимъ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ ему, и любили меня такъ долго, какъ только могли. Въ настоящее время вы сами сознаетесь, что не можете долѣе продолжать въ томъ же духѣ безъ ущерба для вашего здоровья. Неужели же вы будете сердиться, если одинъ изъ вашихъ друзей рѣшился помочь вамъ?

— Ахъ, сударыня,—отвѣчалъ Вольтеръ, невольно преклоняясь передъ логикою своей подруги,—всегда выходитъ такъ, что вы правы. По крайней мѣрѣ, соблюдайте осторожность и не дѣлайте такихъ вещей на моихъ глазахъ.

На слѣдующій день Вольтеръ уже совершенно примирился съ положеніемъ и при встрѣчѣ съ Сенъ-Ламберомъ протянулъ ему руку и сказалъ:

---

*) Нѣтъ сомнѣнія, что вы прославитесь этими великими алгебраическими вычисленіями, въ которыя погруженъ вашъ умъ. Я самъ дерзнулъ бы погрузиться въ нихъ, но, увы, А+Д—минусъ В не=равняется словамъ: «я васъ люблю!».

— Мой дорогой мальчикъ, я все забылъ. Виноватъ во всемъ я. Вы съ такомъ возрастѣ, когда нравятся и любятъ. Пользуйтесь же этими мгновеніями: они слишкомъ коротки. Я—старикъ, человѣкъ больной, и эти удовольствія уже не для меня.

Вечеромъ, за ужиномъ у маркизы де-Бурлэ, Вольтеръ, обращаясь къ Эмиліи, продекламировалъ слѣдующее двустишіе:

C'est la main qui cueille les roses
Et les épines sont pour moi *).

Связь съ Сенъ-Ламберомъ стоила маркизѣ жизни: она забеременила, отчего и умерла 10 сентября 1749 года, черезъ нѣсколько дней послѣ родовъ, оставивъ Вольтеру грустное воспоминаніе о дняхъ блаженства, окончившихся такимъ печальнымъ финаломъ. Вольтеръ и мужъ дю-Шатлэ стояли потрясенными у ея смертнаго одра. Вдругъ поэтъ вспомнилъ, что маркиза всегда носила на груди медальонъ съ его портретомъ. Мужъ въ свою очередь думалъ, что портретъ въ медальонѣ—его собственный. Огорченные ея смертью и въ то же время сгорая нетерпѣніемъ убѣдиться въ чувствахъ покойной, оба они стали шарить на груди маркизы. Вотъ, наконецъ, медальонъ найденъ. Они его открываютъ. О, ужасъ! Въ немъ дѣйствительно портретъ, но не Вольтера и не мужа, а Сенъ-Ламбера! «Небо,—воскликнулъ поэтъ, поднявъ обѣ руки вверхъ,—таковы женщины! Я вытѣснилъ Ришелье, Сенъ-Ламберъ меня вытѣснилъ. Клинъ клиномъ выбивается. Такъ все идетъ на свѣтѣ!».

Тѣмъ не менѣе смерть маркизы, которая имѣла такое большое вліяніе на его творческую дѣятельность, привела Вольтера въ отчаяніе и онъ писалъ объ этомъ Фридриху Великому; «Я только-что присутствовалъ при смерти подруги, которую любилъ въ теченіе многихъ счастливыхъ лѣтъ. Эта страшная смерть отравитъ мою жизнь навсегда. Мы еще въ Сиреѣ. Ея мужъ и сынъ со мною. Я не могу покинуть помѣщеніе, освященное ея присутствіемъ; я таю въ слезахъ и въ этомъ нахожу облегченіе. Не знаю, что изъ меня будетъ, я потерялъ половину своего «я», потерялъ душу, которая для меня была создана». И дѣйствительно, жизнь его какъ бы была сломана. Одно время онъ думалъ даже поступить въ монастырь и посвятить себя наукѣ, а потомъ онъ увлекся Англіею и философіею Локка. Наконецъ, онъ поѣхалъ въ Парижъ, а затѣмъ въ Ферней, гдѣ нашелъ и почетъ, и поклоненіе женщинъ, но уже ни одна изъ нихъ не заняла въ его сердцѣ мѣста, которое принадлежало его «божественной Эмиліи».

Послѣдніе годы жизни Вольтера ознаменовались вліяніемъ новой женщины, но вліяніе это уже было совсѣмъ иного рода. Дѣло идетъ о племянницѣ Вольтера, г-жѣ Дени, которая тиранила его въ Фернеѣ и тащила повсюду, гдѣ можно было пожать лавры и деньги. Г-жа Эпиней такъ характеризуетъ ее въ своихъ мемуарахъ: «Племянница Вольтера уморительна. Это маленькая, толстая женщина, совершенно круглая, въ возрастѣ около 50 лѣтъ. Другой подобной женщины, конечно, нѣтъ. Отвратительная, лживая, но безъ злости, безъ всякаго ума, который ей такъ хотѣлось бы имѣть, крикливая, любящая споры, разсуждающая о политикѣ и литературѣ, о которыхъ она не имѣетъ никакого понятія. Она обожаетъ своего дядю, какъ дядю и человѣка; онъ также

*) Твоя рука срываетъ розы, а мнѣ остаются шипы.

любитъ ее, но издѣвается надъ нею». Эта-то страшная племянница потащила престарѣлаго Вольтера также и въ 1778 году въ Парижъ, гдѣ онъ и умеръ 30 мая отъ восторга по поводу оказаннаго ему тріумфа.

Передъ смертью, однако, ему еще разъ пришлось вкусить прелесть женской любви и привязанности. Маркиза де-Вильетъ, утверждавшая, что любитъ его, какъ дочь, пригласила великаго человѣка къ себѣ въ домъ, но не могла спасти его отъ смерти, несмотря на свой теплый уходъ за нимъ. Это была послѣдняя женщина, игравшая роль въ жизни фернейскаго философа.

*Расинъ**). Расинъ пользуется у насъ почетной неизвѣстностью. Имя его знакомо всѣмъ, но никто не читаетъ его произведеній. Между тѣмъ жизнь и дѣятельность этого человѣка представляютъ большой интересъ не только для исторіи литературы, но и для характеристики отношеній между поэтами и женщинами.

Каждая литература пережила періодъ, извѣстный подъ именемъ ложнаго классицизма. Странный это періодъ. Взрослые люди какъ бы превращаются въ дѣтей и начинаютъ показывать, что они — взрослые. Чего тутъ только ни продѣлывается! Изъ старыхъ фамильныхъ сундуковъ вытаскивается старинное платье, оставшееся еще со временъ Очакова и покоренія Крыма; со стѣнъ снимается устарѣлое оружіе, уже сотни лѣтъ висящее на нихъ, какъ мертвые свидѣтели бурлившей нѣкогда жизни; выуживаются изъ далекихъ временъ забытыя слова, застывшія на страницахъ исторіи формулы. И когда все это сдѣлано, взрослые люди, неожиданно превратившіеся въ дѣтей, начинаютъ напяливать на себя старомодные костюмы, брящать вышедшимъ изъ употребленія оружіемъ и говорить языкомъ, для пониманія котораго нуженъ опытный филологъ. Все ходульно, все вычурно. Ни единое слово не говорится въ простотѣ, а все съ ужимкою. Объ истинныхъ чувствахъ, о настоящемъ языкѣ страстей и рѣчи быть не можетъ. Слова готовы заранѣе, формулы выработаны давно и, чтобы выразить то или другое чувство, достаточно выбрать только любую фразу изъ богатой коллекціи готовыхъ оборотовъ, хранящихся подъ стекломъ витринъ въ обширномъ музеѣ національнаго лже-классицизма.

Вмѣстѣ съ Корнелемъ Расинъ явился наиболѣе яркимъ, наиболѣе талантливымъ выразителемъ этого теченія. Герои его—какъ бы мраморныя изваянія, но не тѣ, съ которыми сравнивали фигуры «Войны и Мира» Толстого, а другія—безжизненныя, неподвижныя, мертвыя. Они, конечно, напоминали жизнь, но не больше, какъ искусственный бассейнъ, заключенный въ гранитной рамкѣ, напоминаетъ свободное море въ его свободныхъ берегахъ. Все перепутывалось—природа съ вымысломъ, прошлое съ настоящимъ. Когда выводился на сцену французъ, трудно было сказать, чего въ немъ больше, французскаго или древне-римскаго; когда выводился римлянинъ, въ немъ опять проглядывалъ тотъ же французъ. Ахиллъ Расинъ галантно называетъ Ифигенію madame и читаетъ ей написанный строгимъ александрійскимъ стихомъ монологъ о сердечныхъ ранахъ, которыя она причинила ему сво-

---

*) Костомаровъ. «Исторія литературы древняго и новаго міра», т. 2.—Геттнеръ, т. 2.—А. Кирпичниковъ. «Французская литература въ эпоху псевдо-классицизма».—О. Батюшковъ. «Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина» (С. В., 1896, 7).

ими глазами. Развѣ это не напудренный маркизъ временъ Людовика XIV? Напрасно даже носятъ герои Расина имена: каждаго изъ нихъ можно назвать какъ угодно и дѣло отъ этого не измѣнится. Душевныя волненія изображались шаблонными пріемами. Вмѣсто настоящаго чувства были слова о чувствахъ. И люди не лгали,—нѣтъ, время было такое. Чопорность обстановки, внѣшній лоскъ, наружное величіе эпохи,—все воспитывало человѣка на внѣшнихъ проявленіяхъ. И уста съ жаромъ шептали: «Люблю тебя!», въ то время какъ сердце было пустынно и безмолвно.

Но жизнь предъявляла права. Мужчины и женщины сходились, читая другъ другу восторженные монологи, какъ это мы видѣли на характерномъ примѣрѣ Шарлотты Кальбъ и Гёте; но когда снимались напудренные парики и со щекъ смывались румяна, люди оказывались лицомъ къ лицу съ голой дѣйствительностью. Не до монологовъ уже было, когда мужу приходилось выдавать женѣ на наряды больше, чѣмъ это было въ его средствахъ, или когда ребенокъ пачкалъ пеленки. Поэзія исчезала вмѣстѣ съ мишурою, изъ которой она была соткана, и начиналась сухая проза со всѣми ея неприглядными сторонами. Оттого-то такъ прекрасны бывали въ то время отношенія между мужчинами и женщинами внѣ семьи и такъ жалки и печальны въ семейной обстановкѣ, гдѣ болѣе всего рельефно выступало неравенство между супругами, раньше сглаживавшееся одинаковостью париковъ и однообразіемъ внѣшнихъ пріемовъ.

Не избѣгъ этой участи и Расинъ. Кто бы могъ думать, что величавый, напыщенный, весь въ кудряхъ и букляхъ Расинъ, все существо котораго, повидимому, было строго проникнуто тремя единствами, какъ и его произведенія, провелъ жизнь съ женщиною, во многихъ отношеніяхъ напоминавшею Матильду Гейне или Христину Гёте? Какъ и жена великаго германскаго лирика-остроумца, жена Расина никогда не читала произведеній своего мужа и даже не видѣла на сценѣ ни одной изъ его пьесъ, что еще болѣе удивительно. Женитьба на такой особѣ могла быть слѣдствіемъ только какихъ-нибудь особыхъ обстоятельствъ, какого-либо особаго душевнаго настроенія или запутанности понятій. И дѣйствительно, въ судьбѣ Расина играли роль то и другое. Онъ переживалъ душевный переломъ въ то время, когда встрѣтился съ женщиною, сдѣлавшеюся впослѣдствіи его женою. Достигнувъ вершины славы, ему вдругъ пришло въ голову больше не писать драматическихъ произведеній, такъ какъ они будто бы приносятъ вредъ публикѣ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ рѣшилъ поступить въ суровый орденъ картезіанцевъ. Духовникъ, однако, посовѣтовалъ ему лучше жениться на серьезной, благочестивой женщинѣ, такъ какъ обязанности семейной жизни отвлекутъ его отъ нежелательной страсти къ стихамъ лучше всякихъ религіозныхъ орденовъ. Расинъ послушался добраго совѣта и женился на Катеринѣ де-Романэ, дѣвушкѣ изъ хорошей семьи, но, какъ сказано, не имѣвшей ни малѣйшаго понятія о его произведеніяхъ, да и вообще не интересовавшейся литературою. Названія трагедій, прославившихъ имя ея мужа во всей Европѣ, она узнавала только изъ бесѣдъ съ знакомыми. Однажды Расинъ вернулся домой съ тысячью луидоровъ, которые подарилъ ему Людовикъ XIV, и, встрѣтивъ жену, хотѣлъ ее обнять и показать деньги; но жена отвернулась. Она была не въ духѣ, такъ какъ

ребенокъ ея уже два дня подъ-рядъ не приготовлялъ уроковъ. Оттолкнувъ приставшаго мужа, она стала осыпать его упреками. Расинъ воскликнулъ:

— Послушай, объ этомъ мы какъ-нибудь поговоримъ въ другой разъ, теперь же все долой и будемъ счастливы!

Но жена не отставала, требуя, чтобы онъ тотчасъ же наказалъ лѣнивца. Выведенный изъ терпѣнія, Расинъ воскликнулъ:

— Чортъ возьми! Но какъ даже не посмотрѣть на кошелекъ, въ которомъ 1.000 луидоровъ?

Однако, это стоическое равнодушіе къ деньгамъ не объяснялось нравственными качествами жены Расина. Она просто была неумна. Молитвенникъ и дѣти были единственными предметами, представлявшими для нея интересъ на бѣломъ свѣтѣ. Все это не разъ заставляло Расина жалѣть, что онъ не поступилъ въ монастырь. Особенно негодовалъ онъ, когда заболѣвалъ какой-либо ребенокъ—обстоятельство, не мѣшавшее ему, впрочемъ, быть превосходнымъ отцомъ семейства, съ удовольствіемъ принимавшимъ участіе въ играхъ дѣтей.

Если прослѣдить отношенія Расина къ женѣ въ связи съ отношеніями его героевъ къ женщинамъ, то бросится въ глаза удивительное сходство. Но иначе и не могло быть. XVII вѣкъ во Франціи ознаменовался, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, расцвѣтомъ половыхъ отношеній, но въ нихъ и намека не было на истинную любовь. Женщина была только предметомъ удовольствія и счастіе ея зависѣло отъ того, насколько она умѣла нравиться. Съ другой стороны, игралъ большую роль вопросъ о знатности происхожденія женщины. Знатная женщина всегда могла разсчитывать на большой кругъ воздыхателей, и литература, это вѣрное зеркало общественной жизни, оставила намъ не мало памятниковъ, свидѣтельствующихъ объ этой оригинальной полосѣ въ исторіи женскаго вопроса. Самъ Расинъ не стѣсняется навязывать своимъ героямъ пылкія чувства, въ основаніи которыхъ лежитъ только культъ знатности. Объ облагораживающемъ вліяніи любви, о смягченіи нравовъ не могло быть и рѣчи. Наоборотъ, она скорѣе озлобляетъ сердца. Стоитъ, напримѣръ, вспомнить хотя бы его Федру, которая посылаетъ на смерть свою преданную служанку именно тогда, когда находится подъ обаяніемъ любовнаго чувства. Мудрено ли, что самъ Расинъ мало думалъ объ искреннемъ чувствѣ, когда отдавалъ руку и сердце пустой, но знатной Катеринѣ де-Романэ? Мудрено ли также, что впослѣдствіи онъ не нашелъ въ ней не только истинной подруги жизни, но даже и читательницы своихъ произведеній?

Альфредъ Мюссэ *)

Неизвѣстно, чѣмъ больше прославился Альфредъ Мюссэ: своими ли драмами и стихотвореніями или любовью къ Жоржъ Зандъ. Вѣрнѣе всего, что то и другое сослужили ему большую службу; но въ то время, какъ произведенія его все болѣе и болѣе уходятъ въ область исторіи литературы, любовь его къ знаменитой писательницѣ до сихъ поръ

*) Ludwig Geiger. „Dichter und Frauen“.—Коршъ. «Всеобщая исторія литературы», т. 4. — Брандесъ. «Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ», пер. Э. Зауэръ, СПБ., 1895.—Günther von Freiberg. «Aus dem Leben Alfred de Mussets». Nationalzeitung, 9 Juli 1899.

остается предметомъ общаго интереса. Все рушится, все имѣетъ предѣлы, одна только любовь вѣчна и неизмѣнна.

Мюссэ—французскій Байронъ. Какъ и пѣвецъ Чайльдъ-Гарольда, онъ находился въ разладѣ съ окружающею обстановкою. Но онъ былъ болѣе Байронъ, чѣмъ самъ Байронъ. Въ то время, какъ англійскій поэтъ смотрѣлъ на страданіе, какъ на красивый плащъ, въ который можно задрапироваться, рисуясь передъ презираемыми и презрѣнными людьми, Мюссэ поистинѣ страдалъ. Онъ горе свое носилъ не на плечахъ, а въ сердцѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, однако, Мюссэ напоминалъ во многихъ отношеніяхъ и Гейне, который былъ въ восторгѣ отъ его таланта. О подражаніи, конечно, не могло быть и рѣчи, такъ какъ Мюссэ не понималъ по-нѣмецки и не разъ говорилъ, что никогда не читалъ нѣмецкаго поэта, хотя на французскомъ языкѣ есть переводы произведеній Гейне, имъ же самимъ сдѣланные. О себѣ самомъ Мюссэ говорилъ, что онъ—ученикъ Вольтера и Руссо, въ чемъ не вѣрить ему нельзя, такъ какъ врядъ ли можно найти во Франціи писателя, который такъ или иначе не находился бы подъ вліяніемъ обоихъ этихъ корифеевъ французской письменности. Разрушительная иронія Вольтера и сентиментальность Руссо господствуютъ во французской литературѣ теперь такъ же, какъ и во времена энциклопедистовъ. Наоборотъ, лирическая поэзія—продуктъ новаго времени во Франціи. Викторъ Гюго и Ламартинъ были въ этой области непосредственными предшественниками Мюссэ, но онъ превзошелъ ихъ силою выраженія и красотою чувства. Онъ даже сумѣлъ меланхолію Байрона облекать въ болѣе поэтическую форму и иронію Гейне придать болѣе язвительный характеръ, хотя и былъ не особенно высокаго мнѣнія о размѣрахъ своихъ силъ.

Стаканъ мой малъ, но все же я
Изъ своего лишь пью стакана *).

Первый сборникъ своихъ стихотвореній онъ выпустилъ въ то время, когда ему было всего 20 лѣтъ. Вскорѣ послѣ того были поставлены на сцену его первыя драматическія произведенія, а маленькіе романы сдѣлали его любимымъ писателемъ во Франціи. Онъ былъ знатнаго происхожденія, получилъ превосходное воспитаніе и никоимъ образомъ не могъ считаться бѣднымъ поэтомъ, писавшимъ для хлѣба. Родители гордились его успѣхами и не отказывали ему въ деньгахъ. Въ высшемъ обществѣ имъ очень дорожили и даже при дворѣ короля Луи-Филиппа личность его пользовалась не малымъ почетомъ. Герцогъ Орлеанскій былъ его другомъ, герцогиня Елена знакомила его съ германскою литературою, прекраснѣйшія женщины оспаривали другъ у друга честь его вниманія. Мюссэ охотно проводилъ время въ ихъ обществѣ, участвовалъ въ танцахъ, пилъ, завязывалъ любовныя интрижки съ представительницами высшаго и низшаго классовъ. Онъ не погибъ морально—отъ этого спасла его дѣтская счастливая натура, но здоровье его пошатнулось. Жизнь была ненормальная. Возвращаясь въ полночь домой, онъ очень часто садился за письменный столъ и всю ночь проводилъ въ нервной, лихорадочно-возбужденной бесѣдѣ съ Музою. На слѣдующій день, конечно, наступала реакція. Его одолѣвала усталость. Онъ изнемогалъ и, чтобы вернуться къ прежнему состоянію бодрости и

*) Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre.

силы, ему уже нужно было прибѣгать къ возбудительнымъ средствамъ —сначала къ вину, а затѣмъ къ водкѣ.

Таковъ былъ Мюссэ, когда встрѣтился впервые съ женщиною, которой суждено было играть огромную роль не только въ его жизни, но и во всей французской и даже европейской литературѣ. Одинъ изъ современниковъ, видѣвшій его на балу, такъ описываетъ наружность поэта: «Онъ былъ строенъ, средняго роста. Костюмъ его носилъ слѣды величайшей заботливости, даже слишкомъ уже большой заботливости. На немъ былъ фракъ бронзоваго цвѣта съ золотыми пуговицами; на его шелковомъ темнаго цвѣта жилетѣ болталась тяжелая золотая цѣпь; двѣ камеи заключали складки его батистовой рубашки; узкій галстухъ изъ чернаго атласа еще болѣе оттѣнялъ блѣдный цвѣтъ его кожи. Красота его рукъ не скрывалась тонкими бѣлыми перчатками. Особенное вниманіе обращали на себя бѣлокурые густые волосы. Какъ и у лорда Байрона, они были подстрижены въ видѣ короны надъ поэтическимъ лбомъ и виноградообразными локонами спускались съ висковъ и затылка. У блондиновъ обыкновенно бороды рыжія; но у него борода была темнѣе волосъ на головѣ, а брови были почти черныя. Носъ у него былъ греческій, ротъ—очень милый. На всей его фигурѣ лежалъ оптечатокъ аристократичности». Къ сожалѣнію, кромѣ прекрасныхъ волосъ и благородной фигуры, у него впослѣдствіи не осталось никакихъ признаковъ прежней красоты. Болѣзни и безпутная жизнь быстро положили имъ конецъ.

Мюссэ и г-жа Делакартъ.

Однако, еще до встрѣчи съ Жоржъ Зандъ Альфреду Мюссэ пришлось извѣдать всѣ прелести науки страсти нѣжной. Первая страсть охватила поэта въ то время, когда ему было восемнадцать лѣтъ, и результатомъ этого былъ цѣлый рядъ стихотвореній, вышедшихъ потомъ отдѣльною книгою подъ названіемъ: «Испанскія любовныя пѣсни». Предметомъ его страсти была испанка Делакартъ, урожденная баронесса Бозіо. По свидѣтельству современниковъ, она принадлежала къ красивѣйшимъ женщинамъ Франціи. Отецъ ея, извѣстный скульпторъ, отдалъ, согласно мѣстному обычаю, свою дочь для воспитанія въ монастырь, не обращая вниманія на ея темпераментъ и характеръ. Ложное воспитаніе имѣло то слѣдствіе, что молодая дѣвушка еще болѣе начала стремиться къ радостямъ жизни. Нимфы и богини, которыхъ высѣкалъ баронъ Бозіо, нравились ей больше, чѣмъ статуэтки строгихъ святыхъ, которыя она видѣла у благочестивыхъ сестеръ. Безъ любви, только для того, чтобы выйти замужъ и сдѣлаться свободною, отдала она одному старику руку, послѣ чего отдалась всѣмъ существомъ веселой жизни Парижа. Она блестѣла и очаровывала окружающихъ въ такой средѣ, въ которой женщина ставилась на высокій пьедесталъ, и, постоянно имѣя дѣло съ талантливыми людьми, быстро пріобрѣла знанія, необходимыя для салонной дамы прежняго времени. Вмѣстѣ съ этимъ въ ней все болѣе и болѣе стало усиливаться сознаніе собственной красоты и граціи. Модные въ то время туалеты были ей не по вкусу; она охотно предпочла бы легкія греческія ткани временъ Директоріи. Товарищъ ея отца, Джемсъ Прадье, статуя котораго «Легкая поэзія» создала ему большую извѣстность, пошелъ навстрѣчу ея склонности и создалъ для нея классическій костюмъ, какъ это обыкновенно дѣлалъ для знамени-

той трагической артистки Рашель. Много шума вызвалъ въ то время балъ-маскарадъ въ его мастерской, на которомъ жена хозяина дома появилась въ костюмѣ Милосской Венеры по образцу луврской статуи. Маркиза Делакартъ пріѣхала на этотъ балъ переодѣтою богомъ Гименеемъ—въ розовомъ газовомъ костюмѣ съ высокою таліею, который удерживался на лѣвомъ плечѣ драгоцѣнной камеей. «Подобна апельсину на стеблѣ», пѣлъ о ней молодой Мюссэ, котораго она представила въ качествѣ пажа при своемъ дворѣ. Поэтъ точно изобразилъ эту подвижную, порхающую женщину въ своемъ «Донъ Паэцѣ».

Но недолго продолжалось счастіе Мюссэ. Легкомысленная женщина быстро промѣняла его на Жюля Жанена, критика и фельетониста «Journal des Débats», предоставившаго черноволосой Армидѣ свою постоянную ложу во Французскомъ Театрѣ. Чтобы вознаградить его за эту любезность, г-жа Делакартъ, которую Мюссэ называлъ «львицею Барцелоны», отправилась на квартиру писателя и тамъ осталась. «У Жанена,—сказала она,—больше остроумія и умѣнія жить, чѣмъ у плаксиваго Мюссэ». Но вѣроятнѣе всего, что ее прельстила больше любовь Жанена къ роскоши и лукулловскимъ обѣдамъ. Жаненъ окружилъ себя роскошнѣйшею обстановкою, между тѣмъ какъ въ остальномъ Парижѣ устройство квартиръ отличалось большою простотою. Комната Жанена въ стилѣ Рококо принадлежала къ достопримѣчательностямъ Парижа. Пріемная была украшена драгоцѣнными гобеленами, на которыхъ были воспроизведены мягкія пасторальныя картины Фрагонара и Буше. Библіотека въ стилѣ Людовика XVI не оставляла желать лучшаго. Но болѣе всего приковывалъ къ себѣ взоры овальной формы залъ съ разными портретами бывшей подруги Жанена—m-lle George, знаменитой артистки, великолѣпно исполнявшей роли Маріи Тюдоръ и Лукреціи Борджіа въ драмахъ Виктора Гюго. Образцовое произведеніе Жерара, на которомъ артистка изображена въ духѣ Тиціана и которое послѣ смерти Жанена стало украшать фойэ Французскаго Театра, висѣло надъ мраморнымъ каминомъ. Драгоцѣнныя вазы изъ китайскаго фарфора и нѣжныя пастели Латурэ украшали уютный будуаръ за усаженной цвѣтами террасою. Въ тѣнистомъ саду была оранжерея, а нѣсколько дальше—элегантная ванная. Въ этомъ маленькомъ раю дѣйствительно недоставало только соблазнительной маркизы въ качествѣ folle du logis, по выраженію Жанена. Что подруга властнаго журналиста могла разсчитывать на всеобщее поклоненіе, было хорошо извѣстно маркизѣ, и вотъ почему она безъ долгихъ колебаній дала чистую отставку Альфреду Мюссэ, который велъ жизнь скромнаго юноши и никогда не имѣлъ при себѣ часовъ, такъ какъ они были заложены. Писатели, художники, артисты собирались благоговѣйною толпою вокругъ новой Евы жаненовскаго рая. Бѣдному поэту только и осталось сказать ей послѣднее «прости» въ патетическомъ стихотвореніи, озаглавленномъ: «Октябрьская ночь».

Конецъ маркизы былъ болѣе грустенъ, чѣмъ ея начало. Поведеніе ея начало дѣлаться все болѣе и болѣе сомнительнымъ. Жажда новизны и легкомысліе сдѣлали то, что изъ міра художниковъ и журналистовъ она попала въ полусвѣтъ. Когда отцвѣла ея красота, она начала вести уединенную жизнь, облеклась въ трауръ и стала каяться въ грѣхахъ прошлаго. Во время этихъ покаяній и молитвъ и застала ее смерть въ

меланхолическомъ курортѣ Трепорѣ, въ которомъ маркиза искала душевнаго покоя въ послѣдніе годы жизни.

Альфредъ Мюссэ и Жоржъ Зандъ.

Въ то время, когда Мюссэ находился еще въ зенитѣ красоты и славы, начинала всходить на литературномъ небѣ Франціи звѣзда Авроры Дюдеванъ. Она уже успѣла выпустить за подписью «Жоржъ Зандъ» четыре романа: «Rose et Blanche», «Indiana», «Valentine», «Lelia», которые тотчасъ обратили на себя всеобщее вниманіе. Всѣ были въ восторгѣ, и деньги обильно посыпались подъ крышу чердака, въ которомъ жила молодая женщина, начинавшая уже думать, что несчастія и бѣдность останутся навсегда ея удѣломъ. Аврора Дюдеванъ, урожденная Дюпенъ, была правнучкой знаменитаго маршала Морица Саксонскаго, виновника трагической кончины Адріенны Лекуврёръ. Послѣ смерти возлюбленной актрисы онъ сошелся съ актрисою, отъ которой у него родилась дѣвочка, получившая имя Авроры. Впослѣдствіи Аврора Саксонская молодой, красивой и непорочной дѣвушкой вышла за знатнаго развратника графа Гоорна, который, къ счастію молодой женщины, вскорѣ послѣ того былъ убитъ на дуэли. Шестнадцатилѣтнею вдовою она жила нѣкоторое время въ монастырѣ, а затѣмъ переѣхала къ своей матери, бывшей актрисѣ, причемъ вела уединенный образъ жизни, совершенно чуждаясь мужчинъ. Такъ прожила она до тридцатилѣтняго возраста, когда случай столкнулъ ее съ однимъ чиновникомъ министерства финансовъ Дюпеномъ, называвшимъ себя также де-Франсей-лемъ. Это былъ любезный, уже пожилой господинъ, представитель старо-французской школы вѣжливости и образованія. Несмотря на шестьдесятъ лѣтъ, ему удалось расположить въ свою пользу тридцатилѣтнюю красавицу и вступить съ нею въ бракъ, оказавшійся очень счастливымъ. Отъ этого брака родился сынъ, названный Морицемъ въ память Морица Саксонскаго, сынъ, который, будучи единственной радостью матери, сдѣлался впослѣдствіи источникомъ безконечныхъ страданій для нея, благодаря своему легкомысленному и порочному образу жизни. Къ бурные дни Наполеона I онъ влюбился въ женщину сомнительнаго поведенія и тайно обвѣнчался съ нею. Мать, которая къ тому времени вторично овдовѣла, была въ отчаяніи, когда узнала объ этомъ, и для молодой четы началась тяжелая жизнь горя и лишеній, такъ какъ Морицъ, будучи офицеромъ, не въ состояніи былъ прокормить жену и принужденъ былъ жить на средства матери.

Въ это тяжелое, почти безвыходное для легкомысленнаго Морица и его еще болѣе легкомысленной жены время и родилась у нихъ дочь, названная опять при крещеніи романтическимъ именемъ Авроры, сдѣлавшимся уже чѣмъ-то вродѣ фамильнаго достоянія. Это и была знаменитая Жоржъ Зандъ. Рано потерявъ отца, она осталась на иждивеніи матери и бабушки, причемъ сдѣлалась невольною участницею ихъ безпрерывныхъ дрязгъ и раздоровъ. Грустное это было время. Бабушка то-и-дѣло упрекала мать дѣвочки за то, что она низкаго происхожденія, а также за ея легкомысленныя отношенія къ молодому Дюпену до брака. Дѣвочка, понятно, брала сторону матери, и ночью не разъ можно было видѣть ихъ обѣихъ по цѣлымъ часамъ проливающими горькія слезы. Отсюда крайняя нервная раздражительность, которая такъ часто идетъ рука-объ-руку съ геніемъ.

Восемнадцати лѣтъ вышла Аврора замужъ за молодого артиллерійскаго поручика Казимира Дюдевана. Это былъ незаконный сынъ одного полковника, барона, отъ котораго, вслѣдствіе незаконности происхожденія, не унаслѣдовалъ ни титула, ни состоянія. Однако, отецъ усыновилъ его и ассигновалъ нѣкоторую сумму на его женитьбу. По французскимъ законамъ невѣста должна всегда указать приданое. Если послѣднее будетъ найдено недостаточнымъ, то самый подходящій бракъ можетъ быть расторгнутъ, причемъ обѣ стороны не имѣютъ права жаловаться. Аврора унаслѣдовала отъ бабушки имѣніе съ замкомъ Ноганъ. Имѣніе считалось болѣе крупнымъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, и, несомнѣнно, послужило первою причиною недовольства между супругами, которое впослѣдствіи повело къ полному разрыву. Первые годы брачной жизни, однако, носили на себѣ печать счастія. Сынъ, также названный Морицемъ по имени знаменитаго Морица, и дочь Соланжъ явились для Авроры истиннымъ утѣшеніемъ. Она шила на дѣтей, хотя, не получивъ подготовки вслѣдствіе односторонняго воспитанія, и плохо владѣла иголкою, заботилась о хозяйствѣ и всѣми силами старалась сдѣлать мужу пріятною жизнь въ Ноганѣ. Сводить концы съ концами, однако, ей не удавалось, и это послужило новымъ источникомъ пререканій и непріятностей. Чтобы увеличить доходы, Аврора начала шить на сторону, вязать, рисовать; но доходы были до того малы, что она должна была отказаться отъ этого дѣла. Тутъ она занялась переводами и начала писать романъ, который, вслѣдствіе многихъ недостатковъ, былъ позднѣе брошенъ въ огонь. Все это не могло способствовать семейному счастію. Ссоры продолжались, и въ одно прекрасное время мужъ позволилъ тридцатилѣтней женѣ уѣхать въ Парижъ съ дочуркою и тамъ поселиться на чердакѣ, чтобы самой добывать средства къ существованію. На дорогу онъ ей далъ нѣсколько сотъ франковъ изъ ея собственнаго состоянія — сумма, которой хватило едва на первые дни пребыванія въ шумномъ и тревожномъ Парижѣ.

Для бѣдной женщины началась тяжелая пора. Чтобы избавиться отъ расходовъ на дорого стоющіе женскіе наряды, она стала носить мужской костюмъ, который былъ еще полезенъ тѣмъ, что давалъ ей возможность свободно ходить по городу во всякое время. Въ длинномъ сѣромъ (модномъ въ то время) пальто, круглой фетровой шляпѣ и крѣпкихъ сапогахъ съ желѣзными гвоздями бродила молодая женщина по улицамъ Парижа, счастливая своею свободою, которая вознаграждала ее за лишенія. Она обѣдала за одинъ франкъ, сама стирала и гладила бѣлье, водила дѣвочку гулять, причемъ поднимала ее на рукахъ въ верхній этажъ. Мужъ, наѣзжая въ Парижъ, посѣщалъ ее и въ этихъ случаяхъ водилъ жену въ театръ или какой-нибудь аристократическій ресторанъ. Лѣтомъ она уѣзжала на нѣсколько мѣсяцевъ къ нему въ Ноганъ, главнымъ образомъ для того, чтобы повидаться съ своимъ горячо любимымъ сыномъ. Мачиха мужа также иногда встрѣчалась съ нею въ Парижѣ. Узнавъ однажды, что Аврора намѣревается выпускать книги, она пришла въ сильный гнѣвъ и начала просить, чтобы имя Дюдеванъ никогда не появлялось на какой-либо книгѣ. Аврора съ улыбкою обѣщала исполнить эту просьбу.

Живя въ Парижѣ, Аврора познакомилась съ молодымъ писателемъ Жюлемъ Сандо, съ которымъ вскорѣ заключила союзъ тѣсной дружбы.

Часто говорили, что Сандо былъ первой любовью Авроры Дюдеванъ и что литературная общность ихъ имѣла своей первоначальной причиной именно эту любовь. Однако, изъ признаній Жоржъ Зандъ видно, что еще задолго до знакомства съ Сандо она была влюблена, и притомъ совершенно платонически, въ одного человѣка, который былъ отъ нея далеко, котораго она украшала всѣми добродѣтелями и прелестями своей романтическо-настроенной фантазіи. Увидѣвшись съ нимъ вторично,—свиданіе продолжалось всего нѣсколько минутъ,—она просила его не высказывать ей своей любви иначе, какъ въ письмахъ. Въ своей автобіографіи Жоржъ Зандъ не называетъ его имени, но страницы, которыя она ему посвящаетъ, принадлежатъ къ самымъ трогательнымъ. Она еще жила тогда въ Ноганѣ. До глубокой ночи засиживалась она иногда надъ пламенными письмами къ нему. Кругомъ шумѣлъ вѣтеръ; на разстояніи многихъ миль нельзя было найти ни души, но ея не смущали бури въ воздухѣ и лѣсу: внизу, въ замкѣ, свирѣпствовали другія бури. Тамъ звенѣли стаканы и лепетали пьяные голоса. Это братъ и мужъ совершали шумныя возліянія Бахусу, повторявшіяся каждую ночь. Каждый день приносилъ ей убѣжденіе, что дольше въ Ноганѣ ей оставаться нельзя, и когда наступалъ вечеръ, она опять садилась за письменный столъ, чтобы излить чувства своему отдаленному другу. Этотъ другъ становился все настойчивѣе и настойчивѣе. Онъ не довольствовался платоническими воздыханіями и отъ «брака душъ», какъ она называла ихъ привязанность, хотѣлъ перейти къ другимъ отношеніямъ. Но Жоржъ Зандъ была неумолима и въ концѣ концовъ должна была согласиться, чтобы ея отдаленный другъ поискалъ у другой женщины того счастія, котораго она сама не могла или не хотѣла ему дать. Такъ кончился ея первый романъ.

Героемъ второго романа былъ, какъ сказано, Жюль Сандо, съ которымъ она познакомилась въ числѣ прочихъ студентовъ, окружившихъ молодую женщину тотчасъ по пріѣздѣ ея въ Парижъ. Вмѣстѣ съ нимъ, между прочимъ, она написала свой первый романъ. Какъ кончился этотъ романъ, трудно сказать. Братъ Мюссэ, изобразившій въ своемъ романѣ «Онъ и она» жизнь поэта и его подруги, выставилъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто Жоржъ Зандъ грубо оборвала свои отношенія съ Жюлемъ Сандо, обнаруживъ крайнюю неблагодарность; но самъ Сандо въ своемъ романѣ «Фернандъ» указываетъ на то, что разрывъ произошелъ съ согласія обѣихъ сторонъ.

Такимъ образомъ, романъ Жоржъ Зандъ съ Альфредомъ Мюссэ былъ по счету третьимъ. Когда она сошлась съ поэтомъ, знаменитая писательница уже отжила свою первую молодость и была почти на семь лѣтъ старше своего возлюбленнаго. Была ли она красива? Многіе спорили по этому поводу. Одни говорили, что она красива, другіе признавали ее отвратительною. Сама она открыто причисляла себя къ уродамъ, доказывая, что у нея нѣтъ граціи, которая, какъ извѣстно, замѣняетъ иногда красоту. Современники изображаютъ ее женщиною невысокаго роста, плотнаго тѣлосложенія, съ мрачнымъ выраженіемъ лица, большими, правда, глазами, но разсѣяннымъ взоромъ, желтымъ цвѣтомъ кожи, преждевременными морщинами на шеѣ и большимъ лицомъ. Однѣ только руки ея они признавали безусловно красивыми. Самъ Мюссэ, впрочемъ, описалъ ее совершенно иною. «Когда я уви-

дѣлъ ее въ первый разъ,—пишетъ Мюссэ,—она была въ женскомъ платьѣ, а не въ элегантномъ мужскомъ костюмѣ, которымъ такъ часто себя безобразила. И вела она себя также съ истинно женскимъ изяществомъ, унаслѣдованнымъ ею отъ своей знатной бабушки. Слѣды юности лежали еще на ея щекахъ, великолѣпные глаза ея ярко блестѣли, и блескъ этотъ подъ тѣнью ея темныхъ густыхъ волосъ производилъ поистинѣ чарующее впечатлѣніе, поразивъ меня въ самое сердце. На ея лбу лежала печать безконечности мыслей. Говорила она мало, но твердо».

Что Жоржъ Зандъ, несмотря на свою некрасивую наружность, всетаки производила впечатлѣніе красивой женщины, доказываетъ отзывъ Гейне, который видѣлъ писательницу въ то время, когда съ нею познакомился Мюссэ. По его словамъ, она напоминала Венеру Милосскую, но только сдѣланную изъ чернаго мрамора, такъ какъ на ней было черное атласное платье въ моментъ встрѣчи съ германскимъ лирикомъ. Во всякомъ случаѣ сильное впечатлѣніе, которое она тотчасъ же произвела на Мюссэ, этого баловня женщинъ, свидѣтельствуетъ, что въ ней было много притягательной силы. И дѣйствительно, Мюссэ самъ впослѣдствіи разсказывалъ, что онъ какъ бы переродился подъ вліяніемъ этой женщины, что ни до нея, ни послѣ нея онъ никогда не испытывалъ такого восторженнаго состоянія, такихъ приступовъ любви и счастія, какъ въ дни близкаго знакомства съ нею. Онъ увѣрялъ, что поэтъ только тогда можетъ любить искренно, когда сердце его тронуто огнемъ геніальной женщины, когда умъ ея обширенъ и глубокъ и въ состояніи воспламенить его собственный умъ. Поэзія расцвѣла въ его душѣ, какъ чудесный цвѣтокъ, жажда творчества охватила его сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ думалъ, что обрѣлъ, наконецъ, любовь и счастіе.

Жоржъ Зандъ
(съ карандашнаго рисунка Каламатры 1837 г.).

Мюссэ—одинъ изъ рѣдкихъ поэтовъ, относившихся съ уваженіемъ къ «синимъ чулкамъ». Онъ самъ говаривалъ о себѣ, что представляетъ въ этомъ отношеніи полную противоположность родственному его душѣ Байрону, который питалъ отвращеніе къ ученымъ женщинамъ. Однако, пламенная страсть Мюссэ не сразу разогрѣла сердце Авроры и она только медленно стала уступать его настойчивымъ ухаживаніямъ. Сначала на нее произвели пріятное впечатлѣніе изящныя манеры молодого человѣка, который относился къ ней, какъ къ представительницѣ высшаго свѣта, забывая, что она вращалась среди студентовъ и

вела бѣдную жизнь. Затѣмъ ей льстило, что знаменитый поэтъ обращался къ ней съ просьбами высказать мнѣніе о его произведеніяхъ и любезно предоставлялъ ей порицать себя. Красота его и любовь играли для нея второстепенное значеніе. Позднѣе, впрочемъ, и она поддалась всепожирающему пламени страсти. О строгости и неуступчивости тутъ уже не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе что она къ тому времени успѣла развестись съ мужемъ и, слѣдовательно, сдѣлаться совершенно свободною.

Увидѣлся Мюссэ съ Жоржъ Зандъ въ первый разъ 15 августа 1833 года на обѣдѣ, устроенномъ редакторомъ незадолго передъ тѣмъ основаннаго журнала «Revue des deux mondes». Гостей было много, но среди нихъ была всего одна дама, и, по просьбѣ хозяина, повелъ ее къ столу Мюссэ. Какъ разсказываетъ Брандесъ, одинъ изъ участниковъ этого обѣда передавалъ ему въ 1870 году, что сближеніе между Жоржъ Зандъ и Мюссэ входило въ хорошо разсчитанный планъ дѣльца Бюлоза. Онъ заранѣе объявилъ своимъ знакомымъ: «Пусть ихъ посидятъ рядкомъ: всѣ женщины считаютъ долгомъ влюбиться въ него, а мужчины—въ нее; они, конечно, слюбятся, и какія же тогда рукописи получитъ журналъ!». Знакомство между двумя великими людьми произошло, можетъ быть, вопреки желанію Жоржъ Зандъ, которая раньше страшилась его. Однажды (за полгода до встрѣчи на обѣдѣ) она писала Сенъ-Бёву, что хочетъ познакомиться съ Мюссэ, но черезъ нѣкоторое время тому же Сенъ-Бёву сдѣлала такое замѣчаніе въ письмѣ: «Взвѣсивъ все хорошенько, я не желаю, чтобы знакомили Альфреда де-Мюссэ со мною. Онъ—въ высшей степени дэнди, мы другъ къ другу не подходимъ. Я, въ сущности, скорѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ дѣйствительнаго интереса хотѣла его повидать. Но едва ли благоразумно удовлетворять всякое любопытство». Жоржъ Зандъ очень мѣтко угадала натуру Мюссэ. Дѣйствительно, онъ былъ дэнди и совершенно не подходилъ къ ней, представительницѣ парижской богемы, носившей мужской костюмъ и курившей табакъ не хуже любого мужчины.

Разнообразіе характеровъ, конечно, обнаружилось не сразу, и первое время послѣ сближенія любовники, какъ сказано, были счастливы. Объ этомъ можно судить хотя бы по дурачествамъ, которыя они себѣ позволяли въ эти розовые дни. Однажды они устроили обѣдъ, на которомъ Мюссэ былъ наряженъ въ костюмъ маркиза XVIII вѣка, а Жоржъ Зандъ—въ платье съ панье, въ фижмахъ и мушкахъ. Въ другой разъ Жоржъ Зандъ устроила званый обѣдъ, на которомъ Мюссэ былъ переодѣтъ молодою нормандскою крестьянкою, прислуживавшею у стола. Его никто не узналъ. Въ числѣ приглашенныхъ находился профессоръ философіи Лерминье и, чтобы найти ему достойнаго собесѣдника, былъ приглашенъ клоунъ Дебюро изъ театра. Клоунъ разыгрывалъ, конечно, свою роль превосходно, выдавая себя за знатнаго путешественника и члена англійской палаты общинъ. Заботливая хозяйка, желая дать профессору и клоуну помѣряться познаніями, завела разговоръ о политикѣ. Но «иностранный дипломатъ» молчалъ. Тщетно произносились имена Роберта Пиля, лорда Стэнли, онъ хранилъ молчаніе. Вдругъ кто-то упомянулъ о европейскомъ равновѣсіи. «Членъ англійской палаты общинъ» неожиданно оживился.

— Знаете ли,—воскликнулъ онъ,—каково мое мнѣніе объ этомъ

равновѣсіи? А вотъ какое!—И съ этими словами онъ подбросилъ тарелку вверхъ и, поймавъ на кончикѣ ножа, началъ вертѣть...

Чтобы облечь свои чувства въ соотвѣтствующія рамки, любовники уѣхали въ Италію. Тамъ они надѣялись встрѣтить рай, въ которомъ на ихъ долю выпали бы роли Адама и Евы... Но во всякомъ раю бываетъ змѣя, и такая змѣя вдругъ предстала предъ страстнымъ поэтомъ также и въ итальянскомъ эдемѣ. Это была скука. Мюссэ слишкомъ глубоко погрузился въ омутъ чувства, чтобы быть въ состояніи долго тамъ оставаться. По мѣрѣ того, какъ онъ все больше и больше пилъ радости жизни на груди возлюбленной, угасала его страсть, а вмѣстѣ съ нею и поэтическое творчество. Между любовниками начались ссоры — обычные спутники пресыщенія. Споры были рѣзкіе, неслыханные, продолжавшіеся иногда по цѣлымъ днямъ и ночамъ. Мюссэ приходилъ въ изступленіе. Напряженные нервы его совершенно ослабѣвали. Онъ сталъ тосковать по Парижѣ. Къ тому же средствъ было мало, а жизнь въ Венеціи, въ дорогомъ отелѣ, предъявляла свои права. Надо было работать, но какъ было творить при условіяхъ, исключавшихъ всякое вдохновеніе?

Въ эти тяжелые для обоихъ возлюбленныхъ дни больше всего мужества и самоотверженности обнаруживала Жоржъ Зандъ. Послѣ бурныхъ ссоръ, продолжавшихся, какъ сказано, иногда цѣлый день, она вечеромъ садилась за работу, чтобы на вырученныя деньги обезпечить Альфреду комфортъ, безъ котораго онъ не могъ жить, какъ рыба безъ воды. Если вѣрить ей, то Мюссэ началъ было продолжать въ Венеціи безпутную жизнь, которую онъ велъ въ Парижѣ. Здоровье его опять расшаталось, и бѣдной женщинѣ не разъ приходилось просиживать по цѣлымъ недѣлямъ у его постели. Несмотря на это, онъ ревновалъ свою подругу, и когда сильно заболѣлъ и къ нему началъ ходить врачъ, онъ не поколебался обвинить ее въ шашняхъ съ этимъ врачомъ въ такое время, когда, казалось бы, опасность, угрожавшая жизни поэта, могла отвратить его возлюбленную отъ всякихъ думъ о любовныхъ интригахъ. Аврора защищалась, она была оскорблена, но Мюссэ продолжалъ обвиненія. Ссоры принимали угрожающій характеръ. Разрывъ казался необходимымъ, и дѣйствительно, поэтъ вскорѣ покинулъ возлюбленную и уѣхалъ въ Парижъ.

Мюссэ и Христина Бельджойзо.

Изъ Италіи Мюссэ вернулся разбитымъ душевно и физически. Онъ былъ близокъ къ отчаянію. Любовь къ Жоржъ Зандъ превратилась въ ненависть. Свѣтъ его не прельщалъ. Даже костюмированные балы Александра Дюма (отца) и художника Деверіа, на которыхъ блестѣла знаменитая красавица Кидалоза, даже и эти единственные въ своемъ родѣ балы только иногда, да и то на нѣсколько минутъ, приковывали къ себѣ грустнаго, вѣчно недовольнаго, вѣчно нахмуреннаго Мюссэ, о которомъ Гейне остроумно сказалъ: «У этого человѣка впереди великое прошлое». Впрочемъ, поэтъ напрасно негодовалъ на Жоржъ Зандъ. Несчастная связь съ знаменитымъ авторомъ «Леліи» только окружила его въ глазахъ парижанъ яркимъ ореоломъ, болѣе яркимъ, чѣмъ ореолъ, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ поэтическимъ произведеніямъ. На парижанъ производило большое впечатлѣніе, что Альфредъ былъ прототипомъ Стеніо, романтическаго героя «Леліи».

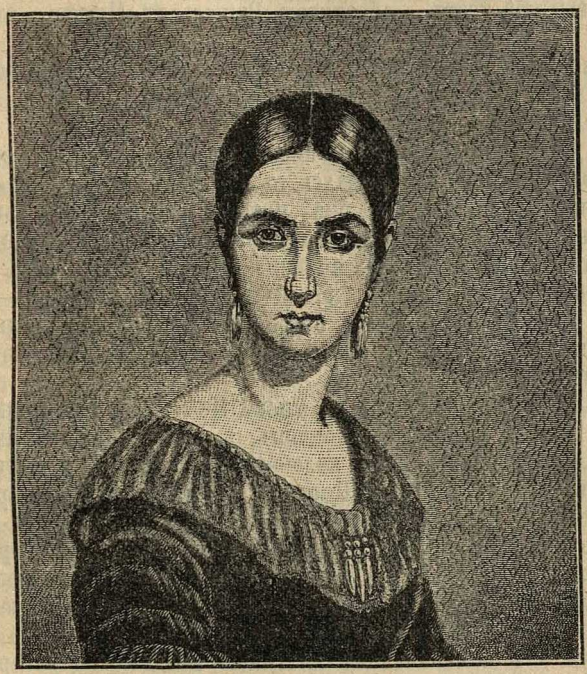
Однако, грусть и разочарованіе Мюссэ разсѣялись на время, когда онъ неожиданно встрѣтился съ удивительною женщиною, имѣвшею большое вліяніе на его настроеніе, творчество, производительность, несмотря на то, что она только метеоромъ пронеслась въ его жизни. Мы говоримъ о княгинѣ Христинѣ Бельджойзо, которая въ серединѣ тридцатыхъ годовъ произвела большое впечатлѣніе на балу у буржуазнаго короля Людовика-Филиппа и вскорѣ послѣ того начала принимать въ своемъ салонѣ выдающихся представителей аристократіи и цвѣтъ умственнаго и художественнаго міра Франціи. Донна Христина, урожденная маркиза Тривульціо, воплощала женственно-героическій идеалъ романтической школы. То обстоятельство, что она была худа, какъ херувимъ, нарисованный прерафаэлистомъ, еще болѣе увеличивало ея прелесть въ глазахъ Бальзака, Готье и Генриха Гейне. Художникъ Стебенъ увѣковѣчилъ ея удивительную красоту извѣстной картиной: «Юдиѳь на пути къ Олоферну». Альфредъ Мюссэ встрѣчался съ этой столь же совершенной въ умственномъ, какъ и въ физическомъ отношеніи женщиною во всѣхъ салонахъ. Мужъ княгини очень любезно отнесся къ нему и тѣмъ доставилъ ему возможность быть ближе къ своему кумиру. Мюссэ былъ увлеченъ, пораженъ, подавленъ. Ничего подобнаго онъ никогда не испытывалъ. «Есть ли у нея сердце?», спрашивалъ онъ себя въ то время, когда его болѣе дальнозоркіе товарищи, несмотря на весь свой восторгъ, тотчасъ же поняли, что брюнетка съ голубыми глазами, которую Мюссэ воспѣвалъ подъ именемъ «Нинонъ», вѣрная жена, хотя и съ значительной дозой кокетства. Разсѣянная жизнь, которую она вела въ обществѣ, не мѣшала ей быть пламенною патріоткою, приносящею всевозможныя жертвы для своего притѣсняемаго отечества—Италіи. Она была ангеломъ-спасителемъ для всѣхъ итальянскихъ эмигрантовъ, въ томъ числѣ и для Даніеле Манина, сдѣлавшагося впослѣдствіи (въ 1848 году) диктаторомъ въ Венеціи. Принцесса редактировала итальянскую газету «Ausonia» и только въ видѣ отдыха отъ политической агитаціи кокетничала съ избранными парижанами, возбуждая въ нѣкоторыхъ изъ нихъ напрасныя думы о возможномъ счастіи взаимной любви. Мюссэ принадлежалъ къ числу послѣднихъ, въ чемъ скоро самъ убѣдился.

Впрочемъ, и тутъ Мюссэ нашелъ утѣшеніе. Безсердечіе знатной миланки Христины было искуплено любовнымъ жаромъ очень миленькой гризетки Луизы. Въ то же время онъ находилъ развлеченіе также и въ благосклонномъ отношеніи писательницы Луизы Коллэ, которая, правда, называетъ свою дружбу съ Мюссэ платоническою (въ своемъ романѣ «Lui», посвященномъ изображенію жизни поэта). Геніальные люди часто соединяютъ въ себѣ одновременно способность страдать подобно Вертеру и легкомыслію Ловеласа. Была еще г-жа Жуберъ, очень милая и талантливая особа, написавшая цѣнныя «Воспоминанія». Она также не мало содѣйствовала смягченію горя, кипѣвшаго въ душѣ поэта послѣ разлуки съ Жоржъ Зандъ, и она же побудила его создать комедію «Un caprice», не сходящую до сихъ поръ во Франціи со сцены. Въ ея салонѣ онъ услыхалъ весною 1838 года молодую пѣвицу, почти еще ребенка, Полину Гарсію, сестру Малибранъ, смерть которой онъ оплакалъ въ великолѣпныхъ стансахъ. Голосъ Полины былъ до того нѣженъ и чистъ, исполненіе до того увлекательное и страстное,

что поэтъ сразу влюбился въ некрасивую, но тѣмъ не менѣе очаровательную дѣвушку. Однако, у маленькой испанки не было столь легковоспламеняющагося сердца, какъ у чувствительной парижанки, и она сумѣла удержать «принца Фосфора», какъ называла г-жа Жуберъ своего протеже, на почтительномъ разстояніи.

Мюссэ и Рашель.

Но вотъ проходитъ годъ, и Мюссэ встрѣчается съ новою женщиною, которая производитъ на него еще большее впечатлѣніе,—знаменитою артисткою Рашелью. Тогда, впрочемъ, Рашель не была еще знаменитостью. Ей позволили только дебютиро-



Рашель.

вать во время мертваго сезона на сценѣ Французскаго театра. Жюль Жаненъ, который послѣ преждевременной смерти Рашели выпустилъ книгу, посвященную ея жизни и дѣятельности, первое время отзывался о ней дурно, предпочитая аффектированную m-lle Махіте. Альфреда Мюссэ, посвятившаго стихотвореніе Рашели и Гарсіи, онъ назвалъ третьестепеннымъ поэтомъ. Мюссэ, чувствовавшій отвращеніе къ артистической богемѣ, преодолѣлъ въ себѣ это чувство и посѣтилъ Рашель. Окружавшихъ въ то время лицъ онъ превосходно описалъ въ «Ужинѣ у Рашели». Когда молодой артисткѣ удалось нѣсколько освободиться отъ опеки родителей, она наняла дачу въ Монморанси, гдѣ Мюссэ былъ часто ея гостемъ. Брату своему онъ однажды писалъ оттуда: «Какъ восхитительна была Рашель недавно вечеромъ, когда бѣгала въ моихъ туфляхъ по своему саду». Онъ собирался написать для своей новой

подруги двѣ трагедіи въ стихахъ: «Frédegonde» и «Alceste», но серьезно объ осуществленіи этого намѣренія не думалъ.

Тѣмъ временемъ Рашель сдѣлалась звѣздою Французскаго театра и любимицею парижскаго общества. Однажды она дала ужинъ, на которомъ присутствовалъ также и Мюссэ. Гости восхищались драгоцѣннымъ кольцомъ на тонкомъ, почти прозрачномъ пальцѣ артистки.

— Знаете что, господа?—сказала она вдругъ.—Такъ какъ кольцо вамъ всѣмъ нравится, то я его вамъ сбуду съ публичнаго торга. Тотъ, кто больше дастъ, и получитъ его въ собственность.

Гости охотно приняли предложеніе и начали торговаться.

— А вы, мой поэтъ,—обратилась Рашель къ Мюссэ,—что вы предложите?

— Свое сердце,—отвѣтилъ Мюссэ съ такимъ искреннимъ выраженіемъ на лицѣ, что Рашель радостно воскликнула:

— Кольцо ваше, Альфредъ!

Послѣ этого она сама надѣла кольцо на его палецъ. Конечно, Мюссэ считалъ это шуткою и, прощаясь съ Рашелью, хотѣлъ ей возвратить драгоцѣнное украшеніе, но она просила оставить кольцо у себя. Такъ какъ Мюссэ продолжалъ отказываться, то она съ неподражаемою граціею стала передъ нимъ на колѣни.

— Примите во вниманіе, дорогой поэтъ,—сказала она,—какой ничтожный подарокъ будетъ это кольцо за благодарную роль, которую вы для меня напишете! Смотрите на кольцо, какъ на талисманъ, который намъ обоимъ принесетъ счастье.

Это была пріятная минута въ жизни Мюссэ. Но талисманъ оказался плохимъ: Рашель уѣхала въ Лондонъ, а Мюссэ, вся жизнь котораго представляла сплошной рядъ колебаній, больше не думалъ о своихъ трагедіяхъ. Проходили годы. Понсаръ, Легувэ и другіе опережали его. «Божественная» Рашель потеряла терпѣніе. Въ то же время Мюссэ надолго погрузился въ уныніе, вызванное смертью герцога Орлеанскаго, которую онъ оплакалъ въ стихотвореніи «Тринадцатое іюля» (1843 года). Кромѣ того, у поэта, которому въ то время было 33 года, начали обнаруживаться первые признаки физическихъ страданій. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ обмѣнялся съ княгинею Бельджойзо раздраженными словами и враждебными письмами, онъ все болѣе и болѣе началъ удаляться отъ свѣта. Восторгъ передъ Рашелью уступилъ мѣсто увлеченію артисткою Розою Шери. Въ одинъ грустный осенній день онъ возвратилъ кольцо Рашели.

Не стройными александрійскими стихами завоевалъ Мюссэ французскую сцену, а пламенною прозою. Къ сожалѣнію, онъ былъ уже усталымъ, сломленнымъ человѣкомъ, пившимъ абсентъ вмѣсто шампанскаго, когда «весь Парижъ» началъ восторгаться въ Théâtre Français, Odéon и Gymnase его комедіями. Онъ превращался уже въ развалину, дѣлаясь чѣмъ-то вродѣ памятника любви къ великой женщинѣ, Жоржъ Зандъ, образъ которой все еще носился передъ его духовными глазами. Невольно вспоминается гейневская «Лорелея» и ея грустный конецъ:

Ich glaube die Wellen verschlingen
Am Ende Schiffer und Kahn

Und das hat mit ihrem Singen
Die Lorelei gethan.

Прежде чѣмъ, однако, дойти до этого состоянія, Мюссэ суждено было не разъ еще встрѣчаться съ предметомъ своей глубокой любви и ненависти—Жоржъ Зандъ. Въ Парижѣ, куда онъ вернулся изъ Италіи послѣ разрыва съ великою писательницею, встрѣтили его съ восторгомъ. На него стали смотрѣть, какъ на Тангейзера, который былъ въ гротѣ Венеры и вернулся оттуда пресыщеннымъ, больнымъ и разочарованнымъ. Онъ и велъ себя, какъ Тангейзеръ, клеймя свою возлюбленную на всѣхъ перекресткахъ. Это, впрочемъ, не помѣшало ей по возвращеніи въ Парижъ сдѣлать попытку къ тому, чтобы опять сойтись съ нимъ. Жоржъ Зандъ въ то время окончила свой романъ «Консуэла». Слава ея гремѣла далеко за предѣлами Франціи. Но и Мюссэ былъ въ зенитѣ славы. Оба они выросли за время разлуки и, убѣдившись, что жить другъ безъ друга не могутъ, начали думать о томъ, какъ бы вернуться ко временамъ прежней дружбы. Попытка къ сближенію была сдѣлана Жоржъ Зандъ. Сердце женщины подсказало ей, что она, можетъ быть, больше виновата въ разлукѣ, чѣмъ онъ. Мюссэ сначала упорствовалъ. Онъ не хотѣлъ даже вступать въ письменныя сношенія съ своею бывшею подругою и всѣ ея письма отсылалъ обратно нераспечатанными. Тогда Жоржъ Зандъ прибѣгла къ хитрости. Въ одно прекрасное время Мюссэ получаетъ мягкій душистый пакетъ. Загадочный видъ пакета заставилъ поэта призадуматься, и онъ рѣшилъ его вскрыть: тамъ оказались великолѣпные мягкіе черные волосы, которые онъ нѣкогда съ такою страстью цѣловалъ. Оказывается, что Жоржъ Зандъ отрѣзала себѣ волосы въ знакъ покаянія, желая этимъ разжалобить его и вымолить прощеніе. Такой жертвы онъ не ожидалъ, и примиреніе состоялось.

Къ сожалѣнію, ужиться они не могли и послѣ примиренія. Вѣчно-женственное, какъ идея, гораздо чаще поддерживаетъ поэта на высотѣ вдохновенія, чѣмъ вѣчно-женственное, какъ реальный фактъ. Мюссэ и Жоржъ Зандъ опять стали ссориться и вскорѣ опять разошлись, чтобы черезъ нѣкоторое время снова сблизиться и опять разойтись. Въ концѣ концовъ эти вѣчныя разлуки и примиренія до того опротивѣли другъ другу, что Мюссэ и Жоржъ Зандъ сдѣлались настоящими врагами. Они даже стали отрицать другъ у друга талантъ. Мюссэ доказывалъ, что у Жоржъ Зандъ все поверхностно, а Жоржъ Зандъ утверждала, что талантъ Мюссэ—только нервная слабость. Такъ они и остались врагами до конца жизни.

Было бы очень любопытно прослѣдить на отношеніяхъ между Мюссэ и Жоржъ Зандъ, насколько связь между великими или талантливыми людьми отражается на ихъ произведеніяхъ. Это было бы тѣмъ болѣе легко, что Мюссэ и Жоржъ Зандъ представляютъ единственный примѣръ, когда влюбленные стоятъ на одинаковой высотѣ даровитости. По картинному выраженію Брандеса, оба они «олицетворяли собою какъ бы Адама и Еву искусства, сблизившихся другъ съ другомъ и подѣлившихъ между собою яблоко отъ древа познанія добра и зла. Затѣмъ послѣдовало проклятіе, т. е. разрывъ, они разошлись, и пошли каждый своимъ путемъ; но они уже стали не тѣ. Произведенія, которыя они

создавали послѣ сближенія, запечатлѣны совсѣмъ инымъ характеромъ, чѣмъ вещи, написанныя ими прежде. Онъ покидаетъ ее въ отчаяніи, разбитый и пораженный, унося въ своей душѣ новое крупное обвиненіе противъ женщинъ, и вдвойнѣ теперь убѣжденный, что «женщина, имя тебѣ—коварство». Она покидаетъ его очень взволнованная: по началу она наполовину утѣшена, но затѣмъ потрясается до глубины души, хотя вскорѣ начинаетъ даже радоваться, что пережила, наконецъ, кризисъ, разстраивавшій ея покойную творческую натуру. Она выноситъ отсюда новое сознаніе въ превосходствѣ женщины надъ мужчиной и вдвойнѣ убѣждается, что «мужчина, имя тебѣ—слабость!». Онъ покидаетъ ее, враждебно настроенный противъ химеръ, филантропическихъ затѣй и утопій, и болѣе чѣмъ когда-либо убѣждается, что искусство должно быть для художника альфою и омегою существованія. Но за всѣмъ тѣмъ соприкосновеніе съ великою женскою душою не проходитъ для него безслѣдно. Прежде всего горе дѣлаетъ его искреннимъ: онъ сбрасываетъ съ себя дѣланный цинизмъ и отнынѣ никогда уже не станетъ щеголять искусственнымъ безсердечіемъ и холодностью. Затѣмъ въ произведеніяхъ, которыя онъ теперь станетъ созидать, скажется то вліяніе, которое открытый характеръ, доброта и увлеченіе Жоржъ Зандъ идеалами внесли въ него; вліяніе это проявляется и въ республиканскомъ увлеченіи Лоренззаччіо, и въ жизни, преисполненной чувствомъ, Андрея дель-Сарто, и, пожалуй, даже въ протестѣ, кинутомъ Мюссэ Тьеру за его законъ противъ печати. Она разстается съ нимъ, убѣжденная сильнѣе, чѣмъ когда-либо, въ безсердечіи и эгоизмѣ мужчинъ и болѣе, чѣмъ прежде, склонная отдаваться общимъ идеямъ. Въ «Орасѣ» она свой талантъ посвящаетъ служенію сенъ-симонизму; въ прославленіе соціализма пишетъ: «Le Compagnon du Tour de France», а въ 1848 г.—для временного правительства воззваніе къ народу. Но тѣмъ не менѣе, только благодаря соприкосновенію съ этимъ отчеканеннымъ, отлившимся въ опредѣленную форму геніемъ, и собственная ея чистая и классическая форма пріобрѣтаетъ полную законченность. Она теперь уже научается любить форму и искать прекрасное ради его самого. Если цѣнители впослѣдствіи замѣчали, что ея фразы «нарисованы кистью Леонардо да-Винчи и положены на музыку Моцартомъ» (выраженіе Александра Дюма-сына), то къ этому можно былъ бы прибавить, что Альфредъ де-Мюссэ и былъ тѣмъ критикомъ, который изощрилъ ея перо и развилъ ея слухъ. Послѣ разлуки оба они оказываются созрѣвшими уже художниками; отнынѣ онъ—поэтъ съ пылкимъ сердцемъ, а она—сивилла, одаренная пророческимъ краснорѣчіемъ. Въ пропасть, развернувшуюся между ними, она сбросила всю свою незрѣлость, многорѣчивость, безвкусіе и мужской костюмъ, чтобы съ этого момента сдѣлаться и вполнѣ женственною, и вполнѣ естественною. А онъ въ ту же пропасть низвергъ свое обличіе Донъ-Жуана, свое вызывающее высокомѣріе, преклоненіе передъ «Роллою», мальчишескій задоръ, и съ этого момента сталъ вполнѣ мужчиною—представителемъ интеллекта».

Итакъ, сближеніе между Мюссэ и Жоржъ Зандъ оказало благотворное вліяніе на ихъ творчество; но не менѣе благотворное вліяніе оказала на нихъ также и разлука. Поистинѣ, женщина для великаго человѣка—тотъ же любвеобильный врачъ, который не перестаетъ спасать ближняго даже тогда, когда ножомъ разрѣзываетъ ему тѣло...

Альфредъ де-Виньи *). Альфредъ де-Виньи, одинъ изъ четырехъ столповъ французскаго романтизма (Ламартинъ, Гюго, Мюссэ—остальные три столпа), представляетъ типъ поэта, въ жизни котораго женщины играли отрицательную роль, хотя вліяніе ихъ на его творческую дѣятельность вслѣдствіе этого не перестало быть благотворнымъ. Неудачи сдѣлали его только пессимистомъ, но стихи его остались попрежнему великолѣпными. Идеалистъ до мозга костей, всегда настроенный на высокій тонъ, поэтъ, который самъ говорилъ о своихъ произведеніяхъ:

Ты чистый духъ, моя богиня Муза,
Сіяющій безплотной красотой!

де-Виньи до конца жизни держалъ знамя чистѣйшаго идеала и даже самое послѣднее предсмертное стихотвореніе звучитъ все тѣмъ же искреннимъ прославленіемъ его. Но если онъ остается такъ непоколебимо вѣренъ своей нравственной религіи, то первоначальный энтузіазмъ и довѣрчивый взглядъ на жизнь были рано и безвозвратно потеряны имъ вслѣдствіе несчастной любви. «О, какая злая насмѣшка въ этомъ тождествѣ словъ: любовь и страсть!—говоритъ онъ.—Да, ты—страсть, но страсть мученика, подобная страсти Христовой!» И онъ удаляется отъ жизни. Дюма рисуетъ его существомъ не отъ міра сего, какимъ-то архангеломъ, парящимъ надъ землею. «Никто изъ насъ,—замѣчаетъ онъ,—никогда не видалъ его за столомъ». Уединенный, негодующій, онъ недоволенъ всѣмъ—природою, людьми и даже Богомъ. «Природа,—говоритъ Пелисье,—зоветъ его подъ свой необъятный кровъ, но онъ отвергаетъ ея призывъ, потому что она глуха къ человѣческимъ скорбямъ и нѣтъ ей до нихъ дѣла. Глубокое заблужденіе называть матерью эту безмолвную могилу! А люди? Да, ихъ страданія болѣзненно отзываются въ его чуткомъ сердцѣ; онъ готовъ былъ бы разлить вокругъ себя цѣлый потокъ любви и преданности, но кому это нужно? Какъ относится общество къ избранникамъ Генія? У Тассо не было даже свѣчи, чтобы писать по вечерамъ; Мильтонъ продалъ за десять фунтовъ стерлинговъ свой «Потерянный рай»; Камоэнсъ жилъ милостыней, собираемой для него рабомъ; Жильберъ умеръ на больничной койкѣ; Чаттертонъ покончилъ самоубійствомъ; Андрэ Шенье казненъ на эшафотѣ... Умереть еще ничего не значитъ; но умереть непонятымъ, писать свои стихи кровью сердца и знать, что ихъ прочтутъ небрежно, гдѣ-нибудь на гуляньи, въ кафэ, въ коляскѣ,—вотъ что возмущаетъ поэта. Въ душѣ его кипитъ негодованіе и онъ тѣмъ болѣе страдаетъ, что способенъ глубоко чувствовать. Ему остается одинъ Богъ... Но, нѣтъ, и Онъ такъ же безучастенъ, какъ природа. Его величавое спокойствіе не нарушается парами крови, поднимающимися отъ земли; по Его безпощадной волѣ погибла дочь Іевоая подъ сѣкирою отца и потонуло въ волнахъ столько праведныхъ вмѣстѣ съ грѣшными. Напрасно вопіютъ къ нему отъ начала міра неповинныя жертвы, какъ вопіялъ

*) Léon Séché. «M-me Alfred de-Vigny» («Revue bleu», 25 Novembre 1899).—Его же: «Alfred de-Vigny et Marie Dorval» («Revue bleu», 6 Janvier 1900).—М. Гюйо. «Искусство съ точки зрѣнія соціологіи», пер. подъ редакціею А. Пыпина, Спб. 1891.—Жоржъ Пелисье. «Литературное движеніе въ XVI столѣтіи», пер. Ю. Доппельмайеръ. М. 1895.—Г. Брандесъ. «Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ», пер. Э. Зауэръ. М. 1895.

смертельно-скорбный Іисусъ въ Геѳсиманскомъ саду... Но если небо не внемлетъ ни стонамъ, ни воплямъ человѣчества,

То, положивъ конецъ моленіямъ безплоднымъ,
Отвѣтитъ праведный молчаніемъ холоднымъ
На вѣчное молчанье Божества!

Нѣмое, спокойное отчаяніе—вотъ истинная мудрость. Смертельно раненый волкъ удаляется въ глушь, облизываетъ свою рану и молча издыхаетъ. Какое завидное мужество! Пусть же и человѣкъ подражаетъ ему. Одно молчаніе—сила, остальное все—слабость.

Жена А. Виньи.

И до такого отчаянія, до такого пессимизма довела идеальнѣйшаго изъ поэтовъ женщина! Прежде всего она нанесла ему тяжелый ударъ въ лицѣ жены. По остроумному выраженію Сеше, женщина эта (она была англичанка) прошла въ жизни Виньи такъ же, какъ Рона протекаетъ черезъ Женевское озеро, не смѣшивая своихъ водъ съ его водами. Онъ симпатизировалъ ей, относился съ уваженіемъ, но никогда не любилъ. Хотя поэтъ служилъ ей въ теченіе тридцати лѣтъ, по его выраженію, какъ сидѣлка, какъ постоянный секретарь и переводчикъ, ему не удалось слить ее съ собою окончательно. Даже языка своего она не перемѣнила и говорила только по-англійски. Когда Виньи встрѣтился съ своею будущею женою, ему было—27, ей—25 лѣтъ. Онъ тѣмъ скорѣе увлекся ею, что Лидія—такъ звали жену Виньи—была замѣчательной красоты. Къ тому же онъ находился въ то время подъ вліяніемъ Байрона и Томаса Мура и бредилъ всѣмъ англійскимъ. Отецъ-оригиналъ энергически отказывался дать согласіе на бракъ дочери съ поэтомъ, что еще больше разожгло страсть идеалиста-романтика. Когда же согласіе, наконецъ, было дано и бракъ состоялся, молодые люди уѣхали въ Лондонъ, гдѣ поэтъ принужденъ былъ усвоить англійскую чопорность, доведенную до крайней степени. Такъ, по свидѣтельству Теодора де-Банвилля, каждый разъ, когда Лидіи нужно было выйти изъ комнаты на нѣсколько минутъ для надобностей хозяйства, Виньи подставлялъ ей руку и церемоніально подводилъ къ дверямъ, какъ это дѣлается при дворахъ или на сценѣ. Когда же она возвращалась, онъ направлялся къ ней и, отвѣсивъ поклонъ, столь же церемоніально подавалъ ей опять руку и подводилъ къ креслу. Все это, конечно, причиняло не мало горя пылкому поэту. Но вотъ въ 1839 году умираетъ его тесть, но не оставивъ дочери ни единаго шиллинга. Не будучи въ состояніи помѣшать браку дочери, онъ отомстилъ ей и мужу тѣмъ, что лишилъ ихъ наслѣдства. Это было новымъ ударомъ для поэта. Наконецъ, жена заболѣла въ 1838 году и продолжала болѣть до 1863 года, когда сошла въ могилу. Пламенному поэту, парившему подъ небесами, пришлось превратиться въ сидѣлку. Отъ красоты жены въ это время не осталось и слѣда. Она потолстѣла, обрюзгла. Ко всему этому присоединилось то, что она далеко не стояла на высотѣ его образованности. Поэтъ страдалъ. Онъ исполнялъ свой долгъ, но онъ испытывалъ тяжкія муки человѣка, который чувствуетъ, что крылья увлекаютъ его въ небеса, а цѣпи приковываютъ къ сырой темницѣ.

Виньи и г-жа Дорваль.

Въ это-то время поэтъ встрѣтился и сошелся съ актрисою Дорваль. Любовь Виньи была для нея не новость, такъ какъ молодая красавица находилась уже передъ тѣмъ

въ близкихъ сношеніяхъ съ Дюма и Жюлемъ Сандо. Послѣдній сдѣлался другомъ Дорваль въ 1841 году, когда разстался съ Жоржъ Зандъ, и дѣйствительно пользовался ея искреннимъ расположеніемъ. Въ своей «Исповѣди» Гуссэ разсказываетъ, что Дорваль была въ это время безъ ума отъ своего возлюбленнаго. Въ его отсутствіе она входила къ нему въ комнату, чтобы дышать воздухомъ, которымъ онъ дышалъ. «Я вдыхаю его жизнь и мысли», говорила она. Однажды она пришла къ Жюлю Сандо въ то время, когда его не было дома, и, найдя портретъ Жоржъ Зандъ, набросанный перомъ возлюбленнаго, крикнула съ отчаяніемъ въ голосѣ: «Она! Все она! Эта женщина меня убьетъ!». Затѣмъ, схвативъ ножъ для бумаги (другого не было), она ударила имъ себя въ грудь и упала въ обморокъ. Ударъ былъ сильный, такъ какъ показалась кровь. Когда она пришла въ себя, первымъ ея движеніемъ было схватить листокъ бумаги и запачкать своею кровью. Присутствовавшій при этой сценѣ Гуссэ (онъ жилъ вмѣстѣ съ Жюлемъ Сандо) попросилъ у нея листокъ на память и Дорваль отвѣтила: «Извольте; но вы должны его показать Жоржъ Зандъ!».

Марія Дорваль.

Такова была женщина, въ любви которой Виньи думалъ найти спасеніе отъ тяжелыхъ ранъ семейной жизни. Любила ли его Дорваль? Кто знаетъ? Женщина, прошедшая обширную школу любви, врядъ ли могла искренно отвѣчать на дѣвственную страсть поэта, а если и отвѣчала, то по совершенно иной причинѣ. То кровь кипитъ, то силъ избытокъ. Что касается Виньи, то онъ, повидимому, весь ушелъ въ свое чувство, ухватившись за него, какъ за якорь спасенія, который могъ бы спасти его отъ душевныхъ бурь. Письма, которыя онъ посылалъ ей во время ея артистическихъ поѣздокъ по провинціи, дышатъ искреннею страстью. Онъ думалъ уже было, что возрождается къ жизни. Какъ вдругъ—новый ударъ: Дорваль промѣняла его на провинціальнаго артиста Гюстава съ которымъ встрѣтилась въ Руанѣ. Его прекрасная наружность и несомнѣнный талантъ заставили ее забыть вдохновеннаго поэта «Элоа». Она послала его къ Дюма съ рекомендательнымъ письмомъ, прося помѣстить въ театрѣ, въ которомъ сама играла, и оказать возможное покровительство. Роль Виньи кончилась.

Тяжело отразился этотъ новый ударъ на чувствительной душѣ чуткаго поэта. Онъ сдѣлался пессимистомъ. Вся жизнь передъ нимъ какъ бы задернулась темною завѣсою. Солнце исчезло. Кругомъ нависъ мракъ. Онъ сталъ отвергать добро, какъ идею, считая его отрицательнымъ элементомъ и возводя зло въ основу мірозданія. «Только зло, — говоритъ онъ, — бываетъ чисто и безъ примѣси добра. Добро всегда смѣшивается со зломъ. Крайнее добро производитъ зло. Крайнее зло не дѣлаетъ добра». Полное отчаяніе, безъ протеста, безъ стремленія проникнуть въ тайну вѣчности—вотъ удѣлъ мыслящаго существа. «Хорошо и полезно, —говоритъ онъ,—не имѣть никакой надежды; надо въ особенности надежду уничтожить въ человѣческомъ сердцѣ. Тихое отчаяніе безъ содроганій злобы и безъ упрека небу—сама мудрость. Отчего мы покоряемся всему, кромѣ незнанія тайнъ вѣчности? Благодаря надеждѣ, которая есть источникъ всѣхъ нашихъ низостей.... О, Боже, надъ головой я чувствую тяжесть осужденія, которому всегда подвергаюсь, но, подвергаясь заключенію, не знаю своей вины и суда. Я плету солому, чтобы забыть... Земля возмущена несправедливостями творенія, она притворяется отъ страха... но втайнѣ она возмущается... Когда появляется человѣкъ, возстающій противъ Бога, міръ его принимаетъ и любитъ. Богъ съ гордостью смотрѣлъ на знаменитаго юношу на землѣ; но этотъ юноша былъ очень несчастливъ и умертвилъ себя шпагою. Богъ сказалъ ему: «Зачѣмъ разрушилъ ты свое тѣло?». Онъ отвѣчалъ: «Для того, чтобы Тебя огорчить и наказать».

Крайній пессимизмъ, вызванный разочарованіемъ въ томъ, что составляло лучшую радость жизни поэта,—любви къ женщинѣ, находилъ нѣкоторый противовѣсъ въ его стоицизмѣ, но онъ отъ этого не переставалъ быть крайнимъ. Великій въ сознаніи ничтожества всего окружающаго, онъ въ себѣ самомъ нашелъ достаточно бодрости для того, чтобы глядѣть въ лицо міру и проникающему его злу, и невольно думалъ о другой женщинѣ, о «Далилѣ»—символѣ всякаго женскаго коварства. Въ эти именно грустныя минуты вылилось изъ подъ его пера чудное стихотвореніе «[illegible]», въ которомъ устами библейскаго героя поэтъ оплакивает[illegible]ственное горе и горе всего человѣчества, обреченнаго страдать вслѣдствіе женскаго коварства.

Прекрасна Далила,
Тяжелыя косы по плечамъ скользятъ,
Какъ сѣть золотая, къ ногамъ ниспадая.
Она какъ пантера гибка молодая
И очи ея наслажденье сулятъ,
И молитъ о немъ отуманенный взглядъ,
Гдѣ искрится втайнѣ огонь сладострастья
На стройныхъ рукахъ золотыя запястья,
И кольца при каждомъ движеньи звенятъ,
И перси ея, гдѣ блестятъ амулеты,
Сирійскою тканью стыдливо одѣты *).

Не такова ли была и Дорваль? Не такъ[illegible]ы ли и всѣ женщины?

Въ присутствіи Бога во всѣ вре[illegible]ена
Идетъ роковая борьба повсемѣс[illegible]чо,
И мужа съ душою правдивой [illegible]естной

*) Пер. О. Чюминой.

Всегда побѣждаетъ съ лукавствомъ жена.
Не съ первыхъ ли дней до мгновенья развязки
Томится онъ жаждою нѣги и ласки,
Впервые проникшей во все существо,
Когда у груди согрѣвала его
И нѣжила мать! Безотчетно тоскуя, —
Какая бы цѣль ни ждала впереди, —
Онъ грезитъ всегда теплотою груди,
Мечтаетъ о жгучемъ огнѣ поцѣлуя,
О ласкахъ съ зарею, о волнахъ кудрей,
О шепотѣ нѣжномъ во мракѣ ночей...
Его на пути безотчетно тревожа,
Преслѣдуютъ всюду видѣнія ложа, —
И съ этою жаждой любви безъ границъ
Стремится онъ въ сѣти коварныхъ блудницъ
И чѣмъ онъ сильнѣе и духомъ, и тѣломъ, —
Тѣмъ гибнетъ вѣрнѣе: чѣмъ глубже рѣка,
Тѣмъ болѣе зыбь на волнахъ велика.
Борьба человѣку явилась удѣломъ;
Когда же отъ ужасовъ вѣчной войны
Онъ жаждетъ забвенья въ объятьяхъ жены, —
Тогда начинается втайнѣ другая
Межъ нимъ и межъ нею борьба роковая,
Въ разгарѣ лобзаній ведется она,
Губя безпощадно и разумъ, и силу, —
И въ каждой женѣ онъ находитъ Далилу.

Отсюда до ненависти и презрѣнія къ женщинамъ вообще—всего одинъ шагъ.

Въ объятіяхъ страсти всегда холодна,
Она не знакома съ любовнымъ недугомъ
И въ этомъ, смѣясь, сознается подругамъ.
Ей страшенъ бываетъ ея властелинъ,
Онъ грубъ и беретъ отъ нея наслажденье,
Но дать не умѣетъ его ни одинъ.
Женѣ драгоцѣннѣй, чѣмъ всѣ украшенья, —
Побѣда надъ сильнымъ: гдѣ кровь пролита,
Тамъ ярче сіятъ ея красота
И та, отъ которой мы жизнь получаемъ,
Чьи первыя ласки намъ кажутся раемъ,
И сердце свое мы кому отдаемъ...
Намъ стала врагомъ въ ослѣпленьи своемъ.

И дальше—этотъ вопль измученной души:

О, Господи! Велѣнья твои
Свершилъ я и черпалъ въ безумной любви
Мою изумлявшаго смертнаго силу.
О, Боже, Ты съ нею меня разсуди!
Заснувшая мирно на этой груди,
Въ упорствѣ и злобѣ, для насъ непонятной,
Она предавала меня троекратно
И трижды притворныя слезы лила,
Которыми злобы укрыть не могла,
Сверкавшей во взорѣ холодномъ и лживомъ...
И я, сокрушавшій колонны, бывало,
Измученъ я духомъ и тѣло устало:
Печали, гнетущей мнѣ душу давно,
Не въ силахъ выдерживать дольше оно!
Все лучшее въ жизни дѣлить со змѣею,
Которая вьется, своей чешуею
Влачася въ грязи и на солнцѣ блестя!
Нечистое сердцем[illegible], больное дитя!

Себя ослѣпляя, стараться не видѣть,
Не знать,—и кипучаго гнѣва не выдать,
Въ святилищѣ сердца его схороня,
Покуда, какъ тлѣвшая искра огня,
Не вспыхнетъ онъ сразу зловѣщимъ пожаромъ.
Довольно! Склоняю главу подъ ударомъ,
И гостемъ желаннымъ здѣсь явится тотъ,
Кто съ вѣстью о смерти къ Самсону придетъ.

Но, наконецъ, кара разразилась. Потрясены мощныя колонны руками обманутаго и ослѣпленнаго героя, и своды храма похоронили подъ собою и заклятыхъ враговъ, и ихъ алтари, и безсильныхъ боговъ, и самое Далилу, виновницу общаго несчастія. Поэтъ торжествуетъ и, вспоминая раны собственнаго сердца, онъ, какъ богъ мести, восклицаетъ:

О, если бы кара постигла такая
Измѣну, надѣвшую маску любви,
Когда, опьяненные нѣгой свиданій,
Въ минуты безумныхъ и лживыхъ лобзаній
Мы ей открываемъ всѣ тайны свои!

Недаромъ Виньи проповѣдывалъ молчаніе, какъ высшій признакъ силы:

A voir ce que l'ont fait sur terre et ce qu'on laisse,
Seul le silence est grand, tout le reste est faiblesse *).

Поль Верленъ **). Вмѣстѣ съ Верленомъ, однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей новѣйшей французской поэзіи, мы вступаемъ въ ту сферу отношеній между женщинами и поэтами, гдѣ нѣтъ ничего идеальнаго, гдѣ все грубо, площадно и отдаетъ животными инстинктами, но гдѣ, тѣмъ не менѣе, поэзія всетаки нашла себѣ питательную почву и взошла чуднымъ цвѣткомъ, какъ всходятъ иногда чудные цвѣтки на мусорныхъ ямахъ.

Была пора, когда французскіе поэты любили искренно и свято. Культъ страсти, нашедшій самыя благородныя рыцарскія формы во Франціи, выражался въ пламенныхъ порывахъ, полныхъ стыдливости и цѣломудрія. Это было въ доброе старое время, когда праздность и развращенность составляли достоянія однѣхъ только высшихъ сферъ. Франція тогда еще не была страною безплодной борьбы; Парижъ тогда еще не былъ Вавилономъ. Но годы шли. Ядовитые пары разврата, исходя изъ роскошныхъ дворцовъ, начали мало-по-малу распространяться по лону французскаго отечества. Любовь стала терять свой поэтическій характеръ и сводиться къ культу половыхъ отношеній. Появился Бодлеръ съ его поэзіею грязи и распутства. За нимъ потянулись другіе обитатели французскаго Олимпа—всѣ эти Роллина, Барресы—имя же имъ легіонъ,—потянулись со своими разбитыми или надтреснутыми лирами, струны которыхъ могли издавать только жалобные умирающіе звуки. Поэзія сдѣлалась мантіею для прикрытія

*) Когда подумаешь, чѣмъ ты былъ на землѣ и что ты на ней покинулъ,—одно только молчаніе величественно, а все остальное—доказательство слабости.

**) Paul Verlaine. «Confessions». Paris.—Ch. Donos.—«Verlaine Intime». Paris. 1898. Emile Zola. (Der Zeitgeist. Beiblatt zum «Berliner Tageblatt», 31 января 1898 г. (Къ сожалѣнію, оригинала у насъ подъ руками нѣтъ).

грѣха. Сорваны были дѣвственные покровы съ красоты, позорно предано осмѣянію цѣломудріе. Поэты начали грезить о неестественныхъ страстяхъ и воспѣвать преступныя вожделѣнія. И въ то время, когда Бодлеръ съ жаромъ описывалъ безплодныя ночи, проведенныя въ объятіяхъ чахоточныхъ проститутокъ, отцы отечества тревожно подводили цифры все уменьшающагося и уменьшающагося населенія Франціи, съ ужасомъ предвидя наступленіе поры, когда некому будетъ возвращать ей Эльзасъ-Лотарингію...

Верленъ—одинъ изъ видныхъ представителей этой грустной полосы французской поэзіи. Разбитый, усталый, съ опустошеннымъ сердцемъ и высохшимъ умомъ, онъ могъ только въ рѣдкія минуты душевнаго просвѣтленія думать о счастливой зарѣ человѣчества, когда люди жили въ раю безгрѣшности, только по временамъ срывая яблоко премудрости по непреложному велѣнію рока... Въ остальное же время мысли его носились въ сферѣ другихъ чувствъ и влеченій. Сынъ больного вѣка, онъ съ молокомъ матери всосалъ въ себя пагубную страсть и чрезмѣрную чувствительность и зналъ уже любовь, когда ему было всего пять лѣтъ. Усердные біографы записали этотъ моментъ изъ жизни Верлена со всѣми подробностями, не понимая, что этимъ обнаруживаютъ только собственную испорченность. Хотя дѣвушка, въ которую онъ былъ влюбленъ (звали ее Матильдою), и насчитывала всего шестую весну, тѣмъ не менѣе они съ ученымъ видомъ знатоковъ описываютъ ея волосы, глаза, ротъ и, какъ, напримѣръ, Доно, приходятъ въ умиленіе, разсказывая, что влюбленные цѣловались въ засосъ. Дѣти всегда играли вмѣстѣ, но никогда не ссорились. Жители Меца (Верленъ родился въ этомъ городѣ, который въ то время—въ 1849 году—былъ еще французскимъ) называли ихъ Павломъ и Виргиніею, Дафнисомъ и Хлоею. Нашелся даже какой-то полковникъ Ниль, который сталъ принимать участіе въ ихъ играхъ и примирять «влюбленныхъ» во время ихъ случайныхъ размолвокъ тѣмъ, что заставлялъ ихъ безконечно цѣловаться...

Мы не знаемъ въ точности женщинъ, съ которыми Верленъ встрѣчался вплоть до женитьбы, но зато знаемъ, что жизнь поэта въ это время была исполнена бурь и пороковъ, не исключая пьянства—недостатка, отъ котораго поэтъ не отрѣшился до конца дней своихъ. Онъ пилъ немилосердно, отыскивая въ парахъ абсента элементы вдохновенія, и когда, въ 1870 году, встрѣтился съ Матильдою Сиври, сдѣлавшеюся вскорѣ послѣ того его женою, онъ уже представлялъ собою отвратительную почву, на которой могло взрасти все, кромѣ истиннаго чувства и возвышенной любви. Первое время, впрочемъ, онъ какъ будто переродился и написалъ цѣлый рядъ глубоко прочувствованныхъ стихотвореній, соединенныхъ потомъ въ книгу подъ названіемъ «La bonne chanson». Подъ вліяніемъ чистой дѣвушки въ немъ даже заглохла страсть къ водкѣ. Но когда первые порывы страсти прошли, все вернулось къ прежнему состоянію. Верленъ опять началъ пить. Пошли сцены и въ результатѣ—бѣгство жены. Бѣдную женщину, конечно, уговорили вернуться, но какая жизнь ожидала ее подъ кровомъ мужа, для котораго только жизнь наизнанку представляла нѣкоторый интересъ! Достаточно сказать, что у нея появилась вскорѣ соперница въ лицѣ... Артура Рембо! Этотъ молодой поэтъ, имя котораго получило

впослѣдствіи большую извѣстность, близко сошелся съ Верленомъ, несмотря на большую разницу въ лѣтахъ, и началъ вести съ нимъ самую безпутную жизнь. Жена слишкомъ скоро замѣтила, каковы отношенія между ея мужемъ и молодымъ бродягою, и всѣми силами старалась положить имъ конецъ; но это повело только къ тому, что Верленъ сталъ удаляться отъ жены и еще болѣе сближаться съ молодымъ другомъ. Впослѣдствіи онъ не постыдился написать предисловіе къ возмутительному роману Аржи «Содомъ», въ которомъ описывается со всѣми романическими подробностями отвратительная связь между двумя мужчинами.

Удивительно, однако, что преступная связь съ Рембо имѣла для Верлена и для его поэтической дѣятельности хорошую сторону. Въ одно прекрасное время молодой другъ заявляетъ поэту, что покидаетъ его. Дѣло происходило на улицѣ, и пьяный Верленъ, еле державшійся на ногахъ, не долго думая, выхватываетъ револьверъ и стрѣляетъ въ Рембо. Тотъ бросается впередъ, Верленъ за нимъ, стрѣляетъ еще разъ, но опять промахивается. Въ концѣ концовъ онъ арестованъ, преданъ суду и приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на два года. Тяжело ему было разстаться съ бурной жизнью, но пришлось подчиниться. Вдругъ онъ узнаетъ въ тюрьмѣ, что просьба жены о разрѣшеніи ей жить отдѣльно отъ мужа удовлетворена судомъ. Въ порывѣ отчаянія онъ зоветъ къ себѣ священника, которому заявляетъ, что съ нимъ произошла чрезвычайная перемѣна, онъ вернулся къ религіи. И, чтобы убѣдить священника, онъ заставляетъ его читать Св. Писаніе и излагаетъ ему на исповѣди все свое прошлое. Это была страшная исповѣдь. Самъ Верленъ признается, что священникъ спросилъ его: «Не были ли вы также и съ животными?». Тѣмъ не менѣе перемѣна произошла вдругъ, въ одну минуту, и, что болѣе всего странно, оказалась вполнѣ искреннею, и слѣдствіемъ этого явился сборникъ удивительныхъ по глубинѣ религіознаго чувства стихотвореній «Мудрость», въ которыхъ пьяный, преступный, развратный Верленъ дѣйствительно является кающимся грѣшникомъ, но поднимающимся въ минуты вдохновенія до высшихъ предѣловъ благоговѣнія и экстаза.

Намъ нѣтъ надобности слѣдить за дальнѣйшими любовными похожденіями Верлена, кончившимися тѣмъ, что онъ сошелся съ простою крестьянкою, которой посвятилъ многія изъ стихотвореній, вошедшихъ потомъ въ сборникъ «Chansons pour elle». Всѣ они слишкомъ носятъ характеръ грубой развращенности, но всѣ они въ то же время оставили глубокій слѣдъ на французской поэзіи, и недаромъ многіе именно въ Верленѣ склонны видѣть родоначальника французскаго символизма. Кто былъ Верленъ? Что представлялъ онъ? Къ чему стремился? Каковы были его задушевныя мечты? «Верленъ,—говоритъ Зола,—создавалъ свои стихи такъ же, какъ груша производитъ свои плоды. Вѣтеръ дулъ, и онъ шелъ туда, куда гналъ его вѣтеръ. Онъ никогда не хотѣлъ чего-либо, никогда не спорилъ о чемъ-либо, не обдумывалъ, не исполнялъ, никогда онъ ничего не дѣлалъ при полной дѣятельности своего сознанія. Можно придумать для него иную среду, можно подвергать его разнымъ вліяніямъ, надѣлить его совершенно различными точками зрѣнія, и несомнѣнно, что его творчество преобразилось бы и приняло бы другія формы, но онъ остался бы столь же несомнѣнно ра-

бомъ своего чувства и геній его придалъ бы такую же силу пѣснямъ, которыя непроизвольно срывались бы съ его устъ. Я хочу сказать, что при такой натурѣ, вышедшей изъ равновѣсія и доступной всякимъ внѣшнимъ проявленіямъ, почва имѣетъ весьма мало значенія, такъ какъ все въ ней растетъ въ полнотѣ неотразимой личности».

Въ этомъ диѳирамбѣ свободѣ искусства и свободѣ личности, по сколько дѣло касается Верлена, есть много преувеличеннаго, но также и много правды. Верленъ дѣйствительно былъ «листкомъ, носимымъ по вѣтру», какъ онъ самъ сказалъ о себѣ въ одномъ превосходномъ стихотвореніи. Оторванный отъ почвы, потерявъ вѣру въ старые кумиры и не имѣя другихъ, онъ вмѣстѣ съ многими, очень многими представителями своего народа метался по пустынѣ жизни, тщетно отыскивая оазисъ, на которомъ можно было бы осѣсть и успокоиться. Одинъ остался уголокъ, гдѣ еще возможно было обрѣсти душевный миръ,— любовь къ женщинѣ; но что могъ онъ внести туда, онъ, который, какъ ангелъ смерти, вносилъ повсюду только ядъ и разложеніе?

АНГЛІЯ.

Шекспиръ.—Байронъ.—Мильтонъ.—Шелли.

*Шекспиръ**). Шекспиръ — сфинксъ, Шекспиръ — загадка. Нѣтъ ни одного поэта, который былъ бы такъ знаменитъ, какъ Шекспиръ, и въ то же время нѣтъ ни одного поэта, жизнь котораго такъ мало была бы извѣстна. Какъ сновидѣніе, какъ призракъ, стоитъ онъ за своими произведеніями. Мы видимъ его за спиною многочисленныхъ героевъ, созданныхъ его геніальною фантазіею. Онъ мечтаетъ вмѣстѣ съ Гамлетомъ, возмущается вмѣстѣ съ Лиромъ, ревнуетъ вмѣстѣ съ Отелло, ненавидитъ вмѣстѣ съ Макбетомъ, пылаетъ возвышенной страстью вмѣстѣ съ Ромео. Мы знаемъ, мы твердо увѣрены, что онъ самъ испыталъ, самъ пережилъ разнообразныя чувства, воплощенныя имъ въ неувядаемые образы, и тѣмъ не менѣе личность его ускользаетъ отъ насъ каждый разъ, когда мы хотимъ къ ней приблизиться и разсмотрѣть подробнѣе. Одно время даже думали, что Шекспира-поэта вовсе нѣтъ, а есть только Шекспиръ-актеръ, такъ какъ все, приписываемое Шекспиру, написано будто бы не имъ, а Бэкономъ. Какъ тѣнь Банко, онъ ясно виденъ встревоженному взору зрителя или читателя его произведеній, но и, какъ тѣнь Банко, онъ исчезаетъ, подобно дыму, при первой же попыткѣ убѣдиться, не миражъ ли это, не обманъ ли чувствъ, не плодъ ли разстроеннаго воображенія.

А между тѣмъ, Шекспиръ наполнялъ блескомъ своего имени дворъ

---

*) Karl Frenzel. «Dichter und Frauen». Studien. Hannover, 1860.—Брандесъ. «Вилліамъ Шекспиръ. Историко-литературная монографія». Пер. М. Энгельгардта. (Прил. къ «В. И. Л.» 1897 г.)—Женэ. «Шекспиръ, его жизнь и сочиненія».—Гервинусъ. «Шекспиръ», 4 т.—П. Коэ. «Шекспиръ, жизнь и дѣятельность его; современная ему литература и культурный строй». Съ предисловіемъ, примѣч. и дополненіемъ Н. Стороженко. Москва, 1888 годъ.—В. Боткинъ. Сочиненія, т. II.—Карлейль. «Герои и героическое въ исторіи».

Елизаветы! А между тѣмъ, онъ затмевалъ въ области литературы всѣхъ своихъ современниковъ, среди которыхъ были очень крупныя величины! А между тѣмъ, поэтическимъ геніемъ онъ обхватилъ обширный горизонтъ, на которомъ, только какъ блѣдныя звѣзды, сверкали въ его свѣтѣ крупнѣйшія свѣтила тогдашней науки, искусства, литературы. Все, что мы знаемъ о немъ, сводится почти только къ тому, что онъ родился въ 1564 году въ Стратфордѣ, женился совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, пріѣхалъ въ 1586 году въ Лондонъ, сдѣлался артистомъ и драматургомъ; благодаря своимъ произведеніямъ и дарамъ знатныхъ покровителей, пріобрѣлъ крупное состояніе, которое вложилъ въ поземельную собственность, въ 1614 году удалился со сцены и 23 апрѣля 1616 года умеръ въ полномъ уединеніи. Конечно, есть еще нѣкоторыя подробности, но онѣ скорѣе относятся къ предположеніямъ. Такъ, одни говорятъ, что Шекспиръ былъ одно время учителемъ; другіе утверждаютъ, что онъ работалъ у адвоката; третьи полагаютъ, что онъ въ молодости былъ мясникомъ, причемъ приводятъ въ доказательство извѣстную сцену изъ «Тита Андроника», въ которой Андроникъ убиваетъ сыновей Тамары, а Лавинія держитъ миску, чтобы собрать ихъ кровь. Еще болѣе романтическій характеръ носятъ версіи, по которымъ Шекспиръ то былъ бродягою, то участвовалъ въ торжествахъ, устроенныхъ лордомъ Лейчестеромъ въ честь королевы. Самый день его рожденія подлежитъ большому сомнѣнію. По крайней мѣрѣ, есть только свидѣтельство о томъ, что 26 апрѣля 1564 года былъ крещенъ въ церкви Стратфорда на Эвонѣ какой-то сынъ Джона Шекспира, получившій имя Уильяма. Это все.

Жена Шекспира.

Разъ въ жизни Шекспира все загадочно, то, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, что у насъ очень мало свѣдѣній о его женѣ. Мы знаемъ только, что бракъ его былъ далеко не изъ счастливыхъ и по очень простой причинѣ: когда Шекспиръ женился на Аннѣ Хетвей, ему было 18, а ей 26 лѣтъ! Женитьба была, по всей вѣроятности, вынужденная и явилась результатомъ слишкомъ настойчиваго требованія родителей невѣсты, требовавшихъ, чтобы молодые люди были поскорѣе обвѣнчаны. Такъ какъ первый ребенокъ—дѣвочка Сусанна—родился всего черезъ пять мѣсяцевъ послѣ брака, то причина столь торопливаго отношенія родителей невѣсты понятна: восемнадцати-лѣтній поэтъ увлекся, двадцатишестилѣтняя Анна не нашла нужнымъ особенно обороняться. Такимъ образомъ, женитьба Шекспира была актомъ узаконенія будущаго ребенка. Что юноша Шекспиръ не могъ при такихъ обстоятельствахъ быть вѣренъ своей пожилой женѣ, что Анна Хетвей устраивала ему сцены ревности, причемъ, вѣроятно, не особенно оказывалась разборчивою на эпитеты, такъ какъ она была простая крестьянка, дочь мызника, объ этомъ можно только догадываться. Въ своей «Комедіи ошибокъ» поэтъ ясно высказался относительно того, что такое ревность и сколько горя можетъ она причинять человѣку. Кромѣ того, въ его афоризмахъ имѣется очень злая, непереводимая игра словъ, также свидѣтельствующая о буряхъ семейной жизни Шекспира: «Anne Hathaway hath a Way», то есть у Анны Хетвей есть своя воля. И хотя отъ брака съ этой сварливой женщиной у Шекспира родилось нѣсколько дѣтей, тѣмъ не менѣе ему пришлось оставить вскорѣ Стратфордъ и уѣхать въ Лондонъ, гдѣ на-

чалъ вести вольную цыганскую жизнь актера и драматурга. Жена осталась въ Стратфордѣ, куда Шекспиръ пріѣзжалъ только по временамъ. Это была разука въ истинномъ смыслѣ слова, и Брандесъ, стараясь установить нѣкоторые моменты личной жизни Шекспира на основаніи различныхъ мѣстъ его сочиненій, вполнѣ основательно указываетъ, какъ на доказательство отрицательнаго отношенія поэта къ своему браку, на слѣдующій разговоръ изъ «Двѣнадцатой ночи».

Герцогъ.

Какъ молода?

Віола.

Почти что вашихъ лѣтъ.

Герцогъ.

Стара!

Жена должна избрать себѣ постарше;
Тогда она прилѣпится къ супругу
И будетъ царствовать въ его груди.
Какъ мы себя, Цезаріо, ни хвалимъ,
А наши склонности непостоянней,
Чѣмъ женщины любовь...
Такъ избери супругу помоложе,
А иначе любовь не устоитъ:
Вѣдь дѣвушки, какъ розы,
Чуть расцвѣла,
Ужь отцвѣла
И милыхъ нѣтъ цвѣтовъ *).

Точно также характерно и слѣдующее мѣсто изъ «Бури», вполнѣ, повидимому, относящееся къ женѣ Шекспира:

Но если до того, пока обрядъ
Священникомъ вполнѣ не совершится,
Ты дѣвственный развяжешь поясъ ей,
То никогда съ небесъ благословенье
На вашъ союзъ съ любовью не сойдетъ.
О, нѣтъ, раздоръ, презрѣнье съ ѣдкимъ взоромъ
И ненависть безплодная тогда
Насыпятъ вамъ на брачную постелю
Негодныхъ травъ, столь ѣдкихъ и колючихъ,
Что оба вы соскочите съ нея.

И въ «Комедіи ошибокъ» есть, по мнѣнію Брандеса, прямое указаніе на сварливый нравъ жены Шекспира. Жалуясь игуменьѣ на то, что мужъ ея ухаживаетъ за другими женщинами, Адріана на вопросъ о томъ, бранитъ ли она мужа, отвѣчаетъ:

Мы ни о чемъ другомъ не говорили.
Въ постели я ему мѣшала спать
Упреками; отъ нихъ и за столомъ
Не могъ онъ ѣсть; наединѣ—лишь это
Служило мнѣ предметомъ всѣхъ бесѣдъ;
При людяхъ я на это намекала
Ему не разъ; всегда твердила я,
Что низко онъ и гадко поступаетъ.

Наконецъ, въ «Бурѣ» Шекспиръ ярко оттѣнилъ свои чувства, навѣянныя все тою же неудачною женитьбою.

Фу, стыдъ! Разгладь наморщенныя брови
И гнѣвныхъ взглядовъ не бросай на мужа
И господина; онъ твой повелитель...
Во гнѣвѣ женщина—источникъ мутный,
Лишенный красоты и чистоты—

*) Пер. А. Кронеберга.

И какъ бы жажда ни была велика
У человѣка, онъ его минуетъ.
Твой мужъ—твой господинъ; онъ твой хранитель
Онъ жизнь твоя, твоя глава, твой царь;
Онъ о твоемъ печется содержаньи,
Онъ переноситъ тягости труда
На сушѣ, въ морѣ, въ бурю, въ непогоду,
А ты въ теплѣ, въ покоѣ, безопасна—
И никакой не требуетъ онъ дани,
А лишь любви, покорности и ласки—
Ничтожной платы за его труды!
Какъ подданный передъ своимъ монархомъ,
Такъ и жена должна быть передъ мужемъ;
Но если же упряма, своенравна,
Сурова, зла и непокорна волѣ,
Тогда она преступный возмутитель,
Измѣнница предъ любящимъ владыкой.

При такихъ взглядахъ на женщину трудно было Шекспиру ужиться съ женщиною, которая, будучи старше своего мужа на восемь лѣтъ и къ тому же обладая сварливымъ характеромъ, не могла, конечно, признать его своимъ «повелителемъ» и «господиномъ». Разлука сдѣлалась неизбѣжною.

Шекспиръ и Мэри Фиттонъ.

Но зато Шекспиръ охотно подчинялся другой женщинѣ, въ лицѣ которой безропотно призналъ госпожу и повелительницу. Мы говоримъ о Мэри Фиттонъ, извѣстной въ біографіяхъ Шекспира больше подъ именемъ «смуглой красавицы», чѣмъ подъ ея настоящимъ именемъ.

Нечего говорить, что и въ образѣ Мэри Фиттонъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ нарисовали намъ его біографы, есть много фантастическаго. Прямыхъ свѣдѣній о ней нѣтъ и, чтобы вызвать ее на свѣтъ Божій изъ мрака тайны, жизнеописатели и комментаторы великаго поэта опять опустились въ бездонныя глубины его творческой дѣятельности, отыскивая гамъ хотя бы ничтожный слѣдъ, по которому можно было бы, какъ нѣкогда Кювье по одному зубу, составить понятіе обо всемъ цѣломъ. Укажемъ хотя бы на того же Брандеса, одного изъ наиболѣе добросовѣстныхъ и мѣткихъ истолкователей Шекспира, Брандеса, который извлекаетъ образъ Фиттонъ почти изъ однихъ сонетовъ Шекспира, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакого другого матеріала, если не считать нѣкоторыхъ мелкихъ документовъ, вродѣ родословныхъ таблицъ и т. п. Судя по этой характеристикѣ, Мэри Фиттонъ была обольстительная, обворожительная, кокетливая, лживая, невѣрная дама, созданная для того, чтобы раздавать счастье и муки полными горстями. Насколько можно судить по раскрашенному бюсту Мэри Фиттонъ на памятникѣ ея матери, она была очень смугла, имѣла черные волосы и большіе черные глаза. Что она не была хороша, свидѣтельствуетъ самъ Шекспиръ въ своемъ сонетѣ 141:

Нѣтъ, не глаза мои плѣняются тобою.
Ты представляешь имъ лишь недостатковъ тьму;
Но что мертво для нихъ, то любитъ ретивое,
Готовое любить и вопреки уму.
Ни пламя нѣжныхъ чувствъ, ни вкусъ, ни обонянье,
Ни слухъ, что весь восторгъ при звукахъ неземныхъ,
Ни сладострастья пылъ, ни трепетъ ожиданья

Не возстаютъ въ виду достоинствъ всѣхъ твоихъ.
А все жь ни всѣ пять чувствъ, ни разумъ мой не въ силѣ
Заставить сердце въ прахъ не падать предъ тобой,
Оставивъ вольной плоть, которая весь свой
Похоронила пылъ въ тебѣ, какъ бы въ могилѣ *).

Семнадцати лѣтъ отъ роду она сдѣлалась фрейлиною королевы Елизаветы, съ поэтомъ встрѣтилась черезъ два года на какомъ-нибудь придворномъ празднествѣ. Она стояла выше его по званію, по общественному положенію, а потому побѣда надъ нею доставила Шекспиру величайшее удовольствіе. Одно время она находилась въ связи съ графомъ Пэмброкъ, который, однако, и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ, когда молодая женщина очутилась въ интересномъ положеніи. Какъ видно изъ одного современнаго письма, Мэри Фиттонъ нерѣдко снимала свой головной уборъ, укорачивала платье, надѣвала длинный бѣлый плащъ и подъ видомъ мужчины уходила на свиданіе съ Пэмброкомъ. Въ концѣ концовъ связь съ молодымъ придворнымъ кончилась тѣмъ, что она разрѣшилась мертвымъ младенцемъ.

Благодаря неудачной женитьбѣ, Шекспиръ написалъ цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ отразились невзгоды его жизни; благодаря счастливой связи съ Фиттонъ, изъ подъ его пера вылился цѣлый рядъ новыхъ произведеній, въ которыхъ опять таки сквозитъ его личное настроеніе. Весьма даже возможно, что удивительные образы Беатриче и Розалинды—та же Мэри Фиттонъ, остроумная, смѣлая, женственная, находчивая, веселая, самоувѣренная, изящная. Благодаря ей, онъ почувствовалъ необычайный подъемъ духа, слѣдствіемъ чего явились его брыжжущія остроуміемъ и веселостью комедіи. «Какимъ блаженствомъ любви,—говоритъ Брандесъ,—дышитъ та сцена въ мелодичномъ 128 сонетѣ, гдѣ тонкіе аристократическіе пальцы прелестной дѣвушки бѣгаютъ по клавишамъ и гдѣ она, такъ нѣжно называемая поэтомъ my music, чаруетъ его музыкой, между тѣмъ какъ онъ томится желаніемъ прижать ея пальцы и губы къ своимъ устамъ. Онъ завидуетъ клавишамъ, которымъ позволено цѣловать ея пальчики, и восклицаетъ: «Оставь имъ свои пальцы, а мнѣ свои губы для поцѣлуя!».

Что Мэри Фиттонъ была кокетлива въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, ясно до очевидности изъ сонетовъ Шекспира. Великій поэтъ постоянно жалуется въ нихъ на невѣрность и легкомысліе, называя ее «заливомъ, въ которомъ всякій бросаетъ якорь» (сонетъ 137), или замѣчая: «Когда моя милая клянется, что говоритъ правду, я вѣрю ей, хотя знаю, что она лжетъ». Въ сонетѣ 139 Шекспиръ изображаетъ ее безстыдной кокеткой, не стѣсняющейся заигрывать съ кѣмъ угодно даже въ его присутствіи. Она тиранитъ его, сознавая мощь своей красоты, и властвуетъ надъ нимъ волшебной силой. Въ концѣ она завела шашни даже съ молодымъ любимцемъ Шекспира, графомъ Пэмброкомъ, къ которому, повидимому, творецъ «Гамлета» питалъ такую же склонность, какъ Зевсъ къ Ганимеду.

Смуглая дама, конечно, только одна изъ многочисленныхъ временныхъ спутницъ великаго поэта на пути страсти и творчества; но и ея одной, ея роли въ жизни геніальнаго творца безсмертныхъ образовъ, ея вліянія на характеръ и ростъ его таланта достаточно для того, что-

*) Пер. Гербеля (лучшаго, къ сожалѣнію, нѣтъ).

бы отдать полную дань уваженія женщинѣ, дерзнувшей въ своемъ благодѣтельномъ вліяніи на творчество поэта подняться вмѣстѣ съ нимъ до высочайшихъ вершинъ человѣческаго ума и генія.

*Байронъ *).* Нѣтъ ни одного великаго поэта, который былъ бы такъ родствененъ русскому духу, какъ Байронъ. Это почти нашъ поэтъ. Онъ писалъ перомъ Пушкина, водилъ рукою Лермонтова. Онъ царилъ въ нашихъ гостиныхъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, разочарованно зѣвалъ подъ маскою Онѣгина, безпокойно блуждалъ по лону Руси подъ плащомъ Печорина и съ негодованіемъ металъ громы краснорѣчія на балу у Фамусова устами Чацкаго. Весь порывъ и увлеченіе, онъ и теперь еще продолжаетъ носиться со своею вѣчною думою по захолустнымъ уголкамъ нашего обширнаго отечества, ничего не забывъ и ничему не научившись. Даже его отрицательное отношеніе къ своей родинѣ—какъ бы наше отношеніе, потому что и мы, какъ и онъ, не любимъ своекорыстной Англіи, потому что, прикрывая громкими словами свою ненасытную алчность, она въ насъ, какъ и въ великомъ творцѣ Чайльдъ-Гарольда, всегда будила чувства стыда и негодованія, которыхъ не заглушить никакими фразами о свободѣ, трудѣ и цивилизаціи...

И въ области отношеній къ представительницамъ прекраснаго пола Байронъ живо напоминаетъ нашихъ героевъ первой четверти девятнадцатаго вѣка. Какъ Онѣгинъ и Печоринъ, онъ переходилъ отъ одной женщинѣ къ другой, тщетно отыскивая уголокъ, гдѣ бы можно было успокоить оскорбленное чувство, вѣчно гоняясь за призракомъ необыкновенной любви, которая одна способна была бы разсѣять туманъ его жизни, и въ этой погонѣ не замѣчая, что истинная любовь и истинное счастіе у него подъ рукою... Сколько женщинъ прошло передъ нимъ за его короткую, но бурную жизнь? Однѣ только тѣ изъ нихъ, которымъ онъ посвящалъ плоды своей музы, могутъ составить цѣлую коллекцію. Тутъ есть и Лесбія, и Каролина, и Элиза, и Анна, и Маріонъ, и Мэри, и Гарріетъ, и Джесси, и какая-то «лэди», и просто «женщина». Во всѣхъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ этимъ чародѣйкамъ, поэтъ страстенъ и тоскливъ. Его угнетаетъ сознаніе недостигнутости счастія, его мучитъ увѣренность, что любовь была только сномъ. И это не въ одномъ только зрѣломъ возрастѣ. Нѣтъ, еще въ ранніе годы влюбился онъ въ Мэри Дэффъ, у которой были «очи газели», черныя косы, ласковая улыбка и мелодическій голосъ. Вскорѣ эта любовь смѣнилась страстью къ кузинѣ Маргаритѣ Паркеръ, у которой оказались «черныя очи, длинныя рѣсницы, греческій профиль, томная прозрачность красоты, словно сотканной изъ лучей радуги». Конечно, все это было платоническая любовь. Затѣмъ юношею онъ влюбился въ другую кузину, Мэри Чевортъ, очаровательную дѣвушку, отвѣчавшую ему взаимностью. Но родители дѣвушки не хотѣли отдать ее поэту даже послѣ того, какъ онъ поступилъ въ кембриджскій университетъ. Мэри Чевортъ вышла замужъ за другого, оставивъ неизле-

---

*) Брандесъ. «Байронъ и его произведенія». Пер. Городецкаго. СПБ. 1888 г.—Тэнъ. «Критическіе опыты». Пер. подъ редакц. Чуйко. СПБ. 1869 г.—Ор. Миллеръ. «Лордъ Байронъ и его судьба». «В. Е.», 1878 г. 2 и 4.—Маколей. «Жизнь Байрона» (собр. соч., т. I.).

чимую рану въ его сердцѣ. Потомъ пошли новыя страсти, чему особенно способствовала мечтательная красота Байрона, его высокое положеніе, слава, поэтическій геній, романтическій характеръ его поѣздокъ, очарованіе тайны, которою онъ всегда окружалъ себя. Можно было бы исписать цѣлые томы, если задаться цѣлью составить полную исторію любовныхъ увлеченій великаго поэта въ связи съ ихъ вліяніемъ на его творчество. И тѣмъ не менѣе все это были только отдѣльные этапные пункты къ другому, неизвѣданному увлеченію, все это были временныя остановки для отдыха передъ дальнѣйшею погонею за тѣнью своего идеала въ то время, какъ тамъ, въ томъ же презираемомъ и отвергаемомъ

Мэри Чевортъ.

Лондонѣ, ждала его, можетъ быть, англійская Татьяна, вся сотканная изъ грезъ, преданности, любви и самопожертвованія...

Байронъ и лэди Лемъ.

Байронъ, какъ извѣстно, покинулъ Англію навсегда. Когда общественное мнѣніе туманнаго Альбіона, недовольное его безпощадной критикой, возстало противъ него, какъ одинъ человѣкъ, выставивъ противъ поэта цѣлыя фаланги клеветниковъ и негодяевъ (его обвиняли, между прочимъ, въ преступной связи съ сестрою), «невѣдомый скиталецъ», по выраженію нашего поэта, сѣлъ въ одно прекрасное время на пароходъ и уѣхалъ, чтобы блуждать по свѣту въ погонѣ за близкимъ въ теоріи, но далекимъ на практикѣ идеаломъ. «Если всѣ эти клеветы, распространяемыя обо мнѣ всѣми въ Англіи,—писалъ онъ,—справедливы, то я не гожусь для Англіи, а если онѣ несправедливы, то Англія не годится для меня». Тѣмъ не менѣе, до разрыва съ отечествомъ Байрону

пришлось испытать не мало счастливыхъ минутъ въ Англіи; когда появились «Чайльдъ-Гарольдъ», «Гяуръ», «Абидосская невѣста», «Корсаръ», «Паризина» и «Осада Коринѳа», поэтъ сдѣлался всеобщимъ кумиромъ. Страстность, новизна и оригинальность этихъ произведеній приковали къ нему вниманіе. Онъ сталъ феноменомъ, съ котораго не сводили глазъ. Молодыя женщины приходили въ восторгъ при одной мысли, что Байронъ, можетъ быть, поведетъ ихъ къ столу, и не осмѣливались прикоснуться ни къ одному блюду, зная, что онъ не любитъ видѣть, когда женщины ѣдятъ. Онѣ съ благоговѣніемъ отдавались надеждѣ, что онъ напишетъ имъ нѣсколько строкъ въ альбомъ на память. На каждую его строчку смотрѣли, какъ на сокровище. Къ нему постоянно приставали съ вопросами, сколько гречанокъ и турчанокъ уморилъ онъ своею любовью и сколькихъ супруговъ отправилъ на тотъ свѣтъ. Высокое положеніе, молодость, красота являлись хорошимъ придаткомъ къ его поэтическому генію. Одна изъ первѣйшихъ англійскихъ красавицъ, увидѣвъ въ первый разъ Байрона, воскликнула: «Это блѣдное лицо рѣшитъ мою судьбу!». Женщины тщательно старались проникнуть во внутреннюю жизнь Байрона, а нѣкоторые намеки въ «Чайльдъ-Гарольдѣ» послужили поводомъ молвѣ, будто Байронъ въ Ньюстедѣ содержалъ настоящій гаремъ, хотя этотъ гаремъ состоялъ на самомъ дѣлѣ изъ единственной одалиски. О его любовныхъ приключеніяхъ разсказывали самыя нелѣпыя вещи. Вслѣдствіе этого женщины буквально брали его съ бою. На его столѣ ежедневно появлялось множество писемъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ ему дамъ. Одна даже явилась къ нему въ одеждѣ пажа, желая, повидимому, походить на Каледа въ «Ларѣ». Въ какомъ водоворотѣ страстей приходилось ему жить, можно судить по тому, что однажды, послѣ своей свадьбы, онъ засталъ въ квартирѣ своей жены трехъ замужнихъ женщинъ, которыя, выражаясь его собственнымъ языкомъ, «знакомы ему были всѣ, какъ одного поля ягода».

Къ категоріи женщинъ, особенно сильно сходившихъ съ ума по Байронѣ, принадлежала лэди Каролина Лемъ, молодая женщина изъ высшаго аристократическаго круга, впослѣдствіи жена извѣстнаго государственнаго человѣка, лорда Мельборна. Это была взбалмошная, мечтательная, капризная натура, поступавшая всегда согласно своимъ увлеченіямъ. Стройная и красивая блондинка, она была очень привлекательна, несмотря на свою аффектацію и эксцентричность. Это была англійская Шарлотта Кальбъ, игравшая въ жизни Байрона такую же роль, какую настоящая Шарлотта играла въ жизни Шиллера. Когда отношенія между нею и поэтомъ слишкомъ обратили на себя всеобщее вниманіе, мать поспѣшила ее увезти въ Ирландію. Байронъ послалъ ей туда вскорѣ прощальное письмо въ вычурныхъ выраженіяхъ, свидѣтельствующее, что сердце его совершенно молчало въ то время, когда онъ думалъ о красивой блондинкѣ, бывшей, впрочемъ, на три года старше его. Отсутствіе истинной любви—вообще характерная черта отношеній поэта къ женщинамъ, но въ настоящемъ случаѣ оно сказалось еще болѣе ярко: прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ, и Байронъ окончательно прервалъ съ Каролиною всякія сношенія. Этого, конечно, нельзя сказать о самой Каролинѣ, которая, несомнѣнно, его любила, такъ какъ, встрѣтившись съ нимъ вскорѣ послѣ того на

балу, она схватила ножницы (по другой версіи разбитый стаканъ отъ желе) и попыталась зарѣзаться, но только поранила себѣ горло. Это, однако, не помѣшало ей черезъ нѣкоторое время отправиться къ нему на домъ, конечно, не для того, чтобы перерѣзать себѣ горло. Не найдя поэта дома, она тамъ оставила записку, но очень разочаровалась: Байронъ не только не вернулся къ своей брошенной Дульцинеѣ, но воспользовался ея запискою для эпиграммы «Remember thee!», напечатанной въ его сочиненіяхъ. Чтобы отмстить Байрону, она написала романъ «Гленарвонъ», въ которомъ выставила Байрона поэтомъ, надѣленнымъ всѣми пороками его героевъ.

Что Байрона романъ этотъ нисколько не смутилъ и не опечалилъ, можно судить по слѣдующему факту. Во время пребыванія поэта въ Венеціи «Гленарвонъ» былъ переведенъ на итальянскій языкъ. Цензоръ выразилъ Байрону готовность задержать книгу, если онъ имѣетъ что-либо противъ ея появленія. Байронъ вмѣсто отвѣта выпустилъ ее на свой счетъ.

Лэди Каролина Лемъ.

Послѣдняя встрѣча между Байрономъ и лэди Лемъ произошла въ то время, когда Байрона уже не было въ живыхъ. Когда, послѣ перевезенія тѣла поэта изъ Греціи въ Англію, похоронная процессія тронулась изъ Лондона въ Нью-Стэдъ, на дорогѣ ее встрѣтили мужчина и дама верхомъ на лошадяхъ. Дама была Лемъ. Узнавъ, что хоронятъ Байрона, она упала въ обморокъ и свалилась съ лошади.

Жена Байрона.

Каролина Лемъ была только одною изъ многихъ женщинъ, стоявшихъ полосатыми верстами на столбовой житейской дорогѣ Байрона. Она была забыта такъ же скоро, какъ скоро онъ сошелся съ нею. Не будемъ упускать изъ вида, что два главныхъ типа, созданныхъ геніальной кистью Байрона, Чайльдъ-Гарольдъ и Донъ-Жуанъ, представляютъ собою въ сущности художественное воплощеніе самого поэта въ двухъ различныхъ фазисахъ его развитія. Байронъ самъ былъ въ началѣ литературной дѣятельности Чайльдъ-Гарольдомъ. Онъ скучалъ. Онъ томился однообразіемъ жизни. А по мѣрѣ того, какъ росла его слава и англійское общество, преимущественно женское, окружило его такою атмосферою поклоненія, о которой не мечталъ даже Шекспиръ и другіе лучшіе представители англійской поэзіи, Чайльдъ-Гарольдъ незамѣтно для самого себя превратился въ Донъ-Жуана. Женщина для Байрона сдѣлалась почти

всѣмъ. Онъ не могъ жить внѣ сферы ея обаянія, считалъ ее освободительницею отъ скуки, избавительницею отъ сомнѣнія, утѣшительницею въ отчаяніи. «Только въ женщинѣ могу я найти исцѣленіе», писалъ онъ одному другу. И онъ искалъ этого «исцѣленія». Онъ искалъ долго и упорно, перелетая, какъ мотылекъ, съ одного цвѣтка на другой и избыткомъ чувственности заглушая въ себѣ сознаніе, что идеальной женщины, какъ онъ понималъ ее самъ, нѣтъ. Но, можетъ быть, причина кроется въ томъ, что любовныя связи не выходили до сихъ поръ изъ предѣловъ внѣбрачныхъ отношеній? Не прибѣгнуть ли еще къ помощи Гименея, какъ союзника на пути къ идеальной женщинѣ?

Вотъ причина женитьбы Байрона. Это былъ ужасный шагъ, послѣдствія котораго, однако, оказались благодѣтельными для музы Байрона,—новое доказательство того, какъ благопріятно вліяніе женщины даже въ случаяхъ видимо отрицательныхъ. Женою поэта оказалась женщина, не только стоявшая неизмѣримо ниже его по развитію, но отличавшаяся еще несимпатичными чертами характера—скупостью и неподатливостью. Миссъ Анна-Изабелла Мильбанкъ, такъ звали его жену, была единственная дочь богатаго баронета, деньги котораго могли весьма пригодиться Байрону, разстроившему свое состояніе вслѣдствіе широкаго разгульнаго образа жизни. Она привлекла его своею красотою и заинтересовала тѣмъ, что отклонила его первое предложеніе. Байронъ уже думалъ, что дѣло тѣмъ кончится, но Анна Мильбанкъ сама неожиданно завязала съ нимъ переписку и заставила сдѣлать себѣ второе предложеніе. Впрочемъ, послѣднее произошло при своеобразныхъ обстоятельствахъ, свидѣтельствующихъ, какъ легко относился Байронъ къ женщинамъ, не исключая и той, которую хотѣлъ назвать женою. Дѣло въ томъ, что сестра поэта, недовольная его ухаживаніями за Анною Мильбанкъ, предложила ему другую невѣсту. Байронъ согласился и написалъ ей письмо, но и эта особа отказала. Когда былъ полученъ отказъ, Байронъ сказалъ:

— Вотъ видите, въ концѣ концовъ мнѣ все-таки придется вернуться къ Мильбанкъ.

И съ этими словами онъ написалъ ей письмо и показалъ сестрѣ. Сестра осталась въ восторгѣ отъ письма, выразивъ сожалѣніе, что такому превосходному письму не суждено дойти по назначенію. Это еще болѣе подстрекнуло Байрона.

— А вотъ увидите,—воскликнулъ онъ,—оно дойдетъ!

Письмо было послано, предложеніе принято, и Анна Мильбанкъ сдѣлалась женою поэта.

Многіе біографы (у насъ Орестъ Миллеръ *) склонны отнять у женитьбы Байрона на Аннѣ Мильбанкъ характеръ моральнаго мезальянса. Въ доказательство приводятся нѣкоторыя мѣста изъ его писемъ. Такъ, Муру онъ писалъ относительно своей жены: «Она такая отличная дѣвушка, что... что, словомъ, я бы желалъ быть самъ хоть сколько-нибудь получше». Въ другомъ письмѣ къ тому же Муру есть такія мѣста: «Мать моихъ будущихъ Гракховъ, говорятъ, слишкомъ для меня добродѣтельна... Недаромъ она единственное дитя въ семьѣ». Нельзя, однако, придать этимъ отрывкамъ слишкомъ большое значеніе. Съ другой

*) О. Миллеръ. «Байронъ и его судьба». В. Е., 1878, 4, стр. 653.

стороны, факты, приводимые другими біографами, какъ Брандесъ *), свидѣтельствуютъ о легкомысленной игривости настроенія Байрона передъ свадьбою: «Я по уши влюбленъ,—писалъ онъ одной изъ своихъ пріятельницъ,—и чувствую себя, какъ и всѣ неженатые господа въ подобномъ положеніи, какъ-то особенно глупо». Въ другомъ мѣстѣ: «Теперь я счастливѣйшій изъ смертныхъ, такъ какъ прошла всего недѣля, какъ я обручился. Вчера я встрѣтился съ молодымъ Ф., тоже счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, потому что и онъ обручился». Такимъ ребячествомъ отзываются всѣ тогдашнія письма Байрона. Такъ, повидимому, онъ былъ очень озабоченъ вопросомъ о голубомъ фракѣ, въ которомъ ему, согласно обычаямъ, нужно было вѣнчаться, но котораго онъ видѣть не могъ.

Байронъ въ сущности боялся брака. Онъ помнилъ неудачный бракъ своихъ родителей и, по его собственнымъ словамъ, дрожалъ во время вѣнчанія и давалъ отвѣты совершенно не на вопросы. Испытанныя имъ чувства онъ выразилъ въ стихотвореніи «Сонъ». Самый медовый мѣсяцъ онъ называетъ иронически не медовымъ, а мрачнымъ. Свои чувства онъ описалъ Муру: «Я провожу свое время (въ деревнѣ родителей моей жены) въ странномъ однообразіи и тишинѣ и занимаюсь только тѣмъ, что ѣмъ компотъ, шляюсь изъ угла въ уголъ, играю въ карты, перечитываю старые альманахи и газеты, собираю на берегу раковины и наблюдаю за правильностью роста нѣкоторыхъ исковерканныхъ кустовъ крыжовника». Поѣхавъ послѣ того въ Лондонъ, Байронъ устроился тамъ съ молодою женою блестящимъ образомъ, обзавелся экипажами, прислугою, началъ принимать массу гостей. Приданое жены (10.000 фр.) быстро исчезло, за нимъ испарились полученные имъ по наслѣдству 8.000 фр. Ему даже пришлось продать свои книги. Книгопродавецъ Муррей предложилъ ему 1.500 фр. гонорара впередъ, чтобы удержать его отъ продажи книгъ, но поэтъ изъ ложной гордости отклонилъ это предложеніе. Восемь разъ описывалось его имущество, причемъ не была пощажена даже брачная постель. Все это не могло отразиться на отношеніяхъ избалованной Анны къ мужу. Начались мелкія дрязги, выводившія вспыльчиваго Байрона изъ терпѣнія. Разъ онъ бросилъ свои часы въ каминъ и изломалъ ихъ щипцами. Въ другой разъ онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ ея комнатѣ. Наконецъ, страсть Байрона къ женщинамъ, которая, конечно, не прекратилась съ женитьбою, также дала не мало пищи недовольству богатой наслѣдницы. Она знала про его отношенія къ лэди Лемъ, съ которой была въ близкомъ родствѣ и ревновала. Въ довершеніе всего несчастія Байронъ былъ выбранъ въ дирекціонный комитетъ одного театра и его постоянныя сношенія съ актрисами, пѣвицами или танцовщицами сдѣлались новымъ источникомъ семейныхъ раздоровъ. Жена Байрона обзавелась даже шпіонкою въ лицѣ своей горничной, которая усердно обшаривала его ящикъ и перечитывала его письма. Дѣло въ концѣ концовъ завершилось полнымъ разрывомъ—черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія ребенка. Жена уѣхала къ родителямъ и отецъ ея тотчасъ же послѣ этого написалъ Байрону, что она къ нему болѣе не вернется. Обстоятельство это было довольно странно, такъ какъ одновременно съ

*) Брандесъ. «Байронъ и его произведенія», стр. 30 и др.

письмомъ тестя поэтъ получилъ также и письмо отъ жены, исполненное всякихъ нѣжностей и начинающееся словами: «Милый цыпочка». Впослѣдствіи жена сообщила ему, что написала это нѣжное письмо вслѣдствіе полной увѣренности, что мужъ ея страдаетъ душевной болѣзнью. Все это Байронъ подробно описалъ въ отрывкѣ изъ романа, писаннаго въ 1897 году.

Разрывъ съ женою послужилъ для враговъ Байрона великолѣпнымъ предлогомъ для начала достопамятныхъ гоненій, заставившихъ его разстаться съ Англіею навсегда. Но зато какимъ богатствомъ красокъ расцвѣтилась муза Байрона послѣ его отъѣзда изъ Лондона! Она перестала быть домовитою хозяйкою или, скорѣе, перестала вращаться въ кругу тѣсныхъ интересовъ родины и, одѣвшись въ дорожное платье, вышла въ открытое море жизни. Брандесъ совершенно правъ, когда, говоря о перемѣнѣ въ творческой дѣятельности Байрона, замѣчаетъ: «Нельзя даже дѣлать никакого сравненія между тѣмъ, что онъ написалъ до этого перелома, и тѣмъ, что написалъ послѣ него; въ этомъ онъ и самъ признавался не разъ. Несчастіе, постигшее его, было ниспослано геніемъ исторіи, чтобы вырвать его изъ опьяняющаго обоготворенія и окончательно устранить отъ всякихъ сношеній съ усыпляющимъ обществомъ и духомъ этого общества, противъ которыхъ онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, вооружилъ страшнѣйшую оппозицію» *).

Байронъ и графиня Гвиччоли.

Изъ всѣхъ любовныхъ похожденій Байрона наибольшей извѣстностью пользуется связь поэта съ графиней Гвиччоли. Это была послѣдняя любовь Байрона, самая благотворная въ смыслѣ литературной производительности, такъ какъ за время своей совмѣстной жизни съ графинею изъ подъ пера Байрона вышли такія произведенія, какъ «Мазепа», «Каинъ», «Венеціанскій Дожъ», «Сарданапалъ», «Беппо» и первыя главы «Донъ-Жуана». Онъ познакомился съ молодой женщиной лѣтомъ 1839 года въ своемъ любимомъ городѣ Венеціи. Замѣчательная красавица, съ длинными золотистыми волосами, падавшими на плечи, она имѣла на всемъ своемъ существѣ романтическій отпечатокъ. При первой же встрѣчѣ и она, и Байронъ почувствовали сильное влеченіе другъ къ другу—чувство, которому они остались вѣрны до могилы. «Его удивительныя и благородныя черты, звуки его голоса и неописуемое очарованіе, исходившее изъ него,—писала впослѣдствіи въ своихъ воспоминаніяхъ графиня Гвиччоли,—дѣлали его существомъ, оставлявшимъ въ тѣни всѣхъ людей, которыхъ я видѣла до сихъ поръ». Поэтъ, конечно, не нашелъ въ ней воплощенія своего идеала, но она всетаки приближалась къ нему. «Я,—сказалъ онъ однажды,—очень цѣню полныхъ, плотныхъ женщинъ, но у нихъ рѣдко бываютъ красивые и стройные пальцы, присущіе идеальной женщинѣ. Я люблю только простыхъ, естественныхъ женщинъ, но онѣ обыкновенно необразованы, а изящныя и образованныя въ свою очередь неестественны. Такимъ образомъ, мое воображеніе должно само создать женщинъ, отвѣчающихъ всѣмъ моимъ требованіямъ». Графиня Гвиччоли, повидимому, напоминала одну изъ этихъ женщинъ. «Ея разговоръ,—замѣчаетъ онъ въ

*) Тамъ же, стр. 44.

одномъ письмѣ,—остроуменъ, не будучи легкомысленнымъ. Не притязая на ученость, она прочитала лучшихъ писателей Италіи. Она часто скрываетъ то, что она знаетъ, изъ боязни, какъ бы не подумали, что она хочетъ тщеславиться образованіемъ. Ей, можетъ быть, извѣстно, что я не выношу ученыхъ женщинъ. Если у ней и синіе чулки, то она заботится всетаки о томъ, чтобы ихъ закрывало платье».

Замужество графини не было препятствіемъ для любовныхъ свиданій, такъ какъ 60-лѣтній мужъ красавицы предоставлялъ ей полную свободу. Въ концѣ концовъ Гвиччоли поселилась на виллѣ своего возлюбленнаго, безнадежно скомпрометировавъ себя въ глазахъ свѣта и въ особенности земляковъ, такъ какъ нравственный кодексъ итальянцевъ того времени допускалъ «друга» и даже его именно считалъ настоящимъ супругомъ, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы внѣшнія требованія приличія были соблюдены. Но Гвиччоли не могла поступить иначе. Она окружила свои отношеніи къ поэту поэтическимъ ореоломъ. Она рѣшила, что отнынѣ цѣль ея жизни—преданностью и любовью освободить благороднаго и высокодаровитаго человѣка отъ узъ нечистыхъ отношеній и возродить въ немъ вѣру въ истинную любовь.

Графиня Тереза Гвиччоли.

Задача была не легкая. Какъ и Наполеонъ, Байронъ всегда небрежно отзывался о женщинахъ. «Въ своихъ сочиненіяхъ, правда, я возвышаю женскій полъ,—говорилъ онъ,—но дѣлаю это такъ же, какъ скульпторы и художники, создаю женщинъ такими, какими онѣ должны быть. Положеніе нашихъ женщинъ въ обществѣ неестественно. У турокъ въ этомъ отношеніи ужь куда лучше. Они запираютъ ихъ, но при этомъ женщины гораздо счастливѣе. Дайте женщинѣ зеркало и сладости, и она довольна. Я страдалъ отъ второй половины человѣческаго рода, сколько помню себя. Наиболѣе мудры тѣ, которые не вступаютъ съ ними ни въ какія сношенія. Рыцарская служба у женщинъ, можетъ быть, такое же жалкое рабство и еще болѣе жалкое, чѣмъ всякое другое». Приковать къ себѣ поэта, отличающагося такими взглядами, для женщины болѣе чѣмъ подвигъ; заставить его отказаться отъ этого взгляда—подвигъ еще болѣе великій. Не знаемъ, успѣла ли графиня Гвиччоли достигнуть послѣдней цѣли, но что она сумѣла приковать къ себѣ Байрона, не подлежитъ никакому сомнѣнію; по крайней мѣрѣ, онъ питалъ къ ней нѣжную страсть и относился съ большимъ уваженіемъ. Нѣкоторыя изъ великолѣпныхъ женскихъ фигуръ, созданныхъ имъ въ расцвѣтѣ дѣятельности, какъ, напримѣръ, Ада въ «Каинѣ» и Мирра въ «Сарданапалѣ», представляютъ простое воспроизведеніе очаровательной графини.

Однако, недолго влюбленные наслаждались безмятежнымъ счастіемъ. Графу Гвиччоли пришло вдругъ въ голову, что отношенія между его женой и поэтомъ больше не должны продолжаться попрежнему, и такъ какъ Тереза разставаться съ Байрономъ не хотѣла, то пришлось прибѣгнуть къ разводу. Графиня отказалась отъ имущества, имени, общественнаго положенія, но обязалась жить въ домѣ своего отца, графа Гамбы. Съ этихъ поръ Байронъ ждалъ мести разгнѣваннаго графа Гвиччоли. Такъ какъ во время прогулокъ верхомъ его легко могли убить, то онъ постоянно имѣлъ при себѣ пистолеты. Отъ насильственной смерти дома ограждала его скупость графа, который ни за что не уплатилъ бы 20 скуди опытному убійцѣ. Вскорѣ послѣ того графиня Гамба была выслана изъ Италіи за принадлежность къ карбонаріямъ и принуждена была поступить въ монастырь.

Несмотря на разлуку, Байронъ и графиня Гвиччоли продолжали любить другъ друга. Байронъ долго не могъ забыть очаровательную итальянку и даже на смертномъ одрѣ въ Миссолунги терзался мыслью о томъ, что оставилъ возлюбленную въ Италіи.

Шелли.

Шелли, какъ поэтъ, представляетъ почти полную противоположность вѣчно мятежному, вѣчно неспокойному, вѣчно бродячему Байрону; но и въ отношеніяхъ къ женщинамъ онъ также противоположенъ ему. Байронъ считалъ женщинъ ничтожными существами, раздѣляя чисто восточное воззрѣніе на нихъ. По его мнѣнію, женщины не имѣютъ никакого права сидѣть съ мужчинами за однимъ столомъ и ихъ, какъ на Востокѣ, слѣдуетъ держать въ гаремехъ. Во всемъ этомъ, конечно, было много аффектированнаго. Въ то время, когда жилъ Байронъ, человѣкъ, который столько путешествовалъ, какъ онъ, былъ очень рѣдокъ, и мудрено ли, что поэтъ, любившій вообще бравировать своими вынесенными изъ блужданій по Востоку впечатлѣніями, особенно подчеркивалъ свои не-европейскіе взгляды на женщину? Однако, въ этихъ взглядахъ есть много такого, что дѣйствительно составляетъ выраженіе его чувства. Не то Шелли. Онъ неотразимо привлекалъ къ себѣ женщинъ чистотою и возвышенностью своей натуры. Его языкъ дѣлался благороднѣе и становился почти другимъ, когда онъ говорилъ о женщинѣ. Въ противоположность Байрону, который утверждалъ, что мужчина выше женщины, Шелли глядѣлъ на женщину снизу вверхъ, поклоняясь ей, какъ болѣе высокому, болѣе благородному, неземному существу. Онъ вообще жилъ въ мірѣ грезъ, чуждаясь темныхъ сторонъ дѣйствительной жизни. Мудрено ли, что ему часто приходилось разочаровываться какъ въ отношеніяхъ къ людямъ вообще, такъ и въ отношеніяхъ къ женщинамъ въ частности?

Что Шелли былъ влюбчивъ, разумѣется само собою: поэтъ не можетъ не быть влюбчивымъ. Когда онъ кончилъ среднее учебное заведеніе въ Итонѣ, ему очень приглянулась родственница Гарріетъ Гровъ. Такъ какъ родители поэта и молодой дѣвушки были очень довольны нѣжной привязанностью дѣтей, то дѣло обѣщало кончиться помолвкою. Но на сцену выступили неожиданно взгляды Шелли на религіозные и соціальные вопросы. Глубоко-религіозная дѣвушка не могла мириться съ полу-атеистическими понятіями своего друга, и бракъ разстроился. Нѣкоторые біографы утверждаютъ, что отказъ этотъ глубоко поразилъ на всю жизнь сердце поэта. Самая его женитьба на Гарріетъ Вестбрукъ—

одна изъ несчастнѣйшихъ въ мірѣ женитьбъ, состоялась только потому, что у Вестброкъ было такое же имя, какъ у Гровъ, и, кромѣ того, она напоминала ее нѣкоторыми чертами лица. Не доказано еще, кому изъ обѣихъ Гарріетъ посвящена его «Царица Мабъ». Гарріетъ Вестброкъ была подругою сестры поэта по школѣ. Самъ свободомыслящій, онъ всѣми силами старался навязать ей свое міровоззрѣніе, несмотря на ея молодость: въ то время, когда Шелли влюбился въ нее, ей было всего 16 лѣтъ. «Отецъ ея,— пишетъ онъ своему другу Гоггу, — преслѣдуетъ ее неслыханнымъ образомъ, заставляя посѣщать школу... Я, конечно, совѣтовалъ ей стоять энергически на своемъ. Она отвѣтила мнѣ, что упорство не поможетъ и что она готова бѣжать со мною и стать подъ мое покровительство».

Вскорѣ молодая пара дѣйствительно бѣжала въ Эдинбургъ, гдѣ и повѣнчалась по шотландскимъ законамъ. Шелли въ то время было 19, а его молодой женѣ 16 лѣтъ. Когда черезъ сутки послѣ бѣгства они прибыли въ Іоркъ, витавшій подъ облаками поэтъ долженъ былъ убѣдиться, что «злой, тираническій міръ чувствуетъ слишкомъ большую потребность въ деньгахъ», и обратиться къ Гоггу съ просьбою выручить его изъ бѣды. Отецъ Шелли считалъ его бракъ мезальянсомъ, такъ какъ Гарріетъ была дочерью купца, и отказалъ ему во всякой помощи. То же самое сдѣлалъ и Вестброкъ. Молодые люди жили въ большой нуждѣ, пока, наконецъ, родители не сжалились и не обезпечили имъ ежегодной суммы въ 2.000 ф.

Первое время молодая чета жила къ деревнѣ. Потомъ она переѣхала въ Лондонъ. Шелли мало заботился о хозяйствѣ, а Гарріетъ въ свою очередь не имѣла ни малѣйшаго понятія о хозяйскихъ обязанностяхъ. Правильныхъ обѣдовъ у Шелли не было. Онъ не употреблялъ спиртныхъ напитковъ и былъ вегетеріанцемъ. Какъ только онъ начиналъ чувствовать приступы голода, онъ отправлялся въ первую булочную, откуда возвращался домой съ кускомъ хлѣба. Шелли не понималъ, какъ можно употреблять въ пищу что-нибудь другое, кромѣ хлѣба. «Пуддингъ—предразсудокъ!»—энергически заявлялъ онъ тѣмъ, которые въ этомъ сомнѣвались.

Счастье семейной жизни Шелли продолжалось недолго. Онъ разстался съ женою, которая была почти ребенкомъ. Причины разрыва не вполнѣ выяснены. Полагаютъ, что поэтъ заподозрѣлъ ее въ невѣрности. Настоящая причина, вѣроятно, заключалась въ томъ, что онъ полюбилъ Мэри Годвинъ, уста которой «дрожа коснулись» его устъ и темные глаза которой «уменьшили его страданія». Это былъ тяжелый періодъ въ жизни поэта. Современники разсказываютъ, что у него были кровоподтеки подъ глазами, волосы и костюмъ въ сильнѣйшемъ безпорядкѣ. Поэтъ, никогда не употреблявшій спиртныхъ напитковъ, прибѣгъ вдругъ къ водкѣ, какъ усыпительницѣ всякихъ страданій. «Съ этой подругой,—говорилъ онъ, указывая на бутылку, — я никогда уже не разстанусь!». Бѣдная женщина, брошенная на произволъ судьбы, утопилась. Годъ спустя, Шелли увѣковѣчилъ печальное событіе трогательнымъ стихотвореніемъ, въ которомъ выразилъ полное раскаяніе.

Мильтонъ. Мильтонъ былъ трижды женатъ. Одного уже этого достаточно, чтобы понять, какъ сложилась его жизнь въ семейной обстановкѣ.

Тридцати пяти лѣтъ онъ женился на дочери оксфордшайрскаго мирового судьи Мэри Поуэль. Женщина эта, привыкшая въ отцовскомъ домѣ къ веселью и довольству въ многочисленномъ кругу родныхъ и знакомыхъ, не могла привыкнуть къ образу жизни мужа, который лѣтомъ вставалъ въ 4, зимою въ 5 часовъ утра, прочитывалъ главу Ветхаго Завѣта и затѣмъ работалъ до обѣда. Послѣ обѣда онъ продолжалъ работу, выходилъ на часокъ погулять, по возвращеніи немного игралъ на органѣ и затѣмъ очень рано ложился спать. Ей не нравилась эта жизнь еще потому, что трудно было предвидѣть, когда она сдѣлается иною. Такъ шли дни за днями. Одинъ только мѣсяцъ могла выдержать жизнерадостная женщина въ этой «тюрьмѣ», какъ она выражалась, и затѣмъ бѣжала къ родителямъ. Несмотря на обѣщаніе вернуться, она оставалась у родителей до тѣхъ поръ, пока онъ въ гнѣвѣ не выпустилъ трехъ брошюръ о разводѣ. Брошюры эти, явно свидѣтельствовавшія, что Мильтонъ рѣшилъ порвать съ женою, заставили молодую женщину раскаяться въ своемъ поступкѣ и вернуться къ мужу. Кромѣ того, Мильтонъ началъ ухаживать за одной лэди, и это до того задѣло Мэри, что она сама явилась къ нему съ повинною. Когда поэтъ однажды посѣтилъ одну родственницу, изъ сосѣдней комнаты, къ его удивленію, вышла неожиданно бѣглая жена и, ставъ на колѣни, стала просить прощенія. Сцену эту онъ впослѣдствіи изобразилъ въ «Потерянномъ раѣ». Мильтонъ простилъ великодушно, и Мэри снова поселилась у него въ домѣ. Она родила ему четырехъ дѣтей, но при рожденіи четвертаго ребенка умерла 26 лѣтъ отъ роду.

Два года былъ вдовцомъ Мильтонъ, послѣ чего женился на дочери одного капитана, Екатеринѣ Вудкокъ. Бракъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ счастливый, но онъ продолжался очень короткое время: при рожденіи перваго ребенка, всего только черезъ годъ послѣ свадьбы, молодая женщина умерла. Память ея до сихъ поръ жива въ великолѣпномъ сонетѣ, который Мильтонъ написалъ вскорѣ послѣ ея смерти. Поэтъ опять сдѣлался вдовцомъ. Такъ какъ, однако, безъ хозяйки дома и сидѣлки онъ обойтись не могъ, то женился черезъ пять лѣтъ послѣ смерти Екатерины на Елизаветѣ Меншель, женщинѣ строптиваго характера, ежедневно отравлявшей жизнь мужа. Герцогъ Букингемскій однажды назвалъ ее въ присутствіи Мильтона розою. «Я,—отвѣчалъ поэтъ,—не знатокъ въ краскахъ, но думаю, что вы правы, такъ какъ ежедневно чувствую ея шипы». Что же касается третьей жены Мильтона, то она пережила мужа не менѣе, чѣмъ на 53 года. Въ своей біографіи творца «Потеряннаго рая» Джонсонъ подводитъ слѣдующій итогъ брачнымъ испытаніямъ Мильтона: «Первая жена покинула его въ ужасѣ и вернулась только изъ ревности; вторую онъ, очевидно, искренно любилъ, но потерялъ очень рано; третья была чудовищемъ, притѣснявшимъ его дѣтей при жизни поэта и обманувшимъ ихъ послѣ его смерти».

ГЛАВА II.

ПРОЗАИКИ *).

Мольеръ. — Бальзакъ. — Додэ. — Куперъ. — Вальтеръ-Скоттъ. — Ричардсонъ. — Фильдингъ. — Бульверъ-Литтонъ. — Чарльзъ Диккенсъ. — Теккерей. — Чарльзъ Ридъ Готорнъ. — Сала. — Квинсей. — Свифтъ. — Шериданъ. — Берне. — Жанъ-Поль Рихтеръ. — Фрейтагъ.

Переходъ отъ поэтовъ къ прозаикамъ равносиленъ переходу отъ поэзіи къ прозѣ. Тамъ все огонь и лава, здѣсь все спокойствіе и тишина. Конечно, и прозанки отличаются иногда пламенными чувствами, конечно, и среди нихъ встрѣчаются огненныя натуры, способныя страдать удвоенными страданіями, радоваться удвоенными радостями; но у нихъ нѣтъ способности расширять свои чувства до огромныхъ размѣровъ и сдѣлать ихъ видимыми на далекомъ разстояніи для людей постороннихъ. Мы проходимъ ночью по улицѣ шумной столицы. Тысячи газовыхъ рожковъ привѣтствуютъ насъ своими мерцающими огнями, но мы не обращаемъ на нихъ вниманія и идемъ своимъ путемъ. Но вотъ сверкнулъ газъ, вставленный въ рефлекторъ. Снопъ яркаго свѣта поразилъ нашъ глазъ. Мы невольно поворачиваемъ голову и жмуримся. А между тѣмъ свѣтъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же. Онъ идетъ изъ одного источника, по одному и тому же каналу. Даже сила напряженія у него одна и та же. Одинъ только придатокъ есть у него — рефлекторъ, и его одного достаточно, чтобы разбросать свѣтовыя волны и превратить ихъ въ море огня. Душа поэта тотъ же рефлекторъ: достаточно упасть въ нее какому-либо чувству, и оно разростается до размѣровъ внутренняго пожара...

Мы не можемъ остановиться на всѣхъ писателяхъ-прозаикахъ для подтвержденія той мысли, что и въ области литературной прозы вліяніе женщины столь же благодѣтельно, какъ и въ области поэзіи: чтобы исчерпать весь матеріалъ, намъ понадобились бы цѣлые томы. Остановимся поэтому только на нѣкоторыхъ примѣрахъ.

Мольеръ. Мольеръ и поэтъ, и прозаикъ въ одно и то же время; но прозаикъ несомнѣнно преобладаетъ въ немъ надъ поэтомъ. И не столько потому, что онъ написалъ много прозаическихъ произведеній (наоборотъ, проза его во многихъ мѣстахъ очень поэтична), сколько по общему характеру творчества. Попробуйте передѣлать любую трагедію Шекспира изъ стихотворной въ прозаическую,—она потеряетъ половину своего значенія; продѣлайте то же самое со стихотворной комедіей Мольера, и она останется та же, а можетъ быть, еще и выиграетъ. Въ этомъ отчасти можно убѣдиться по тому, какъ Мольеръ относился къ женщинамъ. Да, отношеніе къ женщинамъ можетъ почти всегда служить пробнымъ камнемъ для опредѣленія прозаичности или поэтичности натуры. Это нѣкоторымъ образомъ тотъ зубъ, котораго для Кювье было достаточно, чтобы угадать все животное. И когда отъ того или другого писателя не остается никакихъ произведеній, узнайте, какъ относился

*) Источники, послужившіе основаніемъ для настоящей главы, какъ и для всѣхъ послѣдующихъ, указаны въ концѣ монографіи.

онъ къ представительницамъ прекраснаго пола. Вы почти безошибочно скажете, поэтъ ли это или жрецъ чистой прозы.

Женщины въ жизни и литературной дѣятельности Мольера начали играть роль довольно рано, но особенно рѣзко вліяніе ихъ обнаружилось въ то время, когда родоначальникъ французской комедіи пустился въ широкое море жизни въ качествѣ странствующаго актера. Это была дикая жизнь. Ничѣмъ, положительно ничѣмъ не проявлялась еще въ немъ тогда геніальная сила, обнаружившаяся впослѣдствіи въ его произведеніяхъ. Никакого намека на философскую серьезность, сосредоточенность, почти мрачность, которыми Мольеръ отличался въ годы расцвѣта его таланта. Онъ не выступалъ опредѣленно въ какомъ-нибудь мѣстѣ. Онъ былъ вездѣ и повсюду и недаромъ прослылъ «безумнымъ». Недоставало только для пополненія картины женщины, которая дѣлила бы съ нимъ эту бурную жизнь. Въ воспоминаніи Мольера уже жила миловидная актриса Магдалина Бежаръ, эта Филина его школьныхъ лѣтъ, но она носилась передъ нимъ только блѣдной тѣнью. Онъ начиналъ забывать ее, а когда на его жизненномъ пути стала Катерина Леклеркъ, она совершенно исчезла. Мольеръ быстро поддался чарамъ молодой женщины. «Вы,—говоритъ онъ ей въ своей «Версальской комедіи» (тонъ употребленъ сатирическій, но этого требуетъ общій характеръ пьесы),—представляете одну изъ женщинъ, которыя считаютъ себя добродѣтельными, если онѣ сохраняютъ видимость, которыя усматриваютъ проступокъ только въ потерѣ своего имени и называютъ дружбою то, что другіе называютъ любовью!». И затѣмъ, почти на исходѣ жизни, Мольеръ восклицалъ о ней: «Въ этихъ глазахъ я нашелъ кроткихъ побѣдителей. Мнѣ вѣчно будетъ дорогъ ихъ взглядъ. Они нѣжно высушили мои слезы и не презрѣли ничего, что позоритъ твою красоту».

Катерина Леклеркъ была женою Вилькена, который подъ именемъ де-Бри выступалъ въ качествѣ артиста. Она съ мужемъ выступала на подмосткахъ ліонскаго театра въ то время, какъ туда пріѣхалъ Мольеръ со своею труппою и склонилъ ее присоединиться къ нему. Не слѣдуетъ забывать, что средина XVII вѣка не отличалась особыми добродѣтелями. Французское общество того времени представляло настоящій цыганскій таборъ съ его свободными понятіями въ области морали и чувственностью. Нисколько поэтому не удивительно, что какъ Мольеръ, такъ и сама Леклеркъ не усмотрѣли въ ея замужествѣ фактора, который могъ бы помѣшать ихъ интимнымъ отношеніямъ. Однако, въ школѣ женщинъ, которую прошелъ Мольеръ, Катерина де-Бри занимала не только самое выдающееся, но и самое почетное мѣсто. По существу характера она была наиболѣе чистой и милой женской фигурой, украсившей жизнь великаго драматурга, не безпорочной, конечно, но всетаки близкой къ его идеалу. Вспомнимъ, какъ вообще относился Мольеръ къ женщинамъ въ своихъ произведеніяхъ. Не глубина и сила страсти, не поэтическая душа, не романтическій полетъ служили для него предметомъ культа. Его героини вращаются въ сферѣ, занимающей среднее мѣсто между дѣйствительностью и идеаломъ. Прелесть стиха, возвышенность стиля, блестящія мысли въ видѣ сентенціи, удивительный какой-нибудь случай, какое-нибудь ночное приключеніе,—вотъ фонъ его картинъ, составляющихъ не самую жизнь, а только подкрашенное отраженіе жизни. Что же касается женщинъ, изъ которыхъ одна сидитъ въ глу-

бинѣ сцены на табуретѣ, другая приводитъ передъ зеркаломъ въ порядокъ свои волосы, третья скрываетъ любовную записку,—мы всѣхъ ихъ знаемъ. Онѣ живутъ еще теперь, окружая насъ подъ именемъ сестеръ, невѣстъ, женъ. Сколько Эліантъ и Генріеттъ встрѣчается теперь на каждомъ шагу! Въ нихъ нѣтъ ничего необычайнаго, ничего экстраординарнаго нѣтъ также и вокругъ нихъ. Шутятъ ли онѣ, любятъ ли,—все въ нихъ дышитъ земной жизнью. Женщины Шекспира чужды времени и пространству, женщины Мольера находятся въ извѣстныхъ соціальныхъ условіяхъ. Онъ деревенской красавицы, обманывающей Донъ-Жуана, до веселой, соблазнительной Селимены, передъ прелестями которой не можетъ устоять даже человѣконенавистникъ Альцестъ,—какой рядъ великолѣпныхъ характеровъ! Но вездѣ одна только ограниченная дѣйствительность. Нѣтъ возвышеннаго. Идеала нѣтъ. Это легко провѣрить на цѣлой серіи женскихъ фигуръ, выведенныхъ Мольеромъ въ своихъ

Арманда Бежаръ, жена Мольера. Мольеръ. Магдалина Бежаръ.

комедіяхъ, на всѣхъ этихъ Леонорахъ, Эліантахъ, Эльмирахъ, Генріеттахъ, представляющихъ не что иное, какъ различныя варіаціи на одну и ту же тему: Катерина Леклеркъ.

Что между возлюбленными Мольера и женскими фигурами его произведеній существуетъ органическая связь, свидѣтельствуетъ уже одно ихъ легкомысленное отношеніе къ жизни, чуждое всякихъ граней нравственнаго порядка. Въ этомъ смыслѣ Мольеръ особенно типичный писатель. Какъ и любовныя похожденія его героевъ, связи Мольера носили земной, почти пошлый характеръ. Даже жена его, Арманда Бежаръ, какъ говорятъ, была его дочерью...

Бальзакъ. Полную противоположность грубымъ отношеніямъ Мольера къ женщинамъ представляли отношенія Бальзака. Женитьба его даже носитъ чисто романтическій характеръ, который видимо находится въ полномъ разладѣ съ реалистическимъ направленіемъ его романовъ. Путешествуя по Швейцаріи, онъ остановился однажды въ гостинницѣ, изъ которой какъ разъ въ это время выѣзжала

чета Ганскихъ. Ему дали ту же комнату, которую занималъ князь Ганскій съ женою. Бальзакъ подошелъ къ окну, чтобы посмотрѣть на уѣзжающихъ. Вдругъ позади него послышался нѣжный голосъ. Бальзакъ обернулся. Передъ нимъ стояла восхитительная женщина въ розовомъ туалетѣ. Извинившись за безпокойство, она просила позволенія взять забытую на окнѣ книжку и тутъ же сообщила, что книжка—одно изъ произведеній Бальзака, которыя она всегда читаетъ и съ которыми не разстается даже во время путешествій. Съ какимъ удовольствіемъ продолжалъ бы онъ съ нею бесѣду! Но съ крыльца донесся рѣзкій голосъ князя. Прелестная женщина взяла книгу и полетѣла внизъ по лѣстницѣ на зовъ стараго мужа, уже сидѣвшаго въ экипажѣ.

Такова была первая встрѣча Бальзака съ его будущею женою. Она произвела на обоихъ сильное впечатлѣніе. Между возлюбленными началась переписка, продолжавшаяся пятнадцать лѣтъ. Наконецъ, въ одно прекрасное время Бальзакъ получилъ отъ своего предмета сердца письмецо, въ которомъ, вмѣсто обычной оцѣнки его новыхъ произведеній, заключалось важное извѣстіе: князь Ганскій умеръ, сдѣлавъ ее наслѣдницею всего своего огромнаго состоянія. Препятствіе было устранено, и влюбленные соединили свои судьбы, чтобы никогда не разлучаться.

Конечно, трудно провести грань между произведеніями, написанными Бальзакомъ въ періодъ до женитьбы, и дальнѣйшими трудами. Но что эти два періода существенно отличаются другъ отъ друга, ясно для всякаго, кто послѣдовательно знакомится съ литературнымъ творчествомъ знаменитаго реалиста. Бальзакъ смягчается. Его олимпійское безстрастіе отступаетъ на задній планъ. Самый реализмъ получаетъ новую оболочку.

Альфонсъ Додэ.

Но вотъ писатель, въ жизни котораго женщина играла почти законодательную роль,—Альфонсъ Додэ. Этотъ веселый, бодрый, истинно французскій писатель, который такъ чистосердечно признался однажды русскому журналисту, что не понимаетъ аскетическаго ученія и образа жизни Толстого, такъ какъ «мы, французы, цѣнимъ жизнь и пользуемся ею», былъ въ молодости большимъ поклонникомъ женскаго пола, но всетаки рѣшилъ никогда не жениться, такъ какъ женитьба, по его мнѣнію, могла гибельно отразиться на его творчествѣ. Но онъ не сдержалъ обѣщанія. Женщина, отъ которой онъ, пресыщенный, готовъ былъ отвернуться навсегда, отмстила ему больно, заставивъ его влюбиться въ даровитую дѣвушку, Жюли Аляръ, оказавшуюся родственною ему не только по характеру ума, но и по литературной дѣятельности: она также была писательницею. Съ тѣхъ поръ творчество Додэ получило твердую основу, такъ какъ Жюли Аляръ оказалась не только образцовою женою и хозяйкою, но и превосходною сотрудницею. Додэ не написалъ ни одной страницы, которая не прошла бы черезъ цензуру жены. «Она,—говоритъ братъ Альфонса Додэ,—была свѣтомъ его очага, помощницею въ его работахъ, довѣренною совѣтницею его вдохновенія. Видѣть чету за работою было привлекательной картиной для всѣхъ друзей дома».

Въ признательность за ея неутомимое сотрудничество и преданную любовь Додэ написалъ ей посвященіе къ «Набобу»; но жена не позволила его напечатать. Однажды между супругами произошла ссора,

какія бываютъ даже въ образцовыхъ семьяхъ. Супруги начали входить въ азартъ. Вдругъ въ самый разгаръ спора Додэ серьезно замѣтилъ:

— А вѣдь знаешь, наша ссора очень напоминаетъ интересную главу романа.

— Не только напоминаетъ, но она сдѣлается главою твоего романа,— отвѣчала Жюли, мгновенно забывъ все происшедшее.

И Додэ тотчасъ же сѣлъ за письменный столъ и, записавъ сцену, внесъ ее потомъ въ главу одного изъ своихъ романовъ.

Сынъ Додэ, Леонъ, также свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ, какую огромную роль играла въ его литературной дѣятельности жена. Она была его сотрудницей. Подобно Жанъ-Жаку Руссо, Додэ храбро и часто перемарывалъ свои рукописи. «Первый черновикъ, первая струя,—говоритъ онъ *),—служила какъ бы канвой. Моя мать и онъ принимались снова за это «чудовище», выработывая стиль, примиряя гармонію съ требованіями реализма, къ чему постоянно стремился писатель.

« — Не будь жены, я поддался бы своей опасной небрежности. Жажда совершенства стала мучить меня гораздо позднѣе.

«Послѣ этой медленной и безпощадной корректуры являлась третья и окончательная копія».

Какъ сынъ и братъ Додэ, такъ и другіе біографы талантливаго писателя приводятъ не мало примѣровъ, свидѣтельствующихъ о благодѣтельномъ вліяніи жены на его литературную дѣятельность. Правда, она была скорѣе хорошимъ корректоромъ, чѣмъ музою, но такова уже область прозы. Здѣсь полета нѣтъ. Талантливый прозаикъ—быстрый конь, какъ и Пегасъ, но у него нѣтъ крыльевъ...

Куперъ. Такую же, если не бо́льшую роль сыграла женщина въ жизни Купера. Превосходный писатель, произведеніями котораго еще долго будутъ увлекаться дѣти и юноши, врядъ ли даже сдѣлался бы писателемъ, если бы не жена. Онъ читалъ однажды какой-то романъ въ присутствіи подруги жизни. Романъ былъ плохой и онъ съ досадою швырнулъ его на полъ.

— Что за гадость!—крикнулъ онъ.—Я не романистъ, но иду на пари, что написалъ бы романъ куда лучше.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Докажи!—замѣтила жена.

Черезъ нѣсколько дней уже были написаны нѣсколько главъ «Предосторожности»—книга, которую Куперъ издалъ на свой счетъ. Романъ обратилъ на себя мало вниманія, но онъ толкнулъ талантливаго писателя на путь беллетристики, на которомъ впослѣдствіи Куперу пришлось пожать столько лавровъ. Его слѣдующій романъ, «Шпіонъ», уже имѣлъ большой успѣхъ, тѣмъ болѣе, что онъ льстилъ національнымъ чувствамъ земляковъ Купера.

Вальтеръ Скоттъ. Исторія другихъ выдающихся писателей также богата примѣрами глубокаго вліянія женщины. Такъ, происхожденіе романовъ Вальтеръ Скотта «Роброй» и «Вудстокъ» связано съ Маргаритою Стюартъ, дѣвушкою, мелькнувшею яркою, хотя мимолетною звѣздою на жизненномъ горизонтѣ писа-

*) «Альфонсъ Додэ». Воспоминанія сына покойнаго романиста, Леона Додэ. Пер. А. Линдегренъ («В. И. Л.», 1898, 5, стр. 124).

теля. Вальтеръ Скотту было всего девятнадцать лѣтъ, когда, выйдя однажды изъ церкви, онъ замѣтилъ дѣвушку, шедшую безъ зонтика подъ дождемъ. Онъ предложилъ ей свой зонтикъ, разговорился и до того увлекся, что тутъ же предложилъ заключить союзъ тѣсной дружбы на всю жизнь. Союзъ былъ заключенъ, но онъ продолжался не всю жизнь, а только шесть лѣтъ, такъ какъ, несмотря на всѣ ухаживанія Вальтеръ Скотта, дѣвушка все-таки предпочла ему одного изъ его друзей, нѣкоего Форбса, человѣка, обладавшаго крупными средствами и однажды даже выручившаго изъ бѣды своего товарища въ минуту жизни трудную. Вальтеръ Скоттъ увѣковѣчилъ ее въ двухъ названныхъ романахъ.

Причиною неудачи Вальтеръ Скотта были, вѣроятно, кромѣ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствъ, также и нѣкоторыя особенности его характера. Это видно изъ его переписки съ дочерью одного французскаго эмигранта, Шарлоттою-Маргаритою Шарпантье, съ которою онъ помолвился черезъ полгода послѣ выхода любимой дѣвушки замужъ. Шарлотта обладала живымъ умомъ и рентою въ 500 фунтовъ. Какъ странны были письма Вальтеръ Скотта, можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма его невѣсты: «Что вамъ пришло въ голову писать мнѣ, гдѣ вамъ хочется быть похороненнымъ! Если бы мы уже были женаты, я бы подумала, что вы мною тяготитесь. Превосходный комплиментъ передъ свадьбою! До свиданія и будьте осторожны, потому что мнѣ вовсе не хочется, чтобы вы скоро посѣтили романтическій уголокъ, называемый на обыкновенномъ языкѣ кладбищемъ». Въ другомъ письмѣ Шарлотта замѣчаетъ: «Прежде чѣмъ кончить, мнѣ хочется вамъ посовѣтовать, чтобы вы не употребляли въ своихъ письмахъ слишкомъ часто слово «должна». Вы слишкомъ рано начинаете: «Вы должны быть осторожной», «вы должны обо мнѣ думать», «вы должны мнѣ часто писать». Дѣйствительно ли должна все это ваша вѣрная Ш. Ш.?».

Въ то время, когда писались эти письма, Вальтеръ Скоттъ еще не былъ влюбленъ въ болтливую энергическую француженку съ миндалевидными глазами. Любовь пришла позже. Когда она умерла, черезъ двадцать лѣтъ супружеской жизни, Вальтеръ Скоттъ написалъ въ своемъ дневникѣ: «Смерть уже простерла руку къ ней, а она бранила меня и дѣтей за то, что у насъ такія серьезныя лица. Она говорила даже, что хорошо себя чувствуетъ... Въ присутствіи дѣтей я еще могу владѣть собою, такъ какъ потеря причиняетъ имъ такое же тяжкое страданіе, какъ и мнѣ; но когда я остаюсь одинъ или когда мнѣ что-нибудь напомнитъ о незамѣнимой,—ужасное чувство!». Вальтеръ Скоттъ, впрочемъ, былъ не только нѣжнымъ мужемъ, но и хорошимъ отцомъ. Несмотря на усиленную дѣятельность, онъ всегда находилъ время играть съ дѣтьми, а когда они подросли—сдѣлаться ихъ другомъ и довѣреннымъ лицомъ, которому они ввѣряли свои тайны даже раньше, чѣмъ матери, отличавшейся необычайно мягкимъ характеромъ. «Пусть всѣ восхищаются Скоттомъ въ его произведеніяхъ, но любить его такъ, какъ онъ заслуживалъ, могли только тѣ немногіе, которые могли видѣть его, какъ я, въ лонѣ семьи», писалъ Муръ послѣ посѣщенія шотландскаго романиста.

Ричардсонъ. Какъ увлекались у насъ женщины въ началѣ девятнадцатаго вѣка романами Ричардсона, знаетъ всякій, кто прочиталъ хотя бы «Евгенія Онѣгина». Помните стихи о Татьянѣ?

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый,
Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена жь его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

Можно себѣ представить, какъ восхищались Ричардсономъ на родинѣ. Особенный успѣхъ имѣлъ его романъ «Памела, или награжденная добродѣтель». Книга переходила изъ рукъ въ руки. Кто притязалъ на образованность, долженъ былъ непремѣнно прочесть ее. Авторъ получилъ анонимныя письма отъ шести дамъ, которыя умоляли его сообщить имъ на честное слово, правдивая ли это исторія или вымышленная, и всѣ клялись, что тайну сохранятъ до гроба. Ричардсонъ отвѣчалъ имъ всѣмъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, никогда еще не сохранялась ни одна тайна, которая ввѣрялась шести женщинамъ».

Ричардсонъ былъ истиннымъ любимцемъ дамъ. Онъ буквально жилъ въ женской атмосферѣ. Женщины были его критиками, поклонницами, его корреспондентками. Женщины вдохновляли его. Онъ часто принималъ у себя молодыхъ дамъ, которыхъ заставлялъ открывать себѣ сердечныя тайны. Уже спустя долгое время послѣ своей женитьбы онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ это время. «Мнѣ очень нравилась вся эта исторія, — разсказывалъ онъ. — Однажды я спросилъ одну изъ своихъ кліентокъ, что написать «ему» сегодня. «О,—возразилъ прелестный подростокъ,—какъ мнѣ это сказать вамъ? Пишите, что хотите. Слишкомъ любезны вы быть не можете, такъ какъ я «его» очень люблю!». Женѣ, конечно, не могли нравиться всѣ эти ухаживанія молодыхъ женщинъ и она ему часто устраивала сцены ревности, которыя, конечно, продолжались недолго, потому что, если Ричардсонъ властвовалъ надъ сердцами женщинъ даже чужихъ странъ, то какъ было ему не властвовать надъ сердцемъ собственной жены?

Генри Фильдингъ.

Другой англійскій писатель, Генри Фильдингъ, женился на красивой и состоятельной дѣвушкѣ Крэдокъ. Бракъ не былъ счастливымъ, такъ какъ жена Фильдинга не могла мириться съ человѣкомъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго понятія о политической экономіи и забывавшимъ всякія заботы и обязанности за стаканомъ шампанскаго и паштетомъ изъ дичи. Поддерживать хозяйство приходилось ей самой. Когда она умерла, Фильдингъ пришелъ въ отчаяніе, но женился въ скоромъ времени вторично, подобно Гёте, на своей горничной, «чтобы вмѣстѣ съ нею оплакивать потерянаго ангела». Вопреки опасеніямъ его друзей и близкихъ, горничная оказалась великолѣпною женщиною и хорошею мачихою для его дѣтей. Однако, онъ продолжалъ тосковать по первой женѣ и вскорѣ воздвигнулъ ей памятникъ въ видѣ романа «Амелія», въ которомъ нарисовалъ великолѣпный пор-

третъ жены въ лицѣ главной героини, наградивъ ее всѣми добродѣтелями и привлекательными чертами характера. Между прочимъ, онъ и себя изобразилъ въ романѣ подъ именемъ Бута, мужа Амеліи.

Эдвардъ Бульверъ.

Эдвардъ Бульверъ, впослѣдствіи лордъ Литтонъ, сидѣлъ однажды вмѣстѣ съ матерью за столомъ въ обществѣ литераторовъ. Вдругъ мать воскликнула:

— Посмотри, Эдвардъ, какое оригинальное красивое личико! Кто бы это могла быть?

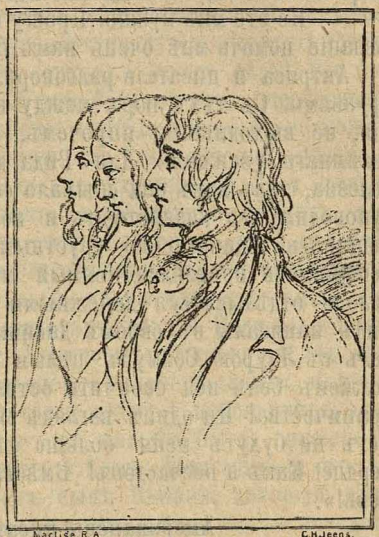
Бульверъ оглянулся. Передъ нимъ оказалась Розина Уилеръ, дѣвушка дѣйствительно хорошенькая, но обладавшая довольно рѣшительнымъ характеромъ. Между молодыми людьми завязалось знакомство, перешедшее потомъ въ дружбу и, наконецъ, завершившееся бракомъ, несмотря на то, что друзья старались отклонить его отъ этого шага. Розина обладала сатирическою жилкою и инстинктивнымъ влеченіемъ къ протесту. Въ ней жили ангелъ и чортъ въ одно и то же время и, конечно, она не могла считаться подходящею женою для человѣка со столь строгими воззрѣніями и чувствительнымъ темпераментомъ, какъ Бульверъ. Все это, однако, не мѣшало тому, чтобы литературная дѣятельность писателя расцвѣла подъ ея вліяніемъ. Розина была очень умная, начитанная женщина и въ этомъ отношеніи стояла до того высоко, что соперники Бульвера приписывали лучшія произведенія его именно иниціативѣ жены. Въ подозрѣніяхъ, впрочемъ, не заключалось ничего необычайнаго, такъ какъ лэди Бульверъ была также писательницею.

Въ концѣ концовъ супругамъ пришлось разойтись. Неодинаковость характеровъ, къ которой присоединилась невѣрность жены (Бульверъ имѣлъ безспорныя доказательства), повели къ разводу. Съ тѣхъ поръ бывшій мужъ и жена сдѣлались врагами. Дошло до того, что въ своемъ романѣ «Испорченная жизнь» лэди Бульверъ вывела на сцену и себя, и своего мужа, подробно изображая гоненія, которымъ онъ подвергалъ ее во время совмѣстной жизни. Она рисуетъ его «лживымъ, жестокимъ, хитрымъ и коварнымъ». А когда Бульверъ впервые выставилъ свою кандидатуру въ парламентъ, жена послѣ его выборной рѣчи сама обратилась къ народу съ рѣчью, въ которой грубо оскорбляла мужа, безъ стѣсненія выставляя напоказъ всѣ его слабыя стороны и тайны.

Чарльзъ Диккенсъ.

Столь же несчастливъ былъ бракъ Диккенса, съ тою только разницею, что, прежде чѣмъ развестись съ женою, онъ прожилъ съ нею цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Одинъ изъ его близкихъ друзей разсказываетъ эту исторію слѣдующимъ образомъ: «Катерина Гогартъ была простой заурядной дѣвушкой безъ особыхъ талантовъ, а впослѣдствіи сдѣлалась хорошей хозяйкой и матерью. Однако, жить вмѣстѣ съ мужемъ въ полномъ согласіи она не могла. Чѣмъ болѣе извѣстнымъ дѣлался Диккенсъ въ качествѣ писателя, чѣмъ больше сталъ онъ заработывать денегъ, тѣмъ болѣе сталъ онъ чувствовать потребность обставить свою жизнь съ внѣшней стороны возможно лучше и комфортабельнѣе. Онъ устраивалъ у себя вечера, на которыхъ собирались выдающіеся представители культурной жизни Англіи, а также много красивѣйшихъ и талантливѣйшихъ женщинъ. Всѣ эти люди не особенно нравились женѣ Диккенса, которая къ тому

же не умѣла принимать ихъ надлежащимъ образомъ. Въ этомъ отношеніи писателю помогла сестра жены, которая начала играть въ его домѣ руководящую роль, принимала гостей, занимала ихъ. Все это она, конечно, дѣлала отчасти потому, что ей хотѣлось скрыть неспособность своей сестры, отчасти потому, что она по натурѣ должна была играть выдающуюся роль, такъ какъ представляла яркую, рѣзко очерченную личность. Эта-то роль не пришлась по вкусу женѣ, которая стала смотрѣть на сестру подозрительными глазами. Отчасти былъ виноватъ самъ Диккенсъ, который былъ настолько неосторожень, что въ присутствіи жены расхваливалъ ея сестру, выставляя ее идеаломъ женственности. Друзьямъ онъ также жаловался, что жена не для него создана, и это, конечно, не могло не дойти до ея ушей. Положеніе все болѣе и болѣе обострялось и, наконецъ, завершилось разводомъ». Диккенсъ сталъ выдавать женѣ по 200 фунтовъ ежегодно. Къ ней же переѣхалъ его старшій сынъ. Остальныя дѣти и ихъ тетка, послужившая предметомъ раздора между Диккенсомъ и его женою, остались въ его домѣ.



Диккенсъ, его жена и свояченица.

Теккерей. Не менѣе радостенъ былъ бракъ Теккерея. Онъ женился 24-хъ лѣтъ отъ роду на явской уроженкѣ Изабеллѣ Джеттинъ Шоу и жилъ съ нею въ видимомъ счастіи до рожденія третьей дочери, когда начали обнаруживаться признаки ея душевной болѣзни. Мужъ отдался всѣмъ существомъ попеченію о любимой, но больной женѣ. Однако, состояніе ея здоровья все болѣе и болѣе ухудшалось и, наконецъ, онъ долженъ былъ передать ее на попеченіе одной дамы. Много лѣтъ спустя онъ писалъ одному другу: «Хотя, къ сожалѣнію, мой бракъ потерпѣлъ кораблекрушеніе, тѣмъ не менѣе я вступилъ бы въ него еще разъ, такъ какъ любовь—вѣнецъ и завершеніе всякихъ земныхъ благъ».

Чарльзъ Ридъ. Когда Чарльзъ Ридъ *) впервые старался продать свои произведенія, неудача ждала его на каждомъ шагу. Тогда онъ писалъ еще только драматическія вещи. Одна лишь актриса Сеймуръ согласилась побесѣдовать съ нимъ о его драмахъ и даже выслушать одинъ актъ. Когда Ридъ кончилъ, актриса замѣтила:

---

*) Ч. Ридъ—одинъ изъ тѣхъ англійскихъ писателей, о которыхъ мало говорятъ, но произведенія которыхъ усердно читаютъ. Его романы переведены на всѣ европейскіе языки. На русскомъ существуютъ переводы слѣдующихъ его произведеній: «Вельможный бродяга», «Ненавистникъ женщинъ», «Лучше поздно, чѣмъ никогда», «Страшное искушеніе», «Любишь—не любишь», «Приключеніе Жерарда», «Тяжелыя деньги», «Простая исторія», «Ревность», «Подлогъ».

— Все это прекрасно. Тутъ есть настоящее драматическое дѣйствіе. Однако, почему вы не пишете романовъ?

Ридъ не зналъ, что отвѣтить. Глубокое состраданіе охватило артистку.

— Да, это старая исторія,—сказала она.—Вамъ худо, какъ и всѣмъ вамъ подобнымъ. Вы думали, что я куплю у васъ за бездѣлицу какую-либо пьесу; но это было бы безсмыслицею. Тѣмъ не менѣе оставить такого человѣка, какъ вы, не могу. Постараюсь что-нибудь для васъ сдѣлать.

Ридъ оставилъ свой адресъ и удалился. На слѣдующій день онъ получилъ отъ актрисы письмо, въ которомъ она извѣщала его, что не можетъ пріобрѣсти его пьесу, но даетъ ему въ видѣ ссуды 5 фунтовъ стерлинговъ. Ридъ немедленно возвратилъ ей чекъ лично со словами:

— Не это мнѣ нужно. Прошу васъ, возьмите назадъ, хотя за самое желаніе помочь мнѣ очень вамъ благодаренъ.

Актриса и писатель разговорились. Къ концу бесѣды они уже были друзьями. Съ тѣхъ поръ между ними установились близкія отношенія, не выходившія, впрочемъ, по словамъ друзей, изъ предѣловъ взаимнаго уваженія. Для Рида дружба г-жи Сеймуръ была очень полезна, такъ какъ она сбывала его пьесы, заставляла писать романы, руководила его хозяйствомъ и во всемъ была его совѣтницею и помощницею. Единственно грустными минутами были только тѣ, когда неожиданно появлялся пьяный мужъ Сеймуръ, отъ котораго приходилось отдѣлываться денежными подачками. Послѣ смерти Сеймуръ Ридъ написалъ въ своемъ дневникѣ: «Вспомнить только, что я провелъ съ Лаурою Сеймуръ цѣлыя 25 благословенныхъ лѣтъ, а теперь долженъ безъ нея окончить остальную часть своего житейскаго паломничества! Ни одинъ взглядъ ея милыхъ глазъ, ни одна улыбка ея устъ не будутъ меня больше радовать! О, мое сердце, мое бѣдное сердце! Какъ я несчастенъ! Вмѣстѣ съ нею я потерялъ всю свою любовь!».

Натаніэль Готорнъ.

Американскій писатель Натаніэль Готорнъ *) влюбился въ дѣвушку, страдавшую хронической болѣзнью. Несмотря на свою любовь и уваженіе къ Готорну, Софія не хотѣла связывать его узами брака. Онъ понималъ чувства, которыми она руководилась, и не настаивалъ. Влюбленные видѣлись почти ежедневно. Такъ какъ жить другъ безъ друга они не могли, то Готорнъ еще разъ началъ требовать, чтобы отношенія между ними были освящены бракомъ. Софія продолжала возставать противъ этого предложенія, но видя, что всѣ доводы напрасны, заявила, что сдѣлается женою любимаго человѣка, если излечится отъ болѣзни, продолжающейся двадцать лѣтъ. И чудо случилось!

Бракъ былъ очень счастливъ, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо, которое Готорнъ написалъ своей женѣ, гостившей у родителей, черезъ шесть лѣтъ послѣ свадьбы: «О, Феба (ласкательное имя Софіи)! Тебя мнѣ недостаетъ! Ты единственное въ мірѣ существо, безъ котораго я не могу обойтись. Я люблю нѣкоторыхъ людей, но всетаки чувство-

*) На русскій языкъ переведены только четыре произведенія этого писателя: «Красная буква» (1856 г.), «Домъ о семи шпицахъ» (1852 г.), «Монте-Бени» (1861 г.) и разсказъ «Опытъ доктора Гейдеггера».

валъ себя всегда лучше всего наединѣ съ самимъ собою, пока не познакомился съ тобою. Теперь я только тогда бываю самимъ собою, когда ты находишься вблизи меня. Ты моя несказанно любимая жена!».

Что жена Готорна имѣла большое вліяніе на его литературную дѣятельность, фактъ несомнѣнный. Романъ «Красная буква» былъ имъ написанъ, благодаря замѣчанію, сдѣланному женою. Онъ открыто сознавался, что безъ уютной домашней обстановки, которою онъ исключительно обязанъ Софіи, американская литература никогда не обогатилась бы его произведеніями, слывущими на родинѣ классическими. Вотъ два отрывка изъ ея писемъ, свидѣтельствующіе о ея сильной привязанности къ мужу. Такъ, въ 1849 года она писала матери по случаю увольненія его отъ должности таможеннаго надсмотрщика: «Ты смотришь на нашу неудачу такъ, какъ я этого отъ тебя ожидала. Я не боюсь никакихъ несчастій, пока мой мужъ удовлетворяетъ мои высшіе идеалы и пока всѣ милости неба живутъ въ сердцахъ моихъ дѣтей. Все прочее имѣетъ второстепенное значеніе. Я веду безсмертное существованіе, выращивающее на моемъ пути райскіе цвѣты, которыхъ не можетъ сломать ни одна грубая нога. Я ликую, что у меня такой мужъ». А въ 1851 году, когда положеніе нѣсколько улучшилось, она писала: «Радуюсь, что ты могла «съ восторгомъ» высказаться насчетъ моей участи, потому что если существуетъ счастіе въ бракѣ, то я имъ пользуюсь, дорогая мама. Неизмѣнная и безсмертная любовь окружаетъ и ограждаетъ меня. Мы здоровы. Натаніэль превысилъ мои самыя смѣлыя мечты; никто не знаетъ его качествъ такъ, какъ я. Если бы я когда-либо поднялась до него, то оказалась бы среди сіяющихъ звѣздъ, такъ какъ могу сказать, что онъ меня ежедневно озаряетъ своимъ сіяніемъ, подобно солнцу въ зенитѣ. А затѣмъ такія дѣти! А перспектива быть въ состояніи доставлять имъ хлѣбъ и еще, можетъ быть, пирожное!».

Готорнъ былъ также превосходнымъ отцомъ. Дѣти считали его лучшимъ товарищемъ по игрѣ. О своемъ сынѣ Юліанѣ, который теперь также извѣстный писатель, онъ разсказываетъ очень милые анекдоты. Однажды они были вдвоемъ на кладбищѣ, гдѣ начали читать надписи на памятникахъ. Въ надписяхъ перечислялись только добродѣтели покойниковъ. Ребенокъ слушалъ нѣкоторое время съ благоговѣніемъ, но потомъ спросилъ:

— Послушай, папочка, если здѣсь похоронены одни только хорошіе люди, то гдѣ же лежатъ дурные?

Джорджъ Сала.

Англійскій писатель Сала *) разсказываетъ въ своей автобіографіи, какъ женитьба вырвала его изъ праздной и безполезной жизни богемы, какой поворотъ къ лучшему совершился въ немъ, когда ему надо было заботиться о другомъ существѣ, и какъ онъ за труды получилъ награду въ видѣ любви и преданности его восхитительной подруги жизни. «Какое счастіе для меня,— говоритъ онъ,—что я женился на благочестивомъ, сострадательномъ молодомъ существѣ, которое въ теченіе двадцати пяти лѣтъ нашей брачной жизни честно старалось изгнать изъ дикаго парня порокъ эгоизма и

*) На русскомъ языкѣ существуетъ переводъ только одного произведенія Сала: «Газовый свѣтъ и дневной свѣтъ. Лондонскія сцены» («О. З.», 1869, 1).

смягчить его темпераментъ, дикій и невоздержный отъ природы. Когда я женился, жизнь моя получила совершенно другое, лучшее направленіе, и этимъ я обязанъ своей женѣ».

Квинсей. Ѳома Квинсей—писатель, составившій себѣ большое имя въ Англіи, благодаря своей образцовой прозѣ*). Онъ пріучилъ свой организмъ къ опіуму, но, влюбившись въ Маргариту Симпсонъ, почувствовалъ большой подъемъ духа, давшій ему возможность уменьшить дозу опіума съ 300 гранъ до 40. Маргарита была рѣдкой красоты и сдѣлалась образцовою женою этого эксцентричнаго человѣка. Онъ самъ заявилъ, что безъ ея помощи всякіе счета оставались бы неуплаченными и хозяйство пришло бы въ полный упадокъ. Свои чувства къ прелестной женѣ онъ выразилъ однажды, бесѣдуя съ нею, въ слѣдующихъ словахъ: «Ты безъ ропота въ теченіе многихъ лѣтъ стирала нездоровый потъ съ моего лба, увлажняла живительнымъ напиткомъ мои жаждущія отъ лихорадки и засохшія губы, и даже тогда, когда я нарушалъ твой спокойный сонъ моими отчаянными криками, которые я издавалъ въ постоянной борьбѣ съ фантомами и невидимыми врагами, ни одного звука жалобы не срывалось съ твоихъ устъ. Ты улыбалась мнѣ съ ангельскимъ терпѣніемъ и продолжала свою самаритянскую службу около меня».

Свифтъ. Со Свифтомъ, этимъ англійскимъ Вольтеромъ, приключилась удивительная исторія. Отъявленный врагъ женщинъ и брака, онъ сдѣлался въ одно прекрасное время жертвою любовной исторіи, которая въ смыслѣ романтичности и экспрессіи врядъ ли имѣетъ себѣ подобное въ исторіи любовныхъ похожденій великихъ людей.

Но прежде нѣсколько словъ о самомъ Свифтѣ. Великій, если не величайшій остроумецъ прошлаго вѣка родился 30 ноября 1667 года въ Дублинѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти отца, бѣднаго, но знатнаго ирландца. Мать его была также изъ хорошей семьи, но, не имѣя состоянія, вела довольно грустное существованіе. Своего единственнаго сына она воспитывала на счетъ дяди, который только считался богатымъ человѣкомъ, но далеко не былъ богатъ, вслѣдствіе чего очень бережливо тратилъ деньги. Это очень огорчало Свифта, и его мечтою сдѣлалось тратить возможно меньше денегъ и сдѣлаться поскорѣе самостоятельнымъ человѣкомъ. Однако, достигнуть цѣли было очень трудно, такъ какъ Свифтъ не любилъ черствыхъ наукъ, въ особенности математику. Онъ съ большимъ удовольствіемъ читалъ поэтовъ и охотно изучалъ исторію. Жизнь онъ велъ вслѣдствіе бѣдности уединенную, среди книгъ, и потому случая осуществить давнишнюю мечту—найти средства къ существованію—не представлялось. Онъ прослылъ непрактичнымъ мечтателемъ, нелюдимымъ, даже «глупцомъ», такъ какъ ему не удавалось добиться докторской степени. Въ послѣднемъ, впрочемъ, виновато его упорство: Свифтъ никакъ не хотѣлъ держать экзаменъ по установленному порядку.

Но нѣтъ худа безъ добра. И самая бѣдность принесла пользу Свифту, такъ какъ удержала его отъ излишествъ, которымъ предавались его товарищи, болѣе обезпеченные въ денежномъ отношеніи.

---

*) На русскій языкъ не переведено ни одно изъ его произведеній.

Она же заставила его взяться за перо, которое и обезсмертило его имя. Еще девятнадцати лѣтъ онъ написалъ свою знаменитую «Сказку для женщинъ», образцовую сатиру, блещущую остроуміемъ. Рукопись онъ показалъ только товарищу по комнатѣ, который, будучи такъ же бѣденъ и непрактиченъ, какъ Свифтъ, дѣлилъ съ нимъ житейскія невзгоды. Однако, у этого товарища хватило достаточно сообразительности, чтобы посовѣтовать Свифту покинуть тѣсныя условія родного Дублина и поѣхать въ Лондонъ. И вотъ съ рукописью въ карманѣ великій сатирикъ пустился въ широкое море жизни, предварительно заѣхавъ къ матери, которая жила въ одномъ маленькомъ городкѣ. Мать вспомнила, что у нея есть богатый родственникъ, сэръ Вильямъ Темпль, который можетъ оказать покровительство молодому человѣку, и родственникъ этотъ дѣйствительно оправдалъ ея ожиданія. Онъ взялъ Свифта къ себѣ, и съ этой минуты матеріальное благосостояніе будущаго генія было обезпечено. Темпль былъ благороднымъ, умнымъ, гуманнымъ и ученымъ человѣкомъ и, конечно, отъ него не могли скрыться выдающіяся способности бѣднаго родственника. Благодаря ему, Свифтъ тотчасъ безъ труда сдалъ въ Оксфордскомъ университетѣ экзаменъ на докторскую степень. Темпль обращался съ нимъ, какъ съ равнымъ, и даже показывалъ ему свои литературныя произведенія для поправокъ. Въ то время Свифтъ считалъ еще себя поэтомъ, насильно заглушая въ себѣ страсть къ сатирѣ и сочиняя стихи à la Пиндаръ, проникнутые ложнымъ паѳосомъ. Подъ просвѣщеннымъ вниманіемъ Темпля онъ отказался отъ ложной дороги, а впослѣдствіи пошелъ по его же стопамъ на поприщѣ политической дѣятельности.

Эсѳирь Джонсонъ (Стелла).

Судьбѣ было угодно, чтобы и любовная исторія Свифта началась подъ гостепріимными сводами Мурпарка, великолѣпнаго помѣстья Темпля. Великій писатель давалъ дочери своего покровителя уроки по научнымъ предметамъ и во время этихъ уроковъ познакомился съ ея подругою, миссъ Эсѳирь Джонсонъ, хорошенькою пятнадцатилѣтнею дѣвушкою. Первое время его очаровали въ ней превосходныя способности. Онъ любовался ею, какъ учитель, не предчувствуя, что вскорѣ наступитъ время, когда это чувство сдѣлается болѣе глубокимъ. О женитьбѣ на ней онъ, конечно, не думалъ, тѣмъ болѣе что пережилъ уже маленькій душевный кризисъ, едва не окончившійся ужасавшимъ его бракомъ. Дѣло въ томъ, что еще до встрѣчи съ Эсѳирью Джонсонъ онъ написалъ сестрѣ своего товарища по комнатѣ письмо, въ которомъ просилъ ея руки. Письмо написано въ такихъ странныхъ выра-

женіяхъ, что авторъ его видимо заранѣе былъ увѣренъ въ отказѣ и самое письмо написалъ только для того, чтобы поскорѣе покончить съ тягостными отношеніями, прервать которыя инымъ путемъ нельзя было. Между прочимъ, онъ говоритъ въ этомъ письмѣ: «Если вамъ будетъ угодно отвѣтить утвердительно на мои вопросы, то я почту себя счастливымъ, когда вы согласитесь взять мою руку и сердце. Красивы ли вы или богаты, до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Меня только интересуетъ чистота и бережливость. Я, правда, ничего не имѣлъ бы противъ этого, если бы мои жалкія матеріальныя обстоятельства улучшились, благодаря богатой свадьбѣ, но я никогда не позволилъ бы, чтобы жена моя упрекала меня въ этомъ. Во всякомъ случаѣ, по моему, лучше и приличнѣе, если мужъ будетъ давать пропитаніе женѣ, а не наоборотъ». Нечего говорить, что отвѣтомъ на это письмо былъ категорическій отказъ.

Что Свифту не приходила въ голову мысль о возможности связать свою судьбу съ судьбою Эсѳири Джонсонъ, свидѣтельствуетъ его письмо къ одному изъ своихъ друзей, которому онъ сообщаетъ, что его чувство къ Джонсонъ исключаетъ ревность и что онъ будетъ очень радъ, если другу этому удастся добиться ея руки. Другъ дѣйствительно сдѣлалъ попытку въ этомъ родѣ, но она не увѣнчалась успѣхомъ. Съ этихъ поръ отношенія между Свифтомъ и Эсѳирью сдѣлались иными. Они перестали скрывать взаимныя чувства. Въ письмахъ къ ней Свифтъ началъ ее называть самыми ласкательными именами, изъ которыхъ наибольшимъ почетомъ пользовалось имя «Стелла» (звѣзда). И это доставляло молодой дѣвушкѣ большое удовольствіе. Она на самомъ дѣлѣ хотѣла сдѣлаться его звѣздою. Однако, о женитьбѣ и теперь не заходило рѣчи. Стелла была дѣйствительно звѣздою для сатирика, т. е. отставала отъ него такъ же далеко, какъ и звѣзда. Дѣло въ томъ, что Темпль строилъ обширные планы насчетъ будущаго Свифта, но ни одного изъ нихъ не привелъ въ исполненіе. Когда онъ умеръ, Свифтъ получилъ небольшое мѣсто пастора въ Лорракорѣ (въ Ирландіи). Стелла послѣдовала за нимъ и заняла въ Дублинѣ вмѣстѣ съ своей пожилой подругой, мистриссъ Дингли, маленькую квартиру, гдѣ Свифтъ ее часто посѣщалъ. Онъ ежедневно ей писалъ письма или, вѣрнѣе, посылалъ ей свой дневникъ. Къ удивленію, однако, онъ относился къ ней все время, какъ къ посторонней, избѣгая оставаться съ нею наединѣ. Все, что онъ писалъ, дышало нѣжностью, уваженіемъ, дружбою, но словъ любви не было, тѣмъ болѣе не заходила рѣчь о бракѣ. Это очень огорчало Стеллу, которая искренно любила угрюмаго Свифта. Зная, что онъ боится брака, такъ какъ на горькомъ опытѣ родителей могъ наглядно убѣдиться въ прелестяхъ супружеской жизни, лишенной солидной матеріальной основы, она надѣялась, что время это пройдетъ. Свифтъ обезпечитъ свое положеніе и тогда для него откроется возможность соединиться съ любящею его дѣвушкою. Правда, Темпль, умирая, завѣщалъ ей небольшую ренту (говорятъ, будто Эсѳирь была даже его побочной дочерью), но суммы этой было недостаточно, чтобы вести безбѣдную жизнь вдвоемъ. Положеніе было печальное.

Но вотъ наступаетъ поворотъ. Свифтъ, который часто отлучался въ Лондонъ, началъ мало-по-малу погружаться въ омутъ политической агитаціи. Были послѣдніе годы царствованія королевы Анны, противъ

которой Свифтъ вооружился со всею силою генія и которая больше боялась его властнаго врага, чѣмъ оружія своихъ враговъ. Неустрашимость и энергія сдѣлали знаменитаго сатирика общимъ кумиромъ и, конечно, больше всего симпатіи завоевалъ онъ въ кругу женщинъ. Среди послѣднихъ особенной страстью къ сатирику пылала миссъ Вангомрай, прелестная богатая дѣвушка, рѣшившая во что бы то ни стало влюбить въ себя Свифта. Знакомство завязалось такъ же, какъ и со Стеллою. Свифтъ сталъ обучать молодую дѣвушку наукамъ. Но о какихъ наукахъ могла идти рѣчь для молодой дѣвушки, признававшей въ настоящемъ случаѣ одну только науку страсти нѣжной? Дѣвушка трепетала, когда Свифтъ усаживался съ нею за однимъ столомъ. Она ждала минуты, когда онъ, увлеченный, поддастся ея чарамъ и произнесетъ завѣтное слово. Но онъ не произносилъ. Наоборотъ, онъ былъ корректенъ. Спокойствіе его никогда не покидало. Дѣвушка не выдержала и въ одно прекрасное время разрыдалась и открыла учителю сердце.

Но учитель молчалъ. Ни единымъ словомъ сочувствія не отвѣтилъ онъ на горячія признанія дѣвушки. Наоборотъ, онъ постарался обратить ея слова въ шутку, предлагая взять ихъ назадъ. Дѣвушка была огорчена, поражена, разбита. Но страсть въ ней клокотала, и она продолжала твердить ему о любви. Онъ, конечно, могъ воспользоваться ея чувствомъ, но онъ былъ слишкомъ для этого благороденъ. Съ другой стороны, и жениться на ней онъ не могъ, такъ какъ, разъ онъ согласился бы жениться, то долженъ былъ бы остановить свой выборъ на Стеллѣ, которая страдала и любила столько времени и для которой поэтому рай его любви долженъ былъ открыться прежде всего. Осталось одно средство — бѣжать, и Свифтъ ударился въ бѣгство.

Какое чувство, однако, привезъ онъ въ родной ирландскій уголокъ! Тоска, горечь. Онъ началъ инстинктивно относиться враждебно къ Стеллѣ, которая приходила въ отчаяніе. Не зная причины его томленія, она въ порывѣ самопожертвованія предложила ему даже вернуться въ Лондонъ, который, повидимому, дѣйствовалъ на него благодѣтельно. Такъ какъ въ это время онъ получилъ отъ своихъ политическихъ друзей письмо съ просьбою пріѣхать скорѣе въ виду министерскаго кризиса, то онъ, не долго думая, поѣхалъ въ Лондонъ, а чтобы освободиться отъ пламенныхъ ухаживаній своей лондонской ученицы, написалъ великолѣпное стихотвореніе «Каденусъ и Ванесса», въ которомъ проповѣдуетъ самоотреченіе. Однако, предметъ этого стихотворенія, Ванесса, до того украшенъ цвѣтами его поэтической фантазіи, Свифтъ поднимаетъ ее на такую высоту и отводитъ ей въ своемъ сердцѣ такое почетное мѣсто, что страсть дѣвушки, для которой стихотвореніе это было написано, еще болѣе усилилась. Она даже стала называть себя съ этихъ поръ не иначе, какъ Ванессою. Наконецъ, въ одно прекрасное время Свифтъ въ присутствіи ея матери заявилъ, что самъ любитъ ея дочь, но жениться на ней не можетъ, такъ какъ связанъ долгомъ по отношенію къ другой дѣвушкѣ. Затѣмъ онъ отдался обязанностямъ, связаннымъ съ его священническимъ саномъ, думая, что уединеніе и твердая рѣшимость забыть все происшедшее выведутъ его изъ затруднительнаго положенія.

Но онъ обманулся въ своихъ разсчетахъ. Въ одно прекрасное время Ванесса пріѣхала въ Дублинъ, желая во что бы то ни стало за-

владѣть сердцемъ строптиваго человѣка. Въ то же время онъ узнаетъ, что Стелла опасно больна. Эти два обстоятельства его до того поразили, что онъ окончательно потерялъ присутствіе духа. Думая, что болѣзнь Стеллы вызвана пріѣздомъ Ванессы, о настойчивой любви которой она не могла не знать, такъ какъ ее знали всѣ, въ особенности послѣ выхода названнаго стихотворенія, онъ написалъ Ванессѣ письмо, въ которомъ, осыпая ее упреками, категорически предлагалъ вернуться домой. Что же касается Стеллы, то такъ какъ болѣзнь ея была слѣдствіемъ безнадежной любви, то онъ рѣшилъ ее спасти обѣщаніемъ жениться, но только тайно. Ванесса, получивъ суровое письмо отъ любимаго человѣка, не выдержала удара. Но и Стелла не долго наслаждалась счастіемъ: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ тайнаго брака со Свифтомъ умерла и она.

Когда Свифтъ женился на Стеллѣ (въ 1716 г.), ему было 49, а ей 35 лѣтъ. Когда же она поѣхала за нимъ, рѣшившись посвятить ему свою жизнь, ей было 18 лѣтъ. Итакъ, цѣлыхъ семнадцать лѣтъ ждала Эсѳирь Джонсонъ счастливой минуты, когда ей можно будетъ назвать любимаго человѣка своимъ.

Аддисонъ.

Къ числу несчастныхъ мужей нужно также отнести Аддисона. Бѣдняга долго домогался руки овдовѣвшей графини Варвикъ и добился цѣли только съ большимъ трудомъ. Бракъ былъ очень несчастенъ, такъ какъ графиня относилась къ нему свысока, третируя какъ человѣка низменнаго порядка. Въ шутку тогда говорили, что домъ Аддисоновъ, несмотря на свои огромные размѣры, не можетъ вмѣстить въ себя Аддисона, графини Варвикъ и третьяго жильца—міръ. Когда Аддисонъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ, лэди Мэри Монтегю писала одному другу: «Такой постъ и графиня рядомъ,—этого, мнѣ кажется, человѣкъ, страдающій одышкою, врядъ ли будетъ въ состояніи долго выносить, и мы еще доживемъ до такого дня, когда онъ охотно откажется отъ того и другого». Несчастный именно бракъ былъ причиною того, что талантливый человѣкъ, не находя успокоенія дома, проводилъ дни въ кабакахъ и въ концѣ концовъ надорвалъ здоровье.

Александръ Попъ.

Такимъ же неудачникомъ въ области любви былъ Александръ Попъ. Онъ влюбился въ одну молодую женщину, нѣкую Витенбургъ, которая отвѣтила ему взаимностью, несмотря на все его безобразіе, и даже лишила себя жизни, когда опекунъ, и слышать не хотѣвшій о ея выходѣ замужъ за знаменитаго юмориста, отправилъ ее на континентъ, прекративъ всякія сношенія между влюбленными. Попъ былъ еще влюбленъ въ Марту Блоунтъ и остался вѣренъ своему чувству до могилы, хотя она относилась къ нему далеко не любовно. Умирая, онъ послалъ къ ней человѣка съ просьбою придти, но она встрѣтила посыльнаго словами:

— Какъ, онъ еще не умеръ?

Попъ, однако, завѣщалъ ей все свое состояніе.

Одно время онъ былъ влюбленъ также въ Мэри Монтегю, но любовь эта превратилась мало-по-малу во взаимную ненависть, скрываемую только подъ маскою обычной вѣжливости. Лэди Мэри отправилась однажды къ лорду Бэрлингтону. На вопросъ, дома ли лордъ, слуга отвѣтилъ:

— Нѣтъ, миледи, но въ пріемной вы найдете мистера Попа.

— А, мнѣ хотѣлось бы на него посмотрѣть. Покажите-ка мнѣ комнату.

Слуга повелъ ее вверхъ и, отворивъ дверь, въ которой былъ Попъ, удалился. Черезъ нѣсколько секундъ раздался рѣзкій звонокъ. Слуга бросился туда, но лэди Монтегю въ комнатѣ уже не было. Она выбѣжала оттуда.

— Позвольте,—воскликнула она въ испугѣ,—вы сказали, что тамъ Попъ, между тѣмъ тамъ спитъ въ креслѣ большая обезьяна!

Исторія эта дошла до ушей Попа и онъ рѣшилъ отомстить ей. Лэди Мэри была близорука и скрывала свой недостатокъ. Попъ это зналъ и поэтому предложилъ ей однажды прогуляться, чтобы посмотрѣть, какъ великолѣпенъ видъ на сады Кенсингтона послѣ того, какъ удалили каменную стѣну, скрывавшую перспективу, и замѣнили ее рѣшеткою. Думая, что стѣна дѣйствительно удалена, лэди Монтегю стала восторгаться великолѣпнымъ видомъ, котораго на самомъ дѣлѣ не было, такъ какъ никакихъ рѣшетокъ не оказалось и стѣна стояла попрежнему на своемъ мѣстѣ. Попъ самъ позаботился разсказать о случившемся друзьямъ. Въ этомъ заключалась его месть.

Ричардъ Шериданъ.

Когда знаменитый авторъ «Школы злословія», Ричардъ Бринслей Шериданъ, находился въ Батѣ, тамъ жила семья композитора Линлея, пользовавшаяся всеобщей извѣстностью подъ именемъ «Соловьинаго гнѣзда». Между прочимъ, его старшая дочь обладала великолѣпнымъ голосомъ, съ которымъ развѣ могла поспорить только ея красота. Въ концертахъ ея отца она всегда выступала въ качествѣ самой крупной звѣзды. У ногъ ея лежали не только молодые люди, но и пожилые старики, представители высшихъ слоевъ общества. Такъ, однимъ изъ ея горячихъ поклонниковъ былъ капитанъ Матьюсъ, преслѣдовавшій дѣвушку своимъ упорнымъ ухаживаньемъ, несмотря на то, что былъ женатъ.

Шериданъ познакомился съ очаровательною дѣвушкою черезъ посредство своей сестры, ея лучшей подруги, и сдѣлался ея тайнымъ покровителемъ. Одной изъ мѣръ его было знакомство съ Матьюсомъ, преступныя намѣренія котораго ему нетрудно было открыть вскорѣ. Преслѣдованія капитана привели Линлей въ такое отчаяніе, что она однажды, находясь у сестры Шеридана, пыталась отравиться. Къ счастью, во флаконѣ оказалось до того мало яду, что Шериданъ и его сестра только отдѣлались испугомъ. Тутъ Шериданъ нашелъ нужнымъ разоблачить злыя козни преступнаго воздыхателя, показавъ ей письмо, въ которомъ Матьюсъ говорилъ о своемъ намѣреніи увезти дѣвушку силою. Что было дѣлать? Елизавета Линлей, повидимому, далеко не была увѣрена, что найдетъ покровительство въ отцѣ. Къ тому же ей не хотѣлось разссорить его съ доброжелателемъ. Тутъ Шериданъ предложилъ ей бѣжать вмѣстѣ съ нимъ во Францію и тамъ искать покровительства до тѣхъ поръ, пока минуетъ опасность. Дѣвушка согласилась, и оба уѣхали въ Калэ. Чтобы избѣжать скандала, Шериданъ убѣдилъ ее вступить съ нимъ въ фиктивный бракъ.

Когда отецъ узналъ, что дочь его во Франціи, онъ поѣхалъ туда и склонилъ ее вернуться въ Батъ, обѣщавъ Шеридану дать ему позднѣе

согласіе на бракъ съ его дочерью (о фиктивномъ бракѣ онъ не зналъ). Вскорѣ послѣ того капитанъ Матьюсъ опубликовалъ письмо, въ которомъ называлъ Шеридана негодяемъ и лжецомъ. Слѣдствіемъ этого была дуэль, кончившаяся горячею свалкою, послѣ которой Шеридана отвезли домой раненымъ.

Отъ Елизаветы Линлей вся эта отвратительная исторія скрывалась возможно дольше. Друзья, однако, проболтались какъ-то въ ея присутствіи. Узнавъ, что Шериданъ раненъ, она крикнула: «Мой мужъ, мой мужъ!». Къ счастью для нея, на крикъ этотъ никто не обратилъ вниманія въ общей суматохѣ. Вотъ что она писала своему фиктивному мужу, бракъ съ которымъ (онъ былъ совершенъ во Франціи) она еще тогда не считала нужнымъ разгласить: «Двѣнадцать часовъ ночи. Безсовѣстное существо, заставляющее меня въ такое позднее время царапать всякую безсмыслицу, такъ какъ ты и словечкомъ мнѣ не обмолвился, когда я могу ждать тебя на этой недѣлѣ! О, дорогой мой, ты поистинѣ тиранъ! Ты вѣдь, конечно, не думаешь, что я здѣсь сидѣла бы, если бы мнѣ не было пріятно болтать съ тобою? Вѣрь мнѣ, возлюбленный, что я только тогда считаю себя счастливой, когда нахожусь вблизи тебя или когда я тебѣ пишу. Почему ты сегодня вечеромъ такъ рано убѣжалъ? Хотя я и не могу свободно наслаждаться твоими бесѣдами, тѣмъ не менѣе мнѣ доставляетъ утѣшеніе чувствовать тебя вблизи себя. Какъ только ты вышелъ изъ комнаты, я бросила свои карты, такъ какъ не могла больше сосредоточить свои мысли на игрѣ.

«Сегодня мы—мать моя и я—были у дѣвицы Роскэ и много о тебѣ говорили. Роскэ убѣждала, что я и ты должны сдѣлаться мужемъ и женою. Она дошла до того, что стала утверждать, будто это произойдетъ не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ, и что всѣ такого же мнѣнія. Что ты скажешь на это? Прощай, мой милый. Я до того устала, что должна лечь въ постель. Только одно могло бы еще меня заставить теперь бодрствовать—твое общество. Еще разъ прощай.

«Полунагая, на колѣняхъ прихожу я еще разъ, чтобы обременить тебя своимъ безуміемъ. Я не могла утерпѣть, не могла отправить тебѣ письмо, въ которомъ есть неисписанное мѣсто. Правда, я еще не знаю, что мнѣ еще написать тебѣ, возлюбленный, такъ какъ написала все, что мнѣ извѣстно».

Какъ, однако, ни была велика любовь между Шериданомъ и Елизаветою Линлей, нашлась женщина, сумѣвшая вызвать взаимное недовольство между ними, нѣкая мистриссъ Листеръ, жена жившаго недалеко врача. Красавица и знаменитая пѣвица нашла послѣ этого нужнымъ написать Шеридану слѣдующее письмо:

«Вамъ извѣстно, что, покинувъ вмѣстѣ съ вами Батъ, я считала васъ только своимъ другомъ. Мое расположеніе къ вамъ вы завоевали не вашею особою, а своими нѣжными чувствами и интересомъ, съ которымъ относились ко мнѣ. Даже въ томъ случаѣ, если бы мнѣ представился поводъ еще разъ положиться на васъ, непреодолимыя препятствія сдѣлали бы невозможною нашу связь. Кажется, я не напомнила вамъ о самомъ важномъ; теперь же должна это сдѣлать, дабы вы убѣдились, что дѣло серьезно. Знайте же, что, прежде чѣмъ я покинула недавно Батъ, отказавъ изъ-за васъ сэру Ѳомѣ Клерджау и другимъ со-

стоятельнымъ господамъ, я въ душевной тоскѣ, исполненная раскаянія и гнѣва, дала передъ своими родителями священный обѣтъ на колѣняхъ никогда добровольно не сдѣлаться вашею женою, что бы ни произошло. Отецъ мой воспользовался моимъ настроеніемъ и вынудилъ у меня обѣщаніе выйти за перваго мужчину съ безупречнымъ характеромъ, если онъ попроситъ моей руки. Потомъ я, правда, раскаялась, такъ какъ у меня не было намѣренія отдаваться другому, хотя я твердо рѣшилась не быть вашею женою. Я утѣшилась, что моей руки никто спрашивать не будетъ, но ошиблась.

«Одинъ лондонскій господинъ выразилъ моему отцу желаніе жениться на мнѣ, а отецъ напомнилъ мнѣ о моемъ обѣщаніи. Мнѣ ничего другого не оставалось, какъ позволить этому господину побывать у насъ. Онъ уже былъ у насъ два-три раза. Онъ немолодъ, но довольно почтенная особа. Увидѣвъ, что отецъ мой не шутитъ, я рѣшила познакомить своего воздыхателя со всѣми подробностями своей жизни, чтобы напугать его, и не скрыла отъ него нашего фиктивнаго брака, заключеннаго священникомъ деревеньки недалеко отъ Калэ. Но я достигла противоположнаго: онъ продолжаетъ просить моей руки».

Вскорѣ послѣ этого Елизавета уѣхала въ Лондонъ для участія въ концертахъ. Чтобы видѣть ее, Шериданъ прибѣгалъ къ романтическимъ средствамъ, переодѣвался извозчикомъ и нѣсколько разъ возилъ ее въ церковь. Любовь, наконецъ, побѣдила и годъ спустя послѣ совмѣстнаго бѣгства въ Калэ очаровательная дѣвушка была ввѣрена ея галантному покровителю.

Девятнадцать лѣтъ продолжалось семейное счастіе Шеридана, обязаннаго имъ исключительно женѣ. Мужъ говоритъ о ней: «Рѣдко можно найти въ одномъ женскомъ существѣ всѣ качества, радующія глазъ и сердце, въ такой степени, какъ въ этой обворожительной женщинѣ. Нельзя не восхищаться при видѣ ея и, зная ее, нельзя не любить». И дѣйствительно, сколько терпѣнія обнаружила она по отношенію къ многочисленнымъ странностямъ своего мужа! Когда онъ составлялъ свою знаменитую рѣчь противъ Уоррена Гастинга, жена переписывала ее, собирала нужныя справки и т. д., а когда, наконецъ, рѣчь была произнесена и произвела большой эффектъ, она отъ радости почувствовала боль въ сердцѣ. Едва ораторъ кончилъ, какъ лэди Лэкенъ обратилась къ женѣ Шеридана, державшей руку на груди, въ которой сильно билось сердце:

— Вы должны считать себя счастливою, что нравитесь человѣку, который всѣмъ нравится.

Къ чести Шеридана нужно сказать, что онъ умѣлъ цѣнить и любить «соединительное звено между женщиною и ангеломъ», какъ онъ называлъ свою жену, хотя иногда и давалъ ей поводъ къ ревности. Во время ея послѣдней тяжкой болѣзни онъ не оставлялъ ея ни на минуту, ухаживая за нею съ самоотверженностью, а когда она умерла, долго не могъ утѣшиться.

Черезъ три года Шериданъ женился вторично, взявъ себѣ въ жены дочь винчестерскаго декана Эсѳирь Оль. Ему въ то время было 42 года, невѣстѣ 20 лѣтъ. Говорятъ, что, увидѣвъ въ первый разъ Шеридана, Эсѳирь воскликнула:

— Прочь отъ этого чудовища, отъ этого ужаснаго созданія!

Это подстрекнуло Шеридана и онъ пустилъ въ ходъ всю свою неотразимую власть надъ женщинами. Дѣвушка въ концѣ концовъ согласилась быть его женою. Она получила приданое въ 5.000 ф., а женихъ выдалъ ей 15.000 ф. Всѣ эти деньги она быстро истратила, такъ какъ была легкомысленнымъ и капризнымъ существомъ и то-и-дѣло мѣняла квартиры и лошадей. Терпѣніе Шеридана было неистощимо даже въ тѣхъ случаяхъ, когда жена его упрекала въ томъ, что онъ не умѣетъ обращаться съ деньгами. Однажды онъ послалъ ей письмо, въ которомъ защищалъ себя противъ этого обвиненія на двадцати четырехъ тѣсно исписанныхъ страницахъ.

Вкусы Шеридана и его жены рѣдко совпадали. Въ одномъ только они сошлись—въ любви къ общему сыну Шарлю и къ сыну Шеридана Тому. Тѣмъ не менѣе жена Шеридана всегда восхищалась своимъ мужемъ. «О талантахъ своего мужа,—писала она однажды,—я говорить ничего не буду; но что онъ превосходнѣйшій и честнѣйшій человѣкъ во всей Англіи, это я скажу!».

Шериданъ изобрѣталъ для своей жены курьезнѣйшія ласковыя имена. Свои письма къ ней онъ также оканчивалъ курьезными замѣчаніями, напримѣръ: «Да благословитъ Богъ твой низкій лобъ», «да благословитъ Богъ ямочки на твоихъ локтяхъ», «будь благословенна съ ногъ до головы для и для». Глаза ея, которыми онъ больше всего восхищался, онъ называлъ зелеными. Однажды онъ сравнилъ ихъ съ «блестящими смарагдами», въ другой разъ съ «зелеными жемчужинами». Во время отсутствія онъ просилъ посылать ему ежедневно письма, а когда однажды письма не получилось, онъ писалъ ей: «Великій Боже! Сегодня ни одной строки отъ тебя! Если бы мнѣ голосъ съ неба сказалъ, что земное существо будетъ со мною такъ обращаться, я никогда не повѣрилъ бы!».

На одно такое письмо жена ему разъ отвѣтила, что ей не о чемъ было писать, но прибавила: «Прошу тебя, дорогой Шериданъ, написать мнѣ, такъ какъ твои письма дороже мнѣ всего... О, Шериданъ, если бы ты здѣсь былъ, то твоя Гекка считала бы себя совсѣмъ счастливою... Насколько ты лучше всего на свѣтѣ и какъ я тебя люблю! Я хочу ненавидѣть все, что ты ненавидишь, и любить все, что ты любишь!».

Второй бракъ повліялъ оздоравливающимъ образомъ на Шеридана. Онъ помолодѣлъ. И тѣмъ не менѣе «Геккѣ» приходилось переживать такія же непріятныя минуты, какъ и ея предшественницѣ: мужъ ея былъ всегда въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и прибѣгалъ ко всякимъ искуснымъ пріемамъ, чтобы выйти изъ нихъ. Какъ ни легкомысленъ былъ онъ со своими собственными долгами, его занимала мысль о томъ, чтобы Томъ, сынъ отъ перваго брака, женился на богатой дѣвушкѣ и тѣмъ оградилъ себя отъ грустнаго существованія. Томъ, однако, предпочелъ бѣдную дѣвушку. Истощивъ всѣ свои аргументы, Шериданъ заявилъ сыну, что если онъ дѣйствительно женится на этой бѣдной дѣвушкѣ, то лишитъ его наслѣдства, т. е., по англійскимъ законамъ, завѣщаетъ ему только одинъ шиллингъ.

— Но, папа,—отвѣчалъ со смѣхомъ сынъ,—вѣдь тебѣ нужно занять его раньше!..

Лудвигъ Берне.

Чтобы познакомиться съ первой любовью Лудвига Берне, этого мужественнѣйшаго и благороднѣйшаго представителя молодой Германіи первой четверти XIX столѣтія, намъ нужно было бы подробно остановиться на литературно-философскихъ кружкахъ Берлина, являвшихся въ то время средоточіемъ умственной и политической жизни Германіи. Во главѣ этихъ кружковъ стояли просвѣщенныя еврейки, какъ Рахиль фонъ-Фарнгагенъ, съ которою мы познакомились выше, въ главѣ о Гейне, или какъ Генріетта Герцъ. Кружокъ Рахили выбралъ главнымъ предметомъ культа Гёте и довелъ его до той степени напряженія, гдѣ кончается восторгъ, чтобы замѣниться безумствомъ. Каждая фраза, каждое слово великаго олимпійца признавались откровеніемъ. Гёте былъ внѣ спора. Даже явно слабыя его вещи превозносились до небесъ. Этого односторонняго увлеченія былъ чуждъ кружокъ Генріетты Герцъ, красивой, талантливой дочери еврейскаго врача де-Лемоса, подруги Шлейермахера, который послѣ смерти ея мужа, Марка Герца, и строго религіозной матери обратилъ ее въ христіанство, самъ же преподавъ ей начала христіанской религіи. Въ ея салонѣ собирались сливки тогдашней умственной аристократіи: Гумбольдты, Шлегели и другіе. Бывалъ тамъ и Берне. Онъ попалъ въ ея салонъ почти тотчасъ же по пріѣздѣ въ Берлинъ изъ своего Франкфурта, родного города многихъ германскихъ знаменитостей, и хотя Генріеттѣ было въ то время уже 38 лѣтъ, онъ воспылалъ къ ней сильной страстью, на которую только способенъ мужчина его возраста. «Я не веселъ и не печаленъ,—писалъ онъ вскорѣ послѣ того, какъ встрѣтился съ предметомъ своей страсти,—мое сердце бьется медленными сильными ударами». Черезъ мѣсяцъ чувство его уже выразилось опредѣленнѣе: «Я чувствую, что горю и все мое существо измѣнилось... Когда она читала «Ифигенію», я съ трудомъ удерживалъ слезы. Я не слушалъ словъ, я замѣчалъ только ея выраженіе. Боже мой, зачѣмъ люди стыдятся плакать?». Долго крѣпился молодой писатель, въ душѣ котораго не начинали еще пробуждаться бурные громы будущаго, и, наконецъ, не выдержавъ, признался ей въ любви. «Ваша красота, ваша любезность, ваше дружеское ко мнѣ участіе давно уже зажгли въ моей груди страсть, которая сдѣлаетъ меня счастливымъ или несчастнымъ, которая будетъ для меня пагубна или благодатна, смотря по тому, какъ вы захотите или какъ судьба это рѣшитъ. Ваша любовь къ людямъ служитъ мнѣ залогомъ того, что вы не станете сердиться, ваше доброе сердце заставляетъ меня надѣяться, что вы будете терпѣть меня, но во мнѣ нѣтъ никакихъ достоинствъ, и это отнимаетъ у меня всякую надежду».

Конечно, Генріетта отнеслась къ любви пылкаго юнца такъ, какъ сдѣлала бы всякая разумная женщина на ея мѣстѣ. Но зато она тотчасъ же замѣтила, что изъ этого неукрощеннаго житейскою дисциплиною юноши выйдетъ знаменитый писатель, и всячески старалась содѣйствовать этому. Берне до конца дней своихъ сохранилъ о ней самое свѣтлое воспоминаніе, переписывался съ нею, пользовался ея совѣтами. Когда черезъ двадцать почти лѣтъ послѣ отъѣзда изъ Берлина ему пришлось вернуться въ этотъ городъ, первый визитъ былъ имъ сдѣланъ предмету первой страсти, которой, къ слову сказать, въ то время уже было 64 года...

Не такъ началась и не такъ кончилась другая любовь Берне, сильная, могучая, всесокрушающая по своему существу, благодѣтельная по своимъ послѣдствіямъ,—любовь къ г-жѣ Воль. Въ своей обширной оцѣнкѣ литературной дѣятельности и жизни германскаго публициста Е. Утинъ *) высказываетъ по поводу этой любви странную мысль: «Какого рода были отношенія между Берне и г-жею Воль,—пишетъ онъ,—до этого, собственно говоря, никому нѣтъ никакого дѣла. Людямъ мало того, что они считаютъ своимъ неотъемлемымъ правомъ проникать въ частную интимную жизнь писателя, нѣтъ, имъ нужно еще докапываться до самаго дна, до самыхъ сокровенныхъ тайнъ, тайнъ ни для кого не интересныхъ и принадлежащихъ исключительно одному человѣку. По какому праву люди такъ безцеремонно обращаются съ сердечною внутреннею жизнью человѣка, этого никогда никому не понять. Жилъ ли Берне съ г-жею Воль, или не жилъ онъ съ нею, это, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется, должно быть совершенно безразлично для всѣхъ и не имѣетъ никакого значенія ни для знакомства съ литературною дѣятельностью Берне, ни для знакомства даже съ его частною жизнью» **). Это то же, какъ если бы сказать: совершеннно безразлично, воспользовался ли преступникъ похищенными у убитой имъ жертвы драгоцѣнностями или не воспользовался. Конечно, убійство остается и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, но какая разница въ характерѣ ихъ! Раскольниковъ убилъ старуху, но не воспользовался захваченными вещами, которыми могъ воспользоваться, потому что онѣ были у него, и убилъ заправскій злодѣй, для котораго ломъ и топоръ—кормильцы. Дѣло именно въ томъ, что пользованіе любовью, какъ конечная грань влеченія, основаннаго на сродствѣ душъ или тождествѣ характеровъ, есть тотъ пунктъ, при отсутствіи котораго не было бы и самого стремленія. Пуля летитъ къ цѣли, къ которой она направлена, и только въ этомъ случаѣ мы слѣдимъ за ея полетомъ и удивляемся мѣткости стрѣлка въ случаѣ удачи. Выстрѣлы на воздухъ, безъ всякой цѣли, не обратятъ на себя ничьего вниманія, за исключеніемъ, можетъ быть, городового. То же нужно сказать и объ отношеніяхъ писателей, мыслителей, художниковъ и другихъ носителей культурныхъ началъ цивилизованнаго общества къ женщинамъ. Обладаніе любимымъ предметомъ являлось для нихъ всегда не только физіологической потребностью, но и импульсомъ къ творчеству. Вспомнимъ великолѣпный примѣръ Абеляра и Элоизы, съ отношеніями которыхъ мы познакомимся ниже: они сдѣлались совершенно другими людьми, когда перестали существовать другъ для друга, какъ мужчина и женщина...

Въ Германіи, гдѣ, благодаря примѣрамъ Гёте, Шиллера и другихъ корифеевъ отечественной письменности, отлично понимали, что значитъ для вопроса о литературномъ вліяніи женщины вопросъ объ истинномъ характерѣ ея отношеній къ литератору, любовь Берне и г-жи Воль подняла цѣлую бурю. Самъ Гейне не устоялъ и разоблачилъ многія тайны, не пощадивъ даже чести женщины, бывшей еще въ живыхъ.

Не будь истинной любви между ними, не было бы многихъ произве-

*) Е. Утинъ. «Политическая литература въ Германіи».—«Изъ литературы и жизни». Т. I. Первоначально помѣщена въ «В. Е.» 1870 г., №№ 4, 11 и 12.

**) «В. Е.», 1870, іюль, стр. 281.

деній Берне, не было бы, можетъ быть, его главнаго произведенія—«Парижскихъ писемъ», писанныхъ г-жѣ Воль. Она вышла замужъ за человѣка, который не понималъ ея и вообще не подходилъ къ ея высшей натурѣ, вслѣдствіе чего она покинула его въ очень скоромъ времени. Тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ отдалась она молодому, пылкому, благородному борцу за свободу, который могъ его вывести на широкую арену жизни и для котораго она сама могла быть помощницею, сподвижницею, товарищемъ. Самъ Утинъ признается, что г-жа Воль была для Берне «литературнымъ судьею», ни одна строчка не выходила въ свѣтъ безъ того, чтобы онъ сначала не прочелъ ея своему другу, а она была взыскательна и строга и всегда требовала, вѣроятно, предполагая, что его переписка со временемъ должна сдѣлаться извѣстною, чтобы его письма даже были «хорошо написаны и интересны». Она постоянно принуждала его работать, писать, бранила, когда онъ лѣнился, не давала ему покоя, пока онъ не кончитъ какой-нибудь начатой статьи. Нужно ли прибавлять, что ничего этого не могло бы быть, если бы между Берне и г-жею Воль существовали платоническія отношенія, и не свидѣтельствуютъ ли одни уже эти факты, какъ важно для исторіи литературной дѣятельности того или другого выдающагося писателя знать, пѣлъ ли онъ своей возлюбленной пѣсни, полныя страсти и огня, или, по выраженію Гетѣ *), онъ пѣлъ, «какъ птица межъ вѣтвей, вольна и солнцу рада»?

Отмѣтимъ для полноты, что Берне и г-жа Воль не сдѣлались мужемъ и женою, хотя были свободны и могли освятить свои отношенія, Въ то время, какъ страсть ихъ достигла апогея, онъ былъ уже христіаниномъ, она же продолжала быть еврейкою. Бракъ былъ невозможенъ.

Жанъ-Поль Рихтеръ.

«Женская душа, какъ и женское тѣло, всегда въ корсетѣ», сказалъ однажды Жанъ-Поль Рихтеръ. Къ этому нужно только прибавить, что корсетъ, затягивавшій души женщинъ, съ которыми приходилось встрѣчаться этому нѣмецкому писателю, далеко не отличался твердостью и упругостью, присущими настоящимъ корсетамъ.

Послѣ долгаго и бурнаго плаванія по морю жизни Жанъ-Поль Рихтеръ вошелъ въ тихую гавань семейнаго счастія. Ему было въ то время 38 лѣтъ. Каролина Мейеръ, дочь одного прусскаго офицера, была миловидною дѣвушкою, отличавшеюся всѣми добродѣтелями истинной нѣмки. Чистая сердцемъ, она любила свою семью и жила думами въ области прекрасныхъ и возвышенныхъ идеаловъ. Жанъ-Полю были знакомы женщины, умѣвшія одѣваться съ большимъ вкусомъ, женщины, бесѣда которыхъ отличалась большимъ умомъ, которыя и съ внѣшней стороны уступали многимъ красавицамъ, но ни одна изъ нихъ не удовлетворяла знаменитаго писателя. Каролина оказалась дѣвушкою, въ которой воплотился его идеалъ Она, по его словамъ, «была проникнута тою несказанною любовью ко всѣмъ существамъ въ мірѣ, которой я до сихъ поръ не находилъ въ женщинахъ, обладавшихъ чистотою и совершенствомъ алмаза». Дѣвушка эта сразу привязалась къ Рихтеру. Любовь ея граничила съ поклоненіемъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы она писала отцу: «Рихтеръ—самый чистый, самый святой и богоподобный человѣкъ въ мірѣ. Если бы другіе могли

*) Въ стихотвореніи „Пѣвецъ“.

заглянуть внутрь его такъ, какъ я, съ какимъ тогда еще большимъ уваженіемъ стали бы относиться къ нему!».

Въ свою очередь и Рихтеръ писалъ своему другу Атто: «Съ тѣхъ поръ, какъ мы поженились, моя любовь къ Каролинѣ сдѣлалась еще болѣе романтическою, еще болѣе глубокою и безконечною, чѣмъ прежде. Врядъ ли можешь себѣ представить, въ какомъ я былъ волненіи, когда мамка подала мнѣ «мою вторую любовь», утопающую въ кружевахъ. Большіе голубые глаза, красивый высокій лобъ, губки, предназначенныя для поцѣлуевъ, меня привели въ восхищеніе! Богъ присутствуетъ недалеко при рожденіи всякаго ребенка!». Когда Каролина праздновала въ домѣ мужа первый день своего рожденія, Рихтеръ писалъ ей: «Я хочу быть для тебя отцомъ и матерью. Ты должна быть счастливѣйшимъ существомъ въ мірѣ, дабы и я могъ быть счастливымъ!».

Густавъ Фрейтагъ.

Знаменитый декламаторъ Александръ Стракошъ могъ съ полнымъ правомъ повторить классическую фразу: «Боже, храни меня отъ друзей, а съ врагами я самъ справлюсь!», когда Густавъ Фрейтагъ похитилъ у него жену. Курьезнѣе всего тутъ было то, что извѣстный писатель уже былъ старикомъ въ то время, когда согрѣшилъ противъ десятой заповѣди, запрещающей зариться на чужую жену.

По словамъ вѣнскаго фельетониста Сигизмунда Шлезингера, дѣло произошло слѣдующимъ образомъ. Анна Стракошъ была пикантная женщина, обладавшая къ тому же недюжиннымъ умомъ. Въ Вибладенѣ, гдѣ Стракошъ выступалъ въ качествѣ учителя декламаціи, она познакомилась съ Фрейтагомъ, который вскорѣ сдѣлался другомъ ея дома. Въ короткое время писатель и декламаторъ сдѣлались близкими друзьями, до того близкими, что, когда Стракошъ предпринялъ артистическое турнэ по Америкѣ, Фрейтагъ помѣстилъ въ американскихъ газетахъ открытое письмо, въ которомъ расхваливалъ искусство своего друга въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. И въ письмахъ къ Стракошу знаменитый писатель не скупился на восторженныя выраженія, увѣряя его въ искренней дружбѣ и привязанности. Конечно, во всемъ этомъ не было чего-либо предосудительнаго. Фрейтагъ дѣйствительно былъ другомъ Стракоша. Но «рука судьбы», какъ поется въ «Прекрасной Еленѣ», все измѣнила. Фрейтагъ, который никогда не хотѣлъ быть въ Австріи и котораго Лаубе напрасно умолялъ пріѣхать хотя бы на короткое время въ Вѣну, чтобы посмотрѣть какую-нибудь изъ своихъ пьесъ на сценѣ, появился вдругъ въ Бреславлѣ, гдѣ и поселился въ домѣ Стракоша. Недоставало только послѣдняго шага—чтобы жена Стракоша сдѣлалась женою Фрейтага. Это вскорѣ и произошло. Стракошъ не негодовалъ. Онъ добровольно, безъ борьбы уступилъ сопернику женщину, бывшую много лѣтъ его подругою, и даже послѣ разлуки сохранилъ о ней самое хорошее воспоминаніе. Нѣсколько всего лѣтъ прожилъ съ Анною Стракошъ знаменитый писатель и умеръ. Онъ былъ старъ и любовь къ молодой женщинѣ блеснула только прощальною улыбкою на его закатъ печальный.

Морицъ Іокай.

Намъ хотѣлось бы окончить главу о прозаикахъ знаменитымъ венгерскимъ писателемъ Морицомъ Іокаемъ, который продолжаетъ еще здравствовать, но который воздвигъ уже себѣ нерукотворный памятникъ въ исторіи ли-

тературы цѣлымъ рядомъ талантливыхъ произведеній. Чтобы познакомиться съ любовными похожденіями знаменитаго венгерскаго писателя Морица Іокая, намъ нѣтъ надобности рыться въ его біографіи. Онъ самъ разсказалъ ихъ въ будапештской газетѣ «Magyar Nemzet», помѣстивъ въ ней цѣлый рядъ статей подъ названіемъ: «Романъ моей жизни». Іокай женился недавно вторично, несмотря на свой преклонный возрастъ. Мы приведемъ его разсказъ безъ всякихъ комментаріевъ.

«Я женился. Во второй разъ. Вопреки сильнымъ протестамъ, добрыя намѣренія которыхъ признаю. Мой первый бракъ былъ заключенъ пятьдесять одинъ годъ тому назадъ. Какъ сдѣлала это судьба?

«Есть въ исторіи нашего народа число, имѣющее историческое значеніе—15 марта 1848 года. Наканунѣ этого дня нѣсколько мечтательныхъ молодыхъ поэтовъ рѣшили провозгласить на слѣдующій день на публичномъ базарѣ свободу народа, освобожденіе печати и земли, равенство между людьми, преобразованіе Венгріи.

«Я провелъ безпокойную ночь. Добрый и дурной человѣкъ вели между собою во мнѣ упорную борьбу. Первый шепталъ: «Не сходи съ ума, уходи, бѣги домой въ свой родной городъ, въ комнатку, гдѣ стоитъ твоя спокойная кровать, продолжай честное ремесло, за которымъ отецъ твой посѣдѣлъ, и предоставь тѣхъ, которые стремятся къ недостижимымъ идеаламъ, ихъ судьбѣ».

«Если бы я послѣдовалъ совѣту своего дурного друга, который давалъ мнѣ разумный совѣтъ, то мои сто томовъ не были бы написаны, и я, наоборотъ, былъ бы теперь бургомистромъ въ Комарнѣ. Правда, я былъ бы и такъ довольно знаменитымъ человѣкомъ. Но я послушался добраго друга, который далъ мнѣ неразумный совѣтъ, и на слѣдующій день совершилъ поступокъ, пятидесятилѣтній юбилей котораго обошелъ въ прошломъ году весь венгерскій народъ.

«Въ этотъ день мнѣ попалась на сценѣ Роза Лаборфальви. Мы не играли: у насъ была серьезная роль. Намъ нужно было успокоить возбужденое народное море, привести къ разуму безголоваго великана. Тогда и тамъ получилъ я отъ «нея» первый орденъ—кокарду съ лентами національныхъ цвѣтовъ на грудь. Это была наша помолвка. Разъ взявъ его, я отказаться отъ него не могъ. Но мы почувствовали искреннюю, настоящую любовь другъ къ другу. Мы таяли другъ въ другѣ, какъ только это могутъ дѣлать двѣ чистыя души. Одна часть нашла въ другой дополнительную половину собственнаго «я». Мы этого и не скрывали.

«Всѣ, которые меня знали: мои родственники и друзья, предусмотрѣвшіе мою судьбу, знавшіе, что у меня нѣтъ таланта для обмана, для обмана женщины, которую я люблю, что я, беря сердце, даю взамѣнъ свое, и что тамъ, гдѣ платятъ честью, не уплачиваютъ позоромъ,—ну-съ, всѣ дѣлали все, чтобы отклонить отъ меня роковое событіе. Не говорю уже о циническихъ клеветникахъ, которые выставляли мою возлюбленную въ черномъ свѣтѣ,—этихъ я просто прогналъ. Но и всѣ мои доброжелатели умѣли кое что выставить противъ нея.

«Одинъ сдѣлалъ открытіе, что у нея больше долговъ, чѣмъ волосъ на головѣ (а какіе у нея великолѣпные волосы!). Другой хотѣлъ меня

напугать указаніемъ на то, что я хлопочу о холодной, безсердечной женщинѣ, около которой я замерзну. Мой врачъ напомнилъ мнѣ, что я только-что едва оправился отъ опасной для жизни болѣзни. Каждый доказывалъ, что невѣста на семь лѣтъ старше жениха: «Ты—несовершеннолѣтній мальчишка, у тебя еще молоко не обсохло на губахъ, а она—матрона!».

«И всетаки я взялъ себѣ Розу Лаборфальви въ жены. Не дурного друга я послушалъ, который далъ мнѣ умный совѣтъ, а добраго друга, за что меня прозвали дуракомъ. Наконецъ, мои благожелательные друзья прибѣгли къ внушительнѣйшему средству. Мой наилучшій другъ, Александръ Петефи, душа котораго срослась съ моею душою, былъ настолько жестокъ, что привезъ въ Будапештъ мою мать, больную женщину, и мою сестру, которую я люблю больше всѣхъ. Онъ самъ доставилъ ихъ въ уединеніе лѣса на Швабенбергѣ, о которомъ, кромѣ него, никто не имѣлъ понятія. Тамъ я скрывался съ своею невѣстою. Почти за нѣсколько минутъ до ихъ прибытія намъ было сообщено объ этомъ.

«Мы соскочили со стола, стоявшаго подъ деревьями. Столько времени у меня не было, чтобы броситься въ комнату за шляпою. Съ красно-бѣло зеленою комнатною шапкою на головѣ (она сдѣлана была для меня Розою Лаборфальви въ память 15 марта, я храню ее еще и теперь) я побѣжалъ оттуда, держа невѣсту за руку, черезъ кустарникъ, черезъ лѣсъ безъ тропинокъ, въ быстромъ отчаянномъ бѣгѣ.

«Меня преслѣдовали, меня!

«Если даже врагъ преслѣдуетъ кого-либо, то это ужасно; но быть преслѣдуемымъ тѣми, которыхъ любишь!.. Тѣ, которые бѣжали за мною, были: обожаемая мною добрая мать, моя дорогая сестра и мой возлюбленный Александръ Петефи.

«И всетаки Роза Лаборфальви сдѣлалась моею женою. Я привезъ ее въ бѣдную маленькую деревню и тамъ насъ сочетали; нашими брачными свидѣтелями были пономарь и звонарь (деревня называется Пилисъ-Шаба). Каждый бросалъ камни намъ во слѣдъ; только два человѣка этого не дѣлали: одинъ родственникъ и одинъ добрый другъ. Родственникомъ былъ мой добрый братъ Карлъ, написавшій мнѣ въ день, означавшій поворотъ въ моей жизни, латинское письмо, латинское, чтобы женщина не могла его понять: «Хотя ты обманулъ нашу мать, я никогда тебя не оставлю!». И онъ не только обѣщалъ, но и сдержалъ обѣщаніе. Во всѣ дурные дни моей жизни онъ былъ около меня, онъ не покидалъ меня. Добрымъ другомъ былъ Эдуардъ Тилигети, который досталъ нужные для брака документы и прислалъ ихъ мнѣ.

«Таковъ былъ мой бракъ пятьдесятъ одинъ годъ тому назадъ. А женщина, которую каждый хотѣлъ оторвать отъ меня даже силою, она сдѣлалась руководительницею моей судьбы, моимъ вѣрнымъ, любящимъ товарищемъ, моей избавительницей отъ смерти, отъ скитаній, она сдѣлалась участницею моей славы, моей гордостью! Никогда не раскаивался я, что послѣдовалъ совѣту добраго друга: «Соверши эту глупость». Та высшая сила превратила ее въ добро. И полтора года спустя моя дорогая добрая мать сама пришла къ намъ, чтобы на-

звать мою жену «милой дочерью» и пригласить ее въ нашъ старый очагъ, въ коморненскій отцовскій домъ.

«Почему?

«Потому, что она этого заслужила».

ГЛАВА Ш.

Художники.

Рафаэль. — Микель-Анджело. — Леонардо да-Винчи. — Тинторетто. — Тиціанъ. — Андреа дель-Сарто. — Рубенсъ. — Рембрандтъ. — Дюреръ. — Горасъ Вернэ. — Милле. — Гогартъ. — Сенсборо. — Джорджъ Ромней. — Блэкъ. — Стотгардъ. — Констебль. — Альма Тадема.

Достаточно просмотрѣть картины великихъ мастеровъ кисти, чтобы тотчасъ убѣдиться, что представляли женщины для художниковъ. Не подруги только, не временныя или случайныя спутницы на жизненномъ пути ихъ были всѣ эти прекрасныя существа, увѣковѣченныя въ неувядаемыхъ краскахъ. Онѣ были музами, вдохновительницами. И не будь ихъ, не было бы не только великолѣпныхъ портретовъ, на которыхъ онѣ изображены, но не было бы также множества другихъ произведеній, внушенныхъ ими, не было бы, можетъ быть, столькихъ именъ въ грандіозной галереѣ художниковъ, растянувшейся по всей безконечной дорогѣ цивилизованнаго человѣчества, начиная съ Апеллеса и Фидія и кончая прерафаэлитами или импрессіонистами нашего времени.

Форнарина.

Когда рѣчь заходитъ о художникахъ, то мысль невольно переносится въ Италію. Волшебный край! Тамъ жили Рафаэль и Микель-Анджело, тамъ творили да-Винчи, Тинторетто, Тиціанъ—всѣ эти колоссы красокъ и мрамора, произведенія которыхъ останутся вѣчнымъ памятникомъ могущества и широты человѣческаго духа. Но и въ Италіи прежде всего приковываютъ къ себѣ вниманіе мастера прежнихъ временъ, эти удивительные геніи Возрожденія, которые какъ бы похи-

тили огонь съ неба и унесли его съ собою въ могилу. Шестнадцатый вѣкъ... Никогда еще искусство и поэзія не процвѣтали тамъ въ такой степени, какъ въ этотъ радостный, бурный, жизнью и счастіемъ пѣнящійся вѣкъ. Маккіавелли, Корреджіо, Аріосто, Тассо, Рафаэль, Микель-Анджело, Леонардо да-Винчи—ихъ много, не счесть по именамъ. А художницы? А женщины-ораторы, поэтессы, писательницы? Тогда жили и дѣйствовали женщины-скульпторы: Проперція де-Росси и Изабелла Маццони (Проперція обладала даже выходящими изъ ряда познаніями въ рѣдко культивируемой женщинами области искусства—архитектурѣ); художница Ирена Спиллемберго, ученица Тиціана, успѣвшая сдѣлаться гордостью венеціанской школы, несмотря на то, что умерла девятнадцати лѣтъ отъ роду; Пловтилла Нелли, благородная флорентинка, дочь Тинторетто, который изобразилъ на великолѣпной картинѣ ея смерть и свое горе, вызванное этой смертью. Особенно удивительно въ этихъ женщинахъ ихъ умѣніе соединить талантъ съ женственностью. Ни одна изъ нихъ не была «синимъ чулкомъ», ни одна не низводила своего таланта до крайней степени эксцентричности, не терпящей чистаго платья и въ подражаніи общимъ правиламъ обихода усматривающей низменность натуры. Наоборотъ, онѣ всѣ соединяли съ геніальностью изящество, грацію и миловидность. Даже Лукреція Борджіа не было чужда дара истинной женственности. Любовь, красота и поэзія были главными устоями жизни. Люди наслаждались ими полною мѣрою. Они какъ бы впервые послѣ долгаго томительнаго сна снова увидѣли вселенную съ ея красотами и радостями и спѣшили вкусить отъ всего, какъ бы боясь, что опять наступитъ мракъ и надъ озаренною солнцемъ Возрожденія страною опять опустятся густыя средневѣковыя завѣсы.

Рафаэль. Сердечная жизнь Рафаэля была почти неизвѣстна до послѣдняго времени. И тѣмъ не менѣе ни для кого не было тайною, что онъ обладалъ пылкимъ сердцемъ, способнымъ увлекаться, любить, страдать, восхищаться. Въ его произведеніяхъ, обезсмертившихъ его геній, нѣтъ, правда, намека на бурную страсть, клокотавшую въ его груди, но зато его сонеты, огнемъ и неукротимой страстностью дышащіе сонеты раскрываютъ передъ нами картину его внутреннихъ желаній, его стремленій къ женскому существу, его душевныя страданія. Къ сожалѣнію, Рафаэль не выносилъ своихъ любовныхъ чувствъ на улицу. Онъ воспѣвалъ возлюбленныхъ, но тщетно искать въ его сонетахъ имя какой-либо изъ нихъ. И въ письмахъ его ни словомъ не упомянуто объ этомъ. Его друзья и біографы того времени удостовѣряютъ, что Рафаэль страстно любилъ и страстно искалъ любви, но ни одинъ изъ нихъ не указалъ, кто была царицею его сердца, кому посвящалъ онъ свои восторги въ минуты отдыха послѣ великихъ трудовъ, увѣнчавшихъ его имя неувядаемою славою.

Во Флоренцію Рафаэль пріѣхалъ молодымъ человѣкомъ и тамъ, между 1504 и 1508 годами, изъ подъ его кисти вышли удивительныя Мадонны, въ которыхъ красота флорентинокъ нашла себѣ наиболѣе полное выраженіе. Возможно ли, чтобы изъ всѣхъ великолѣпныхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыхъ онъ встрѣчалъ во Флоренціи и изъ которыхъ, несомнѣнно, многія служили для него моделью, ни

одна не заставила его сердце биться тревожно? Мы ничего не знаемъ объ этомъ. Извѣстно только, что онъ питалъ страсть къ какой-то аристократкѣ, которой посвятилъ нѣсколько стихотвореній. Вотъ одно изъ нихъ:

Въ сіяніи лучей твой образъ милый —
Всегда его хранитъ моя душа.
Начну писать и вижу—нѣтъ той силы,
Той прелести... О, какъ ты хороша!
* * *
И кисть моя смѣла, и краски живы,
Но какъ мертвы онѣ передъ тобой!
Какъ этихъ нѣжныхъ лилій, розъ отливы
Изобразить съ такою красотой?... *).

Сикстинская Мадонна.

Рафаэль и Марія Бибіена.

Въ 1508 году Рафаэль переселился въ Римъ, гдѣ ждали его слава, почетъ, уваженіе, богатство. То обстоятельство, что онъ могъ жить, благодаря своимъ огромнымъ доходамъ, по-царски, заставило кардинала Бибіену предложить ему въ жены свою племянницу. Рафаэль не могъ отказаться сразу отъ предложенія, но заявилъ кардиналу, что женится не раньше, какъ черезъ три или четыре года. Онъ не хотѣлъ жениться. По крайней мѣрѣ, онъ былъ равнодушенъ къ племянницѣ, какъ видно изъ письма его къ дядѣ

*) Переводъ стихотворенія, какъ и нижепомѣщеннаго отрывка изъ письма Рафаэля, заимствованъ изъ «Исторіи искусствъ» П. Гнѣдича (Глава «Италія въ эпоху Возрожденія», стр. 176—180.)

Симону, гдѣ говорится: «Вы на меня сердитесь, но вы несправедливы ко мнѣ! Вы знаете, какъ мало у меня времени для писемъ, и я пишу только тогда, когда есть что-нибудь важное. Теперь какъ разъ важныя дѣла—и вотъ я пишу вамъ. Первымъ дѣломъ — моя женитьба. День и ночь я благодарю Бога, что не женился ни на той, кого вы мнѣ сватали, ни на другой, въ этомъ отношеніи я былъ благоразумнѣе васъ. Я думаю, вы теперь сами убѣждены, что женись я, развѣ былъ бы я тѣмъ, чѣмъ есть теперь? У меня домъ въ Римѣ оцѣненъ въ 3.000 дукатовъ, съ доходомъ въ 50 золотыхъ скуди. Его святѣйшество, нашъ папа, далъ мнѣ, какъ главному строителю храма Петра, жалованье въ 300 золотыхъ дукатовъ въ годъ, которое, вѣроятно, со временемъ увеличится. За постороннія работы я беру, что хочу. Теперь я расписываю новую станцу его святѣйшества, и мнѣ придется получить за нее 1.200 дукатовъ. Видите, милый дядя, я не посрамлю ни своей фамиліи, ни родины!

«Кардиналъ Бибіена предложилъ мнѣ жениться на его родственницѣ; я далъ ему слово и нарушить его не могу. Болѣе чѣмъ когда-нибудь насъ связываетъ съ нимъ дружба. О дальнѣйшемъ буду извѣщать васъ; потерпите, и посмотримъ, къ какому концу все это приведетъ; если бракъ не состоится, я готовъ поступать согласно вашей волѣ... Мнѣ знакома въ Римѣ чудесная нравственная дѣвушка изъ почтенной семьи; за ней приданаго 3.000 скуди золотомъ, а въ Римѣ 100 дукатовъ все равно, что вашихъ двѣсти».

Когда пришелъ срокъ, указанный Рафаэлемъ кардиналу Бибіенѣ, художникъ уступилъ его просьбамъ и согласился на помолвку. Послѣдняя состоялась въ 1514 году. До свадьбы, однако, дѣло не дошло, хотя кардиналъ постоянно настаивалъ на этомъ. Его сердце принадлежало другой. «Я побѣжденъ, прикованъ къ великому пламени, которое меня мучитъ и обезсиливаетъ. О, какъ я горю! Ни море, ни рѣки не могутъ потушить этотъ огонь, и всетаки я не могу обходиться безъ него, такъ какъ въ своей страсти я до того счастливъ, что, пламенѣя, хочу еще болѣе пламенѣть». Знаменитый сонетъ, изъ котораго приведены эти строки въ переводѣ, былъ написанъ Рафаэлемъ въ то время, когда онъ былъ женихомъ Маріи Бибіены; но онъ не ей посвященъ и не къ ней относится. Стихотвореніе было написано для необразованной простушки, для дочери булочника, удивительной, очаровательной, но для насъ мало знакомой Форнарины, для которой великій художникъ пренебрегъ племянницею кардинала.

Марія Бибіена умерла въ 1517 году. Когда годъ спустя Рафаэль лежалъ на смертномъ одрѣ, его, очевидно, мучили угрызенія совѣсти, такъ какъ онъ потребовалъ, чтобы его похоронили рядомъ съ бывшею невѣстою. Желаніе это не было исполнено, тѣмъ не менѣе рядомъ съ могилою Рафаэля въ Пантеонѣ поставленъ памятникъ и Маріи Бабіенѣ.

Рафаэль и Форнарина.

Кто, однако, была таинственная дѣвушка, съ которою Рафаэль провелъ лучшіе годы жизни, которую онъ воспѣлъ въ столь пламенныхъ выраженіяхъ въ своихъ сонетахъ и въ угоду которой откладывалъ бракъ съ Маріею Бибіеною? Современники Рафаэля только мимоходомъ упоминаютъ о ней

въ своихъ біографіяхъ, какъ о любовницѣ художника. Никто изъ нихъ не называетъ ея имени, не указываетъ даже, къ какому классу она принадлежала.

На одно только мгновеніе выплываетъ изъ густого мрака образъ очаровательной незнакомки, да и то тогда, когда Рафаэль былъ при смерти. Ученики и друзья художника собрались вокругъ его смертнаго одра и плакали. Его возлюбленная стояла на колѣняхъ у его постели. Она хотѣла громко молиться, но слезы душили ее и она въ отчаяніи закрыла лицо руками. Вдругъ открылась дверь и вошелъ посолъ папы, чтобы передать умирающему благословеніе главы римской церкви. Увидѣвъ стоящую на колѣняхъ женщину, посолъ приказалъ удалить ее, такъ какъ онъ не могъ передать отходящему въ вѣчный міръ Рафаэлю папское напутствіе въ присутствіи дѣвушки, жившей съ нимъ въ преступной любви. Дѣвушкѣ предложили уйти, но она судорожно ухватилась за ножки кровати. Пришлось употребить силу. Дѣвушка была удалена. Рафаэль принялъ папское благословеніе и, вспомнивъ съ раскаяніемъ о невѣстѣ, жизнь которой была имъ разбита, испустилъ духъ. Вотъ все, что оставили современники о любви Рафаэля къ Форнаринѣ, бросившей изъ страсти къ художнику родителей и поселившейся въ его домѣ.

Вокругъ имени Рафаэля и его возлюбленной составилось много легендъ, но записываться онѣ стали только черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти. Имя дѣвушки, которую любилъ великій художникъ, попрежнему осталось неизвѣстнымъ. Въ легендахъ говорилось только о «Форнаринѣ», о булочницѣ. Такъ ее и стали называть послѣ. Булочная ея отца находилась недалеко отъ церкви св. Цециліи. Около нея былъ садикъ. Тамъ, въ этомъ садикѣ, часто сидѣла Форнарина, и такъ какъ молва о ея красотѣ распространилась по всему Риму, то мимо садика то-и-дѣло блуждали молодые люди, преимущественно художники. Рафаэль, которому по пріѣздѣ въ Римъ было 25 лѣтъ, не могъ, конечно, быть исключеніемъ и при первомъ же взглядѣ на красавицу-булочницу тотчасъ же воспылалъ къ ней неукротимой страстью. Можно, конечно, думать, что между великимъ живописцемъ и скромной дѣвушкой завязались такія же отношенія, какъ между Фаустомъ и Маргаритою. Но это ошибка. Форнарина далеко не цѣнила великаго таланта человѣка, къ которому сама привязалась со всѣмъ пыломъ молодой страсти. Всѣ ея мысли были сосредоточены только на красивыхъ платьяхъ, на маскарадныхъ удовольствіяхъ и на любви къ своему любовнику.

Одновременно съ именемъ долгое время не знали также и портрета Форнарины. Еще недавно портретомъ Форнарины слыла красивая женская головка работы Рафаэля въ галереѣ Уффици, во Флоренціи. Теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію, что портретъ этотъ вовсе не принадлежитъ кисти Рафаэля (полагаютъ, что онъ написанъ Фра-Себастіано) и изображаетъ одну куртизанку, по имени Беатриче ди-Феррара. Другіе знатоки Рафаэля придерживались мнѣнія, что Рафаэль увѣковѣчилъ свою возлюбленную на портретѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «La donna velata»—женщины съ вуалью (онъ находится въ галереѣ Питти во Флоренціи). Только благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ и, главнымъ образомъ, благодаря римскому художественному

критику Антоніо Валери, работа котораго впервые появилась три года тому назадъ въ римскомъ журналѣ «La Vita italiana», мы знаемъ настоящій портретъ Форнарины. Описать ея черты — излишне: онѣ извѣстны всѣмъ. Форнарина—это Сикстинская Мадонна. Для нея, для этого величайшаго изъ произведеній величайшаго художника, служила моделью дочь простого булочника! Милое личико дѣвушки съ благородными чертами, дышащее безыскусственною свѣжестью, искренностью и внутренней любовью, превратилось подъ геніальной кистью Рафаэля въ удивительную Мадонну, спокойно шествующую въ небесахъ съ своею божественною ношею—младенцемъ Христомъ на рукахъ. Жуковскій въ избыткѣ восторга назвалъ эту Мадонну «одушевленнымъ престоломъ Божіимъ, чувствующимъ величіе сидящаго». Любовь Форнарины была нѣкоторымъ образомъ также престоломъ для божественнаго генія Рафаэля, такъ какъ благодаря ей, благодаря ея вліянію, выразившемуся не въ непосредственныхъ указаніяхъ и совѣтахъ, которыхъ она дать не могла, а въ способности вызвать необычайный подъемъ духа, въ умѣніи близостью своею одухотворить работу возлюбленнаго, Рафаэль поднялся на недосягаемую высоту художественнаго совершенства.

Разъ мы знаемъ портретъ Форнарины («Святая Цецилія» также напоминаетъ ее), мы знаемъ также и ея душу, потому что Рафаэль обладалъ рѣдкимъ даромъ отражать душу въ чертахъ лица. У Форнарины былъ прекрасный полный бюстъ римлянки. Она не отличалась страстнымъ темпераментомъ. Основными свойствами ея характера были искренность и преданность. Умъ не сквозитъ въ ея глазахъ, но зато въ нихъ, какъ и на всемъ лицѣ, видно глубокое чувство. Она была скорѣе нѣмецкою Гретхенъ, чѣмъ итальянскою Ниною.

Благодаря Валери, мы знаемъ теперь также и настоящее имя Форнарины: ее звали Маргаритою Лути. Итальянскій изслѣдователь нашелъ его въ одной изъ рукописей флорентійской библіотеки и въ спискѣ монахинь одного монастыря, куда бѣдная дѣвушка поступила послѣ безвременной смерти своего возлюбленнаго.

Микель-Анджело.

Если оставить въ сторонѣ Викторію Колонну, съ которою Микель-Анджело встрѣтился въ то время, когда онъ уже остылъ для страсти подъ вліяніемъ возраста, то надо признаться, что сердечная жизнь этого титана Возрожденія также покрыта мракомъ неизвѣстности. Въ одномъ сонетѣ, написанномъ въ 1508 году, онъ говоритъ о красотѣ какой-то дѣвушки, завладѣвшей всѣмъ его существомъ. Дѣвушка эта—жительница Болоньи. Она произвела на него большое впечатлѣніе, но никакихъ свѣдѣній о ней нѣтъ. По всей вѣроятности, она была предметомъ мимолетнаго увлеченія, которое ничѣмъ не кончилось, какъ и всѣ другія его увлеченія.

Въ этомъ отношеніи Микель-Анджело представляетъ полную противоположность Рафаэлю. Творецъ Сикстинской Мадонны остался до конца дней своихъ веселымъ, жизнерадостнымъ юношею, геній котораго открывалъ для него сердца всѣхъ женщинъ, попадавшихся ему на жизненномъ пути. Для того, чтобы понравиться Рафаэлю, женщинѣ достаточно было обладать свѣжимъ личикомъ. Ума женскаго ему не нужно было. Оттого-то ему и не приходилось искать любви. Она сама шла къ нему навстрѣчу. Его великій соперникъ, наоборотъ, искалъ

любви всю жизнь. Поэтому-то онъ, подобно Бетховену, не могъ найти женщины, которую такъ страстно жаждалъ, которой онъ могъ бы посвятить всего себя. Не былъ ли этому причиною ударъ въ лицо, полученный имъ въ дѣтствѣ, ударъ, который, какъ извѣстно, обезобразилъ его на всю жизнь? Флорентійскія и римскія женщины, несомнѣнно, раздѣляли слабости женщинъ всѣхъ временъ и народовъ и въ ихъ глазахъ красивый мужчина, конечно, былъ предпочтительнѣе некрасиваго; но мало ли примѣровъ, когда безобразіе мужчины не только не служитъ отталкивающимъ элементомъ, но, наоборотъ, окружаетъ его ореоломъ особой прелести для женщины! Нѣтъ, не безобразіе Микель-Анджело было причиною его неудачныхъ исканій въ области любви. Онъ былъ слишкомъ великъ для женщинъ. Онъ хотѣлъ чувства, которое равнялось бы его чувству, а этого, конечно, онъ найти не могъ. Въ исторіи только рѣдко встрѣчаются примѣры, когда великій мужчина встрѣчается съ великой женщиной и заключаетъ съ нею союзъ тѣсной дружбы. Гораздо чаще противоположные примѣры, примѣры дружбы между великими дѣятелями въ области культуры и полными умственными ничтожествами, не обладающими къ тому же даже добрымъ сердцемъ, которое искупило бы отсутствіе у нихъ идейныхъ интересовъ.

Викторія Колонна.

Обратимся, поэтому, къ Викторіи Колоннѣ, женщинѣ, достойной великаго создателя Ватикана, но попавшейся ему на глаза слишкомъ поздно, почти на закатѣ дней, когда и жизнь, и могучій геній его уже клонились къ печальному концу—къ могилѣ.

Микель-Анджело и Викторія Колонна.

Возрожденіе, какъ сказано выше, дало много великихъ женщинъ, прославившихся въ области литературы и искусства; но ни одна изъ нихъ не поднялась на такую высоту, какъ Викторія Колонна, знаменитая поэтесса и подруга одного изъ величайшихъ мастеровъ кисти—Микель-Анджело. Она родилась въ 1490 году въ Марино и уже четырехъ лѣтъ отъ роду была помолвлена съ д'Авалосомъ, маркизомъ Пескарою. Дѣвочка такъ привязалась къ своему жениху, что влюбилась въ него не на шутку, не разъ отвергая для него предложенія высокопоставленныхъ особъ. Любовь увѣнчалась счастливымъ бракомъ, который, однако, продолжался недолго, такъ какъ мужъ ея былъ убитъ въ сраженіи подъ Павіею (1525 г.). Колонна оплакала его смерть въ звучныхъ стихотвореніяхъ, искренность и красота которыхъ тѣмъ болѣе были трогательны, что только любовь къ мужу пробудила въ ней поэтическія наклонности. Горе ея было неописуемо. Она собиралась даже по-

стричься. Счастіе, казалось, покинуло ее навсегда. Но оно вернулось къ ней, когда она неожиданно встрѣтилась съ Микель-Анджело.

Что представляла собою Викторія Колонна, какъ личность? «Она,— говоритъ Германъ Гриммъ, одинъ изъ лучшихъ біографовъ Микель-Анджело,—одна изъ самыхъ знатныхъ и знаменитыхъ женщинъ во всемъ мірѣ. Красота, чистота образа жизни, знаніе латинскаго языка,— словомъ, ее украшаютъ всѣ добродѣтели, которыя служатъ похвалою для женщины. Пресыщенная блестящею жизнію, которую вела когда-то, она послѣ смерти мужа отдалась всецѣло мысли о Христѣ и наукахъ, поддерживала нуждающихся женщинъ и служила образцомъ истинно-католическаго благочестія. Столь же кротко,—продолжаетъ Гриммъ, -она совершила въ Неаполѣ свой первый опытъ, превративъ племянника своего мужа, молодого д'Авалоса, того именно д'Авалоса, который подъ Волтеррою боролся противъ Ферручіо, изъ дикаго, необузданнаго юнца въ мужа, любящаго искусство и науки. Она гордилась тѣмъ, что это сдѣлала. И какъ нѣжно пользовалась она своею властью надъ Микель-Анджело, съ которымъ другими средствами ничего нельзя было подѣлать, которому она теперь въ первый разъ внушила счастіе согнуть выю передъ женщиною и для котораго она превратила годы, проведенные ею въ Римѣ, въ періодъ счастія, бывшаго до тѣхъ поръ ему чуждымъ... Она стояла во главѣ партіи, которой, повидимому, принадлежало будущее. Если бы ея друзья имѣли такой же успѣхъ, то имя Викторіи было бы теперь окружено еще бо́льшимъ блескомъ. Она, Рената Феррарская и Маргарита Наваррская, — всѣ три, связанныя дружбою и находившіяся въ постоянныхъ сношеніяхъ, составляли тріумвиратъ женщинъ, подъ предводительствомъ которыхъ вся образованная Италія вступила тогда въ борьбу. Стоило только Поло или Контарини достигнуть послѣ смерти Павла высшей власти—а на это оба могли разсчитывать,—и побѣда была бы одержана. Эти надежды возбуждали и возвышали Викторію. Послѣ долгихъ лѣтъ печали и одиночества и для нея, повидимому, началось новое время. Въ 1538 году были впервые напечатаны ея стихотворенія. Въ Феррарѣ она приняла привѣтствія двора, всецѣло склоннаго признавать идейныя заслуги. Аріосто увѣковѣчилъ это время своими стихотвореніями, посвященными Викторіи. Вернувшись въ Римъ, она была встрѣчена тамъ другомъ съ большой радостью. Это продолжалось пять лѣтъ, несомнѣнно самыя счастливыя въ жизни Микель-Анджело».

Викторія Колонна была единомышленницею Диры Оркино, того именно человѣка, который явился въ Италіи представителемъ болѣе свободнаго направленія въ области мысли. Въ то время, когда Карлъ V выпустилъ приказъ, по которому не только всѣмъ еретикамъ, но даже и тѣмъ, которые приходили въ соприкосновеніе съ еретиками, грозило поплатиться жизнью и имуществомъ, Оркино считалъ его въ числѣ своихъ слушателей и поклонниковъ, искусно умѣвъ скрывать свои внутреннія мысли. Благодаря, вѣроятно, вліянію Викторіи, онъ былъ самимъ папою назначенъ духовникомъ и призванъ въ Римъ. «Она,—говоритъ Гриммъ,—дочь Фабриціо Колонны и вдова маркиза Пескары, мечтавшаго сдѣлаться неаполитанскимъ королемъ, играла здѣсь, равная высшимъ представителямъ дворянства въ Европѣ, огром-

чую роль. Папа оказалъ ей пріемъ, приличествующій царственной особѣ ея ранга. Императоръ посѣщалъ ее въ ея дворцѣ во время своего пребыванія въ Римѣ, и если кого-либо не привязывалъ къ ней интересъ къ реформамъ въ области мысли, то притягательной для него силой были ея красота, любезность и то, что современники просто называли ея ученостью. Считаться ея другомъ, почитателемъ и протеже было гордостью».

Микель-Анджело послалъ ей однажды набросокъ, изображавшій Распятіе. Викторія должна была одобрить его и отослать назадъ, послѣ чего художникъ взялся бы за работу. Набросокъ, однако, ей до того понравился, что она рѣшила оставить его у себя во что бы то ни стало. Вотъ что она ему писала по этому поводу: «Несравненный художникъ Микель-Анджело и единственный другъ! Я получила ваше письмо и видѣла Распятіе—произведеніе, которое въ моей памяти поистинѣ пригвоздило къ кресту всѣ извѣстныя мнѣ другія изображенія. Ничего не можетъ быть болѣе живого, болѣе совершеннаго, чѣмъ это изображеніе Христа: съ такой непостижимой нѣжностью и удивительной силой оно изготовлено. Но вотъ что: если оно сдѣлано чьей-либо другой рукой, а не вашей, то я не хочу, чтобы кто-либо другой его выполнилъ. Извѣстите меня, дѣйствительно ли это нарисовано кѣмъ-либо другимъ или вами, простите мнѣ эту просьбу. Если вами, то вы должны во что бы то ни стало оставить его для меня; но если не вами и вы хотите поручить его какому-либо работнику, то намъ необходимо предварительно поговорить объ этомъ, такъ какъ мнѣ извѣстно, какъ трудно будетъ такъ работать вторично по такому рисунку. Мнѣ бы лучше хотѣлось, чтобы тотъ, кто это написалъ, сдѣлалъ мнѣ что-нибудь новое, другое. Но если набросокъ принадлежитъ вамъ, тогда простите, если я его не возвращу. Я разсматривала его при свѣтѣ, подъ стекломъ и въ зеркалѣ. Ничего болѣе совершеннаго я никогда не видѣла. Преданная вамъ маркиза Пескара».

Особенно ярко обнаруживается вліяніе Викторіи Колонны на Микель-Анджело изъ его слѣдующаго сонета: «Въ душѣ исполненный образомъ человѣка, художникъ начинаетъ лѣпить то, что видитъ духовными очами, изъ дурной глины; потомъ изъ мрамора, медленно, ударъ за ударомъ, при помощи рѣзца извлекаетъ онъ образъ, чтобы онъ появился чистымъ, какъ ему хотѣлось; и вотъ оживленный является онъ въ міръ. Такимъ былъ я вначалѣ: только своей собственной моделью, только тобою, владычица, преобразованный, чтобы показаться въ высшей законченности. То указуешь ты, чего недостаетъ, то опять властвуешь, подобно стрѣлѣ. Но что ждетъ мое дикое сердце, разъ ты передѣлала его?».

«Какимъ бы человѣкомъ сдѣлался Микель-Анджело, — восклицаетъ Гриммъ,—если бы судьба свела его съ Викторіею въ молодые годы и если бы также и она пошла къ нему навстрѣчу, менѣе истомленная годами и пережитыми событіями! Въ томъ видѣ, какъ они встрѣтили другъ друга, она ничего не могла ему дать, кромѣ мягкой дружбы, которою она его успокоивала, а онъ не могъ требовать ничего, кромѣ того, что она могла дать». Въ этомъ сознается самъ Микель-Анджело въ слѣдующемъ сонетѣ: «Чтобы и въ будущемъ твоя красота пребывала на землѣ, но у женщины, которая болѣе тебя благосклонна и менѣе

тебя строга, природа, полагаю, требуетъ назадъ твои прелести, повелѣвая имъ постепенно покинуть тебя. И она ихъ беретъ. Твоимъ небеснымъ личикомъ украшаетъ она въ небѣ милый образъ, а богъ любви заботливо старается вложить въ нее исполненное состраданія сердце. Онъ беретъ также и всѣ мои вздохи и мои слезы собираетъ онъ и отдастъ тому, кто будетъ любить ее, какъ я тебя люблю. И, счастливѣе меня, онъ, можетъ быть, трогаетъ моими мученіями ея сердце, и она оказываетъ ему расположеніе, въ которомъ мнѣ было отказано».

Дружба между великимъ художникомъ и Викторіею Колонна не прекратилась до конца ея жизни. Онъ не измѣнилъ ей въ тяжелые дни, когда члены ея семьи, столь могущественной когда-то, одинъ за другими сходили со сцены вслѣдствіе ненависти Медичи и Фарнезе. Когда онъ рисовалъ ея портретъ, передъ нимъ далеко не была молодая красавица. Бѣлокурые волосы, когда-то украшавшіе ея голову, посѣдѣли. Она изображена въ черномъ шелковомъ платьѣ, стройно сидящею въ креслѣ съ рукою на открытой книгѣ, которая покоится на колѣняхъ. Во всѣхъ ея чертахъ величественное спокойствіе, вокругъ глазъ и рта—выраженіе страданія. Она стара, но не дряхла, съ рѣзкими линіями, благородна и энергична. Микель-Анджело присутствовалъ при ея смерти (въ февралѣ 1547 года) и потомъ долго не могъ простить себѣ, что поцѣловалъ одну только руку умирающей, а не лобъ и щеки. Горе его было безгранично. Семидесятилѣтній старикъ потерялъ въ ней единственную подругу и единственнымъ утѣшеніемъ его было то, что и онъ уже находится на закатѣ дней.

Свою печаль онъ выразилъ въ прекрасномъ стихотвореніи слѣдующаго содержанія: «Когда ты, къ которой стремятся мои желанія, удалилась, природа, никогда не создававшая ничего болѣе прекраснаго, была пристыжена. Кто тебя видѣлъ, проливалъ слезы. Гдѣ ты теперь пребываешь? О, какъ неожиданно погибли безнадежныя мечты! Теперь у земли твое чистое тѣло, у неба твои святыя мысли. Смерть была твоимъ жребіемъ, потому что только въ смертномъ видѣ можетъ къ намъ нисходить божественное. Однако, смерть уничтожила только то, что смертно! Ты живешь. Слава твоя блеститъ въ яркомъ свѣтѣ и всегда будетъ тебя показывать въ твоихъ дѣлахъ и стихотвореніяхъ».

Микель-Анджело не былъ женатъ. Онъ боялся брака, опасаясь, что семейная жизнь отвлечетъ его отъ искусства. «Я,—сказалъ онъ однажды,—сочетался законнымъ бракомъ съ искусствомъ и оно мнѣ доставляетъ достаточно домашнихъ заботъ, потому что мои произведенія—дѣти мои и поглощаютъ меня всего. Чѣмъ былъ бы Лоренцо Гиберти, если бы не создалъ «Вратъ св. Іоанна»? Его дѣти растратили его состояніе, но его «Врата», достойныя называться вратами рая, будутъ существовать вѣчно».

Но, оставаясь холостякомъ, Микель-Анджело въ то же время заботился о томъ, чтобы имя Буанаротти не исчезло со сцены жизни. «Конечно,—говорилъ онъ,—если оно и исчезнетъ, то міръ будетъ существовать попрежнему; но всетаки всякое существо старается сохранить свой родъ». Вслѣдствіе этого онъ сталъ настаивать, чтобы его племянникъ женился. Но жениться на комъ? Микель-Анджело требовалъ, чтобы племянникъ оставилъ въ сторонѣ вопросъ о приданомъ. Приданое не должно его интересовать. Наоборотъ, онъ долженъ обратить

вниманіе на самое дѣвушку, чтобы она была хорошо воспитана, добра, здорова. И если у нея нѣтъ вовсе денегъ, то это даже лучше, такъ какъ тогда будетъ обезпеченъ миръ домашняго очага.

Такъ доказывалъ Микель-Анджело, но не такъ думалъ племянникъ. Онъ охотно предпочелъ бы приданое. Великій художникъ, однако, уладилъ дѣло: онъ самъ вызвался дать приданое. И онъ исполнилъ обѣщаніе. А черезъ годъ послѣ женитьбы племянника на дѣвицѣ Ридольери міръ обогатился новымъ человѣкомъ: родился мальчикъ, котораго назвали Микель-Анджело Буанаротти. Родъ былъ обезпеченъ.

Леонардо да-Винчи и Джоконда.

Намъ по необходимости приходится сократить рамки нашего изложенія, такъ какъ, желая дать полную картину отношеній между всѣми извѣстными художниками и женщинами, вліявшими на ихъ творческую дѣятельность, мы должны были бы удѣлить имъ цѣлую книгу. Вотъ почему отмѣтимъ только главные моменты этихъ отношеній.

Джоконда.

Въ жизни третьяго изъ гигантовъ Возрожденія, Леонардо да-Винчи, играла большую роль Джоконда. Встрѣтился онъ съ нею случайно. Однажды явился къ нему богатый ростовщикъ Франческо Джоконда и попросилъ нарисовать портретъ его красавицы-жены Моны-Лизы.

«Около дюжины музыкантовъ придется нанять,— замѣтилъ да-Винчи,— чтобы поддержать въ благородной дамѣ хорошее настроеніе. Можетъ быть, въ интересахъ разнообразія, было бы желательно пригласить еще нѣсколькихъ пѣвцовъ и клоуновъ».

Но у да-Винчи оказалось лучшее средство поддерживать въ своей модели хорошее настроеніе духа: онъ влюбился въ нее и началъ за нею ухаживать. Франческо былъ уже старъ, а художникъ имѣлъ всего 43 года, былъ красивъ, уменъ, краснорѣчивъ и уже тогда считался геніемъ. Про отношенія между Моною-Лизою и да-Винчи разсказываютъ многое, что трудно провѣрить. Несомнѣнно только, что на его творчество она имѣла рѣшающее вліяніе, такъ какъ съ той минуты, какъ онъ познакомился съ очаровательною женщиною, лицо ея начало появляться на всѣхъ крупныхъ произведеніяхъ великаго мастера.

Тинторетто. Тинторетто влюбился въ красивую энергическую дочь венеціанскаго дворянина Марко де-Вескови, Фаустину, на которой и женился. Они занимали великолѣпный домъ, управленіе которымъ находилось всецѣло въ ея рукахъ, что доставляло Тинторетто возможность работать свободно, не увлекаясь побочными дѣлами. Тинторетто любилъ искусство для искусства. Онъ работалъ для себя, а не для денегъ, и, увлеченный работою, совершенно забывалъ, что хозяйство требовало расходовъ, а слѣдовательно и презрѣннаго матеріала. Онъ никогда не считалъ находящихся у него въ карманѣ денегъ, которыя къ тому же клала туда сама жена. Когда деньги истощались, Фаустина заботливо наполняла его кошелекъ. Она же заботилась о костюмѣ мужа, заставляя выходить на улицу непремѣнно въ лучшей одеждѣ венеціанскаго гражданина и каждый разъ напоминая, чтобы онъ остерегался дождя. Для истинно художественной натуры Тинторетто Фаустина была самой подходящей женой.

Тиціанъ. Столь же аккуратною и точною въ хозяйственныхъ дѣлахъ была и жена Тиціана. Властная и рѣшительная, обладая диктаторскимъ характеромъ, она ежедневно требовала отъ мужа точнаго отчета о сдѣланныхъ имъ наканунѣ расходахъ. Если ему приходилось бывать въ веселой компаніи и истратить нѣсколько больше того, что предписывалось строгою женою, то онъ прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ. Тѣмъ не менѣе, Тиціанъ очень любилъ свою подругу жизни, а когда она умерла, горько ее оплакивалъ.

Андреа дель-Сарто. Андреа дель-Сарто женился на молодой вдовѣ. Это было злое существо, къ тому же чрезвычайно ревнивое, отравлявшее жизнь великому художнику. До его женитьбы у него было много друзей, которые охотно посѣщали его; послѣ женитьбы они мало-по-малу начали удаляться, пока Андреа дель-Сарто не оказался совершенно безъ друзей и товарищей. Тѣ изъ учениковъ его, которые хотѣли во что бы то ни стало поучиться у знаменитаго мастера, должны были выслушивать всевозможныя рѣзкости и колкости. Наконецъ, когда художникъ заболѣлъ, жена покинула его, боясь заразиться.

Лоренцо Бернини. Ни одинъ изъ великихъ скульпторовъ Италіи, кромѣ Рафаэля и Микель-Анджело, не пользовался при жизни такимъ почетомъ, какъ знаменитый Лоренцо Бернини, соединявшій, подобно другимъ художникамъ того времени (онъ родился въ 1598 и умеръ въ 1680 году) въ своемъ лицѣ скульптора, художника, поэта. Современники боготворили его. Чтобы имѣть возможность любоваться также и съ задней стороны его статуями на мосту Санъ-Анджело, группа римскихъ дворянъ устроила въ Тибрѣ лѣса, съ которыхъ можно было видѣть эту часть статуй. Теперь многіе находятъ недостатки въ его произведеніяхъ, но тогда самые недостатки его высоко цѣнились, такъ какъ они соотвѣтствовали вкусамъ извѣстной части римскаго общества, подъ которые Бернини умѣлъ хорошо поддѣлываться.

Во всякомъ случаѣ, огромный талантъ его и теперь внѣ спора. Особенной извѣстностью пользуется его фонтанъ на площади Навуа въ Римѣ. Это—одна изъ великолѣпнѣйшихъ достопримѣчательностей Вѣчнаго города. Бернини сосредоточилъ на ней всю силу своего генія, такъ какъ дѣло шло о побѣдѣ надъ соперникомъ—Борромини, который

незадолго передъ тѣмъ украсилъ церковь св. Агнесы на той же площади новымъ фасадомъ, вызвавшимъ всеобщее одобреніе. Папа поручилъ Борромини осмотрѣть модель фонтана работы Бернини, и Борромини, исполнивъ задачу, заявилъ, что фонтанъ не дастъ воды. Причину, однако, онъ указать не хотѣлъ. Никакими средствами нельзя было выманить у него тайну. «Фонтанъ—бездна красоты,—отвѣчалъ онъ на многочисленные вопросы,—но воды онъ не дастъ». Бернини едва съ ума не сошелъ отъ бѣшенства и злобы. Наконецъ, онъ обратился къ женѣ

Изабелла Брандтъ, первая жена Рубенса.

Борромини и обѣщалъ ей 5.000 скуди, если она откроетъ ему тайну мужа. Жена скульптора согласилась на сдѣлку и начала мучить мужа разспросами до тѣхъ поръ, пока тотъ, наконецъ, не сказалъ:

— Развѣ ты могла бы дышать безъ рта?

По этому намеку Бернини понялъ, чего недостаетъ его фонтану—отверстія для притока воздуха. Тихо, никому не говоря ни слова, онъ велѣлъ пробуравить отверстія въ огромномъ камнѣ, изъ котораго вода должна была литься четырьмя струями. 2 августа 1667 года состоялось освященіе фонтана. Папа Иннокентій X и весь Римъ собрались на площади Навуа. Фонтанъ произвелъ превосходное впечатлѣніе. Посреди-нѣ красовалась огромная скала, на которой поднимался египетскій обелискъ. У подошвы скалы—колоссальныя статуи Дуная, Нила, Ганга

и Ріо-де-ла-Плата. Но вода не шла. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ—воды не было. Борромини торжествовалъ. Вдругъ Бернини велѣлъ открыть отверстія для воздуха, и тотчасъ же изъ огромнаго камня вырвались четыре струи. Папа и народъ ликовали, а бѣдный Борромини отправился домой и со стыда и отчаянія вонзилъ себѣ шпагу въ грудь. Онъ умеръ въ тотъ же день.

Беррини получилъ отъ папы большую сумму, вознаградивъ себя съ лихвою за потерю 5.000 скуди, которыя онъ долженъ былъ отдать синьорѣ Борромини. Кромѣ того, въ его честь была выбита медаль. Онъ получилъ титулъ «префекта источника Феличе» (питающаго фонтанъ), а сынъ его Пьерфилиппо былъ назначенъ каноникомъ собора св. Петра. Сдѣлка съ женою Борромини увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Рубенсъ. Первую жену Рубенса звали Изабеллою Брандтъ. Онъ прожилъ съ нею 16 лѣтъ. И такъ какъ лучшими женщинами считаются тѣ, о которыхъ менѣе всего говорятъ, то жена эта, вѣроятно, была прекраснѣйшая изъ женщинъ. По крайней мѣрѣ, біографы ничего не сообщаютъ о ней достопримѣчательнаго. Черезъ четыре года послѣ ея смерти (въ 1630 году) Рубенсъ женился на богатѣйшей и красивѣйшей во всей Фландріи дѣвушкѣ, Еленѣ Фурманъ. Красоту этой женщины онъ увѣковѣчилъ на многихъ портретахъ. Отъ этой жены у него родилось пятеро дѣтей. Когда Рубенсъ умеръ, она вышла замужъ за испанскаго посла въ Лондонѣ.

Рембрандтъ. Первая жена Рембрандта, Саскія фонъ-Уленбургъ принадлежала къ знаменитой фамиліи, обладала большимъ состояніемъ и сама была замѣчательнымъ кладомъ, который Рембрандтъ цѣнилъ очень высоко. Онъ увѣковѣчилъ ее на многихъ портретахъ и гравюрахъ. Рембрандтъ былъ очень счастливъ въ семейной жизни, но недолго пользовался этимъ счастіемъ: Саскія умерла 30 лѣтъ отъ роду, глубоко оплакиваемая преданнымъ мужемъ. Двѣнадцать лѣтъ оставался онъ вдовцомъ, не рѣшаясь замѣстить покойную подругу другою женщиною. Наконецъ, онъ женился на Генрикти Стоффельтъ. Но и она прожила недолго. Третью жену Рембрандта звали Катериною Ванъ-Вейкъ.

Дюреръ. «Германскій Микель-Анджело», какъ называли лучшаго изъ художниковъ Возрожденія въ Германіи, Альбрехтъ Дюреръ, былъ несчастенъ въ семейной жизни. Жена его была очень красива, но отличалась злымъ, неуживчивымъ характеромъ. Ему приходилось работать сверхъ силъ, чтобы удавлетворять ея расточительныя наклонности. Семейныя разногласія были причиною многихъ его неудачъ. Почести, которыя сыпались на него отовсюду, не смягчали его горя. Карлъ V возвелъ его въ рыцарское достоинство, городской совѣтъ Нюрнберга выбралъ его своимъ старшиною, но онъ принужденъ былъ покинуть этотъ городъ, въ которомъ семейныя бури отравляли ему жизнь. Онъ переселился въ Голландію, но такъ какъ семейныя непріятности продолжались и тамъ, то въ концѣ концовъ онъ началъ страдать меланхоліею. Въ то же время въ немъ проявилась наклонность къ мистицизму, слѣды которой обнаруживаются на его послѣднихъ произведеніяхъ.

Горасъ Вернэ. Извѣстный представитель батальной и исторической живописи Горасъ Вернэ женился на Луизѣ де-Пюжоль, когда ему еще не было 20 лѣтъ. Вскорѣ послѣ того онъ за-

воевалъ симпатіи императорскаго двора жанровыми картинами вродѣ «Полковая собака», «Лошадь трубача» и др. и началъ вести подвижную жизнь. Онъ предпринялъ путешествіе въ Римъ, на Востокъ, въ сѣверную Африку, Россію и на Кавказъ. Имя его сдѣлалось всемірно-знаменитымъ. Тѣмъ не менѣе, ничто не могло порвать узы, соединявшія его съ семьею. Отовсюду, куда ни увлекалъ его безпокойный духъ, онъ писалъ своей Луизѣ нѣжныя письма, въ которыхъ подробно излагалъ все видѣнное и слышанное, присоединяя къ нимъ горячее же-

Елена Фурманъ съ первымъ сыномъ.

ланіе увидѣться скорѣе. Живыя, увлекательныя письма Вернэ рисуютъ его лучше всякихъ біографій, какъ мужа и художника.

Тэрнеръ. Знаменитый англійскій художникъ Тэрнеръ влюбился въ одну хорошенькую дѣвушку, которая отвѣтила ему тѣмъ же. Отношенія между ними кончились бы бракомъ, если бы не мачиха молодой дѣвушки. Она возставала противъ выхода падчерицы за «пачкуна», какъ она называла художника, не ожидая отъ такой партіи ничего хорошаго. Когда Тэрнеръ предпринялъ путешествіе для развитія своего таланта, она скрывала письма, которыя онъ посылалъ любимой дѣвушкѣ. Послѣдняя, не получая отъ него вѣстей, рѣшила,

что художникъ забылъ ее, и приняла предложеніе другого. Когда Тэрнеръ вернулся, дѣвушка заявила ему, что хотя и питаетъ къ нему прежнія чувства, но взять свое слово назадъ не можетъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ художникъ влюбился въ другую дѣвушку, но, будучи робкаго характера, не рѣшался предложить ей руку и сердце, хотя и желалъ этого всѣмъ сердцемъ. Дѣвушка не сдѣлала съ своей стороны ничего, чтобы вывести его изъ нерѣшительности. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Альма Тадема. Первой женой другого знаменитаго англійскаго художника Альма Тадема (по происхожденію онъ—голландецъ) была француженка. Она умерла рано, оставивъ ему двухъ дочерей. Вскорѣ послѣ ея смерти онъ переселился въ Англію и водворился въ Лондонѣ, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался англійскимъ гражданиномъ. Въ 1871 году онъ женился на Лаурѣ-Терезѣ Ипсъ, прекрасное личико и удивительные волосы которой можно видѣть на многихъ картинахъ Тадемы. Она сама превосходная художница, которая могла бы прославить имя Тадемы даже и въ томъ случаѣ, если бы ея мужъ не былъ знаменитостью. Художническая чета занимаетъ великолѣпный дворецъ, представляющій одну изъ достопримѣчательностей Лондона. Обстановка въ немъ сказочная, и немудрено: два таланта употребили всю творческую силу, чтобы придать ей законченно-художественный отпечатокъ.

Милле. Жена современнаго англійскаго художника Милле была женою художественнаго критика Джона Рэскина. Этимъ все сказано. Исторія эта столь же характерна для Милле, сколько и для самого Рэскина, такъ какъ оттѣняетъ благородныя душевныя качества англійскаго художественнаго критика. Рэскинъ явился однажды къ Милле и предложилъ нарисовать портретъ его жены. Художникъ принялъ заказъ. Остальное понятно: модель и мастеръ влюбились другъ въ друга. Рэскинъ восторгался классической красотой своей жены, но не питалъ къ ней глубокаго чувства, такъ какъ встрѣтился съ нею случайно на балу и случайно же женился. Къ тому же ихъ отдѣляла другъ отъ друга разность интересовъ. Рэскинъ любилъ уединеніе, книги, тишину; жена увлекалась радостями свѣта. Несмотря на то, что прерафаэлическое братство, основателемъ котораго былъ Милле обязано своимъ успѣхомъ именно Рэскину, усердному пропагандисту его идей, тѣмъ не менѣе, критикъ не только не протествовалъ противъ ухода жены, но самъ ускорилъ разводъ и даже былъ въ церкви, гдѣ совершалось вѣнчаніе его жены съ художникомъ. Милле нѣкоторымъ образомъ получилъ въ жены жену Рэскина изъ рукъ самого Рэскина.

Гогартъ. Когда англійскому художнику Гогарту было 32 года, онъ просилъ руки дочери лорда Джемса Торнвилля. Отецъ, однако, отказалъ, боясь, что художникъ не будетъ въ состояніи содержать жену такъ, какъ она привыкла въ родительскомъ домѣ. Такъ какъ дѣвушка была влюблена въ Гогарта, то мать ея, которая сама была въ восторгѣ отъ его произведеній, рѣшила прибѣгнуть къ хитрости. Она купила гравюру Гогарта и посовѣтовала дочери поставить ее въ комнатѣ отца такъ, чтобы она тотчасъ же бросилась ему въ глаза, какъ только онъ переступитъ порогъ. Совѣтъ былъ исполненъ. Войдя въ кабинетъ и увидѣвъ рисунокъ, Торнвиль воскликнулъ:

— Чья эта чудесная гравюра и какъ она попала въ мою комнату?

— Это послѣдняя работа Гогарта, я купила ее,—отвѣтила лэди Торнвилль.

— Великолѣпно,—отвѣтилъ лордъ,—человѣкъ, способный создать такую вещь, способенъ также получить жену безъ приданаго.

Дѣйствителкно, лордъ Торнвиль былъ первое время очень скупъ, желая испытать художника, но потомъ, когда испытаніе дало прекрасные результаты, замѣнилъ скупость щедростью.

Рембрандтъ.—Портретъ художника и его жены.

Генсборо. Генсборо рисовалъ портретъ одной хорошенькой 16-лѣтней дѣвушки, по имени Маргариты Бэръ. Во время работы дѣвушка влюбилась въ него. Когда портретъ былъ готовъ, она выразила ему восторгъ и недвусмысленно намекнула, что, если онъ захочетъ, то можетъ обладать оригиналомъ. Генсборо не заставилъ себя ждать и вскорѣ получилъ руку молодой дѣвушки вмѣстѣ съ ежегодной рентой въ 200 фунговъ. Злая молва говорила, что Маргарита Бэръ незаконная дочь одного англійскаго принца и что она даже гордилась этимъ происхожденіемъ.

Джорджъ Ромней.

Джорджъ Ромней былъ хорошимъ художникомъ, но дурнымъ мужемъ. Въ двадцать два года онъ женился на одной молодой дѣвушкѣ изъ благодарности за то, что она ухаживала за нимъ во время болѣзни. Но онъ вскорѣ разстался съ нею, боясь, какъ бы жизнь въ бракѣ не повліяла на его творчество. Ромней былъ большимъ поклонникомъ красоты. Судьбѣ было угодно, чтобы онъ познакомился съ знаменитой лэди Эммою Гамильтонъ, извѣстною столь же красотою, сколько своимъ легкомысленнымъ образомъ жизни. Низкаго происхожденія, она послѣ смерти отца была послѣдовательно нянькою, служанкою въ одномъ кабакѣ, моделью и, наконецъ, любовницею лорда Чарльза Гревилля, которому родила трехъ дѣтей. Однажды лордъ послалъ ее къ своему дядѣ сэру Уильяму Гамильтону съ какою-то просьбою. Прелестная женщина до того вскружила ему голову, что онъ взялъ ее съ собою въ Неаполь, гдѣ былъ посланникомъ, а позднѣе даже женился на ней въ Лондонѣ (въ 1791 году). По словамъ біографовъ, Ромней нарисовалъ двадцать четыре портрета ея въ разныхъ позахъ. Бѣдная жена его томилась на сѣверѣ, между тѣмъ какъ «божественная женщина», какъ онъ называлъ лэди Гамильтонъ, вдохновляла его въ Кавендишъ-скверѣ къ изображенію всевозможныхъ красавицъ, служа ему моделью. Въ области мимики она соперничала съ артистами. Пластическія позы изучала на античныхъ статуяхъ. При этомъ она великолѣпно пѣла, декламировала и танцовала. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что художникъ вполнѣ поддался ея вліянію.

Когда Ромней сдѣлался старъ и ему все надоѣло, онъ вспомнилъ про жену, которою пренебрегалъ столько времени, и вернулся къ ней. Эта простая женщина изъ народа была до того благородна, что простила мужу его сорокалѣтнюю жизнь на сторонѣ и начала за нимъ ухаживать, какъ въ первые годы супружеской жизни.

Уильямъ Блэкъ.

Совершенно иначе велъ себя въ качествѣ мужа не менѣе извѣстный англійскій художникъ и граверъ Уильямъ Блэкъ. Онъ былъ чудакомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его ухаживаніе за дѣвушкою, сдѣлавшеюся его женою. Однажды онъ жаловался Катеринѣ Бучеръ (такъ звали эту дѣвушку) по поводу страданій, которыя доставляетъ ему одна капризная особа, очень его интересовавшая.

— Мнѣ васъ очень жаль,—отвѣтила темноглазая Катерина.

— Правда?—воскликнулъ Блэкъ.—За это я васъ очень люблю.

— А я васъ также люблю,—отвѣтила дѣвушка.

Блэкъ, не долго думая, рѣшилъ на ней жениться. Онъ нарисовалъ ея портретъ, описалъ ея прелести въ стихотвореніяхъ и, наконецъ, сочетался съ нею законнымъ бракомъ. Катерина оказалась прекрасною женою. Она довольствовалась самыми простыми туалетами, оставаясь всегда веселою и жизнерадостною. Единственно, къ чему она стремилась, была слава мужа, въ картины котораго она вкладывала много своего. Главнымъ образомъ колоритъ принадлежалъ женѣ Блэка, которой одной только онъ ввѣрилъ тайну своего колорита.

Блэкъ умеръ 71 года отъ роду. Послѣдними словами его были: «Единственно, что меня мучаетъ, это то, что я покидаю тебя здѣсь. Мы долго и счастливо жили». За три дня до смерти онъ, лежа въ

постели, набрасывалъ послѣдніе штрихи на свою любимую картину. Жена его разрыдалась.

— Постой, Кэтти!—воскликнулъ Блэкъ.—Не трогайся съ мѣста. Мнѣ хотѣлось бы на прощаніе нарисовать еще разъ твой портретъ, потому что ты всегда была моимъ ангеломъ.

Жена послушалась, и умирающій художникъ, не сходя съ постели, написалъ одинъ изъ удачнѣйшихъ портретовъ Катерины.

Стотардъ. Стотардъ былъ до того прилежнымъ художникомъ, что не хотѣлъ оставить работу даже въ день своей свадьбы. Доставивъ свою невѣсту изъ церкви домой, онъ по обыкновенію отправился въ академію, чтобы порисовать съ одной античной статуи до трехъ часовъ пополудни, когда академія запиралась. Уложивъ по окончаніи работы свои принадлежности, онъ замѣтилъ товарищу:

— Иду домой, чтобы принять участіе въ семейномъ обѣдѣ. Тебѣ, вѣроятно, извѣстно, что сегодня утромъ я женился. Меня ждетъ жена.

Семейная жизнь Стотарда ознаменовалась крупными несчастіями. Одинъ изъ его сыновей былъ застрѣленъ по несчастный случайности, другой свалился съ лѣстницы и тутъ же испустилъ духъ. Бѣдная мать отъ страха впала въ болѣзненное состояніе. Стотардъ ухаживалъ за нею съ большимъ терпѣніемъ и энергіею, которую раньше трудно было предположить въ столь флегматичномъ человѣкѣ, какъ онъ.

Джонъ Констебль. Марія Бикнель, въ которую влюбился портретистъ Джонъ Констебль, представляетъ яркое доказательство того, что счастливый бракъ можетъ обойтись и безъ предварительной романтической исторіи на любовной подкладкѣ. Какъ дочь искуснаго адвоката, она посмотрѣла на предложеніе художника съ чисто-практической точки зрѣнія и на первое любовное письмо его отвѣтила слѣдующей дѣловой запиской:

«Милостивый государь! Въ отвѣтъ на ваше лестное для меня предложеніе сообщаю вамъ, что я говорила объ этомъ дѣлѣ съ папашею. Его единственное возраженіе заключается въ томъ, что вашихъ средствъ пока не хватитъ для поддержанія бюджета. Поэтому совѣтую вамъ прилежно заняться своимъ дѣломъ, обратившись къ тому роду живописи, который лучше всего оплачивается, такъ какъ для основанія собственнаго очага нельзя обойтись безъ столь необходимаго зла — денегъ. Позвольте мнѣ подписаться вашей преданной подругой Маріею Бикнель».

Практическое письмо разсчетливой дѣвушки не испугало Констебля и онъ продолжалъ свои ухаживанія. Въ своихъ отвѣтахъ на его новыя предложенія чуждая романтическихъ наклонностей дѣвушка только то и дѣлала, что совѣтовала ему раньше заработать много денегъ и только потомъ жениться. Можетъ быть, это именно и повліяло на художника, такъ какъ онъ въ короткое время пріобрѣлъ себѣ имя въ качествѣ портретиста. Ему охотно начали платить по 15 гиней за маленькій портретъ. Только послѣ этого Марія Бикнель позволила себя отвести къ алтарю. Бракъ, къ величайшему удивленію, оказался счастливымъ. Марія оказалась очень умной и милой женщиной, сумѣвшей превратить для мужа жизнь въ рай. У нея родились семеро дѣтей, которыхъ она воспитывала съ большою нѣжностью.

Флаксманъ. Когда англійскій скульпторъ и живописецъ Флаксманъ женился, его товарищъ по искусству Рейнольдсъ былъ очень огорченъ.

— Послушай,—сказалъ онъ при встрѣчѣ съ нимъ,—правда ли, что ты женился? Если правда, то ты погибъ для искусства.

Флаксманъ побѣжалъ домой, усѣлся около молодой жены и, взявъ ее за руку, меланхолически проговорилъ:

— Анна, я погибъ для искусства.

— Что случилось, Джонъ?

— Это случилось въ церкви, когда я повѣнчался съ Анною Денманъ.

Затѣмъ онъ разсказалъ ей о встрѣчѣ съ Рейнольдсомъ и о его теоріи, по которой художникъ, если хочетъ создать нѣчто цѣнное, долженъ отказаться отъ всего, не имѣть никакихъ другихъ мыслей въ головѣ, кромѣ одной, и, конечно, долженъ основательно изучить великихъ мастеровъ, какъ Рафаэль, Микель-Анджело и другіе, а для этого нужно поѣхать въ Римъ, Флоренцію...

— Что мнѣ дѣлать?—продолжалъ Флаксманъ.—Я люблю искусство и, въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ бы сдѣлаться крупною величиною.

— Поѣзжай въ Римъ, если это нужно.

— Но какъ?

— Работай и копи. Мнѣ вовсе не хочется, чтобы говорили, будто изъ-за меня ты отсталъ отъ искусства. Какъ только наши средства позволятъ, мы тотчасъ поѣдемъ въ Римъ.

Пять лѣтъ работалъ послѣ этого Флаксманъ съ большимъ усердіемъ и, скопивъ нужную сумму, поѣхалъ въ Римъ, гдѣ пробылъ семь лѣтъ и сдѣлался если не великимъ, то, несомнѣнно, выдающимся мастеромъ. Жену онъ обожалъ и въ теченіе 38 лѣтъ совмѣстной жизни съ нею никогда не покидалъ ея. Она понимала многое въ искусствѣ и, если возникало какое-либо сомнѣніе насчетъ композиціи, онъ говаривалъ обыкновенно: «Обратитесь къ моей женѣ, она мой словарь». Послѣ ея смерти (въ 1820 году) онъ впалъ какъ бы въ летаргическое состояніе, отъ котораго такъ и не освободился до конца жизни. Только на шесть лѣтъ пережилъ онъ жену, которая при жизни не только оказывала ему прямую помощь при работѣ, но освобождала его, человѣка совершенно непрактическаго, отъ сложныхъ обязанностей по веденію большого хозяйства.

Нолькенсъ. Скульпторъ Іосифъ Нолькенсъ женился на очень скупой дѣвушкѣ; тѣмъ не менѣе, онъ былъ очень доволенъ женою, такъ какъ самъ былъ скупъ. Когда, вслѣдствіе болѣзни спиннаго мозга, она принуждена была остаться въ постели, ей ничего не было такъ жаль, какъ того, что она сама не можетъ ходить на базаръ, гдѣ такъ «дешево» все покупала. Скупость ея доходила до того, что, когда мужъ ея работалъ надъ бюстомъ лорда Кастельро, она плохо топила комнаты. Зима была очень суровая, уголь вздорожалъ, и г-жа Нолькенсъ сидѣла закутанная въ одѣяла передъ каминомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Замѣтивъ это, лордъ всталъ и бросилъ нѣсколько углей въ огонь. Скульптора въ эту минуту въ комнатѣ не было.

— Ахъ, милордъ, что вы дѣлаете?—воскликнула она въ ужасѣ.— Что скажетъ мужъ!

— Скажите ему, чтобы онъ уголь поставилъ мнѣ счетъ,—отвѣтилъ лордъ.

Супруги отказывали себѣ во всемъ, даже въ самомъ необходимомъ, и жили душа въ душу, хотя онъ принадлежалъ къ католической церкви, а она—къ англиканской. Каждое воскресенье можно было видѣть парочку, шедшую вмѣстѣ до одного угла; затѣмъ супруги разставались: онъ отправлялся въ костелъ, она—въ англиканскую церковь.

ГЛАВА IV.

МУЗЫКАНТЫ.

Бетховенъ.—Шубертъ.—Моцартъ.—Бахъ. — Гайднъ. — Шопенъ.—Шпоръ.—Веберъ.—Мендельсонъ. — Шуманъ. — Россини. — Доницетти. — Беллини.—Верди.—Рихардъ Вагнеръ.—Листъ.—Бюловъ.—Брамсъ.

Бетховенъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ: Бетховенъ былъ неудачникомъ въ области сладкихъ вздоховъ! Онъ всю жизнь рыскалъ въ погонѣ за женщиною, которую могъ бы назвать своею, и не нашелъ. Первымъ предметомъ его любви была графиня Джульетта Гвичарди, которую онъ называлъ въ письмахъ «безсмертной возлюбленною», «ангеломъ», «всѣмъ», «жизнью» и т. д., но она предпочла богатство и спокойную жизнь тревожному существованію рядомъ съ великимъ геніемъ. Потомъ онъ влюбился въ Беттину фонъ-Арнимъ, извѣстную отчасти изъ главы о Гёте, но и она не отвѣчала ему взаимностью. Волей-неволей геніальному композитору пришлось ограничиться платонической любовью и быть довольнымъ, когда восторгавшіяся его произведеніями, но не имъ самимъ женщины вязали для него чулки, угощали пуддингомъ и разрѣшали посидѣть послѣ обѣда у нихъ на диванѣ.

Шубертъ. Шубертъ выдавалъ себя за женоненавистника, что не помѣшало ему въ одно прекрасное время влюбиться въ графиню Каролину Эстергази. Однако, различіе возрастовъ и общественнаго положенія сдѣлало то, что бракъ оказался невозможнымъ. Однажды дѣвушка спросила его:

— Почему вы не посвятите мнѣ какого-либо произведенія?

— Для чего? — возразилъ Шубертъ. — Вѣдь всѣ мои пѣсни и безъ того посвящены вамъ!

Моцартъ. Первымъ предметомъ любви Моцарта была Элоиза Веберъ, завоевавшая себѣ впослѣдствіи большую извѣстность въ качествѣ пѣвицы. Долгое время она подавала ему надежды, но когда нашелся болѣе красивый воздыхатель, начала издѣваться надъ композиторомъ, бывшимъ тогда еще очень скромною величиною. «Я,—оправдывалась она потомъ,—не замѣчала тогда величія его генія и видѣла въ немъ только маленькаго человѣка».

Потерпѣвъ неудачу у Элоизы, Моцартъ перенесъ свою любовь на ея молодую сестру Констанцу, менѣе одаренную талантами, но болѣе домовитую. Но строгій опекунъ запретилъ Моцарту поддерживать сношенія съ дѣвушкою до тѣхъ поръ, пока онъ не пришлетъ ей письменнаго предложенія. Въ концѣ концовъ ему пришлось подписать документъ, кото-

рымъ онъ обязывался жениться на Констанцѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, а въ случаѣ отказа отъ женитьбы—выплачивать ей ежегодно по 300 гульденовъ. Едва опекунъ успѣлъ удалиться, какъ Констанца разорвала документъ и, бросившись на шею Моцарту, воскликнула:

— Твои письменныя обязательства мнѣ не нужны. Вѣрю тебѣ на слово!

Съ тѣмъ же довѣріемъ относилась она къ Моцарту и во все время супружеской жизни. Каждый разъ, когда ей доносили, что Моцартъ позволяетъ себѣ любовныя интрижки на сторонѣ, она пожимала плечами и говорила: «Сплетни!». Мужъ и жена неизмѣнно любили другъ друга. Правда, Констанца, какъ сказано, не отличалась талантами и даже образованіе ея оставляло желать весьма многаго, но зато Моцартъ могъ цѣнить въ ней здравый умъ и усердіе. Она сносно играла на фортепіано и пѣла съ листа, вслѣдствіе чего Моцартъ обыкновенно сочинялъ свои произведенія вмѣстѣ съ нею. Въ то время, когда онъ работалъ, жена сидѣла около него и разсказывала разныя легенды и сказки.

Императоръ Францъ-Іосифъ спросилъ однажды Моцарта, почему онъ не женился на богатой женщинѣ. На это композиторъ отвѣтилъ съ достоинствомъ:

— Ваше величество, полагаюсь на свой талантъ. Онъ всегда дастъ мнѣ возможность поддерживать существованіе женщины, которую я люблю.

Къ сожалѣнію, самонадѣянность Моцарта не оправдалась. Публика не понимала его произведеній, а потому не покупала. Супружеская чета была до того бѣдна, что у нихъ иногда зимою не бывало дровъ и они должны были прыгать по комнатамъ, чтобы согрѣться. Къ тому же Констанца стала хворать. Моцартъ выказалъ себя нѣжнымъ мужемъ. Однажды, когда онъ работалъ около спящей жены, вошелъ въ комнату слуга. Боясь, что вошедшій разбудитъ больную, Моцартъ быстро вскочилъ съ мѣста; открытый перочинный ножикъ упалъ и вонзился ему въ ногу. Не издавъ ни малѣйшаго звука, знаменитый композиторъ поспѣшилъ изъ комнаты и позвалъ врача. И хотя онъ долгое время не могъ владѣть ногою, тѣмъ не менѣе отъ жены скрывалъ.

Если Моцарту приходилось по утрамъ уходить изъ дома въ такое время, когда жена еще спала, онъ оставлялъ ей нѣжныя записки съ наставленіями и любезностями вродѣ слѣдующихъ: «Желаю тебѣ добраго утра, моя милая женка. Надѣюсь, что ты сладко спала и ничто тебя не потревожило». — «Будь осторожна, а то простудишься. Не поднимайся такъ скоро, не наклоняйся, ничего не доставай и не сердись на горничную».—«Смотри, не споткнись о порогъ, когда идешь въ другую комнату, и оставь всякія домашнія заботы, пока не вернусь домой, а это будетъ очень скоро».

Когда Моцартъ бывалъ вмѣстѣ съ Констанцею, онъ работалъ прилежно, стараясь быть возможно болѣе образцовымъ мужемъ; но когда супругамъ приходилось разставаться, онъ сбивался въ сторону, не будучи въ состояніи устоять противъ искушеній. Къ концу 1790 года онъ предпринялъ путешествіе во Франкфуртъ, Мангеймъ и Мюнхенъ и, попавъ въ дурное общество, началъ позволять себѣ разныя выходки. Вскорѣ онъ одумался и вспомнилъ о своей «сладкой возлюбленной, сердечной женѣ»,—какъ онъ назвалъ ее въ одномъ письмѣ, въ которомъ

съ раскаяніемъ обѣщаетъ исправиться. «Я чувствую себя счастливымъ, что могу къ тебѣ вернуться! Какую пріятную жизнь будемъ мы вести! Я буду работать и работать, чтобы больше никогда не попадать въ такое безвыходное положеніе».

Но напрасны были надежды Моцарта. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже лежалъ на смертномъ одрѣ. «Неужели мнѣ въ самомъ дѣлѣ придется умереть,—жаловался онъ,—теперь, когда я только началъ пользоваться спокойной и мирной жизнію? Неужели мнѣ придется покинуть жену и дѣтей теперь, когда я въ состояніи лучше ихъ поддерживать?».

Моцартъ умеръ отъ тифа. Жена въ отчаяніи легла въ его постель, чтобы заразиться тифомъ и также умереть. Но смерть рѣдко приходитъ къ тому, кто ее призываетъ. Констанца еще долго жила въ кругу своихъ дѣтей. Несмотря на затруднительное положеніе, она не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не уплатила всѣхъ долговъ мужа.

Бахъ. Бахъ былъ дважды женатъ и оба раза счастливо. Его первая жена была прекрасной хозяйкой. Онъ прожилъ съ нею тринадцать лѣтъ въ полномъ согласіи. Черезъ короткое время послѣ смерти жены онъ женился вторично. Вторая жена его понимала толкъ въ музыкѣ, переписывала его ноты, съ удовольствіемъ слушала его сочиненія и часто помогала ему въ работѣ. О домашнихъ концертахъ заботились дѣти Баха, которыхъ было ровно двадцать.

Гайднъ. Гайднъ началъ свою карьеру въ качествѣ хориста въ церкви св. Стефанія въ Вѣнѣ. Онъ былъ веселымъ малымъ, всегда готовымъ на сумасбродныя выходки. Однажды вечеромъ онъ во время богослуженія отрѣзалъ у другого хориста конецъ косы отъ парика, что заставило многихъ молящихся улыбнуться. Хормейстеръ, человѣкъ строгаго нрава, нѣсколько разъ уже предупреждавшій Гайдна воздерживаться отъ всякихъ выходокъ, немедленно его уволилъ. Такъ какъ у бѣдняка не было ни денегъ, ни друзей, то ему не осталось ничего другого, какъ пробродить всю ночь по улицамъ, покрытымъ снѣгомъ. Утромъ слѣдующаго дня онъ встрѣтилъ парикмахера Келлера, съ которымъ былъ мало знакомъ. Парикмахеръ спросилъ его, что онъ такъ рано дѣлаетъ на улицѣ. Гайднъ разсказалъ ему о своемъ горѣ.

— Такъ какъ ты потерялъ мѣсто изъ-за парика, — отвѣтилъ Келлеръ,—то справедливость требуетъ, чтобы парикмахеръ взялъ тебя подъ свою защиту.

У Келлера, который пріютилъ композитора, было двѣ дочери. Молодой музыкантъ влюбился въ одну изъ нихъ—старшую. Это была хорошенькая скромная дѣвушка, но она поступила въ монастырь. Говорили, что она сдѣлала это для того, чтобы избавиться отъ остраго языка младшей сестры. Прошли годы. Гайднъ находился въ хорошихъ матеріальныхъ условіяхъ, когда парикмахеру пришлось худо. Изъ благодарности къ своему благодѣтелю Гайднъ женился на его младшей дочери.

Къ несчастію, дочь эта ничѣмъ не напоминала старшей сестры и превратила жизнь Гайдна въ настоящій адъ. Будучи сварливаго характера, она въ то же время питала страсть къ монахамъ, и домъ композитора былъ всегда наполненъ ими. Монахи входили и выходили во всякое время дня; ихъ громкіе разговоры мѣшали Гайдну работать. Кромѣ того, чтобы избавиться отъ присутствія на ихъ обременительныхъ про-

повѣдяхъ, ему приходилось безплатно снабжать монастыри этихъ монаховъ мессами и мотетами.

Такъ какъ жизнь съ женою стала въ тягость, Гайднъ бросилъ ее и завязалъ любовныя сношенія съ знаменитою пѣвицею Бозелли. Онъ заказалъ ея портретъ и почти опустошилъ свои карманы, чтобы удовлетворить ея желанія и капризы.

Позднѣе онъ завязалъ любовную интригу съ другою пѣвицею, мистриссъ Биллингтонъ, столь же отличавшеюся красотою, какъ и хорошимъ голосомъ. Онъ заказалъ Рейнольду ея портретъ, на которомъ она изображена въ видѣ св. Цециліи, слушающей божественную музыку.

— Что вы скажете о портретѣ восхитительной Биллингтонъ?—спросилъ Рейнольдъ, когда Гайднъ вошелъ къ нему въ мастерскую.

— Удивительный портретъ,— отвѣтилъ Гайднъ,—и очень похожъ. Вы сдѣлали только странную ошибку.

— Какую?

— Вы изобразили ее слушающею ангеловъ; лучше было бы изобразить ангеловъ, слушающихъ ее.

Шопенъ. Шопена часто называли «музыкальнымъ Гейне». Это очень подходящее названіе. Какъ и Генрихъ Гейне, Шопенъ испыталъ много радостей и горя отъ женщинъ, и въ то же время никѣмъ такъ высоко не цѣнились его произведенія, какъ именно женщинами. Есть писатели, музыканты, художники, которымъ какъ бы на роду написано быть женскимъ пѣстуномъ и во всякомъ случаѣ быть связаннымъ съ женщинами неразрывными узами. Такимъ былъ Альфредъ де-Мюссе, Рафаэль, Гейне; такимъ былъ и Шопенъ. Онъ не могъ жить безъ нихъ. Страданія не отталкивали, а, наоборотъ, поощряли его. Онъ самъ былъ нѣкоторымъ образомъ женщиною—по характеру и даже по наружности. Стоитъ только посмотрѣть на его портретъ, тонкій, нѣжный, поэтическій, чтобы тотчасъ убѣдиться въ этомъ.

Мы остановимся нѣсколько подробнѣе на отношеніяхъ Шопена къ прекрасному полу, потому что въ созвѣздіи женщинъ, озарявшихъ путь вдохновеннаго композитора, сверкала крупная звѣзда (свѣтившая, впрочемъ, не одному только Шопену)—Жоржъ Зандъ.

Мать его была полька. Крупныхъ талантовъ у нея не было, зато было много фантазіи. Во всякомъ случаѣ, она отличалась мягкостью характера, и эту-то черту, несомнѣнно, унаслѣдовалъ отъ нея Шопенъ.

У него было три сестры. Всѣ онѣ выдавались въ умственномъ отношеніи, но о вліяніи ихъ на брата врядъ ли можно говорить. Старшая и средняя сестры занимались литературою (онѣ писали главнымъ образомъ по вопросу о средствахъ къ поднятію благосостоянія ремесленныхъ классовъ), и это какъ будто отразилось на самомъ Шопенѣ. По крайней мѣрѣ, онъ уже во время пребыванія въ Парижѣ рѣшилъ отказаться отъ участія въ общественной жизни, вернуться на родину, въ Польшу, и, поселившись тамъ гдѣ-нибудь въ родномъ уголкѣ съ любимою женою, образъ которой не переставалъ носиться передъ его духовными очами, заняться устройствомъ школъ для подъема уровня образованія въ народѣ. Этотъ планъ не былъ осуществленъ. Но и самое зарожденіе его нисколько не свидѣтельствуетъ о вліяніи сестеръ. Наоборотъ, онъ соотвѣтствовалъ скорѣе общимъ политическимъ тен-

денціямъ того времени, царившимъ главнымъ образомъ въ польскомъ обществѣ.

Итакъ, родственницы въ общемъ мало вліяли на Шопена въ смыслѣ непосредственнаго воздѣйствія на его умственныя способности и талантъ. Зато другія женщины—а ихъ было много—имѣли на него большое вліяніе. Еще девятилѣтнимъ ребенкомъ онъ сдѣлался ихъ кумиромъ, и варшавскіе салоны рѣдко видѣли у себя собраніе гостей, на которомъ не было бы маленькаго генія. Польскія аристократки наперебой старались выразить ему свой восторгъ. Тамъ же, въ этихъ салонахъ, онъ и научился изящнымъ манерамъ, которыми приковывалъ къ себѣ женщинъ впослѣдствіи.

Но все это были призраки, мимолетныя искры. Настоящее женское вліяніе ждало его впереди. Прежде всего Шопенъ встрѣтился съ Констанціею Гладковскою. Это была его юношеская любовь. Несмотря на то, что онъ былъ тогда юношею, а можетъ быть благодаря этому, чувство его къ молодой дѣвушкѣ было до того сильно, что онъ не могъ себя представить въ будущемъ иначе, какъ рядомъ съ нею. Когда онъ уѣхалъ въ Вѣну, образъ любимой дѣвушки сопровождалъ его туда. Онъ безпрестанно думалъ о ней и въ сочельникъ писалъ своему другу Матушинскому: «Въ прошломъ году въ это время я былъ въ церкви св. Бернарда, теперь же сижу въ халатѣ, совершенно одинъ, цѣлую свое милое кольцо и пишу». Именно въ церковь св. Бернарда часто ходила прекрасная Констанція, а кольцо, которое онъ цѣловалъ, было надѣто ею самою на его палецъ при прощаніи.

Констанція была молодою пѣвицею, посѣщавшею варшавскую консерваторію. Шопенъ, ничего не скрывавшій отъ своихъ родителей, скрылъ на этотъ разъ свои чувства къ любимой дѣвушкѣ. Почему? Боялся ли онъ, что они не одобрятъ его выбора? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить, такъ какъ мы ничего не знаемъ объ этой дѣвушкѣ, кромѣ того, что сказалъ о ней самъ Шопенъ. Но чего не скажетъ влюбленный! Можно ли повѣрить всему, что онъ скажетъ?

Однако, нѣтъ неистощимаго огня. Онъ долженъ потухнуть. Даже солнце, какъ говорятъ, медленно гаснетъ. Погасла и страсть Шопена. Онъ изъ Вѣны поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ думалъ заработать побольше денегъ, чтобы быть въ состояніи жениться. Но надежды его не оправдывались. Тѣмъ временемъ Констанція ждала и, не дождавшись, въ одно прекрасное время вышла за другого. Когда Шопенъ узналъ объ этомъ, онъ былъ очень огорченъ. Его злила невѣрность любимой дѣвушки, которая клялась и нарушила клятву; его мучило собственное безсиліе. О, если бы у него были средства! Сколько счастія ожидало бы его впереди!

Вдругъ... Это случилось совсѣмъ неожиданно. Шопенъ самъ не помнилъ, какъ оно произошло. Въ Парижѣ оказалось нѣсколько молодыхъ людей изъ хорошей семьи, учившихся когда-то въ пансіонѣ его родителей,—братья Воджинскіе. У нихъ была сестра Марія. И къ этой-то Маріи онъ почувствовалъ вдругъ такое же влеченіе, какъ и къ Констанціи. Возможно ли? Онъ думалъ, что чувство къ ученицѣ варшавской консерваторіи умретъ вмѣстѣ съ нимъ, между тѣмъ онъ еще живъ, а чувства какъ будто уже нѣтъ и оно даже смѣнилось полнымъ равнодушіемъ...

Это было въ 1836 году. Шопену было извѣстно, что Марія будетъ съ матерью въ среднихъ числахъ іюля въ Маріенбадѣ, и онъ поэтому поѣхалъ туда. Нужно ли прибавлять, что онъ влюбился въ молодую дѣвушку и что молодая дѣвушка отвѣтила ему тѣмъ же? Родственники ничего не имѣли противъ нѣжныхъ чувствъ Шопена, и тутъ же, въ Маріенбадѣ, состоялась помолвка. Шопенъ прожилъ еще нѣсколько недѣль вблизи невѣсты въ Дрезденѣ, гдѣ жила семья Воджинскихъ. Онъ чувствовалъ себя на вершинѣ счастія. Въ это-то время зародились въ немъ человѣколюбивые планы, о которыхъ мы упомянули выше. Разъ онъ счастливъ, отчего не осчастливить заодно и все человѣчество? У юности это такъ просто, а у любви это такъ легко!

Сіяя отъ радости, живой, веселый, восторженный, Шопенъ вернулся въ Парижъ, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ, что его невѣста предпочла ему графа, за котораго и вышла замужъ...

Геніальный жрецъ искусства и графъ! Поэзія и проза! О, какъ часто предпочитаютъ эти милыя неземныя созданія звонъ шпоръ или громкій титулъ очарованію того, что составляетъ истинное счастіе, потому что оно жизнь жизни, потому что въ немъ зерно глубокаго, полнаго, всесторонняго существованія!

Но фактъ былъ фактомъ: Марія измѣнила. Она вышла за другого. Она поняла, что Шопенъ созданъ для любви и страсти, а не для монотонной прозы жизни. И она взялась за романъ вмѣсто того, чтобы углубиться въ поэму...

Этотъ второй ударъ оказался для Шопена роковымъ, и не столько потому, что онъ разбилъ сердце великаго композитора, сколько потому, что вслѣдствіе безжалостнаго поступка его невѣсты Шопенъ сошелся съ Жоржъ Зандъ,—обстоятельство, имѣвшее для него гибельное значеніе. Онъ хотѣлъ заглушить свое горе, онъ думалъ утопить отчаяніе въ любви къ другой женщинѣ, но ошибся, такъ какъ попалъ только изъ огня въ полымя. Спасенія не было.

Случилось это слѣдующимъ образомъ. Какъ-то разъ Шопену сдѣлалось грустно. Онъ часто грустилъ. Погода была скверная, шелъ дождь. Надо было куда-нибудь пойти, чтобы разсѣяться. Куда? Онъ вспомнилъ, что у графини К. былъ въ этотъ вечеръ журфиксъ, и такъ какъ часы показывали десять, то онъ, не долго думая, отправился туда. Когда онъ поднимался по устланной коврами лѣстницѣ, ему показалось, будто за нимъ шелъ какой-то призракъ, распространяя вокругъ себя запахъ фіалокъ. Шопенъ нашелъ въ салонѣ графини блестящее общество и, сѣвъ въ углу, сталъ осматривать гостей. Только послѣ того, какъ часть ихъ удалилась и остались наиболѣе близкіе друзья дома, Шопенъ, нѣсколько развеселившись, усѣлся за фортепіано и началъ импровизировать. Окончивъ свою музыкальную сказку, онъ поднялъ глаза. Передъ нимъ, опершись на инструментъ, стояла просто одѣтая дама, отъ которой вѣяло ароматомъ фіалокъ. Она смотрѣла на него, какъ бы стараясь проникнуть темными огненными глазами въ его душу.

Черезъ нѣкоторое время, собираясь уходить, онъ увидѣлъ ту же даму. Она подошла къ нему вмѣстѣ съ Листомъ и стала разсыпаться въ похвалахъ по поводу блестящей импровизаціи. Шопенъ былъ польщенъ и только. Онъ кое-что зналъ про Жоржъ Зандъ, зналъ, что она

пользуется большой извѣстностью, что у нея было нѣсколько любовныхъ связей, что она вообще необыкновенная женщина, но, взглянувъ на нее, остался совершенно спокоенъ. Знаменитая писательница ему даже не понравилась. «Я,—писалъ онъ послѣ этой встрѣчи родителямъ,—познакомился съ большой знаменитостью, г-жею Дюдеванъ, извѣстной подъ именемъ Жоржъ Зандъ; но ея лицо мнѣ несимпатично и вовсе не понравилось. Въ немъ есть даже нѣчто такое, что меня отталкиваетъ».

Но не красотою одною побѣждаетъ женщина. Какъ ни несимпатична она кажется на большомъ разстояніи, если принять во вниманіе, что она не только часто мѣняла любовниковъ, но нисколько не церемонилась съ ними и бросала при первомъ удобномъ случаѣ, находя даже возможнымъ издѣваться надъ ними и позорить въ своихъ романахъ, какъ это она сдѣлала съ А. Мюссе, тѣмъ не менѣе было, вѣроятно, въ ней, въ ея натурѣ, въ ея умѣніи держаться съ мужчинами нѣчто притягательное, противъ чего не могли устоять даже люди, явно не симпатизировавшіе и не любившіе ея. Лучшаго доказательства, чѣмъ любовь Шопена, нельзя и привести. Нѣжный, хрупкій, съ женственною душою, проникнутый благоговѣніемъ ко всему чистому, идеальному, возвышенному, онъ вдругъ влюбляется въ женщину, которая куритъ табакъ, носитъ мужской костюмъ, ведетъ открыто самые свободные разговоры и имѣетъ за спиною такихъ безспорныхъ свидѣтелей ея вольной жизни, какъ Жюль Сандо, Альфредъ де-Мюссе и докторъ Паджелло. Когда она сошлась съ Мюссе, они уѣхали въ Венецію; когда она сблизилась съ Шопеномъ, мѣстомъ ихъ совмѣстнаго пребыванія сдѣлалась Маіорка. Сцена другая, но обстановка та же и, какъ мы увидимъ, даже роли оказались одинаковыми и съ однимъ и тѣмъ же грустнымъ концомъ. Въ Венеціи Мюссе, убаюкиваемый близостью Жоржъ Зандъ, одѣвалъ стройные стихи въ искусныя риѳмы; на Маіоркѣ Шопенъ, также убаюкиваемый близостью Жоржъ Зандъ, создавалъ свои баллады и прелюдіи. Въ разгаръ страсти Мюссе заболѣлъ; заболѣлъ также въ минуты высшаго любовнаго экстаза и Шопенъ. Словомъ, повторилась та же исторія. Болѣзнь Мюссе охладила жаръ талантливой женщины. То же самое произошло и во время болѣзни Шопена. Когда у него появились первые признаки чахотки, она стала тяготиться имъ. Красота, свѣжесть, здоровье—да; но какъ любить больного, хилаго, капризнаго и раздражительнаго человѣка? Такъ думала Жоржъ Зандъ. Она сама признавалась въ этомъ, стараясь, конечно, смягчить причину своей жестокости указаніемъ на другіе побочные мотивы.

Нужно было покончить. Но какъ? Шопенъ слишкомъ къ ней привязался и не хотѣлъ отстать. Знаменитая женщина, опытная въ такихъ дѣлахъ, испытала всѣ средства, но напрасно. Тогда она вспомнила выходку, которую себѣ позволила по отношенію къ Мюссе,—правда, послѣ его смерти. Какъ и тогда, она написала романъ («Lucrezia Floriani»), въ которомъ подъ именами вымышленныхъ лицъ вывела себя и своего возлюбленнаго, причемъ героя, т. е. Шопена, надѣлила всѣми слабостями, а себя возвеличила до небесъ. Казалось, послѣ этого разрывъ былъ неизбѣженъ; но Шопенъ медлилъ. Онъ не могъ разстаться съ Жоржъ Зандъ. Съ другой стороны, ему

не хотѣлось разрывомъ тотчасъ послѣ выхода романа подтвердить слухи, распространяемые на этотъ счетъ.

— Если,—сказалъ онъ,—я оставлю теперь эту женщину, которую любилъ и уважалъ, то превращу ея романъ въ истинную исторію и сдѣлаю ее жертвою общаго презрѣнія.

Шопенъ еще думалъ, что можно вернуть невозвратное. Дѣйствительность, однако, показала, что этого нельзя. Въ 1847 году, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ ихъ встрѣчи, любовники разстались.

Черезъ годъ послѣ разлуки Шопенъ и Жоржъ Зандъ встрѣтились въ домѣ одного общаго друга. Встрѣча поразила писательницу. Она вспомнила зло, которое причинила композитору, вспомнила свою несправедливость, жестокость, и ей захотѣлось помириться съ нимъ. Полная раскаянія, подошла она къ бывшему возлюбленному и протянула ему руку. Красивое лицо Шопена покрылось блѣдностью. Онъ отшатнулся и вышелъ изъ зала, не промолвивъ ни слова...

Не слѣдуетъ думать, что послѣ исчезновенія Жоржъ Зандъ со сцены жизни Шопена прекратилась нить, связывавшая его съ женщинами. У него еще была такая же «Муха», какъ у Гейне, женщина, влетѣвшая неожиданно въ его комнату въ то время, когда онъ уже былъ почти на смертномъ одрѣ и фактически пересталъ существовать не только для женщинъ, но и для самого себя. Мы говоримъ о княгинѣ Марселинѣ Чарторыжской. Она ухаживала за Шопеномъ въ послѣдніе дни его жизни, не отходя отъ его постели и оставаясь до послѣдней минуты вѣрною сидѣлкою. Нужно еще упомянуть и о графинѣ Дельфинѣ Потоцкой, которая, узнавъ о безнадежномъ положеніи Шопена, поспѣшила изъ Ниццы въ Парижъ, гдѣ дала ему нѣкоторымъ образомъ музыкальное напутствіе, пропѣвъ, по его желанію, нѣсколько трогательныхъ пѣсенъ въ то время, когда у него уже смежались вѣки, чтобы никогда не открываться. Наконецъ, надо назвать еще миссъ Стирлингъ, ученицу и восторженную поклонницу Шопена, шотландку, которая послѣ его смерти купила всю обстановку обѣихъ комнатъ Шопена и отвезла въ Лондонъ, гдѣ помѣстила въ устроенномъ ею Шопеновскомъ музеѣ.

Шпоръ. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, музыканты часто влюбляются въ пѣвицъ или музыкантшъ, на которыхъ весьма часто и женятся. Не избѣгъ этой участи и Шпоръ. Онъ влюбился въ Доретту Шейдлеръ, которая аккомпанировала ему обыкновенно на придворныхъ концертахъ на арфѣ и приводила всѣхъ въ восторгъ. Однажды послѣ одного такого концерта Шпоръ спросилъ:

— Не играть ли намъ такъ вмѣстѣ всю жизнь?

Доретта была того же мнѣнія, и бракъ былъ заключенъ. Цѣлыя двадцать восемь лѣтъ играли они вмѣстѣ великую симфонію семейной жизни, послѣ чего Доретта умерла. Во время своей болѣзни она съ большимъ интересомъ слѣдила за его работою надъ новой ораторіей «Кальварія», и Шпоръ постарался окончить ее по возможности скорѣе. «Мысль о томъ, что жена моя не дожила до перваго исполненія этой моей вещи, отравляетъ удовольствіе, которое доставилъ мнѣ ея успѣхъ»,— разсказывалъ онъ впослѣдствіи. Два года печали и одиночества прошли, прежде чѣмъ Шпоръ нашелъ въ Маріаннѣ Пфейферъ другую подругу жизни, которая также была хорошею музыкантшею.

Веберъ. Такія же сладкогласныя сирены играли большую роль и въ жизни Вебера. Жизнь его во время пребыванія въ Штутгартѣ была далеко не веселая, и вотъ одна восхитительная пѣвица, по имени Гретхенъ, рѣшила вывести его изъ состоянія унынія. Однако, вліяніе ея было скорѣе отрицательное, такъ какъ она склоняла его къ разнымъ необычайнымъ выходкамъ и пробудила въ немъ желаніе играть роль щедраго кавалера, что̀ совсѣмъ не гармонировало съ его тогдашними средствами. Къ счастію, во время перваго представленія его «Сильваны», 16 сентября 1810 года, онъ познакомился съ Каролиною Брандтъ, пѣвшей главную партію и имѣвшей огромный успѣхъ, вслѣдствіе чего публика стала бурно вызывать автора. Каролинѣ пришлось буквально вытолкнуть на сцену робкаго юношу, прятавшагося за кулисами. Тогда Веберъ еще не предчувствовалъ, что твердая рука, которая схватила его, чтобы вывести къ публикѣ, принадлежитъ его будущей женѣ.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого случая Веберъ сдѣлался капельмейстеромъ при саксонскомъ дворѣ и писалъ избранницѣ своего сердца: «Долго смотрѣлъ я на письмо графа Вицтума, не рѣшаясь его открыть. Что въ немъ—пріятное или непріятное? Наконецъ рѣшился. Что за радость! Я тотчасъ бросился ко всѣмъ друзьямъ. Они поздравляли меня, смѣялись и отвѣшивали поклоны новоиспеченому придворному капельмейстеру... За эту пріятную вѣсть я долженъ получить отъ тебя особый поцѣлуй». Вскорѣ они повѣнчались.

Какъ серьезно смотрѣлъ Веберъ на женитьбу, видно изъ его замѣтокъ въ дневникѣ: «Да благословитъ Господь нашъ союзъ и да дастъ онъ мнѣ силу и мощь сдѣлать мою возлюбленную Лину счастливою и довольною такъ, какъ я этого хочу въ глубинѣ души и какъ она вполнѣ заслуживаетъ». Молитва его была услышана. Веберъ былъ образцовымъ мужемъ и отцомъ и усердно работалъ для семьи до послѣдней возможности.

Мендельсонъ. Мендельсонъ былъ любимцемъ женщинъ. Его геній и красивая наружность служили для нихъ неотразимою притягательною силою. Доказательствомъ можетъ служить примѣръ талантливой Іоганны Кинкель, жены поэта Готфрида Кинкеля, часть дневника которой, съ подробностями о первомъ знакомствѣ съ Мендельсономъ, опубликована была только въ началѣ текущаго года *). Іоганна родилась въ 1810 году въ Боннѣ и съ малыхъ лѣтъ начала обнаруживать большія музыкальныя способности. Тѣмъ не менѣе, родители и не думали дать ей систематическое музыкальное образованіе, опасаясь, какъ бы она не засидѣлась въ дѣвахъ. Повинуясь волѣ родителей, она въ 1833 году вышла замужъ за одного кельнскаго книгопродавца, питая тайное желаніе освободиться въ качествѣ жены отъ родительской опеки и свободно посвятить себя музыкѣ. Но замужество оказалось несчастнымъ. Мужъ, бывшій раньше такимъ любезнымъ и предупредительнымъ, превратился вдругъ въ тирана. Полгода мучилась Іоганна и, не выдержавъ, вернулась въ родительскій домъ, куда принесла вмѣстѣ съ разбитыми надеждами также и разбитое въ истинномъ смыслѣ слова

---

*) «Felix Mendelsohn und Iohanna Kinkel. Ungedruckte TageBuchBlätter und Briefe. Mitgetheilt von Adeline Rittershaus («Neue Freie Presse», 19 April).

сердце: у нея сдѣлался порокъ сердца. Тутъ только упорные родители уступили и предоставили ей посвятить себя музыкѣ, чтобы въ искусствѣ найти забвеніе.

Первымъ ея шагомъ на пути къ полному забвенію прошлаго была поѣздка во Франкфуртъ, гдѣ остановился на время знаменитый композиторъ Мендельсонъ, произведеніями котораго она не переставала восхищаться. Узнавъ о ея намѣреніи поѣхать во Франкфутъ, родители вспомнили свою прежнюю власть и хотѣли удержать ее отъ этого шага; но Іоганна на этотъ разъ не подчинилась. Съ другой стороны, мужъ, котораго она бросила, не хотѣлъ ей дать отдѣльнаго вида на жительство. Іоганна сломя голову поѣхала безъ паспорта. Какъ только пароходъ отчалилъ отъ берега, она разсказала капитану о своемъ положеніи, и онъ обѣщалъ помочь ей. Уже въ первый день въ Кобленцѣ ее ожидала непріятность: въ гостинницу къ ней явился полицейскій чиновникъ и потребовалъ паспортъ. Іоганна спаслась хитростью: она заявила, что ей не было извѣстно, нужны ли женщинамъ паспорта, тѣмъ болѣе, что личность ея можетъ быть удостовѣрена тѣми или другими знатными жителями города, которыхъ, однако, она знала только по имени. Чиновникъ извинился и ушелъ. Такая же исторія произошла и въ Майнцѣ, но тамъ спасъ ее капитанъ, занявшій чиновника постороннимъ разговоромъ, чтобы Іоганна могла укрыться и затѣмъ незамѣтно выскочить на берегъ. Она сѣла на перваго извозчика и велѣла ѣхать. Только подъ Кастелемъ она рѣшилась остановить его, чтобы поговорить съ нимъ о цѣли дальнѣйшей ѣзды—Редельгеймѣ. Но и тутъ ее ждало горе: извозчикъ, которому было всего 15 лѣтъ, не зналъ, гдѣ Редельгеймъ. Съ большими мученіями, блуждая, сбиваясь съ дороги, добралась она, наконецъ, до Редельгейма, откуда до Франкфурта было уже рукой подать.

Однако, и во Франкфуртѣ ей не сразу удалось познакомиться съ Мендельсономъ. Онъ рѣдко кого принималъ у себя изъ постороннихъ и доступъ къ нему былъ очень затруднителенъ. Послѣ долгихъ хлопотъ она хотѣла обратиться къ вдовѣ Фридриха Шлегеля, Доротеѣ, дочери философа Моисея Мендельсона, а слѣдовательно теткѣ композитора; но ей сказали, что и она сама рѣдко видитъ племянника, а потому Іоганнѣ лучше отказаться отъ намѣренія познакомиться съ неприступнымъ геніемъ. Наконецъ, она всетаки познакомилась съ нимъ у вдовы Шлегель и получила приглашеніе пріѣхать къ нему на домъ.

Вся опубликованная часть дневника Іоганны представляетъ сплошной диѳирамбъ, понятный только подъ перомъ влюбленной женщины. У Мендельсона нѣтъ недостатковъ. Онъ—неземное созданіе. Его произведенія божественны и стоятъ выше критики... Намъ нѣтъ надобности повторять всѣ славословія любящей женщины: они слишкомъ однообразны, тѣмъ болѣе, что откровенности насчетъ дальнѣйшихъ отношеній къ геніальному композитору отъ Іоганны ожидать нельзя,—по крайней мѣрѣ, въ опубликованной части своего дневника она ни единымъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ. Мендельсонъ и Іоганна часто бывали вмѣстѣ, они восторгались взаимною игрою, расточали другъ другу любезности, вотъ все, къ чему сводится содержаніе этихъ страницъ. Въ дальнѣйшей части дневника, вѣроятно, мы узнаемъ остальное. Но и одного упорнаго ухаживанія Іоганны до-

статочно, чтобы убѣдиться, какимъ культомъ окружали Мендельсона женщины.

Годъ спустя Іоганна опять посѣтила своего кумира въ Лейпцигѣ. Мендельсонъ извинился передъ ней при этомъ, что въ прошломъ году такъ избѣгалъ людей во Франкфуртѣ. Тутъ же онъ объяснилъ ей причину: онъ былъ влюбленъ въ Цецилію Жанрено и его мучило опасеніе, не оставитъ ли она его любовь безъ отвѣта. Цецилія, однако, не могла быть исключеніемъ изъ общаго числа: она не только отвѣтила на его чувство, но сдѣлалась его женою, и въ то время, когда Мендельсонъ видѣлся съ Іоганною въ Лейпцигѣ, онъ былъ уже женихомъ очаровательной дѣвушки.

Клара Викъ.

Прибавимъ, что Цецилія Жанрено была прелестной дочерью не менѣе прелестной матери, вдовы одного протестантскаго пастора, которая до того бдительно слѣдила за отношеніями Мендельсона къ ея дочери, что дала пищу молвѣ, будто его ухаживанія имѣютъ цѣль не ея дочь, а ее самое...

Шуманъ. Нелегко далась Шуману женитьба на Кларѣ Викъ. Клара была дочерью композитора, у котораго Шуманъ учился и жилъ на квартирѣ. Онъ ежедневно видѣлся съ нею и ежедневно же имѣлъ возможность слушать ея превосходную игру на фортепіано. Молодые люди влюбились, но Вику вовсе не хотѣлось имѣть зятемъ бѣдняка-музыканта, какимъ былъ Шуманъ, и поэтому онъ запретилъ ему встрѣчаться съ дочерью и даже писать ей. Шуманъ нашелъ геніальный выходъ: редактируя одну музыкальную газету, онъ завелъ въ ней отдѣлъ: «Письма къ Кларѣ» и началъ помѣщать въ немъ настоящія любовныя письма рядомъ со статьями и рецензіями. Наконецъ, Викъ уступилъ и далъ согласіе.

У Шумана и Клары были одинаковыя мысли и имъ не нужно было много разговаривать, чтобы понять другъ друга. Самое объясненіе въ любви было у нихъ безмолвное: Шуманъ изложилъ Кларѣ на фортепіано, какъ сильно ее любитъ, и она отвѣтила, что вполнѣ раздѣляетъ его чувство. Уже много лѣтъ спустя послѣ женитьбы ихъ

часто можно было видѣть сидящими за фортепіано, причемъ она играла одной рукою piano, онъ—forte, а обѣими свободными руками они обнимали другъ друга. Шуманъ часто попадалъ въ затруднительное денежное положеніе, но жена каждый разъ выводила его изъ этого затрудненія. Когда же онъ сошелъ съ ума, она сама поддерживала и воспитывала своихъ семерыхъ дѣтей. Послѣ его смерти Клара исполняла публично его концерты и играла такъ, какъ только могла играть Клара Шуманъ, королева піанистокъ, какъ ее называли по справедливости. Передъ каждымъ концертомъ она обыкновенно перечитывала старыя любовныя записки, которыя писалъ ей мужъ. Она сама объясняла это тѣмъ, что хотѣла при истолкованіи его произведеній воспроизвести ихъ духъ.

Россини. Если кто изъ знаменитыхъ музыкантовъ-композиторовъ пользовался особенной любовью у женщинъ, такъ это, конечно, Россини. Своей красивой наружностью и талантомъ онъ до того приводилъ въ восторгъ женскій міръ, что нѣсколько разъ едва не падалъ жертвою ревнивыхъ жениховъ или мужей.

Однажды явился къ Россини хорошенькій пажъ и, вручивъ записку, удалился. Въ запискѣ какая-то влюбленная дама назначала ему свиданіе. Россини отправился въ указанное мѣсто, за городомъ, и началъ напѣвать одну изъ своихъ арій, по которой его должны были узнать. Вскорѣ открылись ворота парка и оттуда выступила прекрасная незнакомка. Разговоръ былъ очень нѣжный и при прощаніи милая парочка условилась, что пажъ на слѣдующій день снова принесетъ записку съ указаніемъ мѣста, гдѣ можно опять увидѣться. Россини догадался, что пажъ и прекрасная незнакомка—одно и то же лицо, и поэтому на слѣдующій день, какъ только пажъ удалился, послѣдовалъ за нимъ. Подозрѣніе подтвердилось: пажъ оказался очаровательною женою одного богатаго сицилійца. Когда онъ въ третій разъ пришелъ на свиданіе съ нею, у самаго входа въ паркъ раздался выстрѣлъ и пуля пролетѣла мимо его головы. Въ то же время двое замаскированныхъ мужчинъ бросились на него съ обнаженными рапирами. Такъ какъ при Россини оружія не было, то ему ничего другого не оставалось, какъ удариться въ постыдное бѣгство.

Одной изъ причинъ большого успѣха Россини у женщинъ было то, что онъ самъ былъ о себѣ очень высокаго мнѣнія. Однажды онъ сказалъ одной хорошенькой женщинѣ, случайно очутившейся между нимъ и герцогомъ Веллингтономъ:

— Сударыня, какой счастливой вы должны считать себя, что стоите между обоими величайшими людьми въ Европѣ.

Россини женился на пѣвицѣ Колброу. Черезъ три года онъ посѣтилъ Англію и не мало сердился, когда его любимой женѣ былъ тамъ оказанъ далеко не восторженный пріемъ.

Доницетти. Сладкіе мотивы, разбросанные въ операхъ Доницетти, лучше всего свидѣтельствуютъ о его влюбчивости и поклоненіи женщинамъ. Жену свою онъ боготворилъ и она отвѣчала ему тѣмъ же. Два года супруги пользовались безоблачнымъ счастіемъ, какъ вдругъ жена умираетъ отъ холеры. Доницетти потерялъ всякій интересъ къ жизни Онъ пересталъ заботиться о себѣ. Міръ ему началъ казаться безнадежною пустынею, въ которой ему суждено

было блуждать безъ цѣли и смысла. Онъ принадлежалъ, повидимому, къ тѣмъ Азра, которые, по свидѣтельству Гейне, «умираютъ, когда любятъ».

Беллини. Жизнь мечтательнаго Беллини была отравлена печально-романтическимъ любовнымъ романомъ. Онъ влюбился въ одну прекрасную неаполитанку, дочь одного судьи, который, однако, отклонилъ ухаживанія композитора, такъ какъ положеніе Беллини мало могло бы льстить ему, какъ тестю. Когда же Беллини сдѣлался знаменитъ, судья перемѣнилъ свое рѣшеніе, но гордость композитора не позволила ему взять то, что было прежде отвергнуто. Онъ отказался. Вскорѣ послѣ того умерла молодая дѣвушка, продолжавшая любить своего прежняго поклонника, и Беллини, какъ говорятъ, не могъ оправиться послѣ этого удара.

Верди. Родители Верди были простыми поселянами, жившими недалеко отъ Буссето. Маленькій Джузеппе съ удовольствіемъ слушалъ игру на органѣ въ скромной деревенской церкви, куда онъ охотно ходилъ. Сдѣлавшись юношею, онъ однажды прошелъ мимо одного изъ лучшихъ домовъ въ Буссето. Вдругъ за окнами послышались звуки фортепіано. Онъ остановился и началъ слушать. Кто-то игралъ хорошо, и съ тѣхъ поръ молодого Верди начала тянуть къ этимъ окнамъ невѣдомая сила. Антоніо Барецци, образованный и богатый купецъ, хозяинъ дома, въ которомъ раздавались чудные звуки, замѣтилъ мальчика и спросилъ, что онъ тутъ дѣлаетъ.

— Я немного играю на піанино,—отвѣтилъ Верди,—и мнѣ очень пріятно слушать здѣсь музыку.

— Вотъ какъ! Такъ не лучше ли зайти ко мнѣ въ домъ?.. Тамъ тебѣ будетъ гораздо удобнѣе слушать мою дочь.

Получивъ разрѣшеніе посѣщать домъ Барецци, восхищенный молодой человѣкъ не заставилъ себя долго ждать. Купецъ оказался человѣкомъ гуманнымъ. Онъ взялъ піаниста подъ свое покровительство и всячески помогалъ проложить дорогу въ жизни; когда дорога была проложена, отдалъ ему въ жены свою дочь, игрою которой Верди такъ восхищался раньше. Новое доказательство того, какъ вліяетъ музыка на человѣческое сердце.

Вагнеръ. Бѣдность и любовь не всегда уживаются. Это блестяще подтвердилъ Рихардъ Вагнеръ. Когда ему было 26 лѣтъ, онъ влюбился въ одну хорошенькую оперную пѣвицу. Молодой композиторъ, носившійся уже тогда съ грандіозными планами, возлагалъ большія надежды на «музыку будущаго», но на надежды эти, къ сожалѣнію, нельзя было купить ни дровъ, ни пальто—двѣ вещи, въ которыхъ, какъ Вагнеръ самъ признался Листу послѣ свадьбы, онъ очень нуждался. Если бы Листъ не выводилъ его иногда изъ затруднительнаго положенія и если бы по временамъ онъ самъ не получалъ приглашенія дирижировать оркестромъ, то врядъ ли бы прожилъ съ женою долго. Вагнеръ былъ очень нервенъ и легко раздражался. Женѣ пришло въ голову, что онъ тяготится ею, и она сдѣлалась морфинисткою. Композиторъ всѣми силами старался отвратить ее отъ этого порока, но напрасно. Мужъ и жена все болѣе и болѣе отчуждались другъ отъ друга. Они тяготились совмѣстною жизнью, и если бы только не общая любовь къ маленькой собачкѣ и канарейкѣ, которыхъ они оба любили

и съ которыми ни за что не хотѣли разстаться, разрывъ былъ бы неизбѣженъ. Когда же обоихъ этихъ любимцевъ не стало, послѣднее препятствіе исчезло, и супруги развелись.

Гансъ Бюловъ. Гансъ Бюловъ, другъ Вагнера, былъ очень раздражительнаго и непріятнаго характеръ. Жилъ онъ въ Мюнхенѣ, гдѣ тогда ставились оперы его знаменитаго друга. Женою его была дочь Листа, Козима, женщина тихая, спокойная, не выносившая рѣзкихъ выходокъ мужа. Страдая отъ человѣка, съ которымъ ее связалъ законъ, она искала утѣшенія у его друга и товарища по профессіи—Вагнера, съ которымъ ничѣмъ не была связана. Въ концѣ концовъ супруги развелись, и Козима Бюловъ сдѣлалась Козимою Вагнеръ. Творецъ «Лоэнгрина» ожилъ, такъ какъ во второй женѣ нашелъ тотъ идеалъ, котораго напрасно искалъ въ первой. Этому, конечно, не мало способствовали успѣхи Вагнера. Музыка его вошла въ моду, оперы начали обходить всѣ сцены. Жена сопровождала его во всѣхъ поѣздкахъ, которыя онъ предпринималъ въ погонѣ за лаврами.

Когда Вагнеръ умеръ (въ 1883 году) въ Венеціи, она въ доказательство любви и преданности къ мужу отрѣзала себѣ волосы, которыми покойный мужъ ея такъ восхищался, и положила ихъ на красной подушкѣ въ гробъ подъ его голову.

Брамсъ. Брамсъ остался холостякомъ подобно Бетховену, съ которымъ, по мнѣнію нѣмцевъ, у него такъ много общаго, не исключая музыкальнаго таланта. Онъ былъ угрюмъ, раздражителенъ, рѣзокъ. Но это всетаки не мѣшало женщинамъ восторгаться имъ. Особенно любилъ онъ посѣщать домъ доктора Феллингера, жена котораго боготворила великаго композитора. До чего доходилъ культъ Брамса въ этой семьѣ, видно изъ того, что г-жа Феллингеръ, умѣвшая рисовать, писала съ него портреты красками, снимала фотографіи во всевозможныхъ видахъ, вышивала ноты-пѣсни самого Брамса, а въ день его рожденія поднесла ему однажды пирогъ, на которомъ былъ выпеченъ рядъ искусно сдѣланныхъ изъ тѣста нотныхъ фразъ; по этимъ фразамъ композиторъ тотчасъ же узналъ одну изъ своихъ народныхъ пѣсенъ. Брамсъ со смѣхомъ могъ только сказать: «Вы поете меня, вы рисуете меня, вы вышиваете меня, вы печете меня!».

Семья Феллингера дѣлала все возможное, чтобы нѣсколько озарить грустное существованіе Брамса. Однажды въ рождественскій сочельникъ г-жа Феллингеръ взяла его подъ руку и подвела къ дамскому туалетному столику, установленному всевозможными пудреницами, банками для помады, флаконами съ разными парфюмерными жидкостями и т. п. Все это было убрано цвѣтами, кружевами, лентами. Брамсъ остолбенѣлъ.

— Неужели это для меня? Да что я буду съ ними дѣлать?

— Очень многое, г-нъ Брамсъ,—отвѣчала хозяйка.

— Боже сохрани! Какъ могутъ вамъ придти въ голову такія вещи? Я—и одеколонъ или помада! А столикъ такой изящный и красивый! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

И онъ рѣшительно повернулся спиною къ подарку.

— Но присмотритесь лучше, г-нъ Брамсъ!—замѣтила хозяйка и какъ бы нечаянно сбросила крышку съ одной коробки. Оказалось, что въ коробкѣ были анчоусы, въ другихъ туалетныхъ коробкахъ и чашкахъ

сардины, скумбрія, копченыя и некопченыя сельди, во флаконахъ—коньякъ, ромъ, вишневка и т. д.

Ужасъ Брамса прошелъ моментально и замѣнился доброю улыбкою благодарности. Весь вечеръ послѣ этого онъ былъ въ превосходномъ настроеніи.

Францъ Листъ.

Францъ Листъ пережилъ одинъ изъ удивительнѣйшихъ романовъ. Онъ любилъ, былъ любимъ и, тѣмъ не менѣе, не могъ жениться на предметѣ своей страсти. Препятствій было много. Когда же препятствія исчезли, онъ самъ отказался отъ цѣли, къ которой стремился много лѣтъ. Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе этого удивительнаго, далеко еще не выясненнаго романа.

Возлюбленною его была княгиня Сайнъ-Витгенштейнъ, урожденная Ивановская. Благодаря своему отцу, человѣку серьезному и строгому, она получила основательное воспитаніе, научилась мыслить логически, познакомилась съ хозяйственными дѣлами и выработала въ себѣ глубокій практическій умъ. Затѣмъ, дальнѣйшимъ воспитаніемъ ея занялась мать, человѣкъ совсѣмъ иного рода. Мать любила свѣтъ, удовольствія, блескъ, знакомства съ знаменитостями, путешествія. Такимъ образомъ, въ душѣ Каролины ужились два противоположныхъ теченія: идеализмъ и практицизмъ. Одно не мѣшало другому. Поэзія и проза шли объ руку, дополняя другъ друга.

По настоянію отца, Каролина 17 ти лѣтъ вышла замужъ за князя Николая Сайнъ-Витгенштейна, сына русскаго фельдмаршала, человѣка грубаго, развратнаго, расточительнаго. Жить съ нимъ нельзя было, и она обратилась къ императору Николаю I съ просьбою о разводѣ, намѣреваясь потомъ просить о томъ же папу. Къ этому склоняла ее еще любовь къ Францу Листу, съ которымъ она познакомилась въ 1847 году во время его пребыванія въ Кіевѣ и произведенія котораго приводили ее въ восторгъ еще раньше. На почвѣ взаимной любви къ музыкѣ и начались между ними близкія отношенія. Листъ тогда носился съ грандіознымъ музыкальнымъ планомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы его «Божественная Комедія» (по Данте) была исполнена съ иллюстраціями соотвѣтствующихъ сценъ изъ безсмертнаго произведенія флорентійскаго поэта путемъ діарамы (нѣчто подобное сдѣлалъ Листъ у Мункачи, когда за полотномъ его картины «Смерть Моцарта» игралъ реквіемъ, при звукахъ котораго Моцартъ испустилъ духъ). Но планъ, требовавшій для своего исполненія огромной суммы, не удался, хотя Каролина вызвалась дать эти деньги.

Близость отношеній между Листомъ и Каролиною еще болѣе усилилась, когда композиторъ-виртуозъ пріѣхалъ къ ней въ одно изъ подольскихъ помѣстій, чтобы погостить. Конечно, дѣло кончилось бы бракомъ, если бы просьба о разводѣ имѣла успѣхъ. Но она не имѣла успѣха. Наоборотъ, получился приказъ о конфискаціи ея имѣній и о запрещеніи ей самой возвратиться въ Россію (она жила въ то время въ Карлсбадѣ). Положеніе было ужасное. Съ одной стороны—законъ, преграждающій путь къ любимому человѣку; съ другой—общество, которое не проститъ ни единаго шага черезъ границу, проложеннную давно установившимися понятіями и обычаями. Что было дѣлать?

И вотъ она рѣшилась. Какъ свидѣтельствуетъ ея дочь, Марія Липсіусъ, выпустившая въ мартѣ 1900 года въ Лейпцигѣ «Письма

Франца Листа къ княгинѣ Каролинѣ Сайнъ-Витгенштейнъ», она, т. е. Каролина, «принесла для Листа въ жертву все: свое отечество, свои хозяйственныя занятія въ помѣстьяхъ, свое видное положеніе и даже—въ глазахъ близорукихъ, которымъ недоставало способности цѣнить ея высокую, строгую нравственность,—свое доброе имя; она начала удивительнымъ образомъ борьбу съ тираническими силами и одновременно съ мелкими затрудненіями и довела ее до конца... Она создала ему домъ, слѣдила тамъ за его духовной дѣятельностью, пеклась о его здоровьи; для его блага она урегулировала малѣйшія привычки, оберегала его отъ излишествъ, заботилась обо всѣхъ его дѣлахъ съ неустаннымъ участіемъ, отдалась попеченію о его матери и дѣтяхъ и творила гостепріимство, которое врядъ ли можно было оказывать болѣе дружески, болѣе благородно».

Что Листъ, питавшій большую склонность къ идеальнымъ женщинамъ, одною изъ которыхъ, несомнѣнно, была Каролина, отвѣчалъ ей такою же искренностью и привязанностью, понятно само собою. Его письма къ ней дышатъ не только поэзіею, но и вдохновеніемъ. «Пусть добрые Божьи ангелы несутъ васъ на своихъ крыльяхъ вмѣстѣ съ Маньолеттою» (княжна Марія), пишетъ онъ ей въ одномъ письмѣ. Въ другомъ онъ замѣчаетъ: «Потерпите, возлюбленная и безконечно дорогая невѣста, сестра, подруга, помощница и опора, радость, благословеніе и слава моей жизни». Въ третій разъ онъ посылаетъ ей слѣдующую фразу, которую мы оставляемъ непереведенною: «Elle (рѣчь идетъ о дочери княгини) est devenue pour moi le signe manifeste de la bonté de Dieu pour nous et son image se relie saintement dans ma pensée à vos traits de flamme, comme la figure de la Vierge à celle du Christ». Это уже не любовь, а экстазъ, не страсть, а умиленіе...

Когда надъ княгинею Каролиною разразился неожиданный громъ, она уѣхала въ Веймаръ. Туда же послѣдовалъ и Листъ, и влюбленные поселились въ одномъ замкѣ, который отдала Каролинѣ великая герцогиня, принявшая большое участіе въ судьбѣ пострадавшей. Двѣнадцать лѣтъ, проведенныхъ въ Веймарѣ, были лучшею порою въ жизни Листа. У него дѣйствительно оказался собственный «домъ». За нимъ ухаживали, охраняли его вдохновеніе. Каролина была сотрудницею Листа въ его книгѣ о Шопенѣ и, когда ее спросили, что принадлежитъ въ этой книгѣ Листу и что ей, отвѣчала: «Разъ два человѣка настолько связаны, что составляютъ одно цѣлое, то нельзя указать, что сдѣлалъ одинъ и что было сдѣлано другимъ». Она же вдохновила ему ораторію «Св. Елизавета». Лучшіе представители тогдашней умственной знати Германіи, Франціи и Англіи собирались въ ея салонѣ, гдѣ, кромѣ нея, блистала еще ея дочь Марія, вышедшая впослѣдствіи за князя Гогенлоэ.

Какъ, однако, ни счастливы были возлюбленные, но имъ нельзя было не сознавать, что они занимаютъ ложное положеніе въ глазахъ общества. Но оно вскорѣ перемѣнилось. Въ Россіи вступилъ на престолъ императоръ Александръ II, а вмѣстѣ съ этимъ была удовлетворена просьба Каролины о разводѣ. Наконецъ, можно было осуществить давнишнюю мечту. Оставалось еще испросить у папы согласіе на разводъ, но папа дастъ! И дѣйствительно, папа согласился. Уже былъ назначенъ день бракосочетанія, какъ вдругъ получается изъ Рима

вѣсть: папа беретъ согласіе назадъ! Говорили, что какія-то темныя личности были наканунѣ у папы и убѣдили его перемѣнить мнѣніе. Во всякомъ случаѣ то, что было близко и возможно, сдѣлалось невозможнымъ и далекимъ.

Отчаяніе Каролины не знало границъ; но подоспѣла неожиданная помощь: умеръ мужъ. Теперь уже не могло быть и рѣчи о препятствіяхъ. Пала послѣдняя преграда. Но радость Каролины и на этотъ разъ была непродолжительна: Листъ, бывшій всегда религіознымъ, неожиданно постригся въ монахи. Послѣ этого надежды уже не было.

Что заставило Листа постричься въ монахи какъ разъ въ то время, когда давно желанная цѣль могла быть осуществлена, такъ и остается тайною до настоящаго времени. Ни воспоминанія близкихъ къ нему или къ Каролинѣ лицъ, какъ, напримѣръ, французской писательницы Мелегари, ни опубликованныя недавно дочерью Каролины письма ея къ Листу не раскрываютъ этой тайны. Листъ и Каролина унесли ее въ могилу: онъ въ 1886 году, она—черезъ семь мѣсяцевъ послѣ его смерти, которую пережить не могла.

Листъ и графиня д'Агу.

Не менѣе замѣчательны были отношенія Листа къ графинѣ д'Агу, по времени предшествовавшія его связи съ графинею Сайнъ-Витгенштейнъ. Чтобы познакомиться съ исторіею этихъ отношеній, достаточно прочесть романъ Бальзака: «Les amours forcés», въ которомъ графиня д'Агу выведена подъ именемъ Арабеллы. Впослѣдствіи сама графиня выпустила воспоминанія, въ которыхъ довольно подробно говоритъ о своей любви къ Листу. Къ несчастію, любовь эта кончилась не менѣе печально, чѣмъ любовь къ графинѣ Сайнъ-Витгенштейнъ, съ которою мы только-что познакомились.

Графиня д'Агу, урожденная Флавиньи, родилась во французской семьѣ, но въ нѣмецкомъ городѣ—во Франкфуртѣ. Когда Наполеонъ жилъ на островѣ Эльбѣ, семья эта вернулась во Францію, но въ тревожный 1815 годъ, когда великій корсиканецъ вызвалъ новыя военныя бури во Франціи, опять переселилась во Франкфуртъ, такъ какъ глава семьи, графъ Флавиньи, могъ, какъ приверженецъ Бурбоновъ, опасаться подозрѣній завоевателя. Будущей графинѣ д'Агу было въ то время только 10 лѣтъ, но она обращала уже на себя вниманіе своимъ умомъ и красотою. Когда она выросла, вокругъ нея, какъ общепризнанной красавицы, начала толпиться цѣлая армія воздыхателей, къ числу которыхъ принадлежали, между прочимъ, англійскій посланникъ Вильямъ Лемъ (мужъ возлюбленной Байрона), датскій посланникъ Пехлинъ, Шатобріанъ. Впослѣдствіи она переселилась съ матерью въ Парижъ, гдѣ успѣхъ ея, какъ свѣтской красавицы, былъ не менѣе великъ. Одинъ изъ ея современниковъ описываетъ ее какъ высокаго роста блондинку съ длинными рыжеватыми волосами, большими мечтательными глазами, бѣлой бархатной кожей, изящнымъ носомъ и благородно очерченнымъ лбомъ. Руки и ноги были у нея маленькія и красивыя. Тогда ее сравнивали съ какою-то петербургскою красавицею и пальма первенства осталась за нею. «Какъ можно сравнить русскую кожу съ бѣлымъ французскимъ атласомъ?», сказалъ по этому поводу одинъ изъ ея поклонниковъ. Ко всему этому она обладала недюжиннымъ музыкальнымъ талантомъ.

Несмотря на всѣ эти качества, никто не предлагалъ руки графинѣ Флавиньи. Съ другой стороны, и она оставалась равнодушною къ уха-

живаніямъ и комплиментамъ, которыми ее осыпали. Къ одному только генералу Лагарду, человѣку пожилому, но обладавшему всѣмъ арсеналомъ французскаго лоска, она почувствовала нѣкоторое влеченіе, и между ними завязалось нѣчто вродѣ романа, но онъ окончился въ самомъ началѣ. Изящный генералъ вдругъ уѣхалъ, такъ и не объяснившись въ любви своей прекрасной подругѣ. Она осталась въ полномъ невѣдѣніи, грустная, тоскующая, и, можетъ быть, это-то и было причиною того, что она вышла замужъ за нелюбимаго человѣка—графа д'Агу, бывшаго къ тому же старше ея на цѣлыхъ двадцать лѣтъ (графинѣ въ то время было 23 года). Впрочемъ, графъ этотъ былъ не безъ достоинствъ, пользовался большимъ престижемъ при дворѣ Карла X, былъ очень строгъ въ дѣлахъ чести, умѣлъ занимать общество пріятнымъ разговоромъ, рыцарски велъ себя по отношенію къ дамамъ, и графиня, вѣроятно, была бы счастлива съ нимъ, если бы не отличалась безпокойнымъ характеромъ и жаждою впечатлѣній. Несмотря на то, что у нея было трое дѣтей, она то-и-дѣло ѣздила на балы, блистала въ свѣтѣ, куда всегда являлась въ восхитительныхъ, но бросающихся въ глаза туалетахъ. Считая себя богато одаренною въ умственномъ отношеніи, она старалась играть роль въ парижскихъ салонахъ, отживавшихъ тогда послѣднія минуты своего расцвѣта. Въ одномъ изъ нихъ и встрѣтилъ ее Францъ Листъ.

Произошло это въ салонѣ герцогини Дюрасъ, автора извѣстнаго романа «Урика», въ которомъ главную роль играетъ негритянка. Поэзія и музыка преобладали въ этомъ салонѣ: читались стихотворенія, играли на фортепіано. Листъ, посѣщавшій этотъ салонъ, былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Длинный, стройный, худой съ блѣднымъ мраморнымъ лицомъ и высокимъ лбомъ мыслителя, онъ сразу производилъ впечатлѣніе человѣка необыкновеннаго. Его религіозность была извѣстна всѣмъ. Всѣ знали, что онъ часто колебался еще въ то время, сдѣлаться ли ему жрецомъ искусства или священникомъ. Какъ музыкантъ, онъ приковывалъ къ себѣ общее вниманіе, и въ числѣ его пламеннѣйшихъ поклонниковъ были такія лица, какъ Альфредъ Мюссе и Жоржъ Зандъ, произведенія которыхъ имѣли на него большое вліяніе. Дамы ухаживали за нимъ, за этимъ «Паганини фортепіано», какъ называли Листа. Никто не обращалъ вниманія на то, что Листъ простого происхожденія, такъ какъ отецъ его былъ второстепеннымъ чиновникомъ: свѣтскія манеры и музыкальный геній заставили аристократическія сферы Парижа забыть объ этомъ. Листъ сдѣлался настоящимъ божкомъ, на алтарь котораго женщины нерѣдко приносили свою стыдливость, честь и репутацію.

Принесла ихъ въ жертву и графиня д'Агу. Она влюбилась въ Листа. То обстоятельство, что геніальный юноша не отвѣтилъ сразу на ея чувство, только еще болѣе придало ей силы. Нужно было во что бы то ни стало расположить его къ себѣ. И старанія графини увѣнчались полнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что господствовавшая въ то время идея свободной любви, находя художественное оправданіе въ романахъ Жоржъ Зандъ, широко открывала ему въ его совѣсти дорогу къ сердцу замужней женщины.

Близкія отношенія между влюбленными кончились тѣмъ, что графиня д'Агу бросила мужа и уѣхала съ Листомъ въ Швейцарію. Листъ былъ наверху блаженства, какъ можно судить по слѣдующему его

письму къ одному другу-писателю: «Если хотите описать исторію двухъ счастливыхъ любовниковъ, то выберите берегъ озера Комо. Никогда еще небо не судило мнѣ столь благословеннаго уголка на землѣ. Очарованіе любви должно тамъ дѣйствовать съ удвоенною силою. Представьте себѣ идеальный образъ женщины, небесная прелесть которой внушаетъ благоговѣніе, а рядомъ съ нею—юношу, который вѣренъ и счастливъ не въ мѣру... О, вы, навѣрно, уже догадываетесь, какъ зовутъ эту любовную парочку!».

Счастіе Листа продолжалось долго, потому что за время пребыванія въ Швейцаріи графиня родила ему трехъ дѣтей: Даніэля, Христину и Козиму. Листъ былъ любящимъ отцомъ, но не обладалъ въ то время большими средствами, какъ впослѣдствіи, когда золото обильно сыпалось въ его карманы. Жизнь становилась въ тягость. Между тѣмъ, графиня д'Агу не привыкла къ лишеніямъ. Начались обычныя сцены, ссоры, и дѣло кончилось тѣмъ, что любовники разстались. Листъ предпринялъ большое артистическое путешествіе, а графиня, по его требованію, поѣхала въ Парижъ, гдѣ поселилась у его матери.

Вскорѣ и послѣдняя тѣнь близости между влюбленными исчезла. Графиня д'Агу тяготилась независимостью и, чтобы выйти на самостоятельную дорогу, занялась литературою. Ея первый романъ «Нелида» имѣлъ большой успѣхъ, такъ какъ она описала въ немъ собственную жизнь. Конечно, Листъ былъ въ немъ выставленъ въ самомъ черномъ свѣтѣ. Въ этомъ отношеніи она сдѣлала только то, что сдѣлала Жоржъ Зандъ, оклеветавшая Альфреда Мюссе послѣ разрыва, и лэди Лемъ, подвергшая такой же участи своего бывшаго любовника Байрона. Романъ вызвалъ много порицаній, но его много читали. Шатобріанъ находилъ его даже образцомъ остроумной ироніи, а молодой писатель Ронсаръ, бывшій въ восторгѣ отъ графини, ставилъ ея произведенія на одинаковую высоту съ романами Жоржъ Зандъ. Послѣднее и было причиною того, что графиня посвятила Ронсару свои мемуары.

Къ удивленію, въ этихъ мемуарахъ ничего не говорится о Листѣ. Въ предисловіи она замѣчаетъ по этому поводу: «Умно ли, хорошо ли передавать равнодушнымъ читателямъ книгу своихъ наиболѣе тайныхъ влеченій? Разумно ли или безсмысленно писать и печатать свои мемуары? Врядъ ли есть болѣе щекотливый вопросъ. Болѣе десяти лѣтъ я тщетно искала удовлетворительный отвѣтъ. Мысль объ этомъ меня часто до того мучила, что мнѣ пришлось въ концѣ концовъ совершенно ее бросить. Однако, она каждый разъ возрождалась. И во время чтенія мемуаровъ, что я дѣлала съ удовольствіемъ, меня обуревали тѣ же сомнѣнія и тѣ же искушенія. Кромѣ Гёте и Альфіери, которые при своей откровенности всегда оставались въ предѣлахъ добропорядочности, всѣ писатели меня столь же отталкивали отъ себя своими автобіографіями, какъ и привлекали. Особенно Руссо вызвалъ во мнѣ одновременно восторгъ и ужасъ своими удивительными и всетаки подлыми признаніями».

Себя, впрочемъ, графиня д'Агу считаетъ «исключительнымъ существомъ», потому что она обладаетъ талантамъ и не пошла протореннными дорожками, а проложила себѣ въ жизни собственную дорогу. По этой именно причинѣ она нашла возможнымъ опубликовать свои

мемуары, изобразивъ своего прежняго любовника самыми мрачными красками. Нужно ли прибавлять, что подъ словами «самостоятельная дорога» графиня д'Агу разумѣла полное пренебреженіе ко всѣмъ приличіямъ и жизнь вопреки нравственному кодексу, начавшему складываться тотчасъ же послѣ перваго грѣхопаденія?

Графинѣ д'Агу не давали спать лавры Жоржъ Зандъ. Она ей подражала не только въ жизни, но и въ литературѣ и даже выбрала себѣ мужской псеводнимъ—Даніэль Стернъ*). Подъ нимъ, между прочимъ, она издала свою исторію революціи 1848 года. Въ этой исторіи графиня высказываетъ демократическія воззрѣнія, что, конечно, объясняется остракизмомъ, которому она подверглась въ аристократическихъ сферахъ изъ-за незаконной связи съ Листомъ.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

УЧЕНЫЕ и МЫСЛИТЕЛИ.

Гальвани.—Гюберъ.—Ляйэль.—Фарадей. — Агассисъ.—Оуэнъ.—Тиндаль.—Дженнеръ.—Руссо.—Карлейль.—Бентамъ.—Ренанъ.—Юмъ.—Бокль.

Вмѣстѣ съ учеными и мыслителями мы вступаемъ въ совершенно другую область сердечныхъ отношеній. Если въ мірѣ поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ, вообще въ мірѣ представителей творчества мы сплошь и рядомъ наталкивались на бурныя страсти, огонь и лаву въ проявленіяхъ любовнаго чувства, то въ мірѣ жрецовъ науки и отвлеченной мысли насъ поражаетъ спокойствіе и тишина. Точно мы вступаемъ въ мирную гавань послѣ бурнаго плаванія. Все позади: и шумъ волнъ, и ломающіяся мачты, и небо, покрытое свинцовыми тучами. Передъ нами земля...

Гальвани. Кто бы могъ думать, что животный магнитизмъ не былъ бы открытъ знаменитымъ ученымъ Гальвани, если бы онъ не женился на дочери профессора Галеацци? Это была превосходная во всѣхъ отношеніяхъ женщина, вышедшая за Гальвани безъ особой любви, но съ твердымъ намѣреніемъ быть ему преданной спутницей жизни. Она слѣдила за его работами, и благодаря именно ей міръ познакомился съ великимъ открытіемъ, носящимъ имя ея мужа. Однажды Гальвани случайно положилъ ножку лягушки около электрической машины. Женѣ его бросилось въ глаза, что ножка эта вздрагиваетъ каждый разъ, какъ приходитъ въ соприкосновеніе съ ножомъ, и она обратила на это вниманіе мужа. Гальвани провѣрилъ опытъ—жена не ошиблась: отрѣзанная ножка лягушки дѣйствительно вздрагивала. Это заставило его заняться изученіемъ новаго явленія, и

*) Даніэль—имя ея сына, умершаго въ нѣжномъ возрастѣ.

слѣдствіемъ этого явилось открытіе, обезсмертившее изобрѣтателя и давшее толчекъ къ дальнѣйшимъ работамъ въ томъ же направленіи.

Францъ Гюберъ. Еще болѣе характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ женевскаго ученаго Франца Гюбера, благодаря которому міръ обстоятельно познакомился съ жизнью пчелъ. Несчастный былъ слѣпъ. Но зато его у жены было чудесное зрѣніе и оно замѣняло ему недостававшіе глаза. Эмэ, такъ звали г-жу Гюберъ, слѣдила за пчелами и обо всемъ видѣнномъ подробно разсказывала мужу. Когда Гюберъ рѣшилъ жениться на ней, друзья совѣтовали ей не принимать его предложенія.

— Что пришло тебѣ въ голову?—говорили они ей.—Подумай, вѣдь онъ ослѣпъ!

— Оттого-то я ему и нужна,—твердо отвѣчала дѣвушка.

Ничего удивительнаго въ томъ, что Гюберъ уже старикомъ говорилъ:

— Для меня Эмэ никогда не состарится. Она и теперь еще кажется мнѣ такимъ же прелестнымъ созданіемъ, какъ то, которое привело меня въ восторгъ, когда я еще могъ видѣть, и отдало свою жизнь и сердце слѣпому ученому. Своимъ тихимъ нравомъ и терпѣніемъ она украсила мою печальную судьбу.

Чарльзъ Ляйэль. Не менѣе счастливымъ чувствовалъ себя и знаменитый геологъ Чарльзъ Ляйэль послѣ женитьбы на дѣвицѣ Горнеръ. Какъ и Гюберъ, онъ страдалъ глазами, болѣзнь которыхъ часто не давала ему работать. Въ этихъ случаяхъ жена продолжала дѣло, начатое мужемъ, пока боль проходила и Ляйэль могъ опять вернуться къ работѣ. Цѣлыхъ 40 лѣтъ безотлучно сопровождала его жена въ его скитаніяхъ съ научной цѣлью, до послѣдней минуты оставаясь его усердною помощницею. Послѣ ея смерти великій ученый утѣшался только мыслію, что скоро свидится съ нею: «Такъ какъ мнѣ уже 76 лѣтъ,—сказалъ онъ однажды,—то разлука моя съ женою можетъ быть только кратковременною».

Фарадей. Жизнь не менѣе знаменитаго физика Фарадея послѣ женитьбы на Сарѣ Барнардъ была сплошной пѣснею торжествующей любви. Когда Сара показала отцу письмо, въ которомъ Фарадей просилъ ея руки, отецъ замѣтилъ, что любовь не разъ превращала въ глупцовъ даже величайшихъ философовъ. Сара колебалась, принять или не принять предложеніе, и просила дать ей время на размышленіе. «Размышлять» поѣхала она въ одинъ курортъ на берегъ моря, куда, однако, послѣдовалъ ея ученый воздыхатель, рѣшившись услышать смертый приговоръ изъ ея собственныхъ устъ. Тамъ, однако, дѣло до трагической развязки не дошло. Наоборотъ, Фарадей и Сара предприняли продолжительную прогулку въ горы. Солнце давно уже закатилось, когда они вернулись домой. Знаменитый физикъ писалъ въ тотъ вечеръ въ своемъ дневникѣ: «Я былъ очень печаленъ, опасаясь, что никогда не испытаю еще разъ такого счастія, и не могъ укротить своихъ чувствъ, не могъ также помѣшать тому, чтобы изъ глазъ у меня текли слезы». Онъ упрекалъ себя за то, что не зналъ, какъ расположить къ себѣ дѣвушку, которую хотѣлъ бы назватъ своею. Бѣдный! Онъ свободно углублялся въ сложныя явленія природы, но глубины сердца возлюбленной дѣвушки остались для него недоступными.

Наконецъ, наступило время, когда она заявила Фарадею, что принимаетъ его предложеніе. Черезъ недѣлю послѣ того великій ученый писалъ: «Каждая минута даетъ мнѣ новое доказательство того, какую власть ты имѣешь надо мною. Раньше мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы я или кто-либо другой могъ быть охваченъ такимъ сильнымъ чувствомъ». Годъ спустя Фарадей и Сара Барнардъ вступили въ бракъ—тихо, скромно, потому что великому ученому хотѣлось, чтобы день ихъ свадьбы ничѣмъ не отличался отъ прочихъ дней года. Объ этомъ днѣ онъ писалъ черезъ 28 лѣтъ: «12 іюня 1821 года я женился—событіе, которое больше всякихъ другихъ содѣйствовало моему счастью на землѣ и моему здоровому состоянію духа».

Фарадей прожилъ съ женою 47 лѣтъ. Онъ разставался съ нею только въ рѣдкихъ случаяхъ. Когда однажды ему пришлось уѣхать въ Бирмингемъ, гдѣ происходило собраніе англійскихъ ученыхъ, жена получила отъ него письмо со слѣдующими словами: «Я пришелъ къ убѣжденію, что нѣтъ на землѣ удовольствія, которое могло бы сравниться съ тихимъ миромъ семейнаго очага. Даже здѣсь мнѣ хотѣлось бы быть около тебя. О, какъ мы счастливы! Поѣздки, какъ нынѣшняя, научаютъ меня только еще больше цѣнить наше счастіе!».

Агассисъ. Передать жизнь знаменитаго французскаго естествоиспытателя Агассиса, по скольку въ ней играла роль его жена, значило бы повторить то же, что было сказано о женахъ другихъ ученыхъ. Какъ и тѣ, она была вся—преданность и терпѣніе. Извѣстенъ интересный случай, относящійся къ ученымъ опытамъ Агассиса. Однажды утромъ жена великаго естествоиспытателя, надѣвая туфли, рѣзко вскрикнула и поспѣшно вытащила ногу. Профессоръ проснулся и спросилъ, что случилось.

— Изъ моей туфли выползла маленькая змѣя!—воскликнула жена, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Только одна?—отвѣтилъ профессоръ и спокойно опять улегся въ постель.—Тамъ ихъ должно быть три. Я положилъ ихъ на ночь въ твою туфлю, потому что онѣ на мѣху, чтобы имъ было потеплѣе.

Оуэнъ. Столь же не сразу привыкла къ разнымъ случайностямъ, связаннымъ съ научной дѣятельностью мужа, жена другого естествоиспытателя Оуэна. Вотъ одно мѣсто изъ ея дневника:

«Сегодня Рихардъ провелъ вечеръ въ микроскопическомъ изслѣдованіи нѣсколькихъ крошечныхъ червей, найденныхъ въ мускулахъ одного человѣка. Я видѣла, какъ онъ вырѣзалъ гадовъ изъ разложившихся мускуловъ, и теперь еще чувствую отвратительный запахъ въ носу. Рихардъ смѣется надо мною и говоритъ, что это благоуханіе въ сравненіи съ запахомъ анатомическаго зала. Мнѣ нужно преодолѣть себя и привыкнуть къ этому».

Она вскорѣ привыкла, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста того же дневника: «Вчера принесли изъ зоологическаго сада мертвое кэнгуру. Еще рано утромъ Рихардъ разрѣзалъ его и я ему при этомъ помогала. Онъ съ большимъ искусствомъ удалилъ нѣсколько червей, похожихъ на нитки, изъ внутренностей и сдѣлалъ нѣсколько великолѣпныхъ препаратовъ, которые открываютъ внутреннее строеніе, бывшее почти невидимымъ для глаза. Я завидую ловкости Рихарда, граничащей съ геніальностью».

Жена помогала въ работахъ Оуэну до конца жизни, читала вмѣстѣ съ нимъ Кювье или переводила на англійскій языкъ произведенія нѣмецкихъ ученыхъ.

Тиндаль. Кратка и ужасна исторія отношеній между Тиндалемъ и его женою, дочерью лорда Клода Гамильтона. Супруги были очень преданы другъ другу. Самъ Тиндаль сказалъ однажды: «Она расширила мои понятія о дѣеспособности человѣческой натуры». Однако, страшная драма положила конецъ этому счастливому браку. Тиндаль страдалъ безсонницею и около его постели всегда стоялъ хлористый растворъ. По ошибкѣ жена какъ-то подала ему слишкомъ большую дозу усыпительнаго, думая, что это магнезія. «Ты меня отравила!», воскликнулъ Тиндаль, когда узналъ, въ чемъ дѣло. Врачебная помощь оказалась безсильной, и знаменитый ученый умеръ.

Конечно, нашлись люди, которые смерть Тиндаля приписывали дѣйствительному отравленію, а не случайности. Но друзья и близкіе покойнаго, хорошо знавшіе семейную жизнь Тиндалей, возстали противъ этого. Между прочимъ, д-ръ Бэзардъ, ученикъ, другъ и домашній врачъ Тиндаля отвѣтилъ на предложенные ему вопросы: «Отношенія между профессоромъ Тиндалемъ и его женою были самыми нѣжными и искренними, какія только можно представить. Я въ своей жизни не видѣлъ ни одной женщины, которая превосходила бы г-жу Тиндаль въ смыслѣ нѣжности и преданности. Предумышленное преступленіе въ данномъ случаѣ невозможно».

Дженнеръ. Эдвардъ Дженнеръ, которому мы обязаны прививкою оспы, былъ женатъ на Катеринѣ Кингскотъ, очень образованной и изящной молодой женщинѣ. Онъ былъ столько же ханжа, сколько завистливъ, но Катерина умѣла своимъ тактомъ сглаживать эти недостатки. Когда ему приходилось испытать какую-либо непріятность, онъ всегда искалъ утѣшенія у жены и находилъ его. Однажды, разговаривая съ однимъ товарищемъ о несовершенствахъ человѣческаго организма, человѣческихъ преступленіяхъ и т. п., онъ вдругъ оборвалъ разговоръ и сказалъ: «Поговорите обо всемъ этомъ съ моей женой. Она вамъ все это разъяснитъ. Ей это нетрудно будетъ, какъ вы увидите сами».

Катерина много лѣтъ была больна и не выходила изъ комнаты. Однако, и тутъ она не переставала быть ангеломъ-хранителемъ мужа. Въ ея комнатѣ всегда царило веселое настроеніе. Когда же она умерла, Дженнеръ почувствовалъ, что жизнь его лишилась устоя. Смерть ея для него была невознаградимою утратою.

Руссо. «Новая Элоиза» Руссо яркою кометою всплыла на горизонтѣ европейской общественности. Всѣ невольно обратили къ ней взоры. Какая новизна формъ! Какая красота очертаній! Все въ ней было таинственно и заманчиво. Образованное человѣчество бросилось къ ней, какъ къ новому свѣточу, который долженъ былъ озарить жизнь незнакомымъ еще свѣтомъ. Мужчины упивались замѣчательною книгою, женщины считали ее откровеніемъ. Правда, матери строго держали ее подъ замкомъ, скрывая отъ дочерей, сердца которыхъ должны были оставаться въ сторонѣ отъ источника новаго свѣта; но и дочери ее читали. У каждой изъ нихъ былъ завѣтный экземпляръ, изъ котораго она черпала уроки новой жизни. Со временемъ яркая

комета исчезла, но не исчезъ свѣтъ, которымъ она когда-то озаряла умы. Онъ живъ въ памяти—лучшемъ хранилищѣ всякаго свѣта.

Новая Элоиза не была вымысломъ, она дѣйствительно существовала. Это была графиня Удето, женщина далеко не красивая, такъ какъ глаза у нея сильно выступали впередъ и все лицо было изрыто оспою. Къ тому же она страдала близорукостью. Единственно, что у нея было великолѣпно, это роскошные волосы, «лѣсъ волосъ», по выраженію самого Руссо. Зато оживленіе и кротость, естественность движеній въ связи съ дѣтской робостью дѣлали ее очень милою. Ея настроеніе мѣнялось часто. То она была меланхолична, то становилась наивною, то вдругъ проникалась безконечной веселостью. Все это въ совокупности придавало ей своеобразный оттѣнокъ, и немудрено, что Руссо, который былъ большимъ поклонникомъ всего естественнаго, выбралъ именно ее первообразомъ для своей «Новой Элоизы».

До выхода замужъ имя ея было Мими Бельгардъ. Она не любила графа Удето, за котораго ее выдали еще очень молодою; не чувствовалъ къ ней влеченія и юный графъ, влюбленный въ другую женщину. Бракъ былъ очень несчастливъ, такъ какъ въ основѣ его лежали денежныя соображенія родственниковъ молодыхъ людей, и когда графиня встрѣтилась съ Сенъ-Ламберомъ, знаменитымъ красавцемъ, отбившимъ, какъ мы знаемъ, у Вольтера маркизу дю-Шатлэ, ничто ей не мѣшало вступить съ нимъ въ близкую связь. Этому содѣйствовалъ также немало дурной примѣръ близкой родственницы молодой женщины, г-жи д'Эпиней, покровительницы Руссо, которая, не зная, чѣмъ отплатить мужу за его безпрерывныя измѣны, стала дѣлать то же самое. Вскорѣ отношенія между графинею Удето и Сенъ-Ламберомъ перестали быть тайною.

Въ то время, когда Руссо встрѣтился съ графинею, ей было тридцать лѣтъ; но это не мѣшало ему увлечься ею. Въ своихъ откровенныхъ признаніяхъ онъ разсказываетъ, что г-жа Эпиней очень злилась на него за его восторженные отзывы о графинѣ. Но Руссо не только отзывался о ней восторженно, онъ ее любилъ. Однажды онъ сидѣлъ у ряда розовыхъ кустовъ, тянувшагося въ видѣ ограды вдоль шоссейной дороги. Вдругъ послышался конскій топотъ. Въ ту же минуту показался молодой всадникъ, который однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ ограду и очутился въ объятіяхъ Руссо. Философъ не могъ придти въ себя отъ изумленія, когда почувствовалъ, что въ рукахъ у него стройное женское тѣло и что лицо его покрыто моремъ волосъ. Это была Мими Удето. Она поселилась на дачѣ въ домикѣ Монморанси и рѣшила познакомиться съ философомъ, о которомъ ей такъ много разсказывалъ ея возлюбленный Сенъ-Ламберъ. Съ тѣхъ поръ графиня часто посѣщала Руссо, и все въ мужскомъ костюмѣ, хотя это далеко ему не нравилось. Однако, ихъ свиданія ограничивались только дружескими разговорами. Графиня не дѣлала ничего, чтобы еще болѣе сблизиться съ философомъ, и даже охлаждала его невольные порывы; съ другой стороны, и Руссо не хотѣлъ склонить ее къ невѣрности Сенъ-Ламберу, съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ. По словамъ Руссо, онъ былъ необычайно счастливъ, когда графиня посѣщала его вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ. «Сладкое безуміе,—говоритъ онъ,—

усиливалось во мнѣ послѣ всякаго свиданія съ графинею Удето. Я помѣстилъ въ своемъ новомъ романѣ нѣсколько писемъ, дающихъ понятіе о моихъ высоконапряженныхъ чувствахъ; въ особенности письмо, въ которомъ описывается прогулка на чудеснѣйшемъ швейцарскомъ озерѣ, должно быть прочтено для этой цѣли. Горе тому, кто можетъ не чувствовать себя при этомъ тронутымъ. Пусть онъ закроетъ мою книгу, потому что онъ неспособенъ судить о дѣлахъ сердца».

А вотъ и самое письмо:

«Вамъ извѣстно, дорогой лордъ Эдуардъ, что я десять лѣтъ тому назадъ провелъ въ Мельери печальные и всетаки драгоцѣнные дни, посвященные исключительно ея памяти. Мнѣ очень хотѣлось снова увидѣть теперь это мѣсто въ присутствіи Юліи. Я такъ жаждалъ показать ей тотъ уголокъ, въ которомъ пламенная, неугасимая страсть къ ней оставила столько слѣдовъ.

«Послѣ труднаго блужданія, продолжавшагося часъ, мы добрались туда. Я чувствовалъ себя близкимъ къ обмороку, когда увидѣлъ, что все осталось попрежнему. Уединенное мѣсто дико и ужасно, но въ немъ есть красоты, которыя нравятся людямъ съ чувствами, между тѣмъ какъ обыкновенные люди ихъ даже не замѣчаютъ или находятъ страшными. Прямо около насъ бурный горный потокъ несся черезъ камни. Онъ вытекалъ изъ глетчеровъ, изъ которыхъ лѣтомъ всегда течетъ ледяная вода. Мрачный сосновый лѣсъ лежалъ въ видѣ черной короны надъ источникомъ горнаго потока и подъ нами выступали колоссальные дубы, которые также образовали рамку для голубой поверхности моря, растянувшагося на безконечное разстояніе передъ нами.

«Мы усѣлись на мохъ, осѣняемый плодовыми деревьями,—двое влюбленныхъ, одни въ безпредѣльномъ уединеніи природы! Я показалъ Юліи скалистую стѣну, на которой написалъ тогда для нея стихи Петрарки и Тассо. «О, Юлія, вѣчное очарованіе моей жизни,—воскликнулъ я бѣшено,—здѣсь думалъ я о тебѣ, не предчувствуя, что сумѣю соединиться съ тобою когда-нибудь!».

«Юлія отвернулась, закрыла глаза отъ окружавшихъ насъ безднъ и стала умолять, чтобы я ее снова повелъ на вѣрную дорожку. Я молча повиновался, но глубокая меланхолія исполнила мое сердце и усилилась, когда мы снова сидѣли въ челнокѣ и луна глядѣлась въ волны свѣжей холодной воды.

«Вдругъ меня охватило отчаяніе. Я почувствовалъ сильнѣйшее желаніе насильно соединить съ собою Юлію, которая не могла и не хотѣла принадлежать мнѣ, желаніе крѣпко охватить ее и вмѣстѣ съ нею найти могилу въ волнахъ... Когда же я увидѣлъ, что она плачетъ и такъ же печальна, какъ я самъ, мои чувства перемѣнились, я сталъ спокоенъ и разсудителенъ».

Такъ кончилась любовь Руссо къ графинѣ Удето. Она осталась подругою Сенъ-Ламбера до глубокой старости. Къ концу жизни отношенія между ними уже были не тѣ, что въ началѣ. Шатобріанъ замѣчаетъ по этому поводу: «Это наказаніе за то, что они соединились безъ достоинства брака и жили вмѣстѣ только для того, чтобы импонировать свѣту и обезоружить упрекъ, который имъ дѣлали раньше за нарушеніе моральнаго закона». Когда Сенъ-Ламберъ умеръ, мѣсто его въ сердцѣ гра-

фини занялъ нѣкій Коммарива, который и записалъ съ ея словъ много интересныхъ подробностей о Руссо и другихъ знаменитостяхъ французской литературы.

Карлейль. Въ жизни знаменитаго англійскаго философа, историка и романиста Карлейля женщины играли особенно большую, но далеко не счастливую для него роль.

Еще въ бытность учителемъ въ Кирколди онъ познакомился съ серьезною, остроумною, красивою дѣвушкою Маргаритою Гордонъ, которую впослѣдствіи обезсмертилъ въ своемъ философскомъ романѣ «Sartor Resartus» подъ именемъ Блюмины. «Среди всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ,—говорится въ романѣ,—она затмевала, какъ звѣзда, скромностью земные источники свѣта... Однажды утромъ онъ нашелъ свою утреннюю звѣзду омраченною и поблѣднѣвшею. Она заявила ему дрожащимъ голосомъ, что больше имъ никогда уже нельзя видѣться». Между Маргаритою Гордонъ и Карлейлемъ стала тетка молодой дѣвушки, никоимъ образомъ не соглашавшаяся на бракъ своей племянницы съ мыслителемъ. Дѣвушка по этому поводу написала ему письмо, въ которомъ совѣтовала работать и прославиться и въ особенности отрѣшиться отъ своего безпокойнаго суроваго характера, послѣ чего ему можно будетъ завоевать женское сердце. Черезъ двадцать лѣтъ Карлейль встрѣтился съ нею случайно въ Гайдъ-Паркѣ. Маргарита была уже въ то время женою новошотландскаго губернатора. Ихъ отдѣляла цѣлая пропасть.

Исполнилъ ли Карлейль совѣтъ Маргариты Гордонъ? Смягчился ли онъ душою? Исторія его жизни послѣ женитьбы на своей ученицѣ Іоаннѣ-Бэлѣ Вельси доказываетъ, что, наоборотъ, характеръ его сдѣлался еще болѣе суровымъ, чему особенно способствовалъ столь же суровый характеръ его жены. Вельси была ученицею богослова Эдварда Ирвинга, въ котораго и влюбилась. Ирвингъ, однако, женился на другой. Когда Карлейль занялъ мѣсто Ирвинга, онъ рѣшилъ замѣнить молодой дѣвушкѣ не только учителя, но и предметъ сердца. Вельси писала ему по этому поводу: «Я люблю васъ... Мои благороднѣйшія и лучшія чувства сосредоточиваются въ этой чистой любви къ вамъ. Я любила бы васъ, если бы вы даже были моимъ братомъ, но сдѣлаться вашею женою не могу никогда, никогда!». Карлейль отвѣтилъ ей: «Вы любите меня, какъ сестра, и я люблю васъ во всѣхъ смыслахъ этого слова! Вы не хотите вступать въ бракъ, я также!». И тѣмъ не менѣе 17 октября 1826 года Карлейль женился на Іоаннѣ Вельси. Ему было въ то время 32 года, ей 25 лѣтъ.

Какъ видно изъ писемъ Карлейля и его жены, оба страшились брака. Еще за четыре года до женитьбы философъ писалъ одному знакомому: «Говорю вамъ, что эти геніальныя женщины—чистѣйшіе дьяволы, если не умѣешь правильно понимать ихъ! Я убѣжденъ, что если женюсь когда-либо (а это очень возможно), то мнѣ попадется именно такая женщина, и я только и жду, что жизнь наша будетъ самою безпокойною, самою непріятною на землѣ, смѣсь меда и полыни, самаго сладчайшаго и горчайшаго—совершенно въ духѣ природы: то великолѣпное солнечное сіяніе, то сейчасъ же послѣ этого вихрь, градъ и морозъ, громъ и молнія. Словомъ, страшная буря. Боюсь даже, что непогода возьметъ верхъ надъ солнечнымъ сіяніемъ!».

Въ свою очередь и жена Карлейля писала, еще будучи совсѣмъ мо-

лоденькою дѣвушкою, одной подругѣ, которая сообщала ей о своей предстоящей свадьбѣ: «Ты, вѣроятно, сочтешь меня сумасшедшею, если я тебѣ признаюсь, что почти вскрикнула, когда прочла твои слова: «Я намѣрена вскорѣ выйти замужъ!». У меня захватило дыханіе, такъ какъ мысленно я видѣла, что ты сдѣлала скачекъ въ неизвѣстность. Поздравлять тебя значитъ, по моему, искушать Провидѣніе. Наши свадебныя церемоніи кажутся мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я начала мыслить, крайне безсмысленными и безбожными. Если есть время, когда человѣческое существо должно молиться и серьезно сосредоточиться и когда ему нужно отказаться отъ суетливой возни и болтовни, то это, конечно, тотъ день, когда два человѣка соединяются, чтобы остаться вѣрными другъ другу «въ хорошіе и злые дни, пока смерть не разъединитъ». И вотъ какъ разъ этотъ-то серьезный, важный шагъ ознаменовываютъ у насъ праздничными пирушками, поздравленіями и подарками».

При такихъ условіяхъ былъ заключенъ бракъ между Іоанною Вельси и Карлейлемъ. Чѣмъ болѣе приближался день свадьбы, тѣмъ болѣе охватывали ихъ «страшныя предчувствія». Они старались поддерживать другъ друга. Іоанна говорила о свадебныхъ приготовленіяхъ, какъ о «страшныхъ вещахъ», а Карлейль искалъ поперемѣнно успокоенія то въ «Критикѣ чистаго разума» Канта, то въ романахъ Вальтеръ Скотта. Незадолго до свадьбы онъ писалъ невѣстѣ: «Мнѣ кажется, что мы уже слишкомъ близко къ сердцу принимаемъ эту исторію! Развѣ до насъ не рѣшались уже множество людей на этотъ отважный шагъ? И всетаки безъ помощи табака мнѣ не обойтись. Прошу тебя поэтому не дѣлать никакихъ возраженій, если я выкурю до трехъ сигаръ въ дорогѣ, когда представится случай. Этого вполнѣ достаточно для моего успокоенія». Не менѣе характеренъ заголовокъ послѣдняго письма невѣсты къ жениху: «Лебединая пѣснь дѣвы Іоанны-Бэлы Вельси». Карлейль на это отвѣтилъ: «Поистинѣ восхитительная лебединая пѣснь! Въ ней кроются нѣжность и теплота, преданность и довѣріе, вполнѣ достойныя дѣвы, прощающейся съ дѣвственною землею, лучшимъ украшеніемъ которой она была».

Предчувствія ихъ оправдались. Когда Карлейль окончилъ свое великое произведеніе, посвященное французской революціи, жена его писала подругѣ: «Quelle vie! Ни одной женщинѣ, которой дорогъ душевный миръ, не нужно и думать о томъ, чтобы выйти замужъ за писателя! Это были страшные дни!». И дѣйствительно, Карлейль былъ невыносимъ во время работы, особенно въ то время, когда писалъ своего «Фридриха Великаго» (работа эта продолжалась 13 лѣтъ). Ему мѣшалъ каждый шорохъ и онъ приходилъ въ нервное раздраженіе изъ-за пустяковъ. Говорятъ, что г-жа Карлейль рѣшилась однажды посидѣть съ шитьемъ въ рукахъ въ комнатѣ, гдѣ работалъ ея мужъ. Черезъ нѣсколько минутъ она должна была отложить работу въ сторону, такъ какъ ему мѣшалъ шумъ иголки. Г-жа Карлейль сложила руки и сидѣла неподвижно на своемъ мѣстѣ; но и этого было много для Карлейля, который вдругъ воскликнулъ: «Іоанна, но я положительно слышу, какъ ты дышишь!». Отказаться отъ дыханія уже нельзя было, и Іоанна поспѣшила уйти изъ рабочей комнаты мужа, чтобы никогда болѣе туда не возвращаться.

Семейная жизнь Карлейля была исполнена безпрерывныхъ тревогъ. Супруги постоянно ссорились. Никто не хотѣлъ уступить или приноровиться къ характеру другого. Одна современница разсказываетъ слѣдующую сцену:

«Однажды я пошла къ своимъ друзьямъ (Карлейлямъ) и нашла хозяина дома съ опущенною головою, сердитымъ и нахмуреннымъ лицомъ. Онъ собирался уходить изъ дома, только безмолвно поклонился мнѣ и ушелъ. Горничная повела меня въ темную комнату, гдѣ я увидѣла остатки только-что выпитаго чаю и лежащую на диванѣ г-жу Карлейль.

«— Вы встрѣтили Ѳому?—спросила она тономъ, въ которомъ слышались еще отзвуки едва только промчавшейся бури.

«— Да,—отвѣтила я,—я встрѣтила его на лѣстницѣ. Онъ выглядѣлъ очень разсѣяннымъ и печальнымъ. Что случилось, милая?

«— Что случилось?—воскликнула г-жа Карлейль съ сверкающими глазами.—Уже два дня, какъ страшная головная боль приковываетъ меня къ этому дивану, а онъ только двѣ минуты тому назадъ входитъ сюда и спрашиваетъ, что со мною! Ну, я... я швырнула ему въ голову чашку»...

Впрочемъ, лэди Карлейль тогда еще ревновала мужа къ знатной лэди Ашбертонъ. Чашка, слѣдовательно, могла имѣть символическое значеніе.

Бентамъ. Знаменитый философъ утилитаризма Іеремія Бентамъ обнаружилъ рѣдкую устойчивость сердца. Онъ влюбился въ одну женщину еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, просилъ ея руки, но получилъ отказъ. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ носиться съ мыслью о томъ, что рано или поздно всетаки сдѣлается мужемъ любимой дѣвушки. Когда ему было шестьдесятъ лѣтъ, онъ возобновилъ свое предложеніе, но избранница его сердца была неумолима и опять отвергла его. Бентамъ никогда не могъ говорить о ней спокойно и каждый разъ при упоминаніи ея имени у него слезы навертывались на глаза. Когда ему исполнилось восемьдесятъ лѣтъ, онъ написалъ ей письмо, въ которомъ есть слѣдующее мѣсто: «Я еще живъ; мнѣ уже перевалило за восемьдесятъ и, тѣмъ не менѣе, я испытываю такія же сильныя чувства, какъ и тогда, когда вы мнѣ подарили цвѣтокъ на зеленомъ лугу. Съ тѣхъ поръ не прошло ни единаго дня (о ночахъ я и говорить уже не хочу), чтобы вы не занимали моихъ мыслей больше, чѣмъ это мнѣ было полезно».

Эрнестъ Ренанъ. Эрнестъ Ренанъ родился въ Бретани, этомъ удивительномъ уголкѣ Франціи, въ которомъ живетъ мечтательный, но серьезный и энергическій народъ, свято придерживающійся обычаевъ и нравовъ старины. Дико-романтическія окрестности, несомнѣнно, сильно вліявшія на развитіе народнаго характера, повліяли также и на воображеніе Ренана.

Первой любовью знаменитаго ученаго и мыслителя была его сестра Генріэтта, которая, будучи старше его на двѣнадцать лѣтъ, всѣмъ существомъ отдалась попеченію о молодомъ братѣ. Она же руководила его воспитаніемъ. Ренанъ говоритъ о ней въ своей книгѣ «Моя сестра Генріэтта»: «Она примкнула ко мнѣ со всею силою своего нѣжнаго робкаго, жаждущаго любви сердца. Я хорошо еще помню свою дѣт-

скую тиранію, къ которой она относилась терпѣливо. Однажды она уже была готова выйти (ее пригласила подруга), но я уцѣпился за полы ея платья и просилъ не оставлять меня одного. Безъ всякихъ гримасъ она поцѣловала меня и отказалась отъ визита, лишь бы угодить мнѣ. Въ другой разъ она грозила мнѣ отчасти въ видѣ наказанія за проступокъ, отчасти въ шутку, что она умретъ, если я не буду вести себя хорошо. Такъ какъ я не велъ себя хорошо, то она откинулась на спинку стула и, закрывъ глаза, сдѣлала видъ, что умерла. Никогда еще не испытывалъ я такого горя, какъ тогда, когда увидѣлъ любимое существо безъ движенія. Въ дикомъ ужасѣ я прыгнулъ къ ней на колѣни и укусилъ ее въ руку! Я теперь еще слышу ея крикъ и чувствую свой восторгъ! Она меня нѣжно упрекнула, и я ей отвѣтилъ: «Почему ты умерла? Не смѣй больше умирать!».

У Ренана было полное основаніе любить свою сестру. Она отказывала себѣ во всемъ, лишь бы ея возлюбленный Эрнестъ съ матерью не чувствовали ни въ чемъ недостатка. Даже одну хорошую партію она отвергла въ угоду имъ, такъ какъ ухаживавшій за нею молодой человѣкъ далъ ей понять, что не будетъ имѣть съ ея семьею ничего общаго. Генріэтта жила уроками въ Парижѣ, потомъ поѣхала на десять лѣтъ въ Польшу, куда ее пригласили въ качествѣ учительницы. Оттуда она поддерживала Ренана во время его бурной жизни въ Парижѣ, уплачивала долги отца. Она сумѣла даже скопить нѣкоторую сумму, которая дала возможность осуществить завѣтную мечту—вести совмѣстное хозяйство съ дорогимъ Эрнестомъ по возвращеніи въ Парижъ.

Можно было знать заранѣе, что при такой любви къ брату Генріэтта не останется равнодушною, когда рѣчь зайдетъ о женитьбѣ Ренана. И дѣйствительно, она выступила настоящею соперницею. Ренанъ влюбился въ племянницу голландскаго художника Шеффера, съ которымъ близко сошелся. Дѣвушку звали Корнеліею. Вмѣстѣ съ красотою она соединяла въ себѣ большія познанія, и Ренанъ могъ говорить съ нею о научныхъ вопросахъ, какъ съ товарищемъ по наукѣ. Первое время Генріэтта не обращала большого вниманія на бесѣды молодыхъ людей, потому что она знала нерасположеніе брата къ женитьбѣ; но когда Ренанъ, поддавшись невольному чувству, заявилъ сестрѣ, что долженъ отдать сердце любимой дѣвушкѣ, Генріэтта возстала. Самъ Ренанъ вполнѣ сочувствовалъ сестрѣ, которая не могла примириться съ мыслію, что отнынѣ въ сердцѣ брата будетъ жить другая женщина. Въ немъ происходила борьба между любовью и долгомъ, какъ это онъ самъ называлъ. «Долгъ» въ концѣ концовъ побѣдилъ. Въ одно прекрасное время Ренанъ явился къ сестрѣ и заявилъ ей, что исполнилъ ея желаніе—навсегда разстался съ любимою дѣвушкою. Это вызвало въ душѣ Генріэтты новую бурю. Послѣ безсонной ночи она рано утромъ отправилась къ Шефферу и заявила, что ей нужно поговорить съ Корнеліею. Можно себѣ представить, что произошло между ними. Соперницы бросились другъ другу въ объятія и со слезами на глазахъ поклялись быть сестрами на всю жизнь. Свадьба состоялась.

Началась самая счастливая пора въ жизни Ренана. Генріэтта по временамъ давала еще чувствовать, что прежняя ея вражда къ Корнеліи не угасла, но окончательно примирилась съ нею, когда Корнелія родила сына. Она боготворила ребенка и мало-по-малу полюбила также и его

мать. Въ 1860 году Ренанъ предпринялъ, по порученію Наполеона III, путешествіе съ археологическою цѣлью въ Финикію. Генріэтта сопровождала его туда въ качествѣ секретаря, казначея и бухгалтера. Она была счастлива и спокойно переносила трудности пути. Въ январѣ 1861 года къ нимъ присоединалась Корнелія и весною всѣ они вмѣстѣ поѣхали въ Палестину, гдѣ Ренанъ продолжалъ свои изслѣдованія, а оттуда въ Бейрутъ, такъ какъ въ маѣ жара въ Сиріи невыносима.

Вскорѣ Корнелія вернулась во Францію, почувствовавъ себя еще разъ матерью. Съ Генріэттою она больше не видѣлась, такъ какъ сестра Ренана умерла отъ своеобразной лихорадки. Корнелія еще долго была счастлива съ мужемъ, котораго пережила всего на два года, проживъ съ нимъ почти сорокъ лѣтъ. Ренанъ скончался 12 октября 1892 года.

Давидъ Юмъ. Знаменитый англійскій философъ Давидъ Юмъ остался холостякомъ. Онъ сдѣлалъ однажды предложеніе понравившейся ему дѣвушкѣ, но получилъ отказъ. Друзья Юма и любимой дѣвушки вмѣшались въ дѣло и вскорѣ сообщили философу, что дѣвушка перемѣнила мнѣніе.

— Я также перемѣнилъ мнѣніе,—отвѣтилъ Юмъ,—но только въ томъ смыслѣ, что жениться уже не хочу.

Этимъ дѣло кончилось.

Въ Парижѣ Юмъ имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ, хотя онъ далеко не былъ красавцемъ. Этимъ онъ былъ обязанъ графинѣ Буфлеръ, съ которою передъ тѣмъ находился въ перепискѣ и которая ввела его въ лучшіе дома Парижа. Переписку съ нею онъ поддерживалъ до самой смерти. Въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ: «Не прошло еще и трехъ мѣсяцевъ, какъ я васъ оставилъ, и уже жду не дождусь, когда же я буду имѣть счастіе снова увидѣться съ вами. Мнѣ бы хотѣлось не покидать Парижа и быть въ сторонѣ отъ всякихъ обязанностей, кромѣ одной, исполненіе которой мнѣ было столь сладко и пріятно,—культированія вашей дружбы и пользованія вашимъ обществомъ... Вы спасли меня отъ полнаго равнодушія къ міру и людямъ».

Бокль. Такимъ же старымъ холостякомъ, какъ и Юмъ, остался и Бокль. Семнадцати лѣтъ онъ влюбился въ свою кузину, которая, однако, была помолвлена съ другимъ кузеномъ. Бокль вызвалъ его на дуэль. Результатъ дуэли неизвѣстенъ, но онъ, очевидно, былъ въ пользу кузена, такъ какъ дѣвушка осталась за нимъ. Вскорѣ послѣ того Бокль влюбился въ другую кузину, благородную, великодушную и къ тому же богатую дѣвушку, которая отвѣтила ему тѣмъ же. Однако, матери влюбленныхъ сдѣлали все, чтобы потушить въ нихъ огонь любви и этимъ предотвратить бракъ между кровными родственниками. Слѣдствіемъ этого было то, что, когда умерла мать Бокля, послѣдній остался совершено одинокимъ. Ему предлагали жениться, но онъ отвѣчалъ, что сдѣлаетъ это только послѣ того, какъ обезпечитъ себѣ ренту по меньшей мѣрѣ въ 3.000 фунтовъ, такъ какъ истинное воспитаніе дѣтей, по его понятіямъ, должно стоить очень дорого. На соотвѣтствующее же приданое онъ не разсчитывалъ. «Я, — сказалъ онъ однажды по этому поводу, — жду отъ своей жены столько хорошихъ качествъ, что не могу еще притязать на деньги».

ГЛАВА II.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ и ПУТЕШЕСТВЕННИКИ.

Стефенсонъ.—Аркрайтъ.—Уаттъ.—Эдиссонъ.—Франклинъ.—Вашингтонъ-Ирвингъ.—Нансенъ.

Стефенсонъ. Стефенсонъ, изобрѣтатель паровоза, былъ женатъ три раза. Еще въ то время, когда ему было 20 лѣтъ, онъ влюбился въ дочь одного фермера, Елизавету Гиндмаршъ. Свиданія съ хорошенькой дѣвушкой онъ обыкновенно имѣлъ въ огородѣ фермера, но они были въ одно прекрасное время открыты и его попросили прекратить ухаживанія. Стефенсонъ удалился. Спустя нѣкоторое время онъ влюбился въ дочь другого фермера, Анну Гендерсонъ. Прогуливаясь однажды вмѣстѣ съ нею, онъ замѣтилъ, что ея башмаки нуждаются въ починкѣ. Недолго думая, онъ заявляетъ, что отнесетъ ихъ къ сапожнику. Дѣвушка благосклонно разрѣшила На слѣдующій день Стефенсонъ съ гордостью принесъ предмету своего сердца башмаки, причемъ счелъ нужнымъ излить передъ нею свои пламенныя чувства. Удивленіе его, однако, было очень велико, когда очаровательная дѣвушка, надѣвъ башмаки, прибавила, что при всей своей благодарности за услугу выйти за него замужъ не можетъ!

Не такъ поступила старшая сестра Анны. Когда Стефенсонъ излилъ передъ нею свое горе, она заявила, что можетъ занять въ его сердцѣ мѣсто, котораго не захотѣла занять сестра. Черезъ нѣкоторое время состоялась свадьба. Однако, бракъ съ Фанни продолжался только четыре года. Бѣдная женщина страдала чахоткою, отъ которой умерла. Тридцать лѣтъ послѣ этого работалъ Стефенсонъ надъ своимъ великимъ изобрѣтеніемъ и вдругъ случайно встрѣтился съ предметомъ первой любви, Елизаветою Гиндмаршъ. Елизавета осталась дѣвушкою, такъ какъ поклялась, что ни за кого не выйдетъ, кромѣ Стефенсона. Въ награду за преданность создатель паровоза сдѣлалъ ее своею женою. Послѣ ея смерти онъ женился въ третій разъ, но умеръ черезъ семь мѣсяцевъ.

Аркрайтъ. Жена Аркрайта, изобрѣтателя прядильной машины, понимала мало въ его работахъ и не разъ случалось, что модели, которыя изготовлялъ ея мужъ, она уничтожала одну за другою. Впрочемъ, у нея было основаніе: Аркрайтъ принадлежалъ къ числу мечтателей, надѣявшихся изобрѣсти perpetuum mobile. Его постоянныя неудачи выводили жену изъ терпѣнія, тѣмъ болѣе что онъ, углубленный въ свои опыты, игнорировалъ интересы семьи.

Уаттъ. Джемсъ Уаттъ, первый устроившій паровую машину, пережилъ двѣ любопытныя полосы въ области отношеній къ женщинамъ. Онъ женился на своей родственницѣ Маргаритѣ Миллеръ и былъ съ нею очень счастливъ. Хозяйство у нихъ было маленькое и скромное, но Маргарита своимъ веселымъ нравомъ и нетребовательностью придавала ему особый привлекательный отпечатокъ. Къ сожалѣнію, счастіе его было непродолжительно. Ему однажды пришлось уѣхать по дѣлу, а когда онъ вернулся, его ждала печальная вѣсть: жена умерла. Это печальное событіе произвело на него потрясающее впечатлѣніе. Онъ

былъ совершенно подавленъ; но такъ какъ жена оставила ему нѣсколько маленькихъ дѣтей, то волей-неволей пришлось встряхнуться. Очень часто, возвращаясь домой, онъ останавливался на порогѣ и не зналъ, войти ли или удалиться оттуда, гдѣ раньше жила его вѣрная подруга, гніющая теперь въ землѣ.

Вторая жена его была совсѣмъ иного рода женщина. Она ненавидѣла кожаные фартуки и запачканныя руки мужа, такъ что Уатту пришлось перенести мастерскую на чердакъ, гдѣ онъ могъ считать себя въ безопасности отъ ея вѣника и ведра съ водою. Отъ ея маніи къ чистотѣ страдали даже ея собачки, которыя не смѣли переступить порогъ, прежде чѣмъ не обтерты у нихъ лапки. Когда она ложилась спать, а мужъ въ условленное время не слѣдовалъ за нею, она приказывала слугѣ затушить у него свѣчи, даже въ томъ случаѣ, если у него бывали гости. Суровый режимъ домашней обстановки сдѣлалъ то, что Уаттъ по цѣлымъ днямъ оставался у себя на чердакѣ, гдѣ самъ же приготовлялъ себѣ свои скромные обѣды. Трудно поэтому сказать, сдѣлалъ ли бы Уаттъ свое великое открытіе, если бы жена у него была болѣе ласковая и приковывала бы его больше къ себѣ, чѣмъ къ мастерской.

Эдиссонъ. Эдиссонъ долгое время не думалъ о женитьбѣ. Друзья ему доказывали, что большое хозяйство и многочисленная прислуга требуютъ присутствія хозяйки въ домѣ, но онъ оставался равнодушенъ къ ихъ совѣтамъ. Однако, пришло время, когда и въ немъ заговорило сердце. Однажды, стоя за стуломъ служившей у него телеграфистки Стильвель, онъ былъ не мало пораженъ, когда молодая дѣвушка неожиданно повернулась къ нему и сказала:

— Г-нъ Эдиссонъ, каждый разъ, какъ вы стоите за моимъ стуломъ или находитесь недалеко отъ меня, я чувствую ваше присутствіе.

Тутъ пришла очередь удивиться телеграфисткѣ, такъ какъ Эдиссонъ со свойственною ему откровенностью посмотрѣлъ ей въ лицо и сказалъ:

— Я въ послѣднее время очень много думалъ о васъ, и если вы согласны сдѣлаться моей подругой жизни, то я охотно женюсь на васъ.

Дѣвушка смутилась и попросила нѣкоторое время на размышленіе. Къ тому же ей нужно было поговорить съ матерью. Черезъ мѣсяцъ она повѣнчалась съ великимъ изобрѣтателемъ и до сихъ поръ пользуется семейнымъ счастіемъ.

Джонъ Франклинъ. Памятниками любви извѣстнаго американскаго путешественника-моряка Джона Франклина служатъ теперь открытые имъ острова Пордонъ въ Ледовитомъ океанѣ и мысъ Гриффинъ на американскомъ берегу. Достаточно сказать, что Пордонъ и Гриффинъ—имена его обѣихъ женъ.

Первая жена отважнаго моряка была очень красива и талантлива, но умерла отъ чахотки черезъ годъ послѣ выхода замужъ. Мужъ ея былъ въ отчаянномъ положеніи. День, когда онъ долженъ былъ предпринять свое второе путешествіе, приближался. Экспедиція была готова. Между тѣмъ, врачъ заявлялъ, что жена его можетъ съ минуты на минуту также предпринять путешествіе, но въ край, откуда уже нѣтъ возврата. Франклинъ колебался, но въ концѣ концовъ обязанность одержала верхъ—онъ уѣхалъ. Послѣ его отъѣзда жена умерла, о чемъ онъ узналъ въ дорогѣ.

Три года оплакивалъ Франклинъ ея смерть, послѣ чего женился на

Іоаннѣ Гриффинъ. Бѣдную женщину ждала печальная судьба: мужъ предпринялъ экспедицію и не вернулся. Долго ждала она его возвращенія и, наконецъ, сама снарядила экспедицію и отправилась его разыскивать. Всѣ ея старанія, однако, не увѣнчались успѣхомъ.

Вашингтонъ-Ирвингъ. Другой американскій путешественникъ-морякъ остался холостякомъ, такъ какъ не могъ забыть предметъ первой любви, безжалостно похищенной смертью. Матильда Гофманъ—такъ звали очаровательную дѣвушку, съ которою онъ былъ помолвленъ. Она умерла 17 лѣтъ отъ чахотки. Несчастная женщина испустила духъ въ его объятіяхъ. Ея молитвенникъ и Библію онъ взялъ себѣ на память и не разставался съ ними во всѣхъ своихъ путешествіяхъ. Ночью онъ ихъ клалъ подъ подушку. Никто не рѣшался заговорить съ нимъ когда-либо о его горѣ. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ ея смерти онъ посѣтилъ отца несчастной дѣвушки. Какая-то родственница вынула при этомъ изъ комода ноты и шитье.

— Вашингтонъ,—сказалъ отецъ,—это осталось отъ Матильды!

Вашингтонъ-Ирвингъ, который до этой минуты велъ веселый разговоръ, вдругъ умолкъ и, сдѣлавшись серьезнымъ, ушелъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ посвятилъ своей возлюбленной слѣдующія слова: «Я любилъ, какъ никогда не буду любить въ жизни; я былъ любимъ, какъ никогда уже меня любить не будутъ». Послѣ его смерти въ его записной книжкѣ была найдена замѣтка слѣдующаго содержанія: «Она умерла въ расцвѣтѣ юности, въ моей памяти она останется вѣчно молодой и прекрасной».

Нансенъ. Нансенъ очень счастливъ въ семейной жизни. Его жена—замѣчательная пѣвица, но она больше занимается поѣздками мужа съ научной цѣлью, чѣмъ своимъ искусствомъ. Хотя она получила тщательное воспитаніе и съ дѣтства привыкла къ комфорту всякаго рода, но безропотно подчиняется суровому образу жизни, который ведетъ Нансенъ. Ей нипочемъ холодъ въ какой-нибудь конурѣ подъ сѣвернымъ морозомъ и она съ удовольствіемъ проглатываетъ неудобоваримые продукты, которые Нансенъ беретъ съ собою въ путь. Часто ей приходится вовсе не ѣсть по цѣлымъ днямъ, когда она сопровождаетъ мужа въ мелкихъ поѣздкахъ. Недаромъ Нансенъ посвятилъ ей свою книгу: «Въ странѣ ночи и льда». Вотъ это посвященіе: «Ей, которая крестила судно и имѣла мужество ждать».

ГЛАВА III.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Бисмаркъ. — Биконсфильдъ. — Гладстонъ. — Лордъ Лейчестеръ и королева Елизавета.— Робеспьеръ.— Мирабо.— Маратъ.— Лассаль.— Лафайетъ.—Веніаминъ Франклинъ.—Селюсбёри.

Вмѣстѣ съ политическими дѣятелями мы вступаемъ въ новую область отношеній между великими людьми и женщинами. Тутъ женщинѣ принадлежитъ огромная роль. Тутъ она является не только спутницею мужа или лица, съ которыми связала свою судьбу неразрывными узами, но и законодательницею его дѣятельности, а иногда даже и вершительницею судебъ цѣлаго государства.

Бисмаркъ. Остановимся прежде всего на Бисмаркѣ. Желѣзный канцлеръ объединенной Германіи пережилъ двѣ полосы въ исторіи сердечныхъ отношеній. Первая изъ нихъ ознаменовалась бурными порывами въ родныхъ помѣстьяхъ; вторая текла мирнымъ ручейкомъ въ тѣни густолиственныхъ садовъ Фридрихсруэ. Въ началѣ своей политической дѣятельности Бисмаркъ пользовался не особенно лестной репутаціей. Его имѣнія Кнейпгофъ и Шенгаузенъ были обременены долгами, и лишь упорнымъ трудомъ и силою воли владѣльцу удалось привести ихъ въ порядокъ. Еще со временъ университета и военной службы Herr Otto прославился, какъ отчаянный гуляка и бреттеръ, и, поселившись въ своемъ родовомъ имѣніи, сохранилъ за собою прозвище «сумасброднаго юнкера изъ Кнейпгофа» (toller Junker vom Kneiphof). Несмотря на это, Бисмаркъ не сторонился общества и усердно посѣщалъ всевозможныя «Thés dansants», «Kränzchen» и тому подобныя увеселительныя мѣста. Дамы очень охотно его принимали, но ни одна не могла похвалиться, что завладѣла его сердцемъ. Самъ онъ ухаживалъ за всѣми, никому не выказывая предпочтенія, какъ о томъ свидѣтельствуетъ выдержка изъ его письма къ сестрѣ Мальвинѣ, въ которомъ онъ отзывается объ одной дѣвушкѣ слѣдующимъ образомъ: «Я познакомился съ нею. Минутами она бываетъ хороша, какъ картина, но скоро она потеряетъ свой цвѣтъ лица и будетъ некрасива. Я былъ влюбленъ въ нее цѣлыхъ двадцать четыре часа». Все это, конечно, не исключало всевозможныхъ увлеченій. «Сумасбродный юнкеръ» никого не любилъ, но за всѣми волочился.

Но вотъ началась вторая полоса: Бисмаркъ женился и остепенился. Эта женитьба была предметомъ особеннаго любопытства біографовъ великаго дѣятеля. Какъ старый біографъ его д-ръ Гансъ Блюмъ, такъ и Адольфъ Когутъ, выпустившій въ 1894 году книгу: «Князь Бисмаркъ и женщины», сообщили мельчайшія подробности о бракѣ его съ Іоганною Путткаммеръ и объ ихъ долголѣтнемъ супружествѣ. Встрѣтился Бисмаркъ съ Іоганною въ 1844 году. На свадьбѣ своего друга Морица фонъ-Бланкенбурга съ дѣвицею Тадденъ-Триглафъ онъ замѣтилъ среди подругъ невѣсты молодую дѣвушку, прелестное личико которой, исполненное достоинства и сознанія красоты, сразу привлекло его вниманіе. Это и была Іоганна фонъ-Путткаммеръ (родилась 11 іюля 1821 г.), единственная дочь Генриха Путткаммера и его жены Луитгарды, урожденной Глазенапъ. Дѣвушка произвела на Бисмарка сильное впечатлѣніе, но въ теченіе двухъ лѣтъ они ни разу не встрѣчались, и лишь случай свелъ ихъ, наконецъ, въ 1846 году, во время путешествія въ Гарцъ, куда родные Іоганны взяли ее съ собою. Во все время путешествія Бисмаркъ не отходилъ отъ молодой дѣвушки и, убѣдившись, что и она ему симпатизируетъ, рѣшилъ на ней жениться.

Но если Іоганна была не прочь сдѣлаться женою Бисмарка, то родители ея были далеко отъ мысли ввѣрить дочь человѣку, пользовавшемуся репутаціею сумасброда. Домъ Путткаммеровъ славился благочестіемъ, а реноме гуляки и безумца все еще сопутствовало Бисмарку. На согласіе родителей поэтому трудно было разсчитывать. «Никто не хотѣлъ вѣрить, что язычникъ Савлъ былъ самомъ дѣлѣ на пути въ Дамаскъ». Нетрудно поэтому представить себѣ переполохъ въ Рейнфельдѣ (такъ называлось имѣніе Путткаммеровъ), когда въ концѣ 1846 г.

тамъ было получено отъ Бисмарка письмо, въ которомъ онъ просилъ руки Іоганны. Отецъ дѣвушки не разъ разсказывалъ потомъ, что письмо это ударило его по головѣ, «какъ обухомъ». Однако, сумасбродный юнкеръ не далъ ему долго отчаиваться. Черезъ три дня послѣ письма онъ подкатилъ неожиданно къ дому Путткаммера и, ворвавшись въ его комнату, тутъ же на глазахъ удивленнаго отца и пораженной матери обнялъ дѣвушку и началъ осыпать поцѣлуями. Сопротивляться дальше нельзя было, тѣмъ болѣе, что сама Іоганна со слезами на глазахъ призналась, что любитъ Бисмарка.

Двѣ недѣли прогостилъ «сумасбродъ» въ Рейнфельдѣ и 12 января 1847 года отправилъ сестрѣ въ Ангермюндъ краткую депешу слѣдующаго содержанія: «All right». *)

Наконецъ, была назначена свадьба. Она состоялась бы раньше, если бы на 10-е апрѣля не было назначено открытія «соединеннаго прусскаго сейма», въ которомъ Бисмаркъ долженъ былъ заступить мѣсто захворавшаго депутата Браухича. Засѣданія длились до 26 іюня. Имя Бисмарка начинало тогда гремѣть не только въ Германіи, но и за ея предѣлами, и, стоя 28 іюля того же года передъ алтаремъ, юная Іоганна фонъ-Путткаммеръ отдавала руку не какому-нибудь безъизвѣстному человѣку, а энергическому дѣятелю, успѣвшему уже сдѣлаться славою парламента.

Бисмаркъ не обманулъ довѣрія Іоганны. Онъ искренно полюбилъ ее и всю долгую жизнь никогда не нарушалъ согласія съ нею. Чѣмъ онъ обязанъ ей, можно судить по его собственнымъ похваламъ, которыя онъ обильно расточалъ женѣ и въ дружескихъ кружкахъ, и въ обществѣ.

— Вы не повѣрите,—говаривалъ онъ,—что сдѣлала изъ меня эта женщина!

Въ письмахъ, которыя онъ посылалъ ей въ первые годы супружества, Бисмаркъ называетъ ее «мое сердце». Въ бытность посланникомъ въ Россіи онъ посылалъ ей вѣтки жасмина изъ Петергофа; изъ Бордо онъ отправлялъ ей полевые цвѣты; изъ Гаштейна эдельвейсъ. Въ одномъ изъ писемъ, посланномъ женѣ послѣ шестнадцати лѣтъ брачной жизни, Бисмаркъ вспоминаетъ о днѣ своей свадьбы, какъ о «солнечномъ лучѣ, освѣтившемъ его существованіе». Въ письмѣ къ сестрѣ весной 1854 года онъ пишетъ: «Я страшно тоскую по полямъ и лѣсамъ, по дорогой женѣ и милымъ, послушнымъ дѣтямъ». 1 апрѣля 1859 года, будучи посланникомъ въ Петербургѣ, онъ одиноко справлялъ день своего рожденія, и вотъ какъ писалъ объ этомъ женѣ: «Сегодня день моего рожденія и въ первый разъ за двѣнадцать лѣтъ провожу его безъ Іоганны».

Любопытна также выдержка изъ письма, посланнаго имъ въ томъ же 1859 году изъ Варшавы, гдѣ онъ жилъ въ павильонѣ Лазенковскаго дворца. «Вѣтеръ,—пишетъ онъ,—носится, какъ безумный, надъ Вислою и приводитъ въ движеніе каштаны и липы. Ихъ желтые листья такъ и бьютъ въ мои окна. У меня же тепло и уютно, и, сидя съ сигарою за чаемъ, я думаю о тебѣ и о дѣтяхъ, мечтаю о томъ времени, когда мы вмѣстѣ будемъ пить чай». Письма, относящіяся къ эпохѣ войны съ Австріею, также весьма характерны. Въ одномъ изъ нихъ, отправленномъ изъ Гичина 2 іюля 1866 года, т. е. за день до битвы подъ Кениг-

*) Все хорошо.

грецомъ, онъ проситъ жену присылать съ курьерами по 1.000 сигаръ въ 20 талеровъ для лазаретовъ, такъ какъ раненые очень скучаютъ безъ нихъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ проситъ также какую-нибудь книгу для чтенія, но «только по одной сразу», прибавляетъ онъ, какъ бы опасаясь, что не сумѣетъ сдѣлать выбора между двумя. Изъ кампаніи 1870 года до свѣдѣнія общества дошло содержаніе только одного письма Бисмарка къ женѣ, да и то помимо автора. Письмо это писано изъ Вандреса на другой день послѣ сраженія подъ Седаномъ. Оно не дошло по адресу, такъ какъ «вольные стрѣлки» перехватили нѣмецкую почту, а въ томъ числѣ и корреспонденцію Бисмарка. Много времени спустя письмо это было напечатано въ одной французской газетѣ.

Таковы были отношенія Бисмарка къ женѣ, съ которою онъ прожилъ много лѣтъ (28 іюля 1897 года онъ отпраздновалъ свою золотую свадьбу). Она была тихимъ ангеломъ, усмирившимъ и успокоившимъ бури, которыя клокотали въ душѣ желѣзнаго человѣка въ годы расцвѣта молодости и силъ; она была мягкимъ и упругимъ въ то же время парусомъ, направлявшимъ буйный вихрь, а вмѣстѣ съ нимъ и могучее судно къ далекой гавани германскаго единства. Недаромъ Бисмаркъ говаривалъ часто:

— Она меня сдѣлала тѣмъ, что я есмь.

Извѣстенъ слѣдующій анекдотъ изъ семейной жизни Бисмарка. Однажды желѣзнаго канцлера посѣтилъ какой-то посолъ. Поговоривъ долгое время, посолъ замѣтилъ, что Бисмарка, навѣрно, многіе тревожатъ и подолгу, и тутъ же полюбопытствовалъ узнать, какъ онъ освобождается отъ назойливыхъ или непріятныхъ визитеровъ.

— Очень просто,—отвѣтилъ Бисмаркъ.—Какъ только женѣ покажется, что тотъ или другой гость меня задерживаетъ слишкомъ долго, она посылаетъ за мною человѣка, и наша бесѣда кончается.

Не успѣлъ Бисмаркъ окончить свое объясненіе, какъ въ комнату вошелъ лакей и доложилъ, что княгиня проситъ къ себѣ Бисмарка на нѣсколько минутъ. Посолъ покраснѣлъ и тотчасъ удалился.

Биконсфильдъ. Лордъ Биконсфильдъ, оставившій такой крупный слѣдъ въ исторіи англійской политики, былъ слишкомъ сухъ, чтобы любить. Умъ у него царилъ надъ чувствомъ. Его жена не обладала ни молодостью, ни красотою, къ тому же она была старше его на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Но зато она отличалась однимъ преимуществомъ, которое вознаграждало перваго министра Англіи за недостатокъ красоты и молодости: у нея было 100.000 ежегоднаго дохода. Самъ Биконсфильдъ не разъ говаривалъ ей, что сдѣлался ея мужемъ только изъ-за денегъ.

— Пускай такъ,—отвѣчала обыкновенно жена,—но если бы тебѣ пришлось жениться на мнѣ еще разъ, то ты бы это уже сдѣлалъ изъ любви.

И дѣйствительно, съ годами между Биконсфильдомъ и его женою начались дружескія сношенія, которыхъ не омрачало воспоминаніе о томъ, что до выхода замужъ за него г-жа Биконсфильдъ была женою его друга Уиндгема Льюиса. Она сдѣлалась въ полномъ смыслѣ слова подругою, довѣреннымъ лицомъ и совѣтницею Дизраэля. Впослѣдствіи онъ признавался, что часы, проведенные въ уединеніи съ нею, были самыми счастливыми въ его жизни. Онъ дѣлился съ нею горемъ и ра-

достями. Она же никогда не допускала и мысли, что онъ можетъ ошибаться. Величайшее удовольствіе онъ испыталъ тогда, когда могъ украсить ее пэрскимъ достоинствомъ. Ей же посвятилъ онъ свой романъ «Сивилла». Вотъ это посвященіе: «Посвящаю это произведеніе женщинѣ, скромный характеръ и благородный духъ которой заставляютъ ее сочувствовать всѣмъ страдающимъ, пріятный голосъ которой меня часто ободрялъ, а хорошій вкусъ и правильное сужденіе руководили этими страницами,—самому строгому критику, но самой совершенной женѣ».

Однажды нѣсколько молодыхъ людей позволили себѣ въ присутствіи Биконсфильда пройтись насчетъ возраста и наружности его жены и спросить, что его заставило на ней жениться. Биконсфильдъ вспыхнулъ и, вставъ, чтобы уйти, съ негодованіемъ сказалъ:

— Господа, развѣ никто изъ васъ не знаетъ, что такое благодарность?

Парламентскія побѣды доставляли женѣ Дизраэля большую радость. Когда онъ въ 1867 году одержалъ побѣду надъ Гладстономъ въ вопросѣ о выборной реформѣ, молодые члены его партіи рѣшили почтить его банкетомъ; но Биконсфильдъ отклонилъ это предложеніе, заявивъ, что намѣренъ провести вечеръ въ обществѣ своей жены. Послѣ знаменитой рѣчи 3 апрѣля 1872 года онъ также отправился тотчасъ же домой изъ палаты. Жена поѣхала раньше, чтобы встрѣтить его должнымъ образомъ. Услыхавъ стукъ экипажа, она бросилась въ переднюю и, обхвативъ его руками, крикнула внѣ себя отъ радости:

— Диззи, Диззи! Это лучшій изъ всѣхъ вечеровъ! Онъ вознаграждаетъ насъ за все.

Послѣ другой ораторской побѣды—на этотъ разъ въ Эдинбургѣ—Дизраэль и жена танцовали въ спальнѣ, какъ дѣти. Тридцать лѣтъ прожилъ съ женою Биконсфильдъ въ полномъ счастіи. Когда она умерла, онъ сказалъ:

— Въ теченіе тридцати лѣтъ, проведенныхъ мною вмѣстѣ съ нею, я не скучалъ ни одной минуты.

Въ послѣдніе годы культъ мужа доходилъ у лэди Биконсфильдъ до смѣшного. Такъ, она носила всегда на груди нѣчто вродѣ ордена. На самомъ дѣлѣ это былъ портретъ Биконсфильда въ овальной золотой рамкѣ. Разъ какъ-то въ дамскомъ обществѣ зашла рѣчь о красивыхъ мужчинахъ. Дамы перечисляли мужчинъ, достойныхъ, по ихъ мнѣнію, названія красавцевъ. Лэди Биконсфильдъ молчала нѣкоторое время, но потомъ воскликнула:

— О, если бы только вы видѣли моего Диззи въ ваннѣ!

Гладстонъ.

Жена Гладстона—поистинѣ одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ XIX столѣтія. Почти въ теченіе цѣлаго полувѣка она не только вела хозяйство своего великаго мужа, но была его вѣрною подругою и спутницею, вся задача жизни которой заключалась въ томъ, чтобы поддерживать бодрое настроеніе мужа и охранять его діэту. Такъ, она всегда заботилась о томъ, чтобы мужъ ея медленно ѣлъ, и Гладстонъ имѣлъ полное право сказать, что ему приходилось тридцать два раза пережевывать каждый кусокъ, который онъ отправлялъ въ свой краснорѣчивый ротъ, чтобы лучше переварить его.

Въ бытность дѣвушкою лэди Гладстонъ была извѣстна подъ именемъ

«хорошенькой Глинь». Однажды за обѣдомъ она сидѣла около одного министра. Послѣдній обратилъ ея вниманіе на молодого Гладстона, бывшаго въ то время депутатомъ.

— Видите,—сказалъ онъ,—этого молодого человѣка противъ васъ? Онъ со временемъ будетъ премьеромъ.

Молодая дѣвушка начала съ любопытствомъ разсматривать красивое, выразительное лицо депутата, но познакомилась съ Гладстономъ только зимою въ Италіи. Въ 1839 году они отпраздновали свадьбу, а на торжествѣ по случаю золотой свадьбы великій государственный дѣятель заявилъ, что ему недостаетъ словъ, чтобы выразить свою благодарность женѣ. Счастіе лэди Гладстонъ омрачалось только тѣмъ, что она не часто могла быть вмѣстѣ съ мужемъ во время его пребыванія на посту перваго министра. Ей доставляло большое удовольствіе, когда лондонскіе друзья приглашали ее на обѣды во время «season», такъ какъ тутъ ей можно было просить, чтобы ее усадили рядомъ съ мужемъ.

— Иначе,—прибавляла она,—мнѣ не удается съ нимъ побесѣдовать, такъ какъ дѣла удерживаютъ его въ Лондонѣ. Я его не вижу по цѣлымъ недѣлямъ!

Лордъ Лейчестеръ и королева Елизавета.

Отношенія между англійскою королевою Елизаветою и лордомъ Лейчестеромъ представляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ романовъ, какіе когда-либо знала всемірная исторія.

Красавица Анна Болейнъ, мать Елизаветы, была казнена въ 1536 году, такъ какъ мужу ея, Генриху VIII, хотѣлось возвести на престолъ Іоанну Сеймуръ. Іоанна умерла въ родахъ. У короля были послѣ того еще три жены, которыя, однако, дѣтей ему не принесли, вслѣдствіе чего онъ возстановилъ наслѣдственное право своихъ обѣихъ дочерей отъ перваго и второго браковъ. У нихъ это право было отнято, когда у короля родился сынъ; но такъ какъ сынъ этотъ отличался большой болѣзненностью, то право дочерей было возстановлено. Смерть короля, однако, сдѣлала то, что воля его не была исполнена.

Какъ только умеръ Генрихъ VIII, начались интриги изъ-за престолонаслѣдія. Графъ Варвикъ, герцогъ Нортумберлендскій, склонилъ молодого Эдуарда VI сдѣлать своею наслѣдницею далекую родственницу, внучку герцогини Суффолькской, Іоанну Грей. Королевскія дѣти, изъ которыхъ ни одному еще не было шестнадцати лѣтъ, питали другъ къ другу нѣжныя чувства. Они, вѣроятно, вступили бы въ бракъ, но у герцога Нортумберлендскаго были другія намѣренія. Желая удовлетворить собственное честолюбіе, онъ тайно обвѣнчалъ Іоанну Грей съ своимъ сыномъ, лордомъ Гильфордомъ Дэдлеемъ. Затѣмъ онъ отравилъ сына и скрывалъ его смерть въ теченіе нѣсколькихъ дней, чтобы погребеніе его могло состояться одновременно съ коронованіемъ Іоанны. Послѣдняя противъ воли была сдѣлана королевою, къ тому же въ такую минуту, когда она оплакивала безвременно умершаго мужа. Судьба Іоанны извѣстна: молодая королева не просидѣла на престолѣ и двухъ недѣль. Ей отрубили голову, прежде чѣмъ она могла даже освоиться съ новымъ положеніемъ. Старшая дочь Генриха VIII, Марія, прозванная «кровавою», нарушила завѣщаніе своего своднаго брата и, сославшись на предоставленное ей отцомъ право, заставила себя въ 1553 году провозгласить королевою. Она тотчасъ же приказала арестовать Іоанну,

а когда нѣсколько смѣлыхъ заговорщиковъ попытались удалить ее съ престола, приказала казнить несчастную женщину съ ея молодымъ мужемъ, и при томъ тайно опасаясь, какъ бы красота, молодость и невинность молодой четы не вызвали слишкомъ много состраданія. Одновременно съ этимъ Марія приказала заключить свою сестру Елизавету въ Тоуэръ, такъ какъ возникло подозрѣніе, что она была солидарна съ заговорщиками.

Въ то время Елизаветѣ было всего 20 лѣтъ. Бѣлокурые волосы, блестящіе голубые глаза, орлиный носъ и свѣжія розовыя щеки – такова была въ то время будущая королева. По тому, какъ она держалась, было ясно видно, что она надѣялась занять со временемъ престолъ. Тюрьма для нея была тѣмъ болѣе мучительна, что сердце ея пылало страстью. Она любила Роберта Дэдлея, лорда Лейчестера—двадцатидвухлѣтняго красавца, изящнаго, галантнаго, любившаго нарядно одѣваться и какъ бы созданнаго для того, чтобы владѣть сердцемъ королевы. Надъ нимъ висѣлъ Дамокловъ мечъ—онъ могъ также потерять голову, такъ какъ былъ одной изъ жертвъ неукротимаго гнѣва Маріи; но красота его спасла. Когда его представили Маріи, чтобы она произнесла надъ нимъ приговоръ, грозная королева остановилась передъ нимъ въ восхищеніи и помиловала его. Лордъ Лейчестеръ невольно расплакался.

Неизвѣстно, успѣлъ ли молодой лордъ завоевать сердце красивой арестантки еще въ тюрьмѣ. Вышелъ онъ изъ заключенія 5 годами раньше Елизаветы, по ходатайству Филиппа II Испанскаго, женатаго на сводной сестрѣ будущей королевы, Маріи, которая исполняла всѣ его желанія: жестоко преслѣдовала протестантовъ, ввела инквизицію въ Англіи и подписала болѣе 500 смертныхъ приговоровъ въ теченіе своего кратковременнаго «кроваваго» правленія. Маріи, однако, не удалось приковать къ себѣ своего мужа-испанца. Онъ покинулъ ее и вернулся на родину.

Когда Марія, впавъ въ уныніе, умерла (17 ноября 1558 года), Елизавета сдѣлалась королевою и неограниченною властительницею Великобританіи. Тотчасъ же вокругъ нея столпилась цѣлая стая воздыхателей. Въ числѣ послѣднихъ былъ, между прочимъ, и Филиппъ II Испанскій, ухаживавшій за нею еще раньше. Елизавета ненавидѣла его, какъ фанатическаго католика, но не дала ему замѣтить это и съ большимъ искусствомъ держала его въ неизвѣстности насчетъ своихъ чувствъ, а когда взошла на престолъ, категорически заявила, что хочетъ остаться королевою-дѣвственницею. Лорда Лейчестера непріятно поразило это заявленіе. Ему хотѣлось продолжать ухаживаніе за женщиною, къ которой онъ почувствовалъ сильное влеченіе еще въ тюрьмѣ. Впрочемъ, Елизавета его скоро успокоила. Она сдѣлала красавца-лорда, бывшаго всего только на два года старше ея, своимъ первымъ министромъ и осыпала его знаками милости. Въ концѣ концовъ лордъ Лейчестеръ сталъ думать, что ему удастся вступить въ бракъ съ королевою. Чтобы очаровать ее окончательно, онъ пригласилъ ее въ свой замокъ, гдѣ устроилъ цѣлый рядъ неслыханныхъ по роскоши празднествъ, превосходно описанныхъ въ романѣ Вальтеръ Скотта «Кенильвортъ». Вотъ портреты Лейчестера и Елизаветы въ томъ видѣ, какъ они вышли изъ подъ пера англійскаго романиста: «Конная процессія прибыла по широкой аллеѣ дворцоваго парка. Двѣсти восковыхъ факеловъ, несомыхъ

такимъ же числомъ наѣздниковъ, бросали яркій свѣтъ на главную группу процессіи, въ которой королева Елизавета составляла центральный пунктъ; она сидѣла на бѣломъ, какъ молоко, конѣ, украшенномъ краснымъ бархатнымъ ковромъ съ золотою бахромою. Съ граціозной увѣренностью и достоинствомъ держала она повода; цвѣтущее, съ благородными чертами лицо было обрамлено вьющеюся волною бѣлокурыхъ волосъ; голубой шелкъ съ серебряными узорами облекалъ ея стройную фигуру, удивительнымъ образомъ сопоставляя ея юношескую прелесть съ величіемъ ея осанки. Рядомъ съ королевою ѣхалъ лордъ Лейчестеръ на черномъ, какъ ночь, конѣ, члены котораго, красиво оформленные, были обрызганы пятнами пѣны, такъ какъ твердая рука его всадника сдерживала слишкомъ огненныя движенія, чтобы не оскорблять королевы и ея благороднаго спокойнаго животнаго. Графъ Лейчестеръ великолѣпно выглядѣлъ на гордомъ хребтѣ своего темнаго коня, магически освѣщенный краснымъ сіяніемъ факеловъ. Шляпу съ вьющимися бѣлыми перьями держалъ онъ въ рукѣ; непокрытые кудрявые волосы порхали по высокому лбу; въ большихъ свѣтлыхъ глазахъ сіялъ восторгъ по поводу того, что скоро исполнится его пламеннѣйшее желаніе».

Вообще лордъ Лейчестеръ много обращалъ вниманія на свою наружность. Такъ, на банкетѣ въ Кенильвортѣ онъ однажды появился весь въ бѣломъ. «Его башмаки были изъ бѣлаго бархата, его подвязки — изъ бѣлаго шелка, его бѣлыя бархатныя панталоны имѣли серебряные прорѣзы на бедрахъ, его тѣсно прилаженный жилетъ былъ изъ серебряной ткани съ жемчугомъ; поясъ и даже ножны также были изъ бѣлаго бархата. Мечъ и кинжалъ имѣли золотыя рукоятки. Все это обнималъ широкій бѣлый плащъ изъ блестящаго атласа съ крупными золотыми узорами. Цѣпь ордена Подвязки и голубая лента вокругъ колѣна завершали костюмъ, который удивительно шелъ къ стройной фигурѣ и смуглому лицу лорда Лейчестера, вслѣдствіе чего всѣ присутствовавшіе должны были признаться, что никогда не видѣли болѣе красиваго мужчины. Королева, повидимому, была того же мнѣнія, такъ какъ въ ту минуту, когда онъ сталъ передъ нею на колѣни, чтобы поблагодарить ее за милостивое посѣщеніе, она ласково провела своей красивой бѣлой рукой по его душистымъ локонамъ и стала смотрѣть на него глазами, исполненными удивленія»...

Такъ описываетъ влюбленныхъ Вальтеръ Скоттъ, рабски слѣдуя одной современной хроникѣ.

Почему Елизавета не вступила въ бракъ съ лордомъ Лейчестеромъ? Говорятъ, что причина—злые слухи, приписывавшіе благородному лорду преступленіе. Дѣло въ томъ, что во время кенильвортскихъ празднествъ лордъ Лейчестеръ былъ женатъ на нѣкой Эми Робсартъ. Эту-то женщину, какъ утверждали, онъ отравилъ. Елизавета вѣрила, повидимому, въ его преступленіе и поэтому отказала ему въ надеждѣ на ея руку, которую обѣщала отдать ему раньше. Однако, она продолжала относиться къ нему милостиво попрежнему, пока не наступило событіе, сразу положившее конецъ добрымъ отношеніямъ между нею и ея близкимъ другомъ.

Произошло это слѣдующимъ образомъ: однажды Елизавета застала лорда въ ту минуту, когда онъ осыпалъ ласками одного хорошенькаго мальчика, и спросила, не его ли это сынъ. Лордъ Лейчестеръ отвѣтилъ

отрицательно, тѣмъ не менѣе королева приказала слѣдить за лордомъ и вскорѣ узнала, что Лейчестеръ уже годъ женатъ тайно на красивой вдовѣ графа Эссекса. Ребенокъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ ея сыномъ отъ перваго брака. Такъ какъ графъ Эссексъ умеръ скоропостижно, то опять пошли слухи, что убійца — лордъ Лейчестеръ. Послѣднему удалось убѣдить королеву въ своей невиновности, вслѣдствіе чего положеніе его снова упрочилось, но не надолго. Однажды собралась въ одномъ мѣстѣ толпа, желая видѣть королеву, которая должна была пройти вмѣстѣ со свитою. Въ толпѣ обращалъ на себя вниманіе молодой человѣкъ, отличавшійся необыкновенной красотой и великолѣпнымъ костюмомъ. Главной частью послѣдняго былъ плащъ изъ ярко-алаго бархата. На немъ красовалась того же цвѣта шапочка, къ которой были прикрѣплены золотая цѣпь и драгоцѣнная кокарда; въ ушахъ висѣли большія кольца съ настоящимъ жемчугомъ. Башмаки съ носками, украшенные серебряными пряжками, и кинжалъ у пояса, а также перчатки съ отворотами завершали туалетъ, производившій особенный эффектъ, благодаря миловидности и рѣшительному виду его носителя. Въ давкѣ плащъ спалъ съ него наполовину и ему пришлось держать его обѣими руками. Когда королева приблизилась къ нему, юноша выступилъ впередъ съ выраженіемъ почтительнаго любопытства и скромнаго, но пламеннаго восторга, которыя очень шли къ его красивому лицу. При взглядѣ на него Елизавета остановилась на мгновеніе, какъ бы пораженная: мужская красота всегда интересовала ее, хотя ей и хотѣлось быть добродѣтельною. Вдругъ юноша распростеръ передъ нею на землю плащъ, въ видѣ ковра. При этомъ онъ сильно покраснѣлъ и попросилъ извиненія за свою дерзость. Королева также слегка покраснѣла, но милостиво наклонила голову и граціозно перешла черезъ плащъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился одинъ изъ кавалеровъ ея свиты, чтобы узнать имя красавца. Красавцемъ оказался Вальтеръ Рэлей. Онъ быстро добился милости королевы, которая никогда не забыла его рыцарскаго поступка. Она покровительствовала его отважнымъ предпріятіямъ. Будучи очень богатъ, Рэлей снарядилъ на собственный счетъ экспедицію, чтобы основать въ Америкѣ собственную колонію, которую онъ и назвалъ въ честь королевы-дѣвственницы Виргиніею. Когда онъ вернулся назадъ, Елизавета стала относиться къ нему съ еще бо́льшимъ довѣріемъ и ввѣрять ему лучшіе посты. Когда такъ называемая «непобѣдимая армада» Филиппа II начала грозить Англіи, Рэлей снарядилъ опять на свой счетъ нѣсколько военныхъ судовъ, чѣмъ оказалъ существенную услугу англійскому флоту и содѣйствовалъ въ 1588 году гибели армады.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что лордъ Лейчестеръ возненавидѣлъ графа Рэлея. Съ той минуты, какъ послѣдній сдѣлался приближеннымъ королевы, всѣ мысли его устремились на то, какъ бы свергнуть соперника-графа. Послѣ долгихъ неудачныхъ попытокъ добиться цѣли онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ.... сводничеству! Онъ именно сблизилъ королеву съ самымъ красивымъ изъ юношей Англіи—графомъ Робертомъ Эссексомъ, своимъ пасынкомъ. Молодому графу не было еще въ то время и двадцати лѣтъ, но онъ обладалъ уже пламеннымъ честолюбіемъ. Въ бытность ребенкомъ онъ обратилъ на себя какъ-то вниманіе королевы

и уже тогда началъ втайнѣ питать мысль сдѣлаться ея любовникомъ и вслѣдствіе этого властителемъ государства. Лордъ Лейчестеръ всячески покровительствовалъ сближенію молодого красавца съ неравнодушною къ красивымъ мужчинамъ королевою и имѣлъ уже удовольствіе видѣть, какъ работа его увѣнчивается успѣхомъ, какъ вдругъ, почти наканунѣ своего торжества, умеръ. Онъ скончался 4 сентября 1688 года, когда молодой графъ Эссексъ уже занималъ оффиціальное положеніе королевскаго фаворита, вытѣснивъ Рэлея.

Робеспьеръ.

Давно уже извѣстно, что величайшіе преступники пользуются большимъ успѣхомъ у женщинъ, если только они «интересны». Фра-Діаволо, Іосифъ Собри, Ринальдо Ринальдини пользовались горячей любовью красивыхъ женщинъ. Донъ Жуанъ и Цезарь Борджіа погубили болѣе тысячи женскихъ сердецъ. Максимиліанъ Робеспьеръ, казненный болѣе ста лѣтъ назадъ (10 термидора, т. е. 16 іюля 1794 года), любимецъ парижскихъ «безштанниковъ» (санкюлотовъ), является также доказательствомъ того, какъ часто женщины увлекаются «интересными» преступниками. Онъ, человѣкъ ужаса и крови, которому доставляло большое удовольствіе отправлять на гильотину согражданъ обоего пола, былъ идоломъ французскихъ женщинъ! Онѣ не только восхищались его «величіемъ», не только удивлялись его «генію», его непоколебимой честности, неподкупности и т. д., но и питали чувства страстной любви. И это несмотря на то, что бывшій аррасскій адвокатъ нисколько не отличался красотою. По крайней мѣрѣ, у него не было той граціи въ выраженіи лица, которою обращалъ на себя вниманіе его близкій другъ, превратившійся впослѣдствіи въ его злѣйшаго врага, Дантонъ, этотъ геркулесъ французской революціи, обладавшій бычачьимъ затылкомъ, широкой грудью и громовымъ голосомъ.

Невысокаго роста, съ узкимъ лицомъ, на которомъ замѣтенъ былъ слабый болѣзненный румянецъ и которое къ тому же было изборождено оспою, съ зелеными жилами, просвѣчивавшими черезъ кожу его щекъ и рукъ, съ острымъ носомъ, большимъ ртомъ и быстрыми безпокойными глазами, Робеспьеръ былъ скорѣе отвратителенъ, чѣмъ красивъ, и отвратительность эта нисколько не окупалась любезнымъ обращеніемъ, которымъ онъ отличался въ частной жизни. Смѣяться онъ не могъ. Смѣхъ его напоминалъ хихиканіе, носившее иногда слишкомъ дружескій, иногда отталкивающій характеръ. Вѣчно суетливый и нервный, постоянно кусая ногти пальцевъ и безпрерывно подергивая руками, плечами и шеею, онъ съ перваго же взгляда производилъ крайне непріятное впечатлѣніе. Несмотря на это, Робеспьеръ все же былъ кумиромъ у женщинъ.

Какъ свидѣтельствуютъ въ одинъ голосъ всѣ современники французскаго диктатора, Робеспьеръ отличался большой умѣренностью въ ѣдѣ и питьѣ, а также былъ чуждъ эротическихъ наклонностей, въ противоположность Мирабо и Дантону. Не онъ обожалъ женщинъ, а, наоборотъ, женщины обожали его. Искренно любилъ Робеспьеръ только одну женщину и только ей оставался вѣренъ—Элеонору Дюплей, одну изъ дочерей его домохозяина, столяра Дюплея. Шутники называли ее Корнеліею, насмѣшники—«m lle стружка». Когда будущій глава революціи поселился въ ихъ домѣ, m-lle Дюплей было 25 лѣтъ. Судя по сохранившимся

до настоящаго времени портретамъ ея, это была высокая, стройная дѣвушка съ нѣсколько рѣзкими чертами лица. Хотя Робеспьеръ обратилъ благосклонное вниманіе только на нее, тѣмъ не менѣе остальныя дочери Дюплея наперерывъ ухаживали за нимъ, стараясь хоть сколько-нибудь ему понравиться. Особенно сильную нѣжность къ нему стала проявлять также его вѣроятная теща — г-жа Дюплей. Она оберегала его, какъ зѣницу ока, ухаживала за нимъ во время его болѣзни, не позволяла никому другому давать ему лекарства или приготовлять постель. Удивительно, какъ могъ этотъ звѣрь въ человѣческомъ образѣ, для котораго проливаніе человѣческой крови было инстинктивной потребностью, вести столь мирную, идиллическую жизнь въ этой семьѣ! Даже находясь на вершинѣ своего величія, неограниченно управляя судьбами своего отечества, онъ находилъ возможнымъ удѣлять нѣкоторые вечера для прогулки съ г-жею Дюплей и ея дочерьми въ Елисейскихъ Поляхъ или въ «Jardin Marbuf», сопровождаемый большимъ датскимъ догомъ Груэтомъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ этой семьѣ, онъ только шесть разъ обѣдалъ внѣ дома. Каждый разъ по окончаніи обѣда Робеспьеръ вмѣстѣ съ членами семьи Дюплей отправлялся въ комнату хозяина дома, гдѣ дамы принимались обыкновенно за какую-нибудь работу, а Робеспьеръ читалъ имъ что-либо изъ Вольтера, Руссо, Расина или Корнеля. По четвергамъ у г-жи Дюплей собирались гости и на этихъ вечерахъ диктаторъ почти никогда не отсутствовалъ. Вечера эти носили музыкальный характеръ. Робеспьеръ, отличавшійся безграничнымъ тщеславіемъ, декламировалъ иногда на нихъ съ большимъ паѳосомъ стихотворенія излюбленныхъ поэтовъ. Горе несчастному, дерзавшему не апплодировать фанатическому комедіанту! Одно движеніе бровью — и мастеръ Самсонъ, такъ называемый «monsieur de Paris», или попросту палачъ, принимался за свою страшную работу.

Впрочемъ, Робеспьеръ былъ предметомъ пламенныхъ мечтаній не только для женщинъ низшаго сословія, но и для представительницъ высшаго свѣта. Еще въ Аррасѣ, когда онъ выигралъ какое-то дѣло въ пользу одной женщины, послѣдняя тутъ же на судѣ громко заявила: «Онъ—настоящій ангелъ, поэтому ему суждено, чтобы его обманывали дурные люди и чтобы онъ въ концѣ концовъ сдѣлался ихъ жертвою». Что онъ не оставался безчувственнымъ въ началѣ политической дѣятельности къ куреніямъ, которыми кадили ему женщины, видно изъ слѣдующаго мадригала, составленнаго имъ еще въ родномъ городѣ Аррасѣ:

«Вѣрь мнѣ, о, юная, прекрасная Офелія, оставайся довольною тѣмъ, что ты прекрасна, не имѣя объ этомъ никакого понятія. Сохрани въ себѣ всегда свою скромность. Постоянно заботься о власти твоихъ прелестей; ты будешь еще болѣе любима, если будешь опасаться, что тебя не будутъ любить».

Робеспьеру поклонялись даже образованнѣйшія и высокопоставленныя женщины. Однако, страстное поклоненіе одной женщины скорѣе повредило ему, чѣмъ принесло пользу, и было одной изъ причинъ его гибели. Весною 1794 года распространился по Парижу съ быстротою молніи слухъ, что Робеспьеръ находится въ близкихъ сношеніяхъ съ одною гадалкою. Имя гадалки было Тео, но враги диктатора

измѣнили его въ «Теосъ» (греческое слово, означающее Богъ), чтобы имѣть возможность называть ее «матерью Бога». Эта сумасшедшая мечтательница питала сильную любовь къ диктатору, который, по ея предсказанію, долженъ былъ измѣнить соціальный и политическій строй всего міра и имѣть великую будущность. Отличаясь, какъ уже сказано, безграничнымъ тщеславіемъ и будучи въ то же время крайне суевѣрнымъ, Робеспьеръ былъ очень радъ предсказаніямъ гадалки. Придавая большое значеніе ея словамъ относительно роли, которая ожидаетъ его впослѣдствіи, онъ часто заставлялъ ее гадать о будущихъ событіяхъ. Сошелся онъ съ нею слѣдующимъ образомъ. Одной изъ самыхъ ревностныхъ поклонницъ Екатерины Тео была нѣкая женщина, отличавшаяся рѣдкою красотою. У нея была дочь столь же пріятной наружности, какъ и она сама, но не отличавшаяся особенно строгимъ нравомъ. Въ ея салонѣ собирались большей частью знаменитые парижскіе жуиры. Этой-то красавицѣ и хотѣлось сблизиться съ Робеспьеромъ. Чтобы залучить его какъ-нибудь къ себѣ, она пустила въ ходъ всѣ пружины женской политики. Очарованный ея красотою и граціею, диктаторъ навѣстилъ ее въ ея салонѣ и черезъ ея посредство познакомился съ гадалкою. Когда плутовка Тео запугалась въ какой-то темной исторіи и была арестована, у нея оказалось письмо, въ которомъ она называла Робеспьера словами «мой милый сынъ». Этого было достаточно, чтобы противъ Робеспьера поднялась страшная буря.

Въ случаѣ съ Тео обнаружился трусливый характеръ Робеспьера. Чтобы устранить отъ себя всякое подозрѣніе въ покровительствѣ этой подозрительной женщинѣ, онъ даже пальцемъ не двинулъ для спасенія несчастной. Ту же самую трусость обнаружилъ онъ и по отношенію къ семьѣ, благодаря которой сошелся съ гадалкою. Вскорѣ послѣ ареста Тео были также арестованы красавица-мать и дочь, хозяйки веселаго салона. На нихъ-то и выместили свою злобу враги Робеспьера. Когда Фукье-Тенвиль, знаменитый прокуроръ республики, увидѣлъ, что красивая женщина и ея цвѣтущая дочь сѣли безстрашно въ арестантскую телѣгу, онъ цинически крикнулъ:

— Смотрите, что за дерзость! Когда онѣ будутъ подниматься на эшафотъ, мнѣ будетъ очень интересно посмотрѣть, сохранятъ ли онѣ тогда такое же спокойствіе духа, какъ теперь. Я непремѣнно пойду посмотрѣть, хотя бы для этого мнѣ пришлось опоздать къ обѣду.

Такъ называемыя «революціонныя женщины» были также безъ ума отъ Робеспьера. Къ ихъ числу принадлежали тѣ выродившіяся, сумасбродныя женщины, которыя, отвыкнувъ отъ домашней жизни, постоянно толкались въ клубахъ и національномъ Конвентѣ, основывали собственные женскіе клубы, въ которыхъ проповѣдывались революціонныя идеи, и т. п. Обнаруживая крайнюю душевную грубость и дьявольскія страсти, онѣ избрали своими девизами слова: «братство обоихъ половъ» и «братство республиканскихъ женщинъ». На диктатора онѣ просто молились, такъ какъ онъ своими лукаво-слащавыми рѣчами о любви, бракѣ, материнскихъ чувствахъ, воспитаніи давалъ имъ возможность прикрывать безнравственность своего поведенія. Женщины эти до того огрубѣли и прониклись животными страстями, что во время сентябрьскихъ убійствъ открыто пили вмѣстѣ съ убійцами кровь еще трепещущихъ жертвъ. Во время террора онѣ получали плату

за то, что издѣвались надъ осужденными на смертную казнь или сидѣли вокругъ гильотины съ вязаніемъ въ рукахъ, вслѣдствіе чего ихъ и прозвали «вязальщицами Робеспьера».

Несмотря, однако, на это общее поклоненіе женщинъ человѣку, навѣявшему ужасъ на всю Францію, нашлось нѣсколько благородныхъ представительницъ прекраснаго пола, которыя имѣли мужество протестовать противъ кроваваго режима тирана. 13 декабря 1793 года явились онѣ въ Конвентъ и стали просить, чтобы ихъ мужей освободили изъ заключенія. Однако, у бездушнаго палача нашлись только красивыя слова и напыщенныя фразы для несчастныхъ.

— Женщины!—воскликнулъ Робеспьеръ, обращаясь къ пришедшимъ съ мольбою женщинамъ.—Слово это пробуждаетъ въ душѣ чувство любви и представленіе о высшемъ идеалѣ. Жены! Слово это вызываетъ въ сердцѣ пріятныя ощущенія любви къ человѣчеству. Но развѣ жены не являются въ то же время и республиканками? Развѣ эта принадлежность къ республиканкамъ не кладетъ на нихъ извѣстныхъ обязанностей? Развѣ республиканки должны отказаться отъ названія гражданокъ, чтобы имѣть возможность быть женами? Добродѣтельныя республиканскія супруги идутъ по совершенно другой дорогѣ: онѣ твердо слѣдуютъ за тѣми, которымъ ввѣрена охрана народныхъ интересовъ.

Тѣмъ изъ несчастныхъ женщинъ, которыя слѣдовали совѣту бездушнаго палача, приходилось жестоко расплачиваться за свою неосторожность. Въ видѣ примѣра можно указать на г-жу Дюплесси, мать Демулена, обратившуюся къ Робеспьеру съ просьбою помиловать ея дочь. Вмѣсто всякаго отвѣта тиранъ приказалъ отрубить ей ея великолѣпную голову...

Любопытно, что у Робеспьера была своя Шарлотта Кордэ, по имени Цецилія, обвиненная имъ въ мнимомъ покушеніи на его жизнь, чтобы получить возможность казнить еще нѣсколько сотенъ невинныхъ гражданъ. Наивный подростокъ, дочь одного парижскаго гражданина, Цецилія пробралась 23 мая 1793 года въ домъ Робеспьера съ намѣреніемъ «хоть разъ посмотрѣть, какъ выглядитъ тиранъ». Такъ какъ у неосторожной дѣвочки оказались въ корзинѣ два небольшихъ ножа, то Робеспьеру было нетрудно ударить себя однимъ изъ нихъ въ грудь, а затѣмъ выставить себя мученикомъ свободы. Этотъ совершенно ничтожный случай диктаторъ раздулъ до крайнихъ размѣровъ, превративъ простое дѣтское любопытство въ дѣло огромнаго государственнаго значенія. Въ рѣчи, которую онъ произнесъ вскорѣ послѣ этого инцидента, Робеспьеръ воскликнулъ съ паѳосомъ:

— Клянемся кинжалами, которые обагрились кровью мучениковъ революціи, а затѣмъ были направлены противъ насъ, что мы искоренимъ всѣхъ преступниковъ, не оставивъ въ живыхъ ни одного изъ нихъ!

Несчастная «преступница», конечно, должна была сложить голову на эшафотѣ и увлечь еще туда за собою также и своихъ родителей. Въ числѣ осужденныхъ на смерть, которыхъ везли на казнь въ одной телѣгѣ съ Цециліею, былъ также нѣкій Ламираль, присужденный къ смерти за покушеніе на жизнь Колло д'Эрбуа. Во время слѣдованія колесницы къ лобному мѣсту онъ обратился къ бѣдной дѣвочкѣ, все время усердно читавшей молитвы, со слѣдующими словами:

— Ты хотѣла видѣть тирановъ? Посмотри вокругъ себя (при этомъ онъ указалъ ей на множество санкюлотовъ, окружавшихъ колесницу). Здѣсь передъ тобою ихъ множество!

Недолго, однако, продолжалось поклоненіе женщинъ Робеспьеру. Любовь ихъ угасла тотчасъ, какъ угасла звѣзда диктатора. Тѣ же самыя нечеловѣческія существа, которыя все время превозносили тирана, повернулись къ нему спинами или стали кидать въ него грязью, когда наступилъ часъ его паденія. Когда великій преступникъ, столько времени державшій въ своихъ окровавленныхъ рукахъ судьбу Франціи, совершалъ свой послѣдній путь—къ эшафоту—съ блѣднымъ лицомъ и раздробленнымъ подбородкомъ, за его колесницею шла отвратительная банда революціонныхъ женщинъ, протягивая къ нему угрожающіе кулаки и оглашая воздухъ страшными проклятіями. У дома Дюплей, мимо котораго ему пришлось проѣхать, женщины остановили колесницу и стали кружиться вокругъ нея въ бѣшеномъ вихрѣ, между тѣмъ какъ какой-то ребенокъ изъ толпы обрызгивалъ стѣны дома Дюплея кровью изъ находившагося въ его рукахъ сосуда. Замѣтивъ это, Робеспьеръ съ ужасомъ закрылъ глаза...

Мирабо. Мирабо жилъ страстями. Онъ не могъ любить спокойно. Исторія его любовныхъ похожденій есть въ то же время исторія его душевныхъ тревогъ.

Наибольшей извѣстностью пользуется его любовь къ Софіи Монье, которую онъ прославилъ въ своихъ знаменитыхъ письмахъ. Въ то время, когда онъ встрѣтился съ этою женщиною, жизнь его уже была богата всевозможными приключеніями и бурями. Онъ нѣсколько уже разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, былъ высланъ съ помощью lettres de cachet, которыми воспользовался противъ него его собственный отецъ и за которыя онъ впослѣдствіи отомстилъ, вызвавъ въ странѣ революцію. Онъ былъ даже уже женатъ, имѣлъ долги, любовныя связи, писалъ опасныя книги и велъ упорную, безпрерывную борьбу съ отцомъ, отъ деспотизма котораго хотѣлъ освободиться.

Самая встрѣча между Мирабо и Софіею произошла при исключительныхъ условіяхъ. Была пора, когда Людовикъ XVI только-что вступилъ на престолъ. Вся страна шумно и радостно праздновала событіе, которое должно было окончиться столь трагически. Мирабо сидѣлъ тогда въ тюрьмѣ недалеко отъ маленькаго города Понталье. Чтобы чѣмъ-нибудь ознаменовать отрадное событіе и для заключеннаго, начальникъ тюрьмы рѣшилъ предоставить ему нѣкоторую свободу и даже взялъ его съ собою въ домъ маркиза Монье, бывшаго президента счетной палаты въ Долѣ, капризнаго, стараго, противнаго мужа молодой очаровательной женщины Маріи-Терезы Ришаръ де-Рюффей. Таково было настоящее имя Софіи. Она вышла за маркиза противъ воли и уже нѣсколько лѣтъ томилась въ оковахъ ненавистнаго и несчастнаго брака, оставшагося къ тому же бездѣтнымъ. Увидѣвъ Мирабо, она тотчасъ влюбилась въ него. Великій трибунъ былъ очень некрасивъ. На его огромномъ тѣлѣ покоилась безобразно большая голова, казавшаяся еще болѣе безобразной подъ густою шевелюрою. Выпученные глаза съ толстыми бровями, большой искривленный носъ и кожа, изборожденная оспою, завершали его безобразіе; но тѣмъ не менѣе онъ все же былъ увлекателенъ. Женщины узнавали въ его глазахъ великій геній, а въ словахъ

и движеніяхъ—поэтическую душу и сильныя страсти. Мирабо, можетъ быть, сдѣлался бы величайшимъ поэтомъ Франціи, если бы его не поглотила революція. Впрочемъ, и сама революція была поэтическою, хотя и съ мрачнымъ оттѣнкомъ страницею французской исторіи.

Но если Мирабо отличался некрасивой наружностью, то Софія была прелестна. Самъ Мирабо писалъ о ней: «Ея душа вышла изъ рукъ природы въ одну изъ счастливѣйшихъ минутъ творчества; лицо ея изящно, нѣжно, сладострастно, дышитъ откровенностью и очень мило. У нея были капризы, которые столь естественны и быстры, что похожи на молнію и всегда поражаютъ. Ея бесѣда проникаетъ въ сердце, какъ тихій ручей». Мирабо сталъ ее вскорѣ называть Софіею, а себя Гавріиломъ. Первое время онъ боролся со своимъ чувствомъ, которое было одинаково преступно для него и для нея. Для этой цѣли онъ даже предлагалъ женѣ, съ которою развелся, сойтись снова съ нимъ, умолялъ отца освободить его изъ тюрьмы, лишь бы только ему можно было уйти отъ Софіи. Въ концѣ концовъ, однако, влюбленные всетаки сошлись и бѣжали въ Швейцарію, а оттуда въ Голландію, гдѣ Мирабо, не имѣя средствъ къ существованію, поступилъ на службу къ одному кровопійцѣ книгопродавцу по имени Рей, высосавшему уже раньше соки изъ Жанъ-Жака Руссо. Чтобы Софія, подарившая его къ тому времени дочерью, не чувствовала лишеній, великому демагогу пришлось даже давать уроки. Въ концѣ концовъ его мѣсто нахожденія было открыто и онъ вмѣстѣ съ бѣглянкою былъ преданъ суду. Мирабо былъ приговоренъ за уводъ и обольщеніе Софіи къ смертной казни, а сама Софія—къ лишенію всѣхъ правъ въ качествѣ жены или вдовы маркиза Монье, пожизненному содержанію подъ арестомъ, штрафу въ 10 луидоровъ и позорному ношенію внѣшнихъ знаковъ проститутокъ, т. е. одежды изъ волосяной ткани и подстриженныхъ волосъ. Мирабо долженъ былъ также уплатить штрафъ и возмѣстить судебныя издержки. Софія хотѣла отравиться, но Мирабо приказалъ ей не налагать на себя рукъ. Ее доставили въ монастырь, откуда она и начала писать пламенныя письма къ Мирабо, заключенному тѣмъ временемъ въ Венсеннѣ. Наконецъ, отецъ Мирабо смягчился и заявилъ, что проститъ сына, если онъ откажется отъ Софіи. Мирабо условія этого не принялъ и, представъ передъ судомъ въ Понтарліэ, произнесъ замѣчательную рѣчь, которая доставила ему оправдательный приговоръ и спасла Софію отъ позорнаго наказанія.

Къ несчастію для Софіи, разлука ея съ Мирабо продолжалась слишкомъ долго—цѣлыхъ два года. Она въ это время томилась за монастырскими стѣнами, онъ—въ венсенской тюрьмѣ. Этого времени было достаточно, чтобы вызвать въ душѣ Мирабо охлажденіе. Къ тому же чувствительное сердце его не могло устоять передъ чарами жены венсенскаго губернатора. Съ другой стороны, и принцесса Ламбаль, сдѣлавшаяся впослѣдствіи жертвою революціи, также обратила на него благосклонное вниманіе. Между прочимъ, она добилась того, что его начали отпускать изъ тюрьмы ежедневно въ Парижъ на честное слово до захода солнца. Отношенія къ Софіи начали становиться въ тягость знаменитому демагогу. Вскорѣ онъ совсѣмъ отвернулся отъ нея и вступилъ въ открытую связь съ Генріеттою Нера, которую увелъ изъ одного монастыря. Послѣднее, впрочемъ, не огорчило Софіи, у которой также

оказалась любовная связь. Одинъ изъ ея поклонниковъ, нѣкій Потера, хотѣлъ даже жениться на ней, но умеръ отъ чахотки. Софія не хотѣла разстаться съ его трупомъ и отравилась у смертнаго одра возлюбленнаго. Она умерла 8 сентября 1789 года.

Маратъ. Ни одна изъ знаменитыхъ картинъ, на которыхъ изображена смерть Марата отъ руки Шарлотты Кордэ, не передаетъ, по нашему, съ такою силою этого замѣчательнаго момента не только въ исторіи французской революціи, но и въ исторіи французской женщины, какъ картина Давида. На этой картинѣ Шарлотты Кордэ нѣтъ. Есть только часть ея платья и конецъ руки, нервно и съ неслыханной твердостью сдавливающей кинжалъ, которымъ былъ только-что заколотъ бездушный проповѣдникъ массовыхъ казней, безпомощно поникшій въ ваннѣ съ зіяющею на груди раною. Да, Шарлотта Кордэ дѣйствительно неопредѣленное лицо. Это—символъ. Это—протестъ противъ всякой тираніи, противъ всякой преступности, противъ всякаго забвенія основъ человѣческаго общежитія.

Шарлотта Кордэ.

Шарлотта Кордэ родилась 27 іюля 1769 года въ Нормандіи. Отецъ ея носилъ еще тогда имя д'Армана, которое пришлось потомъ перемѣнить, когда дворянское достоинство было отмѣнено. Со стороны матери она была въ родствѣ съ поэтомъ Корнелемъ. Воспитывалась она въ одномъ монастырскомъ институтѣ для бѣдныхъ дѣвушекъ и обладала не заурядымъ образованіемъ, яснымъ взглядомъ на вещи, твердостью воли и чувствительнымъ, склоннымъ къ романтизму сердцемъ. Усердное изученіе исторіи пробудило въ ней любовь къ свободѣ и ненависть къ деспотизму. Она была всею душою республиканка. Въ эпоху броженія она жила въ Канѣ. Революціонныя смуты проникли и туда, но населеніе города осталось къ нимъ равнодушно. Дикая анархія, царившая кругомъ, не была тою свободою, къ которой стремились безхитростные жители этого города. Они боролись за торжество братства, но вмѣсто братства появлялись одинъ за другимъ кровожадные деспоты. Для Марата не было тайною настроеніе

умовъ въ Канѣ. Когда ему донесли, что въ заговорѣ противъ республики участвуетъ одинъ офицеръ, послѣдній былъ немедленно убитъ. Шарлотта знала этого человѣка. Она знала, что офицеръ поплатился жизнью безъ всякой причины. Къ тому же она любила его, и въ ея сердцѣ загорѣлось двойное чувство негодованія противъ убійцы: чувство патріотки и влюбленной женщины.

Съ этой минуты въ представленіи благородной дѣвушки смерть Марата начала связываться съ понятіемъ объ освобожденіи отъ всякихъ бѣдъ. Стоитъ только убить злодѣя-демагога, и все будетъ кончено. Отъ мысли о возможности спасенія однимъ взмахомъ до исполненія—всего одинъ шагъ. И вотъ Шарлотта Кордэ готова. Она сама совершитъ подвигъ. Для этой цѣли она отправляется къ депутату Барбару и проситъ рекомендательное письмо къ депутату Дюперрэ въ Парижъ, у котораго ей хочется получить документы для одной подруги по монастырю. Отцу своему она пишетъ, что ѣдетъ въ Англію, и проситъ простить ее и забыть. 9 іюля 1793 года она выѣзжаетъ въ Парижъ, сопровождаемая только однимъ старымъ слугою. Молча сидитъ она въ почтовомъ экипажѣ, ничѣмъ не выдавая своего плана. Въ четвергъ пріѣзжаетъ она въ Парижъ и останавливается въ гостинницѣ «De la Providence» (Провидѣнія). Она не обнаруживаетъ ни малѣйшей тревоги. Спокойный сонъ не покидаетъ ея. На слѣдующее утро она отправляется къ Дюперрэ и наводитъ справку. Въ Конвентѣ она не находитъ Марата, такъ какъ онъ боленъ и сидитъ дома. Итакъ, ей нужно пойти къ нему домой. Въ воскресенье она покупаетъ кинжалъ и отправляется въ улицу Медицинской школы, № 44, гдѣ живетъ демагогъ. Она велитъ доложить о себѣ, но Маратъ не принимаетъ. Тогда она пишетъ ему записку, въ которой сообщаетъ, что пріѣхала изъ Кана, очага возстанія, и хочетъ предоставить ему случай оказать великую услугу Франціи. Тщетно ждетъ она отвѣта до 15 іюля и пишетъ настойчивое письмо. «Гражданинъ,—восклицаетъ она въ немъ,—я только-что пріѣхала изъ Кана. Ваша любовь къ отечеству заставляетъ меня предполагать, что вы освѣдомитесь о несчастныхъ событіяхъ этой провинціи. Будьте добры разрѣшить мнѣ доступъ къ вамъ на одну минуту. Я хочу вамъ открыть необычайно важную тайну». Въ то время, когда Маратъ получилъ это письмо, онъ собирался выйти изъ ванны. Онъ приказываетъ ей войти. Шарлотта входитъ. Она разсказываетъ ему о свиданіяхъ недовольныхъ людей въ Кальвадосѣ. Маратъ ее внимательно слушаетъ и торопливо заноситъ нѣкоторыя имена на бумагу.

— Всѣ эти господа,—злорадно замѣчаетъ онъ,—появятся вскорѣ на эшафотѣ!

Въ ту же минуту Шарлотта выхватываетъ кинжалъ и вонзаетъ его въ грудь Марату.

— Какъ, меня!—восклицаетъ демагогъ.

Онъ издаетъ крикъ о помощи и черезъ минуту испускаетъ духъ. Въ ту же минуту вбѣгаетъ прачка и поднимаетъ страшный крикъ. Начинается суматоха. Чернь, боготворящая Марата, хочетъ растерзать Шарлотту, но она энергически отбивается. Когда же появляются жандармы, она покорно отдаетъ себя въ ихъ руки. Первое время власти думаютъ, что существуетъ заговоръ. Дюперрэ и Фошэ подвергаются аресту, но

вскорѣ обнаруживается, что никакого заговора нѣтъ. Шарлотта пишетъ отцу письмо, въ которомъ проситъ о прощеніи и для успокоенія семьи приводитъ слова Корнеля: «Преступленіе причиняетъ позоръ, но не эшафотъ!». Барбару сообщаетъ ей о предстоящемъ судѣ и говоритъ, что она «еще въ тотъ же день сойдется съ Брутомъ и другими стариками въ Элизіумѣ». Все кончено.

Но вотъ и судъ. Когда Шарлотта появилась передъ революціоннымъ трибуналомъ, въ толпѣ прошелъ странный шумъ. Восторгъ, ненависть, состраданіе—все это слилось и смѣшалось. Шарлотта спокойна, и спокойствіе это такъ идетъ къ ея стройной фигурѣ, напоминающей ея норманскихъ предковъ. Она—воплощеніе героизма. Въ ея красивомъ лицѣ нѣтъ и тѣни страсти. Одно только выраженіе меланхолической мечтательности сквозитъ въ немъ. Ея отвѣты благородны, серьезны и спокойны. Когда допрашивается ножевщикъ, у котораго она купила кинжалъ, она прерываетъ его словами:

— Всѣ эти вещи безполезны. Марата убила я.

— Кто васъ подговорилъ?

— Никто.

— Какова была ваша цѣль, когда вы убивали Марата?

— Моя цѣль была положить конецъ тревогамъ Франціи.

— Думаете ли вы, что убили всѣхъ Маратовъ?

— Разъ этотъ казненъ, другіе, можетъ быть, испугаются.

— Давно ли вы рѣшились?

— Послѣ событій 31 мая, когда были изгнаны депутаты народа (жиронда).

Затѣмъ она пояснила, что считала Марата анархистомъ и преступникомъ, который вовлечетъ Францію въ погибель.

— Я убила одного, чтобы спасти сотни тысячъ, убила негодяя, чтобы освободить невиновныхъ, убила кровожадное животное, чтобы доставить своему отечеству спокойствіе.

Она съ негодованіемъ защищается противъ обвиненія, что она простая убійца, и говоритъ, что намѣревалась первое время умертвить Марата въ Конвентѣ или на улицѣ. Всѣ слушаютъ ее съ удивленіемъ. Шаво-Лагардъ, назначенный ей защитникомъ, восклицаетъ:

— Вы сами слышите обвиняемую! Она сознается въ преступленіи, она говоритъ, что хладнокровно обдумала его, она не скрываетъ ни одного обстоятельства, она сама не хочетъ никакого оправданія! Это непоколебимое спокойствіе, это безусловное самоотреченіе, эти свидѣтели полнаго спокойствія совѣсти—они не въ природѣ вещей. Такія явленія можно объяснить только политическими бреднями, положившими ей въ руку кинжалъ. Вамъ, граждане-присяжные, остается теперь судить, какое значеніе имѣетъ этотъ моральный взглядъ для вѣсовъ правосудія!

Но слова адвоката напрасны. Шарлотта приговаривается къ смерти.

— Мнѣ бы хотѣлось дать вамъ доказательство уваженія, которое вы внушили мнѣ,—говоритъ она своему защитнику послѣ приговора,—но господа эти мнѣ сообщаютъ, что мое состояніе погибло. Мнѣ остается еще уплатить въ тюрьмѣ нѣкоторые долги и эту обязанность предоставляю вамъ.

Вечеромъ того же дня Шарлотта была казнена. Она спокойно смотрѣла на толпу. Правда, она слышала немало проклятій, но и слезъ состраданія она также видѣла немало. Какой-то юноша просилъ, чтобы его казнили вмѣсто нея; депутатъ Адамъ Люксъ не могъ удержаться отъ крика: «Смотрите, она выше Брута!». Но все это не помогло: красивая голова Шарлотты скатилась подъ ножомъ гильотины...

Лассаль. Жизнь Лассаля, какъ и жизнь Гейне, представляетъ сплошной рядъ противорѣчій. Глубокій мыслитель, призванный проводить за письменнымъ столомъ въ глубинѣ кибинета долгіе годы, онъ вышелъ на арену боевой дѣятельности, самую науку и философію превращая въ орудіе борьбы; серьезный и вдумчивый, для котораго, казалось, не могло существовать никакихъ интересовъ внѣ политики и общественныхъ вопросовъ, онъ въ отношеніяхъ къ женщинамъ является самымъ зауряднымъ воздыхателемъ, готовымъ принести своему чувству въ жертву все: и науку, и политическіе идеалы, и самого себя. Онъ самъ о себѣ говаривалъ не въ шутку: «Двухъ вещей я не могъ терпѣть: евреевъ и журналистовъ, и судьба заставила меня быть и тѣмъ, и другимъ».

Лассаль былъ единственнымъ сыномъ богатаго отца, который далъ ему образцовое воспитаніе. Его превосходныя манеры, обширныя познанія, рѣдкій ораторскій талантъ, поэтическія способности (Лассаль написалъ немало красивыхъ стихотвореній и даже нѣсколько трагедій) сдѣлали его въ Берлинѣ предметомъ всеобщаго вниманія. Къ тому же онъ обладалъ рѣдкою красотою, былъ высокаго роста. Дамы обожали его. Въ салонѣ г-жи Бонсери онъ игралъ самую выдающуюся роль. Эта Бонсери была долгое время одною изъ достопримѣчательностей Берлина. Маленькаго роста, она, несмотря на то, что ей было болѣе шестидесяти лѣтъ, отличалась необыкновенно живымъ характеромъ, вслѣдствіе чего была прозвана «старымъ воробьемъ». Она поставила себѣ цѣлью устроивать любопытные вечера. Въ ея салонѣ собирались всевозможные представители общества. Художники, артисты, офицеры, дипломаты и врачи были ея завсегдатаями. За знаменитостями она вела правильную охоту. Въ видѣ приманки для нихъ она приглашала къ себѣ красивыхъ женщинъ. Свои приглашенія она разсылала направо и налѣво, безъ разбора, вслѣдствіе чего народу въ ея салонѣ всегда бывало много.

Въ этомъ именно салонѣ появилась зимою 1882 года двадцатилѣтняя красавица Елена фонъ-Деннигесъ. Она произвела уже фуроръ во время пребыванія своего въ Мюнхенѣ, Парижѣ и Римѣ и была не прочь добиться такихъ же тріумфовъ въ Берлинѣ, куда пріѣхала, чтобы повидаться съ бабушкою, нѣкоею Вольфъ, обладавшею большимъ состояніемъ и исполнявшею всѣ ея желанія. Въ салонѣ г-жи Бонсери она появилась одѣтою не какъ молодая дѣвушка, а какъ фея—въ драгоцѣннѣйшихъ тканяхъ (она любила главнымъ образомъ бѣлый атласъ и бѣлыя перья), и сразу же произвела большое впечатлѣніе. Вся ея оригинальная красота покоилась на великолѣпномъ морѣ рыжихъ волосъ. Елена умѣла всегда поворачивать голову такъ, чтобы ея рѣзко очерченный профиль казался античной камеей на сверкающемъ фонѣ. Ослѣпительно бѣлый цвѣтъ кожи еще болѣе усиливалъ впечатлѣніе. Средняго роста, стройная, подвижная, она никогда не теряла сознанія

своего достоинства. Она всегда была въ возбужденномъ состояніи и жаждала приключеній, преимущественно такихъ, которыя удовлетворяли женскому самолюбію.

Изъ числа поклонниковъ новой звѣзды тотчасъ же выдвинулись двое: баронъ Корфъ, зять Мейербера, и Карлъ Ольденбергъ, наполовину виверъ, нравившійся берлинцамъ своими остроумными словечками и парижскими манерами. Оба они были въ дружескихъ сношеніяхъ съ Лассалемъ и взяли на себя удивительную миссію сблизить его съ Еленою Деннигесъ. Средство у нихъ было простое: они очень много разсказывали Лассалю про новую красавицу, а ей—про Лассаля. Слѣдствіемъ этого было то, что Елена и Лассаль заинтересовались другъ другомъ и при первой же встрѣчѣ тотчасъ загорѣлись однимъ и тѣмъ же чувствомъ. «Le coup de foudre»—такъ охарактеризовала впослѣдствіи это чувство сама Елена. Лассаль до того былъ очарованъ при видѣ молодой дѣвушки, что тутъ же сталъ разсыпаться въ пламенныхъ изъявленіяхъ восторга, а когда она уходила, взялъ ее подъ руку и внѣ себя отъ волненія вмѣстѣ съ нею побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. «Божественная грубость» Лассаля, которою Гейне такъ восторгался, не оскорбила Елены; наоборотъ, она произвела на нее сильное впечатлѣніе.

Началась бурная пора. Молодые люди увѣряли другъ друга въ любви. Однако, рѣшительнаго шага Елена избѣгала. Она даже запретила возлюбленному просить ея руки у отца, зная заранѣе, что отецъ не согласится, такъ какъ Лассаль прослылъ революціонеромъ. Кромѣ того, Деннигесъ слишкомъ гордился полученнымъ недавно дворянскимъ достоинствомъ и дипломатическимъ постомъ, чтобы не возстать противъ брака его дочери съ демагогомъ и евреемъ. Онъ самъ происходилъ изъ буржуазной семьи, жившей во Франкфуртѣ на Одерѣ, былъ красивымъ, статнымъ, умнымъ мужчиной, сумѣвшимъ расположить къ себѣ баварскаго короля Максимиліана II и пройти блестящую чиновную карьеру, а за тѣмъ и сдѣлаться дворяниномъ. По словамъ его собственной дочери, онъ занимался воспитаніемъ дѣтей очень поверхностно, предоставивъ это дѣло исключительно боннамъ и матери, веселой, красивой и беззаботной женщинѣ, но бывалъ иногда домашнимъ тираномъ, когда это было нужно. Узнавъ, что за его дочерью ухаживаетъ Лассаль, онъ вызвалъ ее къ себѣ. Елена жила послѣ этого въ домѣ отца, чувствуя себя превосходно. Вскорѣ она наполовину помолвилась съ однимъ молодымъ валахомъ княжескаго происхожденія, Янко фонъ-Раковица, котораго она всегда называла «негритянскимъ принцемъ». Янко влюбился въ нее еще въ Берлинѣ, а когда Елена уѣхала въ Швейцарію, послѣдовалъ за нею и туда. Отецъ Елены покровительствовалъ его ухаживаніямъ, но она сама не давала своему поклоннику рѣшительнаго обѣщанія. Янко былъ невысокаго роста, некрасивъ, тщедушенъ. Только глаза у него были прекрасны. Своими глазами и вѣрной любовью онъ пробудилъ въ сердцѣ молодой дѣвушки нѣкоторое чувство, которое, однако, далеко еще не могло называться любовью.

Елена все еще любила Лассаля. Узнавъ, что онъ въ Риги-Кальтбадѣ, она поѣхала туда вмѣстѣ съ одною подругою и неожиданно предстала передъ глазами своего покинутаго друга. Это былъ рѣшительный моментъ въ жизни Лассаля и Елены. Оба почувствовали, что безусловно нужны другъ другу. Лассаль потребовалъ рѣшительнаго отвѣта и по-

лучилъ его, какъ видно изъ слѣдующаго письма Елены: «Другъ сатана! Когда я васъ покинула у подошвы Риги и ваши уста въ послѣдній разъ коснулись моей руки, я сказала себѣ, что должна принять рѣшеніе на всю жизнь. Ну-съ, а вамъ съ вашимъ прекраснымъ, великолѣпнымъ умомъ и вашимъ превосходнымъ, но для меня милымъ тщеславіемъ извѣстно, каково мое рѣшеніе: я хочу быть вашей женой и буду ею! Я ставлю только нѣсколько условій. Я хочу—подумайте только, я, дитя, хочу!—чтобы мы попытались сдѣлать все, что въ нашихъ силахъ (а вы, мой прекрасный сатаническій другъ, въ силахъ сдѣлать такъ много!), чтобы приличнымъ образомъ достигнуть нашей цѣли, именно: вы пріѣдете къ намъ, мы попытаемся расположить родителей столько же въ вашу пользу, сколько и въ мою, и такимъ путемъ получить ихъ согласіе. Если нѣтъ, если они останутся неумолимы, tant pis, то намъ все еще можно бѣжать въ Египетъ. Это одно условіе, а вотъ другое: я хочу, чтобы тогда дѣло было сдѣлано возможно скорѣе, такъ какъ не выдержу долгихъ тревожныхъ дней и мучительно неопредѣленной обстановки и серьезно заболѣю. Для этой поспѣшности у меня есть еще одно основаніе: я не хочу, чтобы всѣ говорили о насъ и высказывали мнѣніе о дѣлѣ, которое ихъ не касается, подвергая меня цѣлому ряду сценъ, которыя легко предупредить. Какъ только дѣло будетъ окончено къ нашему удовольствію, пусть они тогда раскрываютъ свои глаза и рты, сколько имъ угодно; вѣдь тогда, Фердинандъ, вы будете моей опорой, et je m'en moque du reste. Знаю, что препятствія, которыя намъ нужно преодолѣть, очень велики, даже колоссальны, но зато и цѣль наша велика. На мою долю выпадаетъ самое тяжелое: я должна хладнокровно умертвить вѣрное сердце, которое проникнуто ко мнѣ истинной любовью; я должна грубо, эгоистично уничтожить красивый юношескій сонъ, который, осуществившись, сдѣлалъ бы одного благороднаго человѣка счастливымъ на всю жизнь. Повѣрьте, это мнѣ страшно тяжело, но я хочу теперь и поэтому хочу также быть дурною ради васъ.

Ваша Брунгильда».

Съ этой минуты бракъ казался несомнѣннымъ. Въ Бернѣ, на виллѣ подруги Елены, Арсонъ, была отпразднована помолвка влюбленныхъ. Почти цѣлую недѣлю провели они тамъ въ полномъ счастіи. Въ эти именно дни Лассаль открылъ Еленѣ свои планы насчетъ будущаго. Онъ имѣлъ въ виду достигнуть высшей ступени, до которой только можетъ добраться человѣкъ, не будучи въ состояніи сдѣлаться королемъ: онъ надѣялся стать со временемъ президентомъ «республики Германіи», выбраннымъ народомъ. Онъ мысленно уже видѣлъ экипажъ съ четверкою, въ которомъ онъ въѣдетъ въ Берлинъ, и діадему, которую онъ подаритъ женѣ въ знакъ побѣды. Онъ сообщилъ также Еленѣ о своихъ сношеніяхъ съ Бисмаркомъ, который старался залучить его на свою сторону. Влюбленные распрощались въ лунную ночь, обмѣнявшись самыми пламенными выраженіями любви и восторга. Елена называла Лассаля «королемъ» и «богомъ», отзывалась съ восхищеніемъ о его царственной красотѣ, орлиной отвагѣ. Оба вѣрили, что все отнынѣ пойдетъ благополучно, такъ какъ родители должны непремѣнно дать теперь согласіе на бракъ.

Разочарованіе наступило раньше, чѣмъ можно было ожидать. Вотъ что писала Лассалю Елена изъ отцовскаго дома:

«Мое милое сердце, мой красивый, великолѣпный орелъ! Часу еще не пробыла я въ отповскомъ домѣ и уже должна тебѣ сообщить столько печальнаго! Когда я пріѣхала, мнѣ представили мою маленькую сестру Маргариту, какъ невѣсту графа Кайзерлинга. Счастье и довольство моихъ родственниковъ по этому поводу не поддается описанію. О, Фердинандъ, мнѣ больно подумать, какъ иначе подѣйствуетъ на нихъ мое счастье! Но все равно: въ радости или въ горѣ, я—твоя вѣрная жена.

«Воспользовалась радостною минутою и сообщила мамѣ о твоемъ близкомъ посѣщеніи. Бѣдная маленькая женщина представляла себѣ моего прекраснаго Фердинанда, какъ обтрепанную курицу. Встрѣтивъ столь энергическій отпоръ, я сказала: «Слушай, мама, мнѣ нужно съ тобою серьезно поговорить. Я говорю сегодня въ первый разъ: хочу и исполню свою волю, какъ вѣрно то, что я стою передъ тобою. Мнѣ очень жаль, что должна васъ огорчить, такъ какъ вижу, что ты внѣ себя, но иначе поступить не могу. Будьте благоразумны и согласитесь. Когда вы его узнаете и полюбите, все пойдетъ хорошо и спокойно. Если же нѣтъ, то я должна буду прибѣгнуть къ защитѣ закона, чтобы добиться своего права и счастія». Мать заплакала и вышла изъ комнаты, я же сдѣлалась дѣйствительно твоею Брунгильдою: не дрожала, не плакала, я смотрѣла на твой портретъ и тихо просила тебя: «Приходи, мой возвышенный, мой гордый, царственный орелъ, дай мнѣ силы своимъ орлинымъ взоромъ!». Такъ я просила, и моя вѣра въ тебя помогла мнѣ,—благодарю тебя, мой сильный Зигфридъ! Нѣкоторое время спустя вошла мама и заявила: «Отецъ его никогда не приметъ». Тутъ я спросила: «Что онъ имѣетъ противъ Лассаля? Его политическое положеніе не есть вѣдь достаточное основаніе». Она отвѣчала: «Не политическое, а соціальное положеніе его, а затѣмъ исторія съ денежною шкатулкою и его связь съ графинею, и многое другое. Ты не можешь этого потребовать отъ папы, особенно въ то самое время, когда другая дочь помолвилась съ графомъ, чтобы онъ принялъ въ свою семью такого человѣка». Я сказала: «Вы не берете его въ свою семью, вы даете только согласіе на то, чтобы я вышла изъ этой семьи. Если вы этого требуете то, какъ мнѣ ни больно,—Богъ свидѣтель, что сердце у меня разрывается на части,—я обѣщаю вамъ никогда не переступать вашего порога!». Мама ничего не отвѣтила, еще больше расплакалась, а когда успокоилась, обратилась ко мнѣ съ маленькой строгой рѣчью, въ которой упрекала меня, что я всегда подчинялась вліяніямъ минуты. Она рѣшила все разсказать папѣ. Папа теперь съ нашимъ родственникомъ д-ромъ Арндтомъ у Женевскаго озера. Богъ знаетъ, что произойдетъ, когда онъ вернется. Во всякомъ случаѣ, я останусь тверда, какъ скала».

Это было началомъ трагедіи. Самая страстность, съ которою Елена выражала свои чувства въ письмахъ къ Лассалю, свидѣтельствовала, что отдѣлявшая ихъ пропасть слишкомъ глубока. Вотъ что, напримѣръ, она писала ему спустя нѣкоторое время: «Уже половина седьмого, и ты, мой господинъ и богъ, уже, навѣрно, здѣсь? О, мысль эта придаетъ мнѣ снова силы и крѣпость, такъ какъ мнѣ нужно чувствовать близость и всесиліе своего господина и повелителя, чтобы не отступать, чтобы не быть ребенкомъ и по отношенію къ другимъ, какъ по отношенію къ тебѣ! Но я чувствую тебя и твою любовь и

поэтому не боюсь ничего. Я теперь навсегда твоя жена, твое дитя, твоя вещь, которая тебя обожаетъ. О, если бы только графиня была здѣсь! Сообщи мнѣ только въ маленькой запискѣ, что ты меня любишь, такъ какъ я очень люблю тебя, Фердинандъ!.. Свершилось, они говорили. Мой отецъ заявилъ, что я больше не его дочь. Богъ вѣсть, что теперь будетъ!».

Семейныя сцены были ужасны. Жестокій отецъ таскалъ Елену по комнатѣ за ея великолѣпные волосы, мать и сестры на колѣняхъ умоляли ее отказаться отъ безумной любви къ Лассалю. Елена была въ отчаяніи и въ одно прекрасное время, воспользовавшись тѣмъ, что за нею не слѣдили, бѣжала изъ отцовскаго дома къ возлюбленному. Лассаль былъ пораженъ, когда, едва прочитавъ приведенное письмо, увидѣлъ на порогѣ своей комнаты самое Елену. Она пришла, чтобы больше никогда не вернуться къ родителямъ.

— Я несчастнѣйшее существо на землѣ!—воскликнула она, вбѣгая.—Возьми меня, дѣлай со мною, что хочешь, я—твоя вещь.

Однако, вмѣсто того, чтобы сразу достигнуть цѣли своихъ долгихъ исканій, Лассаль медлилъ. Онъ не хотѣлъ украсть Елену. Она должна была принадлежать ему, какъ равная равному, безъ уловокъ, обмановъ, безъ насилія. Лассаль взялъ ее за руку, но не для того, чтобы отвести къ алтарю, а для того, чтобы отправить къ матери. Неблагодарные родители не тронулись этимъ доказательствомъ благородства и продолжали настаивать на своемъ протестѣ. Они совершенно заперли Елену и, заставивъ ее уѣхать, вызвали Янко фонъ-Раковица изъ Берлина для формальной помолвки. Этотъ Янко продолжалъ любить Елену попрежнему и, конечно, тотчасъ же простилъ ей поступокъ съ Лассалемъ. Елена оборонялась, но не могла устоять противъ энергіи родителей. Какіе только доводы ни были пущены въ ходъ! Ей говорили, что бракъ съ Лассалемъ будетъ униженіемъ для семьи, одна изъ дочерей которой вышла за графа; что Лассаль находится въ сношеніяхъ съ графинею Гацфельдъ, которая никогда его не покинетъ, и т. д. Всѣ эти доводы нашли благопріятную почву, такъ какъ сама Елена чувствовала себя оскорбленною поведеніемъ Лассаля, который, по ея мнѣнію, не долженъ былъ отводить ее обратно къ родителямъ. Въ концѣ концовъ она написала ему письмо,—конечно, подъ диктовку отца, какъ она сама призналась впослѣдствіи,—въ которомъ просила забыть ее. «Милостивый государь!—было сказано въ этомъ письмѣ.—Помирившись въ глубокомъ раскаяніи по поводу совершонныхъ мною поступковъ со своимъ женихомъ, г-номъ Янко фонъ-Раковица, и снова пріобрѣтя его любовь и прощеніе, а также извѣстивъ вашего адвоката г-на Гольтгофа въ Берлинѣ, заявляю вамъ добровольно и съ полнымъ убѣжденіемъ, что о союзѣ между нами никогда не можетъ быть и рѣчи, что я отказываюсь отъ васъ во всѣхъ отношеніяхъ и твердо рѣшила питать вѣчную любовь и вѣрность къ своему жениху.

Елена фонъ-Деннигесъ».

Лассаль былъ пораженъ, какъ громомъ. Онъ находился въ то время въ Мюнхенѣ, гдѣ искалъ помощи у друзей Деннигеса, надѣясь этимъ путемъ склонить суроваго отца къ согласію. Онъ написалъ ей тотчасъ же письмо слѣдующаго содержанія:

«Елена! Пишу тебѣ со смертью въ сердцѣ. Ты, ты мнѣ измѣняешь! Это

невозможно! Не могу еще повѣрить такой подлости, такому страшному предательству. Твою волю, можетъ быть, временно сломили, тебя разссорили съ самой собою, но немыслимо, чтобы это была твоя настоящая твердая воля. Ты не можешь отбросить отъ себя до такой крайней степени всякій стыдъ, всякую любовь, всякую вѣрность, всякую правду! Ты опозорила бы себя и обезчестила бы все, что носитъ человѣческій обликъ. Ложь была бы лучшимъ чувствомъ, а если ты способна лгать, если ты способна нарушить священную клятву, разрушить преданнѣйшее сердце,—то подъ солнцемъ больше нѣтъ ничего, чему человѣкъ могъ бы еще вѣрить! Ты меня исполнила желанія обладать тобою, ты требовала, чтобы сначала были исчерпаны всевозможныя средства передъ тѣмъ, какъ увести тебя; ты мнѣ устно и письменно приносила священнѣйшія клятвы и, насильно привлекши къ себѣ это вѣрное сердце, которое, разъ отдавшись, отдалось уже навсегда, ты меня черезъ двѣ недѣли, когда борьба едва началась, ввергаешь съ язвительнымъ смѣхомъ въ бездну, измѣняешь мнѣ, губишь меня! Да, тебѣ бы удалось то, чего никогда не удалось судьбѣ, ты уничтожила бы, сломила бы крѣпчайшаго человѣка, который не моргая бровью шелъ наперекоръ всѣмъ бурямъ. Такого предательства я бы не перенесъ! Я былъ бы убитъ внутри! Невозможно, чтобы ты оказалась столь безчестною, столь безстыдною, столь невѣрною долгу, столь позорною и недостойною! Ты заслужила бы мою ужаснѣйшую ненависть и презрѣніе всего свѣта!

«Елена, не твое это рѣшеніе. Внимай, о, внимай моему слову: если ты отъ него не откажешься, ты будешь оплакивать его всю жизнь!

«Елена! Вѣрный своему слову, я нахожусь здѣсь и дѣлаю все возможное, чтобы сломить упорство твоего отца. У меня уже превосходныя средства, которыя, несомнѣнно, не останутся безъ результата, а если они не приведутъ къ цѣли, я пущу въ ходъ тысячи другихъ средствъ. Я хочу превратить въ ничто всѣ препятствія, если ты останешься вѣрна, такъ какъ ни у моихъ силъ, ни у моей любви къ тебѣ нѣтъ границъ. Je me charge toujours du reste, сраженіе едва началось, малодушная! И въ то время, когда я здѣсь сижу и достигъ уже невозможнаго, ты мнѣ измѣняешь тамъ, уступая любезностямъ другого мужчины! Елена, моя судьба въ твоихъ рукахъ! Но если ты меня погубишь этимъ коварнымъ предательствомъ, котораго я не преодолѣю, пусть участь моя постигнетъ и тебя, и проклятіе мое да преслѣдуетъ тебя до могилы! Это — проклятіе преданнѣйшаго, тобою коварно сломаннаго сердца, съ которымъ ты играла позорную игру. Оно вѣрно поразитъ!».

Доставить это письмо Еленѣ Лассаль поручилъ своему другу, полковнику Рюстову, чтобы быть увѣреннымъ, что оно попало въ ея руки. Отецъ Елены вѣжливо принялъ Рюстова и заявилъ, что никакихъ насилій по отношенію къ дочери онъ не употреблялъ и что она совершенно добровольно отказалась отъ Лассаля. Рюстовъ выразилъ желаніе видѣться съ Еленою, чтобы услышать изъ ея устъ то же заявленіе. Елена вышла къ нему въ ярко-красномъ платьѣ, которое очень шло къ ея волосамъ, и сухо передала, что она твердо стоитъ на точкѣ зрѣнія, высказанной ею въ письмѣ, и что она ни подъ какимъ видомъ не хочетъ видѣться съ Лассалемъ. Затѣмъ она удалилась. Рюстовъ былъ возмущенъ ея поведеніемъ и тотчасъ же написалъ Лассалю: «Бѣдняжка, твои акціи стоятъ очень плохо!». Онъ еще одинъ разъ добился свиданія

съ Еленою, чтобы узнать, чѣмъ объясняется происшедшая въ ней перемѣна, но она и на этотъ разъ оказалась воплощеніемъ равнодушія и язвительности. Рюстовъ просилъ позволить Лассалю съ нею повидаться, но Елена презрительно замѣтила:

— Къ чему? Я знаю, чего онъ хочетъ. Мнѣ ужь это надоѣло.

Передъ второю бесѣдою съ Еленою Рюстовъ взялъ съ собою адвоката Гэенле въ качествѣ свидѣтеля. Послѣ бесѣды они составили формальный протоколъ, въ которомъ не только привели содержаніе разговора, но и указали, какъ вела себя Елена, и послали его Лассалю. Прочитавъ протоколъ, Лассаль пришелъ въ ярость и тотчасъ же послалъ отцу Елены письмо слѣдующаго содержанія:

«Узнавъ отъ полковника Рюстова и д-ра Гэенле, что ваша дочь Елена—презрѣнная дѣвка и что, слѣдовательно, я уже не могу питать намѣренія опозорить себя бракомъ съ нею, я больше не вижу основанія откладывать свое требованіе удовлетворенія за ваши выходки по отношенію ко мнѣ и оскорбленія, а потому прошу васъ вступить въ соотвѣтствующіе переговоры съ моими обоими друзьями, которые доставятъ вамъ это заявленіе».

Одновременно съ этимъ онъ написалъ и жениху Елены, Янко фонъ-Раковица, письмо, въ которомъ познакомилъ его съ содержаніемъ перваго письма. Но отецъ вызова не принялъ, предоставивъ драться съ Лассалемъ своему будущему зятю. Лассаль былъ сначала внѣ себя отъ этого отказа, но въ концѣ-концовъ согласился стрѣляться со своимъ «замѣстителемъ», какъ онъ язвительно называлъ Янко. Елена знала, что предстоитъ дуэль, но надѣялась, какъ она увѣряла впослѣдствіи, что Лассаль останется побѣдителемъ и, такимъ образомъ, она еще сблизится съ нимъ. Но тщедушный Янко, принявъ вызовъ, сталъ усердно упражняться въ стрѣльбѣ. 28 августа 1864 года состоялась дуэль. Лассаль былъ смертельно раненъ въ животъ и черезъ три дня умеръ въ страшныхъ страданіяхъ.

Трагедія кончилась. Главный герой сошелъ со сцены. Черезъ пять мѣсяцевъ Елена фонъ-Деннигесъ сдѣлалась женою Янко фонъ-Раковица, но не принесла ему счастія: онъ умеръ черезъ полгода послѣ женитьбы. Его вдова-красавица жила еще нѣкоторое время въ Берлинѣ, гдѣ намѣревалась поступить на сцену. Учителемъ ея былъ извѣстный артистъ Фридманъ. Она вышла за него замужъ, переѣхала въ Вѣну, но вскорѣ послѣ свадьбы развелась съ нимъ. Отецъ Елены умеръ въ началѣ девятидесятыхъ годовъ въ Римѣ отъ натуральной оспы.

Теперь Елена живетъ въ Америкѣ. Говорятъ, что она попрежнему хороша.

Веньяминъ Франклинъ.

Веньяминъ Франклинъ началъ свою блестящую карьеру тѣмъ, что съ однимъ долларомъ въ карманѣ пріѣхалъ въ Филадельфію и тамъ сталъ искать работы. Усталый и голодный, онъ вошелъ въ одну булочную и купилъ три сайки. Двѣ изъ нихъ онъ взялъ подъ мышку, а третью началъ уплетать за обѣ щеки по выходѣ изъ булочной. Проходя мимо дома нѣкоего Рида, онъ замѣтилъ въ дверяхъ дѣвушку, которая при видѣ «курьезнаго молодого человѣка» не могла удержаться отъ смѣха. Она не предчувствовала тогда, что сдѣлается его женою. Вскорѣ послѣ того одинъ общій знакомый представилъ Франклина смѣшливой дѣвушкѣ, которая на этотъ

разъ уже не нашла его заслуживающимъ осмѣянія. Между молодыми людьми началось взаимное расположеніе, которое, однако, продолжалось недолго, такъ какъ Франклинъ уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ и совершенно забылъ про свою прежнюю любовь. Молодая дѣвушка долго ждала возлюбленнаго и, наконецъ, убѣдившись, что онъ о ней и думать пересталъ, вышла замужъ за другого. Въ супружествѣ она жила недолго: черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ мужъ. Когда Франклинъ вернулся въ Америку, женщина, бывшая предметомъ его страсти, уже была вдовою. Онъ опять сошелся съ нею, и такъ какъ любовь ея не остыла за продолжительное время разлуки, вскорѣ сдѣлался ея мужемъ. Около сорока лѣтъ жили они вмѣстѣ. Франклинъ впослѣдствіи писалъ: «Мы осчастливили другъ друга и превратили въ настоящую науку заботу о томъ, какъ бы доставить другъ другу радость. Такимъ именно путемъ старался я исправить ошибку моей молодости».

Президентъ Кливлендъ.

Покойный президентъ Соединенныхъ Штатовъ Кливлендъ пользовался необыкновеннымъ семейнымъ счастіемъ. Лучшей иллюстраціей можетъ служить карикатура, появившаяся въ одномъ американскомъ юмористическомъ листкѣ, когда Кливлендъ былъ вторично выбранъ въ президенты. На рисункѣ была изображена жена Кливленда, несущая мужа на плечахъ въ Бѣлый домъ президента. Дальнѣйшіе комментаріи излишни.

Лордъ Сольсбери.

И нынѣшній англійскій премьеръ пережилъ любопытный романъ. Онъ именно влюбился въ дочь знаменитаго судьи Олдерсона, племянницу писательницы Опай, произведенія которой пользовались въ свое время большой популярностью въ Англіи. Однако, отецъ не одобрилъ этой партіи и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ сына на дѣвушкѣ. Лордъ Сольсбери не могъ примириться съ этой мыслью, надѣясь со временемъ всетаки стать мужемъ любимой дѣвушки, но сдѣлалъ маленькую уступку: онъ согласился не встрѣчаться съ предметомъ своего сердца въ теченіе цѣлаго года и даже не переписываться съ нею. Испытаніе было имъ выдержано блестяще и въ награду за это строгій отецъ согласился на его женитьбу. Лэди Сольсбери быстро освоилась съ своимъ новымъ положеніемъ и вскорѣ сдѣлалась помощницею мужа. Въ подраженіе ему же она занялась журнальной дѣятельностью. Говорятъ, что она—авторъ лучшихъ статей, когда-либо появлявшихся въ «Saturday Review».

Лордъ Рандольфъ Черчиль.

Знаменитый англійскій политическій дѣятель лордъ Рандольфъ Черчиль обязанъ значительною долею своей популярности женѣ, красивой американкѣ, красота и фигура которой повсюду производили большое впечатлѣніе. Дженни Джеромъ, такъ звали жену Черчиля въ то время, когда она была дѣвушкою, была старшею изъ трехъ дочерей одного американскаго милліонера. Съ своимъ будущимъ мужемъ она познакомилась за однимъ обѣдомъ въ Парижѣ. Хотя молодой еще въ то время государственный дѣятель не много заботился о дамахъ, остроумная и живая американка обратила на себя его вниманіе умной бесѣдой на прекрасномъ французскомъ языкѣ. Отправляясь домой, онъ сказалъ одному другу: «Это—умнѣйшая изъ дѣвушекъ, которыхъ я когда-либо видѣлъ». Дѣвушкѣ въ свою очередь онъ также понравился и она охотно приняла его предложеніе. По свидѣтельству самого Черчиля, жена его была превосходнымъ

выборнымъ агентомъ, такъ какъ, благодаря ея агитаціи, онъ однажды былъ выбранъ въ парламентъ.

ГЛАВА IV.

ВОИНЫ И МОРЯКИ.

Нельсонъ.—Адмиралъ Коллингвудъ.—Гарибальди.—Графъ Мольтке.—Фрэнсисъ Дрэкъ.—Лафайетъ.—Вальтеръ Рэлей.—Герцогъ Веллингтонъ.—Георгъ Вашингтонъ.—Джексонъ.—Лордъ Уольслей.

Нельсонъ. Знаменитый англійскій адмиралъ Нельсонъ едва не женился въ то время, когда командовалъ судномъ «Albemarle». Судно собиралось выйти изъ Квебека и уже стояло на якорѣ въ гавани, Другъ Нельсона, Александръ Девисонъ, прогуливаясь по берегу, замѣтилъ, къ своему удивленію, что Нельсонъ, который, какъ онъ думалъ, долженъ былъ уже находиться въ открытомъ морѣ, высадился только-что изъ лодки. Девисонъ спросилъ, въ чемъ дѣло, и Нельсонъ, переминаясь съ ноги на ногу, отвѣтилъ, что не покинетъ Квебека до тѣхъ поръ, пока не увидится еще разъ съ женщиною, съ которою провелъ столько счастливыхъ часовъ и не предложилъ ей руки и сердца.

— Если ты это сдѣлаешь, — отвѣтилъ другъ въ ужасѣ,—ты погибъ.

— Въ такомъ случаѣ я погибъ, потому что твердо рѣшилъ исполнить свое намѣреніе.

— А я столь же твердо рѣшилъ помѣшать тебѣ,—возразилъ Девисонъ и, не говоря ни слова, повернулъ друга въ противоположную сторону и повелъ его къ судну.

Черезъ часъ «Albemarle» уже была въ открытомъ морѣ.

Нельсонъ вскорѣ забылъ свою любовь и, находясь въ Сентъ-Амерѣ, влюбился въ дочь одного англійскаго священника, миссъ Эндрюсъ. Страсть эта была не такъ сильна, какъ первая, и когда Нельсонъ уѣхалъ изъ Франціи, отъ его чувства не осталось и слѣда. Послѣ того ему дали судно «Boreas», съ которымъ онъ и отплылъ въ Вестъ-Индію. Въ Антигвѣ г-жа Монтрей относилась къ нему съ тою предупредительностью, безъ которой Нельсонъ обойтись не могъ.

— Если бы не было Монтрей,—писалъ онъ,—я повѣсился бы въ этомъ адскомъ гнѣздѣ.

Когда г-жа Монтрей уѣхала въ Англію, галантный морякъ утѣшился съ г-жею Нисбетъ, молодой вдовой одного врача. Она жила у своего дяди, президента Невиса. Нельсонъ сдѣлалъ визитъ президенту, который послѣ ухода Нельсона сказалъ:

— А вѣдь я нашелъ великаго маленькаго человѣка, котораго всѣ такъ сильно боятся, подъ столомъ! Онъ игралъ съ ребенкомъ г-жи Нисбетъ.

Черезъ нѣсколько дней г-жа Нисбетъ была сама представлена Нельсону. Она поблагодарила его за любезность, съ которою онъ отнесся къ ея сыну. Ея скромный характеръ очень понравился великому полководцу и онъ женился на ней 11 марта 1787 года. Вскорѣ послѣ свадьбы ему пришлось покинуть жену, но онъ съ дороги писалъ ей нѣжныя письма. Вотъ одно изъ нихъ: «Слышала ли ты, что соленая вода и разлука всегда смываютъ любовь? Я до того маловѣренъ, что не вѣрю

въ это положеніе, ибо велю себѣ каждое утро выливать по шесть кадокъ соленой воды на голову, и матросская поговорка не только не исполняется, но, наоборотъ, любовь такъ возрастаетъ, что ты увидишь меня до условленнаго времени».

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ свадьбы онъ писалъ ей: «Ты можешь быть вполнѣ увѣрена насчетъ моей безусловной любви, привязанности и уваженія; чѣмъ больше знакомлюсь съ міромъ, тѣмъ болѣе удивляюсь твоей личности и характеру твоему. Только повелительный зовъ моей чести, требующій, чтобы я служилъ моему отечеству, держитъ меня вдали отъ тебя; но надѣюсь, что если выдержу еще короткое время, то буду въ состояніи доставить тебѣ ту маленькую роскошь, которой ты придаешь такое большое значеніе. Молю Бога, чтобы мы скоро увидѣлись въ мірѣ и чтобы намъ можно было поселиться въ нашей хижинѣ».

Какъ и всѣ моряки, Нельсонъ мечталъ о любви и жизни въ какой-нибудь хижинѣ.

Передъ нападеніемъ на Тенерифъ Нельсонъ старался отклонить своего пасынка отъ поѣздки вмѣстѣ съ нимъ.

— Что станетъ съ твоею матерью, если мы оба погибнемъ? — сказалъ онъ.

Но молодой человѣкъ стоялъ на своемъ и требовалъ, чтобы ему разрѣшили участвовать въ сраженіи. Въ этомъ сраженіи, какъ извѣстно, Нельсонъ потерялъ руку. Послѣ этого случая онъ писалъ женѣ: «Дорогая Фанни! Я до того увѣренъ въ твоей любви, что убѣжденъ, что радость твоя будетъ одинаковая, пишу ли я это письмо правой или лѣвой рукой. У меня всѣ причины быть благодарнымъ военному счастью, и я знаю, что тебѣ доставитъ удовольствіе слышать, что послѣ Провидѣнія я жизнью обязанъ твоему сыну... Меня не должно удивлять, если я буду скоро забытъ и затерянъ, такъ какъ, вѣроятно, меня больше не будутъ считать полезнымъ. Что бы ни произошло, я буду чувствовать себя богатымъ, если и впредь буду наслаждаться твоей любовью».

Въ другомъ письмѣ онъ жалуется. «Вдали отъ тебя я нечувствителенъ ко всякому удовольствію. Ты для меня—все. Безъ тебя для меня міръ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ въ послѣднее время онъ мнѣ не доставляетъ ничего, кромѣ досады и озлобленія. Это мои нынѣшнія чувства. Дай Богъ, чтобы они никогда не измѣнились! Не думаю, чтобы это когда-либо произошло. И насколько человѣкъ можетъ предусмотрѣть, существуетъ нравственная увѣренность, что они никогда не перемѣнятся».

Но напрасна была «нравственная увѣренность Нельсона», такъ какъ, встрѣтившись въ Неаполѣ съ лэди Гамильтонъ, онъ неожиданно для самого себя почувствовалъ, что охваченъ юношеской страстью. Лордъ Гамильтонъ самъ свелъ его съ своей женой:

— Я представлю тебѣ,—сказалъ онъ женѣ передъ визитомъ Нельсона,—маленькаго человѣка, который не можетъ похвалиться особенною красотою, но который, если не ошибаюсь, поразитъ въ одно прекрасное время весь міръ.

Жена Гамильтона была еще очень красива, когда съ нею познакомился великій человѣкъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, слабый къ

женскому полу вообще, онъ тутъ же въ нее влюбился. Много лѣтъ послѣ этого тревожилась его жена слухами объ отношеніяхъ ея мужа къ лэди Гамильтонъ. Самъ Нельсонъ очень часто говорилъ о ней въ своихъ письмахъ къ женѣ или во время рѣдкихъ пріѣздовъ въ самой восторженной формѣ. Катастрофа произошла зимою 1801 года. Лордъ Нельсонъ и жена его сидѣли однажды за завтракомъ. Во время бесѣды Нельсонъ какъ-то затронулъ любимую тему, упомянувъ, что тогда-то или тогда-то «милая лэди Гамильтонъ» сказала то-то. Жена Нельсона вскочила и съ волненіемъ воскликнула:

— Мнѣ, наконецъ, надоѣло слышать всегда о «милой» лэди Гамильтонъ. Предлагаю тебѣ отказаться отъ нея или отъ меня!

Нельсонъ спокойно отвѣтилъ:

— Успокойся, Фанни! Подумай, что ты говоришь. Я люблю тебя искренно, но не могу забыть, чѣмъ обязанъ лэди Гамильтонъ. Я о ней никогда не буду говорить безъ любви и восторга.

Лэди Нельсонъ что-то пробормотала о какомъ-то твердомъ рѣшеніи, прежде чѣмъ выйти изъ комнаты, а вскорѣ послѣ того уѣхала въ своемъ экипажѣ. Съ тѣхъ поръ Нельсонъ только разъ увидѣлся съ женою, причемъ воскликнулъ:

— Богъ свидѣтель, что ни въ тебѣ, ни въ твоемъ поведеніи не нахожу ничего такого, чѣмъ бы я могъ быть недоволенъ.

Когда Нельсонъ лежалъ съ раною въ Неаполѣ, жена не поспѣшила къ нему на помощь, а предоставила уходъ за нимъ все той же ненавистной ей лэди Гамильтонъ. Однако, она несомнѣнно любила мужа, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее обстоятельство. Старшей внучкѣ лэди Нельсонъ было около 10 лѣтъ, когда она умерла. Внучка эта, по словамъ біографовъ великаго моряка, часто видѣла, какъ она вынимала изъ своей рабочей корзины миніатюрный портретъ Нельсона и, нѣжно прижавъ къ губамъ, клала на прежнее мѣсто. Однажды она ей сказала:

— Когда подростешь, Фанни, то, можетъ быть, узнаешь, что значитъ страдать надломленнымъ сердцемъ.

И Нельсонъ также любилъ жену, несмотря на разрывъ. Послѣ сраженія подъ Абукиромъ одинъ другъ спросилъ его, не считаетъ ли онъ этотъ день побѣды счастливѣйшимъ днемъ въ жизни.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ адмиралъ печально,—счастливѣйшимъ днемъ моей жизни былъ тотъ, когда я женился на лэди Нельсонъ.

Грустно проводилъ жизнь великій человѣкъ, когда ему пришлось жить вдали отъ жены на сушѣ. Только съ трудомъ удавалось ему скрывать отъ людей свое уныніе и тревогу. Однажды лэди Гамильтонъ застала его въ саду бѣгающимъ взадъ и впередъ въ сильномъ гнѣвѣ и отчаяніи.

— Нельсонъ, — сказала она, прикоснувшись къ его плечу, — вы чувствуете себя несчастнымъ. Какъ намъ ни непріятна разлука съ вами, могу вамъ только посовѣтовать, чтобы вы снова предложили странѣ свои услуги. Онѣ, конечно, будутъ приняты съ радостью, и вы опять обрѣтете душевное спокойствіе. Одержавъ нѣсколько новыхъ блестящихъ побѣдъ, вы вернетесь къ намъ. Мы всегда охотно будемъ принимать участіе въ вашемъ счастіи.

— Славная Эмма, добрая Эмма!—воскликнулъ Нельсонъ со слезами

на глазахъ.—Если бы на свѣтѣ было больше такихъ Эммъ, то было бы также больше и Нельсоновъ.

И дѣйствительно, Нельсонъ предложилъ странѣ «услуги». Страна ихъ приняла, снарядила экспедицію, и въ результатѣ получилась знаменитая побѣда подъ Трафальгаромъ. Этимъ былъ искупленъ передъ англійскимъ народомъ грѣхъ лэди Гамильтонъ, первоначально до того приковавшей къ себѣ Нельсона, что онъ почти забылъ великія задачи, осуществленія которыхъ страна ждала отъ его таланта. Какъ жена британскаго посланника, какъ подруга и довѣренное лицо неаполитанской королевы, бывшей дочерью Маріи-Терезы и сестрою Маріи-Антуанетты, лэди Гамильтонъ играла большую роль во всѣхъ неурядицахъ, въ центрѣ которыхъ находился Неаполь. Неурядицы эти въ то время составляли зерно великой европейской драмы, въ которой Франція черезъ посредство Наполеона, а Англія черезъ посредство Нельсона вели титаническую войну изъ-за гегемоніи. Благодаря лэди Гамильтонъ, Нельсонъ до того запутался въ этой тонкой игрѣ интригъ, что по временамъ совершенно забывалъ свое великое призваніе. Но въ концѣ концовъ та же женщина, которая едва не погубила его, принесла ему спасеніе.

Адмиралъ Коллинвудъ.

Говоря объ адмиралѣ Нельсонѣ, нельзя не упомянуть объ одномъ изъ героевъ Трафальгарскаго сраженія—адмиралѣ Коллинвудѣ. Генералъ этотъ былъ до того хорошимъ отцомъ семейства, что въ самомъ разгарѣ опасной, трудной и тревожной дѣятельности находилъ возможнымъ заботиться о воспитаніи дѣтей. Все время онъ не переставалъ переписываться съ ними и съ женою. Такъ, незадолго до одного серьезнаго столкновенія съ непріятелемъ онъ писалъ обѣимъ дочерямъ: «Дорогія мои! Ваше послѣднее письмо привело меня въ восхищеніе. Прошу васъ писать ко мнѣ почаще и сообщать обо всѣхъ нью-кестльскихъ новостяхъ. (Лэди Коллинвудъ была дочерью одного нью-кестльскаго совѣтника и во время отсутствія мужа часто гостила у отца). Надѣюсь, что послѣ окончанія этой войны мы еще проживемъ много счастливыхъ и веселыхъ дней». Во всѣхъ своихъ письмахъ онъ давалъ указанія дочерямъ, какъ вести себя, какъ писать письма и т. д. Женѣ онъ между прочимъ писалъ о воспитаніи дѣтей: «Умоляю тебя, возлюбленная Сара, чтобы они всегда были чѣмъ-нибудь заняты. Пусть они тебѣ читаютъ, но не легкомысленное что-нибудь, а исторію, такъ, какъ мы это обыкновенно дѣлали каждый вечеръ. Что за благословенные вечера это были! Человѣческій умъ расширяется, когда его поддерживаютъ въ постоянной дѣятельности; онъ дѣлается глупымъ и лѣнивымъ, когда ему даютъ дремать... О, какъ расширился бы умственный горизонтъ нашихъ дѣтей, если бы они могли усвоить столько познаній въ математикѣ и астрономіи, чтобы получить понятіе о красотѣ и чудесахъ творенія! Мнѣ хочется, чтобы дѣти мои вникли въ глубокія тайны творческаго дѣла, чтобы потомъ самимъ составить мнѣніе о природѣ того Существа, Которое можетъ быть создателемъ такого міра. Разъ они пріобрѣтутъ такія познанія, здѣшняя жизнь не будетъ въ состояніи тревожить ихъ душу или ихъ умъ».

Дня почти не проходило, чтобы лэди Коллинвудъ не получала отъ мужа письма. Если служебныя обязанности отрывали его отъ семьи, онъ поддерживалъ, по крайней мѣрѣ, духовное общеніе съ нею. Между прочимъ, онъ ей послалъ однажды письмо, помѣченное: «Океанъ,

16 іюня 1806 года». Въ немъ было сказано: «Сердце мое, ты, которая составляешь для меня все! Сегодня—годовщина нашей свадьбы. Желаю, чтобы она еще много, много разъ повторялась. Когда наступитъ, наконецъ, миръ, надѣюсь провести свое время отдыха въ кругу своей семьи, что для меня служитъ воплощеніемъ всякаго счастья».

У Коллинвуда не было сыновей, и онъ поэтому употреблялъ всѣ усилія, чтобы пожалованное ему дворянское званіе перешло на дочерей. Цѣли этой, однако, онъ не добился, хотя и прослужилъ отечеству пятьдесятъ лѣтъ.

Гарибальди.

Великій борецъ за свободу Гарибальди влюбился въ свою будущую жену въ одну минуту и притомъ... въ телескопъ. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ своей автобіографіи:

«Я страстно искалъ любви какого-либо человѣческаго существа. Существованіе безъ этой любви начало дѣлаться для меня невыносимымъ. Я достаточно прожилъ для того, чтобы знать, какъ тяжело найти безкорыстнаго, истиннаго друга. Но женщина! Я всегда считалъ женщинъ совершеннѣйшими существами: онѣ именно еще способны на чистую, настоящую любовь. Погруженный въ свои печальныя мысли, я прогуливался по палубѣ «Итапарики» и тамъ рѣшилъ возможно скорѣе подыскать себѣ подругу жизни. Взглядъ мой случайно упалъ на домикъ въ Баррѣ (мы стояли на якорѣ въ лагунѣ св. Екатерины, въ Бразиліи). Съ помощью подзорной трубы, которую я, будучи на палубѣ, всегда держалъ въ рукахъ, я увидѣлъ одну молодую дѣвушку. Выйдя на берегъ, я отправился въ поиски за домикомъ, въ которомъ видѣлъ прекрасную незнакомку, но тщетно. Я хотѣлъ уже вернуться ни съ чѣмъ, какъ вдругъ встрѣтилъ одного господина, съ которымъ познакомился раньше. Онъ пригласилъ меня къ себѣ на чашку кофе. Тотчасъ при входѣ въ залъ взоръ мой упалъ на Аниту, которую я искалъ, на мать моихъ дѣтей, вѣрную подругу моей жизни въ хорошіе и дурные дни. Мы безмолвно созерцали другъ друга нѣкоторое время, какъ два человѣка, которые въ жизни уже гдѣ-то встрѣтились и ищутъ въ чертахъ другъ друга нѣчто такое, что могло бы помочь ихъ памяти. Наконецъ, я вспомнилъ, поздоровался и, такъ какъ плохо владѣю португальскимъ языкомъ, сказалъ по-итальянски: «Вы должны сдѣлаться моею».

«Мое нахальство, вѣроятно, произвело на дѣвушку магическое дѣйствіе, такъ какъ мы дѣйствительно вступили въ союзъ, разрушить который могла только смерть».

Анита была настоящей солдатской женой. Она провожала Гарибальди во всѣхъ сраженіяхъ и не разъ вынимала свой мечъ, чтобы воспламенить солдатъ, терявшихъ присутствіе духа. Если какой-нибудь солдатъ падалъ мертвымъ къ ея ногамъ, она хватала его ружье и начинала стрѣлять направо и налѣво. Однажды во время сраженія ее окружили около десятка непріятельскихъ солдатъ, но она пришпорила коня и прорвалась черезъ ихъ ряды. Въ первую минуту солдаты были ошеломлены и подумали, что передъ ними неземное существо. Оправившись отъ страха, они начали стрѣлять и, убивъ подъ нею лошадь, взяли ее самое въ плѣнъ. Находясь въ непріятельскомъ лагерѣ, она испросила себѣ разрѣшеніе поискать трупъ мужа среди прочихъ труповъ. Ей позволили. Не найдя тѣла Гарибальди, она рѣшила бѣжать.

Предпріятіе было рискованное, но она не колебалась. Ночью она увела лошадь изъ конюшни и ускакала. Четыре дня подъ-рядъ блуждала она въ густомъ лѣсу безъ пищи. На слѣдующую ночь ея едва не настигла погоня, но она заставила лошадь, вздымавшуюся на дыбы, броситься въ вздувшуюся рѣку, шириною въ 500 метровъ, и, уцѣпившись за ея хвостъ, поплыла впередъ. Благородное животное вытащило ее на противоположный берегъ. Цѣлую недѣлю послѣ этого блуждала еще отважная женщина и, наконецъ, добралась до мужа, который уже считалъ ее погибшею.

Столь же храбра, какъ и на сушѣ, была жена Гарибальди и на морѣ. Когда мужъ начиналъ, бывало, просить ее во время морской схватки удалиться въ каюту, она обыкновенно отвѣчала: «Я пойду, но только для того, чтобы выгнать отгуда трусовъ, которые тамъ скрылись, а потомъ выйду опять, чтобы принять участіе въ сраженіи».

Гарибальди разсказываетъ еще одинъ любопытный фактъ про свою жену: «Когда родился мой первый ребенокъ, въ нашей арміи царила такая бѣдность, что я ничего не могъ достать для своей дорогой жены и ребенка, кромѣ одного носового платка... Черезъ двѣнадцать дней Анитѣ пришлось бѣжать на конѣ отъ непріятеля вмѣстѣ съ ребенкомъ».

Графъ Мольтке.

Графъ Мольтке былъ не только великимъ военачальникомъ, но и великимъ молчальникомъ. Послѣднее тѣмъ болѣе удивительно, что онъ владѣлъ шестью языками. Это давало поводъ говорить, что Мольтке молчитъ на шести языкахъ. Всѣ знавшіе его характеръ только въ рѣдкихъ случаяхъ отваживались нарушить молчаніе въ его присутствіи. Само собою разумѣется, что жена его рѣже всего нарушала это молчаніе. Этимъ, вѣроятно, и объясняется то обстоятельство, что знаменитый полководецъ прожилъ съ женою 26 лѣтъ въ полномъ согласіи и счастіи. Она умерла въ сочельникъ 1868 года. Мольтке часто вспоминалъ о ней съ сожалѣніемъ. Онъ возвелъ въ своемъ имѣніи мавзолей на холмѣ. Передъ алтаремъ маленькой часовни въ этомъ мавзолеѣ стоялъ простой дубовый гробъ, въ которомъ покоились смертные останки его жены. На гробѣ всегда лежали свѣжіе листья. Въ полукруглой нишѣ у алтаря стояла великолѣпная фигура Христа, поднявшаго руки для благословенія, а надъ нимъ сіяли слова: «Любовь — исполненіе закона».

Вскорѣ послѣ смерти жены Мольтке (кстати сказать, она была наполовину англичанка, урожденная Бэргъ) съ нимъ встрѣтился въ зоологическомъ саду верхомъ на лошади извѣстный историкъ Банкрофтъ, бывшій въ то время посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ въ Берлинѣ. «Первой моей мыслью было,—разсказывалъ Банкрофтъ,—повернуть въ другую аллею; но я сообразилъ, что графъ можетъ это ложно понять, и поэтому, поклонившись ему, я поѣхалъ рядомъ съ нимъ, предоставляя «великому молчальнику» завязать разговоръ, если ему это захочется. Къ моему величайшему удивленію, онъ началъ оживленно разговаривать, причемъ разсказалъ мнѣ, какимъ безконечно счастливымъ человѣкомъ сдѣлала его жена и что онъ въ ней потерялъ. Онъ съ восторгомъ отозвался также о разнообразныхъ ея добродѣтеляхъ. Вдругъ онъ погрузился въ серьезное молчаніе. Имъ овладѣла, повидимому, новая мысль. «Знаешь ли,—началъ онъ, минуту спустя,—мнѣ только-что пришло въ голову, что въ концѣ концовъ всетаки лучше, что случи-

лось это теперь, а не послѣ. Я убѣжденъ, что раньше или позже произойдетъ вторженіе французовъ. Представьте себѣ, если коварное счастіе на войнѣ повернется противъ насъ! Печаль по поводу нашихъ пораженій сократила бы ея жизнь. Нѣтъ, нѣтъ, это было бы гораздо хуже».

Фрэнсисъ Дрэкъ.

Не будь Фрэнсиса Дрэка, не было бы у насъ картофеля. По крайней мѣрѣ, долго еще мы не знали бы объ этомъ необходимомъ продуктѣ всякой кухни. Какъ извѣстно, онъ именно ввезъ его въ Европу. Но, найдя во время своихъ блужданій по свѣту картофель, онъ едва не потерялъ жены. Дрэкъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Мэри Ньюменъ, во второй—на богатой наслѣдницѣ Елизаветѣ Сиденгемъ. Путешествія Дрэка носили всегда романтическій характеръ. Его эксцентричности и слава создали ему въ народѣ огромный кругъ почитателей, культъ которыхъ доходилъ до настоящаго поклоненія. Въ Девоншайрѣ до сихъ поръ еще существуетъ легенда, связанная съ именами Дрэка и его жены. Прощаясь однажды съ женою, чтобы предпринять большое морское путешествіе, онъ заявилъ женѣ, что если не вернется черезъ семь (по другой версіи—черезъ десять) лѣтъ, она можетъ считать его мертвецомъ и въ правѣ выйти замужъ. Во время отсутствія мужа жена Дрэка осаждалась поклонниками, предлагавшими ей руку и сердце, но она, какъ Пенелопа, терпѣливо ждала его возвращенія. Однако, по окончаніи срока, указаннаго мужемъ, она приняла предложеніе одного изъ воздыхателей. Легенда разсказываетъ, что Дрэкъ тотчасъ же узналъ объ этомъ черезъ посредство одного изъ духовъ, на обязанности котораго было сообщать своему господину и повелителю всѣ касающіяся его новости. Въ назначенный для свадьбы день Дрэкъ, находясь въ противоположномъ концѣ земного шара, зарядилъ огромную пушку и самъ выстрѣлилъ. Ядро прошло въ секунду огромное разстояніе, отдѣлявшее Дрэка отъ родного города, и, попавъ въ церковь, разъединило жениха и невѣсту. «Это дѣло Дрэка!—воскликнула его жена, обращаясь къ жениху.—Онъ живъ. О бракѣ между нами, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи!».

Лафайетъ.

Бурна и перемѣнна была жизнь жены знаменитаго героя французской революціи Лафайета. Она вышла за него замужъ въ то время, когда ей было всего четырнадцать съ половиною лѣтъ, а ему едва шестнадцать; тѣмъ не менѣе, она его скоро полюбила, и молодая чета была счастлива. Первая буря ожидала ее, когда въ Америкѣ вспыхнула война за независимость. Лафайетъ уѣхалъ за океанъ, чтобы стать на сторонѣ притѣсняемаго народа, и его молодой женѣ пришлось испытать немало горя во дни его отсутствія, тѣмъ болѣе, что родители ея были противъ его поѣздки. Зато велика была ея радость, когда послѣ побѣды Соединенныхъ Штатовъ, которымъ оказала помощь Франція, Лафайетъ вернулся на родину, покрытый славою. Она еще болѣе привязалась къ мужу и начала раздѣлять его свободолюбивыя идеи. Одинъ только разъ возникло между нею и мужемъ разногласіе. Это было тогда, когда Лафайетъ явно сталъ стремиться къ революціи. Будучи искреннею католичкою, она не могла быть солидарна въ дѣлахъ вѣры съ мужемъ, который отличался либеральнымъ образомъ мыслей и къ религіи былъ совершенно индифферентенъ. Вотъ почему, когда духовенству было вмѣнено въ обязанность подчиниться гражданскимъ законамъ, она открыто, въ видѣ протеста, присутствовала на торже-

ственномъ отказѣ кюре Saint-Sulpice отъ гражданской присяги, а когда къ мужу ея пришелъ новый парижскій епископъ, подчинившійся вѣяніямъ времени, она благоразумно поспѣшила удалиться изъ дома.

Вскорѣ ей пришлось подвергнуться новому испытанію. Бѣдный Людовикъ XVI не былъ настолько свободенъ, какъ г-жа Лафайетъ, чтобы высказать открыто нерасположеніе къ навязаннымъ ему законамъ. Когда онъ выразилъ желаніе отпраздновать св. Пасху въ Сенъ-Клу при участіи священниковъ, отказавшихся отъ гражданской присяги, вспыхнулъ мятежъ, помѣшавшій ему осуществить намѣреніе. Вслѣдствіе этого Лафайетъ, употреблявшій всѣ силы къ тому, чтобы сохранить свободу короля, сложилъ съ себя обязанности командира національной гвардіи. Ему хотѣлось избѣжать упрековъ, которыхъ онъ могъ ждать въ противномъ случаѣ, и г-жѣ Лафайетъ пришлось выдержать визиты и слезныя мольбы представителей всѣхъ шестидесяти батальоновъ, которые явились къ ней, чтобы отклонить своего начальника отъ принятаго рѣшенія. Радость ея была велика, но прошло всего четыре дня, и Лафайетъ уступилъ просьбамъ батальоновъ и вернулся на прежній постъ. Впрочемъ, испытаніе ея скоро кончилось: Лафайетъ окончательно сложилъ съ себя званіе командира въ сентябрѣ 1791 года, когда, послѣ принятія королемъ конституціи, учредительное собраніе было замѣнено законодательствомъ, слабымъ и опаснымъ продолжателемъ дѣла, начавшагося при отличныхъ предзнаменованіяхъ и окончившагося наканунѣ террора. Однако, передъ этимъ ей пришлось испытать немало страха во время мятежа на Марсовомъ полѣ, устроеннаго якобинцами. «Бѣшеная толпа,—разсказываетъ дочь г-жи Лафайетъ,—кричала, что нужно убить мою мать, а голову ея отнести къ моему отцу. Помню ужасные крики и ужасъ каждаго изъ бывшихъ въ домѣ, но больше всего помню живую радость моей матери, которая думала, что явившіеся къ намъ разбойники не были на Марсовомъ полѣ. Она цѣловала насъ, плача отъ радости и спокойно принимая всѣ необходимыя мѣры». Негодяи, однако, едва не пробрались въ домъ. Они уже начали подниматься на стѣны, какъ явился отрядъ кавалеріи, который и разсѣялъ ихъ. Послѣ этого г-жа Лафайетъ уѣхала въ Шаваньякъ и съ тѣхъ поръ не видѣлась съ мужемъ до самаго Ольмюца.

Мужъ недолго оставался во главѣ національной гвардіи. Благородство характера не позволяло ему мириться съ окружающими условіями. Жажда крови, царившая кругомъ, внушала ему отвращеніе и онъ уѣхалъ въ Англію. Когда въ Парижѣ узнали, что Лафайетъ бѣжалъ, немедленно былъ посланъ приказъ арестовать его жену и доставить въ Парижъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Къ ней явился отрядъ вооруженныхъ людей и, передавъ приказъ, сталъ разсматривать бумаги, чтобы захватить письма Лафайета.

— Ищите,—спокойно отвѣтила г-жа Лафайетъ,—вы увидите, что если бы во Франціи были суды, то, конечно, Лафайетъ былъ бы оправданъ, потому что онъ въ жизни не сдѣлалъ ничего, что могло бы компрометировать его въ глазахъ настоящихъ патріотовъ.

— Суды теперь во Франціи—общественное мнѣніе,—отвѣтилъ коммиссаръ.

Это было плохимъ предзнаменованіемъ для суда, который ожидалъ ее въ Парижѣ. Укрывъ сына и младшую дочь, она вмѣстѣ со старшей

дочерью послѣдовала за коммиссаромъ. По прибытіи въ Пюи она потребовала, чтобы ее немедленно отвели къ мѣстной высшей власти.

— Я,—сказала она, обращаясь къ арестовавшему ее коммиссару,—отношусь съ уваженіемъ къ приказамъ администраціи настолько, насколько презираю приказы, получаемые мною отъ другихъ.—И, отдавъ себя покровительству членовъ департаментскаго совѣта, она продолжала:—Получайте ваши приказы отъ Ролана (приказъ объ арестѣ г-жи Лафайетъ былъ подписанъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Роланомъ) или отъ кого вамъ угодно, но я хочу получать приказы только отъ васъ и считаю себя вашей арестанткой.

Затѣмъ она потребовала, чтобы съ писемъ Лафайета были сняты копіи и посланы въ Парижъ, «такъ какъ въ собраніи немного лгутъ». Къ тому же ей самой хотѣлось прочесть эти письма въ собраніи. Когда одинъ изъ присутствующихъ выразилъ опасеніе, какъ бы чтеніе этихъ писемъ не было для нея затруднительно, она отвѣтила:

— Нисколько. Чувства, выраженныя въ этихъ письмахъ, одни только поддерживаютъ меня и составляютъ все мое утѣшеніе въ настоящую минуту.

Она стала протестовать противъ ея несправедливаго ареста, прося оставить ее въ Шаваньякѣ на честное слово. Просьба эта была послана Ролану. Одному изъ совѣтниковъ, Бриссо, съ которымъ г-жа Лафайетъ поддерживала когда-то хорошія отношенія, она писала: «Если отвѣтъ Ролана будетъ продиктованъ справедливостью, онъ мнѣ возвратитъ неограниченную свободу. Если онъ будетъ соотвѣтствовать желанію моего сердца, то дастъ мнѣ возможность соединиться съ мужемъ, который приглашаетъ меня пріѣхать въ Англію, какъ только его освободятъ изъ плѣна, чтобы вмѣстѣ поселиться въ Америкѣ. Но если хотятъ во что бы то ни стало держать меня заложницею, то мой плѣнъ будетъ смягченъ разрѣшеніемъ подвергнуться ему въ Шаваньякѣ на честное слово и подъ отвѣтственностью властей моей деревни».

Г-жа Лафайетъ вскорѣ раскаялась, что просила оставить ее въ Шаваньякѣ на честное слово, такъ какъ узнала, что мужъ не только не отпущенъ на свободу, но враждебною коалиціею выданъ прусскому королю и отправленъ въ Ольмюцъ (Моравію) подъ охраною австрійской гвардіи послѣ того, какъ Пруссія заключила миръ съ Франціею. Бѣдная женщина добровольно возложила на себя обязанность быть вдали отъ мужа. Впрочемъ, ее вскорѣ освободили.

Послѣ извѣстной измѣны Дюмурье въ Парижѣ зашла рѣчь о заключеніи въ тюрьму тѣхъ, которыхъ называли въ то время «благородными». Г-жа Лафайетъ, также принадлежавшая къ числу этихъ «благородныхъ», отправилась въ Бріудъ, чтобы протестовать противъ этого проекта.

— Моя жизнь и моя смерть,—сказала она,—совершенно безразличны для Дюмурье. Лучше будетъ, если бы меня забыли въ моемъ уединеніи. Прошу, чтобы меня оставили вмѣстѣ съ дѣтьми въ томъ положеніи, которое единственно сносно послѣ того, какъ отецъ ихъ находится въ плѣну у враговъ Франціи.

— Гражданка,—отвѣтилъ представитель мѣстной администраціи,—эти чувства достойны васъ.

— Мнѣ мало дѣла до того, достойны ли они или недостойны

меня,—замѣтила на это смѣлая женщина,—я хочу только, чтобы они были достойны его.

Въ этихъ словахъ вся г-жа Лафайетъ. Она могла добиться развода, если бы захотѣла развода, хотя бы фиктивнаго, какъ дѣлали въ то время многія жены эмигрантовъ для того, чтобы сохранить за собою имущество и не наносить ущерба дѣтямъ; но она этого не дѣлала. Для нея названіе «жена Лафайета» было выше всего. Зато она и поплатилась: 1 ноября 1792 года ее арестовали въ числѣ многихъ «подозрительныхъ», какъ тогда начали называть людей, не сочувствовавшихъ новому порядку вещей. Цѣлый годъ и четыре мѣсяца промучилась она въ тюрьмѣ. Ежедневно ей приходилось слышать, какъ изъ тюрьмы уводили на казнь десятки людей, какъ, наконецъ, казнили ея мать и сестру. Она испытывала нечеловѣческія страданія, и вполнѣ понятно, что когда наступилъ 9 термидоръ, освободившій ее изъ тюремнаго заключенія, первой ея мыслью было бѣжать, конечно, къ мужу. Она выхлопотала себѣ паспортъ въ Америку и пустилась въ путь. Но прежде всего надо было повидаться съ горячо любимымъ мужемъ, а для этого требовалось поѣхать въ Вѣну и выхлопотать свиданіе съ плѣнникомъ. Между тѣмъ, доступъ въ Австрію французамъ былъ запрещенъ. Г-жа Лафайетъ обнаружила неслыханную энергію и послѣ долгихъ нравственныхъ пытокъ добилась, наконецъ, аудіенціи у императора. Послѣдній былъ очень взволнованъ, когда узналъ, въ чемъ дѣло. Многострадальная женщина просила, какъ милости, разрѣшенія раздѣлить участь мужа въ тюрьмѣ.

— Хорошо, я исполню вашу просьбу,—отвѣтилъ императоръ,—но дать ему свободу не могу: у меня самого руки связаны.

— Жены остальныхъ ольмюцскихъ плѣнниковъ будутъ завидовать моему счастью! — воскликнула въ порывѣ радости несчастная женщина, неспособная забыть подругъ по горю даже въ столь тревожную минуту.

— Пусть онѣ поступаютъ, какъ вы,—отвѣтилъ императоръ.— Лафайета хорошо кормятъ, съ нимъ хорошо обращаются. Имя его извѣстно. Надѣюсь, что вы отдадите мнѣ полную справедливость.

И вотъ г-жа Лафайетъ ѣдетъ въ Ольмюцъ. Военный министръ предупредилъ ее, что въ Ольмюцѣ ее ожидаютъ невзгоды, что ея шагъ можетъ дурно отразиться на ней и на ея дочеряхъ. Ничего не помогало. Она поѣхала. Когда кучеръ указалъ ей на виднѣвшіяся вдали колокольни Ольмюца, г-жа Лафайетъ поднялась въ коляскѣ съ влажнымъ отъ слезъ лицомъ. Рыданія душили ее. Она не могла говорить, а когда, наконецъ, овладѣла собою, громко запѣла благодарственную пѣснь Товія: «Господь, Ты великъ въ вѣчности и царство Твое распространяется на всѣ вѣка!». Черезъ нѣсколько минутъ она уже была въ объятіяхъ мужа, три года томившагося въ тюрьмѣ, вдали отъ друзей, отъ которыхъ не получалъ никакихъ писемъ, въ полномъ уединеніи, которое сдѣлалось еще болѣе невыносимымъ послѣ его попытки къ бѣгству. Онъ измѣнился, постарѣлъ, сдѣлался больнымъ, но сохранилъ прежніе идеалы и мечты. Лафайетъ остался Лафайетомъ и въ тюрьмѣ.

Два года пробыла г-жа Лафайетъ съ мужемъ въ тюрьмѣ, пока договоръ, заключенный въ Кампо-Форміо, не далъ свободы плѣнникамъ, въ томъ числѣ Лафайету и его героической женѣ.

Вальтеръ Рэлей.

Съ Вальтеромъ Рэлеемъ мы уже встрѣтились выше, когда говорили объ отношеніяхъ между лордомъ Лейчестеромъ и королевою Елизаветою. Когда вспыхнуло возстаніе ирландцевъ въ Мунстерѣ, его отправили туда въ качествѣ усмирителя. Онъ блестяще выполнилъ задачу и по возвращеніи въ Лондонъ удостоился высокихъ милостей при дворѣ. Способствовали этому, впрочемъ, не столько его административные и военные таланты, сколько красота, сила и умъ, никогда не перестававшіе оказывать большое вліяніе на «дѣвственную королеву». Какъ обратилъ онъ на себя вниманіе королевы, мы знаемъ: онъ пожертвовалъ драгоцѣннымъ плащомъ, чтобы избавить ее отъ необходимости сдѣлать два шага по влажной землѣ. Затѣмъ онъ дерзнулъ написать на стеклѣ одного окна, мимо котораго должна была пройти королева, слѣдующія слова: «Мнѣ хотѣлось бы вскарабкаться наверхъ, но я боюсь упасть». Елизавета, какъ говорятъ, написала подъ этими словами: «Если у тебя не хватаетъ храбрости, то лучше не карабкайся».

Близкія отношенія къ королевѣ, однако, не помѣшали Рэлею жениться на Елизаветѣ Трогмартонъ, пользовавшейся далеко не безупречнымъ именемъ. Честолюбивая королева, требовавшая, чтобы восторгъ придворныхъ сосредоточивался только на ней одной, была возмущена бракомъ своего фаворита и, не долго думая, приказала арестовать его вмѣстѣ съ молодою женою и перевести въ Тоуэръ, изъ котораго молодая чета освободилась только спустя долгое время.

Герцогъ Веллингтонъ.

Любопытный романъ пережилъ знаменитый англійскій военачальникъ герцогъ Веллингтонъ. Въ бытность еще капитаномъ Уэльслеемъ онъ ухаживалъ за красавицею Катериною Пакенгемъ, третьею дочерью лорда Лонгфорда. Она отвѣчала ему взаимностью и дѣло кончилось бы бракомъ, если бы не противодѣйствіе отца, который считалъ Веллингтона слишкомъ бѣднымъ для женитьбы на его дочери. Послѣдняя, однако, твердо стояла на своемъ, категорически увѣряя возлюбленнаго, что непремѣнно сдѣлается его женою. Вмѣстѣ съ этимъ она просила его считать себя ея женихомъ. Вскорѣ послѣ этого Веллингтонъ уѣхалъ со своимъ полкомъ въ Индію.

Девять лѣтъ былъ въ отсутствіи знаменитый полководецъ. За это время произошла большая перемѣна съ Катериною Пакенгемъ. Она заболѣла оспою, которая не только обезобразила ее, но едва не свела въ могилу. Только молодыя силы и спасли ее. Когда Веллингтонъ вернулся, благородная дѣвушка хотѣла освободить его отъ слова, но онъ не рѣшился воспользоваться ея благородствомъ и женился на ней. Королева Шарлотта, которой Катерина была представлена при дворѣ, была въ восхищеніи отъ твердости воли, которую она обнаружила, ожидая жениха столько лѣтъ, и приняла ее восторженно.

— Мнѣ очень пріятно,—сказала она,—привѣтствовать васъ при моемъ дворѣ, какъ образецъ энергіи. Если кто-нибудь въ мірѣ заслужилъ быть счастливымъ, то это, конечно, вы. Правда ли, говорятъ, что вамъ удалось за всѣ девять лѣтъ отсутствія вашего жениха не написать ему ни одного письма?

— Правда, ваше величество.

— А думать вы о немъ думали?

— Всегда, ваше величество.

Около девяти лѣтъ спустя англійская писательница Марія Эджевортъ, бывшая въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Лангфордомъ, писала одной родственницѣ: «Какъ счастливо чувствуетъ себя, вѣроятно, лэди Веллингтонъ послѣ блестящей побѣды ея мужа! Читали ли вы въ газетахъ, что она стремглавъ бросилась навстрѣчу лорду Бэри, чтобы узнать отъ него первыя свѣдѣнія о своемъ мужѣ еще до того, какъ онъ выйдетъ изъ экипажа?».

Однако, герцогъ не могъ себя считать такимъ счастливымъ, какъ его жена. Онъ брюзжалъ и часто говаривалъ: «Жизнь не стоитъ того, чтобы жить». Причина этого—отчасти врожденный пессимизмъ, отчасти то обстоятельство, что онъ всѣ силы и помыслы посвятилъ служенію отечеству. Онъ не могъ быть чувствительнымъ къ радостямъ тихой семейной жизни. Кромѣ того, супруги не сходились также во взглядахъ, вкусахъ и привычкахъ. Раздражительность и добродушіе какъ-то уживались въ душѣ Веллингтона. Родственники сравнивали вспышки его гнѣва съ паровымъ клапаномъ. Послѣ каждой такой вспышки онъ тотчасъ старался удвоенной любезностью загладить свою вину. Однажды онъ послалъ своего второго сына, лорда Чарльза Уольслея, на островъ Мальту съ важнымъ порученіемъ по службѣ. Когда сынъ вернулся потомъ въ Лондонъ на недѣлю позже, чѣмъ ожидалъ его герцогъ, суровый воинъ, думая, что недѣля эта была проведена въ кутежахъ въ веселомъ городѣ Парижѣ, наказалъ его тѣмъ, что не обмѣнялся съ нимъ ни единымъ словомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Случайно, однако, Веллингтонъ узналъ, что Чарльзъ былъ задержанъ карантиномъ въ Марселѣ. И вотъ на третій день онъ подошелъ къ нему и, нѣжно прижавъ къ груди, дружески спросилъ:

— Чарльзъ, хотѣлось бы тебѣ поохотиться этою зимою?

— Съ удовольствіемъ! Но у меня нѣтъ лошади.

— Я послалъ твоему банкиру тысячу фунтовъ. На лошадь хватитъ.

Такія сцены часто происходили въ домѣ герцога. Изъ любви къ мужу жена покорно переносила его раздражительность. Видѣлись они, впрочемъ, не часто, такъ какъ Веллингтону по цѣлымъ годамъ приходилось быть въ другихъ мѣстахъ по обязанностямъ службы.

Георгъ Вашингтонъ.

Георгъ Вашингтонъ еще съ четырнадцати лѣтъ началъ ухаживать за хорошенькими женщинами. Тогда же онъ влюбился въ нѣкую Мэри Блэндъ, которую называлъ своею «красавицею низменныхъ мѣстъ». Предметомъ его второй любви была Сара Кэрей, съ которою произошла въ одно прекрасное время слѣдующая любопытная исторія. Однажды, когда Вильямсбургъ былъ на военномъ положеніи, она засидѣлась у подругъ, жившихъ за городомъ, и спохватилась только тогда, когда было уже темно. Вмѣстѣ съ негритянкою-горничною онъ побѣжала домой, но была остановлена карауломъ, который потребовалъ пароль. Сара сердито затопала ногами и крикнула: «Я—Сара Кэрей!». Караульные, не говоря ни слова, дали дрожащимъ дѣвушкамъ пройти. Оказалось, что галантный Вашингтонъ, будучи дежурнымъ офицеромъ, далъ въ качествѣ пароля имя своей возлюбленной. Вскорѣ послѣ того онъ ей сдѣлалъ предложеніе, но получилъ отказъ, что надолго отбило у него охоту къ дальнѣйшимъ любовнымъ приключеніямъ.

Спустя нѣкоторое время онъ познакомился у друзей, къ которымъ заглянулъ на обѣдъ проѣздомъ, везя оффиціальныя депеши, съ молодой вдовой Кэстисъ. Эта красивая и интеллигентная женщина до того сумѣла опутать его своими сѣтями, что онъ забылъ о дѣлѣ, которое ему было поручено. Прошло много часовъ, наступилъ вечеръ, а Вашингтонъ и не думалъ даже ѣхать. На слѣдующій день утромъ онъ пустился въ путь, но всетаки остановился у дома женщины, завладѣвшей всѣмъ его существомъ, чтобы наскоро съ нею помолвиться. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ состоялась свадьба.

Осталось единственное письмо, относящееся къ тому времени, когда онъ былъ женихомъ. Вотъ оно: «Мы держимъ путь на Огіо. Одинъ курьеръ отправится тотчасъ въ Вильямсбургъ, и я пользуюсь случаемъ, чтобы написать тебѣ нѣсколько строкъ, тебѣ, жизнь которой отнынѣ нераздѣльна съ моею жизнью. Съ той счастливой минуты, когда мы взаимно поклялись въ любви, мысли мои постоянно устремляются къ тебѣ, какъ ко второму моему «я». Да защититъ насъ обоихъ всемогущее Провидѣніе—это ежедневная молитва твоего вѣчно преданнаго и любящаго тебя друга».

Великій генералъ былъ нѣжнымъ супругомъ и хорошимъ отцомъ для дѣтей своей жены отъ перваго брака. Когда онъ умеръ, портретъ его жены былъ найденъ у него на груди, гдѣ онъ носилъ его цѣлыхъ 40 лѣтъ. Ни одна тѣнь не омрачила этого счастливаго брака, а когда онъ умеръ, жена Вашингтона только сказала:

— Теперь все прошло! Я скоро за нимъ послѣдую!

Джексонъ. Великій американскій генералъ Джексонъ былъ въ любви столь же постояненъ и твердъ, какъ на войнѣ. Первая его жена умерла уже черезъ годъ и два мѣсяца. Смерть эта на него такъ сильно повліяла, что онъ долженъ былъ уѣхать въ Европу, чтобы разсѣяться. Три года спустя онъ женился на дочери одного пресвитеріанскаго священника. Она сдѣлала его совершенно счастливымъ. Письма Джексона къ женѣ дышатъ необычайной нѣжностью. Онъ никогда не называлъ ея по имени, а окрещивалъ всевозможными ласкательными словечками. Между прочимъ, онъ никогда не употреблялъ такихъ выраженій, какъ «нашъ домъ» или «нашъ садъ», а всегда говорилъ «твой домъ», «твой садъ». Даже жалованье свое онъ называлъ «твое содержаніе». Веселое настроеніе духа никогда его не покидало. Когда онъ, будучи смертельно раненъ, лежалъ на смертномъ одрѣ, жена его горько плакала. Увидя это, онъ съ доброй улыбкой сказалъ:

— Бодрѣе, Анюта! Вѣдь ты знаешь, что я люблю только веселыя лица въ комнатѣ больного! Пожалуйста, говори яснѣе, чтобы я не потерялъ ни одного изъ твоихъ милыхъ словъ.

Джексонъ страдалъ прогрессивною глухотою.

Лордъ Уольслей. Лордъ Уольслей находится теперь во главѣ англійской арміи. Много войнъ пережилъ онъ. Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ своей супружеской жизни лэди Уольслей пять разъ видѣла своего мужа принимающимъ непосредственное участіе въ сраженіи. Можно себѣ представить, какія чувства испытывала она. На лицѣ ея ясно видны слѣды заботъ. Но зато какъ радостно билось ея сердце, когда мужъ подносилъ ей подарки, полученные послѣ того или

другого удачнаго похода. Такъ, населеніе Каира поднесло ему драгоцѣнную саблю съ великолѣпными брилліантами, которые онъ потомъ подарилъ женѣ. Когда лордъ Уольслей вернулся изъ Египта, гдѣ онъ былъ главнокомандующимъ, королева произнесла тостъ въ его честь, и текстъ этого тоста виситъ до сихъ поръ въ золотой рамкѣ въ будуарѣ лэди Уольслей.

ГЛАВА V.

КОРОНОВАННЫЯ ОСОБЫ.

Францискъ I. — Генрихъ II. — Людовикъ XIV. — Людовикъ XV.—Людовикъ XVI.—Людовикъ XVIII.—Наполеонъ I.—Наполеонъ III.—Генрихъ VIII Карлъ I.—Фридрихъ Великій.

Францискъ I. Возрожденіе въ Италіи вызвало расцвѣтъ искусствъ, Возрожденіе во Франціи создало культъ любви. Провозвѣстникомъ этого культа явился Францискъ I. По справедливому замѣчанію Шерра *), онъ могъ бы съ полнымъ правомъ употребить фразу, которою охарактеризовалъ впослѣдствіи свое правленіе Людовикъ XIV: «Государство — это я». Королевская власть была для него только средствомъ удовлетворять личныя прихоти. Государство, какъ онъ думалъ, существовало исключительно для него. Прибѣгая къ излишествамъ самъ, онъ покровительствовалъ и чужимъ излишествамъ, но придавалъ имъ элегантный отпечатокъ. Галантность была имъ возведена на степень правительственнаго искусства. Онъ именно явился начинателемъ того господства метрессъ, которое вскорѣ дало себя сильно почувствовать при французскомъ дворѣ и имѣло огромное вліяніе на положеніе женщины во всей Европѣ.

Процвѣтанію женскаго элемента особенно содѣйствовало усиленіе королевской власти. Людовикъ XI унизилъ французское дворянство, Францискъ I поработилъ его, заставивъ жить при дворѣ. Король превратилъ бароновъ въ титулованныхъ лакеевъ, а ихъ женъ и дочерей въ своихъ одалисокъ. Для достиженія послѣдняго пускались иногда въ ходъ низменныя интриги и всякія хитрости, какъ это произошло въ то время, когда нужно было привлечь ко двору графиню Шатобріанъ. Несмотря на свою галантность, Францискъ I для удовлетворенія похоти не останавливался даже предъ грубостями. Такъ, узнавъ, что одинъ изъ его придворныхъ пригрозилъ женѣ смертью, если она раздѣлитъ ложе съ королемъ, ворвался къ нему въ спальню съ обнаженнымъ мечомъ и, выгнавъ мужа, занялъ его мѣсто. Женщина эта, какъ прибавляетъ французская хроника, была съ тѣхъ поръ очень счастлива, такъ какъ мужъ больше не осмѣливался ей перечить и былъ послушенъ, какъ овца. И какъ поступалъ король, такъ дѣйствовали его слуги. Боннивэ, фаворитъ Франциска, сталъ ухаживать за сестрою своего государя, красивою Маргаритою Наваррскою, и, не достигнувъ цѣли, рѣшилъ завладѣть ею хитростью. Для этого онъ пригласилъ весь дворъ въ свой охотничій замокъ. Ночью, когда все спало, онъ про-

*) Johannes Scherr, «Geschichte der deutschen Frauenwelt». Zweiter Band, стр. 74 и слѣд.

брался къ принцессѣ въ спальню, думая нахрапомъ достигнуть того, чего не могъ добиться обыкновеннымъ путемъ. Но принцесса проснулась и стала отбиваться. Острые ногти ей помогли. Къ тому же она стала звать на помощь. Въ концѣ концовъ Боннивэ долженъ былъ бѣжать. Когда король узналъ на слѣдующій день объ этой исторіи, онъ только разсмѣялся...

Вполнѣ естественно, что подобнаго рода режимъ долженъ былъ въ концѣ концовъ повести къ развращенности нравовъ. Добродѣтельная женщина сдѣлалась не только рѣдкостью, но и посмѣшищемъ. Сами женщины начали употреблять всѣ силы на то, чтобы изгладить изъ памяти всякое представленіе о добродѣтели. Даже въ неестественныхъ порокахъ соперничали онѣ съ мужчинами. По свидѣтельству Брантома, главнаго хроникера скандальныхъ исторій того времени, одинъ итальянскій государь, женившись на французской принцессѣ, высказалъ на слѣдующій день послѣ свадьбы вслухъ удивленіе по поводу того, что его жена, живя при французскомъ дворѣ, оказалась дѣвственницею. Недаромъ Франциск говаривалъ, что дворъ безъ женщинъ то же, что годъ безъ весны и весна безъ розъ! Оффенбаховскій Калхасъ, впрочемъ, навѣрно сказалъ бы: «Слишкомъ много цвѣтовъ!».

Генрихъ II. Начатое Франциском дѣло пустило глубокіе корни, и съ тѣхъ поръ французскій дворъ представляетъ сплошную арену борьбы между различными интриганками, искательницами приключеній и вообще всякими женщинами сомнительнаго и несомнительнаго поведенія. Съ именемъ каждаго короля начинаетъ связываться имя какой-либо фаворитки или даже имена нѣсколькихъ фаворитокъ. Такъ, царствованіе Генриха II ознаменовалось господствомъ Діаны Пуатье. Родившись 3 сентября 1499 года, она 13 лѣтъ вышла замужъ за графа Молевріэ, но уже въ 1531 году овдовѣла. Путь ко двору былъ свободенъ. Впрочемъ, еще до смерти мужа, при жизни Франциска, она сошлась съ этимъ государемъ. По крайней мѣрѣ, когда ея отецъ былъ приговоренъ къ смерти за участіе въ заговорѣ противъ Франциска, она обратилась къ королю и добилась отмѣны приговора. Говорятъ, что она купила эту милость цѣною своей супружеской вѣрности.

Герцогъ Генрихъ Орлеанскій, второй сынъ Франциска I, былъ по природѣ слабъ и робокъ. Молодость его прошла очень печально. Когда его отецъ былъ взятъ въ плѣнъ послѣ сраженія у Павіи и былъ отпущенъ, ему пришлось вмѣстѣ съ братомъ провести въ одномъ монастырѣ цѣлыхъ четыре года въ качествѣ заложника. Вернувшись въ Парижъ, онъ былъ ослѣпленъ царившимъ тамъ блескомъ и самъ началъ искать для себя эгеріи. Эта эгерія вскорѣ нашлась въ лицѣ Діаны Пуатье, которая, по словамъ Брантома, «одѣвалась красиво и величественно, но только въ черное и бѣлое». Это былъ трауръ по мужѣ. Самъ принцъ не думалъ сближаться съ нею, тѣмъ болѣе, что считалъ ее образцомъ добродѣтели и ума; но Діана сразу поняла, какое она можетъ имѣть на него вліяніе. Она была на много старше принца — на цѣлыхъ 18 лѣтъ, но красота искупала этотъ недостатокъ. Между нею и принцемъ завязались близкія сношенія, а вскорѣ старшій сынъ короля умеръ и Генрихъ сдѣлался дофиномъ. Говорятъ, что въ смерти его повинна Діана, которая прибѣгла къ отравѣ; но фактъ этотъ не доказанъ.

Съ той минуты, какъ принцъ Генрихъ сдѣлался наслѣдникомъ престола, при дворѣ началась отчаянная борьба между двумя женщинами — между Діаною, пользовавшеюся расположеніемъ дофина, и герцогинею д'Этампъ, любовницею Франциска I, не довольствовавшеюся вліяніемъ, которое она имѣла на короля, и твердо рѣшившеюся приковать къ себѣ также и его будущаго преемника. Послѣдніе годы Франциска I наполнены почти одной этой борьбой между двумя любовницами. Весь дворъ раздѣлился на два лагеря. Діана была на десять лѣтъ старше герцогини д'Этампъ и поэтому приверженцы послѣдней начали уже говорить объ увядшей красотѣ. Даже поэты и художники приняли участіе въ раздорахъ. Такъ, художникъ Приматиччіо постоянно воспроизводилъ герцогиню д'Этампъ на картинахъ, украшавшихъ королевскую галерею, между тѣмъ какъ Бенвенуто Челлини бралъ моделью прекрасную охотницу Діану. Поэты лагеря герцогини возвеличивали ея красоту, не щадя красокъ, а Діану называли беззубою и безволосою, обязанною своей сносной наружностью только косметическимъ средствамъ. Все это, конечно, была ложь, потому что Діана до конца жизни осталась красавицею, и это страшно злило фаворитку дофина. Впослѣдствіи, когда она достигла высокой власти, ея прежніе враги, позволявшіе себѣ подобныя выходки на ея счетъ, жестоко поплатились. Такъ, по ея приказу былъ сосланъ министръ финансовъ Боярь, одинъ изъ наиболѣе горячихъ клевретовъ герцогини д'Этампъ, а вскорѣ также удалена отъ двора и сама герцогиня.

Мало-по-малу дофинъ оказался совершенно въ рукахъ Діаны. Онъ не разстался съ нею даже послѣ женитьбы на молоденькой и прелестной Катеринѣ Медичи, дочери герцога Урбино во Флоренціи. Этому, впрочемъ, способствовалъ характеръ самой Катерины, которая не вмѣшивалась въ государственныя дѣла и жила исключительно для удовольствій въ кругу преданныхъ веселыхъ дамъ, такъ называемой «маленькой шайки», занимавшейся только охотою, спортомъ, балами и т. п. Когда умеръ Франциск и на престолъ вступилъ Генрихъ, королева не измѣнила своего образа жизни, вслѣдствіе чего фактически королевою сдѣлалась Діана. Но она была больше, чѣмъ королева. Она держала въ своихъ рукахъ судьбу всего государства, раздавала крупнѣйшія мѣста, преобразовала министерство и парламентъ, рѣшала вопросы о помилованіи, управляла финансами и производила давленіе на судей. Король безпрекословно исполнялъ ея волю. Въ одномъ письмѣ онъ умоляетъ ее всегда смотрѣть на него, только какъ на вѣрнаго слугу, и прибавляетъ, что гордится именемъ слуги, которымъ она его окрестила.

Конечно, Діана была прекрасна. Говорили, что она никогда не увянетъ. У нея были правильныя черты лица, красивый цвѣтъ кожи, черные, какъ смоль, волосы. Болѣзней она никогда не знала никакихъ. Даже въ самую холодную погоду она мыла себѣ лицо водою изъ колодца. Діана Пуатье вставала обыкновенно въ 6 часовъ утра, садилась на лошадь и въ сопровожденіи своихъ гончихъ собакъ проѣзжала 2—3 мили, послѣ чего возвращалась и снова укладывалась въ постель, гдѣ читала до полудня. Она очень интересовалась литературою и искусствомъ. Умъ у нея былъ рѣдкій. Утверждали, что она завоевала сердце короля не столько своими физическими прелестями, сколько совѣтами,

которые она ему давала, и своею любовью къ искусству, въ которомъ понимала толкъ. Этому мнѣнію особенно способствовало то, что у Діаны не было дѣтей. Родственники Діаны энергически отрицали существованіе интимной связи между нею и королями Франциском и Генрихомъ. Въ доказательство они указывали на то, что поведеніе Діаны въ супружествѣ было безукоризненно, что даже въ періодъ апогея своей власти она никогда не снимала съ себя траура, что король относился къ ней всегда съ уваженіемъ, что между нимъ и Діаною существовала большая разница въ возрастѣ, что она не была расточительна подобно другимъ куртизанкамъ и т. д. Однако, они забывали прибавлять, что Діана раздѣляла другіе недостатки фаворитокъ: была жадна, честолюбива и мстительна. Историкъ де-Ту ее строго осуждаетъ, приписывая ей гоненія на протестантовъ и разрывъ мирныхъ сношеній съ Испаніею. Во всякомъ случаѣ она могла считаться лучшею изъ фаворитокъ, и Брантомъ съ полной справедливостью могъ сказать: «Французскій народъ долженъ просить Бога, чтобы никогда не было болѣе худой фаворитки, чѣмъ эта».

Съ годами власть Діаны все болѣе и болѣе упрочивалась. Въ 1548 году король сдѣлалъ ее герцогинею Валентинуа. Всѣ должны были преклоняться передъ нею. Король поручилъ знаменитому архитектору Делорму построить для нея дворецъ «Анэ», который Діана обставила великолѣпно. Съ королевою она поддерживала добрыя отношенія и даже ухаживала за ея дѣтьми, хотя, впрочемъ, заставляла платить себѣ за это. Такъ, письмомъ отъ 17 января 1550 года король ассигновалъ ей 5.500 livres tournois (около 66.000 франковъ на нынѣшнія деньги) въ благодарность за услуги, оказанныя королевѣ. Даже черезъ два года послѣ того венеціанскій посланникъ Лоренцо Конторини сообщалъ, что между королевою и герцогинею существуютъ добрыя отношенія. Брантомъ рисуетъ ее великолѣпною женщиною. По его словамъ, когда король хотѣлъ узаконить одну изъ дочерей, прижитыхъ имъ съ Діаною, фаворитка отвѣтила:

— Я родилась для того, чтобы имѣть законныхъ дѣтей отъ васъ. Мнѣ вовсе не хочется, чтобы парламентъ объявилъ меня вашею сожительницею.

Въ этомъ пунктѣ, впрочемъ, Брантомъ ошибается. У дочери, о которой идетъ рѣчь,—Діаны Французской,—была другая мать, молодая пьемонтка, съ которою Генрихъ сошелся еще во время похода 1537 года. Король узаконилъ ее въ 1547 году. Позднѣе она сдѣлалась герцогинею, благодаря браку съ герцогомъ Монморанси.

Но блестящіе дни Діаны закатились въ тотъ же день, когда умеръ Генрихъ. Еще задолго до его смерти были распространены два предсказанія. Знаменитый итальянскій астрологъ Лука Гаврико возвѣстилъ, что король умретъ на сороковомъ году жизни на дуэли. Предсказаніе это вызвало насмѣшки, такъ какъ у королей дуэлей не бываетъ. Вскорѣ, однако, появилось новое предсказаніе такого же рода. Умы встревожились. Самъ король въ шутку выразился, что предсказанія очень часто сбываются и что онъ умретъ отъ дуэли столь же охотно, какъ и отъ всякой другой причины, лишь бы только противникомъ его былъ храбрый человѣкъ. Онъ, конечно, не предчувствовалъ, что дѣйствительно погибнетъ въ поединкѣ.

Наступилъ роковой день. 29 іюня 1559 года около дворца Турнелль состоялся турниръ. Король имѣлъ на себѣ цвѣта Діаны и дрался храбро, но копье графа Монморанси попало ему въ глазъ и проникло до самаго мозга. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ. Тутъ вдругъ обнаружилось, каковы были истинныя отношенія между королевою Катериною и Діаною Пуатье. Брантомъ разсказываатъ, что король еще дышалъ, когда Катерина Медичи приказала Діанѣ удалиться отъ двора, отдавъ предварительно драгоцѣнные каменья, которые подарилъ ей король. Діана спросила, умеръ ли уже король, а когда ей отвѣтили, что онъ еще дышитъ, но не переживетъ дня, гордо воскликнула:

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ никто не смѣетъ приказывать! Пусть знаютъ мои враги, что я ихъ не боюсь! Когда короля больше не будетъ въ живыхъ, потеря эта доставитъ мнѣ слишкомъ много горя для того, чтобы я была чувствительна къ досадѣ, которую мнѣ хотятъ причинить.

Это была послѣдняя вспышка прежней власти. Молодой король Франциск II приказалъ ей сказать, что, вслѣдствіе своего гибельнаго вліянія на короля, она заслужила строгое наказаніе, но въ своей королевской милости онъ рѣшилъ оставить ее въ покоѣ и требуетъ только, чтобы она возвратила драгоцѣнности, полученныя отъ Генриха II. Такимъ-то образомъ, брилліанты и другія украшенія, попавшіе изъ рукъ графини Шатобріанъ въ руки герцогини д'Этампъ, а потомъ въ руки Діаны Пуатье, вернулись въ королевскую казну, чтобы украшать потомъ головы другихъ фаворитокъ.

Діана покорно подчинилась судьбѣ. Она удалилась въ свой замокъ «Анэ», гдѣ и умерла 22 апрѣля 1566 года на 67 году жизни, покинутая почти всѣми прежними друзьями. По свидѣтельству Брантома, она была прекрасна до послѣдней минуты. Передъ смертью она основала нѣсколько больницъ, отдавъ, по выраженію Шатонефа, Богу то, что взяла у міра. Въ церкви замка «Анэ» ей поставили памятникъ съ ея статуею изъ бѣлаго мрамора. Статуя эта теперь въ Луврскомъ музеѣ. Изъ обѣихъ ея дочерей отъ брака съ графомъ Брезе одна вышла замужъ за герцога Бульонскаго, а другая — за герцога Омальскаго. Діана увѣковѣчена на многихъ портретахъ и въ скульптурныхъ произведеніяхъ. Жанъ Гужонъ изобразилъ ее въ видѣ торжествующей обнаженной охотницы, обнимающей шею таинственнаго оленя.

Людовикъ XIV.

Діана Пуатье была знаменіемъ времени. Если при Франциск I французская галантность носила характеръ рыцарской вѣжливости, то при Генрихѣ III она замѣнилась такою грязью, которая напоминала времена Калигулы, Нерона и Элагабала. Противоестественные пороки царили повсюду и совершенно открыто. По словамъ Шерра, король Генрихъ III даже формально женился, по примѣру Нерона, на одномъ изъ своихъ «миньоновъ». Генрихъ IV не отступалъ отъ своего предшественника, хотя въ заслугу ему можетъ быть поставлено то, что въ порокахъ онъ, по крайней мѣрѣ, выбралъ естественные пути. При меланхолическомъ Людовикѣ XIII при дворѣ наступила нѣкоторая перемѣна, но основной тонъ отношеній былъ тотъ же, что при Генрихѣ IV. Только благодаря этому властному правителю Франціи кардиналу Ришелье могла придти въ голову курьезная мысль балетными прыжками завоевать сердце королевы Анны Австрійской.

Больше успѣха въ этомъ направленіи имѣлъ его преемникъ Мазарини, вмѣстѣ съ которымъ во Франціи опять водворился «итальянскій порокъ». Дамы вели себя непринужденно, слишкомъ уже непринужденно, какъ можно судить по примѣру вдовы Людовика XIII, которую обвиняли въ нѣжныхъ сношеніяхъ съ Мазарини. Бесѣдуя однажды съ г-жею Готфоръ, она сказала, что обвиненіе это совершенно неосновательно, такъ какъ Мазарини женщинъ не любитъ, «а не любитъ онъ ихъ,—прибавила она съ улыбкою,—потому что онъ итальянецъ»*). Чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Во время регентства Анны Австрійской положеніе было то же. Порокъ не осуждался. Наоборотъ, такія изящныя грѣшницы, какъ Нинонъ де-Ланкло, считались даже образцами всякихъ добродѣтелей. Достаточно сказать, что матери водили къ ней дѣтей для того, чтобы онѣ научались у нея хорошему тону. Такіе моралисты, какъ Мольеръ, то-и-дѣло восхвалявшіе добродѣтели и порицавшіе пороки, не только не находили въ поведеніи этой гетеры ничего предосудительнаго, но прямо возводили на пьедесталъ. Отецъ французской комедіи даже увѣковѣчилъ Нинонъ де-Ланкло въ Селименѣ, кокетливой женщинѣ, которая вся дышитъ нѣгою и обаяніемъ.

Нинонъ де-Ланкло.

Сама королева ничего не имѣла противъ того, чтобы ея почетныя дамы вступали въ предосудительныя любовныя связи. Такъ, одна изъ нихъ, m-lle де-Гверчи, даже нѣсколько разъ дѣлалась матерью, и всетаки это не мѣшало ей сохранить мѣсто почетной дамы. Нужно ли удивляться, что когда вступилъ на престолъ Людовикъ XIV, онъ нашелъ уже воздѣланную почву для своихъ сластолюбивыхъ наклонностей?

Теперь, черезъ много лѣтъ послѣ смерти Людовика XIV, мы знаемъ, что представляло его царствованіе. Суровый приговоръ Бокля, подведшаго итогъ блестящей дѣятельности «великаго» короля, могъ бы служить прекрасной характеристикой для всего періода французской исторіи, ознаменовавшагося расцвѣтомъ женскаго вліянія. Царствованіе было бѣдное, несмотря на весь его блескъ. Наука, литература, искусства стали возрождаться только въ послѣдніе его годы. Войны не принесли никакой пользы. А все же эпоха правленія Людовика XIV останется яркимъ пятномъ на фонѣ всемірной исторіи. И яркость эта позаимствована только у женщинъ, веселымъ хороводомъ кружившихся

*) I Scherr, S. 79.

вокругъ королевскаго престола. Онѣ оживляли французскую жизнь, давали тонъ Европѣ, обезпечивали безсмертіе всѣмъ, съ которыми приходили въ соприкосновеніе. Теперь еще какъ живы всѣ перипетіи ихъ бурной и сладострастной жизни, какъ интересуется ими исторія, какъ жадно роется она въ архивной пыли, чтобы выяснить какой-нибудь мелкій фактъ или побочную подробность. И трудно сказать, что представляло бы правленіе Людовика XIV со всѣми его пышными торжествами, шумными побѣдами, со всей этой яркой декораціей дипломатическихъ интригъ, парадныхъ пріемовъ и фантастическихъ баловъ, если бы вокругъ него, какъ огненные языки вокругъ пылающаго дерева, не поднимались безсмертные типы Ментенонъ, Лавальеръ, Монтеспанъ съ ихъ неизсякаемымъ источникомъ веселой суеты и очаровательной женственности?

Людовику XIV какъ бы на роду было написано быть баловнемъ счастья. Самое рожденіе его, послѣ двадцати пяти лѣтъ супружеской жизни его родителей, могло служить хорошимъ предзнаменованіемъ. Пяти лѣтъ отъ роду онъ уже сдѣлался наслѣдникомъ прекраснѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ престоловъ Европы. Франція находилась тогда во главѣ культурныхъ движеній времени. Благодаря королевамъ Маріи Медичи (итальянкѣ) и Аннѣ Австрійской (испанкѣ), цивилизація Италіи и Испаніи была перенесена на французскую почву и дала тамъ могучіе ростки. Другія женщины завершили остальное. Въ знаменитомъ отелѣ Рамбулье собирались дамы и поэты, соединившіеся между собою и составившіе нѣкоторымъ образомъ идейную школу, которая навела Ришелье на мысль учредить академію наукъ. Сорбонна существуетъ еще и теперь, продолжая считаться крупной умственной силой. Дамы отеля Рамбулье, во главѣ которыхъ находилась прекрасная герцогиня Лонгевилль, дѣйствовали главнымъ образомъ прелестью своихъ рѣчей. Бесѣда ихъ была фейерверкомъ, искры котораго разлетались въ разныя стороны и повсюду производили пожаръ. Не только литература, но и политика приводилась ими въ движеніе. Остроты, исходившія изъ отеля Рамбулье, были причиною войнъ фронды, едва не опрокинувшихъ все правленіе ребенка-короля. Его матери и совѣтнику ея Мазарини пришлось увезти ребенка и тѣмъ спасти его. Франція едва не погибла отъ внутреннихъ распрей.

Къ счастью, король во-время взялъ бразды правленія въ руки и, благодаря участію женщинъ, его главныхъ, если не единственныхъ совѣтницъ, поднялъ страну на головокружительную высоту могущества и блеска. Его вскорѣ начали называть «королемъ-солнцемъ». Его обожали. Высокаго роста, красавецъ съ темными локонами, правильными чертами, цвѣтущимъ лицомъ, изящными манерами, величественной осанкою, къ тому же повелитель великой страны, онъ дѣйствительно производилъ неотразимое впечатлѣніе. Ко всему этому нужно представить любящее сердце, быстро воспламенявшееся въ присутствіи смазливаго личика. Могли ли не любить его женщины? Могли ли не тянуться онѣ къ нему, какъ тянутся милліоны подсолнечниковъ къ своему яркому божеству—солнцу?

Въ молодые годы Людовикъ питалъ нѣжное чувство къ Маріи Манчини, племянницѣ кардинала Мазарини, и думалъ даже жениться на ней. Но Мазарини былъ не своекорыстенъ. Государственные интересы

у него царили надъ личными. Онъ самъ воспротивился браку короля со своею племянницею, хотя, конечно, бракъ этотъ могъ бы поднять его еще выше въ смыслѣ власти и престижа. Мазарини требовалъ, чтобы Людовикъ женился на испанской принцессѣ, инфантѣ Маріи-Терезѣ. Въ то же время онъ поспѣшилъ выдать свою прекрасную, но честолюбивую племянницу за коннетабля Колонну. Такъ какъ и сестра ея, Олимпія Манчини, была также опасна для Людовика, благодаря своей красотѣ, то онъ и ее выдалъ за графа Суассонскаго. Олимпія эта впослѣдствіи пріобрѣла большое вліяніе при дворѣ и даже вмѣшивалась въ любовныя дѣла короля. Она прославилась, между прочимъ, своими отношеніями къ знаменитой изготовительницѣ ядовъ Вуазенъ, у которой, какъ говорили, пріобрѣла составъ для отравленія мужа и нѣкоторыхъ придворныхъ, за что ее и выслали изъ Франціи.

Планъ Мазарини удался: Людовикъ женился на Маріи-Терезѣ. Это была неинтересная, робкая, спокойная женщина, которая на вопросъ духовника: «Нравился ли тебѣ кто-нибудь изъ рыцарей, окружавшихъ престолъ твоего отца?» —отвѣчала: «Нѣтъ, отецъ мой, вѣдь среди нихъ не было ни одного короля!». Любя тишину и уединеніе, она дни свои проводила въ молитвѣ, чтеніи испанскихъ книгъ или въ бесѣдѣ съ королевою-матерью Анною Австрійскою. По цѣлымъ ночамъ, бывало, она ждетъ вмѣстѣ со своею камеристкою возвращенія короля, перепархивавшаго въ то время отъ одной возлюбленной съ другой. Конечно, жена забрасывала его вопросами, гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ. Людовикъ цѣловалъ ей руки съ такихъ случаяхъ и ссылался на государственныя дѣла. «Мы же,—говоритъ въ своихъ мемуарахъ герцогиня Монпансье и о другихъ дамахъ, присутствовавшихъ однажды при такой сценѣ,— опустили глаза и начали приводить въ порядокъ манжеты, чтобы скрыть улыбку».

Улыбка означала, что король былъ въ кругу веселыхъ дамъ, которыми окружала себя столь же веселая жена брата короля, герцогиня Орлеанская, Генріетта. Домъ этой женщины былъ въ то время самымъ блестящимъ и жизнерадостнымъ. Старые дни романтизма какъ бы ожили въ Фонтенебло со всѣмъ ихъ великолѣпіемъ, пѣснями и любовными приключеніями. Празднества продолжались по цѣлымъ ночамъ. Цвѣточныя гирлянды окружали рамы оконъ и порталы замка, лампочки висѣли на деревьяхъ; рыцари и дамы бродили по аллеямъ, оглашая воздухъ веселымъ смѣхомъ, пока, наконецъ, лампочки не погасали и бѣлыя ткани жаждущихъ любви женщинъ не обливались серебристымъ свѣтомъ луны. Людовикъ, который еще не предчувствовалъ, что ему придется со временемъ поплатиться за грѣхи молодости, никогда не покидалъ этихъ увлекательныхъ празднествъ. Держа въ рукахъ шляпу съ бѣлыми перьями, онъ неотлучно сопровождалъ ея экипажъ, когда она ночью медленно ѣхала по парку. Только свѣжесть воздуха охлаждала горячіе лбы обоихъ молодыхъ людей и еще болѣе горячія мысли, бродившія подъ ними; только шумъ фонтановъ врывался въ ихъ тихій разговоръ...

Но въ то время, когда король галантно нашептывалъ герцогинѣ слова любви, изъ круга дамъ, окружавшихъ очаровательную женщину, устремлялась на него пара дивныхъ глазъ, какъ бы старавшихся своимъ магическимъ свѣтомъ пронизать сердце вѣнценоснаго

поклонника прекраснаго пола и притянуть его къ себѣ. Это была Луиза де-Лавальеръ.

Не сразу, не вдругъ завладѣла Лавальеръ сердцемъ Людовика XIV. Онъ любилъ многихъ. Тутъ была и дѣвица Шемеро съ большими черными глазами, и дѣвица де-Понсъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшая изъ провинціи и представленная королевѣ ея родственникомъ, маршаломъ д'Альбретомъ. Но онъ всетаки полюбилъ въ концѣ концовъ Луизу Лавальеръ, единственную изъ его возлюбленныхъ, отвѣчавшую ему искренней взаимностью. Она, по выраженію г-жи Кайлюсъ, любила именно короля, а не его величество. И такимъ-то образомъ въ садахъ Фонтенебло началась одна изъ трогательнѣйшихъ любовныхъ исторій, трогательныхъ потому, что она была освящена истиннымъ чувствомъ — обстоятельство столь рѣдкое при французскомъ дворѣ того времени, гдѣ брилліанты, цвѣты, кружева играютъ главную, если не единственную роль въ сердечныхъ дѣлахъ.

Луиза Лавальеръ.

Лавальеръ не была красавицею. На лицѣ у нея были нѣкоторые слѣды оспы, она даже немного хромала и очаровательною выглядѣла только тогда, когда сидѣла на лошади. Г-жа Лафайетъ, написавшая краткую біографію герцогини Орлеанской, разсказываетъ, что въ Лавальеръ былъ влюбленъ графъ Гишъ; но онъ благоразумно отступилъ на задній планъ, когда замѣтилъ, что король къ ней неравнодушенъ. Гишъ привязался тогда къ Генріеттѣ Стюартъ, которую король оставилъ, и связь эта кончилась романтически: онъ былъ высланъ, а она умерла—исторія, вполнѣ соотвѣтствовавшая эпохѣ романтизма. Почти такой же жребій постигъ также и министра финансовъ Фукэ, полюбившаго Лавальеръ не менѣе страстно, чѣмъ Гишъ. Это тотъ именно Фукэ, который построилъ великолѣпный дворецъ въ Во съ мраморными лѣстницами, позолоченными залами и волшебнымъ садомъ, достойнымъ того, чтобы въ немъ гуляли боги, какъ пѣлъ одинъ поэтъ того времени. Въ этомъ замкѣ Фукэ устроилъ 16 августа 1661 года въ честь короля роскошный праздникъ, на которомъ была впервые исполнена комедія Мольера «Les fâcheux». Ночью садъ былъ освѣщенъ сотнями лампочекъ, имѣвшихъ форму большихъ лилій съ открытыми чашечками. Во время этого-то праздника Людовикъ открылся Луизѣ въ любви. Она ничего не отвѣтила, но ея обворожительный взглядъ сказалъ все. Между тѣмъ, тотъ же праздникъ погубилъ Фукэ. Онъ также

влюбился въ Лавальеръ и черезъ свою подругу Дюплесси-Бельеръ велѣлъ ей сказать, что у него есть для нея 20.000 пистолей. Однако, Лавальеръ, бывшая въ то время еще очень бѣдною, така какъ она только недавно пріѣхала изъ провинціи и не имѣла еще связей при дворѣ, спокойно, но рѣшительно отвѣтила, что она не продаетъ своей любви даже за 20 милліоновъ. Замѣтивъ вскорѣ, что король остановилъ благосклонное вниманіе на предметѣ его сердца, Фукэ со стѣсненнымъ сердцемъ захотѣлъ, по крайней мѣрѣ, разыграть роль ея довѣреннаго лица; но Лавальеръ, не желая открыть такому человѣку свою тайну, разсказала все королю. Судьба могущественнаго министра была рѣшена: онъ былъ заключенъ въ Пиньероль, гдѣ и оставался до конца жизни. На гербѣ его знаменитаго дворца красовалась надпись: «Quo non ascendam?» (куда я ни взберусь). Фукэ хотѣлъ дѣйствительно взобраться на такую же высоту, на которой находились раньше Ришелье и Мазарини; но онъ могъ только достигнуть оконъ пиньерольской тюрьмы.

Сойдясь съ Лавальеръ, Людовикъ какъ бы ожилъ душою. Онъ писалъ ей нѣжныя записки и мадригалы, расточалъ любезности при встрѣчахъ, осыпалъ подарками. Въ свою очередь и Луиза его страстно любила. Она все забыла для него. Если ей нельзя было быть съ нимъ вмѣстѣ, она утѣшалась тѣмъ, что разсказывала про него своей единственной подругѣ Монталэ, остроумной дѣвушкѣ, хотѣвшей играть большую роль въ высшемъ обществѣ. Еще въ Блуа она жила вмѣстѣ съ Луизою при дворѣ овдовѣвшей герцогини Орлеанской и тогда уже знала всѣ ея тайны. Между прочимъ, ей было извѣстно, что въ Луизу влюбился одинъ провинціальный дворянинъ, который и написалъ ей нѣсколько любовныхъ писемъ. Отношенія между молодыми людьми продолжались недолго, такъ какъ мать Луизы все узнала и возвратила провинціальному воздыхателю его письма. Монталэ какъ-то проболталась объ этой платонической связи, и ея разсказъ дошелъ до ушей Людовика. Какъ вспылилъ король, когда узналъ эту исторію! Онъ бросился къ ней. Произошла бурная бесѣда. Она клялась ему, что онъ ея первая любовь, что у нея нѣтъ и не будетъ никакихъ тайнъ для него, а вотъ оказывается, что тайна есть, что она его обманула. Ни слезы, ни мольбы, ни клятвы не помогли. Людовикъ ушелъ. Лавальеръ ждала его до полуночи, помня клятву, которую они дали другъ другу—никогда не оставлять ссоры до слѣдующаго дня. Но онъ не явился. Измученная, больная, съ разбитымъ сердцемъ, она отправилась рано утромъ въ монастырь Сенъ-Клу. Королю во время обѣдни сообщили о ея бѣгствѣ. Въ сопровожденіи трехъ лицъ, закутавъ голову плащомъ, Людовикъ поѣхалъ въ монастырь. Черезъ часъ влюбленные уже вели нѣжную бесѣду. Все было забыто, и оба торжественно вернулись во дворецъ.

Съ этого момента начинается величіе Лавальеръ. Для нея былъ построенъ Версаль, устраивались торжества и сочинялись пѣсни. Все, что могло придумать воображеніе, пускалось въ ходъ, лишь бы угодить фавориткѣ, которой, впрочемъ, ничего не нужно было, кромѣ королевской любви. До какой степени любилъ ее Людовикъ, видно изъ того, что однажды во время родовъ онъ самъ поддерживалъ ее въ критическую минуту. Среди страшныхъ мученій Луиза бросилась ему

на шею и разорвала его воротъ изъ драгоцѣнныхъ англійскихъ кружевъ, стоившихъ 10.000 фунтовъ. Затѣмъ она упала въ обморокъ.

— Она умерла!—воскликнула въ ужасѣ г-жа де-Шуази, оказывавшая ей помощь.

У короля брызнули изъ глазъ слезы.

— Возвратите ее мнѣ и возьмите все, что у меня есть!—крикнулъ онъ.

Однако, какъ ни любила Лавальеръ короля, его отношенія къ ней доставляли ей истинное горе. Она тяготилась незаконностью этихъ отношеній и всегда краснѣла, когда королева устремляла на нее глаза. Вечеромъ того же дня, когда родился у нея первый ребенокъ, она явилась на балъ къ герцогинѣ Орлеанской, въ бальномъ платьѣ и съ цвѣтами въ волосахъ.

— Лучше умру,—сказала она предупреждавшему ее врачу,—чѣмъ вызову подозрѣніе, что я—мать.

Тогда еще жила Анна Австрійская и изъ боязни передъ нею Людовикъ XIV самъ скрывалъ, что у него родились отъ Лавальеръ двое дѣтей. Свидѣтелями при крещеніи были какіе-то мелкіе, никому неизвѣстные люди. Одинъ изъ нихъ поставилъ даже рядомъ съ именемъ въ церковномъ спискѣ слово «бѣднякъ», какъ бы этимъ обозначая свое званіе. Эти дѣти умерли еще въ нѣжномъ возрастѣ. Одинъ ребенокъ родился у нея мертвымъ, потому что мать испугалась грома. «Это поистинѣ не доказываетъ,—писала по этому поводу принцесса Монпансье,—что отецъ былъ такимъ великимъ воиномъ».

Къ стыду, который испытывала сама Лавальеръ, присоединились еще интриги. Ей завидовали. Ее хотѣли унизить, погубить. Поддѣльныя письма посылались королевѣ, чтобы сдѣлать положеніе Луизы при дворѣ невозможнымъ. Когда однажды Лавальеръ проходила мимо королевы, послѣдняя по-испански сказала г-жѣ Мотвиль:

— Видите эту дѣвушку съ драгоцѣнными серьгами? Она любитъ короля.

Но Лавальеръ дѣйствительно любила. И любовь ея была тѣмъ болѣе искренна, что она чуждалась всякой корысти. Она никогда не пользовалась своимъ вліяніемъ, никогда не просила о какихъ-либо милостяхъ ни для себя, ни для кого бы то ни было изъ родныхъ. Если кто-нибудь ее оскорблялъ, она относилась къ нему еще болѣе благосклонно. Она за всѣхъ ходатайствовала, которые попадали въ немилость изъ-за нея. А когда, въ 1667 году, Людовикъ возвелъ въ герцогство имѣнія Вожурэ и два баронства въ Турени и Анжу и подарилъ ихъ Луизѣ «за ея добродѣтель, красоту и рѣдкое совершенство, какъ знакъ его склонности къ ней», иными словами, сдѣлалъ придворную даму герцогинею, усыновивъ въ то же время ея обоихъ дѣтей (послѣднихъ), графа Вермандуа и Анну Бурбонскую, Луиза Лавальеръ была только опечалена.

— Отнынѣ,—воскликнула она съ отчаяніемъ,—всѣ знаютъ мой позоръ!

Но сознаніе того, что всѣмъ извѣстенъ ея позоръ, только еще болѣе подогрѣло ея чувство. Вскорѣ послѣ возведенія Лавальеръ въ герцогское достоинство Людовикъ поѣхалъ къ сѣверной границѣ, чтобы двинуть оттуда свои войска на завоеваніе Фландріи и Брабанта. Это

былъ его первый военный походъ. Королева со штатомъ слѣдовала за нимъ. Она сидѣла за ужиномъ въ мальенькомъ городѣ Ла-Феръ, когда ей сообщили, что на слѣдующій день утромъ пріѣдетъ герцогиня Лавальеръ. Въ одну секунду она поднялась и удалилась, вся пылая гнѣвомъ; свита за нею. На слѣдующій день рано утромъ герцогиня Монпаньсе, отправляясь къ королевѣ, нашла въ передней Луизу Лавальеръ, которая сидѣла на чемоданѣ, усталая отъ быстрой ѣзды. Онѣ обмѣнялись только нѣсколькими словами. Королева была въ волненіи. Но, отвѣтивъ на поклонъ герцогини, она сѣла въ экипажъ. Ея придворныя дамы только и говорили, что о безстыдствѣ Лавальеръ. Атенаиса Монтеспанъ, время которой еще не наступило, воскликнула:

— Не дай мнѣ Богъ сдѣлаться любовницею короля! Но если бы мнѣ даже пришлось быть настолько несчастною, я никогда не забыла бы въ такой степени всякій стыдъ, никогда бы такъ не навязывалась королевѣ!

Тѣмъ временемъ экипажи поднялись на холмъ. Внизу, въ долинѣ, расположилась лагеремъ армія. Королева строго приказала, чтобы никто не ѣхалъ впереди нея, такъ какъ ей хотѣлось первою привѣтствовать короля. Однако, Луиза не обратила вниманія на этотъ приказъ и, стегнувъ коня, бросилась внизъ по скату холма. Королева вскрикнула. Окружающіе едва удержали ее въ экипажѣ.

— Остановите нахалку!—сказала она повелительнымъ голосомъ.

Но никто не рѣшался это сдѣлать, и королева съ холма могла видѣть, какъ Людовикъ бросился навстрѣчу возлюбленной, какъ онъ поздоровался съ нею, поцѣловалъ ея руки. Потомъ онъ медленно поднялся къ королевѣ, но послѣ привѣтствія не сѣлъ въ ея экипажъ, какъ она просила, сославшись на то, что онъ весь въ пыли. Королева съ трудомъ удержала слезы, и сердце ея сжалась, когда она увидѣла, что Людовикъ проѣхалъ рядомъ съ ея экипажемъ нѣсколько шаговъ, потомъ повернулъ лошадь, вѣжливо снялъ шляпу и галопомъ понесся къ ожидавшей его Луизѣ.

Недолго, однако, продолжалось счастье Лавальеръ. Въ Людовикѣ было слишкомъ много огня и страсти, чтобы онъ могъ много лѣтъ подрядъ оставаться рядомъ съ нею. Онъ охладѣлъ. Онъ сдѣлался равнодушенъ. И вдругъ на горизонтѣ придворной жизни взошла новая звѣзда, Атенаиса Монтеспанъ, женщина съ удивительными формами и столь же удивительнымъ умомъ. Для скромной Луизы мѣста уже не было. Она пробовала примириться съ новымъ положеніемъ. Смиренная духомъ, она безропотно переносила господство другой женщины, и ее нерѣдко можно было видѣть въ одномъ экипажѣ вмѣстѣ съ королевою и Монтеспанъ. «Три королевы», говорили въ народѣ. Но положеніе было ложное. Съ нимъ нужно было такъ или иначе покончить. Оставался единственный выходъ—монастырь. Но какъ отречься отъ жизни въ двадцать пять лѣтъ?

Въ февралѣ 1671 года Луиза бѣжала въ монастырь св. Маріи въ Шальо. Это была послѣдняя отчаянная попытка тронуть короля. Передъ бѣгствомъ она сообщила королю черезъ друга своего, маршала Бельфона, что уходитъ отъ свѣта, потому что потеряла милость короля, которому подарила свою юность. Король послалъ къ ней Кольбера, и она вернулась. Долго плакала она на груди у Людовика. Оба были

растроганы. Но недолго продолжалось новое счастіе. Звѣзда Монтеспанъ всходила все выше и выше. Къ тому же красота Лавальеръ начала увядать, а двѣ болѣзни, едва не сведшія ее въ могилу, еще болѣе отразились на ея внѣшности. Надо было вернуться въ монастырь, на этотъ разъ уже навсегда.

— Если меня тамъ ожидаютъ муки,—сказала она г-жѣ Ментенонъ, которая тогда была еще воспитательницею дѣтей Монтеспанъ,— то я буду вспоминать муки, которыя заставляли меня здѣсь испытывать эти люди.

Она имѣла въ виду Монтеспанъ и короля, котораго продолжала любить. «Дворъ промѣнять на монастырь, — писала она 8 февраля 1674 года маршалу,—для меня это не имѣетъ значенія; но увидѣть короля еще разъ—вотъ моя забота и горе». Свиданіе состоялось, но ничего не принесло хорошаго. Король холодно разстался съ нею. Надежды больше не было и она могла съ искреннимъ сердцемъ сказать маршалу:

— Я вижу каждый день, что будущее не принесетъ мнѣ здѣсь больше счастія, чѣмъ прошедшее и настоящее. Поэтому, какъ только дворъ уѣдетъ въ концѣ апрѣля, я также удалюсь и пойду по священному пути, ведущему къ небу.

Послѣдній вечеръ въ Версалѣ (19 апрѣля 1675 года) провела она въ комнатѣ Монтеспанъ. Тамъ же съ нею попрощались принцессы. Рано утромъ слѣдующаго дня она выслушала мессу и, вся закутанная, сѣла въ экипажъ и поѣхала въ монастырь кармелитокъ. Встрѣтивъ настоятельницу, она ей съ глубокимъ поклономъ сказала, что вручаетъ ей навсегда свободу, которою она такъ дурно воспользовалась до сихъ поръ. Затѣмъ она приняла имя: сестра Луиза милосердная. Все было кончено. «Теперь,—писала по этому поводу принцесса Монпансье,—она уже забыта. Она превосходная невѣста неба и, какъ говорятъ, у нея теперь много ума. Милость Божія творитъ больше, чѣмъ природа».

Но Лавальеръ не совсѣмъ была забыта. Если она удалилась отъ свѣта, то свѣтъ самъ врывался иногда къ ней. Такъ, въ 1676 году ее посѣтили королева и г-жа Монтеспанъ. Королева съ участіемъ спросила, дѣйствительно ли она такъ счастлива, какъ всѣ говорятъ.

— Счастлива,—отвѣтила она,—этого я не скажу, но зато я довольна.

При прощаніи Монтеспанъ у нея спросила.

— Имѣете ли что передать королю?

Луиза на мгновеніе поблѣднѣла, но она овладѣла собою и сказала:

— Скажите, сударыня, что вамъ угодно.

Въ монастырѣ она вела строгій образъ жизни и дѣйствительно старалась загладить грѣхи прошлаго. Когда, въ 1683 году, умеръ ея сынъ, графъ Вермандуа, она первое время была неутѣшна, но потомъ неожиданно спохватилась. «Столько слезъ,—сказала она епископу,— по поводу смерти сына, рожденіе котораго я недостаточно еще оплакала!». Какой образъ жизни вела она, видно изъ того, что, какъ разсказываютъ, она цѣлый годъ воздерживалась отъ воды, конечно, насколько было возможно. Такія испытанія надорвали ея слабый орга-

низмъ. Она начала болѣть. Мало-по-малу она сдѣлалась чистымъ воплощеніемъ любви къ Богу. Когда она говорила о Божьей милости, голосъ ея, восторженный и страстный, проникалъ въ душу. Тамъ же въ монастырѣ написала она книгу: «Размышленія о милосердіи Бога», проникнутую глубоко-религіознымъ настроеніемъ. Немудрено, что монахини считали ее святою, а когда она умерла, въ 1710 году, имъ казалось, что тѣло ея благоухало и было окружено ореоломъ.

Изъ шестидесяти шести прожитыхъ герцогинею Лавальеръ лѣтъ она тридцать пять провела въ монастырѣ. Вольтеръ имѣлъ полное право воскликнуть: «Кто наказалъ бы такую женщину даже въ томъ случаѣ, если бы она совершила самый дурной поступокъ, тотъ былъ бы тираномъ, и тысячи женщинъ добровольно выбрали бы ея участь!».

Графиня Монтеспанъ.

Людовикъ равнодушно узналъ о смерти своей бывшей возлюбленной. Она для него давно уже умерла и смерть ея явилась въ его глазахъ только подтвержденіемъ совершившагося факта. Къ тому же ему въ то время можно было думать не объ одной Лавальеръ, большая часть жизни которой прошла въ монастырскомъ уединеніи. Онъ могъ вспомнить еще и о маркизѣ Монтеспанъ, участь которой такъ живо напоминаетъ участь несчастной герцогини.

Графиня Монтеспанъ была женщина совершенно иного рода. Красавица въ истинномъ смыслѣ слова, она отличалась хитрымъ и коварнымъ характеромъ и, что хуже всего, не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое совѣсть. Она вкралась въ довѣріе къ Лавальеръ, но только для того, чтобы овладѣть сокровищемъ, которымъ та обладала. И ей удалось. Однажды, находясь вмѣстѣ съ королевскою фавориткою въ саду, она запѣла какую-то пѣсенку. Она пѣла для Лавальеръ, но пѣсня ея предназначалась для Людовика. И дѣйствительно, Людовикъ вскорѣ показался и сталъ разсыпаться передъ нею въ комплиментахъ. Затѣмъ онъ отвелъ ее въ сторону и шепотомъ попросилъ придти во дворецъ въ такой-то день и часъ. Монтеспанъ не заставила себя просить долго и въ указанное время уже была во дворцѣ. Что было дальше, мы не знаемъ. Извѣстно только, что мужъ Монтеспанъ въ тотъ же день тщетно ждалъ возвращенія очаровательной супруги. Она не явилась. Цѣлую ночь провелъ онъ въ тревогѣ и, наконецъ, изъ отвѣтовъ на его вопросы убѣдился, чт

жена его въ объятіяхъ короля. Вырвать хорошенькую женщину изъ этихъ объятій было очень трудно, онъ зналъ это прекрасно, и огорченный мужъ уѣхалъ въ деревню. Цѣлые три мѣсяца провелъ онъ наединѣ съ природою въ ожиданіи возвращенія блудной жены, а когда она всетаки не явилась, вернулся въ Парижъ, облекся въ трауръ и отправился во дворецъ. Удивленный необычнымъ костюмомъ своего гостя, король спросилъ, что это значитъ. Мужъ-рогоносецъ отвѣтилъ:

— Ваше величество, у меня умерла жена.

Король засмѣялся, но возвращеніе мужа ему всетаки не понравилось, и незваный гость долженъ былъ переѣхать на жительство въ Бастилію, а потомъ отправиться въ свое имѣніе, гдѣ онъ умеръ въ декабрѣ 1771 года.

Началось царство Монтеспанъ. Портретъ даетъ только смутное понятіе о ея красотѣ. Это была истинная красавица. Во всей Франціи не было женщины, которая могла бы сравниться съ нею. Но съ удивительной красотой она соединяла въ себѣ легкомысліе, страстность, мстительность, жажду власти, злость и капризы. Король былъ весь у нея въ рукахъ и принужденъ былъ часто покорно переносить буйные припадки ея гнѣва. Она устраивала живыя игры въ карты, причемъ въ роли картъ выступали придворные кавалеры и дамы, а самыя игры носили особый чувственный характеръ. Королю доставляло большое удовольствіе смотрѣть, какъ его «королева» забавляется въ своихъ позолоченныхъ покояхъ, окруженная цѣлымъ стадомъ овечекъ, или какъ она запрягаетъ въ миніатюрный экипажъ дрессированныхъ мышей и даетъ имъ кусать свои пухлые пальцы. Въ этихъ случаяхъ онъ приводилъ къ ней министровъ, предлагая имъ полюбоваться «играющимъ ребенкомъ», а кстати посовѣтоваться съ этимъ ребенкомъ о самыхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Вся Франція была у ногъ Монтеспанъ. Она издѣвалась даже надъ самою королевою, которую король заставлялъ ежедневно встрѣчаться со своей метрессой. Переправляясь однажды черезъ рѣку въ бродъ, королева съ ужасомъ увидѣла, что дно ея экипажа покрывается водою. Когда Монтеспанъ узнала объ этомъ, она съ хохотомъ сказала:

— Если бы мы тамъ были, то, навѣрно, стали бы кричать: «Королева изволитъ пить!».

На портретѣ Миньяра Монтеспанъ выглядѣла замѣчательно красивою въ своемъ красномъ платьѣ, усѣянномъ жемчугомъ и кружевами, и съ краснымъ перомъ въ густыхъ бѣлокурыхъ волосахъ. Веселаго нрава, она унаслѣдовала легкомысленное отношеніе къ жизни отъ отца, искавшаго вездѣ и во всемъ одни только удовольствія, и ничего не заимствовала отъ матери, набожной женщины, проводившей большую часть времени въ церкви. Отецъ Монтеспанъ находилъ этотъ бракъ очень хорошимъ, такъ какъ, говорилъ онъ, «никогда, по крайней мѣрѣ, не видишь жены». И въ самомъ дѣлѣ они никогда не видѣлись: она проводила дни въ храмѣ, а онъ ночи въ кутежахъ. Подъ вліяніемъ такого отца будущая фаворитка не могла запастись высоконравственными взглядами на жизнь, и вотъ почему, сдѣлавшись придворною дамою, она всѣ мысли обратила на то, какъ бы привязать къ себѣ Людовика. Вернувшись изъ похода въ Фламандію, король сказалъ маркизѣ Лавальеръ, въ то время еще занимавшей первое мѣсто въ его сердцѣ:

— Видите, какъ г-жа Монтеспанъ подбирается ко мнѣ! Ей очень хочется, чтобы я ее полюбилъ, но этого я не сдѣлаю.

И дѣйствительно, первое время Людовикъ не хотѣлъ вступать въ серьезную связь съ Монтеспанъ. Ему нравилась любовь не веселая, не смѣющаяся, а глубокая и романтическая. Какъ удачно выражается о немъ Арсенъ Гуссэ, въ немъ было больше романическаго героизма, чѣмъ настоящаго героизма. Въ концѣ концовъ, однако, онъ поддался ея чарамъ, и результатомъ этого явились 6 новыхъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Сначала думали, что, вслѣдствіе маленькаго роста, Монтеспанъ не будетъ въ состояніи произвести на свѣтъ Божій ни одного ребенка. На дѣлѣ, однако, оказалось совсѣмъ иное. Отъ связи съ Монтеспанъ у Людовика родились: въ 1670 году сынъ Людовикъ-Августъ Бурбонскій, герцогъ де-Мэнъ, принцъ Дондъ; въ 1671 году сынъ Людовикъ-Цезарь Бурбонскій, графъ Вексенскій; въ 1673 году Людовика-Франциска Бурбонская; въ 1676 году Людовика-Анна Бурбонская; въ 1678 году Людовикъ-Александръ Бурбонскій, графъ Тулузскій; въ 1681 году Франциска-Марія Бурбонская. Когда послѣдняя вышла замужъ за герцога Шартрскаго, позднѣе герцога Орлеанскаго, король поднесъ ей въ видѣ свадебнаго подарка 2 милліона и, кромѣ того, драгоцѣнныхъ украшеній на 200.000, а мужу, помимо 50.000 кронъ, которыя онъ получалъ, какъ принцъ крови, еще пенсію въ 50.000 вмѣстѣ съ королевскимъ дворцомъ въ Парижѣ. Все это свидѣтельствуетъ о несомнѣнно сильномъ чувствѣ, которое Монтеспанъ сумѣла внушить королю и которое не погасло черезъ много лѣтъ совмѣстной жизни.

Однако, всему бываетъ конецъ. Десять лѣтъ бурной жизни что-нибудь да значатъ. У короля начали притупляться нервы. Въ то же время заговорилъ голосъ совѣсти. Вѣдь онъ усыновилъ шестеро дѣтей, рожденныхъ въ двойномъ прелюбодѣяніи! Ко всему этому присоединились протесты духовенства. Когда Людовикъ жилъ безпечно, раздѣляя брачное ложе между королевою и фавориткою, оно молчало, хотя преступленіе было неслыханное; когда же онъ самъ сталъ колебаться, оно выступило въ лицѣ ближайшихъ къ королю представителей впередъ и заговорило голосомъ упрека. Одинъ іезуитъ рѣшился даже намекнуть королю, на примѣръ прелюбодѣянія царя Давида съ Батсебою и громко крикнуть ему въ церкви: «Tu es ille vir!» (ты дурной человѣкъ). На суевѣрнаго Людовика это произвело большое впечатлѣніе. Духовнику онъ вѣрилъ безусловно и поэтому рѣшилъ положить конецъ своей незаконной связи. Онъ началъ убѣждать возлюбленную, что имъ нужно разстаться, что это безусловно необходимо для спасенія ихъ душъ. Монтеспанъ со стѣсненнымъ сердцемъ соглашалась. Однако, разстаться нельзя было сразу. Монтеспанъ слишкомъ понимала, что она теряетъ. Въ свою очередь и Людовикъ былъ слишкомъ привязанъ къ метрессѣ, отъ которой у него родилось столько дѣтей. И вотъ началась трогательная по понятіямъ того времени исторія: чтобы привыкнуть къ разлукѣ, Людовикъ и Монтеспанъ начали предпринимать поѣздки въ разныя стороны. Однако, какъ только они возвращались, между ними завязывались прежнія сношенія. Нѣсколько разъ продѣлывался одинъ и тотъ же опытъ, но все напрасно. Чтобы не огорчить духовника, которому король обѣщалъ во что бы то ни стало разойтись съ любовницею, отъ

него было скрыто, что у Людовика родились отъ Монтеспанъ еще двое дѣтей, уже послѣ обѣщанія.

Въ концѣ концовъ король началъ скучать въ обществѣ Монтеспанъ. Его тяготила глубокая привязанность, о которой онъ вовсе не думалъ, когда сходился съ маркизою, тяготили также сцены ревности, которыя она устраивала ему, когда онъ позволялъ себѣ какую-нибудь случайную «измѣну». И въ одно прекрасное время онъ рѣшился.

Впрочемъ, у Людовика былъ неотразимый импульсъ---вдова поэта Скаррона, Франсуаза, извѣстная больше подъ именемъ г-жи де-Ментенонъ. Она была внучка Агриппы д'Обинье, знаменитаго фаворита Генриха IV. Отецъ ея провелъ много лѣтъ въ тюрьмѣ, куда онъ попалъ за измѣну, стоившую Франціи ея владѣній въ Америкѣ. Въ тюрьмѣ же и родила ему жена, бывшая дочерью тюремнаго сторожа, будущую фаворитку (въ 1635 году). Дѣвочкѣ было три года, когда отецъ, выпущенный, наконецъ, изъ тюрьмы, уѣхалъ въ Америку, гдѣ у него были помѣстья. Тамъ на берегу одной рѣки она едва не погибла отъ укуса ядовитой змѣи: своевременная помощь спасла ее. Осиротѣвъ, дѣвочка двѣнадцати лѣтъ вернулась въ Парижъ, гдѣ поселилась у родственницы Нельянъ. Зависимость ее мучила и поэтому она охотно приняла предложеніе стараго поэта Скаррона, писателя, обладавшаго оригинальнымъ умомъ и пользовавшагося огромной извѣстностью во Франціи, благодаря своимъ сатирическимъ произведеніямъ. Сатира его для людей, знавшихъ поэта, получала своеобразный отпечатокъ въ виду того, что онъ самъ былъ калѣка. Во всякомъ случаѣ молодой дѣвушкѣ не пришлось жаловаться на судьбу. Талантъ мужа и ея рѣдкая красота, соединенная съ природнымъ умомъ, сдѣлали то, что домъ будущей метрессы короля сдѣлался средоточіемъ умственной и аристократической знати того времени. О ней начали говорить, какъ о рѣдкой женщинѣ. Представители лучшаго общества заискивали передъ нею.

Г-жа де-Ментенонъ.

Но ударъ разразился скоро: умеръ Скарронъ. Франсуаза тотчасъ же почувствовала гнетъ новаго положенія. Она обѣднѣла, такъ какъ со смертью мужа прекратилась пенсія, которую онъ получалъ. Спасла ее маркиза Монтеспанъ, съ которою она познакомилась, будучи вдовою. Она выхлопотала ей у короля ежегодную пенсію въ 2.000 ливръ, а вскорѣ

взяла ее къ себѣ въ качествѣ воспитательницы дѣтей. Впослѣдствіи маркиза Монтеспанъ пожалѣла объ этомъ, но было уже поздно.

Хитрая Ментенонъ сразу поняла, что можно воспользоваться положеніемъ и достигнуть блестящихъ успѣховъ. Она тотчасъ же повела аттаку на короля; но король оставался равнодушенъ. Онъ былъ пресыщенъ. Тогда Ментенонъ прибѣгла къ другому средству: она сдѣлала видъ, что сильно привязалась къ дѣтямъ короля, ввѣреннымъ ея воспитанію. Эти дѣти играли оригинальную роль въ жизни Людовика. Онъ ихъ любилъ больше законныхъ. Онъ любилъ въ сущности тѣхъ и другихъ, но любовь къ дѣтямъ Монтеспанъ соединялась у него съ сознаніемъ, что они, составляя плоть отъ его плоти такъ же, какъ и дѣти королевы, были въ то же время лишены правъ и преимуществъ, которыми пользовались его законныя дѣти. Этой слабостью ловко воспользовалась ловкая интриганка. Она окружила дѣтей Монтеспанъ рѣдкимъ попеченіемъ. Дни и ночи проводила она въ неусыпномъ надзорѣ за ними, не давая приставленной къ дѣтямъ прислугѣ на секунду отступить отъ своихъ обязанностей. Всѣ силы ея были обращены на то, чтобы предстать передъ королемъ въ ореолѣ особенно нѣжной воспитательницы, причемъ, конечно, старанія удвоивались, когда было основаніе думать, что придетъ король. Маневръ удался, и чадолюбивый Людовикъ однажды дѣйствительно былъ очень растроганъ, когда, войдя въ уединенную дѣтскую Монтеспанъ, увидѣлъ, какъ вдова Скаррона одной рукой поддерживаетъ бывшаго въ лихорадкѣ герцога де-Мэна, другою качаетъ мадмуазель де-Нантъ, а на колѣняхъ держитъ спящаго графа Вексенскаго. Въ результатѣ оказались повышеніе пенсіи, которую получала «самоотверженная» вдова, и подарокъ въ 100.000 ливровъ.

Первый шагъ оказался удачнымъ. Оставалось сдѣлать второй. Это произошло въ 1674 году, когда вдовѣ Скарронъ уже было сорокъ лѣтъ. Покинувъ уединеніе, въ которомъ жила до тѣхъ поръ, она переѣхала во дворецъ, чтобы быть ближе къ своей госпожѣ и покровительницѣ Монтеспанъ, а кстати уже и къ королю. Роль, выпавшая на ея долю, была очень подходящая. Повѣренная королевской любовницы, вдова поэта и недавняя гувернантка должна была служить посредницею между Монтеспанъ и Людовикомъ, приходя такимъ образомъ въ непосредственное соприкосновеніе съ предметомъ своихъ тайныхъ желаній. Теперь нужно было только обратить на себя его вниманіе. Но чѣмъ? Хитрая Ментенонъ не долго думала. Король еще любитъ Монтеспанъ, но уже тяготится ею, тяготится ея легкомысліемъ, извѣстной степенью безнравственности. Не разыграть ли роль святоши? И вдругъ вдова Скарронъ превращается въ образецъ благочестія и добродѣтели. Она думаетъ только о Богѣ. Ея уста шепчутъ молитвы. Изъ ея груди то-и-дѣло вырываются тяжелые вздохи. Она оплакиваетъ грѣхи человѣчества и свои слабости. Этимъ она сразу подстрѣливала двухъ зайцевъ: во-первыхъ, приковывала къ себѣ короля новизною настроенія и, во-вторыхъ, отнимала всякія подозрѣнія у Монтеспанъ, которой даже въ голову не приходило, чтобы такая добродѣтельная особа могла въ одно прекрасное время сдѣлаться любовницею Людовика. Тактика была удачная, и не успѣла еще Монтеспанъ хорошо присмотрѣться къ святошѣ-вдовѣ, какъ Людовикъ далъ ей титулъ маркизы де-Сюржеръ, а вскорѣ подарилъ имѣніе, отъ котораго она и получила имя Ментенонъ. Тутъ

только метресса спохватилась, но, какъ сказано, было уже поздно. Ментенонъ царила. Она увлекла и приковала къ себѣ Людовика своимъ смиреннымъ видомъ, мягкими рѣчами, вдохновенными проповѣдями. Она указывала королю на его ошибки, обращала вниманіе на вкореняющіеся въ обществѣ нравы, не забывая при этомъ очень искусно и самымъ незлобивымъ видомъ разоблачать слабости Монтеспанъ. Король не привыкъ къ такимъ рѣчамъ. Онѣ дѣйствовали на него неотразимо, такъ какъ до тѣхъ поръ онъ не слыхалъ ничего подобнаго, и поэтому невольно искалъ съ нею встрѣчи. Это еще болѣе поощряло Ментенонъ. Однажды король сдѣлалъ смотръ своимъ дворцовымъ войскамъ и остался очень доволенъ ими, особенно мушкатерами. Когда отъ высказался въ этомъ смыслѣ г-жѣ Ментенонъ, лисица повела носомъ въ знакъ того, что она нисколько не раздѣляетъ этого мнѣнія. Вечеромъ въ присутствіи всего двора король спросилъ ее, почему она такъ немилостиво относится къ его войскамъ.

— Потому,—отвѣчала святоша,—что во все время смотра меня не оставляла одна мысль.

— Какая?

— Я думала, что всѣ эти мушкатеры развратники, а ихъ начальникъ (т. е. самъ король) не лучше ихъ.

Король отвѣтилъ шуткою и вышелъ изъ окружавшей его группы. Ментенонъ послѣдовала за нимъ и, чувствуя, что ихъ никто не слышитъ, сказала:

— Вы все шутите, ваше величество. Мушкатеры вамъ очень нравятся. Но если бы кто-нибудь изъ нихъ похитилъ жену товарища и вы бы узнали объ этомъ, то, конечно, сегодня же ночью онъ не спалъ бы въ вашемъ дворцѣ, хотя бы онъ былъ самый храбрый изъ вашихъ мушкатеровъ, а похищенная имъ женщина—самая ничтожная изъ тварей.

Намекъ былъ слишкомъ ясный, но какъ могъ сердиться на нее Людовикъ? Во-первыхъ, ему нравилась эта «откровенная» рѣчь; во-вторыхъ, ему нравилась... сама Ментенонъ. Да, во время частыхъ бесѣдъ съ нею онъ успѣлъ увлечься ея тихимъ, вкрадчивымъ разговоромъ, ея высокимъ ростомъ, красивой фигурой, плавными движеніями и необычайно красивыми глазами. Живая по природѣ, она въ то же время умѣла быть сдержанною, и эта сдержанность особенно нравилась королю, который очень часто любилъ заигрывать съ придворными дамами, иногда даже обнимать ихъ и запечатлѣвать на ихъ устахъ мимолетный поцѣлуй, но къ г-жѣ Ментенонъ всегда чувствовалъ нѣкоторое почтеніе и при встрѣчѣ съ нею только вѣжливо ее привѣтствовалъ. «О, съ этою,—говаривалъ онъ иногда,—я никогда не позволю себѣ что-либо сдѣлать». И тѣмъ не менѣе онъ влюбился, т. е., собственно говоря, исполнилъ безсознательно волю той же Ментенонъ. Когда онъ открылъ ей сердце, хитроумная Ментенонъ, которая могла уже праздновать побѣду, нашла, что время еще не наступило. Она отвѣтила отказомъ, тонко давъ вмѣстѣ съ тѣмъ понять, что сама влюблена въ короля, но не можетъ примирить своихъ высокихъ понятій о добродѣтели съ преступной любовью. «Къ тому же,—прибавила она,—у васъ есть супруга. Ей одной принадлежитъ ваша любовь. И если вы обратитесь къ другимъ, отъ васъ отвернется небо». Это окончательно заставило короля понять, какая пропасть существуетъ между порочною, жаждущею однихъ земныхъ

благъ Монтеспанъ и богобоязненною Ментенонъ, отличающеюся самыми строгими правилами. Судьба метрессы была рѣшена.

Но Монтеспанъ не дремала. Она уже поняла, какая опасность грозитъ ея могуществу со стороны бывшей гувернантки, и пустила въ ходъ весь огромный запасъ рычаговъ, бывшихъ въ ея распоряженіи. Но и король уже былъ за Ментенонъ и, чтобы освободить ее отъ всякой зависимости отъ метрессы, назначилъ вдову почетной дамой при супругѣ дофина. Это еще болѣе возстановило маркизу Монтеспанъ. Она начала дѣлать упреки своей бывшей гувернанткѣ, обвиняя ее въ вѣроломствѣ, въ неблагодарности, но въ отвѣтъ слышала тихія, но рѣшительныя слова:

— Если вы меня упрекаете въ любви къ королю, то не забудьте, что упрекъ этотъ касается ошибки, въ которой вы же мнѣ дали примѣръ.

Въ отчаяніи Монтеспенъ бросилась къ королю. Она устроила ему мелодраматическую сцену ревности, указывала на дѣтей, но и отъ него ей не удалось выслушать ничего, кромѣ грустныхъ словъ, какъ бы звучавшихъ похоронною пѣснею:

— Сударыня, я вѣдь уже сказалъ вамъ, что цѣню спокойствіе. Насилія я не люблю.

Несчастной маркизѣ, у которой почва исчезала подъ ногами, нужно было пустить въ ходъ другое средство, и тутъ же началась цѣлая сѣть интригъ, направленныхъ къ тому, чтобы удалить Ментенонъ со двора во что бы то ни стало. Въ интригахъ участвовали министръ Лувуа и герцогиня Ришелье, почетная дама супруги дофина. Черезъ ихъ посредство послѣдняя узнала о далеко не безпорочной жизни Ментенонъ въ молодости, о ея бракѣ съ калѣкою Скарономъ, о ея сомнительныхъ любовныхъ исторіяхъ во время вдовства и таинственныхъ свиданіяхъ съ Людовикомъ. Возстановленная супруга дофина рѣшительно выступила противъ новой придворной дамы. Произошла рѣзкая ссора, для улаженія которой потребовалось вмѣшательство короля. Король, конечно, рѣшилъ дѣло въ пользу Ментенонъ, и виновниковъ интриги ждало удаленіе отъ двора; но Ментенонъ предпочла продолжать роль воплощенной добродѣтели и, выхлопотавъ у короля прощеніе, сама же возвѣстила соперницѣ, что избавила ее отъ позора изгнанія изъ стѣнъ дворца. Вмѣстѣ съ тѣмъ она скромно, но съ затаеннымъ злорадствомъ довела до ея свѣдѣнія, что отнять тайныя свиданія между нею и королемъ невозможно, что король согласенъ и впредь исполнять ея справедливыя требованія и просьбы, но что послѣднія она должна сообщать предварительно ей, Ментенонъ, которая и будетъ передавать ихъ королю.

Въ этомъ ужасномъ положеніи Монтеспанъ рѣшилась на послѣднее отчаянное средство. Она добровольно удалилась отъ двора въ надеждѣ, что король вернетъ ее, и тогда она предъявитъ ему условія. Старшій сынъ ея, герцогъ де-Мэнъ, поддержалъ ея рѣшеніе; но какъ только мать уѣхала, онъ тотчасъ же сообщилъ о ея планѣ г-жѣ Ментенонъ, находя болѣе выгоднымъ вступить въ союзъ съ восходящею звѣздою, т. е. своею прежнею воспитательницею, чѣмъ обладать расположеніемъ матери. Оба они воспользовались отсутствіемъ Монтеспанъ, чтобы сдѣлать ея возвращеніе невозможнымъ. Герцогъ де-Мэнъ велѣлъ наскоро выбросить изъ окна мебель матери, вещи ея отправить въ Парижъ, а помѣ-

щеніемъ, которое она занимала, воспользоваться для другой цѣли. Маркизѣ Монтеспанъ некуда было вернуться и ей пришлось удовольствоваться пенсіею въ 12.000 луидоровъ, которую король приказалъ выплачивать ей ежегодно.

Только послѣ этого Ментенонъ рѣшилась уступить требованіямъ короля и сдѣлаться его любовницею Началось царство Ментенонъ. Она жила во дворцѣ уединенно, рѣдко выѣзжала, но всѣ государственныя дѣла вершались въ ея спальнѣ. Король ежедневно направлялся къ ней въ опредѣленный часъ, чтобы въ ея спальнѣ работать въ присутствіи метрессы съ министрами. По обѣимъ сторонамъ камина стояли два кресла, передъ каждымъ изъ нихъ по доскѣ, а передъ королемъ еще двѣ скамейки: одна для министра, а другая для корзины, въ которую король клалъ обыкновенно нужныя бумаги. Въ то время, когда король работалъ, Ментенонъ сидѣла за книгою или шитьемъ, повидимому равнодушная, но на самомъ дѣлѣ внимательно прислушиваясь ко всему, что происходитъ въ комнатѣ. Если король спрашивалъ у нея мнѣнія, она отвѣчала тихо, спокойно, какъ будто все это ее мало интересуетъ, на самомъ же дѣлѣ всѣ дѣла уже были ей заранѣе извѣстны, такъ какъ ни одинъ министръ не осмѣливался идти съ докладомъ къ королю, раньше чѣмъ повидается съ его метрессою, которая тутъ же съ нимъ и рѣшала дѣло. Такимъ образомъ, работы короля съ министрами были сплошной комедіей: задача министра заключалась только въ томъ, чтобы повести его къ цѣли, которую намѣтила фаворитка. Если случалось, что король слишкомъ настаивалъ на своемъ, то министръ старался по возможности запутать дѣло и отложить рѣшеніе до болѣе удобнаго времени. Людовикъ, конечно, думалъ, что онъ именно раздаетъ должности и управляетъ государственными дѣлами; но на самомъ дѣлѣ все это дѣлала одна г-жа Ментенонъ. Одно только было вѣдомство, въ которомъ власть ея считалась не безусловною,—министерство иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ относящіяся къ этому вѣдомству дѣла поступали большею частью на рѣшеніе государственнаго совѣта. Къ тому же министръ Торси упорно отказывался работать у Ментенонъ. Зато прочіе министры, генералы и высшіе сановники были у нея въ рукахъ. Больше, чѣмъ самъ король, г-жа Ментенонъ могла сказать: «Государство—это я!». Даже надъ принцессами имѣла безусловную власть коварная фаворитка, и придворнымъ не разъ приходилось видѣть, какъ дочери Людовика XIV, повздорившія съ метрессою короля, съ трепетомъ входили, по приказу короля, въ комнату г-жи Ментенонъ, откуда черезъ нѣкоторое время выходили со слезами на глазахъ...

Тридцать лѣтъ прожилъ Людовикъ XIV съ г-жею Ментенонъ. Онъ умеръ въ 1715 году. Черезъ нѣсколько лѣтъ умерла и его возлюбленная.

Людовикъ XV.

Людовикъ XIV жилъ долго. Онъ, можно сказать, исчерпалъ себя до дна и сошелъ въ могилу въ то время, когда дальнѣйшая его жизнь дѣйствительно не имѣла бы ни смысла, ни цѣли. Даже дѣти у него всѣ умерли при его жизни и наслѣдовать престолъ пришлось правнуку, которому къ тому же было тогда всего пять лѣтъ. Его формула: «Государство—я», оправдалась, такъ какъ послѣ смерти Людовика XIV государства уже не было. Были короли, фаворитки, чиновники, но не было сложнаго государственнаго организма, въ которомъ все едино, несмотря на видимое разнообразіе и пестроту.

Регентомъ былъ назначенъ герцогъ Филиппъ Орлеанскій, разстроившій финансы государства вмѣстѣ съ министромъ Дюбуа; но онъ не внесъ ничего новаго въ жизнь Франціи. Даже господство метрессъ осталось въ силѣ. Герцогъ сослалъ свою метрессу г-жу Параберъ въ ея имѣніе и отдалъ ея мѣсто г-жѣ д'Авернь. Увидѣлся онъ съ этою красавицею впервые въ театрѣ. На слѣдующій день онъ предложилъ ей 100.000 франковъ и титулъ фаворитки, а ея мужу—мѣсто капитана гвардіи. Она отказалась. Тогда герцогъ предложилъ ей 150.000 франковъ. Г-жа д'Авернь уступила, но потребовала немедленнаго удаленія Параберъ и ея друга Носэ. На слѣдующій день при дворѣ уже не было ни прежней фаворитки, ни ея друга, и г-жа д'Авернь въѣхала во дворецъ въ качествѣ новой любовницы. Мужъ ничего не имѣлъ противъ этого и даже, отправившись къ регенту, сказалъ:

— Ваше королевское высочество изволили поставить меня во главѣ отряда гвардіи. Я воспользуюсь своимъ положеніемъ для охраны моей жены, чтобы къ ней никто не могъ приблизиться, кромѣ вашего высочества.

Можно себѣ представить, какъ подобная среда могла вліять на воображеніе Людовика XV. Онъ воспитывался въ сферѣ, пропитанной развратомъ. Женщины были вездѣ и повсюду. Женщины играли руководящую роль. Даже ребенка-короля не пощадили, и въ 1715 году, т. е. когда ему было всего 5 лѣтъ, его помолвили съ дѣвицею Монпансье, которой было всего четыре года... Маркизъ Мольріэ былъ посланъ въ Мадридъ, чтобы уладить всѣ вопросы, связанные съ будущимъ бракомъ. Ребенка посвящали во всѣ тайны. Онъ зналъ многое, хотя, конечно, на свой манеръ. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ фактовъ, относящихся къ данному случаю. Однажды Людовикъ XV, окончивъ вечернюю молитву, началъ плакать.

— Что случилось?—спросилъ воспитатель Вильяръ.

— Скажите, ради Бога,—отвѣчалъ король-ребенокъ сквозь слезы,—дѣйствительно ли мнѣ нужно будетъ спать въ одной постели съ кузиною, когда она сдѣлается моей женой?

Вопросъ былъ поставленъ ребромъ и на него нужно было отвѣтить.

— Да, ваше величество.

— Оттого-то я и плачу. Принцесса меня не будетъ любить.

— Кто это сказалъ вамъ, ваше величество? Откуда вы это взяли?

— Никто мнѣ не сказалъ. Я самъ это знаю. Ночью я очень кидаюсь во снѣ, и если кузина будетъ спать со мною, то, конечно, не разъ ударю ее ногами. Она послѣ этого не будетъ меня любить.

И Людовикъ опять началъ плакать.

Когда приближалось совершеннолѣтіе короля, регентъ началъ его знакомить съ государственными дѣлами. Первый урокъ былъ ему данъ 17 августа 1722 года и ознаменовался серьезнымъ инцидентомъ. Войдя въ комнату короля какъ разъ въ то время, когда Людовикъ только-что всталъ, онъ предложилъ ему послѣдовать за нимъ. Всѣ удалились, за исключеніемъ воспитателя короля, маршала Вильруа, выразившаго намѣреніе пойти вмѣстѣ съ королемъ и герцогомъ.

— Я сказалъ, что хочу говорить съ его величествомъ наединѣ,—замѣтилъ регентъ.

— Ваше высочество,—возразилъ маршалъ,—какъ воспитатель короля, я не долженъ оставлять его ни на минуту. Я отвѣчаю за его жизнь.

— Вы забываете, что король мнѣ ввѣренъ столько же, сколько и вамъ, и что ваша дерзость обращена противъ регента Франціи, который тотчасъ же васъ накажетъ.

И дѣйствительно, маршалъ былъ удаленъ отъ двора въ скоромъ времени.

Черезъ два мѣсяца состоялась торжественная церемонія коронованія, а 16 февраля 1724 года королю исполнилось 14 лѣтъ и, слѣдовательно, онъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ. Въ тотъ же день герцогъ Орлеанскій вошелъ въ комнату Людовика XV и, ставъ передъ нимъ на одно колѣно, заявилъ, что онъ отнынѣ будетъ исполнять его приказы. Недолго, впрочемъ, онъ исполнялъ «приказы», такъ какъ отдалъ Богу душу 2 декабря того же года. Умеръ онъ неожиданно, послѣ плотнаго ужина, замѣнявшаго ему обѣдъ. Одна изъ его метрессъ, герцогиня Фалари, сидѣла у камина. Вдругъ онъ лишился чувствъ. Герцогиня бросилась въ сосѣднюю комнату за помощью, но тамъ никого не было. Она выбѣжала во дворъ. Черезъ нѣсколько минутъ явились врачъ, жена герцога и другіе; но передъ ними уже былъ трупъ.

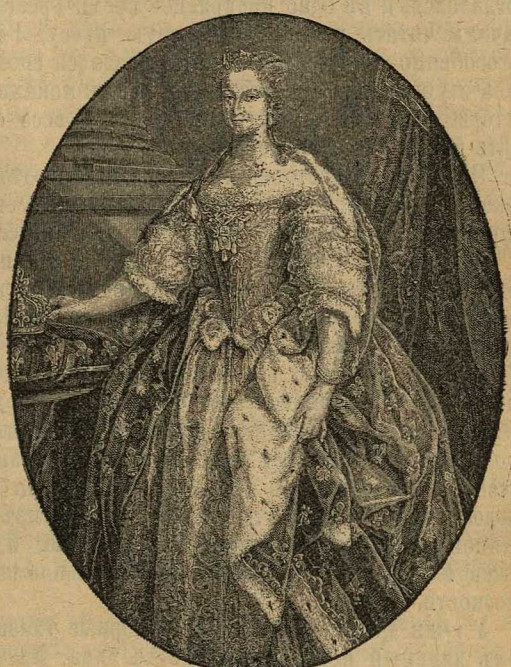
Съ этихъ поръ началось роковое правленіе Людовика XV, послужившее главной причиной кровавыхъ событій слѣдующаго царствованія. Министры назначались безъ разбора, смотря по тому, какая партія брала верхъ. Пока былъ живъ герцогъ, постъ перваго министра оставался за нимъ; когда же онъ умеръ, министромъ былъ назначенъ герцогъ Бурбонскій по одному только желанію метрессы герцога, г-жи де-Прэ, думавшей, что этимъ путемъ ей удастся захватить въ руки бразды правленія. Въ то же время іезуиты пустили въ ходъ все свое могущество. Подъ вліяніемъ своего духовника Людовикъ XV запретилъ протестантамъ отправлять богослуженіе. Ихъ имущество приказано было конфисковать. Въ то же время во всей странѣ начался сильный голодъ. Появилась цѣлая армія жадныхъ до наживы людей, которые, скупивъ оказавшійся на-лицо хлѣбъ, стали поднимать цѣны на него все выше и выше. Фунтъ хлѣба началъ стоить 10 су, т. е. около 20 копеекъ на наши деньги. Народъ, конечно, былъ недоволенъ и бунтовалъ, но за это подвергался тяжкимъ наказаніямъ. Королевскія войска часто пускали въ ходъ порохъ и штыки. Это еще болѣе озлобляло народъ.

Въ эту тяжкую для государства и народа пору при дворѣ молодого Людовика XV нашли нужнымъ заняться вопросомъ о его женитьбѣ. Такъ какъ оффиціальная невѣста короля была слишкомъ нѣжнаго возраста, то рѣшено было нарушить договоръ съ испанскимъ дворомъ и найти для Людовика другую невѣсту. Выборъ былъ порученъ г-жѣ Прэ, которая и остановила вниманіе на Маріи Лещинской, дочери низложеннаго польскаго короля Станислава Лещинскаго.

Брачный договоръ былъ подписанъ въ Парижѣ 19 іюля, а 15 августа герцогъ Орлеанскій, уполномоченный короля, женился отъ имени Людовика на Маріи Лещинской въ Страсбургскомъ соборѣ. 3 сентября королева совершила торжественный въѣздъ въ Парижъ и Версаль, а на слѣдующій день кардиналъ де-Роганъ обвѣнчалъ помолвленныхъ въ дворцовой часовнѣ. Молодой король былъ очень неопытенъ, и священ-

нику пришлось познакомить его съ супружескими обязанностями. Въ день свадьбы онъ много плакалъ и, наконецъ, съ большимъ трепетомъ отправился на половину жены. Впрочемъ, Марія Лещинская сумѣла его скоро приковать къ себѣ свѣжестью губъ, красивымъ цвѣтомъ лица и прекрасными волосами. Онъ началъ находить королеву прелестною женщиною. Въ свою очередь и Марія отвѣчала ему нѣжностью и, когда Людовикъ XV заболѣлъ оспою, не отходила отъ него ни на минуту, пока король не выздоровѣлъ.

Съ этой болѣзнью, между прочимъ, связанъ любопытный инцидентъ. Узнавъ, что Людовикъ боленъ, Филиппъ V рѣшилъ, что онъ скоро умретъ и что ему, Филиппу, слѣдуетъ поѣхать въ Версаль, чтобы посадить на осиротѣвшій престолъ своего второго сына. Онъ хотѣлъ уже сѣсть въ экипажъ, какъ ему сообщили, что Людовикъ выздоровѣлъ. Пришлось отказаться отъ поѣздки. Обстоятельство это вызвало не мало смѣха.



Марія Лещинская.

Людовикъ XV былъ образцовымъ мужемъ. Онъ не охладѣлъ къ женѣ и не измѣнилъ ей даже послѣ того, какъ она родила ему принца, также названнаго Людовикомъ. Радостную вѣсть объ этомъ событіи первымъ распространилъ Орсеваль, проскакавъ въ 33 минуты все разстояніе между Версалемъ и Парижемъ и всю дорогу возглашая: «У насъ есть дофинъ!». Рожденіе сына доставило Людовику большое удовольствіе. Черезъ нѣкоторое время послѣ этого какой-то сановникъ обратилъ его вниманіе на одну хорошенькую молодую женщину.

— Развѣ, по вашему, она красивѣе королевы?—наивно спросилъ Людовикъ.

Сановнику, конечно, пришлось прикусить губы.

Но скромность Людовика и привязанность его къ женѣ не нравились вообще всему двору, отличавшемуся легкими нравами. Объ этомъ можно судить по поступку одного принца изъ дома Кондэ. Изъ его дома былъ виденъ монастырь, и принцу доставляло большое удовольствіе показываться у окна монахинямъ въ костюмѣ Адама. Возмущенныя монахини, не зная, какъ избавиться отъ зрѣлища, далеко не

соотвѣтствующаго ихъ понятіямъ о жизни, принуждены были выстроить большую стѣну, скрывшую отъ глазъ благочестивыхъ обитательницъ монастыря и домъ принца, и его владѣльца. Впрочемъ, и въ монастыряхъ царила большая легкость нравовъ. Такъ, въ то время пользовалась большимъ успѣхомъ новая комедія іезуита Грессэ: «Vert-Vert». Іезуитъ этотъ находился въ любовныхъ сношеніяхъ съ одною монахинею, нѣкоею Дампьеръ, которой очень захотѣлось прочесть его пьесу. Чтеніе такой вещи въ монастырѣ было совсѣмъ неподходящимъ дѣломъ, и поэтому іезуитъ, несмотря на легкомысленное поведеніе, отказался исполнить просьбу возлюбленной. Наконецъ, онъ согласился, и въ одно прекрасное время Грессэ явился въ монастырь и началъ читать монахинѣ ужасную пьесу. Вдругъ, когда онъ дошелъ до особенно комическаго мѣста, раздался громкій смѣхъ. Они обернулись и увидѣли за занавѣскою всѣхъ монахинь съ настоятельницею, которыя внимательно слушали чтеніе. Грессэ осталось только продолжать начатое безъ перерывовъ.

При такомъ настроеніи общества добродѣтель короля казалась порокомъ. Однажды кардиналъ Флери завелъ со своею любовницею, г-жею Кариньянъ, разговоръ о томъ, что король все еще любитъ королеву.

— Было бы ужасно,—замѣтила г-жа Кариньянъ,—если бы любовь эта прекратилась, уступивъ пламенному чувству къ другой женщинѣ, какъ это произошло съ Людовикомъ XIV и Лавальеръ. Самое лучшее подыскать королю метрессу.

И тутъ же было рѣшено свести короля съ г-жею Мальи, которой давно уже хотѣлось вступить въ связь съ Людовикомъ. Для этого втянули въ планъ духовника королевы. Онъ убѣдилъ Марію Лешинскую, что и супружескія обязанности имѣютъ границу и что есть другая, высшая обязанность—цѣломудріе. Королева стала отдалять отъ себя Людовика, который въ гнѣвѣ на супругу, изъ преданной и самоотверженной сдѣлавшуюся вдругъ недоступною, и вступилъ въ связь съ г жею Мальи. Это было началомъ. Остальное пошло какъ по наклонной плоскости.

У г-жи Мальи были большіе черные глаза, большой ротъ, слишкомъ длинный носъ, темный цвѣтъ лица. Къ этому еще она была высокаго роста и толста. Но зато она лучше другихъ могла втянуть Людовика въ разгульную жизнь. Послѣ перваго свиданія она въ отчаяніи бросилась къ г-жѣ Кариньянъ и стала ей жаловаться со слезами на глазахъ, что не произвела на короля никакого впечатлѣнія. Много труда стоило склонить ее къ тому, чтобы она пошла на второе свиданіе. Ришелье, съ которымъ она была въ дружескихъ сношеніяхъ, сказалъ ей: «Вамъ нужно самимъ напасть, если вы не хотите, чтобы на васъ напали». Поощренная этими словами, г-жа Мальи рѣшилась на второе свиданіе и послѣ него пріѣхала къ г-жѣ Кариньянъ съ разорваннымъ воротникомъ и растрепаннымъ платьемъ, но вся сіяя отъ восторга.

— Видите,—крикнула она, задыхаясь отъ радости,—это онъ все сдѣлалъ!

Недолго, однако, продолжалась радость г-жи Мальи. Надъ нею одержала побѣду родная сестра, въ сближеніи которой съ королемъ она сама же была виновата. У нея были четыре сестры. Г-жа Мальи

взяла младшую изъ нихъ, которой было всего около 14 лѣтъ, изъ монастыря, надѣясь рано ее выдать замужъ. Но сестра эта, еще будучи въ монастырѣ, грезила о роли при дворѣ и однажды сказала:

— Ѣду въ Версаль, чтобы быть при дворѣ сестры. Король меня увидитъ и полюбитъ и я буду царить надъ сестрою, королемъ и Европою.

Она не обманулась. Дѣйствительно, король ее увидѣлъ, полюбилъ и черезъ нѣкоторое время мадмуазель Нэстль (таково было ея имя) превратилась въ маркизу Вентимиль. Но и она царила недолго и принуждена была уступить мѣсто другой сестрѣ своей, массивной дѣвушкѣ съ необычайно полнымъ бюстомъ, толстыми губами и мѣщанскими чертами лица. Такъ какъ эта дебелая фаворитка долго нравиться королю не могла, то г-жа Мальи, жившая въ одиночествѣ послѣ паденія, начала уже было думать, что возможно возвращеніе прежняго счастія. Но она ошиблась. Толстая фаворитка дѣйствительно была удалена, но зато ея мѣсто заняла четвертая сестра, по имени де-Турнель. Съ этою дѣло обошлось не такъ легко, какъ съ остальными. Она согласилась сдѣлаться фавориткою только послѣ того, какъ король подпишетъ контрактъ, въ которомъ была бы точно указана цѣна покупаемаго имъ товара. Вотъ условія, поставленныя этою особою:

1. Моя сестра Мальи удаляется отъ двора и заточается въ монастырь.

2. Мой титулъ маркизы замѣняется титуломъ герцогини со всѣми соотвѣтствующими этому новому достоинству почестями и отличіями.

3. Король устроитъ меня такъ, что я ни въ какомъ случаѣ не буду терпѣть лишенія. Мое состояніе должно быть независимо отъ перемѣнъ, которыя могутъ наступить въ чувствахъ его величества.

4. Когда я сдѣлаюсь фавориткою, король долженъ стать во главѣ арміи, такъ какъ не хочу подвергать себя обвиненію въ томъ, что отвращаю короля отъ его обязанностей по отношеніи къ королевству.

Условія были приняты, и дѣловитая сестра г-жи Мальи переѣхала во дворецъ.

Однако, и ея господство продолжалось недолго. Людовикъ XV вошелъ въ роль. Его аппетиты разыгрались. Онъ жаждалъ новизны. И въ одно прекрасное время герцогиня Шатору—титулъ фаворитки—была удалена отъ двора. Спустя долгое время Людовикъ рѣшилъ было вернуть ее, но бывшая фаворитка неожиданно заболѣла воспаленіемъ легкихъ и умерла.

Нужно было подумать о новой фавориткѣ. Дамы наперебой спѣшили снискать благосклонное вниманіе Людовика. Но Людовикъ нѣкоторое время оставался безъ метрессы и при дворѣ уже начали приходить въ отчаяніе. Думали уже, что «постъ» королевской фаворитки останется незанятымъ. Тутъ вдругъ Людовику во время блестящихъ празднествъ по случаю свадьбы дофина бросилась въ глаза хорошенькая женщина въ костюмѣ амазонки. Думая, что это та амазонка, которою онъ такъ часто восхищался въ Сеннарскомъ лѣсу, Людовикъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Прекрасная амазонка, какъ счастливы тѣ, которыхъ ты пронизываешь своими стрѣлами.

— Ваше величество,—отвѣчала амазонка,—я буду бережливо обра-

щаться съ ними, такъ какъ никому не хочу доставить счастія умереть отъ ихъ яда

Въ эту минуту подошла къ нему другая дама въ маскѣ и заговорила. Когда она сняла маску, король пришелъ въ восхищеніе, готовый тутъ же признаться ей въ любви. Онъ узналъ амазонку, которую встрѣчалъ раньше въ лѣсу. Это была Ленорманъ д'Этуаль, получившая впослѣдствіи большую извѣстность подъ именемъ маркизы Помпадуръ.

Первоначальное имя ея было Іоанна-Антуанетта Пуассонъ. Она родилась въ 1722 году. Отецъ ея торговалъ съѣстными продуктами и сколотилъ себѣ нѣкоторое состояніе. Впрочемъ, и жена значительно содѣйствовала увеличенію домашняго благосостоянія связью съ главнымъ арендаторомъ Ленорманомъ де-Турнегемомъ. Послѣдній сблизился съ четою Пуассонъ и до того радѣлъ о ея счастіи, что даже рожденіемъ дочери она была обязана только ему. Онъ заботился о дѣвочкѣ, какъ отецъ, и далъ ей превосходное образованіе. Въ восемнадцать лѣтъ образованіе ея было закончено. Антуанетта была удивительно хороша, и мать, которая понимала, что значитъ красота, нерѣдко говаривала: «Эта штучка для короля, а не для какого-либо простого смертнаго», и была не въ особенномъ восторгѣ, когда ея дочери предложилъ руку и сердце племянникъ Турнегема д'Этуаль. Турнегемъ снабдилъ Антуанетту всѣмъ необходимымъ, далъ ей хорошее приданое, и дѣвушка вышла замужъ. Любви, конечно, она къ мужу не питала, зато жила широко, держала экипажи, устраивала балы и блестящія празднества. Поклонниковъ у нея была тьма. Поэты, въ томъ числѣ Вольтеръ, воспѣвали ее. Въ первый разъ Людовикъ увидѣлъ ее въ версальской часовнѣ, и съ тѣхъ поръ Антуанетта старалась всѣми силами обратить на себя его вниманіе. Вполнѣ поэтому понятенъ ея восторгъ, когда на придворномъ балу Людовикъ началъ ухаживать за нею. На слѣдующій день Ришелье предложилъ ей придти на свиданіе къ Людовику XV. Вечеромъ д'Этуаль сказала мужу, что больна, и, уйдя въ свои покои, заднимъ ходомъ вышла къ воротамъ, гдѣ ее уже ждалъ экипажъ Ришелье. Черезъ нѣсколько минутъ она была у короля. Такъ продолжалось ежедневно. Король, серьезно влюбленный въ д'Этуаль, предложилъ ей помѣщеніе у себя во дворцѣ, и она согласилась. Мужъ, конечно, пришелъ въ отчаяніе, но ему предложили, для поправленія здоровья, предпринять поѣздку. Что же касается матери Антуанетты, то она, узнавъ, что дочь ея у короля,

Г-жа Помпадуръ.

пришла въ неописуемый восторгъ. «Теперь,—воскликнула она,—Антуанетта въ положеніи королевы». Восторгъ ея былъ до того великъ, что она даже неожиданно почувствовала себя лучше (г-жа Пуассонъ была въ то время очень больна). Вскорѣ затѣмъ она умерла со словами: «Больше мнѣ желать уже нечего».

Г-жа д'Этуаль была не первой по счету фавориткой Людовика, но первой по значенію для двора и государственной жизни. Вмѣстѣ съ нею, казалось, вернулись прежнія времена Монтеспанъ и Ментенонъ. Прежде всего она перемѣнила имя и стала называться маркизою Помпадуръ, получивъ также гербъ этой старинной вымершей дворянской фамиліи. Затѣмъ она позаботилась о роднѣ. Между прочимъ, братъ ея Пуассонъ также получилъ титулъ маркиза. Когда матеріальный успѣхъ былъ обезпеченъ, она стала вмѣшиваться въ государственныя дѣла и въ скоромъ времени бразды правленія оказались у нея въ рукахъ. Только нѣкоторые изъ родныхъ причиняли ей иногда непріятности. Такъ, однажды, когда Помпадуръ сидѣла съ королемъ за ужиномъ, вошелъ ея отецъ Пуассонъ и, хлопнувъ короля по плечу, сказалъ:

— Здравствуй, любезный зять!

Король пришелъ въ сильнѣйшій гнѣвъ и «тестю» было запрещено появляться при дворѣ. Такихъ инцидентовъ было немало, но они скоро забывались. Маркиза сама купила отель Эврэ. Шталмейстеромъ при ней былъ назначенъ рыцарь ордена св. Людовика, а камеристкою—дама изъ знатной семьи, г-жа де-Гуссэ.

Король искренно любилъ маркизу и, когда она однажды заболѣла, побывалъ у нея восемь разъ въ теченіе одного дня. По поводу этой болѣзни при дворѣ много шептались. Говорили, что вѣрность Помпадуръ Людовику подлежитъ большому сомнѣнію, и съ этимъ именно связывали ея болѣзнь. Министръ Морепа, который терпѣть не могъ маркизы, подложилъ ей подъ салфетку четверостишіе соотвѣтствующаго содержанія безъ подписи. Маркиза Помпадуръ пришла въ неистовство, когда прочла стихи. Она догадалась, кто былъ авторъ, и Морепа получилъ отставку.

Въ самомъ разгарѣ могущества маркизу Помпадуръ постигло несчастіе: умерла дочь отъ брака съ Этуалемъ. Маркиза носилась съ гордыми планами: она хотѣла выдать дочь за сына Ришелье, но воспаленіе легкихъ неожиданно свело въ могилу ея Александрину, разстроивъ въ то же время планъ, который долженъ былъ связать ея имя родственными узами съ Ришелье. Въ то время, когда она была больна, ей сообщили, что король умираетъ. Дѣйствительно, король неожиданно заболѣлъ несвареніемъ желудка и лежалъ въ постели съ оледенѣлыми глазами и тяжело дыша. Его обрызгали водою, дали гофманскія капли и онъ пришелъ въ себя. Онъ, конечно, спросилъ, гдѣ маркиза, но ему отвѣтили, что ей нездоровится. Людовикъ вскорѣ выздоровѣлъ, послѣ чего подарилъ маркизѣ 20.000 фунтовъ. Это заставило и маркизу выздоровѣть.

Власть Помпадуръ росла съ каждымъ днемъ. Между прочимъ, она добилась ссылки Ришелье въ Монпелье послѣ того, какъ между нею и имъ произошла легкая ссора. Тѣмъ не менѣе наступилъ моментъ и ея паденія. Начался онъ тотчасъ послѣ покушенія Франца Доміана, заявившаго на допросѣ, что хотѣлъ убить короля въ отместку за притѣс-

ненія, которымъ подвергается народъ. Людовикъ былъ раненъ и слегъ въ постель. Въ это-то время онъ почувствовалъ угрызенія совѣсти и, рѣшившись перемѣнить жизнь, предложилъ маркизѣ уѣхать. Вмѣстѣ съ этимъ онъ хотѣлъ отречься отъ престола въ пользу дофина. Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Наоборотъ, порочныя наклонности его стали обнаруживаться еще съ большею силою. Онъ завелъ у себя настоящій гаремъ. Однажды Людовикъ увидѣлъ въ Версальскомъ паркѣ хорошенькую двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку. Онъ пришелъ въ восторгъ, и черезъ нѣкоторое время дѣвочка была ночью взята съ постели и доставлена въ павильонъ парка, носившій названіе «Кремитажъ»—главный пунктъ любовныхъ похожденій короля. Почти цѣлый годъ пришлось пробыть тамъ подростку. Дѣвочкѣ еще не было тринадцати лѣтъ, когда она родила королю сына... Король ее выдалъ замужъ за бѣднаго дворянина, давъ ей приличное приданое. Павильонъ, находившійся въ концѣ парка, былъ соединенъ подземнымъ ходомъ съ нѣсколькими домами, превращенными въ монастырь. Въ этотъ мнимый монастырь стекались красивѣйшія дѣвушки Парижа, составляя настоящій гаремъ. Какъ только какая-либо изъ нихъ надоѣдала Людовику, ее выдавали замужъ, причемъ не скупились на приданое. Такъ, одна изъ нихъ, выданная за полковника, получила 800.000 франковъ. Туда, въ этотъ «монастырь», была однажды насильно заключена одна одиннадцатилѣтняя дѣвушка. Отецъ, крупный нантскій торговецъ, долго хлопоталъ, стараясь освободить дочь изъ заключенія, но принужденъ былъ уѣхать въ родной городъ ни съ чѣмъ. При такихъ условіяхъ роль маркизы Помпадуръ не могла быть попрежнему велика. Бывшая повелительница Франціи все болѣе и болѣе отодвигалась на задній планъ, и, когда она умерла, король ни единымъ словомъ не выразилъ сожалѣнія. Когда мимо его окна провозили останки маркизы, шелъ дождь. Король равнодушно стоялъ у окна и, глядя на великолѣпную колесницу, на которой покоилось тѣло его метрессы, только проговорилъ:

— Погода не благопріятствуетъ путешествію маркизы.

Кто бы узналъ въ этомъ сытомъ, довольномъ, утомленномъ радостями жизни королѣ того наивнаго Людовика, который, не замѣчая коварнаго умысла своего придворнаго, обратившаго его вниманіе на одну хорошенькую женщину, добродушно спросилъ: «Развѣ она красивѣе королевы?». Теперь ему уже не нужно было говорить о такихъ вещахъ. Онъ самъ искалъ хорошенькихъ женщинъ, искалъ вездѣ и повсюду усердно, упорно, превративъ культъ грубой любви въ свою профессію. О королевѣ онъ не думалъ. Эта идеальная женщина, проводившая дни и ночи въ молитвахъ о томъ, чтобы Богъ направилъ ея мужа на истинный путь, не могла нравиться распутному монарху, не останавливавшемуся для удовлетворенія своей низменной похоти передъ высасываніемъ послѣднихъ соковъ изъ благороднаго, но придавленнаго, приниженнаго, угнетеннаго и сломаннаго народа. Онъ падалъ все ниже и ниже. Красота его уже не удовлетворяла. Онъ искалъ забвенія въ пучинѣ страсти, потому что только забвеніе могло еще поддерживать равновѣсіе въ душѣ человѣка, который видѣлъ уже приближеніе страшной катастрофы. «Послѣ насъ хоть потопъ». Это могъ сказать только тотъ, кто дѣйствительно уже слышалъ отдаленные раскаты грома и чувствовалъ дуновеніе вѣтра, долженствующаго превратиться въ дикій вихрь.

Однимъ изъ многочисленныхъ средствъ, съ помощью которыхъ Людовикъ XV доставлялъ себѣ забвеніе, и была графиня Дюбарри. Для Франціи, помнившей еще величіе двора Людовика XIV, появленіе этой женщины въ центрѣ придворной жизни было поистинѣ скандаломъ. Если прежнія метрессы, расточительныя, легкомысленныя, безпощадныя, имѣли за собою то преимущество, что были болѣе или менѣе знатнаго происхожденія, вращались въ лучшемъ обществѣ или, какъ г-жа Ментенонъ, видѣли въ своихъ салонахъ представителей умственной и аристократической знати, то г-жа Дюбарри, наоборотъ, не могла привести въ свою пользу ничего, кромѣ самаго дикаго, необузданнаго цинизма, связаннаго съ самымъ ярымъ развратомъ. Достаточно сказать, что до поступленія въ метрессы къ королю Дюбарри или, какъ ее тогда звали, m-lle Ланъ, была куртизанкой низшаго сорта, жившей съ аферистомъ, который пользовался ею для того, чтобы привлекать къ себѣ игроковъ. Были люди, которые встрѣчали ее въ грязныхъ вертепахъ пьяною отъ разгула и готовою идти за всякимъ, кто выразитъ на это желаніе. Разсказывали даже, что ее однажды нашли въ безсознательномъ состояніи на улицѣ подъ дождемъ...

Графиня Дюбарри.

Какъ сказано, появленіе этой женщины при дворѣ произвело сильное впечатлѣніе. Тѣ, которыя пользовались честью табурета *) у Помпадуръ, находили *для* себя величайшимъ скандаломъ пользоваться тѣмъ же у бывшей проститутки. Мириться въ концѣ концовъ пришлось волей-неволей, потому что Дюбарри быстро вошла въ роль и, овладѣвъ королемъ, стала безконтрольною хозяйкою Франціи. Велико же было тогда обаяніе женскаго элемента! До чего доходило вліяніе этой женщины на короля, видно изъ слѣдующаго факта. Однажды на придворномъ обѣдѣ Дюбарри, разливая супъ королю и гостямъ, поднесла разливательную ложку къ губамъ. Всѣ невольно переглянулись, а король, улыбнувшись, сказалъ:

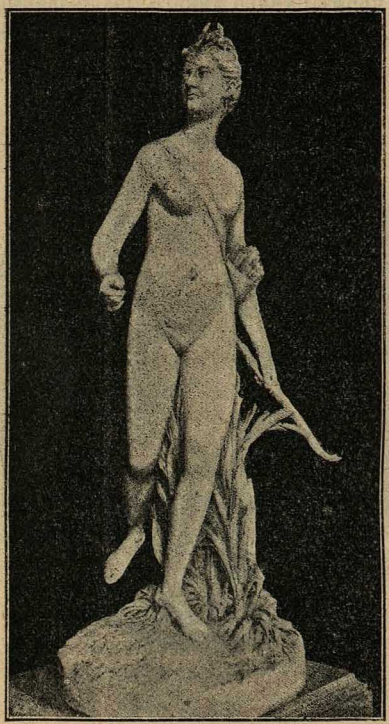
— Однако, это будетъ не просто супъ, а супъ со слюнями.

— Ну, что жь такое?—возразила Дюбарри.—Я хочу, чтобы всѣ пили мои слюни.

Она тогда еще не знала, что будетъ время, когда ее оставитъ муже-

*) Табуретомъ называлось низкое кресло, въ которое разрѣшалось садиться придворнымъ дамамъ.

ство и она будетъ дрожать, кричать и плакать подъ ножомъ палача. Когда впослѣдствіи пришла революція и смела мусоръ, нанесенный на благородную французскую почву властолюбивыми и эгоистическими королями, была, конечно, сметена и Дюбарри. Но куда дѣлась ея прежняя прыть! Никто до нея не выражалъ столько страха передъ смертью, никто такъ не убивался, не умолялъ бездушнаго исполнителя смертнаго приговора. Куртизанка не выдержала до конца и, дерзкая въ апогеѣ власти, обнаружила крайнюю мелкость и дряблость души, съ которыми спорить могли бы, пожалуй, одни ея пороки.



Гудонъ. Графиня Дюбарри въ видѣ Діаны. (Спб. Эрмитажъ).

Людовикъ XVI.

Графиня Дюбарри была послѣднею изъ фаворитокъ, вокругъ которыхъ, какъ вокругъ оси, вращалась вся политическая и общественная жизнь Франціи. Когда она скончалась, въ королевской Франціи уже некому было ее замѣнить. Тѣмъ не менѣе она продолжала царить и послѣ смерти. Духъ, ею созданный, не исчезъ. Она нѣкоторымъ образомъ явилась воспитательницею цѣлаго поколѣнія, и въ этомъ отношеніи, можно сказать, Марія-Антуанетта, жившая при иныхъ условіяхъ и, какъ законная жена, занимавшая другое положеніе, явилась прямой продолжательницей дѣла, завѣщаннаго графинею Дюбарри.

Если принять во вниманіе среду, въ которой Марія-Антуанетта провела немало лѣтъ до вступленія на престолъ, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Дюбарри являлась безусловной законодательницей. По ея капризу назначались и смѣщались министры, передъ нею ползали во прахѣ, какъ передъ настоящею королевою. Самъ дофинъ Людовикъ и его молодая супруга принуждены были оказывать ей почести. Имъ, конечно, это не нравилось, но что было дѣлать? Еще въ молодые годы Марія-Антуанетта была посвящена въ такія дѣла, которыя лучше было бы скрыть отъ нея. Ей было всего шестнадцать лѣтъ, когда она писала матери:

«Противъ слабости я выступила со всею сдержанностью, которую вы мнѣ рекомендовали. Меня вечеромъ пригласили къ ней (Дюбарри) на ужинъ, и она взяла со мною тонъ, въ которомъ чувствовались почтительность, неловкость, покровительство. Я не отступлю отъ вашего совѣта, о которомъ ни разу не говорила съ дофиномъ. Дофинъ также

не можетъ терпѣть ее, но изъ уваженія къ королю не даетъ этого понять. У нея оживленный дворъ, ее посѣщаютъ послы, и каждый знатный иностранецъ старается быть ей представленъ. Мнѣ пришлось выслушать объ этомъ дворѣ странныя вещи, хотя я и дѣлала видъ, что меня онѣ вовсе не интересуютъ. Тамъ давка, какъ у принцессы. Она собираетъ у себя общество, каждому говоритъ какое-нибудь словцо, она царитъ. Въ то время, когда я вамъ пишу, идетъ дождь,—по всей вѣроятности, съ ея разрѣшенія. Въ сущности же говоря, она славная женщина».

Несмотря на это временное недовольство, Марія-Антуанетта чувствовала себя въ общемъ счастливою въ первые годы супружества. О политикѣ она еще не думала. Это былъ веселый, живой ребенокъ. Въ ея распоряженіи находилось только нѣсколько книгъ. Ученіе шло медленно. Она сама не выражала большого желанія чему-нибудь серьезно учиться и немало времени проводила вмѣстѣ съ подругами и друзьями надъ постановкою во дворцѣ театральныхъ пьесъ, въ которыхъ сама выступала исполнительницею. Единственнымъ слушателемъ этихъ пьесъ являлся ея мужъ Людовикъ. Постановка «Ифигеніи» (въ апрѣлѣ 1774 года) доставила ей неслыханное удовольствіе. Успѣхъ ей вскружилъ голову и она по этому поводу устроила цѣлый рядъ празднествъ. Супруга дофина была счастлива.

Королева Марія-Антуанетта, супруга Людовика XVI.

Но надъ Франціею уже клубились революціонныя тучи. Борьба между правительствомъ и парламентомъ начала принимать острый характеръ. Народъ былъ недоволенъ и, чтобы заглушить его грозный голосъ, правительство не остановилось передъ государственнымъ переворотомъ, рѣшившись однимъ ударомъ сломить оппозицію. Вдругъ заболѣваетъ король и вскорѣ (10 мая 1774 года) умираетъ. Молодая Марія-Антуанетта чувствуетъ, что совершается нѣчто серьезное и роковое. Она пишетъ матери: «Да хранитъ насъ Богъ! Что съ нами будетъ? Дофинъ и я, мы очень боимся, что намъ въ такомъ юномъ возрастѣ надо будетъ управлять страною. О, мать моя, не скупитесь на совѣты вашимъ несчастнымъ дѣтямъ». А брату Іосифу она пишетъ на слѣдующій день: «Я прожила четыре очень счастливыхъ года, но теперь открывается пе-

редо мною новое, чреватое подводными камнями будущее. Молись обо мнѣ и помоги мнѣ».

Все правленіе Людовика представляло сплошную цѣпь колебаній. Когда онъ вступилъ на престолъ, ему было двадцать, а Маріи-Антуанеттѣ восемнадцать лѣтъ. Оба они были, можетъ быть, проникнуты добрыми намѣреніями по отношенію къ народу; но что могли они сдѣлать? Король охотно удовлетворилъ бы справедливыя требованія народа, но у него были всѣ хорошія качества подчиненнаго и не было ни одного хорошаго качества повелителя. Единственное утѣшеніе, которое хоть сколько-нибудь могло примирить его съ самимъ собою, было указано Маріей-Терезой, матерью королевы, что народъ долженъ будетъ относиться къ молодой королевской четѣ снисходительно, такъ какъ съ ея воцареніемъ исчезнутъ всѣ злоупотребленія, которыми ознаменовалось правленіе Людовика XV. Но это былъ обманъ. Положеніе короля сдѣлалось затруднительнымъ съ самаго начала. Въ королевскомъ дворцѣ начали получаться многочисленныя петиціи, подписанныя политическими дѣятелями. Въ нихъ требовались реформы и говорилось, что если реформы не будутъ проведены, королевская власть погибнетъ. Людовикъ дѣлается нервенъ. Онъ принимаетъ мѣры. Между прочимъ, Дюбарри подвергается аресту и изгоняется. Королева, впрочемъ, была непричастна къ этому. Наоборотъ, она отзывалась благосклонно о фавориткѣ. Она вообще не вмѣшивалась еще въ государственныя дѣла. Но въ народѣ уже начало бродить недовольство «иностранкою», а осенью 1775 года оно до того усилилось, что братъ Іосифъ нашелъ нужнымъ обратить ея вниманіе на это. Королева, однако, не обратила вниманія на предупрежденіе. Она отнеслась къ броженію въ народѣ очень легко. «Боже мой, что думать объ уличныхъ пѣсняхъ!—писала она.—Здѣсь все поютъ, и если обращать вниманіе на такія глупости, то придется принимать въ серьезъ то, что совершенно безразлично для самихъ авторовъ и чего они на слѣдующій день уже не помнятъ. Жить нельзя было бы. Есть болѣе серьезныя вещи, чѣмъ это. Въ прошломъ году мы, король и я, напали на слѣдъ отвратительныхъ памфлетовъ, направленныхъ противъ меня. Они были только передъ тѣмъ отпечатаны. Обнаружено, что это продѣлка одного бездѣльника, который навязалъ намъ то, что имъ самимъ было сдѣлано. Что меня болѣе всего огорчаетъ, это упорство, съ которымъ нѣкоторые люди выставляютъ меня иностранкою, постоянно занятою своимъ отечествомъ, француженкою противъ воли. Это недостойно. Всѣ мои поступки доказываютъ, что я исполняю свой долгъ и что долгъ этотъ доставляетъ мнѣ удовольствіе. Но это безразлично, злые слухи носятся повсюду и самыя простыя вещи превращаются въ тяжкіе грѣхи. Недавно явился одинъ безстыдникъ и просилъ отъ себя и отъ имени одной дамы позволенія посѣтить «мою маленькую Вѣну»,—такъ онъ назвалъ мой Тріанонъ. Это заставило меня открыть, что я имѣю противъ себя партію, распространяющую слухъ, будто я этимъ именемъ окрестила подарокъ, сдѣланный мнѣ королемъ. Негодяи и интриганы блуждаютъ по аллеямъ замка,—развѣ можемъ мы отвѣчать за ихъ сплетни? Каждый разъ, когда королю приходится выслушивать подобныя вещи отъ министровъ и начальника полиціи, недовольство его еще болѣе велико, чѣмъ мое; но что подѣлаешь въ большинствѣ слу-

чаевъ? Если продолжать дѣло дальше, то отъ этого скандалъ только еще болѣе разросся бы».

Въ другой разъ она писала сестрѣ Маріи-Христинѣ: «Думаютъ, что очень легко быть королевою. Но это невѣрно. Иго этикета безконечно велико, какъ будто то, что естественно,—преступленіе. Король предоставляетъ мнѣ вообще свободу, но ему не вполнѣ хочется санкціонировать реформы. Бантъ, фестоны и перья тамъ, гдѣ этикетъ этого не допускаетъ,—и королевство въ глазахъ нѣкоторыхъ людей погибло бы. Иго это весьма тяжело для меня». Она пробовала было стряхнуть съ себя это иго, но въ результатѣ получилось только то, что противъ нея возстало французское дворянство.

Но одновременно съ жалобами на окружающія условія Марія-Антуанетта сама давала поводъ къ жалобамъ противъ себя самой. Всосавъ въ себя опьяняющую атмосферу Дюбарри, она бросилась въ вихрь развлеченій. Ей казалось, что все сойдетъ благополучно. Что ей было за дѣло до народа, которому, очевидно, не было дѣла до нея? Этимъ она еще болѣе возстановляла противъ себя націю. Особенно сильное негодованіе вызвала она склонностью къ азартной игрѣ, которая была запрещена подъ страхомъ строгаго наказанія. До глубокой ночи просиживала часто королева, теряя подчасъ все, что было у нея въ шкатулкѣ, въ результатѣ чего случалось, что не оказывалось денегъ на самыя необходимыя вещи. Производило также непріятное впечатлѣніе, что въ области государственныхъ дѣлъ она выдвигаетъ себя особенно на первый планъ, когда дѣло шло о дѣлахъ, касавшихся австрійскаго двора. Вполнѣ понятно поэтому, что ее называли австріячкою. Наконецъ, произошла исторія съ ожерельемъ, которая совершенно уронила ее въ глазахъ народа. Паденіе было неизбѣжно.

Извѣстно, въ чемъ заключалась эта исторія. Кардиналъ Роганъ, человѣкъ безнравственный, тщеславный и совсѣмъ нерелигіозный, влюбился въ королеву и сталъ добиваться ея благосклонности. Королева его ненавидѣла, и поэтому всѣ его ухищренія не увѣнчивались успѣхомъ. Графиня Ламотъ, находившаяся въ близкихъ сношеніяхъ съ кардиналомъ, узнала о его замыслахъ и составила дьявольскій планъ. Убѣдивъ кардинала, что бываетъ при дворѣ и очень дружна съ королевою, она шепнула ему, что Марія-Антуанетта готова на все, если только онъ купитъ ей драгоцѣнное ожерелье, стоящее полтора милліона франковъ. Сумма очень велика для задолжавшагося кардинала, но платить не нужно. Достаточно, если онъ только поручится. Однажды ночью Ламотъ повела влюбленнаго кардинала въ Версальскій паркъ, гдѣ уже ждала его женщина, по всѣмъ признакамъ сама королева. «Королева» сказала ему нѣсколько благосклонныхъ словъ и, передъ тѣмъ какъ удалиться, оставила въ его рукахъ розу. Но по векселю нужно было всетаки уплатить, а у Рогана денегъ всетаки не было. Вдругъ оказывается, что подъ документомъ имѣется еще одна подпись—Маріи-Антуанетты! Ювелиръ, которому надоѣло ждать денегъ отъ Рогана, обратился къ самой королевѣ, и тутъ интрига разоблачилась. Королева была внѣ себя и по требованію Людовика кардиналъ былъ преданъ суду. Это послѣднее, однако, еще болѣе ухудшило дѣло. Папа выразилъ протестъ, родня кардинала облеклась въ трауръ, весь Парижъ взволнованъ. Десять мѣсяцевъ продолжалось дѣло, и, наконецъ, судъ вынесъ

приговоръ, по которому кардиналъ былъ признанъ только обманутымъ, но невиновнымъ, а графиня Ламотъ—воровкою (voleuse) и приговорена къ пожизненному заключенію въ тюрьму. Королева была внѣ себя отъ негодованія по поводу оправданія кардинала. «Это—позорное оскорбленіе,—писала она сестрѣ Маріи-Христинѣ,—и я купаюсь въ слезахъ отчаянія. Я не заслужила позора быть принесенною въ жертву священнику, виновному въ лжеприсягѣ, какой-нибудь безстыдной интриганкѣ. Какое это для меня горе! Но не думай, что я увлекусь до поступка, меня недостойнаго. Я заявила, что не иначе отомщу за себя, какъ стану усугублять добро, которое дѣлала».

Но «добро» не помогало. Положеніе дѣлалось все болѣе и болѣе критическимъ. Дефицитъ росъ съ неслыханною быстротою и достигъ огромныхъ размѣровъ. Пришлось перемѣнить министра финансовъ: Калонъ уступилъ мѣсто Ломени Бріенну; но положеніе осталось тѣмъ же. Ко всему этому страшный стихійный ударъ: поля опустошены чудовищнымъ градомъ (13 іюля 1788 г.). Французскій крестьянинъ обездоленъ. Голодный народъ обратилъ въ отчаяніи глаза къ королю, и король предписалъ открыть лотерею въ 12 милліоновъ въ пользу голодающихъ. Но денегъ нѣтъ, и въ концѣ концовъ обѣщаніе помощи не можетъ быть исполнено. Броженіе усиливается, но правительство безсильно и отвѣчаетъ репрессивными мѣрами. Въ это время собирается парламентъ, но его свобода ограничивается. Наконецъ, призывается назадъ Неккеръ, въ удаленіи котораго отъ дѣлъ играла такую большую роль королева. Правда, на этотъ разъ сама королева настаивала на его возвращеніи, но народъ этого не знаетъ, не вѣритъ этому и привѣтствуетъ возвращеніе Неккера, какъ побѣду надъ «австріячкою». Наконецъ, собираются представители сословій, и вдругъ все во Франціи переворачивается вверхъ дномъ. Распространяется слухъ, что престарѣлый Фулонъ сказалъ: «Если народъ голоденъ, пусть ѣстъ траву». Въ одно прекрасное время его хватаютъ и, обвѣшавъ шею травою, вздергиваютъ на фонарь. Это была одна изъ первыхъ жертвъ броженія и недовольства. Революція началась.

Въ это тяжкое для Маріи-Антуанетты время ее постигаетъ новое несчастіе: умираетъ старшій сынъ, а потомъ отецъ, императоръ Іосифъ II. Тяжкое горе сильно повліяло на королеву. Ей всего 34 года, но волосы у нея уже начинаютъ сѣдѣть. Кто могъ думать въ апрѣлѣ 1770 года, когда она, веселая, жизнерадостная и счастливая, впервые въѣзжала въ Парижъ, что ее ожидаетъ столько несчастія? Но считаться съ положеніемъ нужно было. Нужно было принять быстрыя, рѣшительныя мѣры. И ей приходитъ въ голову смѣлый планъ—войти въ соглашеніе съ руководителями оппозиціи. Она же первая намѣчаетъ Мирабо, этого народнаго кумира, и Мирабо вполнѣ отдается королевѣ, восхищенный ея умомъ, энергіею, предпріимчивостью... «Среди приближенныхъ короля есть только одинъ мужчина и этотъ мужчина—его жена!» сказалъ про нее Мирабо. Этихъ словъ достаточно, чтобы понять, какого онъ былъ о ней мнѣнія. И дѣйствительно, королева повела себя, какъ мужчина. Она составляла документы, которые исправлялъ Мирабо, она дѣйствовала на народъ, она всѣми силами удерживала на разстояніи грозный призракъ революціи. Къ несчастію для нея, болѣзнь унесла Мирабо въ могилу. Рушилась послѣдняя надежда.

Съ этой минуты началась агонія Маріи-Антуанетты, а вмѣстѣ съ этимъ и агонія королевской власти во Франціи. Императоръ Леопольдъ нѣсколько разъ совѣтовалъ королевѣ бѣжать, но она каждый разъ отвергала его предложенія. «Подумай,—писала она,—что я уже не принадлежу себѣ. Мой долгъ остаться тамъ, гдѣ меня водворило Провидѣніе, а если нужно, подставить свое тѣло подъ кинжалъ убійцъ, которые могутъ добраться до короля». Единственно, что она хочетъ, это покинуть Парижъ съ семьею и найти безопасное мѣсто гдѣ-нибудь внутри Франціи. Наконецъ, она рѣшается на бѣгство. Не она составила планъ. Она только уступила. И тѣмъ не менѣе, когда планъ не удался, когда короля и королеву арестовали, какъ преступниковъ, и доставили обратно въ Парижъ, всѣ стали указывать на Марію-Антуанетту, какъ на виновницу бѣгства. Она была искупительною жертвою.

Нужно было приготовиться ко всему, и она стала готовиться. Въ 1791 году она писала сестрѣ Маріи-Христинѣ: «Не посылай мнѣ моихъ брилліантовъ. Что мнѣ съ ними тутъ дѣлать? Я больше не наряжаюсь. Вся моя жизнь—совершенно новое существованіе. Я страдаю днемъ и ночью, съ каждымъ днемъ мѣняюсь въ лицѣ. Мои прекрасные дни прошли, и еслибъ у меня не было дѣтей, мнѣ бы хотѣлось мирно почить во гробѣ. Они убьютъ меня; послѣ моей смерти защищай меня всѣми силами... Я всегда заслуживала твоего уваженія и уваженія всѣхъ справедливыхъ людей всѣхъ странъ... Меня обвиняютъ въ гнусныхъ вещахъ. Мнѣ нѣтъ нужды говорить тебѣ, что я въ нихъ невиновна. Къ счастію, король относится ко мнѣ, какъ порядочный человѣкъ. Ему хорошо извѣстно, что я никогда не игнорировала того, что составляло мой долгъ по отношенію къ нему и къ себѣ самой».

Развязка приближалась, потрясающая развязка. Тюльерійскій дворецъ былъ взятъ штурмомъ, а 13 августа 1792 года королевская семья уже была въ тюрьмѣ (Тампль). Все послѣдовало съ ужасающею послѣдовательностью—тюрьма, лишенія, оскорбленія, обвиненіе въ гнусныхъ дѣяніяхъ. Марія-Антуанетта уже больше не королева. Она «госпожа Капетъ», какъ язвительно называютъ ее въ народѣ. Вскорѣ ее разлучаютъ съ Людовикомъ, а 21 января она получаетъ его вѣнчальное кольцо—безмолвный знакъ послѣдняго прощанія. 4 іюля у нея былъ взятъ любимый сынъ, а вскорѣ отнята и дочь Марія-Тереза, впослѣдствіи герцогиня Ангулемская. Затѣмъ ее доставляютъ въ жалкую тюрьму Консьержери и начинается процессъ. Королева спокойно и гордо держится на судѣ. Она съ достоинствомъ отвѣчаетъ на вопросы судей.

— Вы, значитъ, продолжаете отрицать?

— Мой планъ не отрицать. То, что я сказала, правда, и на ней я настаиваю.

Королева презрѣніемъ отвѣчаетъ на гнусное обвиненіе Гебера въ безнравственныхъ поступкахъ и гордо-спокойно выслушиваетъ смертный приговоръ. И когда, 16 октября 1793 года, она предприняла свое послѣднее путешествіе—къ гильотинѣ, лицо ея говорило о полномъ душевномъ спокойствіи и примиреніи съ судьбою. Раздававшіеся кругомъ крики: «Долой тиранію!», «Да здравствуетъ республика!» ея уже больше не смущали. Только на разрушенный Тюльерійскій дворецъ взглянула она съ чувствомъ искренняго сожалѣнія и съ устъ ея сорвались трогательныя послѣднія слова:

— Боже, просвѣти и тронь сердца моихъ палачей! Прощайте навсегда, дѣти, иду къ вашему отцу...

Наполеонъ I.

Много мѣста нужно было бы удѣлить, чтобы заняться параллелью между Франціею временъ Людовиковъ и Франціею временъ Наполеона Бонапарта, поскольку дѣло касается женскаго элемента и его значенія для судебъ государства. Конечно, самовластія

Императрица Жозефина,
первая супруга Наполеона I.

женщинъ при дворѣ Наполеона не было: онъ былъ самъ слишкомъ самовластенъ для этого; но онѣ всетаки играли большую роль. Перемѣнился только характеръ ролей. Раньше женщины царили, благодаря своей силѣ, теперь онѣ начали господствовать, благодаря своей слабости. Результатъ остался одинъ и тотъ же.

На протяженіи всей своей бурной жизни Наполеону часто приходилось встрѣчаться съ женщинами; но изъ нихъ только одна можетъ сказать, что оставила глубокій слѣдъ въ душѣ Наполеона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ исторіи Франціи. Это Марія-Луиза. По характеру и идейной самобытности она во всѣхъ отношеніяхъ уступала легкомысленнымъ куртизанкамъ, еще недавно управлявшимъ судьбами Франціи; но зато она обладала тѣмъ преимуществомъ передъ ними, что представляла эластическую натуру, способную принимать всякую форму и прилажи-

ваться ко всякому настроенію. Въ нѣкоторомъ родѣ она была дворцовой мебелью; но эта мебель была тропомъ...

Но прежде всего нѣсколько словъ о первой женѣ Наполеона, императрицѣ Жозефинѣ.

Наполеонъ еще былъ генераломъ, когда встрѣтился съ Жозефиною у г-жи Тальенъ, съ которою она познакомилась въ тюрьмѣ. Мужъ ея, генералъ Богарнэ, былъ за годъ передъ тѣмъ казненъ, и красивая вдова его не нашла другого средства утѣшиться, какъ сдѣлаться любовницею Барраса. Когда Наполеонъ началъ ухаживать за Жозефиною, онъ не думалъ на ней жениться. Отчего не позабавиться съ легкомысленною женщиною, тѣмъ болѣе, что она своими связями, своимъ опытомъ, своимъ знаніемъ людей, насколько дѣло касается женскаго вліянія, можетъ ему принести пользу? Къ тому же Наполеонъ былъ еще въ то время жалкимъ наемникомъ счастія. Онъ служилъ другимъ, а не себѣ. Ему, не избалованному еще свѣтскими связями, Жозефина показалась чѣмъ-то вродѣ богини. Она была представительница высшаго свѣта, виконтесса, вдова генерала, красивая, изящная, превосходно носившая туалеты. Чего было больше грубоватому Наполеону? Въ концѣ концовъ Наполеонъ влюбился. Онъ началъ находить въ ней неожиданно особыя достоинства и къ этому именно времени относятся его извѣстныя слова: «Нужно понять, чтобы любить, какъ слѣдуетъ, полнымъ сердцемъ». Правда, онъ не могъ забыть прошлое очаровательной креолки; но онъ въ то же время зналъ, что добродѣтель далеко не была хорошимъ качествомъ въ той средѣ, которая ее окружала. Онъ, можетъ быть, самъ не считалъ ея большимъ достоинствомъ. Во всякомъ случаѣ онъ утѣшался тѣмъ соображеніемъ, что влюбленъ, а слѣдовательно стоитъ нѣкоторымъ образомъ внѣ круга логики. «Чтобы говорить, чтобы мыслить въ особенности,—сказалъ онъ однажды брату Люсьену,—нуженъ разумъ, а у влюбленныхъ его уже нѣтъ, если, конечно, они его имѣли до того, какъ сдѣлались влюбленными» *).

Наконецъ, онъ женился. Пылкая страсть удовлетворилась. И тутъ только онъ понялъ, что представляла собою кокетливая креолка, которая, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ мулатками, сдѣлалась, по словамъ Массона, «лѣнива, какъ ящерица, и кокетливѣе туземныхъ черныхъ женщинъ». Впослѣдствіи о ней говорили, что она достигла достоинства императрицы, переходя изъ одной кровати въ другую, и слова эти находили оправданіе въ многочисленныхъ ея поступкахъ. Когда Наполеонъ уѣхалъ послѣ свадьбы въ Италію, Жозефина совершенно забыла о прежнемъ мужѣ и воспользовалась новымъ положеніемъ не только для того, чтобы вернуться къ прежней жизни, но также для того, чтобы придать ей особый отпечатокъ. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ пришелъ въ неистовство и потребовалъ, чтобы Жозефина поѣхала къ нему. Но кокеткѣ было болѣе удобно оставаться въ Парижѣ и она отказалась наотрѣзъ: «Я въ отчаяніи,—писалъ Наполеонъ Карно,—жена не пріѣзжаетъ. У нея, навѣрно, любовникъ, удерживающій ее въ Парижѣ. Пусть будутъ прокляты всѣ женщины!». Но вотъ она ѣдетъ. Она пріѣхала. И Наполеонъ забываетъ недавнюю злобу и опять любитъ

*) «Napoléon amoureux», par Joseph Turquan. D'après les témoignages des contemporains p. 57 etc.

креолку-жену, любитъ искренно, горячо, съ признаніями, клятвами, обѣщаніями. Потомъ онъ опять дѣлается подозрительнымъ, начинаетъ слѣдить за нею и дѣйствительно открываетъ любовниковъ Жозефины въ собственномъ лагерѣ. Онъ ихъ удаляетъ, она обзаводится другими. Онъ удаляетъ и тѣхъ. Наконецъ, онъ уѣзжаетъ въ Египетъ. Жена опять свободна, и какъ она пользуется свободою! Слухи проникаютъ къ Наполоону и въ Египетъ. Взбѣшенный, онъ возвращается во Францію съ твердымъ намѣреніемъ развестись. Все уже готово, какъ вдругъ... Недаромъ Жозефина прошла такую широкую школу жизни. Недаромъ она дѣйствительно кружила головы мужчинамъ и до Наполеона, и при Наполеонѣ. Вся сѣть женскихъ хитростей была пущена въ ходъ и великій корсиканецъ опять сдѣлался ручнымъ. Онъ оставилъ мысль о разводѣ. Къ тому же, думалъ онъ, развестись можно во всякое время, да и разводъ врядъ ли будетъ способствовать увеличенію его престижа, которымъ онъ очень дорожилъ.

Марія-Луиза, императрица французская, вторая супруга Наполеона I.

Однако, отъ любовниковъ надо было огородиться, и Наполеонъ прибѣгъ къ рѣшительному средству, соотвѣтствовавшему его характеру: онъ приставилъ къ Жозефинѣ компаньонокъ (dames pour accompagner). Это были нѣкоторымъ образомъ собаки, охранявшія ея добродѣтель... Съ тѣхъ поръ Жозефина никогда не оставалась одна, никуда одна не выходила и не выѣзжала. Дамы оберегали ее, какъ зѣницу ока, и императрицѣ пришлось волей-неволей вести себя порядочно.

Но пѣсенка ея была спѣта. Наполеону нуженъ былъ наслѣдникъ, а Жозефина оставалась бездѣтною. Разводъ былъ неизбѣженъ. Когда Жозефина узнала о рѣшеніи, она упала въ обморокъ и стала биться объ полъ; но отчаяніе не спасло ея. Нужно было упрочить власть, купленную дорогою цѣною, и не Жозефина могла быть препятствіемъ, которое могло бы остановить всепобѣждающаго Наполеона на его пути. Креолка была изгнана изъ императорскаго дворца, чтобы мѣсто ея могла занять женщина царской крови—эрцгерцогиня Марія-Луиза.

Что Наполеонъ женился на Маріи-Луизѣ не по любви —фактъ слишкомъ извѣстный, чтобы на немъ нужно было долго останавливаться. Ему просто нужна была жена изъ царской фамиліи. Могущественный императоръ, онъ всетаки сознавалъ, что власть его только въ

чемъ самомъ и, что умри онъ сегодня, завтра отъ нея и слѣда не останется. Кому передать власть? Гдѣ сынъ, который былъ бы ему опорою не только въ жизни, но и послѣ смерти? У Наполеона нѣтъ дѣтей, а слѣдовательно нѣтъ династіи. И Франціи грозитъ опасность распасться, какъ распались владѣнія Александра Македонскаго, также умершаго бездѣтнымъ. И вотъ Наполеонъ разводится съ креолкою Жозефиною, чтобы обезпечить себѣ возможность вступить во второй бракъ, на этотъ разъ уже съ дѣвушкою царскаго происхожденія. Основатель династіи еще можетъ быть простолюдиномъ, но дѣти его должны непремѣнно имѣть въ жилахъ царственную кровь.

До самаго пріѣзда Маріи-Луизы въ Парижъ уже въ качествѣ жены императора (бракъ ея съ замѣстителемъ Наполеона былъ торжественно совершонъ въ Вѣнѣ) великій корсиканецъ не видѣлъ ея въ лицо. Онъ зналъ свою будущую жену только по портрету. У нея были бѣлокурые волосы, красивые голубые глаза и нѣжныя розовыя щеки. Будучи полнаго тѣлосложенія, она, можетъ быть, не отличалась большой граціей, но обладала несомнѣннымъ здоровьемъ, а это было болѣе всего важно для женщины, которая должна была сдѣлаться матерью будущаго преемника Наполеона. Все это въ совокупности сдѣлало то, что императоръ дѣйствительно влюбился въ портретъ эрцгерцогини Маріи-Луизы, влюбился изъ понятнаго чувства влеченія къ здоровой женщинѣ и преждевременной благодарности къ матери будущихъ дѣтей и опорѣ династіи. «Вы ни за что не повѣрите, дорогой папа,—писала вестфальская королева, супруга Жерома, брата Наполеона, виртембергскому королю,—какъ императоръ влюбленъ въ свою будущую жену. Онъ гордится ею до такой степени, что я никогда не могла себѣ представить чего-либо подобнаго. Не могу вамъ передать достаточно ясно. Каждый день онъ посылаетъ къ ней одного изъ своихъ камергеровъ, снабженнаго, подобно Меркурію, посланіями великаго Юпитера. Онъ показалъ мнѣ пять изъ этихъ посланій, которыя, правда, ничего общаго не имѣютъ съ посланіями св. Павла, но которыя дѣйствительно достойны быть продиктованы страстнымъ любовникомъ. Онъ говорилъ со мною только о ней и обо всемъ, что къ ней относится. Не стану перечислять вамъ празднествъ и подарковъ, которые онъ готовитъ для нея и съ которыми онъ познакомилъ меня подробно. Ограничусь только указаніемъ на его настроеніе духа, передавъ вамъ сказанныя имъ мнѣ слова, что, когда онъ женится, онъ подаритъ всѣмъ миръ, а все остальное время посвятитъ Заирѣ».

Это былъ поразительный примѣръ любви, выродившейся изъ разсчета. Отправляя своего вѣрнаго слугу, маршала Бертье, въ Вѣну съ предложеніемъ руки, Наполеонъ велѣлъ ему по прибытіи на мѣсто сказать будущей невѣстѣ: «Политическія соображенія могутъ вліять на рѣшеніе обоихъ государей, но императоръ Наполеонъ хочетъ, чтобы вы, сударыня, ему достались добровольно». И чѣмъ болѣе приближалась минута, когда Марія-Луиза должна была пріѣхать во Францію, тѣмъ болѣе волновался Наполеонъ. Онъ былъ въ величайшемъ нетерпѣніи. Сотни разъ разсматривалъ онъ портретъ эрцгерцогини, заказалъ себѣ фантастическій костюмъ съ шитьемъ, самъ безконечное множество разъ глядѣлся въ зеркало, удалилъ изъ картинной галереи произведенія, напоминавшія о войнѣ съ Австріею, началъ учиться вальсу, причемъ

вмѣсто дамы вертѣлся по комнатѣ со стуломъ въ рукахъ. Офицеровъ, которые видѣли эрцгерцогиню, онъ положительно превратилъ въ мучениковъ, закидывая вопросами и заставляя сообщать самыя невозможныя подробности. «Есть-ли у нея это? Ну, а то? А не замѣтили ли вы у нея другого?». Вопросы подобнаго рода такъ и сыпались у него съ устъ. И отвѣты были всегда удовлетворительные, потому что эрцгерцогиня Марія-Луиза была довольно плотная особа и у нея, выражаясь словами Наполеона, дѣйствительно было и то, и это... Даже слишкомъ было. Хотя вышла она замужъ всего восемнадцати лѣтъ, но при взглядѣ на нее невольно вспоминались мадонны Рубенса, полныя, плотныя, съ сочными щеками и здоровымъ цвѣтомъ лица. Говорили, что цвѣтъ лица у Маріи-Луизы розовый, но на самомъ дѣлѣ щеки у нея были красныя, и она съ этой постоянной краской на лицѣ всегда производила впечатлѣніе, будто она только-что сказала глупость и ей очень стыдно. Въ общемъ это была самая обыкновенная женщина сомнительной красоты, еще болѣе сомнительнаго ума и совсѣмъ уже несомнѣннаго ничтожнаго характера. Влюбиться въ истинномъ смыслѣ слова въ такую женщину и притомъ по одному только портрету было совершенно невозможно. Но чего не сдѣлаетъ знатность невѣсты, если съ нею связаны знатность будущихъ дѣтей и гарантія самой династіи?

Такимъ образомъ, любовь Наполеона была во всякомъ случаѣ своеобразная. Тѣмъ не менѣе, выражалась она въ обычной формѣ. Такъ, Наполеонъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ писемъ отъ невѣсты и самъ писалъ ей каждый день. Говорятъ, что Марія-Луиза съ большимъ удовольствіемъ участвовала въ этой перепискѣ. Это возможно. Но что касается Наполеона, то тутъ уже было не удовольствіе, а захватывающій интересъ. Онъ какъ бы превратился въ юношу, въ первый разъ въ жизни получающаго любовныя записки. Церемоніи, оттягивавшія день пріѣзда Маріи-Луизы, выводили его изъ терпѣнія. Онъ проклиналъ ихъ. Наполеонъ какъ бы переродился, сдѣлался чище. Даже мысли получили у него другое направленіе. И это несмотря на то, что еще очень недавно онъ жилъ въ полное удовольствіе, свободную любовь и цинизмъ превратилъ почти въ профессію, а брату Жерому, подражавшему ему въ порокахъ, писалъ: «Поступайте, какъ я, оставайтесь полчаса за столомъ, имѣйте только мимолетныя связи, а метрессъ вовсе не имѣйте!».

Наконецъ, получилась желанная вѣсть: невѣста ѣдетъ! Это было сигналомъ также и для Наполеона, который стремительно поѣхалъ ей навстрѣчу. Согласно имъ же выработанному съ большою тщательностью церемоніалу, встрѣча должна была произойти въ Суассонѣ, гдѣ былъ устроенъ лагерь для пріема императрицы. Когда онъ выѣхалъ изъ Компьена, рѣшеніе подчиниться церемоніалу было у него твердо; но въ дорогѣ имъ овладѣло сильнѣйшее нетерпѣніе и онъ, узнавъ, что Марія-Луиза всего въ двѣнадцати верстахъ отъ него, сѣлъ въ экипажъ вмѣстѣ съ неаполитанскимъ королемъ и помчался къ ней безъ свиты. Завидѣвъ издали кортежъ въ Курселлѣ, онъ вышелъ изъ экипажа и подошелъ къ каретѣ Маріи-Луизы. Лакей не зналъ намѣренія Наполеона и поэтому, открывъ дверцы, торжественно провозгласилъ:

— Императоръ!

Можно себѣ представить общій переполохъ. Особенно смутилась

Марія-Луиза. Красная и безъ того, она запылала румянцемъ во всю щеку. Она вовсе не ждала императора, увѣренная, что увидится съ нимъ только къ вечеру. Но размышлять долго нельзя было. Дверцы захлопнулись и экипажъ понесся съ необычайною быстротою. Отъ церемоніала, надъ которымъ Наполеонъ ломалъ голову столько времени, и слѣдъ простылъ.

Вечеромъ императорская чета была въ Компьенѣ. Тамъ былъ поданъ ужинъ, за которымъ присутствовали также король и королева неаполитанскіе. Наполеонъ былъ внѣ себя отъ радости и счастія. Здоровыя щеки молодой жены и династическія соображенія дѣйствовали на него, какъ удары электрической батареи. Онъ помнилъ, что, согласно церемоніалу, ему необходимо послѣ ужина удалиться изъ дворца, оставивъ супругу, съ которою обвѣнчался только гражданскимъ бракомъ, да и то черезъ посредство замѣстителя, одну. Но какъ оставить? Онъ умолялъ за ужиномъ горѣвшую отъ стыда и охваченную робостью молодую женщину не настаивать на церемоніалѣ и, разъ онъ нарушенъ вначалѣ, довести его разрушеніе до конца и позволить ему переночевать во дворцѣ. Марія-Луиза сопротивлялась, но сестра Наполеона, неаполитанская королева, не разъ оказывавшая брату услуги въ подобныхъ случаяхъ, пришла ему на помощь; но и это не помогало. Дѣвушка не понимала, чего отъ нея хотятъ, и очень удивлялась, что церемоніалъ нарушается безъ всякой надобности. Между тѣмъ, Наполеонъ продолжалъ пылать и, думая, что ее смущаютъ какія-нибудь соображенія о брачныхъ формальностяхъ, позвалъ къ себѣ кардинала Феша, своего дядю, и спросилъ:

— Развѣ мы повѣнчаны не какъ слѣдуетъ?

— Безусловно, какъ слѣдуетъ по гражданскимъ законамъ,—отвѣчалъ кардиналъ, не зная, какія послѣдствія будутъ имѣть его слова.

Марія-Луиза уступила, а черезъ нѣкоторое время влюбленный Наполеонъ, надушенный одеколономъ и въ халатѣ, тайно пробирался въ опочивальню своей юной супруги.

На слѣдующій день онъ спросилъ своего лакея, не видѣлъ ли кто, какъ онъ нарушилъ церемоніалъ. Конечно, всѣ видѣли, но лакей сказалъ, что никто не видѣлъ, и всѣ сдѣлали видъ, что ничего не знаютъ...

Съ этой минуты началось истинное семейное счастіе Наполеона. Онъ почти не отходилъ отъ жены, присутствовалъ, когда она одѣвалась, заигрывалъ съ нею, щипалъ ея щеки, шею и т. п. Марія-Луиза сердилась, но тихо. Тогда онъ хваталъ ее въ объятія и, осыпавъ поцѣлуями, называлъ своимъ «толстымъ животнымъ». Марія-Луиза успокоивалась, и игра возобновлялась.

Кромѣ соображеній, о которыхъ мы упомянули выше, на любовь Наполеона вліяло, по всей вѣроятности, еще одно обстоятельство. Въ глубинѣ души онъ былъ, несомнѣнно, человѣкъ порядочный и его сильно смущали легкіе нравы, царившіе кругомъ. Къ тому же онъ помнилъ еще приключенія Жозефины, помнилъ, какъ мало счастія доставляли ему женщины, дарившія въ одно и то же время благодарностью и другихъ мужчинъ. При этихъ условіяхъ порядочность Маріи-Луизы должна была сильно на него дѣйствовать, и нужно признать вполнѣ искренними слова, обращенныя имъ однажды къ молодой женѣ:

— Цѣломудріе для женщинъ то же, что храбрость для мужчинъ. Я презираю труса и безстыдную женщину.

Въ Парижѣ немало удивлялись пылкой любви Наполеона. «Если бы я захотѣлъ дать вамъ понять, какъ императоръ любитъ нашу прелестную императрицу,—писалъ кардиналъ Мори женѣ одного изъ выдающихся генераловъ,—то это была бы напрасная попытка. Это истинная любовь, но на этотъ разъ любовь доброкачественная. Онъ влюбленъ, повторяю, какъ никогда не былъ влюбленъ въ Жозефину, потому что, сказать по правдѣ, вѣдь онъ не зналъ ея молодою. Ей уже было за тридцать лѣтъ, когда они поженились. Между тѣмъ, эта молода и свѣжа, какъ весна. Вы ее увидите и будете въ восторгѣ».

Но какъ относилась къ Наполеону сама Марія-Луиза? Мы уже сказали выше, что она была полное ничтожество. Ей велѣли принять предложеніе Наполеона, она приняла. Ей приказали поѣхать въ Парижъ, она поѣхала. Она была олицетворенное послушаніе. Требованія Наполеона она исполняла безпрекословно, но это не исходило изъ ея разума или сердца. Она просто исполняла супружескія обязанности. Однажды Наполеонъ пришелъ къ себѣ утомленный и попросилъ позвать Марію-Луизу. Императрица пришла. Наполеонъ поднялся къ ней навстрѣчу и крѣпко поцѣловалъ въ щеку. Марія-Луиза полѣзла въ карманъ и, вынувъ платокъ, вытерла то мѣсто, которое поцѣловалъ мужъ.

— Развѣ я тебѣ противенъ, что ты вытираешься?—спросилъ императоръ.

— Нѣтъ, по привычкѣ.

Наполеонъ былъ, конечно, пораженъ и отвѣтомъ, и привычкою; тѣмъ не менѣе онъ промолчалъ.

— Спи у меня,—сказалъ онъ черезъ нѣкоторое время.

Императрица, конечно, исполнила бы и эту просьбу, но Наполеонъ любилъ, чтобы въ его комнатахъ было очень тепло и поэтому приказывалъ хорошо топить печи. Марія-Луиза отвѣчала:

— Здѣсь жарко.

Дѣйствительно, жара дѣлала то, что слишкомъ уже розовая и плотная Марія-Луиза принимала цвѣтъ варенаго рака. Поэтому она предпочла спать на своей половинѣ безъ свѣта, чтобы не выставлять наружу оборотную сторону своихъ прелестей. Тѣмъ не менѣе она часто говаривала о своей любви къ императору и о томъ же писала въ письмахъ къ нему. Мы сейчасъ увидимъ, что разумѣла бывшая эрцгерцогиня подъ словомъ любовь.

Единственное, что можно сказать въ пользу Маріи-Луизы, это то, что она была безусловно вѣрна Наполеону. Никакихъ интрижекъ она не завязывала, да онѣ шли бы въ разрѣзъ съ ея гладкимъ, спокойнымъ, ничѣмъ не смущаемымъ существованіемъ. «Если бы Франція знала всѣ достоинства этой женщины,—сказалъ однажды Наполеонъ въ минуту полнаго довольства, которое, по словамъ его біографовъ, всегда слѣдовало за благосклонностью Маріи-Луизы,—то она упала бы передъ нею на колѣни». Конечно, онъ не ревновалъ и не подозрѣвалъ ея. Но онъ всетаки не могъ забыть похожденія Жозефины. И вотъ почему Наполеонъ приказалъ, чтобы въ покои императрицы никогда не входилъ ни одинъ мужчина (единственнее исключеніе было сдѣлано для учителя музыки Паэра) и чтобы при императрицѣ всегда находилась придворная дама.

Однажды, зайдя на половину Маріи-Луизы, Наполеонъ засталъ тамъ какого-то мужчину и пришелъ въ сильный гнѣвъ. Его мучила не ревность, а сознаніе, что его приказъ не исполненъ. Придворная дама поспѣшила сообщить, что это Бьенэ, пришедшій для того, чтобы объяснить секретъ одной части мебели, сдѣланной для императрицы. Но Наполеонъ нахмурилъ брови и проговорилъ:

— Все равно, это—мужчина. Если я даю приказъ, то не должно быть исключеній, иначе скоро и самихъ правилъ не будетъ.

Очевидно, что не ревнивымъ чувствомъ руководился Наполеонъ. Жена Цезаря должна быть выше подозрѣній, жена Наполеона также, тѣмъ болѣе, что дѣло шло о династіи, чистоту которой никто не смѣлъ подвергнуть сомнѣнію. Что Наполеонъ не ревновалъ своей жены, видно изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго княземъ Меттернихомъ. «Я,—передавалъ онъ,—нашелъ Наполеона у императрицы. Бесѣда зашла объ общихъ вещахъ, какъ вдругъ Наполеонъ спросилъ меня:

«— Мнѣ хочется, чтобы императрица говорила съ вами искренно и открыто, и пусть она вамъ скажетъ, какого она мнѣнія о своемъ положеніи. Вы—другъ, она не должна имѣть тайнъ отъ васъ.

«Окончивъ эту фразу, Наполеонъ закрылъ двери зала и, положивъ ключъ въ карманъ, скрылся въ другихъ дверяхъ. Я спросилъ у императрицы, что означаетъ эта сцена; она предложила мнѣ тотъ же вопросъ. Видя, что она вовсе не была подготовлена Наполеономъ, я догадался, что ему хотѣлось доставить мнѣ возможность узнать отъ самой императрицы подробности ея жизни и потомъ представить благопріятный отчетъ императору, ея отцу. Императрица подумала то же самое. Мы оставались запертыми почти цѣлый часъ. Наконецъ, императоръ вошелъ со смѣхомъ:

«— Ну-съ,—сказалъ онъ,—вы наболтались изрядно. Много дурного разсказала обо мнѣ императрица? Плакала ли она или смѣялась? Не спрашиваю у васъ отчета. Это ваша тайна, другихъ не касающаяся, хотя бы другимъ былъ самъ мужъ.

«На слѣдующій день Наполеонъ искалъ случая поговорить со мною.

«— Что сказала вамъ вчера императрица?—спросилъ онъ меня.

«— Вы мнѣ сказали,—отвѣтилъ я,—что наша бесѣда не касается другихъ. Позвольте мнѣ хранить молчаніе.

«— Императрица,—прервалъ онъ меня,—вамъ сказала, что ей не на что жаловаться. Надѣюсь, что вы это скажете императору и что онъ вамъ повѣритъ больше, чѣмъ другимъ».

Случай, приведенный Меттернихомъ, достаточно ярко рисуетъ чувства Наполеона. Считая Марію-Луизу единственнымъ спасеніемъ, онъ дѣлалъ все, чтобы она была счастлива. И для того, чтобы и ея отецъ зналъ объ этомъ, онъ не остановился даже передъ небывалымъ до тѣхъ поръ поступкомъ—оставилъ жену съ Меттернихомъ на цѣлый часъ. Съ Жозефиною, конечно, онъ этого не сдѣлалъ бы, потому что дѣло могло бы кончиться для него весьма плачевно. Какъ свидѣтельствуетъ ея бывшій любовникъ Баррасъ, она, сидя съ однимъ мужчиною въ одномъ экипажѣ, непремѣнно оканчивала тѣмъ, что кидалась къ нему на шею. А г-жа д'Абрантесъ разсказываетъ, что ея мужу пришлось однажды разыграть въ присутствіи Жозефины роль, весьма напоминающую роль Іосифа передъ Пентефріею...

Во всякомъ случаѣ, Марія-Луиза въ это время вполнѣ подходила къ идеалу, соотвѣтствовавшему душевному настроенію Наполеона. Великій корсиканецъ былъ на вершинѣ своего могущества. Онъ, конечно, грезилъ о завоеваніяхъ. носился съ огромными планами, но дома жаждалъ душевнаго спокойствія, можно сказать, буржуазнаго счастія. Мечтою его сдѣлалась любовь спокойная, безъ сценъ и возгласовъ. Въ ушахъ его еще звучалъ голосъ Жозефины, выходившей изъ себя изъ-за малѣйшаго пустяка, и онъ ужасался при мысли, что могъ столько времени выносить этотъ семейный адъ. Самъ онъ въ свою очередь не измѣнялъ женѣ. Говорятъ, впрочемъ, что во время своихъ походовъ онъ послалъ лакею записку, въ которой имѣются слова: «Ванна, ужинъ и Валевская», т. е. та именно полька Валевская, которая уже принадлежала ему раньше и съ которою, повидимому, онъ проводилъ рѣдкіе часы досуга и теперь; но, какъ основательно замѣчаетъ Тюрканъ *), напрасно приписываютъ эту записку Наполеону, который, конечно, могъ еще, пожалуй, написать ее, но ужь никакъ не могъ послать лакею и притомъ въ такой формѣ. Къ тому же лакей, о которомъ идетъ рѣчь, былъ въ то время въ Россіи. Наконецъ, его заботливость о женѣ во время похода 1812 года не свидѣтельствуетъ ли о чувствахъ, исключавшихъ возможность всякой измѣны? Между прочимъ, онъ писалъ Камбесересу: «Министры не должны говорить съ императрицею о вещахъ, которыя могутъ ее тревожить или причинять страданія. Она должна быть въ восторгѣ отъ дѣлъ». Словомъ, Наполеонъ не только мечталъ объ идеалѣ мѣщанскаго счастія въ лонѣ семьи, но старался довести его осуществленіе до крайнихъ предѣловъ.

И Марія-Луиза стояла на высотѣ этого идеала. Она ѣла, пила, спала и ни о чемъ не думала. Побѣды мужа, разладъ между мужемъ и отцомъ, измѣны, пораженія,—все это ея совершенно не интересовало. «Вся—важность, вся—упрямство и вся—этикетъ,—говоритъ о ней въ своихъ воспоминаніяхъ герцогиня д'Абрантесъ,—она позволяла приблизиться къ себѣ только герцогинѣ Монтебелло... Завтракать, дѣлать сыну знакъ головою, садиться на лошадь, вышивать, пить сливки, немного поболтать съ царскимъ достоинствомъ о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ,—вотъ чѣмъ занималась императрица послѣ дрезденскаго дѣла». Политическій горизонтъ никогда еще не заволакивался такими густыми тучами, а она, которую Наполеонъ любилъ и назначилъ даже правительницею Франціи, ни о чемъ не заботилась, ничего не знала и не хотѣла знать!

Но вотъ имперія рухнула. «Трехнедѣльный удалецъ», пришедшій къ намъ, по выраженію Пушкина, съ грозою военною, чтобы дерзновенною рукою ухватиться за вражескій вѣнецъ, палъ. Наполеонъ въ волненіи. Онъ не отчаивается, потому что онъ никогда вообще не отчаивался, но просто не хочетъ жить и принимаетъ ядъ. Что дѣлаетъ въ это время императрица, у которой уже нѣтъ престола, потому что супругъ низложенъ? Ничего не дѣлаетъ. Больше: она занята своей наружностью. Когда получилась страшная вѣсть о паденіи Наполеона и его попыткѣ лишить себя жизни, Марія-Луиза была въ Блуа. Войдя

*) «Napoléon amoureux», par Joseph Turquan, p. 328.

къ ней, Сентъ-Олеръ, какъ разсказываетъ д'Оссонвиль въ своихъ мемуарахъ, засталъ ее въ постели. Ноги императрицы виднѣлись изъ подъ одѣяла. Сообщивъ ей грозную новость, онъ опустилъ глаза, чтобы не видѣть волненія, которое, какъ онъ думалъ, должно было отразиться на ея лицѣ. Но императрица вдругъ сказала:

— Ахъ, вы смотрите на мои ноги! Мнѣ всегда говорили, что онѣ красивы.

И въ то время, когда Марія-Луиза, нѣжась въ постели, думала о своихъ красивыхъ ногахъ, Наполеонъ, находясь еще подъ впечатлѣніемъ сознанія, что онъ едва не отправился на тотъ свѣтъ, говоритъ:

— На островѣ Эльбѣ я могу еще быть счастливъ съ женою и сыномъ...

Какъ ошибался Наполеонъ! Едва онъ прибылъ на островъ, первой его мыслію было вызвать туда Марію-Луизу. Онъ былъ увѣренъ, что она пріѣдетъ. Развѣ она не говаривала ему часто: «Хорошая жена должна слѣдовать за мужемъ, этого требуетъ Евангеліе». А вѣдь она хорошая жена. И въ то время, когда для Наполеона наскоро приготовляли помѣщеніе на островѣ Эльбѣ, въ то время, какъ на потолкѣ его зала художникъ изображалъ, по идеѣ Наполеона, двухъ привязанныхъ къ одной нити голубей, которые тѣмъ болѣе затягиваютъ узелъ, чѣмъ болѣе удаляются другъ отъ друга, низложенный императоръ писалъ безмятежной супругѣ, что все уже готово къ ея пріѣзду на островъ и что онъ ждетъ ее съ распростертыми объятіями. Отвѣта не было. Думая, что союзники или Бурбоны задержали ея письмо, Наполеонъ написалъ второе. Опять нѣтъ отвѣта. Онъ—третье. Отвѣта нѣтъ. Онъ посылаетъ нарочныхъ—тотъ же результатъ. Наконецъ, онъ начинаетъ думать, что Марія-Луиза находится подъ строгою ферулою отца, который не разрѣшаетъ ей переписываться съ нимъ, и поэтому обращается къ великому герцогу Тосканскому съ просьбою выхлопотать разрѣшеніе на то, чтобы Марія-Луиза и г-жа Монтескью, гувернантка его сына, писали ему отъ времени до времени. Но отвѣтомъ было безмолвіе.

Наполеона, впрочемъ, ожидало утѣшеніе. Въ одно прекрасное время къ нему неожиданно пріѣхала Валевская, съ которою онъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ раньше, еще до женитьбы. Онъ былъ и обрадованъ, и разочарованъ. И въ самомъ дѣлѣ: вмѣсто идеальной жены его горе пришла раздѣлить далеко не идеальная любовница...

Что дѣлала въ это время Марія-Луиза? Она наслаждалась благоуханіемъ воздуха и свѣжестью воды Эксъ-ле-бена. Она была не одна: ея одиночество раздѣлялъ камергеръ Нейпергъ, замѣнявшій ей, какъ утверждаетъ Тюрканъ, мужа во всѣхъ отношеніяхъ. Что ей было за дѣло до корсиканскаго выходца, съ которымъ соединила ее судьба? Она вышла за него по соображеніямъ политики, въ которой къ тому же играла чисто пассивную роль, и когда эти соображенія сдѣлались анахронизмомъ, отвернулась и забыла о его существованіи. Съ той минуты, какъ Наполеонъ былъ водворенъ на островѣ Эльбѣ, онъ, по ея мнѣнію, потерялъ всякія права на нее. Достаточно отмѣтить, что она даже мужемъ перестала его называть. «Господинъ съ острова Эльбы» — вотъ прозвище, которымъ она награждала его въ рѣдкія минуты, когда ей угодно было вспомнить о немъ. Какая пропасть отдѣляла эту жирную австрійскую корову отъ жены Лафайета, пере-

несшей столько страданій, чтобы соединиться съ любимымъ мужемъ хотя бы въ тюрьмѣ!

Но вотъ Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы. Еще нѣсколько дней, и онъ въ Парижѣ. Сколько заботъ, сколько дѣла! Онъ работаетъ надъ планомъ умиротворенія взбаломученной Франціи, стараясь въ то же время задобрить враговъ. И тѣмъ не менѣе мысль о Маріи-Луизѣ его не покидаетъ. Онъ продолжаетъ ее любить. Едва онъ прибылъ въ Парижъ, какъ написалъ тестю, австрійскому императору, въ Вѣну пламенное письмо, въ которомъ умоляетъ его о возвращеніи жены. «Я слишкомъ хорошо знаю принципы вашего величества, слишкомъ хорошо знаю, какое значеніе придаете вы своимъ семейнымъ привязанностямъ, чтобы не питать счастливой увѣренности, что поспѣшите ускорить минуту новаго соединенія жены съ мужемъ и сына съ отцомъ, каковы бы ни были соображенія вашего министерства и вашей политики». Такъ какъ и на это письмо не было отвѣта, то Наполеонъ послалъ въ Вѣну Монрона, изгнаннаго имъ въ 1811 году за то, что онъ слишкомъ выставлялъ себя въ качествѣ любовника принцессы Паулины, съ порученіемъ добиться во что бы то ни стало возвращенія Маріи-Луизы. Напрасный трудъ. Императрица не ѣдетъ. Она никогда не пріѣдетъ.

Звѣзда Наполеона быстро закатывалась. Союзники снова двинули противъ него свои полчища. Еще была надежда на полѣ сраженія вернуть себѣ прежнія могущество и положеніе; но сраженіе подъ Ватерлоо рѣшило все. Наполеонъ пересталъ быть Наполеономъ. Онъ удалился въ Англію, но высадился на островѣ св. Елены. Онъ разсчитывалъ на благородство англійскаго народа, но забылъ, что есть еще англійское правительство. И дѣйствительно, его считали плѣнникомъ и вмѣсто гостепріимства, котораго онъ требовалъ и на которое имѣлъ право разсчитывать, его ждалъ приказъ объ отправкѣ на одинокій островъ съ нездоровымъ климатомъ, ждалъ смертный приговоръ въ формѣ ссылки. Онъ былъ слишкомъ великъ, чтобы его казнили, но онъ былъ также слишкомъ опасенъ, чтобы слабые пигмеи, неожиданно сдѣлавшіеся сильными, дали ему возможность долго жить.

Наполеонъ такъ и не увидѣлся ни съ Маріею-Луизою, ни съ сыномъ. Но чувства его къ женѣ не измѣнились. По свидѣтельству невольныхъ товарищей Наполеона по пребыванію на пустынномъ островѣ, онъ безпрестанно говорилъ о женѣ и сынѣ, доказывая, что распространенный взглядъ, будто разлука вліяетъ гибельно на любовь, невѣренъ.

— Я, — сказалъ онъ однажды, по свидѣтельству Гудсона Лоу,— очень люблю свою добрую Луизу. И послѣ пяти лѣтъ разлуки я люблю ее еще больше, чѣмъ, можетъ быть, любилъ бы, если бы мы вмѣстѣ остались въ Тюльерійскомъ дворцѣ.

Блаженъ, кто вѣруетъ!

Людовикъ XVIII. Но вотъ кончилось владычество Наполеона. Гордый корсиканецъ, какъ вихрь, какъ шквалъ, налетѣлъ на Европу и, взволновавъ ее съ одного конца до другого, исчезъ. Наступила новая пора. Повѣяло миромъ. Разрозненныя, рузрушенныя, разоренныя европейскія государства стали собираться съ силами. На островѣ св. Елены еще жилъ человѣкъ, представлявшій воплощеніе недавнихъ бурь, но онъ уже былъ немощенъ. Какъ скованный Прометей, лежалъ

онъ, пригвожденный къ скалѣ каменистой пустыни, обвѣваемый грознымъ дыханіемъ непривѣтнаго океана, который съ одинаковымъ равнодушіемъ цѣловалъ и берега его родины, и скалы его мрачной темницы...

Людовику XVIII, младшему брату обезглавленнаго Людовика XVI, было уже 59 лѣтъ, когда священный союзъ, положившій конецъ бездонному властолюбію Наполеона, посадилъ его на французскій престолъ. Орелъ былъ замѣненъ индюкомъ. Бѣдный! Новый король не зналъ, что владѣетъ короною милостію людей, а не милостію Божіею. Ему казалось, что вернулись времена его предковъ, времена Людовика XIV, когда все жило и радовалось, потому что горизонтъ былъ еще чистъ и ни откуда еще не доносилось раскатовъ надвигающагося грома. Начались реакціонныя мѣры,—какъ будто Франція не пережила грандіозной революціи, которая все смела, срѣзала, развѣяла и разнесла!

Конечно, началось прежнее царство метрессъ. Правда, XIX вѣкъ не XVII, и для такихъ властолюбивыхъ дамъ, какъ г-жи Помпадуръ, Монтеспанъ и другія, мѣста при французскомъ дворѣ уже не было; но фаворитки всетаки существовали. Онѣ вели прежнюю вольную жизнь, хотя и въ менѣе широкихъ размѣрахъ; онѣ поглощали тѣ же государственные расходы, хотя деньги, которыя получалъ король, уже были подчинены строгой регламентаціи; онѣ давали даже тонъ политикѣ, хотя скромно, тихо, подъ сурдинкою.

Остановимся на одной изъ нихъ—графинѣ дю-Кайля. Она происходила изъ такъ называемой «noblesse de robe», т. е. изъ чиновнаго дворянства. Отецъ ея, Омеръ Талонъ, былъ генералъ-адвокатомъ и гражданскимъ намѣстникомъ Шатлэ. Воспитаніе она получила въ знаменитомъ пансіонѣ г-жи Кампань, бывшей камеристки Маріи-Антуанетты. Въ этомъ пансіонѣ воспитывались одновременно съ нею Каролина Бонапартъ, сестра Наполеона (позднѣе жена Мюрата), Гортензія Богарнэ, сдѣлавшаяся впослѣдствіи голландскою королевою, и еще нѣсколько другихъ молодыхъ дѣвушекъ, которымъ было суждено играть впослѣдствіи роль при дворѣ первой имперіи. О строгости нравовъ въ пансіонѣ не могло быть и рѣчи, и воспитанницы, окончивъ учебное заведеніе, выходили оттуда съ богатымъ запасомъ знаній не одного только образовательнаго свойства. М-ll Талонъ не была исключеніемъ. Тотчасъ по выходѣ изъ пансіона она была выдана за дворянина тосканскаго происхожденія, графа Баши дю-Кайля, который до революціи былъ прикомандированъ къ принцу Кондэ въ качествѣ придворнаго кавалера и служилъ ему адъютантомъ во время походовъ эмиграціи.

Бракъ съ самаго начала оказался несчастнымъ. Правда, самъ Кайля былъ во многомъ виноватъ, но скандальное поведеніе его жены сдѣлалось вскорѣ предметомъ общихъ пересудовъ. Оффиціальнымъ любовникомъ ея состоялъ министръ полиціи Наполеона, генералъ Савари, герцогъ Ровиго, который, какъ говорятъ, пригласилъ ее къ себѣ, чтобы по порученію императора предупредить ее по поводу неосторожныхъ словъ, сказанныхъ ею, и тутъ же во время исполненія обязанности предостерегателя влюбился въ нее. Когда палъ Наполеонъ и трехцвѣтное знамя снова замѣнилось бѣлымъ знаменемъ Бурбоновъ, графиня вдругъ сдѣ-

лала великое открытіе: она почувствовала, что въ душѣ была всегда роялисткою. Впрочемъ, открытіе было сдѣлано во-время: мужъ возбудилъ противъ нея дѣло, требуя выдачи дѣтей, а сама она, стѣсняемая заботами о деньгахъ, оказалась въ самомъ плачевномъ состояніи.

Счастіе вскорѣ ей улыбнулось: у нея нашелся новый другъ въ лицѣ графа Ларошфуко. Этотъ потомокъ благороднѣйшихъ родовъ Франціи принадлежалъ къ ультра-консервативной партіи, т. е. къ той именно партіи, которая, не понимая духа времени, стремилась только къ возвращенію во Франціи абсолютнаго режима, опирающагося на дворянство, и только въ этомъ идеалѣ усматривала спасеніе династіи. Такъ какъ въ то время Людовикъ XVIII, подпавъ подъ вліяніе министра Деказа, обнаружилъ явное намѣреніе пойти по пути реформъ, то рѣшено было приблизить къ королю человѣка, который быстро и рѣшительно положилъ бы конецъ свободолюбивымъ тенденціямъ короля. Выборъ палъ... на графиню Кайля! Она оказалась самымъ подходящимъ для этого человѣкомъ. Людовику скоро приглянулась хорошенькая женщина съ полными, круглыми формами, красивыми глазами и ослѣпительно-бѣлыми зубами. Съ тѣхъ поръ началась власть графини дю-Кайля, власть ограниченная, но несомнѣнная. Такой умный и проницательный государственный дѣятель, какъ Деказъ, не могъ не догадаться, въ чью пользу работаетъ новая фаворитка, и между нимъ и ею началась подпольная борьба, окончившаяся пораженіемъ министра и полнымъ торжествомъ графини.

Какъ женщина корыстолюбивая, графиня, конечно, прежде всего стала пользоваться щедротами тучнаго короля. Нѣкоторые изъ современниковъ Реставраціи указываютъ въ своихъ мемуарахъ, будто дю-Кайля не была корыстолюбива; но это противорѣчитъ истинѣ. Извѣстно, напримѣръ, что король часто игралъ съ нею въ шахматы, причемъ, если она выигрывала, уплачивалъ ей 2.000 дукатовъ, а если проигрывала, возмѣщалъ ея проигрышъ. Однажды, когда графиня собиралась на балъ, король прикололъ ей къ волосамъ драгоцѣнное украшеніе, стоившее 200.000 франковъ, причемъ она даже не замѣтила этого. Въ другой разъ онъ подарилъ ей иллюстрированную Библію, въ которой каждый рисунокъ, вмѣсто обычной шелковой бумаги, былъ прикрытъ тысячефранковымъ билетомъ. Наконецъ, онъ подарилъ ей великолѣпный замокъ въ Санъ-Суси, построенный по его плану. Онъ же и заложилъ его. Всѣ думали, что замокъ предназначается для дочери Людовика XVI, герцогини Ангулемской. Предметы искусства и другія вещи, которыми былъ украшенъ этотъ замокъ, стоили баснословно дорого—отъ 7 до 8 милліоновъ.

Любовь тучнаго и неповоротливаго короля къ изящной графинѣ заключала въ себѣ много смѣхотворнаго, и вполнѣ понятно, что она служила неизсякаемымъ источникомъ для всякихъ остротъ и разсказовъ. Такъ, говорили, что Людовикъ, большой любитель нюхательнаго табаку, получилъ милостивое разрѣшеніе графини нюхать его на ея божественной груди. Провѣрить этотъ слухъ, конечно, было трудно, но тѣмъ не менѣе ему всѣ вѣрили. И вотъ однажды, когда графиня вышла изъ внутреннихъ покоевъ короля, гвардейцы, выстроившіеся въ рядъ у дверей, сразу и дружно чихнули. Эта выходка взбѣсила графиню, но она ничего не могла подѣлать. Можетъ быть, такой фактъ существовалъ и, обра-

тивъ вниманіе на шутку гвардейцевъ, она только придала бы ему характеръ полной безспорности.

Разсказывали еще, что однажды Людовикъ, находясь наединѣ съ графинею, упалъ и вслѣдствіе тучности не могъ подняться. Графиня всѣми силами старалась поднять его, но грузное тѣло ея царственнаго любовника было слишкомъ тяжело для ея нѣжныхъ пальцевъ. Видя, что королю не подняться безъ чужой помощи, она начала звонить. Никто, однако, не явился, такъ какъ король строго запретилъ входить къ нему въ то время, когда онъ съ графинею. Графиня начала кричать, но и тутъ никто не явился. Самъ король, наконецъ, не выдержалъ и сталъ орать благимъ матомъ. Однако, никто не отозвался и на этотъ разъ, потому что дежурному пришло въ голову, не хочетъ ли король его испытать. Въ концѣ концовъ онъ всетаки вошелъ, и можно себѣ представить негодованіе короля, сконфуженность графини и удивленіе дежурнаго.

Вліяніе графини Кайля росло по мѣрѣ того, какъ уменьшалось вліяніе самого короля, который съ годами сдѣлался еще болѣе дряхлымъ, слабымъ, безжизненнымъ. Но участь всѣхъ фаворитокъ одинакова: онѣ сильны только при жизни ихъ вѣнценосныхъ покровителей и исчезаютъ тотчасъ послѣ ихъ смерти. Послѣдній вздохъ Людовика XVIII снесъ графиню Кайля съ того пьедестала, на которомъ она сидѣла по его милости. Однако, она еще долго послѣ того вела веселую, разсѣянную и богатую скандалами жизнь. Она видѣла вторичное изгнаніе Бурбоновъ, паденіе Людовика-Филиппа и учрежденіе второй республики. Когда ей было уже 46 лѣтъ, она дала богатую пищу скандальной хроникѣ Парижа своей любовной связью съ маркизомъ Лукези-Палли. Передъ смертью (умерла она въ мартѣ 1852 года) графиня завѣщала замокъ въ Сентъ-Уанѣ графу Шамбору, но онъ отказался отъ него.

Изъ-за замка этого, замѣтимъ кстати, начался позднѣе процессъ между городомъ Парижемъ и дочерью графини, княгинею Бованъ-Краонъ, которая и выиграла дѣло.

Наполеонъ III.

Вторая имперія была менѣе богата великими событіями, но зато была болѣе богата маленькими женщинами. Вся она была вообще маленькая, какъ и самъ Наполеонъ III, несмотря на весь ея блескъ и роскошь и видимую внушительность. Это, можно сказать, было царство гномовъ или, вѣрнѣе, царство гусей, все достоинство которыхъ заключалось въ томъ, что ихъ предки когда-то Римъ спасли...

Но зато весело жилось во времена Второй имперіи. Люди какъ бы сбросили съ себя тяжелыя и стѣснительныя одежды и пустились въ отчаянный канканъ. Правда, они танцовали на вулканѣ. Нельзя было просто, однимъ ударомъ, однимъ мановеніемъ руки, хотя бы оно и называлось государственнымъ переворотомъ, стряхнуть съ себя наслѣдіе двухъ кровавыхъ революцій. Наполеоновскій жандармъ могъ еще крѣпко зажимать ротъ парижскому рабочему, безъ хлѣба, безъ угла, безъ надежды на лучшіе дни, шатавшемуся по освѣщеннымъ богатымъ бульварамъ; но за этимъ рабочимъ поднимались сотни и тысячи другихъ рабочихъ, поднималась вся трудящаяся, въ потѣ лица своего добывающая право на существованіе Франція. Но во всякомъ случаѣ это былъ только призракъ. И его тщательно затушевывали другими призраками—

призраками внѣшняго могущества и внутренняго умиротворенія. Казалось, ожила пора великаго корсиканца, когда Франція диктовала законы всей Европѣ и готова была проглотить весь міръ, какъ это уже было однажды съ классическою страною при Александрѣ Македонскомъ. Впечатлительное воображеніе француза уже рисовало картины новыхъ войнъ и новыхъ побѣдъ. Великая армія громила Англію, Пруссію, Австрію, Россію—все это гнѣздо явныхъ друзей и тайныхъ враговъ, сплотившихся когда-то воедино, чтобы общими силами сразить непобѣдимаго врага. И признаки этого яркаго будущаго какъ будто дѣйствительно существовали. Парижъ какъ будто опять дѣлался центромъ; Франція какъ будто опять становилась законодательницею политическихъ судебъ, и голосъ императора твердо и самоувѣренно парилъ надъ хоромъ другихъ европейскихъ голосовъ... Вотъ отчего такъ весело жилось во времена Второй имперіи.

Болѣе всего весело было, конечно, самому Наполеону. Онъ шелъ по слѣдамъ великаго корсиканца, и это выражалось не только въ политикѣ, но и въ частной и семейной жизни. Тотчасъ послѣ государственнаго переворота 2 декабря министры и друзья принца-президента стали высматривать для него принцессу королевской крови въ качествѣ невѣсты. И пусть эта принцесса такъ же была бы мебелью, какъ и Марія-Луиза; но вѣдь и Наполеону III, положеніе котораго первое время было столь же шатко, какъ и положеніе Наполеона I, также нуженъ былъ тронъ...

На первыхъ порахъ, однако, поиски не увѣнчивались успѣхомъ, такъ какъ европейскіе дворы относились еще недовѣрчиво къ новому властителю Франціи, считая его престолъ непрочнымъ и опаснымъ. Одинъ разъ какъ будто переговоры готовы были увѣнчаться успѣхомъ. У вдовствующей великой герцогини Баденской Стефаніи, урожденной Богарнэ, пріемной дочери Наполеона I, были отъ покойнаго великаго герцога Карла-Фридриха (умеръ въ 1818 году) три дочери: Луиза-Амалія-Стефанія, супруга принца Густава Вазы, Жозефина, бывшая замужемъ за княземъ Карломъ-Антономъ Гогенцоллернъ-Зигмарингеномъ, и Марія, жена маркиза Дугласа, позднѣе герцога Гамильтонскаго. Принцъ Густавъ Ваза, супругъ старшей изъ этихъ трехъ принцессъ, былъ сыномъ шведскаго короля Густава IV, которой былъ низложенъ въ 1809 году и которому наслѣдовалъ его дядя Карлъ XIII, усыновившій маршала Бернадотта. Высланный изъ Швеціи, принцъ Ваза жилъ въ Австріи, гдѣ имѣлъ титулъ товарища фельдмаршала. Отъ его брака съ баденскою принцессою, съ которою онъ развелся въ 1844 году, родилась въ 1833 году дочь, принцесса Каролина Ваза, нынѣшняя саксонская королева. На ней именно остановили вниманіе друзья Наполеона. Отецъ ея принцъ Густавъ заявилъ, что ничего не имѣетъ противъ брака, но согласіе дастъ только въ томъ случаѣ, если бракъ будетъ одобренъ австрійскимъ дворомъ. Однако, императоръ Францъ-Іосифъ далъ понять, что въ виду печальной участи эрцгерцогини Маріи-Антуанетты и Маріи-Луизы онъ мало склоненъ благословить этотъ бракъ. Планъ поэтому разстроился.

Пришлось волей-неволей обратить взоры къ какой-нибудь обыкновенный смертной. Ею оказалась молодая испанка, о красотѣ, граціи и умѣ которой говорили тогда во всѣхъ салонахъ Парижа. Это была Евгенія Монтихо, графиня Теба.

Супруга Наполеона III родилась въ Гренадѣ 5 мая 1826 года, ровно черезъ 5 лѣтъ послѣ смерти Наполеона I. Какъ разсказываетъ Энберъ де-Сенъ-Арманъ *), въ свидѣтельство о рожденіи она была занесена въ

Евгенія Монтихо, графиня Теба.

качествѣ Маріи-Евгеніи-Игнаціи-Августины, дочери дона Кипріано Гузманъ Палафокса-и-Порто-Карреро, графа Теба, маркиза Ардальскаго, гранда Испаніи, и Маріи-Мануэлы де-Киркпатрикъ-и-Гривенье, графини Теба и маркизы Ардальской. Въ то время, когда родилась Евгенія, отецъ

*) «Louis-Napoléon et Eugenie» par Imbert de St.-Armand, Paris, 1897.

ея носилъ еще титулъ графа Теба. Титулъ графа Монтихо, принадлежавшій тогда его старшему брату, какъ главѣ семьи, онъ началъ носить только послѣ его смерти. Настоящая фамилія семьи—Гузманъ. Родъ этотъ старинный и изъ его среды вышло немало храбрыхъ воиновъ и умныхъ государственныхъ дѣятелей. Графъ Теба, повидимому, унаслѣдовалъ воинственный духъ предковъ. Увлекшись Наполеономъ, онъ перешелъ на военную службу во Франціи и въ сраженіи подъ Саламанкою потерялъ глазъ и ногу. Впослѣдствіи, при оборонѣ Парижа, въ 1814 году, онъ еще разъ былъ раненъ. Послѣ паденія имперіи онъ первое время оставался во Франціи. Въ домѣ Матѳея Лессепса онъ познакомился съ его племянницею Маріею-Мануэлою Киркпатрикъ, родившеюся въ Малагѣ. Отецъ ея былъ родомъ изъ Шотландіи, мать, урожденная Гривенье,—изъ Голландіи. Такъ какъ жена Матѳея Лессепса, ея сестра, была матерью Фердинанда Лессепса, то строитель Суэцкаго канала былъ двоюроднымъ братомъ матери императрицы Евгеніи. Этимъ близкимъ родствомъ и объясняется живой интересъ, которымъ императрица относилась ко всѣмъ предпріятіямъ великаго француза.

Дочери графа Теба получили строгое, но прекрасное воспитаніе, такъ какъ состояніе графа было небольшое. Въ этомъ воспитаніи не произошло перемѣны и послѣ того, какъ графъ послѣ смерти брата (онъ умеръ въ 1834 году) сталъ носить его титулъ, а съ нимъ очутился въ хорошихъ матеріальныхъ условіяхъ. Въ концѣ же 1834 году вспыхнули безпорядки въ Испаніи, заставившіе новаго графа Монтихо отправить жену съ дѣтьми во Францію. Три года спустя Евгенія Палафоксъ—такъ ее тогда звали—была отдана вмѣстѣ съ сестрою въ монастырь св. Сердца Іисуса. Получивъ извѣстіе о болѣзни мужа, графиня Монтихо поспѣшила въ Мадридъ съ дочерьми, а когда онъ умеръ (15 марта 1839 года), рѣшила тамъ остаться.

Салонъ старой графини Монтихо въ Мадридѣ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ. Въ немъ собирались и политическіе дѣятели. Въ центрѣ находились, конечно, дочери графини, Франциска и Евгенія, вызывавшія общій восторгъ необыкновенной красотой. Франциска вышла въ 1844 году за одного изъ знатнѣйшихъ представителей испанскаго дворянства, герцога Альбу. Нѣкоторое время спустя графиня Монтихо была назначена обергофмейстериною королевы. Вскорѣ, однако, положеніе ея при дворѣ сдѣлалось невозможнымъ. Говорятъ, что главная часть вины падаетъ на кокетство молодой графини. Во всякомъ случаѣ въ 1849 году ей пришлось отказаться отъ занимаемой должности и переѣхать въ Парижъ. Тамъ ей было нетрудно войти въ близкія сношенія съ знатью, съ которою она была на хорошей ногѣ еще раньше. Само собою разумѣется, что она присутствовала также на торжествахъ, которыя устраивалъ въ Елисейскомъ дворцѣ принцъ-президентъ. Такимъ-то образомъ и познакомился Луи-Наполеонъ съ Евгеніею Монтихо. Очень можетъ быть, что красота, молодость и грація молодой графини уже тогда произвели большое впечатлѣніе на Наполеона, но онъ не выдалъ своихъ чувствъ. Скрытность была основною чертою его характера. Никто ни въ какое время не могъ съ увѣренностью сказать, что кроется въ его душѣ въ настоящую минуту, и съ этой стороны, можетъ быть, онъ вполнѣ заслужилъ прозвище сфинкса. Даже въ ноябрѣ и декабрѣ 1852 года, незадолго до государственнаго переворота, когда молодая графиня Мон-

тихо не разъ посѣщала вмѣстѣ съ матерью охоту, спектакли или балы, которые Наполеонъ устраивалъ въ замкахъ Фонтенебло и Компьеня, никто не могъ подмѣтить даже признакъ нѣжнаго вниманія его къ очаровательной дѣвушкѣ. Онъ, правда, охотно разговаривалъ съ Евгеніею, но это скорѣе приписывали вліянію ея ума, чѣмъ требованію его сердца. Впрочемъ, была еще одна причина, по которой общество не замѣчало настоящихъ чувствъ Наполеона. Онъ находился еще въ интимныхъ сношеніяхъ съ красавицею, послѣдовавшею за нимъ изъ Лондона въ Парижъ. Наполеонъ тщательно скрывалъ эту связь, но она была извѣстна всѣмъ и каждому. По общему убѣжденію, онъ непремѣнно покончилъ бы съ этою связью только въ томъ случаѣ, если бы рѣшилъ жениться, а такъ какъ связь продолжалась, то изъ этого выводили, что такого намѣренія у него нѣтъ.

Но время близилось къ развязкѣ. 21 и 22 ноября 1852 года состоялся плебисцитъ, кончившійся тѣмъ, что изъ 8.140.060 голосовъ 7.824.189 высказались за имперію, а 253.145 — противъ. 1 декабря сенатъ и законодательный корпусъ сообщили этотъ результатъ президенту Луи-Наполеону, который тутъ же принялъ императорскій титулъ и имя Наполеона III. Комедія кончилась. Началась драма съ великолѣпнымъ прологомъ, продолжавшимся почти двадцать лѣтъ. Какимъ блескомъ окружилъ себя Наполеонъ въ первые же дни своего правленія въ качествѣ императора! 12 января 1853 года состоялся первый большой придворный балъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Графиня Монтихо съ дочерью, коненчо, находилась въ числѣ приглашенныхъ, и дочь ея превзошла всѣхъ прочихъ дамъ красотою. Императоръ протанцовалъ только двѣ кадрили: одну съ лэди Коулей, другую—съ Евгеніею. Только съ этой минуты начало французское общество догадываться, что между Наполеономъ и молодой Монтихо начинается нѣчто большее, чѣмъ обыкновенное близкое знакомство. И дѣйствительно, черезъ 10 дней императоръ, собравъ въ тронномъ залѣ Тюльерійскаго дворца представителей законодательнаго собранія, возвѣстилъ имъ о своемъ предстоящемъ бракѣ. Извѣстіе всѣхъ поразило, потому что Евгенія не была царскаго происхожденія, но оно было встрѣчено одобрительно, потому что Евгенія была слишкомъ прекрасна, слишкомъ умна, слишкомъ любезна и обходительна въ обращеніи, чтобы кто-нибудь рѣшился высказаться противъ нея. 29 января 1853 года былъ подписанъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ гражданскій актъ, а на слѣдующій день состоялась церковная церемонія въ соборѣ Парижской Богоматери.

Было бы напрасно думать, что Евгенія во всей этой исторіи играла чисто пассивную роль. Наоборотъ, отличаясь большимъ честолюбіемъ, она съ первыхъ дней появленія на горизонтѣ придворной жизни въ Парижѣ рѣшила приковать къ себѣ императора. Она всегда старалась быть около него и держать его постоянно подъ вліяніемъ своихъ чаръ. Вотъ какъ описываетъ ее въ своей книгѣ одна изъ современницъ, Клара Чуди: «Красивая испанка,—говоритъ она на страницахъ, посвященныхъ описанію охоты въ Компьенѣ,—была въ элегантномъ амазонскомъ костюмѣ и сидѣла на чистокровной андалузской лошади. Надъ длиннымъ, широкимъ охотничьимъ платьемъ и сѣрыми панталонами красовалась стянутая талія ея изящной, красивой фигуры. Одна изъ маленькихъ ручекъ, одѣтыхъ въ перчатки, держала повода, другою она

погоняла благородную лошадь съ помощью маленькаго хлыста, рукоятка котораго была усѣяна настоящимъ жемчугомъ. Ноги были въ лакированныхъ сапожкахъ, снабженныхъ высокими каблуками и шпорами. Она сидѣла на лошади, какъ кавалеристъ, безъ сѣдла. Длинныя косы ея лежали подъ поярковою шляпою, которая была украшена длиннымъ великолѣпнымъ страусовымъ перомъ, прикрѣпленнымъ бриллiантовою булавкою и развѣвавшимся на воздухѣ. Ея огненные глаза сверкали и очаровательная улыбка, игравшая на ея губахъ, почти все время обнажала двойной рядъ ея красивыхъ зубовъ».

Замѣтимъ кстати, что на одномъ изъ празднествъ въ Компьенѣ была устроена лотерея и Евгенія выиграла на ней смарагдовую брошь. Эту брошь она считала «счастіемъ» и носила всегда до смерти Наполеона въ качествѣ талисмана. Сдѣлавшись вдовою, она сняла съ себя всякія украшенія, въ томъ числѣ и брошь; но когда ея сынъ поѣхалъ въ область зулусовъ, гдѣ, какъ извѣстно, былъ убитъ, она опять надѣла на себя эту брошь. Когда же умеръ сынъ, она окончательно разсталась съ драгоцѣнной вещью, которая, повидимому, не оправдывала своего названія талисмана, и впослѣдствіи подарила ее племянницѣ и подругѣ— герцогинѣ Муши.

Достигнувъ высшей цѣли своихъ желаній, Евгенія отдалась всѣмъ существомъ обаянію власти и страсти къ роскоши. По случаю ея свадьбы въ парижскихъ мастерскихъ были заказаны для нея не менѣе 24 платьевъ, въ числѣ которыхъ были 3 утреннихъ изъ бѣлаго шелка, богато отдѣланныхъ кружевами; ярко-красное муаровое платье съ отдѣлкою и фестонами изъ бѣлыхъ перьевъ; зеленый туалетъ съ воланами и бѣлыми перьями; бѣлое шитое бархатное платье съ двумя рядами цвѣтовъ; красное бархатное платье, отдѣланное золотыми узорами и орлами. Гражданскій актъ носилъ сравнительно спокойный характеръ. Въ сопровожденіи матери (отца потеряла она еще въ ранніе годы), испанскаго посланника, своего придворнаго штата и оберъ-церемоніймейстера Наполеона, поѣхала Евгенія въ половинѣ девятаго вечера въ Тюльерійскій дворецъ, гдѣ ее уже ждали принцъ Наполеонъ, двоюродный братъ, и принцесса Матильда, кузина императора, чтобы отвезти къ Наполеону. На ней было бѣлое атласное платье, отдѣланное кружевами. Вокругъ шеи обвились двѣ нити жемчуга, въ волосахъ красовался цвѣтокъ. Для присутствія на церемоніи были приглашены 1.000 человѣкъ. Послѣ того, какъ контрактъ былъ подписанъ, общество отправилось въ театральный залъ, гдѣ была исполнена кантата, музыку къ которой написалъ Оберъ. Въ 11 часовъ императоръ удалился въ свои покои; а Евгенія и графиня Монтихо поѣхали въ Елисейскій дворецъ, гдѣ жили въ періодъ между помолвкой и бракосочетаніемъ.

На слѣдующій день, какъ сказано, состоялась церковная церемонія, которая по роскоши и великолѣпію превзошла все видѣнное Парижемъ со времени Наполеона I. Около половины двѣнадцатаго Евгенія отправилась въ Тюльерійскій дворецъ. Слѣва отъ нея сидѣла мать. Красота невѣсты еще болѣе выступала и бросалась въ глаза, благодаря элегантному туалету. Этотъ туалетъ былъ свадебнымъ подаркомъ города Люттиха и представлялъ бѣлое бархатное платье съ драгоцѣнною накидкою изъ кружевъ, въ которыхъ были вытканы фіалки. Талія охватывалась

брилліантовымъ поясомъ, а на головѣ красовалась та же діадема, которую Марія-Луиза носила въ день свадьбы. Къ діадемѣ была прикрѣплена кружевная фата и вѣнокъ изъ оранжевыхъ цвѣтовъ. Вся въ кружевахъ, осыпанная брилліантами и опираясь на руку императора, вышла Евгенія въ предшествіи архіепископа и всего духовенства изъ собора. Это было начало длиннаго пути, усѣяннаго розами и терніями, пути, который велъ къ трону, а отъ него—въ изгнаніе, къ безвѣстности, тоскѣ и одиночеству...

Мы не будемъ останавливаться подробно на всѣхъ моментахъ сложной драмы, въ которой приняли почти одинаковое участіе Наполеонъ и Евгенія. Почти все царствованіе представляло сплошной рядъ празднествъ. Тюльерійскій дворецъ, теперь уже снесенный, представлялъ много несообразностей въ смыслѣ архитектуры, но онъ удовлетворялъ требованіямъ царственной четы и въ стѣнахъ его почти никогда не прекращались веселый смѣхъ и звуки музыки. Посреди этого страннаго зданія красовалась большая открытая лѣстница, которая вела къ пріемнымъ покоямъ и которою король-гражданинъ Людовикъ-Филиппъ былъ до того доволенъ, что не стѣснялся спрашивать близкихъ друзей: «Не восторгались ли вы уже моей лѣстницей?». Когда Наполеонъ III сдѣлалъ Тюльерійскій дворецъ своею резиденціею, на каждой ступенькѣ этой лѣстницы въ пріемные вечера возвышалась колоссальная фигура гвардейца императорской лейбъ-гвардіи. Императоръ проводилъ въ этомъ дворцѣ съ императрицею всю зиму и часть весны. Празднества, обѣды, концерты, балы, спектакли—все это смѣняло одно другое съ головокружительной быстротой. Понедѣльники были посвящены семейнымъ журфиксамъ, на которыхъ всегда появлялась вся корсиканская родня, всѣ эти Рокавиджине, Габріелли, Примоли, Бачоки. Тутъ же бывалъ и красивый молодой принцъ Боргезе, который съ особенной любовью показывалъ друзьямъ въ саду виллы, носящей его имя, статую Евгеніи.

Когда наслѣдному принцу Лулу исполнилось 12 лѣтъ, его стали привлекать къ этимъ семейнымъ понедѣльникамъ. Бѣдному Лулу они были только въ тягость и онъ на нихъ очень скучалъ. На его счастіе, вечера эти продолжались недолго, такъ какъ, несмотря на большое расположеніе къ кулинарному искусству, Наполеонъ долго сидѣть за столомъ не любилъ и черезъ часъ обыкновенно удалялся въ курительную комнату. Императрица же оставалась. И Наполеонъ, и Евгенія мало понимали въ музыкѣ; но такъ какъ монархи вездѣ и всегда оказывали покровительство искусству, то на понедѣльникахъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ появлялись обыкновенно всевозможныя знаменитости въ области музыкальнаго искусства, какъ Патти, Карвальо, теноръ Капуль. Съ послѣднимъ случился однажды на журфиксѣ у Наполеона маленькій инцидентъ. Обладая великолѣпнымъ голосомъ, этотъ теноръ думалъ, что неотразимъ для дамъ. Дѣйствительно, дамы были отъ него безъ ума. Однажды послѣ только-что спѣтой аріи императрица Евгенія начала осыпать его любезностями. Въ сознаніи своей неотразимости надъ женщинами зазнавшійся теноръ началъ самодовольно покручивать усы одной рукой, въ то время какъ другая глубоко ушла въ карманъ панталонъ. Адъютантъ императора, желая дать ему понять, какъ неумѣстно его поведеніе, сказалъ ему:

— Вы такъ робки, голубчикъ! Пожалуйста, не стѣсняйтесь!

Добрый Капуль улыбнулся. Слова адъютанта онъ принялъ за чистую монету. Самъ императоръ при видѣ манеръ Капуля сдѣлался нервнымъ и, обращаясь къ одной бѣлокурой маркизѣ, съ которою, какъ говорили, находился въ близкихъ отношеніяхъ, спросилъ:

— А вы, маркиза, выносите Капуля?

— Да, ваше величество, но только какъ пѣвца.

Такъ текла жизнь въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Балы смѣнялись балами. Лучшіе представители общества приносили туда всѣ свои богатства, весь свой умъ, удачныя словечки, остроты. Этикетъ былъ строгій въ противоположность эпохѣ короля-гражданина Людовика-Филиппа, когда на паркетѣ тѣхъ же залъ оставались послѣ баловъ слѣды грязи, которую приносили съ собою на сапогахъ гости, приходившіе во дворецъ съ зонтиками въ рукахъ. Мужчины должны были всегда являться въ узкихъ панталонахъ изъ бѣлаго кашемира, бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, ботинкахъ съ заостренными концами и черныхъ фракахъ. Военные, конечно, были въ мундирахъ. Все кружилось, смѣялось, шутило. Всѣ чуяли, что Франція возвращается къ великому прошлому, у котораго, увы, не было будущаго.

Конечно, трудно даже дать приблизительное понятіе о великолѣпныхъ празднествахъ Наполеона, на которыхъ царила Евгенія. Вотъ группа политическихъ дѣятелей. Въ ней обращаетъ на себя вниманіе блѣдный, лысый, но интересный герцогъ Морни, который такъ часто велъ блестящія бесѣды съ графомъ Валевскимъ, близкимъ другомъ знаменитой артистки Рашели. Взоры всѣхъ приковываетъ также къ себѣ эльзасецъ Гаусманъ, авторъ гигантскихъ проектовъ, который, благодаря своей жаждѣ строительства, превратилъ Парижъ въ одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ міра. Объ руку съ новоиспеченымъ герцогомъ Персиньи прогуливался маршалъ Маньянъ, въ послужномъ спискѣ котораго не было никакихъ подвиговъ, кромѣ того, который онъ однажды совершилъ, когда во время уличныхъ безпорядковъ приказалъ просто стрѣлять въ толпу. Сколько именъ, сколько титуловъ! Вотъ несется въ вихрѣ вальса граціозная фигура миссъ Слидель, звѣзды американской колоніи; за нею дочь барона Гаусмана, элегантная дѣвушка, которая со своимъ кавалеромъ, шталмейстеромъ императрицы, впослѣдствіи первымъ мужемъ Аделины Патти, маркизомъ де-Ко, составляетъ великолѣпную пару, вызывающую общій восторгъ. Вотъ кружится по залу красавица Пурталесъ, бѣлокурая Галлифэ, молодая герцогиня Элхингенъ (пріемная дочь Цециліи Гейне), вышедшая послѣ смерти мужа въ 1884 году за герцога Риволи. А вотъ герцогиня Малаковъ стоитъ въ сторонѣ съ Дюрюи, который, сдѣлавшись впослѣдствіи министромъ, ввелъ столько реформъ. Герцогиня была женою маршала Пелисье, одного изъ трехъ маршаловъ, которымъ Наполеонъ пожаловалъ титулъ по названію сраженій, въ которыхъ ими были одержаны побѣды *). Много, много еще бросается въ глаза блестящихъ кавалеровъ и дамъ, особенно дамъ въ изящныхъ, дорогихъ туалетахъ, оплачиваемыхъ, какъ говорятъ злые языки, какимъ-нибудь другомъ въ осо-

*) Маршалъ Макъ-Магонъ получилъ титулъ герцога Мадженты, а генералъ Монтобанъ—графа Палликао.

бомъ кабинетѣ Porte-Jaune или Арменонвильскаго павильона, потому что мужья за нихъ заплатить не въ состояніи...

Заглянемъ въ одну изъ боковыхъ комнатъ—въ буфетъ. Тамъ царитъ неслыханная давка. Шумъ, движеніе. Нѣкоторые кавалеры уже уплетаютъ двѣнадцатый сандвичъ и доканчиваютъ пятнадцатый стаканъ пунша. Много хорошенькихъ испанокъ и бразильянокъ опустошаютъ бутылки шампанскаго, которыя любезно подноситъ имъ галантный покровитель прекрасныхъ иностранокъ при императорскомъ дворѣ, графъ Лаферьеръ. Въ углу зала собралась кучка людей. Тамъ офицеры благоговѣйно слушаютъ герцога Малакова, который въ грубой, ему лишь присущей формѣ разсказываетъ о всевозможныхъ пикантныхъ похожденіяхъ женъ и дочерей французскихъ офицеровъ въ Алжирѣ.

Но вотъ входятъ двѣ пары. Всѣ разступаются, чтобы дать имъ дорогу. Впереди идетъ блѣдная герцогиня Морни, урожденная княгиня Трубецкая, въ умномъ лицѣ которой даже самый внимательный глазъ не нашелъ бы кровинки. Она опирается на руку маршала Лебефа, отличающагося столько же огромнымъ ростомъ, сколько рѣдкимъ здоровьемъ. За ними идетъ княгиня Паулина Меттернихъ, жена австрійскаго посла, въ туалетѣ, декольте котораго вызываетъ удивленіе даже въ этомъ обществѣ, бравирующемъ свободою нравовъ. Губы у нея ярко накрашены и цвѣтъ ихъ невольно бросается въ глаза, когда ей приходится отвѣчать на язвительныя замѣчанія сопровождающаго ее графа Нигры, одного изъ немногихъ истинныхъ друзей Наполеона, оставшихся вѣрными ему и въ несчастіи. Впрочемъ, у Нигры было особое основаніе быть ему вѣрнымъ: онъ питалъ большую нѣжность къ императрицѣ Евгеніи, платоническую, конечно, но несомнѣнную.

Среди баловъ, которыми была такъ богата эпоха правленія Наполеона III, костюмированные балы императрицы Евгеніи превосходили все, что можно себѣ представить, по блеску, богатству и оригинальности. Одинъ изъ этихъ баловъ ознаменовался неслыханнымъ скандаломъ. Дѣло происходило въ 1856 году. Около полуночи, когда балъ достигъ высшей степени оживленія, въ залѣ неожиданно появилась при звукахъ вальса очаровательная женщина, при видѣ которой присутствовавшіе остановились и какъ бы онѣмѣли отъ изумленія. Одѣтая или, вѣрнѣе, раздѣтая, какъ Саламбо, описанная черезъ шесть лѣтъ послѣ того въ знаменитомъ романѣ Флоберомъ, она спокойнымъ шагомъ, не обращая вниманія на общее изумленіе, направилась прямо къ императору. Великолѣпное колье, огромныя серьги и нѣкоторыя другія украшенія составляли существеннѣйшія части туалета очаровательной итальянки. Императрица, вся дрожа отъ негодованія, приказала вывести ее изъ зала. Долго еще послѣ этого событія неожиданное появленіе иностранки на балу въ Тюльерійскомъ дворцѣ служило предметомъ общихъ разговоровъ, и цѣль ея—вызвать скандалъ—была достигнута. Эта женщина была графиня Кастильоне. Она была послана во Францію въ качествѣ политическаго агента, чтобы склонить Наполеона въ пользу желаній Италіи, и для исполненія своей задачи у нея были только два средства—красота и страсть къ скандаламъ. И этихъ средствъ оказалось достаточно. Умерла она въ концѣ 1899 года забытою старухою въ своемъ герметически закупоренномъ домѣ, изъ котораго никогда почти не выходила и гдѣ

постоянно оплакивала потерю красоты, бывшей единственнымъ содержаніемъ ея безпутной жизни,

Такъ тянулись дни за днями. Выставка 1867 года дала новый поводъ къ цѣлому ряду пышныхъ празднествъ, на которыхъ присутствовали русскій царь, прусскій и итальянскій короли, персидскій шахъ и принцъ Уэльскій; но они были уже послѣдними. Въ воздухѣ чуялось приближеніе революціи. Блескъ наполеоновской эпохи началъ меркнуть. Смерть стала уносить истинныхъ друзей Наполеона одного за другимъ. Наполеонъ хотѣлъ увѣнчать свое царствованіе пышною побѣдою надъ вѣковымъ врагомъ и очутился въ мышеловкѣ подъ стѣнами Седана. Императрица Евгенія, которая еще недавно наполняла міръ своимъ именемъ, позорно бѣжала. На развалинахъ погибшей имперіи водворился республиканскій режимъ. Все пошло по новому.

Нельзя разстаться съ Наполеономъ, не остановившись подробнѣе на графинѣ Кастильоне, о которой упомянуто выше. Ей хотѣлось играть при Наполеонѣ такую же роль, какую играли Помпадуръ или Дюбарри при Людовикѣ XV. Съ точки зрѣнія внѣшнихъ данныхъ, у нея было все для этой роли. Можетъ быть даже, по красотѣ она превосходила фаворитокъ несчастнаго короля, которому пришлось расплачиваться за грѣхи своихъ предшественниковъ. Вотъ какъ описываетъ ее одна изъ придворныхъ дамъ императрицы Евгеніи:

«Она была красоты законченной, той именно красоты, которая, повидимому, не составляла достоянія нашего времени. На этомъ красивомъ лицѣ лежало выраженіе надменности, твердости, заставлявшее вспомнить о тѣхъ божествахъ, которымъ древніе приносили жертвы, чтобы умилостивить ихъ. Если оживить прекраснѣйшую изъ статуй, то она дастъ представленіе объ этой необыкновенной женщинѣ».

Гдѣ родилась она, каково было ея происхожденіе, гдѣ провела она дѣтскіе годы,—все это почти покрыто мракомъ неизвѣстности. Достовѣрно только, что она пятнадцати лѣтъ отъ роду сдѣлалась женою графа Верази-Кастильоне, который былъ старше ея всего на шесть лѣтъ. Кастильоне былъ дворяниномъ, происходившимъ изъ стараго пьемонтскаго рода и обладавшимъ большимъ состояніемъ. Не мало горя и хлопотъ причинила ему молоденькая, очаровательная, но капризная жена. Достаточно привести хотя бы слѣдующій примѣръ. Графиня Кастильоне ни за что не хотѣла сдѣлать послѣ свадьбы визита свекрови, маркизѣ Кастильоне. Мужъ просилъ, умолялъ, стоялъ на колѣняхъ,—все напрасно. Однажды, находясь вмѣстѣ съ женою въ каретѣ, графъ замѣтилъ, что она какъ будто менѣе капризна и болѣе уступчива, чѣмъ въ другое время, и поэтому приказалъ кучеру ѣхать къ матери. Графиня, услыхавъ, куда мужъ направилъ карету, не сказала ни слова; но когда экипажъ въѣхалъ на мостъ, быстро сняла съ себѣ башмаки и чулки и бросила все это въ рѣку.

— Надѣюсь, — сказала она, съ торжествующимъ видомъ глядя на мужа,—что босикомъ пойти къ твоей матери ты меня не заставишь.

Безшабашная жизнь, полная безпрерывнаго стремленія къ смѣнѣ удовольствій, сдѣлала то, что графъ Кастильоне въ концѣ концовъ разорился. Нужно было подумать о средствахъ. И вотъ очаровательная графиня ѣдетъ въ Парижъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ она не-

ожиданно появляется на берегахъ Сены. Имя ея и неземная красота быстро прокладываютъ ей дорогу къ Тюльерійскому дворцу. Выше уже было сказано, что она пріѣхала во французскую столицу въ качествѣ шпіонки, по соглашенію съ сардинскимъ министромъ-президентомъ Кавуромъ. Впрочемъ, обстоятельство это далеко не считается безусловнымъ. Во всякомъ случаѣ, можетъ также быть, что она дѣйствовала за свой счетъ и, разсчитывая взять въ руки Наполеона, думала выступить потомъ въ качествѣ посредницы между нимъ и туринскимъ дворомъ.

Наполеонъ увидѣлъ восхитительную итальянку на балу у герцогини Бассано. Прошло немного времени и первая цѣль интриганки была достигнута: она сдѣлалась подругою Наполеона. Императору понравилась въ ней прямота, съ которою она приступила къ дѣлу. Онъ увлекся твердостью ея характера и увѣренностью во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. На него также дѣйствовало то, что графиня Кастильоне нисколько передъ нимъ не ползала во прахѣ, не заискивала и расточала свою благосклонность скорѣе изъ милости, чѣмъ изъ угодливости.

Графиня Кастильоне нисколько не стѣснялась своимъ положеніемъ любовницы императора. Наоборотъ, она всѣми силами выдвигала наружу эту сторону своихъ отношеній къ императору, стремясь даже занять оффиціальное положеніе фаворитки. Это не разъ подавало поводъ къ ссорамъ между Наполеономъ и Евгеніею. Такія сцены, впрочемъ, происходили часто, каждый разъ, какъ у императора оказывалась новая любовная связь. Императоръ боялся этихъ сценъ и въ интересахъ семейнаго мира приносилъ обыкновенно въ жертву свои любовныя шалости. Такъ случилось и съ графиней Кастильоне: императоръ разстался съ нею приблизительно черезъ годъ послѣ того, какъ приблизилъ ее къ себѣ. Впрочемъ, это было неизбѣжно и помимо сценъ съ Евгеніею, такъ какъ графиня своими эксцентрическими выходками компрометировала его.

Наполеонъ долго противился требованіямъ Евгеніи, чтобы графинѣ былъ запрещенъ доступъ ко двору. Но онъ всетаки уступилъ. Тѣмъ не менѣе, графиня продолжала свое прежнее поведеніе. Она сошла съ поля битвы не безъ боя. Еще на одномъ изъ послѣднихъ балъ-маскарадовъ, устроенныхъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, она явилась въ костюмѣ Маріи Медичи, вся въ черномъ, болѣе прекрасною, чѣмъ когда-либо. Однако, къ ней вѣжливо подошелъ камергеръ и, подавъ руку, столь же вѣжливо отвелъ къ каретѣ.

Какъ сказано, графиню Кастильоне сравнивали съ мраморными статуями. На самомъ дѣлѣ она и была существомъ изъ мрамора. Ни радости, ни горе ближнихъ ея не трогали. Когда мужъ, прогуливаясь верхомъ съ итальянскимъ наслѣдникомъ Гумбертомъ, впослѣдствіи королемъ, свалился съ лошади и умеръ, у нея не нашлось ни единаго слова сожалѣнія, ни одной слезы, которою она почтила бы память усопшаго. То же равнодушіе обнаружила она, когда умеръ у нея сынъ. Она была вся поглощена мыслью о своей красотѣ. Собственная наружность была для нея предметомъ истиннаго культа. И когда пришла старость и сорвала съ нея божественную красу и смяла дивныя формы, она наняла себѣ квартиру въ одной изъ элегантнѣйшихъ частей Парижа и тамъ заперлась. Цѣлыя двадцать лѣтъ провела она въ своей добро-

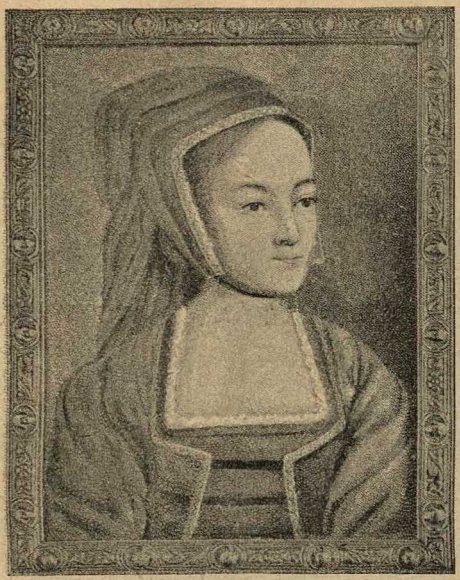
вольной темницѣ, никуда не выѣзжая и никого не принимая у себя. Ей не хотѣлось, чтобы кто-нибудь ее убилъ, т. е. не хотѣлось, чтобы графиня Кастильоне, неожиданно для самой себя возродившая древнеэллинскую красоту, могла предстать предъ чьими-либо глазами лишенною своего божественнаго дара—увядшею, безжизненною, безобразною! Она получала обѣды изъ сосѣдняго ресторана, но лакей, приносившій ихъ, долженъ былъ на время обѣда запираться въ шкапъ, чтобы не видѣть лица женщины, которая пользовалась его услугами. Даже ставни дома никогда не открывались. Графиня Кастильоне считала свою красоту единственнымъ основаніемъ жизни, а когда она увяла, для нея прекратился и самый смыслъ жизни.

Генрихъ VIII.

Исторія каждой страны насчитываетъ какого-нибудь тирана. У насъ былъ Іоаннъ Грозный, во Франціи Людовикъ XI, въ Англіи Генрихъ VIII. Это нѣкоторымъ образомъ историческіе кровопускатели, нужные, очевидно, для неисповѣдимыхъ путей рока. Впрочемъ, въ кровавой дѣятельности англійскаго короля Генриха VIII есть черта, отличающая его отъ другихъ тирановъ. Онъ былъ палачомъ не во имя государственныхъ интересовъ или религіозныхъ идей, а во имя своихъ эгоистическихъ потребностей. Руководясь однимъ инстинктомъ физическихъ потребностей, онъ устранялъ съ пути все, что ему мѣшало, не разбирая, друзья это или недруги. Такъ былъ удаленъ всемогущій кардиналъ Уольси, дома котораго, дворцы, сады, аббатства, картинная галерея удивляли міръ; такъ были казнены дворяне, сложившіе оружіе въ надеждѣ, что король сдержитъ свое обѣщаніе исполнить ихъ требованія; такъ было умерщвлено безчисленное множество народа съ помощью палаты лордовъ и ея «биллей объ измѣнахъ». Безнравственный, невоздержный, онъ не признавалъ никакихъ законовъ и, какъ всякій тиранъ, имѣлъ, къ сожалѣнію, вокругъ себя большую армію помощниковъ, которые во всякое время были готовы исполнить его преступные приказы. То обстоятельство, что онъ, согласно духу времени, зналъ толкъ въ теологическихъ вопросахъ, только ухудшало дѣло, такъ какъ это дало ему

Генрихъ VIII, король англійскій.

возможность сдѣлаться англійскимъ папою и создать въ англійской церкви странную смѣсь католицизма съ протестантизмомъ, а это въ свою очередь только увеличило число жертвъ, такъ какъ къ безчисленнымъ жертвамъ личной мести короля присоединились приверженцы старыхъ основъ религіи, не желавшіе принять его «шести правилъ вѣры». На эшафотъ то-и-дѣло всходили мужчины и женщины, старики и дѣти. Даже женъ своихъ онъ не щадилъ и, какъ мы сейчасъ увидимъ, отправлялъ ихъ на тотъ свѣтъ съ помощью той же палаты.



Екатерина Аррагонская, 1-я жена Генриха.

Первою женою Генриха VIII была Екатерина Аррагонская. Генрихъ былъ еще юношею, когда женился на ней; она же имѣла уже за собою нѣкоторое прошлое, такъ какъ была замужемъ за братомъ Генриха и успѣла овдовѣть. Катерина была испанка, строгая въ религіи и нравахъ, съ характеромъ спокойнымъ, совершенно не соотвѣтствовавшимъ бурному темпераменту короля. Единственно, что говорило въ пользу Генриха,—это его красота, умъ, любовь къ наукамъ, влюбчивость, но ни одно изъ этихъ качествъ ея не прельщало. Во всякомъ случаѣ она вышла за него, такъ какъ бракъ былъ одобренъ папою. Но благословеніе папы не спасло ея отъ несчастія. Генрихъ не могъ долго оставаться вѣрнымъ женѣ. Большой поклонникъ женскаго пола, онъ постоянно переходилъ отъ одного предмета страсти къ другому, пока, наконецъ, не остановился на придворной дамѣ Аннѣ Болейнъ, которая и слышать не хотѣла о простомъ сожительствѣ и требовала брака. Нужно было или разстаться съ очаровательной дѣвушкой, отличавшейся къ тому же живымъ, общительнымъ характеромъ, или развестись съ женою. Генрихъ предпочелъ послѣднее.

Но какой отпоръ встрѣтилъ король! Противъ развода были всѣ: и папа, и Екатерина, и приближенные короля. Но Генрихъ уже успѣлъ узнать всѣ прелести тиранiи и заявилъ, что не отступитъ отъ своего рѣшенія. Чтобы сдѣлать разводъ болѣе легальнымъ, онъ придумалъ нѣсколько доводовъ. Такъ, онъ говорилъ, что ему очень хочется имѣть наслѣдника, между тѣмъ всѣ дѣти отъ Екатерины у него умерли, за исключеніемъ слабой и болѣзненной дочери Маріи. Этотъ доводъ никого не убѣдилъ и онъ придумалъ другой: ему вдругъ пришло на память, что онъ совершилъ большой грѣхъ, женившись на вдовѣ своего брата.

Король сталъ съ жаромъ доказывать, что дальше продолжать этотъ грѣхъ онъ не въ силахъ. Не даромъ же онъ былъ теологомъ. Большую услугу оказалъ ему въ этомъ отношеніи Уольси, который не любилъ Екатерины Аррагонской и желалъ развода, чтобы женить короля на французской принцессѣ. Но не для французской принцессы хотѣлъ развестись съ женою король-тиранъ: онъ пылалъ страстью къ интриганкѣ и насмѣшницѣ Аннѣ Болейнъ, на которой рѣшилъ жениться во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось возстановить противъ себя папу.

Анна Болейнъ, 2 я жена.

Впрочемъ, чувства Генриха VIII къ Аннѣ Болейнъ были понятны: придворная дама была дѣйствительно очаровательна. Въ то время, когда Генрихъ ее увидѣлъ, она была еще очень молоденькая. Незадолго передъ тѣмъ она влюбилась въ сына графа Нортумберлендскаго, лорда Перси. Это была незрѣлая любовь, навѣянная первымъ расцвѣтомъ нѣжныхъ чуствъ, и вотъ почему она такъ забавляла Екатерину Аррагонскую, несмотря на то, что, будучи теткою Карла V и достойною дочерью Фердинанда Католическаго, она, какъ сказано, отличалась суровымъ характеромъ, мало способствовавшимъ пониманію науки страсти нѣжной. Ей очень нравилось милое личико придворной дамы, обрамленное бѣлокурыми волосами, и она думала сдѣлать ее счастливою. На несчастье, Анна Болейнъ приглянулась королю, и лордъ Перси долженъ былъ жениться на Маріи Тальботъ, чтобы очистить ему дорогу. Оставались еще жена и папа. Съ женою онъ могъ не церемониться. Но папа?

Генрихъ VIII думалъ недолго. Заявивъ женѣ, что разведется съ нею, онъ отправилъ кардинала Уольси въ Римъ, чтобы выхлопотать у папы разводъ. Это было не легкое дѣло. Противъ развода выступилъ императоръ Карлъ V, противъ него вооружился король, въ самой королевѣ проснулась вся испанская гордость, унаслѣдованная съ вѣками, и она заявила передъ лицомъ Европы, что не хочетъ безчестить свою дочь и никогда не дастъ королю согласія на разводъ. Она выпустила воззваніе ко всѣмъ католическимъ народамъ. «Сжальтесь надо мною, ваше величество,—писала она въ этомъ воззваніи, обращаясь къ коро-

лю,—и не позорьте моего ребенка!». Съ другой стороны, и папа не могъ согласиться на разводъ. Ему, конечно, хотѣлось исполнить просьбу короля, но онъ останавливался передъ мыслью, что разгнѣваетъ германскаго императора и испанскаго короля Карла V, племянника Екатерины. Вотъ почему папа уклонялся дать рѣшительный отвѣтъ. Это-то, между прочимъ, и послужило причиною паденія Уольси, такъ какъ король, думая, что разводу мѣшаетъ властолюбивый кардиналъ, враждебно относящійся къ Аннѣ Болейнъ, удалилъ его отъ двора, а впослѣдствіи приказалъ отвезти въ Лондонскую башню. Уольси, какъ мы видѣли, дѣйствительно не былъ расположенъ къ придворной дамѣ королевы, потому что прочилъ королю въ невѣсты французскую принцессу, но за разводъ стоялъ горою. Между тѣмъ это-то вооружило противъ него не только короля, но и самое Анну Болейнъ, которая послѣ того, какъ король удалилъ Уольси отъ двора, потребовала, чтобы онъ никогда больше не возвращалъ его къ власти.

Съ этой минуты началось знаменитое въ исторіи Англіи движеніе, которое считаютъ тамъ началомъ реформаціи. Такъ какъ папа не давалъ согласія на разводъ, то король Генрихъ, слѣдуя совѣту бывшаго секретаря Уольси, Томаса Кромвеля, рѣшилъ порвать съ папою и, объявивъ себя главою англійской церкви, обратился къ помощи отечественнаго суда. Чтобы придать дѣлу легальный характеръ, былъ созванъ соборъ, на которомъ предсѣдательствовалъ архіепископъ Кентерберійскій. Соборъ этотъ и рѣшилъ—вѣрнѣе, рѣшилъ Генрихъ черезъ посредство архіепископа, слѣпо исполнявшаго его волю, — что главою англійской церкви отнынѣ будетъ король. Оставалось еще провести дѣло въ парламентѣ, но это было нетрудно, такъ какъ уже предшественники Генриха пріучили парламентъ быть послушнымъ орудіемъ. Къ тому же папа былъ очень нелюбимъ въ Англіи, такъ какъ поборы его ложились тяжело на населеніе. Парламентъ рѣшилъ прекратить отправку дани и признать рѣшеніе собора о признаніи короля главою англійской церкви имѣющимъ силу закона. Событіе это извѣстно подъ именемъ «Реформы». Такимъ-то образомъ вопросъ о разводѣ короля съ Екатериною Аррагонскою послужилъ причиною отпаденія англійской церкви отъ римской куріи. Когда папская власть была изгнана изъ Англіи, добиться развода уже было нетрудно. Архіепископъ Кентерберійскій потребовалъ дѣло къ себѣ, и нужно ли прибавлять, что онъ нашелъ бракъ короля съ вдовою его брата незаконнымъ? Такъ онъ и поступилъ, причемъ не только было возвѣщено о незаконности брака, но даже самая дочь короля признана была незаконнорожденною. Королю оставалось только отвести Анну Болейнъ къ алтарю, что онъ и сдѣлалъ черезъ три недѣли послѣ расторженія брака.

Можно сказать, что романическая исторія короля съ Анною Болейнъ положила конецъ не только папской власти въ Англіи, но и феодальному дворянству, съ которымъ Генрихъ долгіе годы велъ безпощадную борьбу и надъ которымъ въ концѣ концовъ одержалъ полную побѣду. Дворянство это таяло съ каждымъ годомъ, благодаря желѣзной политикѣ Генриха, поддерживаемой могущественнымъ Томасомъ Кромвелемъ, занявшимъ мѣсто кардинала Уольси; но всетаки было еще много дворянъ, которые, держась старыхъ традицій, не хотѣли признать короля главою англійской церкви, не одобряли развода и вообще противились начи-

наніямъ короля. Такъ какъ они не совершили никакихъ преступленій, то привлекать ихъ къ суду нельзя было. И вотъ для борьбы съ этими-то элементами король пустилъ въ ходъ палату лордовъ. Дворянина, не сочувствовавшаго мѣрамъ короля, предавали суду палаты, обвиняя его въ измѣнѣ. Лордамъ было извѣстно, что король ихъ щедро наградитъ изъ имущества обвиняемаго, если они ему вынесутъ обвинительный приговоръ, и они охотно это дѣлали. Такъ было отправлено на эшафотъ множество невинныхъ людей, а слѣдствіемъ этого въ концѣ концовъ явилось то, что король Генрихъ, какъ и Іоаннъ Грозный, къ концу жизни пользовался такимъ могуществомъ, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Враговъ не было: всѣ были или казнены, или спрятаны по тюрьмамъ. Парламентъ былъ не только послушнымъ орудіемъ но раболѣпствовалъ передъ королемъ.

Дженни Сеймуръ, 3-я жена.

Анна Болейнъ торжествовала. Въ сущности всѣ событія были дѣломъ ея рукъ. Несправедливая и неблагодарная по отношенію къ королевѣ, которая ее пріютила у себя и любила, она упивалась звуками стихотвореній и пѣсенъ, которыя посвящали ей рабы власти. И какъ было не упиваться? Благодаря ей король сдѣлался одновременно и королемъ, и папою въ такомъ большомъ государствѣ; для нея была низложена гордая наслѣдница многихъ испанскихъ королей, во имя ея отправлялись на эшафотъ сотни людей, не сознававшихъ опаснаго яда протеста! А многочисленные праздники, путешествія, развлеченія! Что за бѣда, что кругомъ лилась кровь? То, что было создано кровью и слезами, могло удерживаться только на крови и слезахъ. Иной почвы не было...

Но пробилъ и ея часъ. Анна Болейнъ быстро надоѣла деспотическому королю. Онъ жаждалъ перемѣны и воспользовался первымъ подозрѣніемъ въ невѣрности, непровѣреннымъ и несправедливымъ, чтобы предать ее тому же суду палаты лордовъ, съ помощью котораго отправилъ на тотъ свѣтъ столько жертвъ. «Сударыня, вы обвиняетесь въ осквернении королевскаго ложа». Этихъ словъ было достаточно. Судъ вынесъ смертный приговоръ. И не успѣла опомниться молодая, цвѣтущая, силой и здоровьемъ дышавшая женщина, какъ приговоръ

былъ приведенъ въ исполненіе. Напрасно написала она своему царственному палачу письмо, самое трогательное, какое только можетъ написать женщина въ ея положеніи. Ее осудили скоро и безповоротно. Даже защитникъ ея не былъ выслушанъ.

Что послужило настоящею причиною казни Анны Болейнъ? Какъ сказано, король охладѣлъ къ ней, и уже одного этого было достаточно, чтобы устранить ее съ пути. Но были еще другія обстоятельства. Во-первыхъ, Анна родила ему дѣвочку (Елизавету, будущую королеву), а не мальчика, котораго онъ жаждалъ и отсутствіе котораго было также причиною его охлажденія къ Екатеринѣ Аррагонской. Во-вторыхъ, онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ Екатериною, которая его искренно любила, любила, какъ человѣка, а не какъ короля, и съ которою къ тому же онъ прожилъ цѣлые 24 года. Его мучили угрызенія совѣсти. Въ глубинѣ души онъ сознавалъ, что причина разлуки съ Екатериною была Анна Болейнъ и, когда умерла Екатерина (въ 1536 году), онъ рѣшилъ, что воздастъ справедливость ея памяти, если казнитъ ея соперницу. Наконецъ, была еще одна причина: онъ влюбился въ Дженни Сеймуръ, на которой и женился на слѣдующій день послѣ казни Болейнъ.

Дженни Сеймуръ, казалось, судьба готова была улыбнуться. Скромная, тихая, прекрасная, она не могла дать повода къ подозрѣніямъ. Единственно, что говорило противъ нея, это то, что въ ея жилахъ текло не мало простой крови. По крайней мѣрѣ, женившись на ней, Генрехъ пріобрѣлъ родственникомъ одного кузнеца. У другого новаго родственника короля была фамилія Смитъ, т. е. самая простая, какая только возможна въ Англіи. Но это не смущало короля. Къ тому же такія вещи были въ то время не въ диковинку. У Дженни Сеймуръ было то преимущество передъ прежними женами Генриха, что у нея родился сынъ, принцъ Эдуардъ, столь пламенно ожидаемый королемъ, и что уже изъ одной любви къ сыну Генрихъ не дерзнулъ бы посягнуть на его мать. Но судьба рѣшила иначе. Дженни умерла отъ первыхъ же родовъ. Любопытно, что страданія жены нисколько не трогали короля.

Анна Болейнъ и Дженни Сеймуръ прошли безслѣдно для жизни Англіи. Не то Екатерина Аррагонская, исторія которой приведена нами выше, и четвертая жена Генриха Анна Клефъ, нѣмецкая принцесса, преемница Дженни Сеймуръ, на которой король женился по настоятельному совѣту своего перваго совѣтника, Томаса Кромвеля; послѣдній думалъ, что женитьба на нѣмецкой принцессѣ поведетъ къ союзу между Англіею и нѣмецкими государствами.

Впрочемъ, король не сразу женился на Аннѣ Клефъ. Послѣ шестинедѣльнаго траура онъ предложилъ руку и сердце герцогинѣ Лонгевиль, Маріи Лотарингской, вдовѣ, будущей матери Маріи Стюартъ. Герцогиня, однако, отвергла его предложеніе, чтобы выйти за шотландскаго короля Якова V. Король былъ очень огорченъ этимъ отказомъ и, чтобы утолить жажду мщенія, началъ еще съ большимъ рвеніемъ конфисковать церковное имущество, продавать аббатства, храмы, священныя изображенія. Онъ срывалъ драгоцѣнности съ образовъ. И чѣмъ больше наполнялась его казна, тѣмъ болѣе озлоблялся онъ противъ папистовъ, еретиковъ, вѣрующихъ. Бѣда тому, кто осмѣливался не склонить передъ нимъ головы. Власть его росла съ каждымъ днемъ и достигла, наконецъ, того, что парламентъ сдѣлался не только безсильнымъ, но и раболѣпствующимъ

учрежденіемъ. Достаточно сказать, что въ одно прекрасное время парламентъ самъ призналъ себя ненужнымъ, безполезнымъ, случайнымъ институтомъ, безъ котораго король можетъ обойтись.

Чтобы познакомиться съ наружностью своей будущей жены, Генрихъ послалъ къ ней Ганса Гольбейна, величайшаго художника XVI столѣтія. Художникъ нѣсколько увлекся. Анна Клефъ понравилась ему тихимъ характеромъ и неопредѣленнымъ взглядомъ; но онъ тотчасъ сообразилъ, что извращенному, жестокому, уже старѣвшемуся королю не понравится эта скромная дѣвушка, если онъ ее нарисуетъ такою какая она было на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему онъ придалъ портрету нѣкоторую степень идеализаціи. Портретъ Анны Клефъ находится теперь въ Луврѣ и съ него глядитъ удивительно красивая, мечтательная дѣвушка со сложенными руками и полузакрытымъ ртомъ. Увидѣвъ этотъ портретъ, Генрихъ воскликнулъ, что считаетъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ и что лучшей жены ему не надо. Тотчасъ онъ отправилъ пословъ съ предложеніемъ, и предложеніе, конечно, было принято. Едва успѣла молодая принцесса сдѣлаться невѣстою, какъ король потребовалъ, чтобы она пріѣхала. Бѣдная дѣвушка была въ отчаяніи. Она знала, какая судьба постигла ея предшественницъ, и была увѣрена, что такая же судьба ожидаетъ и ее. Но чего ни сдѣлаютъ политическія соображенія! Она должна была подчиниться. И вотъ она ѣдетъ въ Англію... Король въ нетерпѣніи отправился ей навстрѣчу, и въ Дуврѣ произошло первое ея свиданіе съ Генрихомъ, сердце котораго млѣло отъ восторга и любви. Можно себѣ представить его разочарованіе. Угрюмая дѣвушка, маленькая, безъ изящныхъ манеръ, съ широко раскрытыми отъ удивленія, а можетъ быть и отъ страха глазами, одѣтая въ простонародное нѣмецкое платье... Какая разница между копіею и оригиналомъ! Король въ первую минуту рѣшилъ обезглавить Гольбейна за его измѣну. И, конечно, онъ категорически отказался отъ женитьбы на Аннѣ Клефъ. Но тутъ на помощь явился тотъ же Кромвель. Онъ напугалъ короля призракомъ войны съ нѣмецкими государствами, а съ другой стороны развернулъ передъ нимъ картину величія Англіи, находящейся въ союзѣ съ этими государствами. Король уступилъ.

Анна Клефъ, 4-я жена.

Какая печальная судьба ждала нѣмецкую принцессу! Она была одинока. Никто о ней не заботился. Ей не мѣшали существовать— вотъ какъ можно охарактеризовать ея роль при королѣ Генрихѣ. Къ ея несчастію, союзъ съ нѣмецкими государствами разстроился и она, нелюбимая, мрачная по натурѣ, но сдѣлавшаяся еще болѣе мрачною вслѣдствіе тяжкаго положенія, въ которомъ очутилась, окончательно потеряла почву подъ ногами и ждала спасенія отъ одного неба. Что было дѣлать?

Случай вывелъ ее изъ тяжкаго положенія: король влюбился въ Екатерину Говардъ, дѣвушку знатнаго происхожденія, но легкомысленнаго поведенія. Еще до встрѣчи съ Генрихомъ у нея были легкомысленныя связи, но она о нихъ, конечно, умолчала, когда король просилъ ея руки. Во всякомъ случаѣ король рѣшилъ освободиться отъ ненавистной ему Анны Клефъ. Но какъ? Казнить ее было не за что: ее скорѣе можно было обвинить въ слишкомъ большой вѣрности супругу. Осталось развестись съ нею. И вотъ въ одно прекрасное время королевѣ было предложено поѣхать въ Ричмондъ для перемѣны воздуха, чего будто бы требовало ея здоровье. Она поѣхала, а спустя нѣсколько дней ей принесли извѣстіе, что она больше уже не королева.

Услыхавъ объ этомъ, Анна пришла въ восхищеніе. Она жаждала освободиться отъ короля, она никому не говорила, но въ глубинѣ души ждала минуты, когда судьба вырветъ ее изъ тисковъ получеловѣка-полузвѣря. И она не скрыла своей радости предъ королевскими послами. Генрихъ пришелъ въ неистовство, когда узналъ, какъ отнеслась королева къ извѣстію о разводѣ. Онъ былъ увѣренъ, что всѣ женщины отъ него безъ ума, и былъ совсѣмъ озадаченъ, когда узналъ противоположное. Тѣмъ не менѣе, суровой расправы надъ нею онъ не совершилъ: это могло повести къ войнѣ съ нѣмецкими государствами, а до этого довести дѣло ему не хотѣлось. Анна Клефъ получила дворецъ въ Ричмондѣ и огромное жалованье. Ей не нужно было ни того, ни другого: душа ея жаждала покоя. Тѣмъ не менѣе, она приняла даръ и съ тѣхъ поръ жила неслышно за каменными стѣнами своего терема, съ ужасомъ вспоминая о времени, которое ей приходилось проводить въ жилищѣ разврата и жестокости. Оффиціально она называлась съ тѣхъ поръ «сестрою» короля.

Королю, впрочемъ, не легко было добиться развода. Конечно, самъ онъ быстро покончилъ бы съ своими отношеніями къ женѣ: но оставался народъ, передъ которымъ нужно было сохранить голубиную чистоту сердца, оставался парламентъ, который, правда, раболѣпствовалъ и былъ готовъ на все, но всетаки продолжалъ быть парламентомъ, т. е. олицетвореніемъ и представителемъ того же народа. Чтобы рѣшить трудную задачу, былъ созванъ соборъ изъ двухсотъ епископовъ или ученыхъ. Долго думалъ соборъ и, наконецъ, пришелъ къ заключенію, что приходится имѣть дѣло съ оскорбленіемъ справедливости и вѣры короля. Король былъ введенъ въ заблужденіе невѣрнымъ портретомъ и поэтому женился на женщинѣ, недостойной быть королевою. Логика была своеобразная, но этого король хотѣлъ, и вотъ двѣсти епископовъ бросились къ ногамъ Генриха, умоляя его выбрать себѣ жену по сердцу. И король милостиво посмотрѣлъ на ползавшихъ у

его ногъ владыкъ церкви и милостивымъ наклономъ головы далъ имъ знать, что уступаетъ ихъ настойчивымъ просьбамъ...

Выше мы сказали, что женитьба Генриха VIII на Аннѣ Клефъ осталась не безъ слѣда для исторіи Англіи. Выразилось это въ казни всемогущаго Кромвеля. Когда разстроился союзъ съ нѣмецкимъ государствомъ, а слѣдовательно отпала связь, соединявшая короля съ Анною, весь гнѣвъ Генриха обрушился на Томаса Кромвеля, который одинъ только настаивалъ на этой женитьбѣ. Чтобы покончить съ нимъ, Генрихъ прибѣгъ къ вѣрному орудію, которое никогда ему не измѣняло, — къ палатѣ лордовъ. Кромвель засѣдалъ въ Тайномъ Совѣтѣ, когда герцогъ Норфолькъ неожиданно всталъ и заявилъ, что арестуетъ его по приказу короля за измѣну. Тутъ не нужно было никакихъ доводовъ, а съ другой стороны были излишни всякія оправданія. Кромвель понялъ, что погибъ, и единственно, что могъ сдѣлать,—это просить, чтобы его судили скорѣе и не томили въ темницѣ.

Екатерина Говардъ, 5-я жена.

— Ты создалъ кровавые законы,—отвѣтили ему,—и по этимъ законамъ тебя и будутъ судить.

Черезъ нѣкоторое время Кромвель взошелъ на эшафотъ. Сватовство ему стоило жизни.

У Анны Клефъ, такъ счастливо отдѣлавшейся отъ кровожаднаго мужа, было основаніе радоваться. На ея глазахъ протекла жизнь ея соперницы, полная на первыхъ порахъ яркаго счастья, но завершившаяся страшнымъ концомъ. Выше уже упомянуто, что Екатерина Говардъ отличалась далеко не образцовою нравственностью. Однажды, когда король уѣхалъ на сѣверъ, ея бывшій любовникъ, нѣкій Дерегамъ, снова сталъ за нею ухаживать и она имѣла съ нимъ свиданіе. При дворѣ это, конечно, не осталось тайною, и враги Екатерины тотчасъ воспользовались ея продѣлкою, чтобы погубить ее. Дѣло въ томъ, что Екатерина была католичка, и представители новыхъ теченій въ области вѣры боялись, что она повліяетъ на короля въ смыслѣ возвращенія къ прежней религіи. Свиданіе королевы съ бывшимъ любовникомъ послужило отличнымъ средствомъ. Когда король вернулся, архіепископъ Кранмеръ послалъ ему донесеніе, въ которомъ подробно описалъ похожденіе королевы въ его отсутствіе. На короля это донесеніе произвело непріятное впечатлѣніе. Онъ сердился больше на обвинителей, чѣмъ на обвиняемую. Тѣмъ не менѣе, онъ приказалъ произвести строгое

слѣдствіе, которое и подтвердило справедливость обвиненія. Несчастная королева должна была умереть и взошла на эшафотъ.

Несмотря на пять несчастныхъ опытовъ съ женами, Генрихъ женился въ шестой разъ. Выборъ его остановился на Екатеринѣ Парръ, очень миловидной вдовушкѣ, которая, несмотря на свою молодость, успѣла уже овдовѣть два раза. Въ первый разъ она лишилась мужа, когда ей было всего шестнадцать лѣтъ. Едва только умеръ ея второй мужъ, лордъ Летимеръ, какъ Генрихъ предложилъ ей связать свою судьбу съ его судьбою. Бѣдная женщина пришла въ ужасъ, когда узнала о намѣреніи короля. Къ тому же у нея было много поклонниковъ. Но сопротивляться было опасно и безполезно. Въ свою очередь и поклонники, увидѣвъ Генриха въ роли искателя руки очаровательной вдовушки, тотчасъ ретировались. Словомъ, Катерина Парръ сдѣлалась женою короля. Это была самая счастливая изъ женъ кровожаднаго Генриха VIII. Она внесла порядокъ въ домашнюю жизнь короля, строго воспитывала его дѣтей и имѣла счастіе не только внушить королю полное довѣріе къ себѣ, но и пережить его, сдѣлавшись въ третій разъ вдовою. Мертвый король уже былъ безопасенъ, а наслѣдовавшій ему Эдуардъ слишкомъ былъ знакомъ съ характеромъ своего отца, чтобы не воздать должнаго самоотверженной королевѣ, не только удержавшей равновѣсіе на вулканѣ супружеской жизни, но сумѣвшей еще заботиться о дѣтяхъ тирана.

Екатерина Парръ, 6-я жена.

Карлъ I. Коротка и грустна жизнь англійскаго короля Карла I. Онъ считалъ себя королемъ «Божьей милостью» и хотѣлъ править безъ парламента. Между тѣмъ, парламентъ считалъ себя парламентомъ Божьей милостью и хотѣлъ править безъ короля. Королевская власть столкнулась съ народною и потерпѣла пораженіе. Все начало XVII вѣка въ Англіи прошло въ этой безпрерывной борьбѣ и смѣнѣ парламенговъ. «Король—самъ себѣ законъ,—писалъ Яковъ I, Стюартъ, отецъ Карла I, въ своей книгѣ.—Онъ царитъ милостью Божьею и, если хочетъ, исполняетъ законы, а если не хочетъ, не исполняетъ ихъ». Что онъ считалъ себя единственнымъ главою церкви, говорить нечего, и поэтому вполнѣ понятны его преслѣдованія

пуританъ и пресвитеріанъ, которыя совершались отъ его имени въ интересахъ англиканской церкви. Парламентъ часто напоминалъ ему о его правахъ и обязанностяхъ, но онъ каждый разъ отдѣлывался какими-нибудь рѣзкими выходками или закрытіемъ парламента. Между прочимъ онъ началъ сближаться съ вѣковымъ врагомъ Англіи — Испаніею и даже задумалъ женить своего сына Карла на испанской принцессѣ-католичкѣ. Въ Англіи сильно встревожились, когда узнали о намѣреніи короля. Тамъ еще помнили страшное время Маріи Кровавой, когда протестанты подвергались неслыханнымъ гоненіямъ. Англійскій народъ боялся, что королева-католичка воспитаетъ сына во враждебномъ ему духѣ и, такимъ образомъ, вернутся времена узкаго фанатизма, своеволія и кровопролитія. Тѣмъ не менѣе, Яковъ стоялъ на своемъ и даже отправилъ сына въ Мадридъ за невѣстою. Эта поѣздка состоялась въ 1623 году. Карлъ поѣхалъ вмѣстѣ съ первымъ совѣтникомъ и любимцемъ короля Бокингемомъ подъ вымышленнымъ именемъ. «Испанцы,—читаемъ по этому поводу у Вебера*),—приняли ихъ съ величайшими почестями. Народъ собирался подъ окнами принца съ криками въ честь его; Лопе-де-Вега написалъ въ прославленіе ему нѣсколько стихотвореній, дворъ устраивалъ великолѣпные праздники для него. Казалось, что рѣшено дѣло о бракѣ, доставлявшемъ огромныя выгоды католичеству. Яковъ уже освободилъ католическихъ священниковъ и другихъ католиковъ, находившихся въ темницахъ за несогласіе дать присягу супрематства; университеты и англиканское духовенство получили приказаніе удерживаться отъ нападеній на католичество. Протестантскіе проповѣдники, нарушавшіе эту волю короля, были заключаемы въ темницы. Тайные католики перестали скрывать свое исповѣданіе. Масса англійскаго народа волновалась, видя свою вѣру въ опасности. Архіепископъ Іоркскій предостерегалъ короля и объяснялъ ему, что онъ помогаетъ распространенію вѣроученія, которое самъ въ своихъ сочиненіяхъ называлъ идолопоклонничествомъ».

Генріетта-Марія, жена Карла I.

*) Георгъ Веберъ, «Всеобщая исторія», т. 12, пер. Андреева и В. Невѣдомскаго, стр. 86.

Однако, дѣло о женитьбѣ Карла на испанской принцессѣ разстроилось. Наслѣднаго принца ждала другая судьба. Проѣзжая на обратномъ пути изъ Мадрида, онъ остановился тамъ на нѣсколько дней и тутъ-то познакомился на балу съ сестрою Людовика XIV Генріеттою-Маріею. Тотчасъ сопровождавшему его Бокингему пришла въ голову мысль женить его на Генріеттѣ-Маріи. Правда, въ Англіи хотѣли, чтобы принцъ Уэльскій взялъ себѣ въ жены протестантскую принцессу; но Генріетта-Марія, какъ дочь Генриха IV, бывшаго гугенотомъ, не могла вызвать столько протеста, сколько католическая принцесса, и поэтому бракъ былъ рѣшенъ послѣ долгихъ колебаній Якова, усматривавшаго въ отказѣ отъ брака съ дочерью испанскаго короля нарушеніе его королевскихъ прерогативъ. Такимъ-то образомъ сестра Людовика XIV сдѣлалась англійскою королевою. Бракъ былъ заключенъ въ 1625 году. Генріетта-Марія была худощава, плохо сложена, высокаго роста, съ большимъ носомъ и большимъ ртомъ. Характера веселаго, она вездѣ и во всемъ видѣла всегда одну только комическую сторону. Даже впослѣдствіи, когда ее постигло страшное несчастье, ей иногда среди слезъ приходила въ голову какая-нибудь курьезная мысль и Генріетта неожиданно вытирала слезы, лицо ея озарялось свѣтлой улыбкой и она съ увлеченіемъ начинала бесѣдовать съ окружающими. Въ молодости, можетъ быть, она отличалась изнѣженностью, но многочисленныя тревоги и горе, ожидавшія ея послѣ выхода замужъ и въ особенности въ концѣ царствованія Карла I, пріучили ее къ лишеніямъ и закалили ея волю. Въ то время, какъ мужъ велъ словесные турниры съ революціонерами, стараясь сломить ихъ упорство ссылками на свою власть «милостью Божьею», Генріетта-Марія вербовала для него войска, жила на доброй ногѣ съ солдатами, дѣля съ нимъ нужду, проводила дни и ночи подъ открытымъ небомъ въ солнечную или дождливую погоду, употребляя солдатскую пищу и всегда находясь на лошади во главѣ войскъ.

Въ маѣ 1644 года Генріеттѣ-Маріи пришлось бѣжать на островъ Экзетеръ, такъ какъ самъ король находился въ опасности и ей, долженствовавшей съ минуты на минуту сдѣлаться матерью и къ тому же заболѣвшей ревматическою лихорадкою, оставаться съ нимъ вмѣстѣ нельзя было. Ея сестра, Анна Австрійская, регентша Франціи, поспѣшила послать ей свою акушерку г-жу Перонь съ 20.000 пистолей, а также бѣлье для матери и пеленки для будущаго младенца. Въ это время борьба между Карломъ I и парламентомъ достигла высшей степени напряженія. Обѣ стороны вступили въ открытую войну, вербовали войска, давали другъ другу генеральныя сраженія. Когда Генріетта-Марія разрѣшалась отъ бремени, ужасы междоусобной войны не проникли еще въ ея уединенный уголъ; но черезъ нѣсколько дней она оказалась осажденною на своемъ островѣ. Денегъ у нея въ это время не было никакихъ, такъ какъ полученные ею отъ сестры 20.000 пистолей она послала мужу для уплаты войскамъ. Положеніе было безвыходное.

И вотъ Генріетта-Марія предпринимаетъ путешествіе во Францію. Она твердо рѣшилась не попасть въ руки враговъ живою и, написавъ королю, что хочетъ избавить его отъ труда явиться къ ней на помощь, она ввѣрила своего тринадцатидневнаго младенца надежной женщинѣ, сѣла въ носилки и разными окольными путями пробралась черезъ ряды непріятеля. Ея едва не захватили и, чтобы спастись отъ неминуемой

гибели, она должна была спрятаться въ одной хижинѣ. Наконецъ, она на голландскомъ суднѣ. Но и тутъ еще ей угрожала опасность: за нею бросилось въ погоню англійское судно и открыло огонь. Появленіе французскаго флота спасло несчастную женщину, но вдругъ поднялась страшная буря и, разсѣявъ французскій флотъ, выбросила голлэндское судно на скалистый берегъ около Бреста. Королеву спустили на лодкѣ и, доставивъ на берегъ, помѣстили въ простой хижинѣ. Тамъ-то, въ этой грязи и нищетѣ, и нашла королеву британская знать, освѣдомленная о прибытіи дочери Генриха IV. Бѣдная королева была блѣдна, глаза раскраснѣлись отъ слезъ. Деревенскія бабы толпились около нея, дивясь на удивительную женщину, которая покинула тронъ, славу и почести, чтобы очутиться въ ихъ жалкой юдоли плача и стенанія.

Конечно, Генріетту-Марію тотчасъ взяли изъ мрачной трущобы и отправили на воды для возстановленія здоровья. Нѣсколько мѣсяцевъ провела она въ курортѣ и въ это время очень тревожилась за свой умъ. Однажды она сказала врачу, что боится, какъ бы не сойти съ ума, и докторъ ей отвѣтилъ: «Вамъ уже нечего бояться, вы уже сошли съ ума». Конечно, докторъ преувеличивалъ; но несомнѣнно, что съ королевою уже творилось нѣчто неладное. Она сердилась изъ-за пустяковъ, вмѣшивалась не въ свои дѣла. Тѣмъ не менѣе, ее рѣшили перевезти въ Парижъ и помѣстить въ Луврѣ. Въ началѣ ноября 1644 г. королева пустилась въ путь и, едва выѣхала изъ Монружа, какъ встрѣтилась съ маленькимъ Людовикомъ XIV, выѣхавшимъ къ ней навстрѣчу для привѣтствія.

Какая разница была между братомъ и сестрою! Людовикъ ѣхалъ въ сопровожденіи блестящей свиты, члены которой имѣли на себѣ блестящіе мундиры, позументы, шпаги и сидѣли на великолѣпныхъ лошадяхъ, столь же богато одѣтыхъ въ богатые уборы, какъ и ихъ сѣдоки. Наоборотъ, англійская королева прибыла въ сопровожденіи маленькой свиты безъ золота, блеска, шума. Лакеи быстро растянули на землѣ ковры и царственныя особы, выйдя изъ экипажей, облобызались и начали обмѣниваться привѣтствіями. Походивъ нѣкоторое время по коврамъ взадъ и впередъ, Людовикъ и Генріетта-Марія сѣли въ экипажъ и поѣхали. Блестящая кавалькада сопровождала ихъ до самаго Лувра, гдѣ еще въ тотъ же день несчастная англійская королева узнала, что французскій король назначилъ ей пенсію по 1.200 франковъ въ день—сумма большая по тому времени.

Генріетта-Марія ожила. Ее окружили вниманіемъ и почестями. Къ ней была приставлена многочисленная свита изъ почетныхъ дамъ и кавалеровъ. Въ ея распоряженіе были предоставлены роскошные экипажи, тѣлохранители, лакеи, бѣгавшіе впереди кареты королевы, чтобы очистить ей дорогу на улицахъ. У нея кружилась голова отъ восторга и она писала мужу, который продолжалъ бороться съ парламентомъ и инсургентскими войсками, предводительствуемыми могущественнымъ Оливеромъ Кромвелемъ: «Изъявленія любви, которыя я здѣсь встрѣтила, превосходятъ все, что можно себѣ представить».

Генріетта-Марія была счастлива. Она забыла о мужѣ, который влачилъ тяжелое существованіе и медленными, но вѣрными шагами приближался къ эшафоту; забыла о ребенкѣ, который гдѣ-то прозябалъ въ

чужихъ рукахъ. Ей такъ былъ пріятенъ покой послѣ столь продолжительнаго горя, которое она испытала. Она жила точно во снѣ.

Къ несчастію, этотъ сонъ продолжался недолго. Началось съ пустяковъ. Какъ-то однажды зашелъ къ Генріеттѣ-Маріи ея братъ, Гастонъ Орлеанскій. Онъ нашелъ ее у камина въ креслѣ и, видя около нея одни только стулья и скамьи, потребовалъ кресла. Въ то время вопросъ о томъ, на чемъ сидѣть при посѣщеніи царственной особы, имѣлъ огромное значеніе при французскомъ дворѣ. Тогда отличались стулья съ ручками отъ стульевъ безъ ручекъ, кресла съ ножками, выступавшими впередъ, отъ креселъ, ножки которыхъ были отогнуты назадъ, и т. д. Это было нѣчто вродѣ мѣстничества, причемъ сидѣніе ближе или дальше отъ царственной особы замѣнялось сидѣніемъ на томъ или другомъ стулѣ, форма котораго соотвѣтствовала чину или рангу. Генріетта-Марія усмотрѣла въ требованіи брата оскорбленіе, которое, какъ ей казалось, онъ рѣшился нанести ей только потому, что она находилась въ такомъ положеніи, и она сказала:

— Вы имъ не пользуетесь у королевы.

Гастонъ Орлеанскій колко отвѣтилъ:

— Королева—моя государыня, а вы—не моя королева.

Произошелъ рѣзкій обмѣнъ словъ, во время котораго Гастонъ далъ сестрѣ понять, что она уже не можетъ отстаивать свои права въ области этикета. Это очень озлобило королеву, которая съ тѣхъ поръ стала замѣчать охлажденіе окружающихъ. Затѣмъ произошелъ еще одинъ инцидентъ. Дочь Гастона первое время относилась къ ней предупредительно. Къ несчастью, англійская королева, зная, что она очень богата, рѣшила выдать ее за своего сына, которому было въ то время только 14 лѣтъ. Дочь Гастона, которая была старше его на три года и къ тому же презирала въ душѣ жалкую англійскую королеву-приживалку безъ мужа, безъ государства, безъ средствъ, конечно, отказала. Тогда Генріетта-Марія разсердилась и между нею и принцессою часто происходили колкіе разговоры.

Принцесса отвѣчала колкостями и ея сторону взялъ отецъ. Генріеттѣ-Маріи вскорѣ передали, что Гастонъ употребилъ такую фразу: «У насъ немало хлопотъ съ этими особами, которыя являются къ намъ и ѣдятъ нашъ хлѣбъ. Что бы имъ отправиться куда-нибудь въ другое мѣсто!». Бѣдная женщина не могла перенести этого оскорбленія. Значитъ, съ нею обращались, какъ съ бѣдною родственницею! Значитъ, ее держали по милости! Она негодовала, но это была правда. Генріетта-Марія была дѣйствительно бѣдная родственница Людовика XIV, которую онъ и регентша кормили, поили и окружали почетомъ только по чувству долга. 1.200 франковъ, назначенные ей въ день пріѣзда, оказались мертвою цифрою, такъ какъ финансовое положеніе страны было очень запутанное и самъ король нуждался часто въ деньгахъ. Кромѣ того, тѣ деньги, которыя поступали къ ней, она посылала мужу въ Лондонъ или раздавала изгнаннымъ или разорившимся англичанамъ, обращавшимся къ ней за помощью. Она начала продавать свои драгоцѣнности, которыя успѣла захватить передъ бѣгствомъ изъ Лондона. Не прошло и четырехъ лѣтъ послѣ ея пріѣзда въ Парижъ, какъ она разсказывала двумъ француженкамъ, что позолоченная чашка, находящаяся у нея въ рукахъ, единственная оставшаяся у нея вещь.

Всѣ прочія драгоцѣнности были проданы. Затѣмъ, когда уже нечего было продавать, она стала дѣлать долги. Въ Лувръ то-и-дѣло начали являться кредиторы съ просроченными векселями. Генріетта-Марія не могла показаться на улицѣ безъ того, чтобы не выслушать оскорбленія отъ кого-либо изъ многочисленной арміи ростовщиковъ, у которыхъ она взяла деньги. Однажды у нея не хватило даже, чѣмъ уплатить лакеямъ. Поэтому большая часть ихъ отказалась отъ службы. Въ душѣ, можетъ быть, королева была рада, такъ какъ это уменьшило расходы; но какъ было жить въ Луврѣ, изъ котораго не выметался соръ? Бывали дни, когда нечѣмъ было протопить комнатъ, въ которыхъ жила англійская королева. Когда объ этомъ сообщили англійскому парламенту, онъ сжалился надъ нею и послалъ ей 20.000 ливровъ. Въ Луврѣ, однако, этихъ денегъ не приняли изъ опасенія, какъ бы не оскорбилась королева. А черезъ нѣсколько недѣль въ Парижѣ узнали, что королю Карлу I сняли голову...

Трагическая смерть мужа еще болѣе ухудшила ея положеніе. Нужно было заказать себѣ траурное платье, обить комнаты черной тканью,— все это требовало денегъ, а денегъ не было. Между тѣмъ, кредиторы становились все болѣе и болѣе навязчивыми и однажды устроили ей сцену, отъ которой она не скоро оправилась. Французскій дворъ былъ въ Сенъ-Жерменѣ и Анна Австрійская пригласила туда Генріетту-Марію. Бывшая англійская королева сѣла въ экипажъ вмѣстѣ съ дѣвочкою, родившеюся на Экзетерѣ (она была ей доставлена послѣ немалыхъ хлопотъ и трудовъ). Ея сынъ, принцъ Уэльскій, котораго въ это время величали Карломъ II, сопровождалъ ихъ верхомъ на лошади. Не успѣли они выѣхать изъ Лувра, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, цѣлая армія кредиторовъ. Началась погоня за экипажемъ королевы. Крики, проклятія, угрозы,—все это неслось вслѣдъ за удалявшеюся королевою. Съ большимъ трудомъ добралась несчастная до Сенъ-Жермена.

Не мало еще времени прошло, прежде чѣмъ удалось посадить на англійскій престолъ сына Генріетты-Маріи подъ именемъ Карла II. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она выдала свою дочь за брата Людовика XIV. Только теперь страданіямъ ея наступилъ конецъ и она начала вести тихую, скромную, почти уединенную жизнь, дѣля ее между частнымъ отелемъ въ Парижѣ, монастыремъ въ Шальо и дачею въ Коломбѣ. На этой именно дачѣ она и умерла въ 1669 году, отравившись, какъ говорятъ, какимъ-то лекарствомъ.

Фридрихъ Великій.

Фридрихъ Великій былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ серьезенъ и, наконецъ, слишкомъ всегда занятъ для того, чтобы заниматься любовными исторіями. До сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно вопросъ, испыталъ ли когда-нибудь великій прусскій король истинную страсть. Его спокойная и все анализирующая натура была вообще чужда всякой страсти, если не считать тщеславія, которое, впрочемъ, онъ также умѣлъ скрывать въ глубинѣ души. Итакъ, любилъ ли когда-либо Фридрихъ?

Еще съ дѣтскихъ лѣтъ король чувствовалъ склонность ко всему прекрасному. Поэзію и музыку онъ до того любилъ въ дѣтствѣ, что даже самъ сочинялъ стихи и музыкальныя вещицы. Подъ вліяніемъ умной воспитательницы, г-жи Руколь, гугенотки, которой удалось спастись отъ преслѣдованій, въ немъ еще въ нѣжномъ возрастѣ зародилось же-

ланіе познать свѣтлые источники человѣческихъ радостей въ области идейной жизни. Правда, суровый отецъ вліялъ отрицательно въ этомъ отношеніи; но вліяніе это парализовывалось мудрыми совѣтами высокообразованной воспитательницы и отъ него остались въ видѣ результата только твердая воля и недюжинный умъ. Во всякомъ случаѣ о любви въ этомъ возрастѣ говорить нельзя. Только слѣдующіе годы могли выработать въ его душѣ извѣстныя чувства. Однако, и этого не было. Когда Фридрихъ, выйдя изъ дѣтскаго возраста, переѣхалъ въ Дрезденъ, чтобы занять опредѣленное мѣсто при дворѣ, тяготѣвшемъ къ роскоши и великолѣпію, любовь предстала передъ его невинными глазами въ видѣ порока. Ему было 16 лѣтъ, когда, по выраженію баронессы Гогенгаузенъ*), онъ увидѣлъ въ первый разъ женщинъ, обнаженныхъ отъ всякой идеалистичности. Тогда же и родилось въ немъ отрицательное чувство къ женщинамъ. Онъ началъ даже питать къ нимъ физическое отвращеніе и не скрывалъ своего чувства, какъ это свидѣтельствуютъ его отношенія къ красавицѣ Орзельскѣ, дочери короля Августа, захотѣвшей сыграть по отношеніи къ нему роль соблазнительницы.

Съ годами, конечно, чувство это ослабѣло. Зрѣлый возрастъ сталъ предъявлять и зрѣлыя требованія. Однажды, услыхавъ въ одной изъ потсдамскихъ церквей пѣніе Доры Риттеръ, онъ до того увлекся ею, что послалъ къ ней своего адъютанта съ подаркомъ. Послѣ этого его нѣсколько разъ встрѣчали по вечерамъ на прогулкѣ съ хорошенькою пѣвицею, однако, въ присутствіи того же адъютанта. Изъ этого заключали, что между Фридрихомъ и пѣвицею существуетъ любовная связь. Съ другой стороны, суровое отношеніе Карла-Фридриха-Вильгельма I къ Дорѣ Риттеръ также было истолковано, какъ доказательство этой связи. Очень вѣроятно, что Дора Риттеръ приняла участіе въ попыткѣ кронпринца бѣжать въ Англію—попыткѣ, которая, какъ извѣстно, едва не стоила ему жизни. Впрочемъ, каковы бы ни были отношенія Фридриха къ этой дѣвушкѣ, придавать ей особенно большого значенія нельзя, такъ какъ Фридриху было въ то время только восемнадцать лѣтъ. Чего не сдѣлаетъ юноша въ этомъ возрастѣ!

Черезъ два года, во время своего пребыванія въ тюремномъ заключеніи въ Кюстринѣ, онъ познакомился съ г-жею Врейхъ, женщиною очень симпатичною, но совершенно неравною ему по возрасту; въ то время, когда ему было всего двадцать лѣтъ, она уже была матерью семейства. Къ ея хорошенькой внучкѣ, графинѣ Софьѣ Шверинской, Фридрихъ питалъ нѣжныя чувства даже въ преклонномъ возрастѣ.

Жизнь Фридриха была въ это время тяжелая. Грозная ферула неумолимаго отца висѣла надъ нимъ неотступно. Онъ мужественно перенесъ тюремное заключеніе, но и по выходѣ оттуда его ждало тяжкое горе: отецъ заставилъ его жениться на нелюбимой дѣвушкѣ, принцессѣ Елизаветѣ-Христинѣ Брауншвейгъ-Бевернской. Принцесса была молода и обладала тихимъ характеромъ, но она не могла приковать къ себѣ этими качествами закаленнаго безпрерывными испытаніями и бурнаго характеромъ кронпринца. Обладай она кокетствомъ, живымъ темпераментомъ, остроуміемъ,—Фридрихъ несомнѣнно увлекся бы ею; но ничего этого у нея не оказалось. Вотъ почему письма, которыя писалъ тогда

*) Elise von-Hohenhausen. «Berühmte Liebespaare». Leipsig 1895, s. 1-23.

наслѣдный принцъ своимъ друзьямъ, заключали въ себѣ столько грубыхъ, сухихъ и жестокихъ выраженій. Напрасно было бы искать въ нихъ хотя бы слѣдъ яснаго ума, который сквозилъ во всемъ, что дѣлалъ и говорилъ Фридрихъ. Но это объясняется слишкомъ озлобленнымъ чувствомъ. Фридрихъ негодовалъ и былъ неразборчивъ въ словахъ.

Какъ, однако, не любилъ Фридрихъ невѣсты, но, сдѣлавшись ея мужемъ, началъ относиться къ ней съ большимъ вниманіемъ и нѣжностью. Елизавета-Христина могла даже считать себя въ первое время счастливой. Къ тому же она явилась ангеломъ-примирителемъ между отцомъ и сыномъ и надъ бурной семейной жизнью тогдашняго прусскаго королевскаго дома взошло какъ будто солнце съ его свѣтомъ и живительной теплотой. Семь счастливыхъ лѣтъ провела она вмѣстѣ съ мужемъ. Фридрихъ старался угодить отцу и сдѣлаться столько же хорошимъ начальникомъ полка, сколько прекраснымъ мужемъ и домохозяиномъ. Въ своихъ письмахъ къ женѣ онъ всегда называетъ ее простыми, но нѣжными словами.

Вольтеръ былъ идоломъ Фридриха, который въ то время грезилъ всѣмъ французскимъ. Проводя время между военнымъ искусствомъ и поэзіею, онъ выбралъ себѣ кумирами двухъ представителей этихъ областей: Вольтера и великаго Кондэ. Успѣхи его, однако, были различны въ той и другой области. Въ то время, какъ военное дѣло давалось ему легко, муза заставляла за собою гнаться, какъ за неприступною красавицею. Онъ самъ это сознавалъ и, сжигая свои стихотворные опыты, говаривалъ:

— То, что даетъ мнѣ Аполлонъ, я обыкновенно приношу въ жертву Вулкану.

Наконецъ, въ маѣ 1740 года Фридрихъ освободился отъ отцовской опеки. Суровый гонитель всякихъ вольностей еще передъ смертью видѣлъ, что оставляетъ на престолѣ надежнаго человѣка, и спокойно ушелъ въ вѣчность. И дѣйствительно, уже въ слѣдующемъ году Фридрихъ своимъ знаменитымъ походомъ въ Силезію показалъ, что отецъ довѣрялъ ему не безъ основанія. Онъ началъ носиться съ грандіозными завоевательными планами, въ то же время заботясь о поднятіи уровня образованности и интеллигентности въ странѣ. Поглощенный правительственными дѣлами, онъ строилъ университеты, возводилъ театры. Особенно много вниманія удѣлилъ онъ оперному театру, а когда театръ былъ готовъ (въ 1743 году) и на немъ начались представленія, сталъ принимать дѣятельное участіе за его кулисами. Его интересовали всѣ подробности, онъ вмѣшивался въ споры артистовъ и даже самъ писалъ анонимныя театральныя рецензіи для берлинскихъ газетъ, которыхъ въ то время было только двѣ.

При такихъ условіяхъ, конечно, ему часто приходилось сталкиваться съ актрисами. Однако, только одна изъ нихъ имѣла счастье настолько понравиться мизогамическому королю, что она сдѣлалась его фавориткою. Это была танцовщица Барбарина Кампанини изъ Венеціи. Доставить ее въ Берлинъ стоило Фридриху неимовѣрно много труда и онъ могъ смотрѣть на себя, какъ на настоящаго побѣдителя, когда обворожительная итальянка появилась, наконецъ, на подмосткахъ его придворнаго театра И немудрено: Барбарина считалась самою талантливою и самой знаменитою балериною того времени. Въ Лондонѣ она

имѣла такой же успѣхъ, какъ и въ Италіи, и добиться того, чтобы она пріѣхала въ Берлинъ и тамъ осталась, было истиннымъ подвигомъ. Но Фридрихъ приказалъ прусскому министру-резиденту въ Венеціи, графу Катанео, во что бы то ни стало завоевать Барбарину для берлинской сцены, и министръ-резидентъ пустилъ въ ходъ всѣ свои дипломатическія способности и въ концѣ концовъ заставилъ ее исполнить желаніе короля.

Былъ подписанъ контрактъ, условія котораго были до того выгодны, что подъ нимъ подписалась бы даже любая изъ современныхъ звѣздъ хореографическаго искусства. Кампанини выговорила себѣ 7.000 талеровъ жалованья въ годъ и отпускъ на 5 мѣсяцевъ. Когда контрактъ былъ подписанъ, его отправили въ Берлинъ для санкціи Фридриху. Такъ какъ, однако, почта въ то время была не то, что нынѣ, то за время, которое контрактъ былъ въ дорогѣ, хорошенькая балерина успѣла завязать любовную интрижку съ лордомъ Стюартомъ Мэкензи и такъ какъ связь эта обѣщала ей въ будущемъ болѣе широкія перспективы, то она отказалась ѣхать въ Берлинъ и не перемѣнила своего рѣшенія даже послѣ того, какъ контрактъ, уже скрѣпленный прусскимъ королемъ, былъ ей возвращенъ обратно. Въ оправданіе свое она ссылалась на то, что тайно повѣнчалась съ англійскимъ лордомъ и хочетъ поѣхать къ нему на родину, чтобы жить тамъ въ качествѣ лэди. Во всякомъ случаѣ о поѣздкѣ ея въ Берлинъ уже нечего было и думать.

Планъ, повидимому, разстроился. Однако, не таковъ былъ Фридрихъ, чтобы примириться и успокоиться при первой же встрѣчѣ съ препятствіями. Наоборотъ, упорство Барбарины еще болѣе разожгло въ немъ желаніе непремѣнно добиться цѣли. Онъ пригрозилъ даже республикѣ Венеціи своимъ королевскимъ гнѣвомъ и его возможными послѣдствіями, если она ему не поможетъ добыть Барбарину. Республиканскій сенатъ на первыхъ порахъ нашелъ ниже своего достоинства вмѣшательство въ дѣло какой-то танцовщицы, но потомъ отложилъ въ сторону свою щепетильность и взялся устроить дѣло—выдать балерину прусскому посланнику. Фридрихъ тотчасъ послалъ своему представителю въ Вѣнѣ графу Донѣ отмѣченный 4 апрѣля 1743 года кабинетный приказъ, въ которомъ ему предписывалось уладить дѣло вмѣстѣ съ графомъ Катанео въ Венеціи. Подъ этимъ приказомъ Фридрихъ собственноручно подписалъ: «Графъ Дона долженъ принять надлежащія мѣры, чтобы непремѣнно доставить эту тварь на мѣсто».

И вотъ началось странное и оригинальное въ лѣтописяхъ театра событіе: балерину, не желавшую ѣхать въ Берлинъ, увозили туда насильно. Правда, графъ Дона послалъ своего помощника, нѣкоего Мейера, въ Венецію съ инструкціею всячески льстить Барбаринѣ и привести ее въ хорошее состояніе духа, а также увѣрить ее, что она ѣдетъ въ большой городъ, къ большому двору и будетъ находиться на службѣ у милостиваго короля, у котораго найдетъ все необходимое для того, чтобы быть вполнѣ довольною; однако, экипажъ, въ которомъ ѣхала или, вѣрнѣе, въ которомъ везли Барбарину, сопровождался кавалерійскимъ конвоемъ, дѣлавшимъ невозможными всякія попытки къ освобожденію. Возлюбленный балерины лордъ Стюартъ и одинъ изъ ея поклонниковъ, графъ Каленбергъ, напрасно пускались на хитрости и даже употребляли силу, чтобы освободить Барбарину. Они ѣхали вслѣдъ за

нею въ переодѣтомъ видѣ, подкупали хозяевъ гостинницъ, въ которыхъ останавливались тѣлохранители танцовщицы, посылали ей тайно записочки. Это былъ настоящій романъ со всѣми перипетіями и, конечно, подробности его сдѣлались вскорѣ извѣстны всему міру. Жоржъ Зандъ воспользовалась даже ими для романа «Графиня Рудольштадтъ», причемъ балерину превратила въ пѣвицу, а Фридриха выставила въ жалкомъ видѣ, наградивъ его къ тому же чисто деспотическими наклонностями. Словомъ, событіе надѣлало шума на всю Европу.

Такъ тянулось дѣло долго. Отъ любви и горя Барбарина заболѣла въ дорогѣ. Съ другой стороны, и лордъ Стюартъ неотступно слѣдовалъ за нею, не теряя надежды вырвать ее изъ рукъ тюремщиковъ. Проѣздомъ черезъ Вѣну онъ не преминулъ заѣхать къ графу Донѣ, чтобы умолять его о вмѣшательствѣ. Прусскому посланнику очень понравился молодой лордъ, который, повидимому, дѣйствительно былъ прекраснымъ и благороднымъ человѣкомъ. Лордъ увѣрялъ его, что хочетъ жениться на Барбаринѣ, что такіе браки бываютъ въ Англіи, что родственники его охотно дадутъ согласіе на этотъ бракъ, что онъ ручается за добродѣтель своей возлюбленной и готовъ дать 100.000 талеровъ, если ему будетъ разрѣшено лично сопровождать до Берлина, гдѣ онъ намѣренъ броситься къ ногамъ Фридриха и просить, чтобы король рѣшилъ его участь. Кромѣ того лордъ Стюартъ послалъ королю въ Берлинъ трогательное письмо, въ которомъ умолялъ о снисхожденіи. Ничего не помогало. Фридрихъ собственноручно написалъ на этомъ письмѣ: «геропаtur». Сколько ни просили влюбленные, какъ ни старались они подѣйствовать на его затвердѣвшее подъ суровымъ гнетомъ условій сердце, король отвѣчалъ однимъ требованіемъ, чтобы Барбарина танцовала 13 мая 1744 года въ промежуткѣ между двумя актами какой-то французской комедіи. И это несмотря на то, что Барбарина пріѣхала всего за пять дней до этого спектакля, пріѣхала утомленная, разбитая, изнемогающая. Это была жестокость со стороны короля, но вѣдь онъ на самомъ дѣлѣ былъ жестокъ, хотя баронесса Гогенгаузенъ старается извинить его, доказывая, что онъ дѣйствовалъ нѣкоторымъ образомъ съ согласія матери Барбарины, которая была согласна на все, лишь бы оторвать дочь отъ ея возлюбленнаго лорда Стюарта.

Король одержалъ полную побѣду и въ назначенное время Барбарина появилась на сценѣ. Успѣхъ былъ колоссальный. Ея грація, молодость, красота ослѣпили всѣхъ и въ особенности короля, который тутъ же съ такимъ усердіемъ сталъ высказывать ей свой восторгъ, что всѣ ахнули отъ удивленія. Ясно было, что на горизонтѣ придворной жизни всходитъ яркая звѣзда, что начинается царство фаворитки, тѣмъ болѣе, что съ женою въ это время Фридрихъ уже не ладилъ. И близкое будущее какъ будто подтвердило эти догадки. Барбарину часто видѣли въ присутствіи короля. Онъ даже требовалъ, чтобы она непремѣнно была въ числѣ приглашенныхъ, если ему приходилось обѣдать у какого-нибудь генерала. Говорили даже, что она сопровождала его во время его поѣздки на воды въ Пирмонтъ. Наконецъ, самымъ знаменательнымъ было то, что Барбарина, столь страстно еще недавно влюбленная въ лорда Стюарта, повернулась къ нему неожиданно спиною и даже забыла о его существованіи. Два мѣсяца еще послѣ пріѣзда Барбарины оставался молодой лордъ въ Берлинѣ, бомбардируя ее письмами,

въ которыхъ умолялъ вернуться къ нему, но ни на одно изъ нихъ не получилъ отвѣта и въ одинъ прекрасный день узналъ, что король приказалъ его выслать изъ Берлина. Это былъ послѣдній ударъ.

Передъ нами, такимъ образомъ, одинъ изъ любопытнѣйшихъ романовъ, столь же характерный для личности прусскаго короля, сколько для психологіи женскаго непостоянства. И этотъ король, насильно привозящій къ себѣ артистку, чтобы сдѣлать ее любовницею, и эта дѣвушка, пламенно влюбленная въ другого, но забывающая о немъ тотчасъ при видѣ блеска и роскоши придворной жизни,—оба они характерны и типичны и сами говорятъ за себя. Несомнѣнно, гораздо симпатичнѣе ихъ лордъ Стюартъ, котораго на родинѣ встрѣтила бы съ раскрытыми объятіями любая изъ лучшихъ представительницъ высшаго свѣта, но который пренебрегъ знатностью, богатствомъ и связями, чтобы отдаться влеченію сердца. Симпатичная физіономія его ярко выступаетъ изъ писемъ, которыя онъ посылалъ Барбаринѣ во время пребыванія въ прусской столицѣ, но которыхъ она не получила, потому что полиція зорко слѣдила за нимъ и задерживала его пламенныя посланія.

Эти письма дышали страстью, и изъ нихъ Фридрихъ могъ видѣть, какъ оберегалъ молодой лордъ нравственность своей возлюбленной. Вотъ что онъ писалъ между прочимъ: «Умоляю тебя, остерегайся! Поставь себѣ въ твердое правило никогда не обѣдать съ кѣмъ-либо внѣ дома, кто бы онъ ни былъ, и никогда не оставаться съ мужчиною наединѣ хотя бы одну минуту. Никогда не сближайся слишкомъ съ кѣмъ-либо и не позволяй, чтобы кто-нибудь сближался съ тобою. Ни-коимъ образомъ не принимай никого, когда ты находишься въ постели. Ты этого раньше никогда не дѣлала и, конечно, не будешь этого дѣлать и теперь изъ любви ко мнѣ. Прошу тебя объ этомъ. Не встрѣчайся слишкомъ часто съ однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, дабы о тебѣ не стали распространять сплетенъ, потому что сплетня, хотя и ложная, всегда тебѣ повредитъ, въ особенности теперь, когда люди стараются преувеличить все, что ты дѣлаешь. Сегодня же вечеромъ мнѣ нужно сѣсть на судно, которое увезетъ меня на разстояніе ста миль отъ тебя. Вспоминай обо мнѣ, когда услышишь вой вѣтра, и помни, что онъ, быть можетъ, несетъ тебѣ мое послѣднее благословеніе».

Бѣдный лордъ! Очаровательная Барбарина никогда не читала его добрыхъ совѣтовъ, потому что письма влюбленнаго англичанина до сихъ поръ лежатъ еще въ архивѣ прусскаго королевскаго дома. Какъ, вѣроятно, улыбался Фридрихъ при чтеніи этихъ писемъ, онъ, который, несомнѣнно, часто бывалъ наединѣ съ Барбариною.

Недолго, однако, продолжались близкія отношенія между Фридрихомъ и Барбариною. У короля-строителя, короля-философа, короля-поэта, короля-воина было слишкомъ много заботъ и слишкомъ мало досуга. Уже въ 1758 году Фридрихъ началъ трезво отзываться о балеринѣ, привезенной имъ изъ Рима, и даже заставилъ ее самое уплачивать свои долги. Наконецъ, она поѣхала въ Лондонъ, гдѣ, вѣроятно, ждалъ ее бывшій возлюбленный, и король спокойно отнесся къ ея поѣздкѣ. Встрѣтилась ли она тамъ съ лордомъ Стюартомъ—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, если и встрѣтилась, то встрѣча уже не могла кончиться ничѣмъ хорошимъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она вернулась въ Берлинъ, гдѣ втайнѣ обвѣнчалась съ сыномъ великаго канцлера Кочеи.

Семья молодого человѣка была внѣ себя отъ этого мезальянса. Все было пущено въ ходъ, чтобы объявить бракъ недѣйствительнымъ. Даже къ королю была обращена настойчивая просьба вмѣшаться въ дѣло и выслать «особу». Король внялъ просьбѣ.

Въ жизни Барбарины началась новая полоса. Король, бывшій раньше ея первымъ поклонникомъ, теперь выступилъ противъ нея и въ письмахъ къ графу Гааке началъ называть ее «соблазнительницею-тварью», внушившею безумную любовь молодому Кочеи. При этомъ онъ заявилъ, что никогда не позволитъ причинить позоръ и досаду столь почтенной семьѣ, допустивъ бракъ ея сына съ какой-нибудь танцовщицею! Немедленно былъ выпущенъ cachet volant—приказъ объ арестѣ, подобный французскимъ lettres de cachet, и молодой Кочеи очутился, по просьбѣ его отца, въ замкѣ Альтландсбергъ подъ военною охраною, чтобы тамъ наединѣ съ самимъ собою обдумать свой поступокъ и отказаться отъ Барбарины. Въ это-то время Барбарина рѣшила обратиться къ королю за покровительствомъ. Она написала ему письмо, въ которомъ указывала на то, что бракъ ея съ Кочеи уже освященъ предстоящимъ рожденіемъ «прусскаго подданнаго» и что она, купивъ себѣ домъ въ Берлинѣ, чтобы основать тамъ свое семейное счастіе, имѣетъ право на его милость въ качествѣ гражданки его резиденціи.

Письмо подѣйствовало, и всѣ насильственныя мѣры были взяты назадъ. Король даже нѣсколько разъ пытался примирить отца Кочеи съ Барбариною, но успѣха не имѣлъ. Сынъ по настоятельному требованію отца былъ даже переведенъ въ Глогау, чтобы, по крайней мѣрѣ, они больше не могли видѣться.

Такъ кончилась пора бродячей жизни итальянской балерины. Началась счастливая пора. Барбарина поселилась съ мужемъ въ Силезіи. Бракъ былъ очень счастливый. Когда мужъ умеръ, она основала институтъ для благородныхъ дѣвицъ. Преемникъ Фридриха Великаго, въ виду ея заслугъ по провинціи Силезіи, пожаловалъ ей титулъ графини Кампанини и въ этомъ званіи она пользовалась большимъ уваженіемъ дворянства до самой смерти, послѣдовавшей 7 іюня 1799 года.

Остается сказать два слова о внѣшности итальянской балерины. Въ комнатахъ Фридриха Великаго въ Потсдамѣ есть ея портретъ во весь ростъ; такіе же портреты ея имѣются и въ королевскомъ дворцѣ въ Берлинѣ. По нимъ трудно понять, почему современники считали Барбарину рѣдкою красавицею; но это уже вина художника. У балерины крупныя черты лица. Она въ пестромъ кринолинѣ, спускающемся до колѣнъ. Руки не обнажены, а утопаютъ въ кружевныхъ манжетахъ. На бедрахъ виситъ красивая кожа пантеры. Современники были настолько наивны, что въ этомъ костюмѣ видѣли въ ней вакханку, несмотря на кринолинъ и парикъ. Во всякомъ случаѣ отъ нея вѣетъ силою, здоровьемъ, немалой дозой ума и интеллигентности. Чтобы понравиться Фридриху Великому, нужно было имѣть нѣчто большее, чѣмъ одно красивое тѣло. Король-философъ цѣнилъ въ женщинѣ столько же красоту, сколько богатство и разнообразіе умственныхъ интересовъ. Недаромъ она одержала надъ нимъ двѣ побѣды: одну—когда онъ ее увидѣлъ въ первый разъ, а другую—когда опасность грозила ея браку съ Кочеи.

Конецъ.

2007332477